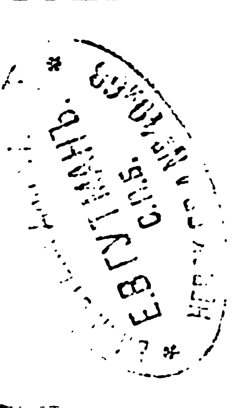

VE RI
TAS

РУССКАЯ

МЫСЛЬ.

ГОДЪ ВТОРОЙ.

ІЮЛЬ.

МОСКВА.
1881.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Золото
о толоВ
Топот
Кабакъ
кабак

~~~~~~~~~~
~~~~~~~~~~

РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЖУРНАЛЪ

НАУЧНЫЙ, ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ.

ГОДЪ ВТОРОЙ.

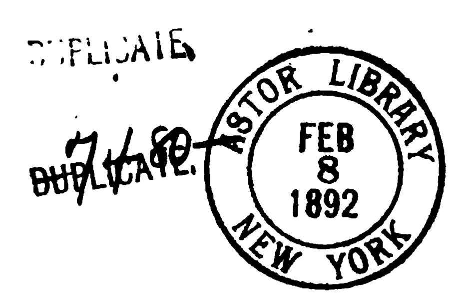
КНИГА VII.

МОСКВА.

1881.

Редакція и контора журнала: Долгоруковская улица, въ домѣ Дреземейеръ;
Отдѣленіе конторы: Петровскія торговыя линіи, кварт. № 16.

Типо-литогр. И. Н. Кушнерева и К°, Пименовская ул., д. Кушнеревой.

Редакція журнала «Русская Мысль» имѣетъ честь предупредить господъ подписчиковъ пользующихся разсрочкой, что тѣмъ изъ нихъ, которые до выхода слѣдующей (августовской) книги не уплатятъ всего съ нихъ слѣдуемаго, высылка журнала будетъ пріостановлена.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ОПЕЧАТКИ ВЪ КН. VI.

Въ статьѣ «Бальзакъ»:

Стран.	*Стр.*	*Напечатано.*	*Должно быть.*
89	эпигр.	l'orbre	l'arbre

Въ «Замѣткѣ по польскому вопросу».

Стран.	*Стр.*	*Напечатано.*	*Должно быть.*
31	4 снизу	въ энергію	въ энергіи
32	1 сверху	что возбудившее, и проч.	что выраженіе, возбудившее, и проч.

Экономическіе принципы крестьянской реформы и ихъ возможное развитіе.

Докладъ Л. В. Ходскаго,

читанный въ отдѣленіи политической экономіи и статистики Императорскаго Вольно-Экономическаго Общества *4 апрѣля 1881 г.*

(Посвящается Ш. М. Х.)

Говоритъ Вольга̀ Святославичъ:
«Ай же ты, ратаю-ратаюшко!
Какъ-то тебя именемъ зовутъ,
Какъ величаютъ по отчеству?»
Говорилъ оратай таковы слова:
«Ай же, Вольга̀ Святославичъ!
А я ржи напашу, да во скирды сложу,
Во скирды сложу, домой выволочу,
Домой выволочу, да дома вымолочу,
Драни надеру, да и пива наварю,
Пива наварю, да и мужиковъ напою.
Станутъ мужички меня покликивати:
Молодой Микулушка Селяниновичъ!»
(Пѣсни собранныя Рыбниковымъ, часть I, стран. 22).

Реформа 19 февраля и послѣдующіе законодательные акты, неразрывно связанные съ нею и регулирующіе поземельныя отношенія земледѣльческаго класса въ Россіи, до такой степени глубоко своими послѣдствіями проникаютъ весь современный экономическій строй русской жизни, что для всесторонней оцѣнки этой реформы слишкомъ недостаточны единичныя усилія личности. Нужна большая трата силъ и усилій многихъ, чтобы вполнѣ вѣрно опредѣлить значеніе крестьянской реформы, хотя бы съ одной только экономической стороны, но и юридическая сторона играетъ не маловажную роль и заслуживаетъ не меньшаго вниманія...

Только глубокое убѣжденіе въ необходимости вѣрной постановки земельнаго вопроса у насъ, съ одной стороны, и практи-

ческое значеніе переживаемаго нами момента, съ другой, даютъ мнѣ смѣлость высказать въ настоящее время свой взглядъ на первостепенный вопросъ русской жизни.

Можетъ-быть въ своихъ воззрѣніяхъ я и ошибаюсь, въ такомъ случаѣ желательно точное указаніе на ошибки.

Какъ бы то ни было, въ своихъ заключеніяхъ я старался быть какъ можно объективнѣе. Не интересы того или другаго сословія руководили мною при работѣ, а лишь искреннее стремленіе найти истину и уяснить себѣ тотъ путь, который только и можетъ вести къ величію и могуществу Россіи, какъ единаго цѣлаго, а не агрегата сословныхъ, искуственныхъ группъ.

Освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости встрѣтило въ средѣ прежняго помѣщичьяго сословія гораздо большее сочувствіе, чѣмъ это можно было ожидать по существу самого дѣла. Къ чести русскаго дворянства, лучшіе представители его явились истинными поборниками реформы, вмѣсто того, чтобы стать въ лагерь ярыхъ противниковъ ея, чѣмъ по справедливости могутъ гордиться тѣ изъ представителей современнаго дворянства, которые сохранили эти благородныя традиціи не на однихъ только словахъ. Однако рядомъ съ этимъ не слѣдуетъ упускать изъ виду другое направленіе того же дворянскаго сословія,—направленіе противниковъ реформы по существу, или тѣхъ представителей дворянства, которые въ душѣ главнымъ образомъ руководились принципами эгоизма, хотя наружно иногда и прикрывались благовидными соображеніями государственной пользы. Сюда мы относимъ съ одной стороны упрямыхъ противниковъ освобожденія, какъ нарушенія исконныхъ дворянскихъ правъ и преимуществъ, а съ другой — такихъ лицъ, которыя, такъ сказать, спекулировали реформой. Подъ спекуляціей крестьянскою реформой я разумѣю совокупность пріемовъ, съ помощью которыхъ люди промышленно болѣе смышленые воспользовались промахами или сознательными недостатками «Положенія 19 февраля», чтобы выйти изъ грозившей опасности если и не съ барышами, то, по крайней мѣрѣ, съ возможно-меньшими потерями.

Надо замѣтить, что спекулятивный духъ началъ проникать въ дворянское сословіе еще задолго до 19 февраля 1861 года.

Вотъ что говоритъ, между прочимъ, въ предисловіи къ «Статистикѣ поземельной собственности» г. Семеновъ, стоявшій весьма близко къ лицамъ, которыя трудились надъ разработкой «Положенія» и самъ принимавшій участіе въ трудахъ редакціонныхъ комис-

сій,—слѣдовательно, хорошо знакомый съ положеніемъ дѣлъ, предшествовавшихъ реформѣ: «Въ двадцатилѣтіе, предшествовавшее освобожденію крестьянъ,—говоритъ онъ,—сильно развилась спекуляція покупки владѣльческихъ имѣній, продаваемыхъ съ публичнаго торга за просрочки по залогамъ въ сохранной казнѣ и затѣмъ полной выборкѣ, затраченной на покупку, суммы съ безземельнаго отпуска на волю за высокій выкупъ отдѣльныхъ зажиточныхъ семей. Весьма многіе изъ такихъ скупщиковъ составили себѣ быстро большія состоянія» *).

Весьма вѣроятно, что въ подобнаго рода спекуляціи освобожденіемъ крестьянъ, въ особенности въ ближайшее время передъ реформою, не маловажную роль играло предвидѣніе ея предусмотрительными, дальновидными людьми, и будущему историку дворянскихъ родовъ и ихъ заслугъ передъ Россіей придется, чтобы не заслужить упрека въ пристрастіи, остановиться не безъ горькаго чувства укоризны и на этой сторонѣ дѣяній отдѣльныхъ представителей дворянскаго сословія.

Естественно, что какъ скоро обнаружилась невозможность воспрепятствовать осуществленію реформы, противники ея должны были обратить свое вниманіе на то, чтобы вырвать отъ законодателя, по крайней мѣрѣ, какъ можно болѣе уступокъ въ свою пользу, и это стараніе крѣпостниковъ не могло остаться безъ всякихъ результатовъ, тѣмъ болѣе, что многіе изъ приверженцевъ стараго порядка были люди съ положеніемъ и вѣсомъ.

Въ программу моего доклада не входитъ подробное изложеніе того, какимъ образомъ выработались постепенно отдѣльные §§ «Положенія» подъ вліяніемъ противоположныхъ взглядовъ, тѣмъ болѣе, что это имѣетъ болѣе интересъ историческій, чѣмъ практическій. Для моихъ же цѣлей совершенно достаточно исходною точкою сдѣлать «Положеніе 19 февраля» въ его окончательномъ видѣ, санкціонированномъ законодательною властью. Что касается до исторіи этого законодательнаго акта, то я считаю вполнѣ достаточнымъ констатировать лишь совершенно доказанный въ литературѣ и всѣмъ извѣстный фактъ весьма сильнаго вліянія помѣщиковъ-крѣпостниковъ или тѣхъ «многихъ людей», которые, по собственноручному удостовѣренію покойнаго Государя, главнаго виновника хорошихъ сторонъ реформы и сильнѣйшей опоры лучшихъ стремленій поборниковъ освобожденія крестьянъ, «употребляли всѣ усилія, чтобы помѣшать ему» **).

*) «Стат. позем. собств.», предисловіе, стр. XLVI.

**) *Новое Время*, № 1802, «Рѣчь М. И. С.»

Вслѣдствіе этого, «Положеніе 19 февраля» давало значительный просторъ помѣщикамъ для разнообразныхъ комбинацій, чтобы съ наименьшимъ ущербомъ выйти изъ непріятнаго положенія, въ которое они были поставлены освобожденіемъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости; почему для оцѣнки крестьянской реформы весьма важно не только анализировать самое «Положеніе», но и то, что получилось въ дѣйствительности при проведеніи его въ жизнь.

Крестьянскую реформу обыкновенно связываютъ съ 19 февраля 1861 года, когда послѣдовалъ актъ объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Этотъ законодательный актъ имѣлъ въ виду помѣщичьихъ крестьянъ, но послѣдними далеко не исчерпывалось крестьянское населеніе, которое распадалось на двѣ главныя группы крестьянъ — помѣщичьихъ и государственныхъ; тѣ и другіе въ свою очередь въ разныхъ мѣстностяхъ находились далеко не въ одинаковомъ положеніи. Поэтому крестьянская реформа не могла быть осуществлена единичнымъ для всей Россіи законодательнымъ актомъ,—потребовались не только мѣстныя «Положенія», но и два общихъ: «Общее Положеніе о крестьянахъ вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости» и «Положеніе о бывшихъ государственныхъ крестьянахъ»,—которыя необходимо разсмотрѣть въ тѣсной связи. «Положеніе о бывшихъ государственныхъ крестьянахъ» уже потому можно поставить на ряду съ «Положеніемъ 19 февраля», что, во-первыхъ, государственныхъ крестьянъ, получившихъ надѣлъ, въ 48 губерніяхъ насчитывается 9.194.891 ревизскихъ душъ, т.-е. почти столько же, сколько числилось крестьянъ за помѣщиками по свѣдѣніямъ редакціонныхъ коммиссій (9.795.163),—и, во-вторыхъ, «Положеніе о государственныхъ крестьянахъ» можетъ служить болѣе вѣрнымъ выраженіемъ воззрѣній государственной власти на отношеніе земледѣльца къ обработываемой имъ землѣ.

На основаніи этихъ соображеній, въ послѣдующемъ выясненіи экономическаго значенія крестьянской реформы, я постоянно буду имѣть въ виду оба упомянутые основные акта нашего аграрнаго законодательства.

Только при этомъ возможно уяснить себѣ сущность крестьянской реформы и сдѣлать практически выводы изъ нея. Къ сожалѣнію, у насъ при обсужденіи крестьянской реформы слишкомъ исключительно останавливаются на недостаткахъ «Положенія 19-го февраля» и ихъ послѣдствій, причемъ о государственныхъ крестьянахъ больше говорятъ лишь для сравненія и указанія

лучшаго экономическаго положенія послѣднихъ сравнительно съ первыми, чѣмъ на самой критикѣ «Положенія» о нихъ. Между тѣмъ эта сторона заслуживаетъ серьезнаго обсужденія въ особенности потому, что черезъ 5½ лѣтъ наступаетъ окончаніе срока, установленнаго для теперешняго размѣра оброчной подати, а слѣдов. весьма удобный моментъ для коренныхъ добавленій и измѣненій «Положеній о бывшихъ государственныхъ крестьянахъ».

Обратимся къ разбору главнѣйшихъ основаній крестьянской реформы. По «Положенію о крестьянахъ вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости», помѣщики, сохраняя право собственности на всѣ принадлежащія имъ земли, предоставляютъ, за установленныя повинности, въ постоянное пользованіе крестьянамъ усадебную ихъ осѣдлость и, сверхъ того, для обезпеченія ихъ быта и для выполненія ихъ обязанностей предъ правительствомъ и помѣщикомъ, то количество полевой земли и другихъ угодій, которое опредѣляется на основаніяхъ, указанныхъ въ «Мѣстныхъ Положеніяхъ» (§ 3 «Общ. Пол.»). Относительно усадебной осѣдлости крестьянамъ предоставлено право выкупа (§ 11 «Общ. Пол.»); что же касается до другихъ угодій, то пріобрѣтеніе ихъ въ собственность допускается не иначе, какъ съ согласія помѣщика (§ 3 «Пол. о вык.»). Съ другой стороны, при соблюденіи указанныхъ въ законѣ условій, выкупъ надѣловъ, отведенныхъ въ пользованіе крестьянъ, дѣлается для нихъ обязательнымъ по требованію помѣщика (§ 4). Оставляя право собственнности на землю за помѣщикомъ, законодатель довольно послѣдовательно смотритъ на самую выкупную сдѣлку, какъ на *продажу* земли помѣщикомъ крестьянамъ. По буквальнымъ словамъ «Положенія», на основаніи выкупной сдѣлки «помѣщикъ продаетъ, а крестьяне пріобрѣтаютъ въ собственность отведенный имъ въ постоянное пользованіе усадебный и полевой надѣлъ или опредѣленную часть его» («Пол. о вык.», 122).

Въ силу «Положенія 19 февраля», бывшіе помѣщичьи крестьяне должны были распасться на двѣ группы—крестьянъ *временно-обязанныхъ*, или состоящихъ въ обязательныхъ поземельныхъ отношеніяхъ къ помѣщикамъ (§ 15 «Общ. Пол.»), и *крестьянъ-собственниковъ*, т.-е. тѣхъ, которые пріобрѣли въ собственность поземельныя угодья на основаніяхъ, изложенныхъ въ «Положеніяхъ» (§ 16 «Общ. Пол.»).

Подробности обязательныхъ поземельныхъ отношеній, т.-е. размѣръ надѣловъ и повинностей за нихъ въ пользу помѣщи-

ковъ, опредѣлялись «преимущественно по добровольному между помѣщиками и крестьянами соглашенію» (§ 6 «Общ. Пол.»), въ границахъ однако установленныхъ закономъ, причемъ въ тѣхъ случаяхъ, когда добровольнаго соглашенія между помѣщиками и крестьянами не состоится, надѣлъ крестьянъ землею и отправленіе ими повинностей производятся на точномъ основаніи «Мѣстнаго Положенія (§ 6).

Такимъ образомъ «Положеніе 19 февраля», уничтожая крѣпостную зависимость, устанавливаетъ новый видъ зависимости—обязательныя отношенія, причемъ хотя крестьяне и получаютъ наименованіе *временно*-обязанныхъ, однако сами по себѣ обязательныя отношенія въ законѣ никакимъ срокомъ не ограничиваются, почему и не могутъ быть разсматриваемы какъ временныя. Если въ дѣйствительности, въ большинствѣ случаевъ, они и обратились въ таковыя, то это обусловливалось фактическими причинами, о которыхъ будетъ рѣчь впереди.

Надѣленіе крестьянъ въ пользованіе землею, какъ мы видѣли, по буквальнымъ словамъ «Положенія», имѣло цѣлью обезпеченіе быта крестьянъ и для выполненія ихъ обязанностей предъ правительствомъ и помѣщикомъ (§ 3 «Общ. Пол.»).

Въ русской литературѣ за послѣднее время накопилось уже не мало довольно обстоятельныхъ указаній на то, что въ дѣйствительности указанная выше цѣль не достигается, что одни надѣлы бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ вообще не обезпечиваютъ быта крестьянскаго населенія. Это совершенно вѣрно, и напрасно раздаются немногочисленные голоса, обвиняющіе въ злонамѣренности и тенденціозности подобныхъ указаній.

Доказать достаточность надѣловъ при существующихъ условіяхъ крестьянскаго хозяйства и многомъ другомъ — едва ли удастся кому-либо; столь же трудно доказать и возможность перехода къ лучшимъ условіямъ безъ крупныхъ, обще-государственныхъ мѣръ. Но если намъ кажется безспорною недостаточность надѣловъ въ указанномъ смыслѣ, то не менѣе безспорнымъ представляется и то, что освобожденіе помѣщичьихъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости съ землею и надѣленіе землею государственныхъ крестьянъ положило вмѣстѣ съ тѣмъ прочный фундаментъ освобожденію рабочаго-земледѣльца относительно экономической зависимости отъ предпринимателя-землевладѣльца, т.-е. тому, во имя чего на Западѣ идетъ борьба рабочаго сословія съ

капиталистами, которая даетъ содержанiе такъ-называемому рабочему вопросу.

Говоря это, я не хочу сказать, что въ Россiи рабочаго вопроса не существуетъ и существовать не можетъ, но дѣло въ томъ, что въ общемъ онъ прежде всего выражается у насъ въ своеобразномъ крестьянскомъ вопросѣ, разрѣшенiе котораго положило могущественное начало въ крестьянской реформѣ. Передъ возможными результатами послѣдней ничтожными представляются результаты усилiй всевозможныхъ западноевропейскихъ рабочихъ союзовъ, производительныхъ ассоцiацiй и реформаторскихъ плановъ Бисмарка, хотя бы даже они и прошли безъ всякихъ поправокъ.

Еслибы вся земля, при освобожденiи крестьянъ, была признана *полной* неограниченною собственностью помѣщиковъ, то на мѣсто крѣпостной зависимости явилась бы полнѣйшня экономическая зависимость крестьянскаго населенiя отъ землевладѣльческаго класса, что привело бы къ крайне печальнымъ результатамъ—непоправимому обнищанiю народа и глубокимъ соцiальнымъ потрясенiямъ.

Нельзя поэтому, разбирая дѣло съ широкой точки зрѣнiя безпристрастiя, не признавать того, что законодатель, которому Россiя обязана освобожденiемъ *съ землею* 20 слишкомъ миллiоновъ крѣпостнаго населенiя, заслужилъ полнѣйшее право на благодарную признательность современниковъ и потомства, и, конечно, какой бы строгой критикѣ ни подвергали крестьянскую реформу, какъ бы ни были очевидны нѣкоторые изъ ея недостатковъ,—имя покойнаго Императора Александра II будетъ поставлено въ ряду великихъ именъ, съ которыми связываются воспоминанiя о моментахъ благодѣтельнаго прогресса человѣчества, а прошедшее царствованiе послужитъ рѣзкою гранью для новой эпохи въ исторiи Россiи...

Выше я уже сказалъ, что, ограничивъ право собственности помѣщиковъ на землю крестьянъ, «Положенiе» обусловило подробности обязательныхъ отношенiй добровольнымъ соглашенiемъ, но поставило при этомъ послѣднее въ опредѣленныя границы. Въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ блестящимъ примѣромъ признанiя государствомъ, что добровольное соглашенiе въ экономической области далеко не всегда можетъ считаться свободнымъ, почему является необходимость государственнаго регулятива въ области свободныхъ экономическихъ соглашенiй.

Разбирая взаимныя отношенія между помѣщикомъ и крестьянами, намѣченныя «Положеніемъ», мы находимъ, что помѣщикъ, по своему выбору, могъ: а) сохранить за собою опредѣленный доходъ (оброкъ) изъ крестьянскихъ надѣловъ; б) по соглашенію съ крестьянами продать имъ часть надѣленной земли; в) даже безъ такого согласія продать имъ всю надѣльную землю (121); наконецъ, г) по добровольному соглашенію съ крестьянами подарить имъ не менѣе $^1/_4$ высшаго или указнаго надѣла.

Въ послѣднемъ случаѣ законодательство довольно оригинально употребляетъ слово *даръ*, *дареніе*, оговаривая при этомъ необходимость согласія лица на полученіе *даровaго* надѣла; въ сущности же здѣсь помѣщикъ, уступая $^1/_4$ надѣла безъ всякихъ дальнѣйшихъ за него платежей, тѣмъ самымъ выкупаетъ право вѣчнаго, за опредѣленныя правительствомъ повинности, пользованія остальными $^3/_4$ надѣла. Въ параллель праву, установленному «Положеніемъ» для помѣщика, крестьяне съ своей стороны должны были: а) принять на себя обязанность уплачивать опредѣленныя повиности въ пользу помѣщика за отведенные надѣлы; б) по требованію помѣщика выкупить свой надѣлъ; в) получили право выкупить усадебную осѣдлость, а съ согласія помѣщика могли выкупить также полевую землю и другія угодья; г) получили право въ первыя 9 лѣтъ отказаться, по добровольному соглашенію съ помѣщикомъ, отъ пользованія землею до $^1/_2$ высшаго или указнаго надѣла, а также при полученіи въ даръ $^1/_4$ надѣла могли (!) отказаться отъ всей остальной части своего надѣла; д) по прошествіи 9 лѣтъ, при извѣстныхъ условіяхъ, крестьяне вышедшіе изъ крѣпостной зависимости получили право навсегда отказаться отъ пользованія отведенною землею.

Современное соціально-экономическое положеніе группы бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ является такимъ образомъ результатомъ осуществленія только-что перечисленныхъ перекрещивающихся между собою правъ и обязанностей помѣщиковъ и крестьянъ.

Въ настоящее время, благодаря трудамъ коммиссій для изслѣдованія положенія сельскаго хозяйства и податной, а также «Статистикѣ поземельной собственности», издаваемой центральнымъ статистическимъ комитетомъ, и, наконецъ, благодаря хотя и немногочисленнымъ, но весьма обстоятельнымъ мѣстнымъ статистическимъ работамъ земствъ и частнымъ изслѣдованіямъ, мы можемъ уже довольно вѣрно судить о томъ, какія изъ упомянутыхъ комбинацій получили перевѣсъ въ фактическомъ развитіи

реформы, въ какомъ дѣйствительномъ положеніи очутились крестьяне спустя 20 лѣтъ послѣ начала реформы. Вмѣстѣ съ тѣмъ эти же труды, въ связи съ анализомъ «Положенія», могутъ дать вѣрныя указанія, на что слѣдуетъ обратить вниманіе въ дальнѣйшемъ развитіи русскаго аграрнаго законодательства.

Само собой разумѣется, что наибольшее практическое значеніе для данной минуты имѣетъ прежде всего дѣйствительность, но для пониманія ея весьма важно уяснить себѣ причины, которыя обуеловливали тотъ или иной ходъ практическаго осуществленія «Положенія 19 февраля». Поэтому я и займусь разсматриваніемъ этихъ причинъ въ связи съ разборомъ главнѣйшихъ основаній «Положеній» о крестьянахъ, прежде чѣмъ обратиться непосредственно къ существующему порядку вещей.

Не трудно понять, что выборъ той или другой изъ перечисленныхъ выше комбинацій на первомъ мѣстѣ зависитъ отъ соотношенія между надѣлами и платежами.

Въ послѣднее время въ нашей литературѣ встрѣчается не мало фактическихъ указаній на несоотвѣтствіе между крестьянскими надѣлами и платежами, доказывающихъ довольно общее явленіе, что чѣмъ надѣлы меньше, тѣмъ большіе платежи падаютъ на каждую десятину; въ отвѣтъ на это, съ другой стороны, раздаются, хотя и не многочисленныя, обвиненія въ тенденціозномъ характерѣ подобныхъ указаній. Между тѣмъ убѣдиться, на чьей сторонѣ истина, весьма легко и изъ самаго «Положенія 19 февраля». «Положеніе» устанавливаетъ для великороссійскихъ губерній за высшій душевой надѣлъ четыре нормы высшаго душеваго оброка—12 р., 10 р., 9 р. и 8 р. (М. П. В. § 168). Что касается до исчисленія слѣдующаго съ крестьянъ оброка, то онъ производится во всѣхъ трехъ полосахъ слѣдующимъ образомъ: 1) Въ *первой* (нечернозёмной) полосѣ: а) на одну десятину высшаго душеваго надѣла относится одна половина высшаго душеваго оброка; б) на другую десятину высшаго душеваго надѣла относится одна четверть высшаго, установленнаго для той мѣстности, душеваго оброка; в) остальная за тѣмъ четверть высшаго душеваго надѣла раскладывается равномѣрно на всю остальную часть высшаго душеваго надѣла. 2) Во *второй* и *третьей* (чернозёмной и степной) полосахъ на одну десятину высшаго (во второй полосѣ) и указнаго (въ третьей полосѣ) душеваго надѣла изъ высшаго девяти-рублеваго душеваго оброка относится четыре рубля, а остающіеся за тѣмъ пять рублей раскладывают-

ся равномѣрно на всю остальную часть высшаго душеваго надѣла (ст. 168).

Такимъ образомъ изъ приведенной статьи видно, что принципъ обратнаго отношенія между размѣромъ надѣла и оброчнымъ платежомъ, падающимъ на каждую десятину, установленъ самымъ «Положеніемъ».

Чтобы вполнѣ наглядно представить себѣ эту одну изъ самыхъ слабыхъ сторонъ «Положенія 19 февраля», для этого стоитъ только воспользоваться съ незначительнымъ измѣненіемъ тѣми же пояснительными примѣрами, которые приведены въ «Мѣстномъ великороссійскомъ Положеніи» (ст. 169 примѣчаніе).

Сдѣлавъ указанный здѣсь разсчетъ для высшаго и низшаго надѣла, мы найдемъ, что при надѣлѣ въ три раза меньшемъ платежъ за каждую десятину будетъ:

I:	1)	Въ Мышкинскомъ уѣздѣ Ярославской губерніи	на 74,4%	выше.
	2)	» Малоярославецкомъ » Калужской »	» 56,5%	»
	3)	» южной части Порѣчскаго уѣз. Смоленской губ.	» 88,1%	»
II:	4)	» Усманьскомъ уѣздѣ Тамбовской губерніи	» 73,9%	»
	5)	» Бахмутскомъ » Екатеринославской губ.	» 51,5%	» *).

---

*) Вотъ подробный разсчетъ, который привелъ къ этому окончательному выводу.—Пояснительные примѣры: I. Изъ *первой полосы:* а) Имѣніе изъ 100 душ. въ Мышкинскомъ уѣздѣ, Ярославской губерніи. При высшемъ душевомъ надѣлѣ для этого уѣзда въ 4 дес. и оброкѣ въ 10 р. оброчная повинность на имѣніи при надѣлѣ въ 400 дес. будетъ равняться 1.000 р., или по 2 р. 50 к. за десятину; при низшемъ надѣлѣ въ 1¹/₃ дес. или для всего имѣнія въ 134 дес. за первыя 100 дес. придется платить 500 р., за 34 дес. 85 р., всего 585 р., или за одну десятину по 4 р. 36 к., такъ что при надѣлѣ въ три раза меньшемъ платежъ за землю въ данномъ случаѣ будетъ на 74,4% выше. б) Имѣніе изъ 100 душъ въ Малоярославецкомъ уѣздѣ, Калужской губерніи. При высшемъ надѣлѣ въ 3¹/₄ десятины и оброкѣ въ 9 руб. крестьяне будутъ платить за 334 дес. 900 р., или по 2 р. 76 к. за десятину; при низшемъ надѣлѣ въ 1¹/₁₂ десятины крестьяне платятъ за первыя 100 дес. 450 р., за остальныя 8¹/₃ дес. 19 р. 12 к., всего за 408¹/₃ дес. 469 р. 12 к., т.-е. 4 р. 32 к. за десятину, или при надѣлѣ въ три раза меньшемъ платежъ за десятину будетъ на 56,5% выше. в) Имѣніе изъ 100 душъ состоитъ въ южной части Порѣчскаго уѣзда, Смоленской губерніи. При высшемъ душевомъ оброкѣ въ 8 р. и высшемъ душевомъ надѣлѣ въ 4¹/₂ дес. крестьяне взятаго имѣнія будутъ платить за 450 дес. 800 р., т.-е. по 1 р. 77. к. за десятину; при низшемъ надѣлѣ въ 1¹/₂ дес. крестьяне будутъ платить за 150 дес.: за первыя 100 дес. 400 р. и за 50 дес. 100 р., а всего 500 р., или по 3 р. 33 к. за десятину, т.-е. при надѣлѣ въ три раза меньшемъ платежи за десятину будутъ на 88,1% выше.—II. Изъ *второй* и *третьей* полосъ: а) Имѣніе во 100 душъ состоитъ въ Усманьскомъ уѣздѣ, Тамбовской губерніи. При высшемъ надѣлѣ 3¹/₄ дес. крестьяне за 325 дес. будутъ платить 900 р., или 2 р. 76 к. за десятину; при низшемъ надѣлѣ въ 1¹/₁₂ дес. крестьяне должны платить за первыя 100 дес. 400 р., за 8¹/₃ дес. по 2 р. 22 к. за дес., т.-е. 18 р. 87 к., или всего за 108¹/₃ дес. 418 р. 87 к., или

Въ виду такого логическаго вывода изъ примѣрнаго разсчета, установленнаго ст. 169 «Положенія», легко понять, что и статическія данныя о дѣйствительности не могутъ привести къ иному заключенію. Еслибы чья-либо статистическая работа дала бы обратный выводъ, то послѣдній служилъ бы доказательствомъ только или грубой ошибки въ вычисленіяхъ, или же полной негодности первоначальнаго статистическаго матеріала.

Установленный «Положеніемъ» способъ опредѣленія платежей за землю дѣлалъ выгоднымъ для помѣщика возможно-меньшее надѣленіе крестьянъ землею. Дѣйствительно, если при высшемъ размѣрѣ надѣла и высшемъ душевомъ оброкѣ послѣдній вполнѣ соотвѣтствуетъ доходности земли, то при меньшемъ надѣлѣ оброчный платежъ за него непремѣнно долженъ быть выше дѣйствительной доходности его.

Что касается вопроса о томъ, оставить ли крестьянъ въ обязательныхъ отношеніяхъ, или развязаться съ ними тѣмъ или инымъ путемъ, то на рѣшеніе этого вопроса на первомъ мѣстѣ долженъ былъ вліять размѣръ установленнаго оброка или цѣнность земли, опредѣляемая изъ капитализаціи оброка. Если оброкъ былъ высокъ сравнительно съ дѣйствительною доходностью земли, то прямой интересъ помѣщиковъ состоялъ въ томъ, чтобы требовать выкупа, такъ какъ они притомъ продавали свою землю выше ея дѣйствительной цѣнности и, получивъ капитальную сумму, тѣмъ самымъ гарантировали себя отъ возможности пониженія оброка по прошествіи установленныхъ по «Положенію» 20 лѣтъ. Такимъ образомъ требованіе помѣщикомъ обязательнаго выкупа прежде всего наводитъ на мысль о несоразмѣрности выкупныхъ платежей съ дѣйствительною цѣнностью надѣльной земли; поэтому à priori можно принять за общее правило: гдѣ выкупные платежи относительно высоки, тамъ должно было имѣть мѣсто значительное число сдѣлокъ по требованію помѣщиковъ, и обратно—значительное число сдѣлокъ по требованію помѣщиковъ доказываетъ высокую норму выкупныхъ платежей.

---

3 р. 86 к. за десятину, т.-е. при надѣлѣ въ три раза меньшемъ платежи за десятину надѣльной земли будутъ на 73,9% выше. б) Имѣніе во 100 душъ состоитъ въ Бахмутскомъ уѣздѣ, Екатеринославской губерніи. При указномъ надѣлѣ въ 4 дес. крестьяне за 400 дес. будутъ платить 900 р., или по 2 р. 25 к. за дес.; при низшемъ надѣлѣ въ 1⅓ дес. крестьяне за 133⅓ дес. будутъ платить за 100 дес. 400 р., да за 33⅓ дес. по 1 р. 66 к. за дес., т.-е. 55 р. 33 к., а всего 455 р. 33. к., или за каждую десятину 3 р. 41 к. Такимъ образомъ и въ данномъ случаѣ мы имѣемъ при надѣлѣ въ три раза меньшемъ платежъ за землю на 51,5% выше (срав. прим. къ ст. 169. В. П.).

Это апріорное положеніе находитъ себѣ полное подтвержденіе и въ оффиціальныхъ данныхъ «Статистики поземельной собственности», обнародованныхъ пока для 8 губерній центральнымъ статистическимъ комитетомъ.

Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ оброкъ былъ значительно ниже доходности земли или арендныхъ цѣнъ, прямой интересъ помѣщиковъ соглашаться на выкупъ не иначе, какъ вынудивъ отъ крестьянъ предварительно согласіе на возможныя уступки ихъ въ пользу помѣщика, а именно на принятіе въ даръ ¼ надѣла, или по крайней мѣрѣ согласіе на низшій надѣлъ при дополнительныхъ платежахъ. Несогласіемъ на подобныя домогательства помѣщиковъ объясняется значительное въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ замедленіе хода выкупной операціи. «Вообще говоря,—читаемъ мы въ предисловіи къ «Статистикѣ поземельной собственности», — выходъ изъ временно-обязанныхъ отношеній совершается повидимому быстрѣе во всѣхъ окраинныхъ уѣздахъ области и медленнѣе въ центральныхъ, а именно въ той полосѣ, въ которой наемныя платы за землю превышаютъ вдвое оброчныя платы по «Положенію 19 февраля 1861 г.». Такое замедленіе выкупа, особенно ощутительное въ послѣднее 10-лѣтіе, можетъ быть приписано тому, что помѣщики считаютъ для себя невыгодными уступки дополнительныхъ взносовъ, а крестьяне не идутъ, какъ прежде, на добровольныя сдѣлки относительно уплаты этихъ взносовъ, боясь увеличить, хотя и временно, непосильную тягость лежащихъ на нихъ повинностей» (стр. XXXIII).

Говоря о добровольныхъ сдѣлкахъ относительно уменьшенія нормы надѣловъ и полученія въ даръ четвертныхъ надѣловъ, я употребилъ слово «вынудить» не случайно, потому что добровольное согласіе на невыгодную сдѣлку непремѣнно предполагаетъ или невѣдѣніе истиннаго ея значенія и возможныхъ послѣдствій, или же принужденіе, прикрытое законными формами. Это принужденіе могло прежде всего выразиться въ мелкихъ придиркахъ и притѣсненіяхъ сосѣда-помѣщика за упорство крестьянъ въ несогласіи на добровольную сдѣлку.

Что принужденіе въ этомъ смыслѣ играло нѣкоторую роль, можно видѣть уже изъ того, что долгое несогласіе *на полученіе въ даръ* четвертнаго надѣла вызывало иногда притѣсненіе даже потомъ, когда сдѣлка состоялась, изъ мести за долгое несогласіе. Рельефный примѣръ этого представляетъ исторія крестьянъ с. Обыточнаго, которая приведена въ моемъ первомъ докладѣ

В.-Э. Обществу: «Воззрѣніе земствъ по вопросу о расширеніи крестьянскаго землевладѣнія (стр. 9 и слѣд.).

Нельзя однако отрицать и того, что иногда крестьяне шли на даровые надѣлы дѣйствительно добровольно, благодаря своей естественной темнотѣ и незнанію законовъ возрастанія земельной ренты. По словамъ г. Семенова, съ такимъ явленіемъ встрѣчаемся мы и въ черноземной полузалежной полосѣ, гдѣ, несмотря на превосходную, плодородную почву можно было свободно нанимать земли отъ 1 р. до 2 р. за десятину, тогда какъ выкупные платежи были опредѣлены отъ 2 р. до 2 р. 40 к. за десятину. Здѣсь крестьяне охотно бросились на даровые надѣлы въ размѣрѣ одной десятины и менѣе, разсчитывая на постоянную возможность нанимать недостающія имъ земли по существовавшимъ тогда дешевымъ цѣнамъ, а многіе землевладѣльцы рѣшались на временное пожертвованіе оброками и выкупными платежами, находя для себя выгоднымъ, въ виду возрастанія поземельной ренты, уступить желанію крестьянъ («Стат. поз. соб.», стр. XLIII).

Само собой разумѣется, что разсчетъ крестьянъ въ данномъ случаѣ былъ крайне ошибоченъ, потому что они упустили изъ виду ничтожное обстоятельство: отказываясь отъ значительной части надѣловъ, крестьяне тѣмъ самымъ ставили себя въ сильную экономическую зависимость отъ своихъ прежнихъ помѣщиковъ. Понятно, что, кромѣ естественнаго возвышенія съ теченіемъ времени земельной ренты, въ данномъ случаѣ арендная плата должна была тотчасъ же подняться вслѣдствіе усиленнаго спроса крестьянъ на помѣщичью землю; рядомъ съ этимъ должно было идти усиленное предложеніе труда, и помѣщикъ въ окончательномъ результатѣ, независимо отъ естественнаго возвышенія ренты, выигрывалъ на увеличеніи платы и сравнительной дешевизнѣ труда и могъ такимъ образомъ съ избыткомъ вознаградить себя за пожертвованіе оброкомъ или выкупными платежами. До какой степени тягостная экономическая зависимость возникала иногда изъ такого оборота дѣла, краснорѣчиво свидѣтельствуетъ процессъ люторичскихъ крестьянъ графа Бобринскаго, исторія обиточенскихъ крестьянъ графини Толстой и, наконецъ, случаи систематическихъ поджоговъ помѣщичьихъ строеній, хорошо извѣстные многимъ изъ предусмотрительныхъ помѣщиковъ, пустившихъ своихъ крестьянъ на даровые надѣлы, или ихъ счастливымъ наслѣдникамъ.

Съ другой стороны и крестьяне въ тѣхъ случаяхъ, когда помѣщики нуждались въ окончаніи обязательныхъ отношеній,

могли добиваться соглашенія болѣе или менѣе выгоднаго для себя. Конечно, не слѣдуетъ упускать изъ виду, что вообще давленіе со стороны крестьянъ при установленіи соглашенія было давленіе стороны слабѣйшей, почему даже въ тѣхъ случаяхъ, когда оно имѣло мѣсто, въ результатѣ могло быть лишь равновѣсіе до нѣкоторой степени интересовъ двухъ противоположныхъ договаривающихся сторонъ.

Во всякомъ случаѣ, не будь указанной нужды помѣщиковъ, мы навѣрное, въ настоящее время, 1) имѣли бы для 37 губерній, гдѣ дѣйствуетъ «Общее Положеніе 19 февраля», вмѣсто 70% крестьянъ-собственниковъ, приступившихъ къ выкупу съ содѣйствіемъ правительства, и 30% временно-обязанныхъ вмѣстѣ съ выкупными надѣлами безъ содѣйствія правительства,—отношеніе близкое къ обратному и 2) положеніе крестьянъ-собственниковъ было бы въ общемъ значительно хуже теперешняго.

Опредѣлить, такъ сказать, съ количественной стороны вліяніе потребности помѣщиковъ на ходъ крестьянской реформы можно было бы статистической разработкой данныхъ относительно всѣхъ способовъ выхода изъ обязательныхъ поземельныхъ отношеній, которыя допускало «Положеніе». Къ сожалѣнію, данныя эти лежатъ еще въ архивахъ крестьянскихъ учрежденій, и пока приходится судить даже о числѣ получившихъ даровые надѣлы лишь приблизительно, по числу выкупавшихъ свои надѣлы безъ содѣйствія правительства, предполагая, что наибольшую часть этой группы составляютъ крестьяне, получившіе четвертные надѣлы.

Конечно, косвеннымъ путемъ возможно приблизительно оцѣнить интенсивность указаннаго вліянія, разсмотрѣвъ обстоятельства, побудившія помѣщиковъ къ развязкѣ обязательныхъ поземельныхъ отношеній съ одной стороны, а съ другой—сравнивъ дѣйствительные средніе надѣлы съ размѣрами высшей душевой нормы для той или другой мѣстности. Посмотримъ, что заставляло помѣщиковъ желать выкупа, помимо отношенія оброчныхъ платежей къ дѣйствительной доходности земли.

На первомъ мѣстѣ по своему глубокому значенію здѣсь слѣдуетъ поставить организацію выкупной операціи. Послѣдняя, кромѣ громаднаго значенія для сформированія современнаго экономическаго строя, могла бы играть еще большую роль въ ближайшемъ будущемъ, почему я и остановлюсь нѣсколько подробнѣе на выясненіи существа этой операціи.

Статья 4-я «Положенія о выкупѣ» говоритъ слѣдующее: «При

пріобрѣтеніи крестьянами въ собственность, вмѣстѣ съ усадебною осѣдлостью, полеваго надѣла оказывается въ опредѣленныхъ въ семъ «Положеніи» случаяхъ содѣйствіе отъ правительства, посредствомъ *выкупной операціи* (выкупа). *Содѣйствіе* не заключается въ томъ, что правительство *ссужаетъ*, *подъ пріобрѣтаемыя на этомъ основаніи земли*, опредѣленную сумму, съ разсрочкой крестьянамъ оной на продолжительный срокъ, и само взыскиваетъ слѣдующіе съ нихъ платежи, какъ на счетъ процентовъ по выданной суммѣ, такъ и на постепенное погашеніе долга. Означенная сумма выдается помѣщику процентными кредитными бумагами, по коимъ правительство принимаетъ на себя уплату процентовъ и капитала».

По смыслу этой статьи выкупная операція: 1) состоитъ въ ссудѣ крестьянамъ и 2) ссуда эта дѣлается *подъ* пріобрѣтаемыя *земли*.

Но съ точки зрѣнія экономической науки ссуда подъ землю, какъ извѣстно, именуется поземельнымъ кредитомъ. Вслѣдствіе чего выкупную операцію по всей справедливости считаютъ спеціальнымъ видомъ поземельнаго кредита.

Земельныя кредитныя учрежденія, смотря по тому, кто стоитъ во главѣ учрежденія, можно раздѣлить на государственныя, земскія, акціонерныя и проч.

Въ этомъ отношеніи главное выкупное учрежденіе есть учрежденіе чисто-государственное, а выкупная операція—одинъ изъ видовъ государственнаго кредита. Съ государственнымъ поземельнымъ кредитомъ мы встрѣчаемся въ Россіи и ранѣе освобожденія крестьянъ—при ссудѣ подъ залогъ помѣщичьихъ имѣній въ прежнихъ кредитныхъ установленіяхъ, но выкупная операція въ исторіи развитія поземельнаго кредита въ Россіи представляетъ между прочимъ съ финансовой стороны тотъ интересъ, что въ этой операціи, впервые для Россіи, поземельный кредитъ былъ связанъ съ обширнымъ выпускомъ спеціальныхъ процентныхъ бумагъ, которыя можно приравнять къ закладнымъ листамъ. Въ самомъ дѣлѣ выпускъ послѣднихъ, какъ извѣстно, имѣетъ цѣлью полученіе ссуднаго капитала и производится по мѣрѣ поступленія въ залогъ новыхъ земель. То же самое мы видимъ и при выкупѣ выкупныхъ бумагъ (выкупныхъ свидѣтельствъ, $5^1/_2$% непрерывно-доходныхъ свидѣтельствъ и государственныхъ 5% банковыхъ билетовъ). Съ внѣшней стороны въ послѣднемъ случаѣ замѣчается характерная особенность.

Дѣло въ томъ, что при ссудѣ изъ поземельнаго банка закладные листы выдаются непосредственно заемщику, который уже помѣщаетъ ихъ на денежномъ рынкѣ. Что же касается до выкупной ссуды, то хотя она оказывается крестьянину, но выдается не ему, а помѣщику. Эта особенность объясняется сложнымъ характеромъ выкупной сдѣлки. На основаніи ея, по буквальнымъ словамъ «Положенія», помѣщикъ продаетъ, а крестьяне пріобрѣтаютъ въ собственность отведенный имъ надѣлъ или опредѣленную часть онаго («Полож. о выкупѣ», ст. 37). Другими словами, выкупная сдѣлка представляетъ сліяніе собственно двухъ операцій: во-первыхъ, ссуды-займа, а во-вторыхъ — продажи и покупки, при которой покупателю волей-неволей приходится довольствоваться, вмѣсто наличныхъ денегъ, кредитными бумагами. Фактъ продажи и покупки земли является весьма характернымъ для выкупной операціи и придаетъ своеобразную окраску этому виду поземельнаго кредита.

Вслѣдствіе купли и продажи земли, нераздѣльныхъ съ выкупною ссудою, на послѣднюю можно смотрѣть по справедливости какъ на поземельный кредитъ спеціально для покупки земли крестьянами, причемъ этотъ кредитъ по своему характеру *мелкій*, такъ какъ ссуда по разсчету на отдѣльныхъ пріобрѣтателей ограничивается размѣромъ не свыше необходимой суммы для выкупа установленнаго высшаго для данной мѣстности надѣла.

«Если помѣщикъ пожелаетъ продать крестьянамъ и большее, противъ отведеннаго имъ въ надѣлѣ, количество угодій, то это можетъ быть предметомъ отдѣльныхъ условій; но выкупная ссуда, выдаваемая при посредствѣ правительства, ограничивается суммою, какая будетъ причитаться собственно за надѣлъ, слѣдующій къ отводу крестьянамъ въ постоянное пользованіе. За остальную же землю плата производится по условію и въ порядкѣ, какіе будутъ постановлены договаривающимися сторонами» («Пол. о вык.», ст. 54, прим.).

На основаніи сказаннаго не трудно видѣть, что вопросъ о мелкомъ земельномъ кредитѣ по существу ничего не представляетъ. Въ выкупной операціи мы имѣемъ замѣчательный примѣръ государственнаго мелкаго кредита для покупки земель крестьянами, и, по моему убѣжденію, наиболѣе цѣлесообразная постановка дѣла, во имя котораго толкуютъ о мелкомъ поземельномъ кредитѣ, должна сводиться къ тому, чтобы расширить сферу дѣйствія выкупной операціи.

Характеръ выкупной операціи, какъ вида поземельнаго кредита, кромѣ указанныхъ уже мною статей, съ неменьшею рельефностью обнаруживается въ отношеніи, установленномъ «Положеніемъ» между выкупною ссудою и прежними кредитными учрежденіями, въ которыхъ были заложены помѣщичьи имѣнія. По ст. 69 «Положен. о выкупѣ», при выдачѣ помѣщику выкупной ссуды прежде всего вычитается изъ оной долгъ, состоящій на имѣніи, кредитнымъ установленіямъ на слѣдующихъ основаніяхъ: 1) если долгъ сей менѣе выкупной ссуды, то излишняя, за вычетомъ долга, сумма назначается къ выдачѣ помѣщику выкупными процентными бумагами; 2) если банковый долгъ превышаетъ выкупную ссуду, но составляетъ однако же не болѣе установленнаго размѣра банковыхъ ссудъ, то весь излишекъ долга переводится на землю, остающуюся за отдѣленіемъ пріобрѣтенной крестьянами земли, въ полномъ распоряженіи помѣщика; и 3) если банковый долгъ превышаетъ не только выкупную ссуду, но и нормальный размѣръ банковыхъ ссудъ, то, по требованію кредитнаго установленія, излишекъ долга, не покрываемый выкупною ссудою, пополняется изъ дополнительнаго платежа крестьянъ; если же дополнительнаго платежа будетъ для сего недостаточно, то остатокъ переводится на землю, остающуюся у помѣщика на основаніи 2 пункта сей статьи. Приведенная мною статья, такъ сказать, отождествляетъ ссуду изъ прежнихъ кредитныхъ учрежденій съ ссудой изъ главнаго выкупнаго учрежденія, или, иначе говоря, въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ продажею крестьянамъ земли съ переводомъ на нихъ долга земельно-кредитному учрежденію.

Разбирая условія перевода прежнихъ долговъ, лежавшихъ на помѣщичьихъ имѣніяхъ, на земли крестьянскаго надѣла, не безъинтересно отмѣтить фактъ признанія правительствомъ различной степени кредитоспособности, которая выражается въ землѣ, смотря по тому, состоитъ ли она въ собственности помѣщиковъ, или считается собственностью крестьянъ. Въ правилахъ, приложенныхъ къ статьѣ 30 «Пол. о выкупѣ», говорится: «Владѣльцы заложенныхъ въ кредитныхъ установленіяхъ оброчныхъ имѣній, по коимъ составлены и утверждены уставныя грамоты, могутъ просить объ исключеніи ихъ изъ земель, остающихся въ непосредственномъ и полномъ ихъ распоряженіи, за отводомъ крестьянамъ опредѣленнаго въ уставной грамотѣ надѣла, но для сего требуется соблюденіе слѣдующихъ условій: 1) чтобы долгъ владѣльца кредитному установленію былъ не менѣе *какъ на 30% ниже вы-*

купной суммы крестьянскаго надѣла, опредѣленной на основаніи «Полож. о выкупѣ», и 2) чтобы отведенный крестьянамъ надѣлъ былъ не менѣе тѣхъ размѣровъ, которые установлены въ статьяхъ 56—59 того же «Положенія о выкупѣ» (прим. къ ст. 30).

Слѣдовательно государство, выдавая выкупную ссуду въ размѣрѣ оцѣнки надѣльной земли, принимаетъ для залога въ кредитномъ установленіи ту же землю, пока она считается за помѣщикомъ, лишь въ размѣрѣ 70% оцѣненной суммы.

Въ земельно-кредитныхъ учрежденіяхъ, какъ извѣстно, въ случаѣ неисправности въ срочныхъ платежахъ, заложенное имѣніе по истеченіи льготнаго срока подвергается аукціонной продажѣ. При этомъ взысканіе ограничивается только залогомъ и не касается другаго имущества должника: это—общее правило учрежденій земельнаго кредита.

Разсматривая же выкупную операцію какъ видъ поземельнаго кредита, мы должны отмѣтить въ данномъ случаѣ существенное отступленіе отъ этого начала взысканія платежей. Перечислимъ мѣры взысканія при пріобрѣтеніи земли отдѣльными домохозяевами. По «Пол. о вык.», если крестьянинъ не внесетъ въ установленный срокъ слѣдующаго съ него выкупнаго платежа, въ такомъ случаѣ волостное начальство, по представленію сельскаго начальства, обязано принять слѣдующія мѣры: 1) обратить на пополненіе недоимки доходъ съ принадлежащаго недоимщику въ собственность недвижимаго имущества; 2) отдать самого недоимщика или кого-либо изъ членовъ его семейства въ заработки односельному крестьянину до пополненія недоимки; 3) отдать недоимщика или кого-либо изъ членовъ его семейства въ заработки на сторону, если чрезъ это домъ не лишится единственнаго работника; 4) опредѣлить къ недоимщику опекуна, безъ разрѣшенія котораго не позволять неисправному хозяину отчуждать что-либо изъ своего имущества или доходовъ, до пополненія недоимки, или вмѣсто неисправнаго хозяина назначить другаго, не выселяя несостоятельнаго хозяина и его семью изъ ихъ усадьбы; 5) подвергнуть описи и продажѣ принадлежащее недоимщику лично недвижимое имущество, за исключеніемъ лишь выкупленной крестьяниномъ усадьбы, которая въ теченіе первыхъ девяти лѣтъ съ утвержденія «Положенія» продажѣ на пополненіе недоимки не подлежитъ; 6) распорядиться о продажѣ части движимаго имущества и строеній недоимщика, которыя не составляютъ крайней необходимости въ его хозяйствѣ («Полож. о выкупѣ.», ст. 133). Если

недоимка исчисленными въ предыдущихъ статьяхъ мѣрами не будетъ пополнена, то пріобрѣтенный недоимщикомъ участокъ подвергается полиціей продажѣ съ публичныхъ торговъ (ст. 135). Что касается до аукціонной продажи крестьянскихъ надѣловъ за недоимки по выкупной ссудѣ, то здѣсь мы находимъ довольно большое сходство съ порядкомъ продажи имѣній, заложенныхъ въ обыкновенныхъ земельно-кредитныхъ учрежденіяхъ. Для подтвержденія не безынтересно привести выдержки изъ подлинныхъ статей «Положенія», относящихся къ этому вопросу: «Если недоимка, исчисленными въ предыдущихъ статьяхъ мѣрами, не будетъ пополнена, то пріобрѣтенный недоимщикомъ участокъ подвергается полиціею продажѣ съ публичныхъ торговъ, *съ переводомъ долга по выкупной ссудѣ*, на нижеслѣдующихъ основаніяхъ: 4) торги производятся въ мѣстномъ волостномъ правленіи, участвовать же въ нихъ могутъ всѣ лица земледѣльческаго сословія, кромѣ евреевъ; 5) торги начинаются съ суммы накопившейся на участкѣ недоимки по выкупнымъ платежамъ; 6) пока торги не состоялись, недоимщикъ можетъ уплатою недоимки удержать за собой продаваемый участокъ; 8) купившій участокъ пріобрѣтаетъ всѣ права и принимаетъ на себя всѣ обязанности, лежавшія по владѣнію симъ участкомъ на прежнемъ хозяинѣ онаго, отправляя, независимо отъ взноса выкупныхъ платежей по выкупной ссудѣ, обезпеченной участкомъ, всѣ казенныя и общественныя повинности наравнѣ съ прочими членами общества. Если на торги въ волостномъ правленіи не явится желающихъ пріобрѣсти участокъ на условіяхъ, указанныхъ въ пунктѣ 8 предшедшей статьи, то производятся новые торги въ уѣздномъ городѣ. Если на торги въ уѣздномъ городѣ не явится желающихъ пріобрѣсти участокъ на условіяхъ, указанныхъ въ пунктѣ 8 ст. 135, то, съ особаго, каждый разъ, разрѣшенія губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія,—производятся въ уѣздномъ городѣ новые торги, *безъ перевода долга по выкупной ссудѣ*, на слѣдующемъ основаніи: 2) торги начинаются съ числящейся на участкѣ суммы долга по выкупной ссудѣ, выданной правительствомъ. Если на торги, произведенные на основаніи ст. 137, не явится желающихъ, или предложенная на сихъ торгахъ сумма не будетъ покрывать всего лежащаго на участкѣ долга по выкупной ссудѣ, то назначаются новые торги въ уѣздномъ городѣ, безъ перевода выкупной ссуды, на слѣдующихъ основаніяхъ: 2) торги назначаются съ цѣны равной половинѣ выкупной

ссудѣ, исчисленной за участокъ; 4) участокъ утверждается за тѣмъ, кто дастъ на торгахъ высшую цѣну, хотя бы ею и не покрывалась числящаяся на участкѣ сумма долга по выкупной ссудѣ; 5) если вырученною на торгахъ суммою не покрывается долгъ по выкупной ссудѣ, то недостающая на покрытіе сего долга сумма обращается на счетъ запаснаго капитала по выкупной операціи; 6) уплата той части вырученной на торгахъ суммы, которая обращается на покрытіе долга по выкупной операціи, можетъ быть разсрочена на тридцать семь лѣтъ, по банковымъ правиламъ; 7) при неуспѣшности и сихъ торговъ, министръ финансовъ входитъ въ сношеніе съ министромъ государственныхъ имуществъ о принятіи участка въ казенное вѣдомство. Если, вслѣдствіе такого сношенія, участокъ будетъ принятъ въ казенное вѣдомство, то возмѣщеніе выкупной за участокъ суммы долга производится изъ запаснаго капитала по выкупной операціи; но затѣмъ могущіе поступать съ сего участка доходы обращаются въ этотъ капиталъ; съ этою цѣлью министерство государственныхъ имуществъ сообщаетъ министру финансовъ свѣдѣніе о всѣхъ поступившихъ съ такихъ участковъ доходахъ. Если же по сношеніи съ министерствомъ государственныхъ имуществъ не будетъ признано полезнымъ принять участокъ въ казну, то производятся окончательные торги тѣмъ же порядкомъ, какой указанъ въ сей статьѣ (138), но безъ оцѣнки участка, а министру финансовъ предоставляется утвердить участокъ за тѣмъ, кто дастъ высшую цѣну («Пол. о вык.», ст. 135—138). Такимъ образомъ, на основаніи «Положенія», взысканіе обращается на землю, подъ которую выдана ссуда, только послѣ безуспѣшности всѣхъ другихъ способовъ.

Такое отступленіе отъ началъ поземельнаго кредита до нѣкоторой степени объясняется съ одной стороны гарантіей государства по выкупнымъ ссудамъ передъ владѣльцами процентныхъ бумагъ, а съ другой—желаніемъ до послѣдней возможности сохранить землю за крестьянами, какъ средство обезпеченія ихъ быта.

Не трудно однако понять, что, не достигая этой цѣли, система мѣръ взысканія, установленная «Положеніемъ», представляется весьма нераціональною и требуетъ поэтому кореннаго пересмотра. При этомъ на мой взглядъ въ данномъ случаѣ было бы лучше всегда въ общемъ провести начала, на которыя опирается система залоговаго кредита, т. е. обращать взысканіе исключительно на землю, подъ обезпеченіе которой выдана выкупная ссуда. Въ са-

момъ дѣлѣ, если, при безуспѣшности первыхъ трехъ торговъ, дѣло дойдетъ наконецъ до торговъ, о которыхъ говоритъ п. 7 ст. 138 «Пол. о выкупѣ», то недоимочный участокъ можетъ пойти за безцѣнокъ, при чемъ убытокъ упадетъ на запасный капиталъ по выкупной операціи. Такой исходъ примѣненія мѣръ взысканія можетъ служить лучшимъ наглядньмъ доказательствомъ, что выкупная ссуда была слишкомъ велика или цѣнна, за которую крестьянинъ пріобрѣлъ землю гораздо выше дѣйствительной стоимости. Спрашивается, изъ-за чего же нужно было разорять недоимщика, обращая взысканіе на другое его имущество (о личности я и не говорю: это—остатокъ крѣпостнаго права, который необходимо уничтожить во имя 19 февраля 1861 г.)? Неужели же только затѣмъ, чтобъ убѣдиться, что причиной недоимокъ была вовсе не вина самого крестьянина, а лишь недосмотръ правительства? Другое дѣло, еслибы взысканіе по выкупной ссудѣ обращалось лишь на землю. Нѣтъ сомнѣнія, что самъ крестьянинъ до послѣдней возможности постарается при умѣренныхъ платежахъ сохранить за собою землю, и продажа надѣльной земли съ аукціона, за исключеніемъ случаевъ несоразмѣрности выкупныхъ платежей съ дѣйствительною цѣнностью земли, будетъ весьма рѣдкимъ явленіемъ. Неудачные же торги при продажѣ надѣльной земли за недоимки, вслѣдствіе несоразмѣрности выкупныхъ платежей, сразу обнаружатъ непосильную тягость послѣднихъ. Правда, при такомъ порядкѣ возможно увеличеніе счета убытковъ по выкупной операціи, покрываемыхъ изъ запаснаго капитала, но за то сократятся случаи напраснаго разоренія отдѣльныхъ крестьянъ, что для государства, безъ сомнѣнія, гораздо важнѣе внѣшняго блеска по той или другой финансовой операціи. Не мѣшаетъ замѣтить при этомъ, что если смотрѣть на торги главнымъ образомъ какъ на способъ обнаруженія истинной причины недоимки по выкупнымъ платежамъ, то вполнѣ возможно до нѣкоторой степени предупредить и фактъ обезземеленія недоимщика, вслѣдствіе аукціонной продажи его надѣла. Стоитъ только установить за правило сохранять участокъ за прежнимъ владѣльцемъ, если послѣдній оставитъ его за собой за высшую, предложенную на торгахъ, сумму. Но во всякомъ случаѣ крестьянскіе надѣлы не должны переходить въ руки лицъ изъ другихъ сословій, не земледѣльцевъ.

Разобравъ выкупную операцію съ теоретической точки зрѣнія, посмотримъ теперь, какое значеніе имѣла она въ фактическомъ

развитіи крестьянской реформы. Легко понять, что безъ содѣйствія правительства не только возможность пріобрѣтенія полевыхъ угодій, но даже право выкупа усадьбы было бы совершенно фиктивнымъ; однако и содѣйствіе правительства для успѣшныхъ результатовъ, при добровольномъ характерѣ уступки помѣщикомъ въ собственность крестьянамъ ихъ надѣловъ, должно было соотвѣтствовать нуждамъ не однихъ крестьянъ, но и помѣщиковъ.

При весьма неудовлетворительномъ дореформенномъ хозяйствѣ русскихъ помѣщиковъ, у послѣднихъ не могли накопиться запасные избытки для покрытія чрезвычайныхъ нуждъ. Съ реформою же 19 февраля было связано коренное измѣненіе въ способѣ хозяйничанья или извлеченія дохода изъ земли. Уже этого было достаточно, чтобы слѣдовавшій за 19-мъ февраля спросъ помѣщиковъ на ссудный капиталъ сдѣлался весьма сильнымъ. Но къ этой совершенно естественной и понятной причинѣ увеличенія нужды въ деньгахъ присоединялась еще прежняя задолженность русскаго землевладѣнія съ одной стороны и ликвидація съ 1859 года старыхъ кредитныхъ учрежденій съ другой. Какъ извѣстно, ко времени крестьянской реформы въ государственныхъ кредитныхъ установленіяхъ (сохранныя казны опекунскихъ совѣтовъ, государственный заемный банкъ и приказы общественнаго призрѣнія) состояло въ залогѣ къ 1859 году 44.166 имѣній, на которыхъ числилось долгу 425.503.061 р. («Труды ком. для устр. зем. банк.», т. I). При такой громадной задолженности, свидѣтельствующей о большой нуждѣ помѣщичьяго класса въ деньгахъ, пріостановленіе Высочайшимъ повелѣніемъ 16 апрѣля 1859 г., въ видахъ преобразованія государственныхъ кредитныхъ установленій, выдачи изъ нихъ ссудъ подъ залогъ помѣщичьихъ населенныхъ имѣній, вызывало настоятельную нужду въ новомъ источникѣ займовъ. Практическій результатъ трудовъ коммиссій для устройства земскихъ банковъ, какъ извѣстно, получился не сразу: устройство частныхъ земельныхъ банковъ началось только съ 1864 года, а до этого времени, съ 1861 года, выкупная операція представляла единственный изобильный источникъ удовлетворенія потребности помѣщика въ ссудномъ капиталѣ. Это естественно вело къ тому, что и многіе изъ ярыхъ противниковъ освобожденія вынуждены были согласиться на выкупъ ради развязки прежнихъ долговыхъ отношеній или для полученія вновь потребныхъ денежныхъ средствъ. Правда, «Положеніе» допускало переводъ долга прежнимъ кредитнымъ установленіямъ на надѣль-

ныя земли крестьянъ, которые состояли на оброкѣ, причемъ съ остальной земли снималось запрещеніе; но этотъ способъ былъ все-таки менѣе удобенъ съ точки зрѣнія полученія подъ залогъ имѣнія возможно большей ссуды, потому что переводъ долга допускался, какъ мы уже видѣли, лишь въ размѣрѣ 70% выкупной ссуды.

Вообще слѣдуетъ замѣтить, что задолженность дворянскаго землевладѣнія является важнымъ факторомъ въ практическомъ осуществленіи реформы 19 февраля.

Благодаря этой задолженности значительно облегчилась финансовая сторона выкупной операціи, такъ какъ при переводѣ помѣщичьихъ долговъ кредитнымъ установленіямъ на крестьянскіе надѣлы не требовалось выпуска процентныхъ бумагъ на всю сумму выкупной ссуды. По балансу выкупной операціи по 1-е января 1881 года, на 748.531.385 руб. 29 к. выкупной ссуды приходится 302.666.578 р. 88 к. долгу помѣщиковъ бывшимъ кредитнымъ установленіямъ.

Кромѣ дореформенной задолженности бывшихъ помѣщиковъ, послѣдующее развитіе ея при содѣйствіи земельныхъ банковъ также, по всему вѣроятію, не осталось безъ вліянія, въ смыслѣ ускоренія, на развязку обязательныхъ поземельныхъ отношеній. По «Положенію», съ переводомъ долга бывшимъ кредитнымъ установленіямъ на надѣлы временно-обязанныхъ крестьянъ, остальная земля освобождалась отъ запрещенія; равнымъ образомъ законъ не воспрещалъ закладывать въ банкъ имѣніе, по которому не прекратились обязательныя отношенія. Но въ дѣйствительности покончить съ послѣдними было необходимо, если владѣлецъ имѣнія желалъ воспользоваться ссудою изъ земельнаго банка, потому что до сихъ поръ поземельные банки не принимали въ залогъ имѣній съ невыкупленными крестьянскими надѣлами *). Въ связи съ этимъ невольно бросается въ глаза фактъ значительнаго возвышенія процента выкупныхъ сдѣлокъ въ 1871 г., съ котораго началось устройство акціонерныхъ земельныхъ банковъ.

Вліяніе задолженности на ходъ выкупной операціи невольно наводитъ на мысль, что какъ ни прискорбенъ самъ по себѣ фактъ большой задолженности крупнаго и средняго землевладѣнія, однако, благодаря стѣсненному въ денежномъ отношеніи положенію помѣ-

*) См. «Стенограф. отч. общ. собр. IV съѣзда представ. учреж. рус. земельнаго кредита», стр. 12.

щиковъ передъ 1861 годомъ и въ послѣдующее время,—крестьянская реформа была въ общемъ выгодна для крестьянъ и недостатки «Положенія» не дали въ дѣйствительности почувствовать себя во всей своей силѣ.

Разбирая значеніе выкупной операціи, нельзя не остановиться еще на одномъ весьма важномъ обстоятельствѣ. Сказаннаго мною уже достаточно, чтобы понять, что выкупная операція представляетъ самое существенное дополненіе къ освобожденію крѣпостнаго населенія съ землею. Но этого мало: вмѣстѣ съ тѣмъ она является едва ли не самою безубыточною въ исторіи русскихъ финансовъ.

Какъ извѣстно, по выкупнымъ ссудамъ, погашаемымъ въ 49 лѣтъ, правительство взимаетъ 5% интереса, 1/2% на погашеніе и 1/2% на расходы по операціи, на образованіе запаснаго капитала и проч.

Обративъ вниманіе на громадную сумму, болѣе 740.000.000 р., крестьянскаго долга по выкупной ссудѣ, уже à priori можно сказать, что какъ бы щедро ни опредѣлялись расходы по самой операціи, немыслимо, чтобъ они могли ежегодно поглощать 1/2% на всю эту сумму.

Дѣйствительно, уже въ «Объяснительной запискѣ къ отчету государственнаго контроля за 1871 годъ» мы читаемъ: «Государственное казначейство, несмотря на значительную недоимку въ слѣдующихъ ему срочныхъ взносахъ, не произвело затратъ изъ своихъ средствъ на платежи по выкупной операціи и даже могло своевременно располагать значительными суммами по сей операціи, наличность коихъ къ 1 января 1872 года составляла 35.163.844 руб.» *).

Данныя о движеніи суммъ по выкупной операціи за 15-ти-лѣтній періодъ (1861—1876 гг.) показываетъ, что 1/2% сверхъ 5 1/2% интереса и погашенія оказывается достаточнымъ не только для покрытія издержекъ на операціонные расходы, но они съ избыткомъ покрываютъ и всѣ недоимки по выкупнымъ платежамъ. За указанный 15-ти-лѣтній періодъ было только четыре года, когда всѣ расходы по выкупной операціи превышали доходы (въ 1862 году—на 76.575 руб., въ 1868 году—на 4.418.929 руб., въ 1872 г.—на 6.620.418 руб. и въ 1873 г.—на 144.828 руб.).

---

*) «Объяснительная записка къ отчету государственнаго контроля за 1871 годъ», стр. 40.

Общій же балансъ выкупной операціи за 15 лѣтъ даетъ въ пользу плюса 38.323.382 руб., или 2.554.892 руб. среднимъ числомъ въ годъ. Если мы возьмемъ послѣдній отчетъ государственнаго казначейства за смѣтный періодъ 1879 года, то въ объяснительной запискѣ (стр. 58) найдемъ, что расходъ по выкупной операціи въ этомъ году былъ менѣе поступленія (44.136 р. 97 коп.) на 1.910.630 руб. 74 коп.

Приведенныя мною цифры безспорно доказываютъ, что, несмотря на сравнительно незначительную недоимку въ 17.371.825 р. по выкупнымъ платежамъ, накопившуюся за весь періодъ, выкупная операція не только не дала дефицита, но за прошедшія 20 лѣтъ отъ нея долженъ былъ получиться избытокъ не менѣе 40.000.000 р. Другими словами, на основаніи данныхъ государственнаго контроля, въ настоящее время можно опредѣлить чистый доходъ отъ выкупной операціи въ 2,2½ милл. среднимъ числомъ въ годъ. «Что касается запаснаго капитала по выкупной операціи, то свѣдѣнія о немъ государственный контроль,—читаемъ мы въ объяснительной запискѣ,—будетъ имѣть возможность привести въ отчетѣ по исполненію росписи за 1880 г., такъ какъ назначенная, по соглашенію министерства финансовъ съ государственнымъ контролемъ, коммиссія, для установленія порядка и правилъ счетоводства и отчетности по этому капиталу, только нынѣ окончила свои дѣйствія».

Останавливаясь на вопросѣ о чистомъ доходѣ отъ выкупной операціи въ настоящее время, посмотримъ, до какой степени можно опасаться за ея будущіе балансы. Замѣчу, во-первыхъ, что общая сумма недоимки по выкупнымъ платежамъ, накопившаяся за прежніе годы, въ послѣднее время не только не увеличивается, но даже уменьшается, хотя и незначительно. Такъ къ 1878 г. недоимки по выкупнымъ платежамъ оставалось 18.381.023 руб., къ 1879 г.—174.461.141 руб. и, наконецъ, къ 1880 году—17.371.825 руб.*). Слѣдовательно съ этой стороны серьезной опасности не представляется. Пойдемъ далѣе. Изъ баланса выкупной операціи мы видимъ, что на крестьянскіе надѣлы было переведено болѣе 300.000.000 р. долга помѣщиковъ бывшимъ кредитнымъ установленіямъ.

Но изъ прежнихъ кредитныхъ установленій ссуды подъ населенныя имѣнія выдавались на 28 лѣтъ, съ платежомъ 2% по-

---

*) «Объясн. зап. къ отчету госуд. контр. за 1879 г.», стр. 56.

гашенія и 4% интереса, или на 33 года, при платежѣ 1½% погашенія и 4% интереса *). При сопоставленіи этихъ условій съ условіями ссуды по выкупной операціи видно, что послѣ окончанія погасительнаго срока по долгамъ бывшимъ кредитнымъ установленіямъ все остальное за тѣмъ время, до истеченія 49-тилѣтняго срока выкупной операціи, чистый доходъ послѣдней долженъ будетъ возрасти на всю сумму платежей по долгамъ прежнимъ кредитнымъ установленіямъ, которая, напримѣръ, въ 1879 г. равнялась 13.595.815 р. 49 коп. процентовъ, кромѣ 2.684.270 р. 97 коп. погашенія, или всего болѣе 16.000.000 руб.

Но если при теперешнихъ условіяхъ выкупной операціи она должна давать значительный чистый доходъ, то невольно является вопросъ, въ чью же пользу долженъ идти этотъ чистый доходъ.

Нечего и говорить, что выкупная операція задумана не въ видахъ извлеченія изъ нея государственнаго дохода. Основная и единственная цѣль ея—была и должна оставаться таковою—состояла въ содѣйствіи крестьянамъ въ пріобрѣтеніи земель отъ помѣщиковъ, а это достигается тѣмъ полнѣе, чѣмъ дешевле и скорѣе совершится такое пріобрѣтеніе. Поэтому полученіе чистаго дохода при окончательной ликвидаціи дѣлъ главнаго выкупнаго учрежденія было бы противорѣчіемъ основной цѣли операціи и очевиднымъ доказательствомъ предосудительнаго уклоненія отъ основныхъ началъ государственнаго хозяйства. Установивъ это положеніе, противъ котораго едва ли возможно представить сколько-нибудь основательные доводы, мы получимъ изъ него, уже какъ логическій выводъ, практическое требованіе: необходимо уничтожить теперешній чистый доходъ отъ выкупной операціи, обративъ его на лучшее осуществленіе коренной цѣли ея—содѣйствія пріобрѣтенію земли крестьянами.

Достигнуть этого можно двумя пріемами: 1) пониженіемъ выкупныхъ платежей въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ выкупная ссуда наименѣе соотвѣтствуетъ дѣйствительной цѣнности земли, и 2) сокращеніемъ срока погашенія. Что касается послѣдняго, то, не вдаваясь въ точное исчисленіе возможнаго размѣра этого пониженія, я замѣчу здѣсь, что, принявъ на 700.000.000 р. выкупной ссуды размѣръ чистаго дохода въ 2.000.000 р., мы будемъ имѣть болѣе ¼%, или, обративъ ихъ на погашеніе капитальной суммы долга, получимъ ¾% погашенія, вмѣсто ½%, установленнаго «Положеніемъ».

*) «Труды коммиссіи для устр. зем. банк.», т. I, стр. 59—61.

Сокращеніе срока выкупа, еслибъ оно было признано возможнымъ, нельзя не считать весьма важною экономическою мѣрою, потому что прекращеніе обязательныхъ платежей за землю по окончаніи погасительнаго срока должно оказать и сильное вліяніе въ смыслѣ поднятія матеріальнаго благосостоянія крестьянскаго населенія.

Это слѣдуетъ всегда имѣть въ виду какъ при оцѣнкѣ крестьянской реформы вообще, такъ и въ частности, когда разбираютъ вопросъ о тяжести выкупныхъ платежей.

Все, что я говорилъ до сихъ поръ, достаточно выясняетъ сущность выкупной операціи, равно какъ и значеніе ея для установленія нормальныхъ отношеній между работникомъ-землевладѣльцемъ и его основнымъ орудіемъ труда—землею. Однако, несмотря на то, что по своимъ результатамъ выкупная операція представляетъ чрезвычайно благодѣтельную мѣру для крестьянскаго населенія, участія въ ней лишена обширная группа этого населенія, болѣе 9.000.000 ревизскихъ душъ. Я разумѣю здѣсь группу государственныхъ крестьянъ.

На группу бывшихъ государственныхъ крестьянъ обыкновенно указываютъ какъ на поставленную въ гораздо лучшее экономическое положеніе, чѣмъ бывшіе помѣщичьи крестьяне. Это совершенно справедливо и легко доказывается какъ сравнительнымъ разборомъ «Положенія объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости» и «Положенія о бывшихъ государственныхъ крестьянахъ», такъ и существующими статистическими изслѣдованіями.

Но рядомъ съ этимъ не слѣдуетъ упускать изъ виду, что и «Положеніе о бывшихъ государственныхъ крестьянахъ» не безъ существенныхъ недостатковъ, изъ которыхъ я укажу прежде всего на неопредѣленность отношеній этихъ крестьянъ къ своей землѣ.

Благодаря выкупной операціи, бывшіе помѣщичьи крестьяне, приступивъ къ выкупу, по прошествіи 49 лѣтъ освобождаются отъ спеціальныхъ платежей за землю и дѣлаются съ этихъ поръ полными собственниками выкупленной земли.

Что же касается до временно-обязанныхъ, то хотя «Положеніе» не ограничиваетъ никакимъ срокомъ *временной* обязанности крестьянъ передъ помѣщикомъ, но за то предѣлы этой обязанности въ формѣ оброчныхъ платежей, разъ опредѣленные, не могутъ быть измѣнены по произволу помѣщиковъ.

Денежный оброкъ, который, согласно «Положенію», долженъ былъ оставаться неизмѣннымъ въ продолженіе 20 лѣтъ (М. П. В., ст.

185) и который, на основаніи Высочайше утвержденнаго 23 января 1879 г. мнѣнія государственнаго совѣта, продленъ еще на 10 лѣтъ, требуетъ для своего пересмотра согласія высшей государственной власти, почему возвышеніе оброка и не можетъ имѣть мѣсто въ результатѣ такого пересмотра.

Въ самомъ дѣлѣ, положимъ, что рентная доходность земель, вслѣдствіе общаго экономическаго развитія Россіи и сосѣднихъ странъ, во многихъ мѣстностяхъ значительно возрасла сравнительно съ 1861 годомъ, но развѣ возможно, чтобы государство на этомъ основаніи увеличило бы обложеніе крестьянскаго населенія въ пользу частныхъ лицъ, прежнихъ помѣщиковъ?

Совсѣмъ другое дѣло съ оброчною податью бывшихъ государственныхъ крестьянъ. Она составляетъ доходъ государства.

По «Положенію о бывшихъ государственныхъ крестьянахъ», оброчная подать также до истеченія 20 лѣтъ, то-есть до 20 ноября 1886 года, остается неизмѣнною. Но затѣмъ въ какую сторону можетъ быть сдѣлано это измѣненіе? «Положеніе» молчитъ объ этомъ. Между тѣмъ отъ рѣшенія этого вопроса зависитъ отвѣтъ на другой весьма важный вопросъ: дѣйствительно ли бывшіе государственные крестьяне, какъ говорится въ «Положеніи» (135 ст. т. II), есть крестьяне-собственники, или они только наслѣдственные арендаторы казенныхъ земель, съ правомъ казны время отъ времени измѣнить размѣръ арендной платы (оброчной подати)?

Въ послѣднемъ случаѣ черезъ 40—50 лѣтъ бывшіе государственные крестьяне могутъ оказаться въ худшемъ положеніи, чѣмъ группа бывшихъ помѣщичьихъ. Правда, по буквѣ «Положенія 1866 г.», и бывшіе государственные крестьяне могутъ обезпечить себя отъ возвышенія оброчной подати выкупомъ надѣльной земли. По ст. 24, сельскимъ обществамъ и владѣльцамъ подворныхъ участковъ земель, обложенныхъ государственной оброчною податью, «предоставляется освободиться отъ платежа всей или части сей подати посредствомъ взноса въ губернское или уѣздное казначейство государственными процентными бумагами такого капитала, *проценты* съ коего равнялись бы той суммѣ оброчной подати, отъ коей общество или владѣлецъ участка желаетъ освободить свои земли. Взносимый процентными бумагами капиталъ долженъ составлять не менѣе ста рублей по нарицательной цѣнѣ бумагъ» («Пол. о быв. госуд. кр.», ст. 24). Разбирая это «Положеніе» по существу, мы находимъ, что оно 1) устанавливаетъ для громаднаго большинства возможность права

выкупа лишь de jure, а не de facto, и 2) тѣмъ самымъ создаетъ привилегію освобожденія отъ платежа оброчной подати для наиболѣе состоятельнаго меньшинства.

Между тѣмъ, оставаясь даже просто послѣдовательнымъ, государство должно было бы, подобно тому, какъ сдѣлано въ «Положеніи 19 февраля», установивъ право выкупа, сдѣлать его въ то же время возможнымъ не для однихъ только состоятельныхъ и богатыхъ, а такой цѣли лучше всего можно было достигнуть распространеніемъ содѣйствія правительства, въ формѣ выкупной операціи, и государственнымъ крестьянамъ наравнѣ съ бывшими помѣщичьими.

Выкупная операція въ примѣненіи къ крестьянамъ бывшимъ государственнымъ, кромѣ общей пользы, никакого ущерба казнѣ принести не могла бы, тѣмъ болѣе, что даже по отношенію къ бывшимъ помѣщичьимъ крестьянамъ она, какъ мы видѣли, представляется блестящею съ финансовой точки зрѣнія. Но если на нее не было обращено вниманія раньше, то во всякомъ случаѣ, какъ говоритъ пословица: «mieux vaut tard que jamais».

Примѣненіе выкупной операціи къ бывшимъ государственнымъ крестьянамъ можетъ имѣть чрезвычайно важныя экономическія послѣдствія: 1) она внесетъ единство въ будущій аграрный строй земледѣльческой Россіи; 2) она сдѣлаетъ всѣхъ крестьянъ, надѣленныхъ землею, крестьянами-собственниками въ полномъ смыслѣ, то-есть обезпеченными вѣчнымъ владѣніемъ и пользованіемъ землею безъ всякихъ специальныхъ за это платежей; 3) она дастъ возможность съ большею равномѣрностью распредѣлить выкупныя тягости и облегчить такимъ образомъ на счетъ государственныхъ болѣе обдѣленную группу крестьянъ бывшихъ помѣщичьихъ; 4) она можетъ дать громадныя средства для широкаго развитія государственныхъ мѣръ для содѣйствія къ освобожденію крестьянъ отъ экономической зависимости, то-есть къ увѣнчанію зданія, которому положено основаніе «Положеніемъ 19 февраля 1861 года».

Убѣжденный въ благодѣтельныхъ результатахъ, которые могутъ произойти отъ расширенія сферы выкупной операціи на бывшихъ государственныхъ крестьянъ, я долженъ въ то же время указать, что для прочности этихъ результатовъ необходимо внести одну важную поправку въ законодательство, опредѣляющее отношеніе крестьянскаго населенія къ землѣ. Эта поправка необходима какъ для крестьянъ бывшихъ государственныхъ, въ особен-

ности если къ нимъ будетъ примѣнена выкупная операція, такъ и къ крестьянамъ бывшимъ помѣщичьимъ, для которыхъ эта операція уже создана «Положеніемъ 19 февраля».

Статья 159 «Положенія о выкупѣ» говоритъ, что «по уплатѣ выкупной ссуды на выкупленныя земли распространяются правила, установленныя въ «Общемъ Положеніи о крестьянахъ вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости», то-есть крестьяне могутъ отчуждать выкупныя земли, отдавать ихъ въ залогъ и вообще распоряжаться ими съ соблюденіемъ общихъ узаконеній, установленныхъ на сей предметъ для сельскихъ обывателей («Общ. Полож.», ст. 33).

Въ настоящее время значеніе этой статьи практически выясниться еще не могло, такъ какъ изъ государственныхъ крестьянъ незначительный процентъ выкупили свою землю, а по отношенію къ бывшимъ помѣщичьимъ крестьянамъ имѣетъ силу статья 170 «Положенія о выкупѣ», по которой, «до погашенія выкупной ссуды, пріобрѣтенная сельскимъ обществомъ или отдѣльнымъ крестьянскимъ дворомъ земля не можетъ быть представлена въ залогъ ни для полученія ссуды изъ кредитнаго установленія, ни по обязательствамъ съ казною или частными лицами», и ст. 126, которая говоритъ: «Выкупные платежи взыскиваются съ крестьянъ преимущественно передъ частными ихъ долгами, а потому, *до погашенія выкупной ссуды*, *взысканіе съ крестьянъ по таковымъ долгамъ не можетъ быть обращено на пріобрѣтенную при посредствѣ выкупной операціи землю* и необходимыя принадлежности хозяйства и сельскаго промысла крестьянъ» («Св. узак. о крест.», ст. 149).

Но съ того момента, когда для большинства крестьянъ окончится срокъ погашенія выкупной ссуды, если не будетъ сдѣлана надлежащая поправка въ законодательствѣ, начнется гибельное въ экономическомъ смыслѣ явленіе — округленіе земельной собственности состоятельныхъ крестьянъ на счетъ односельчанъ, переходъ крестьянскихъ земель въ руки скупщиковъ-промышленниковъ, — однимъ словомъ, быстрое развитіе сельскаго пролетаріата.

Въ настоящее время мы часто слышимъ о развитіи кулачества въ сельской средѣ и закабаленіи бѣднѣйшихъ путемъ неоплатнаго долга; но, разъ законъ это допуститъ, самою выгодною аферой для всякаго рода кулаковъ сдѣлается обезземеленіе своихъ должниковъ-крестьянъ.

Частный кредитъ—вещь хорошая; но развѣ мало случаевъ разоренія, какъ послѣдствія соблазна въ трудную минуту воспользоваться ссудою изъ земельнаго банка? А съ тѣхъ поръ, какъ вся крестьянская земля сдѣлается объектомъ залога, не замедлятъ явиться и народные земельные банки съ обязательными услугами крестьянскому населенію. На такое предположеніе мнѣ могутъ замѣтить, что государство въ правѣ и не разрѣшить открытія подобныхъ банковыхъ учрежденій; но тогда оно пойдетъ въ разрѣзъ съ самимъ собою, съ одной стороны разрѣшая закладывать, а съ другой—запрещая организованную ссуду. Да къ тому же это не поможетъ дѣлу, такъ какъ возникнетъ закладъ отдѣльнымъ частнымъ лицамъ; кромѣ того крестьянскіе надѣлы станутъ поступать въ аукціонную продажу, помимо залоговаго кредита, и по частнымъ взысканіямъ.

На основаніи приведенныхъ соображеній я полагаю, что если надѣленіе землею крестьянъ имѣетъ цѣлью обезпеченіе быта крестьянскаго населенія вообще, а не отдѣльныхъ единицъ, то одна изъ самыхъ насущныхъ поправокъ къ нему должна состоять въ нѣкоторомъ ограниченіи крестьянской собственности.

Крестьянская земля, пріобрѣтенная при посредствѣ государства, должна быть изъята изъ сферы свободнаго обращенія. Государство должно удержать за собою верховное право собственности на эту землю, оставя ненарушимымъ право вѣчнаго владѣнія и пользованія ею крестьянами, съ воспрещеніемъ послѣднимъ свободной продажи и заклада земли, пріобрѣтенной съ содѣйствія правительства. Иначе говоря, необходимо сдѣлать въ аграрномъ законодательствѣ господствующимъ началомъ тотъ же принципъ вѣчнаго пользованія крестьянъ и права государства на землю, какой мы видимъ въ «Положеніи о бывшихъ государственныхъ крестьянахъ», въ связи съ выкупомъ надѣльной земли отъ обязательныхъ спеціальныхъ платежей за нее въ формѣ оброчной подати или вообще платежей, имѣющихъ характеръ арендной платы за землю.

Считаю не лишнимъ указать здѣсь, что предлагаемое мною изъятіе изъ сферы свободнаго обращенія крестьянскихъ земель нисколько не противорѣчитъ духу существующихъ русскихъ гражданскихъ законовъ.

По статьѣ 467—493 т. X, какъ извѣстно, допускается для потомственнаго дворянства, съ разрѣшенія и утвержденія Его Императорскаго Величества, учрежденіе заповѣдныхъ имѣній, при

чемъ послѣднія не должны заключать въ себѣ менѣе 10.000 и болѣе 100.000 десятинъ удобной земли или же приносить средняго въ годъ дохода не менѣе 12.000 и не болѣе 100.000 рублей. По статьѣ 488, владѣлецъ заповѣднаго имѣнія, пользуясь всѣми доходами и другими удобствами и выгодами, съ владѣніемъ онаго соединенными, *не только не можетъ отчуждать какой-либо части* имѣнія, въ противность статьѣ 485, *но не имѣетъ права и отдавать его въ залогъ или вообще обременять долгами или повинностями*, кромѣ лишь тѣхъ особенныхъ случаевъ, о коихъ упомянуто въ статьѣ 489.

Но если государство считаетъ полезнымъ существованіе заповѣдныхъ имѣній ради обезпеченія отъ матеріальнаго упадка сильныхъ дворянскихъ родовъ, то развѣ не въ 10—100 разъ важнѣе заповѣдать крестьянскія земли, притомъ не во имя отдѣльныхъ крестьянскихъ семей, а ради обезпеченія отъ матеріальнаго упадка всего крестьянскаго населенія, главнаго кормильца и опоры государства?

Признавая необходимымъ воспретить продажу крестьянскихъ земель, я однако не думаю во что бы то ни стало прикрѣплять крестьянина къ землѣ. Если по тѣмъ или другимъ причинамъ онъ захочетъ оставить земледѣліе вообще или перейти въ другую мѣстность, онъ можетъ отказаться отъ своего надѣла, но не иначе, какъ въ пользу государства, которое наравнѣ съ выморочными землями передаетъ такую отказную землю другому нуждающемуся крестьянину на прежнихъ началахъ выкупа. Является вопросъ: справедливо ли будетъ въ этомъ случаѣ нарушить право собственности крестьянина на результатъ его многолѣтняго труда, на тѣ сбереженія, которыя онъ вносилъ государству въ формѣ выкупныхъ платежей?—Конечно, нѣтъ. Поэтому рядомъ съ правомъ государства на отказную землю должна существовать и его обязанность возвратить въ формѣ особыхъ выкупныхъ крестьянскихъ свидѣтельствъ или другимъ способомъ капитальную сумму выкупной ссуды, которая за тѣмъ погашается новымъ владѣльцемъ отказнаго участка. Такимъ образомъ, сохранивъ священное право собственности крестьянина на результатъ его труда, государство вмѣстѣ съ тѣмъ устранитъ возможность обращенія въ личную собственность капитализированной суммы увеличенной земельной ренты.

Выяснимъ на примѣрѣ значеніе послѣдняго обстоятельства. Представимъ себѣ, что по окончаніи погасительнаго срока крестьянинъ

янинъ почему-либо захочетъ оставить свой надѣлъ. При существованіи неограниченнаго права продажи выкупленной земли, онъ постарается продать ее какъ можно дороже и ужъ, конечно, не заботясь о томъ, въ чьи руки перейдетъ земля. Весьма вѣроятно, что при продажѣ крестьянинъ выручитъ гораздо болѣе, чѣмъ земля обошлась ему самому благодаря содѣйствію государства. Это понятно изъ того, что продажная цѣна земли главнымъ образомъ зависитъ отъ доходности ея, и доходъ отъ земли, опредѣленный въ деньгахъ, возрастаетъ, не говоря о другихъ причинахъ, уже отъ одного увеличенія народонаселенія, что равносильно усиленію спроса на предметы первой необходимости.

Такимъ образомъ если продажный участокъ перейдетъ даже въ руки крестьянина, то послѣдній пріобрѣтаетъ его по высокой цѣнѣ и обременяетъ себя, въ случаѣ покупка будетъ связана съ займомъ, значительными платежами; другими словами, несмотря на то, что безъ участія государства продавецъ можетъ быть вовсе и не владѣлъ бы землею,—при отчужденіи ея, всею выгодой незаслуженно воспользуется одна сторона въ ущербъ другой.

Иное дѣло, если право продажи будетъ ограничено въ указанномъ мною смыслѣ. Крестьянинъ, который не пожелаетъ воздѣлывать свой выкупленный надѣлъ, получитъ отъ государства сумму первоначальной дѣйствительной стоимости земли; послѣдняя по той же цѣнѣ перейдетъ къ другому нуждающемуся земледѣльцу, что весьма скоро поведетъ къ поднятію хозяйственнаго уровня новаго владѣльца. Но и первоначальный владѣлецъ не останется въ убыткѣ. Получивъ накопленный имъ, путемъ выкупныхъ платежей, капиталъ, прежній владѣлецъ, если пожелаетъ посвятить себя ремесленному или фабричному труду, получитъ вмѣстѣ съ тѣмъ возможность стать въ болѣе независимое положеніе отъ предпринимателя, чѣмъ современный рабочій.

Сказаннаго до сихъ поръ объ ограниченіи права собственности крестьянъ на землю, выкупленную при содѣйствіи государства, на мой взглядъ совершенно достаточно, чтобы понять, что разумѣю я подъ изъятіемъ крестьянскихъ земель изъ сферы свободнаго обращенія, и оцѣнить значеніе этого изъятія въ вопросѣ о реформѣ выкупной операціи.

Я раньше указалъ на необходимость реформы выкупной операціи въ смыслѣ примѣненія послѣдней къ государственнымъ крестьянамъ. Однако реформированіе выкупной операціи не должно

ограничиваться только простымъ расширеніемъ сферы ея дѣйствія. Съ этимъ необходимо соединить болѣе равномѣрное распредѣленіе выкупныхъ платежей вообще, т. е. облегчить платежи бывшихъ помѣщичьихъ, распредѣливъ часть ихъ на земли бывшихъ государственныхъ крестьянъ.

По отчету государственнаго контроля за смѣтный періодъ 1879 года, оброчной подати и лѣснаго налога, включеннаго во владѣнныя записи, слѣдовало къ поступленію въ этомъ году 35.369.708 рублей.

Возьмемъ круглую сумму въ 36.000.000. Капитализируя ее изъ 5%, мы получимъ 720.000.000 р. Если взять 1% на погашеніе и расходы по операціи, то въ результатѣ мы будемъ имѣть увеличеніе оброчныхъ платежей на 7.200.000 р., или на 20% теперешняго размѣра. Обративъ вниманіе на то обстоятельство, что бывшіе государственные крестьяне при бо́льшихъ надѣлахъ, чѣмъ помѣщичьи, несутъ гораздо меньшій платежъ на десятину, что эта разность обыкновенно колеблется отъ 100 до 200%, то не трудно понять, что если оброчная подать будетъ возвышена, ради облегченія выкупныхъ платежей крестьянъ бывшихъ помѣщичьихъ, и на нѣсколько большій процентъ, чѣмъ 20, то и тогда крестьяне бывшіе государственные все-таки будутъ гораздо менѣе обремены платежами и относительно на десятину, и абсолютно на душу, чѣмъ теперь бывшіе помѣщичьи крестьяне.

На послѣднее предположеніе мнѣ могутъ замѣтить, что я проектирую увеличеніе налога, падающее все-таки на крестьянское населеніе, въ то время, когда у насъ остаются почти внѣ обложенія чистые доходы отъ капиталовъ и вообще доходы привилегированныхъ классовъ. Въ предупрежденіе подобнаго недоразумѣнія, считаю не лишнимъ оговориться, что, кромѣ погасительной части платежей, я имѣю въ виду лишь болѣе справедливое и равномѣрное распредѣленіе существующей тягости, а не ея увеличеніе, какъ источникъ государственнаго дохода, притомъ тягости платежей спеціальныхъ, выкупныхъ и оброчныхъ за землю, которое, по моему убѣжденію, необходимо выдѣлять изъ общей податной сферы.

Что касается до облегченія податной тягости крестьянскаго населенія, путемъ привлеченія состоятельныхъ классовъ къ подоходному обложенію, то, вполнѣ сочувствуя и желая осуществленія этой идеи, я тѣмъ не менѣе полагаю, что существенное облегченіе населенія можетъ произойти лишь отъ болѣе равно-

мѣрнаго распредѣленія обязательныхъ платежей, падающихъ на главную массу населенія съ одной стороны, въ связи съ сокращеніемъ расходовъ—съ другой. При нашемъ громадномъ бюджетѣ и часто непроизводительныхъ расходахъ, эти сокращенія, проведенныя твердою рукою, дали бы безъ всякаго ущерба государственному хозяйству въ десять разъ большіе результаты, чѣмъ доходное обложеніе при продолжающемся возрастаніи расходовъ.

Изъ приведеннаго выше приблизительнаго разсчета оказывается, что выкупъ земель бывшими государственными крестьянами можетъ дать кромѣ теперешняго дохода отъ оброчной подати еще капитальную сумму въ 700—800.000.000 руб. Этотъ капиталъ въ свою очередь государство свободно можетъ обратить въ могущественный фондъ для широкаго развитія стройной системы государственнаго содѣйствія къ освобожденію населенія отъ экономической зависимости, т. е. къ увѣнчанію зданія, которому прочный фундаментъ положенъ великимъ актомъ 19 февраля.

Откладывая разсмотрѣніе относящихся сюда мѣръ до другаго раза, въ настоящемъ докладѣ я ограничусь только перечисленіемъ ихъ въ тезисахъ.

Итакъ, въ концѣ концовъ я прихожу къ слѣдующему заключенію:

Чтобы крестьянская реформа въ своемъ развитіи привела дѣйствительно къ обезпеченію быта крестьянскаго населенія, необходимо:

1. Руководящимъ принципомъ экономической политики государства сдѣлать принципъ вѣчнаго владѣнія и пользованія крестьянъ землею съ сохраненіемъ верховнаго права собственности за государствомъ.

2. Крестьянскія земли навсегда изъять изъ сферы свободнаго обращенія.

3. Примѣнить выкупную операцію къ бывшимъ государственнымъ крестьянамъ, съ обращеніемъ погасительной части платежей на широкое развитіе мѣръ къ освобожденію крестьянъ отъ экономической зависимости.

4. Въ связи съ примѣненіемъ выкупной операціи къ бывшимъ государственнымъ крестьянамъ, реформировать всю операцію, въ смыслѣ принятія выкупа за счетъ государства, съ распредѣленіемъ затѣмъ выкупныхъ платежей равномѣрно на всѣ крестьянскія земли.

5. Организовать стройную систему государственныхъ мѣръ для содѣйствія крестьянамъ въ освобожденіи ихъ изъ экономической зависимости. Сюда я отношу:

а) выкупъ земель временно-обязанныхъ крестьянъ за счетъ государства;

б) отчужденіе всѣхъ удобныхъ казенныхъ земель въ вѣчное владѣніе и пользованіе крестьянъ, на началахъ выкупа капитальной цѣнности земли;

в) пріобрѣтеніе продажныхъ земель за счетъ государства и обращеніе ихъ, равно какъ и имѣній выморочныхъ, въ вѣчное владѣніе и пользованіе крестьянъ, на общихъ основаніяхъ отчужденія казенныхъ земель;

г) краткосрочный сельскохозяйственный кредитъ, разсчитанный на земледѣльческую среду;

д) улучшеніе крестьянскаго хозяйства—и

е) переселеніе.

Post scriptum.

Для теоретика-изслѣдователя не можетъ быть лучшей награды за трудъ, лучшаго поощренія, какъ оправданіе на практикѣ, самою жизнью, теоретическихъ выводовъ и предположеній.

По поводу сдѣланнаго мною *4 апрѣля* сообщенія Императорскому Вольно-Экономическому Обществу, на первой страницѣ *Новаго Времени* (6 апрѣля № 1834) напечатано слѣдующее: «Есть вопросы, которые слѣдуетъ затрогивать съ большею деликатностью, если можно такъ выразиться. Къ сожалѣнію, именно къ такимъ-то вопросамъ чаще всего подходятъ грубо, слишкомъ рѣзко, и вмѣсто пользы для дѣла получается прямой вредъ: ни съ того, ни съ сего создаются затрудненія для правильнаго, постепеннаго разрѣшенія вопроса,—затрудненія въ формѣ предразсудковъ и предубѣжденій, съ которыми иногда труднѣе справиться, чѣмъ съ самыми большими матеріальными препятствіями. Не ради укора, а единственно ради пользы дѣла мы адресуемъ это замѣчаніе Вольно-Экономическому Обществу по поводу вчерашнихъ преній о нѣкоторыхъ частностяхъ крестьянскаго вопроса.

«Эти пренія вызваны были докладомъ г. Ходскаго, который поставилъ на обсужденіе собранія слѣдующія положенія, по его мнѣнію, необходимыя въ тѣхъ видахъ, чтобы крестьянская реформа въ своемъ развитіи привела къ обезпеченію быта крестъ-

янскаго населенія». Далѣе слѣдуетъ перечисленіе выставленныхъ мною положеній. «Какъ видите,—продолжаетъ затѣмъ *Новое Время*,—тутъ захватывается широкая область, чуть не все содержаніе крестьянскаго вопроса не только въ настоящемъ, но и въ будущемъ. Но если обратиться къ названнымъ положеніямъ съ практическимъ запросомъ — что можно и что слѣдуетъ сдѣлать сейчасъ и какъ сдѣлать, то отвѣтъ мы получимъ одинъ, и притомъ очень странный: нужно привлечь къ выкупной операціи государственныхъ крестьянъ, которые, какъ извѣстно, теперь платятъ оброчную подать, хотя и не лишены права на извѣстныхъ основаніяхъ выкупить свои надѣлы въ собственность».

Затѣмъ нѣсколько ниже: «Конечно, г. Ходскій ничуть не врагъ государственныхъ крестьянъ, а напротивъ онъ строитъ свои проекты въ видахъ общаго блага и даже доказываетъ, что съ осуществленіемъ его проекта въ будущемъ, лѣтъ черезъ 50, и государственные крестьяне будутъ въ лучшемъ положеніи, чѣмъ теперь. Удивительная дальнозоркость! Можно подумать, что въ настоящую минуту у насъ, что называется, «горюшка мало», а пожалуй и совсѣмъ его нѣтъ, если мы пытаемся прозрѣть черезъ 50 лѣтъ и принять «надлежащія мѣры», чтобы тогда худо не было».

Тотъ, кому попался въ руки этотъ нумеръ весьма распространенной газеты, могъ и невѣсть что подумать о содержаніи моего доклада. Нѣкоторые изъ присутствовавшихъ въ засѣданіи Общества совѣтовали мнѣ не оставлять безъ возраженія замѣтку *Новаго Времени*. Въ настоящее время я однако весьма доволенъ, что не послѣдовалъ этому совѣту, такъ какъ въ послѣднее время я имѣлъ удовольствіе прочесть въ той же газетѣ статьи, которыя могутъ служить полнѣйшимъ опроверженіемъ приведеннаго выше отзыва и на которыхъ, въ интересахъ самаго дѣла, я считаю нужнымъ теперь сдѣлать маленькое удареніе.

Менѣе чѣмъ черезъ мѣсяцъ послѣ приведенной замѣтки передовая статья *Новаго Времени* уже сообщила о томъ, что 27-го апрѣля «Государственный совѣтъ утвердилъ уменьшеніе выкупныхъ платежей на девять милліоновъ» (*Новое Время*, № 1858). Всякій, кто потрудится хотя бѣгло просмотрѣть мою статью, легко убѣдится въ томъ, что въ ней довольно видное мѣсто отводится несоразмѣрности выкупныхъ платежей, говорится о чистомъ доходѣ отъ выкупной операціи и о необходимости обратить его на пониженіе выкупныхъ платежей и уменьшеніе срока выкупа. Такимъ образомъ сопоставленіе сказаннаго мною въ началѣ

апрѣля и сообщенія *Новаго Времени* о рѣшеніи государственнаго совѣта служитъ лучшимъ доказательствомъ, что, кромѣ заглядыванья въ далекое будущее, я вовсе не такъ, какъ утверждаетъ *Новое Время*, игнорировалъ вопросъ о томъ, «что нужно сейчасъ».

Вопросъ о пониженіи выкупныхъ платежей въ нашей литературѣ — вопросъ сравнительно старый и общеизвѣстный, и въ своемъ докладѣ, не касаясь деталей, я только могъ присоединить свой голосъ къ общему голосу весьма многихъ. Съ своей стороны я сдѣлалъ попытку опредѣлить, на основаніи неоспоримыхъ документовъ, размѣръ чистаго дохода отъ выкупной операціи, желая этимъ дать фактическую опору поборникамъ пониженія выкупныхъ платежей.

Но что для меня было особенно пріятно, такъ это то обстоятельство, что не далѣе какъ 2-го мая читатели *Новаго Времени* могли убѣдиться, что и моя «удивительная дальнозоркость», мое заглядыванье въ отдаленное будущее оказалось имѣющимъ практическій интересъ и въ данную минуту.

Въ № 1858 *Новаго Времени* на первой страницѣ я прочелъ 2-го мая слѣдующее: «Въ послѣднее время *Московскія Вѣдомости* посвятили нѣсколько интересныхъ статей деталямъ крестьянскаго дѣла и въ этомъ отношеніи передовая статья газеты въ № 114 заслуживаетъ серьезнаго вниманія:

«17 декабря 1880 года въ симбирскомъ губернскомъ земскомъ собраніи былъ поднятъ вопросъ о 165 статьѣ «Положенія», касающейся выкупа крестьянскихъ надѣловъ. Статья эта даетъ каждому члену общины право выдѣлить изъ общиннаго владѣнія свой участокъ земли, внеся въ мѣстное казначейство причитающуюся на этомъ участкѣ выкупную ссуду. Тамъ, гдѣ оцѣнка крестьянскаго надѣла оказывается выше мѣстной рыночной на него цѣны, тамъ статья эта представляетъ почти мертвую букву закона,—ею можетъ воспользоваться только богатый крестьянинъ и только въ свою личную пользу. Напротивъ, гдѣ оцѣнка крестьянскаго надѣла ниже его дѣйствительной стоимости, тамъ, на основаніи той же 165 статьи, является возможность существованія особаго вида спекуляціи. Крестьянинъ (съ помощью даже чужихъ денегъ) можетъ выдѣлить свой общинный надѣлъ въ собственность и, какъ собственность, передать его третьему лицу, причемъ получитъ порядочную премію. Симбирское земство потому и занялось этой, въ другихъ мѣстахъ забытою, статьей,

что въ Симбирской губерніи рыночная стоимость земли въ четыре раза превышаетъ ея выкупную цѣну, а потому выкупы общинныхъ надѣловъ учащаются и земля мало-по-малу становится собственностью кулаковъ, кабатчиковъ и міроѣдовъ».

Этого мало. Фактъ, о которомъ передали *Московскія Вѣдомости*, настолько обратилъ вниманіе *Новаго Времени*, что перепечатка изъ *Московскихъ Вѣдомостей* повторилась и въ ближайшемъ воскресномъ фельетонѣ газеты. Фактъ, безспорно, заслуживаетъ серьезнаго вниманія. Внутренній смыслъ его понять не трудно.

Онъ нагляднымъ образомъ свидѣтельствуетъ, что разъ крестьянинъ получаетъ право свободной продажи своего надѣла, то высокая цѣна земли, съ одной стороны, и нужда въ деньгахъ, съ другой, могутъ побудить его, даже несмотря на нѣкоторую предварительную процедуру, связанную съ выдѣломъ своего участка изъ общаго надѣла, къ продажѣ надѣльной земли кулакамъ, кабатчикамъ и міроѣдамъ.

Въ данномъ случаѣ дѣло идетъ о частномъ фактѣ, о практическихъ послѣдствіяхъ примѣненія статьи 165 «Положенія о выкупѣ».

Не имѣя ни малѣйшаго понятія о томъ, что симбирское земство уже обратило вниманіе на стремленіе кулаковъ и міроѣдовъ воспользоваться недостатками «Положенія», чтобъ изъять изъ слабыхъ крестьянскихъ рукъ ихъ землю въ свои «крѣпкія», я въ своемъ докладѣ, анализируя «Положеніе», указалъ на возможность подобнаго явленія и на гибельныя послѣдствія этого, съ тою только разницей, что я ставилъ вопросъ нѣсколько шире, примѣнительно ко всѣму крестьянству.

Фактъ, о которомъ, по почину симбирскаго земства, заговорила печать, наглядно доказываетъ, до какой степени можетъ сдѣлаться опаснымъ право полнаго распоряженія крестьянъ своими надѣлами, по мѣрѣ приближенія окончанія срока выкупа, въ особенности еще при томъ, что съ окончаніемъ выкупа можно будетъ и частныя взысканія обращать на крестьянскіе надѣлы.

Не слѣдуетъ упускать изъ виду и того, что факты, подобные указаннымъ симбирскимъ земствомъ, возможны въ отношеніи не однихъ только помѣщичьихъ крестьянъ. При значительномъ возвышеніи продажныхъ цѣнъ на земли, едва ли можно считать мало вѣроятными такіе случаи, когда нѣкоторые изъ бывшихъ государственныхъ крестьянъ станутъ единовременнымъ

взносомъ процентныхъ бумагъ (ст. 24 «Пол. о бывш. гос. кр.») на сумму, проценты съ которой равнялись бы суммѣ оброчной подати, выкупать свой надѣлъ въ видахъ отчужденія его... кулакамъ, кабатчикамъ и міроѣдамъ.

Надѣюсь, что послѣ статьи *Московскихъ Вѣдомостей* по поводу симбирскаго земства и для *Новаго Времени* сдѣлается понятнымъ смыслъ моего втораго положенія объ изъятіи крестьянскихъ земель изъ сферы свободнаго обращенія.

Нельзя не согласиться съ мнѣніемъ воскреснаго фельетониста этой газеты о томъ, что мѣра, практикуемая земствомъ—установленіе права общины оставить за собой землю по той цѣнѣ, по которой крестьянинъ продаетъ ее третьему лицу, не можетъ имѣть практическаго значенія, такъ какъ «отъ покупателя съ продавцомъ вполнѣ зависитъ назначить такую сумасшедшую цѣну продаваемой землѣ, что желающій купить ее въ силу права всегда *отскочитъ*». Само собою разумѣется, что подобное право будетъ совсѣмъ не фиктивнымъ, если получитъ практическое примѣненіе то, что предлагаю я въ своемъ докладѣ, а именно, чтобы продаваемые крестьянскіе надѣлы переходили къ другому нуждающемуся земледѣльцу за ту самую цѣну, за которую продавцу обошлась эта земля при выкупѣ съ содѣйствіемъ государства.

Еще одно замѣчаніе. Во время преній по моему докладу въ В.-Э. Обществѣ было указано, между прочимъ, на то, что я упустилъ изъ виду нашу сельскую земельную общину.

Факты, обратившіе вниманіе симбирскаго земства, служатъ хорошимъ доказательствомъ, что сама по себѣ община не представляетъ прочнаго оплота противъ обезземеленія. Признавая, однако, до извѣстной степени благотворное значеніе общины и въ этомъ отношеніи, я умолчалъ о ней въ своемъ докладѣ въ тѣхъ видахъ, чтобы съ большею рельефностью выставить свое положеніе и не затемнять его второстепенными добавленіями. Какъ бы то ни было, я вовсе не забывалъ про существованіе общины, когда развивалъ свое положеніе объ изъятіи крестьянскихъ земель изъ сферы свободнаго обращенія. Существованіе общины, стѣсняющее и безъ того до извѣстной степени свободу распоряженія надѣльною землей, только облегчаетъ послѣдовательное проведеніе указаннаго мною начала въ жизнь, а вовсе не дѣлаетъ его излишнимъ, даже въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ преобладаетъ общинное землевладѣніе.

Безъ сомнѣнія, для тѣхъ, кто мечтаетъ извлечь личныя выгоды отъ обезземеленія части крестьянъ, община въ настоящее время представляется явленіемъ далеко не желательнымъ, и они могутъ въ силу одного этого горячо желать ея уничтоженія.

Но разъ на крестьянскія земли будетъ положенъ запретъ, для подобныхъ противниковъ вопросъ о существованіи или несуществованіи общины сдѣлается безразличнымъ.

Такимъ образомъ если община и служитъ нѣкоторымъ оплотомъ противъ обезземеленія крестьянъ, то, съ другой стороны, ограниченіе законодательнымъ путемъ полной свободы распоряженія надѣльною землей, въ указанномъ мною смыслѣ, способствуетъ въ то же время большей прочности самой общины, устраняя одинъ изъ коренныхъ поводовъ ратовать за ея уничтоженіе для тѣхъ изъ ея противниковъ, которые въ своихъ нападеніяхъ руководятся своекорыстными разсчетами.

Леонидъ Ходскій.

С.-Петербургъ.
4 мая 1881 года.

ПОДСѢЧНОЕ ХОЗЯЙСТВО

или

ЗЕМСТВО СТРОИТЪ ЖЕЛѢЗНУЮ ДОРОГУ.

Часть III.

Каждый ведетъ свою линію, а земство—желѣзную дорогу.

ГЛАВА I.

Предъ засѣданіемъ экстреннаго с—нскаго губернскаго земскаго собранія.

I.

Прошла недѣля, какъ Могутовъ живетъ въ нумерахъ полковницы Песковой. Время шло для него весьма однообразно: онъ по цѣлымъ днямъ и далеко за полночь просиживалъ надъ чертежами, смѣтами и разсчетами будущей полицеймейстерской усадьбы. Переѣхавшій, также сильно занятый, по порученію Воронова, какъ секретаря статистическаго комитета, составленіемъ свѣдѣній «о сравнительномъ развитіи грамотности въ Европѣ и въ Россіи въ настоящее время и о развитіи оной въ главныхъ европейскихъ государствахъ, во время глубокихъ переворотовъ въ политической жизни этихъ государствъ»,—приходилъ къ Могутову только вечерами и только за тѣмъ, чтобы звать его пройтись часъ-другой по городскому саду или по окрестностямъ города. Во время прогулокъ пріятели, обыкновенно, вели самую спокойную рѣчь о своихъ работахъ, и только одинъ разъ разговоръ между ними принялъ было другое направленіе, благодаря «поразительнѣйшей и интереснѣйшей вещи», открытой случайно Переѣхавшимъ.

— Представьте себѣ, какая поразительнѣйшая и интереснѣйшая вещь случайно открыта мною,—таинственно говорилъ онъ

*) *Русская Мысль*, кн. VI.

Могутову, тихо идя съ нимъ по холмистому полю за развалинами городской стѣны.—Оказывается, что въ то именно время, когда конституціонный образъ правленія вводился въ государствахъ Европы, грамотность въ народѣ этихъ государствъ была менѣе распространена, чѣмъ въ нашемъ народѣ въ настоящее время! У насъ въ настоящее время въ рекрутахъ около 10°/o грамотныхъ,—такъ по крайней мѣрѣ въ Тверской губерніи,—а въ Италіи было 6°/o въ 1859 году, во Франціи въ эпоху первой революціи всего 3°/o, въ Англіи при Кромвелѣ 1°/o... Не правда ли, поразительный результатъ?

— Знать пришла пора и намъ оконститутиться?—вопросительно сказалъ Могутовъ.

— Цифры управляютъ міромъ! Противъ законовъ статистики идти нельзя,—и у насъ не сегодня, такъ очень скоро должна быть конституція! Мы, навѣрно, доживемъ до этого счастливаго времени, Гордѣй Петровичъ, правда? Клянусь Богомъ, если я буду живъ къ тому времени, то публично на площади обрѣю свою козлиную бороду, къ которой еще ни разу не прикасалась бритва!

— Доживемъ—увидимъ... Но вѣдь и для конституціи нужны люди, а для людей нужны усадьбы, а потому не можете ли вы, Викторъ Александровичъ, сообщить, откуда достаютъ здѣсь кирпичъ и по какой цѣнѣ?—спросилъ Могутовъ, и разговоръ о «поразительнѣйшей и интереснѣйшей вещи» прекратился.

Но за то къ концу недѣли Могутовъ окончилъ—и, по словамъ Переѣхавшаго, окончилъ на славу—проектъ усадьбы для полицеймейстера. И въ самомъ дѣлѣ проектъ усадьбы былъ не малымъ трудомъ: кромѣ чертежей и рисунковъ, плановъ, фасадовъ и разрѣзовъ всѣхъ построекъ, имѣлись еще чертежи всѣхъ деталей построекъ, какъ-то: стропилъ, закромовъ, печей, дверей, оконъ и т. п.; всему было составлено подробное описаніе, на все приведены были разсчеты и смѣты; все основывалось не только на теоріи, на данныхъ изъ книгъ, но и на личномъ осмотрѣ подгородныхъ имѣній и многихъ домовъ, сараевъ и амбаровъ въ городѣ; и, въ заключеніе, все пропущено было чрезъ тщательную критику кандидата спеціальнаго высшаго сельско-хозяйственнаго учебнаго заведенія, какимъ былъ Переѣхавшій.

Въ десятомъ часу утра Могутовъ отправился съ проектомъ къ полицеймейстеру и засталъ его въ той же комнатѣ, у стола, за стаканомъ чая, и не было только у дверей полицейскаго чиновника, какъ во время перваго визита.

— А, это вы?—сказалъ полицеймейстеръ, протягивая руку, когда Могутовъ вошелъ и поклонился.—Что скажете?

— Принесъ рисунки усадьбы, Филаретъ Пупліевичъ,—отвѣтилъ Могутовъ, сдѣлавъ легкій поклонъ и подавая полицеймейстеру рисунки.

— Такъ скоро?—медленно и какъ бы нехотя разворачивая первый листъ рисунковъ и равнодушно посматривая на него, не то вопросительно, не то удивленно сказалъ полицеймейстеръ.— Садитесь!—сказалъ онъ немного погодя, когда пристальнѣй взглянулъ на развернутый листъ общаго вида усадьбы въ планѣ и фасадѣ. Ему прежде всего бросились въ глаза изящество и чистота рисунка, потомъ онъ замѣтилъ, что расположеніе построекъ и наружный видъ оныхъ какъ будто согласны съ его желаніемъ, затѣмъ онъ пристальнѣе углубился въ разсмотрѣніе подробностей —и его лицо, вмѣсто совершенно не идущаго къ нему апатично-начальническаго выраженія, мало-по-малу приняло свой обычный наивно-добродушный видъ. Онъ внимательно и нѣсколько разъ пересмотрѣлъ всѣ рисунки. По свойственной ему осторожности въ дѣланіи окончательныхъ выводовъ, онъ началъ было подозрительно смотрѣть на изящество и чистоту рисунковъ; онъ думалъ, что, навѣрно, подъ ними скрывается неудобство, дороговизна, незнаніе дѣла,—и онъ не мало былъ удивленъ, что, при всемъ желаніи, ничего подобнаго никакъ не могъ найти. Можно, конечно, постройки съ лѣвой стороны дома перенести на правую, а съ правой—на лѣвую, но это не важно и не въ этомъ дѣло.—«Кажется, хорошо, шельмецъ, сдѣлалъ!—подумалъ въ заключеніе полицеймейстеръ.—Но все-таки нужно разсмотрѣть поподробнѣе».

— А это еще что?—спросилъ онъ, когда, окончивъ разсмотрѣніе рисунковъ, посмотрѣлъ на Могутова и тотъ подалъ ему толстую тетрадь.

— Это описаніе, разсчеты и смѣта,—отвѣтилъ Могутовъ.

— Отлично, отлично!—сказалъ полицеймейстеръ, перелистывая тетрадь и читая только заглавія разныхъ отдѣловъ ея.—Я это все разсмотрю внимательнѣе. Мнѣ сегодня некогда, да на это нужно и пропасть времени. Сдается на первыхъ порахъ хорошо... Благодарю!—подавая руку Могутову, закончилъ онъ.—Но зачѣмъ вы такъ торопились? Строится-то я буду развѣ къ будущему году,—добавилъ онъ потомъ и уже болѣе холодно, причемъ лицо его опять приняло прежній видъ.

— Я не торопился, но у меня нѣтъ другой работы. За недѣлю это можно сдѣлать не особенно торопясь,—отвѣтилъ Могутовъ.

— Ахъ, да, я вамъ обѣщалъ подыскать работу... Помню, но еще ничего не удалось сдѣлать... Скажите, за что вами недоволенъ Кожуховъ?—и полицеймейстеръ началъ пристально смотрѣть въ лицо Могутова.

— Я не знаю,—равнодушно отвѣтилъ тотъ.

— Онъ говорилъ мнѣ, что вы были у него и чуть не выругали его... Правда это?

— Неправда!—все также отвѣчалъ Могутовъ.

— Что-нибудь да было... Петръ Ивановичъ — прекрасный и образованный человѣкъ, да и съ какой стати ему врать на васъ?.. Что-нибудь, навѣрно, было?

— Обо мнѣ по всему городу распустили такую гадкую сплетню, что не удивительно, если Петръ Ивановичъ принялъ меня за очень сквернаго человѣка и каждому моему слову придалъ дурной смыслъ,—спокойно, но съ оттѣнкомъ грусти или досады, сказалъ Могутовъ и затѣмъ буквально-вѣрно передалъ весь свой разговоръ съ Кожуховымъ.—Мнѣ было непріятно, что человѣкъ съ высшимъ образованіемъ вѣритъ всякой чепухѣ и такъ насмѣшливо-жалко относится на первыхъ же порахъ къ просьбѣ быть-можетъ и справедливо наказаннаго, но все же человѣка почти окончившаго курсъ высшаго учебнаго заведенія... Но я не желалъ сказать что-либо обидное для Петра Ивановича.

— Такъ онъ васъ у себя не принялъ... Осторожный человѣкъ!... Онъ, правда, бываетъ по утрамъ кислымъ... Но кто Богу не грѣшенъ, царю не виноватъ,—отрывисто сказалъ полицеймейстеръ, крутя усы, и лицо его прояснилось. Ему, какъ видно, нравилась нѣкоторая амбиціозность Могутова и досадливый тембръ его голоса.—Но вамъ нужно вести себя осторожнѣе,—продолжалъ онъ, немного погодя.—Я вамъ совѣтую это и по долгу службы, и какъ отецъ. У меня у самого сынъ въ шестомъ классѣ гимназіи и я думаю его въ вашъ институтъ или въ хозяйственную академію потомъ отдать, если Богъ продлитъ вѣку... Вы вотъ и работать умѣете, а если не будете съ людьми жить по-людски,— безъ хлѣба пропадете. Ласковый теленокъ двухъ коровокъ сосетъ, а строптивому и одной не удается. Ну, къ чему вамъ было говорить Петру Ивановичу о нежеланіи служить? Развѣ чиновничья служба—порокъ?!

— Я далъ слово отцу не служить.

— Хорошо-съ! Послушаніе родителямъ—дѣло прекрасное, но для чего объ этомъ говорить? Это—хвастовство-съ! Это обижаетъ другихъ, а вамъ, кромѣ вреда, ничего не дастъ. Развѣ нельзя было отклониться иначе, вѣжливо, не обижая? «Страдаю, молъ, гемороемъ, а потому усидчивой работы принять не могу»—было бы вѣжливо и возбудило бы даже состраданіе къ вамъ; а то на: «отецъ много страдалъ на службѣ и приказалъ мнѣ не быть чиновникомъ»... Не хорошо, ребячество! Повѣрьте мнѣ, ребячество!

— Я не буду говорить неправду!—громко и серьёзно отвѣтилъ Могутовъ, которому почему-то нравился добродушно-отеческій тонъ голоса полицеймейстера и его наивная рѣчь о геморроѣ.

— И опять—ребячество, съ которымъ пропадете въ жизни!—тѣмъ же тономъ продолжалъ полицеймейстеръ.—Оно васъ уже исключило изъ института и прислало сюда, на мое попеченіе, такъ этого мало!... Молодо и зелено! Поживете, натерпитесь всего, тогда и увидите, что съ такой правдой съ голоду помереть можно, а то угодить туда, куда Макаръ телятъ не гонялъ. Будете жалѣть тогда, да ужь будетъ поздно... Послушайтесь меня какъ отца: будьте скромны, молчите больше, клятвы, тамъ, и правду, тамъ, вашу спрячте подальше отъ людей,—будьте человѣкомъ! Я говорю вамъ какъ своему сыну. Вы послушаете меня?—и онъ подалъ руку Могутову.

— Благодарю васъ за искренній совѣтъ,—пожимая руку полицеймейстера, отвѣтилъ Могутовъ.

— Главное—держите языкъ за зубами! Будете держать тамъ язычекъ, дадутъ вамъ щей съ грибами; а будете показывать зубы,—положите ихъ на полку и пропадете ни за нюхъ табаку...

— Постараюсь ѣсть щи съ грибами, — съ едва замѣтною улыбкой отвѣтилъ Могутовъ.

— И отлично сдѣлаете! И работа будетъ, и человѣкомъ будете. Намъ знающихъ и ученыхъ людей нужно!... А работу я вамъ найду... Знаете что?—сегодня собраніе нашихъ земцевъ, будутъ разговаривать, какъ имъ желѣзную дорогу строить. Толку будетъ мало, но вамъ можно къ нимъ поступить. Вы понимаете по части желѣзныхъ дорогъ?

— Намъ читали подробный курсъ о постройкѣ желѣзныхъ дорогъ.

— Ну, и прекрасно. Вотъ я ваши рисунки сегодня же покажу нашимъ земцамъ и порекомендую васъ. Только дайте мнѣ

слово, что, кромѣ работы, ничѣмъ не будете заниматься,—поднявъ указательный палецъ вверхъ, внушительно сказалъ полицеймейстеръ.

— Я держу слово крѣпко, Филаретъ Пупліевичъ! Мнѣ можно будетъ читать газеты и журналы, писать письма къ знакомымъ и не лгать при случайныхъ разговорахъ? — спросилъ Могутовъ.

Полицеймейстеръ расхохотался. Ему была смѣшна и вмѣстѣ пріятна обстоятельность, съ которою говорилъ Могутовъ объ условіяхъ насчетъ такихъ пустыхъ вещей.

— Экій вы смѣшной человѣкъ! Дѣлать можно все и говорить можно обо всемъ, но какъ дѣлаютъ люди разсудительные и какъ говорятъ люди умные. Главное, не суйте на показъ правду, — ей-ей она смѣшна. Не лгите въ важномъ, когда за ложь можете пострадать и сами, и другіе; а въ пустякахъ, чтобъ и другихъ не обидѣть, и себя не дѣлать смѣшнымъ, промолчите или поддакните: это—не ложь, это—требованіе общежитія. Что бы вы, напримѣръ, отвѣтили не очень красивой барышнѣ, еслибъ она спросила: какъ вы ее находите.

— Насчетъ чего это, Филаретъ Пупліевичъ?

— Насчетъ чего?... Само-собой насчетъ красоты,—улыбаясь отвѣтилъ полицеймейстеръ.

— Сказалъ бы, что я по этой части плохъ и пусть лучше посмотритъ въ зеркало.

— Ну, я вижу, съ вами каши не сваришь... А земцамъ я уже на свой страхъ порекомендую васъ. Меня чрезъ васъ въ отставку не прогонятъ, съ семействомъ въ отставку... а?—шутливо сказалъ полицеймейстеръ.

— Постараюсь, чтобы васъ поблагодарили за рекомендацію,—отвѣтилъ Могутовъ, вставая со стула.

— Ну-съ, пока тамъ что, а вотъ вамъ для начала,—вынимая изъ портмоне десять рублей и подавая ихъ Могутову, сказалъ полицеймейстеръ.

— Вы потрудитесь найти для меня работу, а я вамъ въ благодарность составилъ чертежи... Деньги будутъ лишними, Филаретъ Пупліевичъ,—не беря денегъ, сказалъ Могутовъ.

— Трудъ долженъ быть вознагражденъ,—извольте взять!—сказалъ полицеймейстеръ.—Я разсмотрю подробно, тогда и еще поблагодарю, а работу для васъ между дѣломъ пріищу.

Могутовъ взялъ деньги, поблагодарилъ и затѣмъ простился.

«Не глупъ и знающъ,—думалъ полицеймейстеръ по уходѣ Могутова.—Мелькомъ просмотрѣлъ, а замѣтилъ толкъ и по-моему... Но молодо и зелено. Правда, зеленость эта—смѣшновата, не зловредна, а все надо осторожность... «Можно ли дѣлать то-то и то-то?» А тебѣ хочется дѣлать и еще что-то?... Надо осторожно, а то эти дураки—хуже умныхъ, бойкихъ... А земцамъ его всучу. Если тамъ и накуралеситъ—не бѣда: сами тоже куралесить будутъ... Экіе дураки: желѣзную дорогу сами строить хотятъ! Взялъ, захотѣлъ—и готово! По щучьему велѣнью? Нужна подготовка, знаніе, трудъ, а главное—нужно не зѣвать. А гдѣ же все это у васъ?... Гдѣ вамъ купеческимъ да мужицкимъ дѣломъ заниматься?! Сильно будете чухаться опосля эфтихъ дѣловъ».—Полицеймейстеръ улыбнулся и собирался идти.

II.

Домъ с—нскаго благороднаго собранія царилъ среди остальныхъ небольшихъ домовъ и домиковъ города. Высокая и соотвѣтствующей ширины, тонкой столярной работы, парадная дверь, помѣщающаяся среди массивныхъ колоннъ дорическаго портика, вела внутрь дома. Изъ обширной прихожей, уставленной вѣшалками и шкафчиками для платья, широкая лѣстница, устланная краснымъ сукномъ съ бѣлымъ полотномъ подъ нимъ, вела во второй этажъ и оканчивалась свѣтлой, большой и убранной зеркалами площадкой, гдѣ каждый проходящій съ ногъ и до головы могъ осматривать себя. Съ площадки, налѣво, красивая дверь вела въ квартиру губернскаго предводителя дворянства, а направо такая же дверь—въ громадную залу, съ хорами вокругъ и съ большими полукруглыми окнами по обѣ ея стороны, съ тремя громадными люстрами у потолка, съ изящными канделябрами на стѣнахъ, съ изображеніями въ золотыхъ блестящихъ рамахъ почившихъ императоровъ въ промежуткахъ между окнами, съ изображеніемъ, во весь ростъ, величественной особы царствовавшаго Императора по срединѣ стѣны, какъ разъ противъ входа, съ прекрасною картиной битвы русскихъ съ поляками у стѣнъ С—нска въ 1612 году, подаренной дворянству однимъ изъ покойныхъ императоровъ, и, наконецъ, съ красивыми гербами всѣхъ уѣздовъ губерніи, симметрично расположенными внизу барьера, идущаго вокругъ хоровъ залы.

Въ описываемый нами день, когда въ залѣ благороднаго собранія происходило засѣданіе экстреннаго земскаго собранія, ни-

зенькій барьеръ шелъ во всю ширину залы и раздѣлялъ ее на двѣ неравныя половины. По срединѣ меньшей половины залы стоялъ длинный столъ, покрытый краснымъ сукномъ съ золотою бахромой, а кругомъ стола—нѣсколько рядовъ стульевъ; большая же половина залы почти сплошь была уставлена стульями, съ однимъ просторнымъ проходомъ по срединѣ.

День стоялъ прекрасный, солнце ярко свѣтило и въ залѣ было такъ же свѣтло и ясно, какъ и на дворѣ. Открытіе собранія назначено было ровно въ полдень, но къ одиннадцати часамъ почти всѣ гласные были уже въ той части залы, гдѣ стоялъ столъ, а стулья другой ея половины почти всѣ уже были заняты публикой, которая, обыкновенно, не любила посѣщать земскія собранія, но сегодня, возбужденная особенно интереснымъ предметомъ засѣданія, собралась въ числѣ не менѣе двухъ сотъ особъ.

Гласныхъ было человѣкъ до сорока. Какъ среди нихъ, такъ и среди публики не видно было ни одного представителя въ томъ своеобразномъ костюмѣ, который носятъ купцы, мѣщане, ремесленники и, особенно, духовные и крестьяне. Всѣ одѣты были въ сюртуки, визитки, пиджаки, а нѣкоторые и во фраки,—словомъ, въ тѣ костюмы, которые присущи и характерны для дворянства и интеллигентныхъ классовъ общества. Среди публики было десятка два дамъ, изъ которыхъ Софья Михайловна и Катерина Дмитріевна помѣщались въ первомъ ряду, у самаго барьера, а по сторонамъ ихъ возсѣдали Вороновъ, Орѣцкій и Львовъ.

Гласные, до открытія собранія, стояли группами, нѣкоторые прохаживались по два и по три въ рядъ, а нѣкоторые стояли у барьера и разговаривали съ знакомыми изъ публики. Большинство гласныхъ—народъ молодой, лѣтъ отъ 25 до 35, и, при разницѣ въ ростѣ, цвѣтѣ волосъ, наружныхъ очертаніяхъ лицъ и всей фигуры, они имѣли что-то общее между собою, почти одинаковый отпечатокъ души, ума и сердца на лицахъ, въ движеніяхъ, въ манерѣ говорить: какая-то естественность, простота, искренность, задушевность густо лежала на ихъ лицахъ, въ ихъ взглядахъ, слышалась въ ихъ говорѣ, замѣчалась въ ихъ движеніяхъ. Все это не было тождественно,—у каждаго изъ нихъ было много своего, характернаго только ему; но полное отсутствіе рисовки, полное отсутствіе желанія хотя бы безсознательно представлять изъ себя человѣка съ извѣстными взглядами, убѣжденіями, привычками и вкусами,—было видно на каждомъ изъ большинства гласныхъ. Одѣты они были въ самые разно-

образные костюмы—отъ сшитаго по модѣ черннаго сюртука и фрака, отъ старомодной и неловко-пригнанной визитки съ безчисленными карманами и до очень потертаго короткаго пиджака и не очень большой чистоты бѣлья; но модный черный сюртукъ и фракъ не носился ими такъ, какъ носятъ ихъ записные джентльмены и франты, при взглядѣ на которыхъ прежде всего невольно обращается вниманіе на ихъ костюмъ, благодаря особенной приспособленности всей фигуры франта къ костюму; но мѣшкообразная визитка не сидѣла на гласномъ такъ, какъ сидитъ, напримѣръ, старый и заношенный сюртукъ на соціалистѣ Бебелѣ, пріѣзжающемъ въ рейхстагъ въ каретѣ, и сюртукъ котораго, несмотря на его потертость, изящно обрисовываетъ благородную фигуру своего владѣльца... Большинство гласныхъ имѣли угловатыя движенія, некартинныя позы, неплавную рѣчь; но все это, благодаря своей естественности, искренности и простотѣ, было привлекательно, не отталкивало отъ себя, не рѣзало глаза и слухъ.

Но среди гласныхъ было человѣкъ пять-шесть особенно выдававшихся. Во-первыхъ, Король-Кречетовъ съ своимъ некрасивымъ лицомъ и съ своимъ громкимъ и горячимъ разговоромъ въ одной изъ самыхъ большихъ группъ гласныхъ. Во-вторыхъ, Рымнинъ съ своею патріархально-внушительною наружностію и еще одинъ гласный, очень близкій къ Рымнину по лѣтамъ, но худенькій, безъ бороды и съ торчащими вверхъ усами, который держалъ Рымнина подъ руку и постоянно кивалъ головою, какъ бы поддакивая тому, что тихо говорилъ Рымнинъ стоявшему около него кружку гласныхъ. Въ-третьихъ, пожилой, худощавый, высокій и бодрый на видъ гласный, съ быстрыми маленькими глазами, косо посматривавшими по сторонамъ, и съ тонкою усмѣшкой большаго рта; онъ сидѣлъ одиноко, поза его была небрежно-вызывающая, а когда къ нему подходилъ кто-либо изъ гласныхъ, онъ говорилъ сильно жестикулируя руками и часто ворочая головой. Въ-четвертыхъ, бросалась еще физіономія брюнета, лѣтъ за тридцать, но съ порядочно сѣдыми уже волосами на головѣ, съ длинной черною бородой, съ большими близорукими глазами, но безъ очковъ; онъ постоянно переходилъ отъ одной группы гласныхъ къ другой, прислушивался, записывалъ что-то въ большую записную книжку, сосредоточенно всматривался во все и пристально впивался глазами въ глаза говорившихъ съ нимъ. Наконецъ, выдавалось человѣкъ пять гласныхъ, изящно, щеголь-

ски одѣтыхъ во фраки, съ картинными движеніями, самоувѣренными взглядами, любезными улыбками при разговорахъ и съ громкою, правильно-округленною рѣчью.

III.

. . . .

IV.

. . . .

V.

Въ половинѣ двѣнадцатаго въ залу собранія вошелъ полицеймейстеръ и, направляясь по проходу къ отдѣленію гласныхъ, раскланивался направо и налѣво съ публикой. Однимъ онъ подавалъ руку, другимъ только кланялся съ улыбкой по два раза, третьимъ—по разу и безъ улыбки, около дамъ непремѣнно останавливался и шаркалъ ногами, а проходя возлѣ Воронова онъ поклонился ему, немного постоявъ во фронтѣ. Для гласныхъ у него тоже было нѣсколько манеръ здороваться и говорить. Для щегольски одѣтыхъ лицо его было съ слабой, почтительной улыбкой, для большинства гласныхъ — сочувственно - товарищеская улыбка, для Кречетова — усмѣшка съ проглядываніемъ грусти, для представителя стараго дворянства улыбка пропадала и замѣнялась миной строгаго уваженія и почтенія, для нѣкоторыхъ—добродушная гримаса и т. д.; но все это было въ немъ естественно, неподдѣльно, пріятно для глазъ, какъ искреннее проявленіе нѣкотораго характера. За этотъ нѣкоторый характеръ, при оригинальной философіи мысли и своеобразныхъ взглядахъ на службу, дворянство губерніи не очень уважало полицеймейстера; но онъ нравился рѣшительно всѣмъ и всѣ рѣшительно считали его прекраснымъ блюстителемъ порядка въ городѣ, «конечно, принимая въ соображеніе положеніе администраціи къ обществу», какъ добавлялось всѣми и всегда при похвалахъ Филарету Пупліевичу.

— Неужели боитесь безпорядковъ и для предупрежденія оныхъ изволили пожаловать, какъ въ мои времена въ гимназіяхъ стояла розга въ углу?—спросилъ у него Рымнинъ.

— Честь имѣю кланяться! Какъ ваше здоровье, Дмитрій Ивановичъ? Какой можетъ быть безпорядокъ среди господъ помѣщиковъ-дворянъ и... при вашемъ присутствіи, и подъ предсѣ-

дательствомъ его превосходительства?—серьезно отвѣтилъ поли цеймейстеръ, почтительно кланяясь и какъ-то бережно пожимая руку Рымнина.

— Значитъ, какъ землевладѣлецъ и дворянинъ изволили пожаловать?—обратился къ нему одинъ изъ франтовски одѣтыхъ гласныхъ.

— Засвидѣтельствовать мое почтеніе уважаемому Николаю Николаевичу прежде всего, а потомъ есть у меня просьба къ тѣмъ изъ господъ помѣщиковъ, у которыхъ непугливое сердце,— отвѣчалъ полицеймейстеръ, ставъ во фронтъ предъ Николаемъ Николаевичемъ.

— Какъ у васъ?... Смѣлъ и отваженъ, какъ орелъ!—кладя руку на плечо полицеймейстера,—шутилъ Николай Николаевичъ.

— Я смѣлъ и отваженъ, насколько повелѣваетъ полицейскій уставъ. Полиція не шутитъ!

Рымнинъ, Николай Николаевичъ и человѣкъ восемь гласныхъ, сгруппировавшихся въ это время около полицеймейстера, отъ души смѣялись надъ фразою: «полиція не шутитъ», произнесенною полицеймейстеромъ внушительно и съ самою тонкой улыбкой.

— Въ чемъ дѣло, если не позволите шутить съ полиціей?— спросилъ все тотъ же Николай Николаевичъ.

— Есть у меня опасный, но способный молодой человѣкъ. Онъ ищетъ работы и я взялся порекомендовать его господамъ строителямъ желѣзной дороги. Онъ лекціи въ институтѣ изучалъ насчетъ дорогъ, да и вотъ какую усадьбу для меня нарисовалъ,— отвѣтилъ полицеймейстеръ и развернулъ предъ гласными чертежи Могутова.

— А кто мастеръ сихъ дѣлъ?—спросилъ Рымнинъ.

— Присланный къ намъ подъ надзоръ изъ Питера студентъ, Могутовъ,—какъ бы рапортуя, отвѣтилъ полицеймейстеръ.—Малый, кажется, способный, только молодъ и зеленъ. Но я ему сегодня этакую нотацію прочелъ, отцовское внушеніе, что онъ далъ слово держать языкъ за зубами.

— Но какой вы, право, молодчина! Успѣетъ со всего и на перыхъ же порахъ пользу извлечь!...

— А очень способный этотъ поднадзорный?

— Понимаетъ дѣло и не нигилистъ?

— Драться не будетъ?

— Какъ насчетъ руготни?— спрашивали гласные полицеймейстера, разсматривая чертежи.

— За этого юношу меня уже просили и я приму его на работу къ себѣ,—громко сказалъ Кречетовъ, когда, подойдя къ столу, онъ мелькомъ посмотрѣлъ на рисунки и разобралъ, о чемъ идетъ разговоръ.

— Наипокорнѣйше васъ благодарю, ваше сіятельство!—расшаркиваясь предъ Кречетовымъ и протягивая ему руку, сказалъ полицеймейстеръ.—Будете довольны малымъ, ваше сіятельство. Малый съ головой и подъ вашимъ наблюденіемъ не будетъ языкомъ чушь болтать.

— А подъ вашимъ въ первую недѣлю ишь какую усадьбу нарисовалъ!... Положительно, полиція не шутитъ и умно ведетъ дѣло: чтобъ не болталъ зря юноша, она ему работу даетъ... Прекрасно! Будь я губернаторомъ или министромъ, я бы васъ начальникомъ всѣхъ преступленій и преступниковъ сдѣлалъ...

— Ахъ, какъ я желаю видѣть васъ, князь, министромъ!—сказалъ полицеймейстеръ, вздохнувъ и съ сожалѣніемъ смотря на Кречетова.

Всѣ смѣялись.

Въ это время одна изъ дверей, по бокамъ изображенія императора, отворилась и въ залу вошелъ предводитель дворянства, онъ же—предсѣдатель губернскаго земскаго собранія и предсѣдатель губернской земской управы. Вслѣдъ за предводителемъ, тою же дверью, вошелъ и губернаторъ.

ГЛАВА II.

Засѣданіе экстреннаго с—нскаго губернскаго земскаго собранія.

I.

Губернскій предводитель дворянства имѣлъ по виду очень много общаго съ губернаторомъ. Онъ также былъ плотный, высокій, лѣтъ за сорокъ мущина, съ чисто-русскимъ, малоудлиненнымъ оваломъ лица; но взглядъ его голубыхъ глазъ былъ болѣе мягокъ и привязчивъ, чѣмъ взглядъ черныхъ глазъ губернатора, а его гладко выбритое лицо, вмѣстѣ съ правильнымъ носомъ, полными щеками, высокимъ и безъ морщинъ лбомъ и округленнымъ ртомъ — придавали ему очень красивую и моложавую наружность. Только густые, съ англійскимъ проборомъ, сильно посѣдѣвшіе волосы на головѣ предводителя говорили если не объ его сорокалѣтнемъ возрастѣ, то объ его сильныхъ думахъ, тревожныхъ порывахъ, вспышкахъ и т. п., что совершенно не

отражалось на его красивомъ лицѣ и бодромъ станѣ. На немъ былъ дворянскій мундиръ, со звѣздою на груди и съ красною лентой черезъ плечо. Губернаторъ былъ тоже въ парадной формѣ, при звѣздахъ и при лентѣ.

Губернаторъ подошелъ къ столу, сдѣлалъ оффиціальный поклонъ предводителю и гласнымъ и, безъ помощи конспекта или записки, какъ бы наизусть, открылъ собраніе слѣдующею рѣчью:

«Идетъ уже третій годъ, милостивые государи, какъ, по волѣ нашего возлюбленнаго монарха, введены земскія учрежденія въ С—нской губерніи, и я смѣло могу сказать, что с—нское земство вполнѣ оправдало, возложенныя на него Высочайшею властію, задачи и обязанности, и что если земство не рѣшило еще, за краткостію времени своего существованія, вполнѣ всѣхъ, подлежащихъ его обсужденію, вопросовъ, то оно, по крайней мѣрѣ, исполнило все то, что въ состояніи было сдѣлать въ пользу края, на основаніи имѣющихся у него данныхъ. Вы, господа гласные, лучшіе цѣнители дѣйствій и заслугъ губернской управы; но я не могу не сказать того, что, изъ сношеній управы съ администраціей, я могъ убѣдиться, что управа постоянно и строго держалась закона и успѣла достигнуть той безостановочности въ теченіи дѣлъ, которая была бы положительно невозможна, еслибы дѣйствія управы вызывали протесты администраціи. Идя по пути, начерченному Положеніемъ о земскихъ учрежденіяхъ, управа находила полное содѣйствіе администраціи во всемъ, гдѣ только администрація могла оказать свое содѣйствіе, и я надѣюсь,—такъ какъ почти трехлѣтній опытъ и притомъ первыхъ временъ земства ясно показалъ благотворность полной гармоніи между земствомъ и администраціей,—что и впредь, для пользы дѣла, земство будетъ идти по тому же пути, пути закона, и, слѣдовательно, найдетъ полное содѣйствіе администраціи.

«Нынѣ вы, милостивые государи,—продолжалъ губернаторъ послѣ короткой паузы,—созваны въ экстренное собраніе для обсужденія наиболѣе важной задачи земства—обезпечить продовольствіе сельскаго населенія губерніи, которое, вслѣдствіе плохаго урожая, нуждается въ скорой и рѣшительной помощи. Губернская земская управа для этой именно цѣли исходатайствовала у правительства средства для проведенія желѣзной дороги отъ А... до Б... Дорога эта дастъ возможность нуждающемуся населенію губерніи заработать средства для существованія, сдѣлаетъ для нихъ нечувствительнымъ плохой урожай прошедшаго

года и, кромѣ того, дорога эта въ самомъ близкомъ будущемъ оживитъ нашъ край. Я считаю исходатайствованіе проведенія и разрѣшенія скорой постройки дороги самою важною по своимъ послѣдствіямъ заслугой с — нской земской управы и особенно ея предсѣдателя, такъ какъ удачный исходъ этого дѣла, несомнѣнно, принадлежитъ его превосходительству губернскому предводителю дворянства. Вы, господа, обсудите, какъ воспользоваться постройкою дороги для обезпеченія до будущей осени продовольствія нуждающагося населенія. Ваши постановленія, не выходящія изъ границъ закона, найдутъ полное содѣйствіе въ администраціи; но я съ своей стороны позволю обратить ваше вниманіе на нашу, приходящую годъ отъ года въ ветхость, городскую крѣпостную стѣну».

За тѣмъ губернаторъ говорилъ около получаса объ этой стѣнѣ. Онъ изложилъ довольно подробно исторію стѣны отъ начала ея постройки, за пятьсотъ лѣтъ назадъ, до нашихъ дней; указалъ на ея значеніе, какъ историческаго памятника и какъ грандіознаго украшенія города, и т. д., и въ заключеніе предлагалъ земскому собранію обсудить необходимость и важность ея исправленія, или реставрированія, что также дастъ работу нуждающемуся населенію губерніи. Все это было изложено обстоятельно, согласно съ наукой, высказано плавно и даже картинно, походило на лекцію; но все это страшно утомило гласныхъ и они отъ души похлопали, когда, наконецъ, губернаторъ кончилъ и въ заключеніе сказалъ, что, на основаніи ст. 81 Полож. о земск. учреж., онъ открываетъ экстренное собраніе.

— Я считаю долгомъ, какъ предсѣдатель губернскаго земскаго собранія,—началъ предводитель дворянства въ отвѣтъ губернатору,—выразить вашему превосходительству отъ лица всего собранія искреннюю признательность и благодарность какъ за лестную похвалу дѣятельности собранія и управы, такъ и за предложеніе обратить вниманіе на исправленіе крѣпостной стѣны. Собраніе всесторонне обсудитъ это предложеніе и, если найдетъ согласнымъ съ задачей земства поддерживать и реставрировать стѣну, имѣющую также и государственное значеніе, — тогда не преминетъ воспользоваться предложеніемъ вашего превосходительства.

Губернаторъ сдѣлалъ легкій поклонъ предводителю и гласнымъ и бодрою походкой удалился изъ собранія.

II.

Гласные усѣлись вокругъ стола, а впереди ихъ помѣстился предсѣдатель и, въ качествѣ секретаря, гласный съ близорукими глазами, онъ же и секретарь дворянской опеки. Затѣмъ предсѣдатель прочелъ длинный докладъ о постройкѣ земствомъ желѣзной дороги отъ А... до Б... Суть доклада заключалась въ томъ, чтобы дорогу строить самому земству безъ посредства огульнаго подрядчика. Правительство брало на себя доставку рельсъ и всего подвижнаго состава, а земству предоставлялось право произвести способомъ, какой оно найдетъ удобнымъ, земельныя работы, мосты, станціи, будки и уложить рельсы, при чемъ чертежи всего даются правительствомъ и имъ же назначаются инженеры. На первый годъ земство обязано непремѣнно съ 1-го мая начать земляныя работы, а всю дорогу окончить въ три года, получая 48 тысячъ за каждую версту.

— Наша забота состоитъ въ томъ,—продолжалъ предводитель послѣ прочтенія доклада,—чтобы постройкой желѣзной дороги дать возможность населенію губерніи заработать средства къ жизни, такъ какъ неурожай лишилъ населеніе этихъ средствъ, разорилъ населеніе въ конецъ: громадное большинство крестьянъ продало скотъ и почти все движимое имущество и, безъ возможности заработать средства, не можетъ поправиться до того, чтобъ имѣть возможность обработывать свои земли. Если мы сдадимъ постройку дороги огульному подрядчику, то хотя населеніе губерніи и получитъ возможность работой у него просуществовать годъ-другой, но оно не получитъ средствъ для поправленія своего разореннаго хозяйства: огульный подрядчикъ поведетъ дѣло на чисто-коммерческомъ основаніи, при которомъ работнику дается столько, сколько можно дать меньше, при громадномъ предложеніи рукъ въ работу.... Цѣна назначена правительствомъ высокая и мы могли бы, сдавъ подрядчику постройку оптомъ, выторговать въ пользу земства около милліона рублей; но распредѣленіе этого милліона, въ видѣ ссуды неимущимъ, будетъ капля въ морѣ,— это будетъ пять, даже три рубля на ревизскую семью губерніи. Напротивъ того мы избѣжали бы ошибочнаго распредѣленія и это распредѣленіе, при его правильности, будетъ въ пять разъ больше, если мы сами будемъ строить желѣзную дорогу. Земству не нужно барышей. Пусть вся сумма, назначенная правительствомъ на желѣзную дорогу, идетъ тому, кто будетъ трудиться при постройкѣ,

и пусть не получитъ нѣсколько милліоновъ оптовый подрядчикъ!... Мы разложили постройку на три года съ тѣмъ, чтобы земляныя работы перваго года, какъ наиболѣе простыя, дали возможность убѣдиться земству, по силамъ ли ему эта задача, и если нѣтъ, тогда мы можемъ перейти къ оптовому подрядчику. Мы бы предлагали мѣстнымъ помѣщикамъ и гласнымъ разобрать постройку полотна по нѣскольку верстъ, кто сколько можетъ, по цѣнѣ 1 р. 50 к. отъ куб. саж., дерновки по 35 к. за квадр. саж. и канавы по сторонамъ но 75 к. за квадр. сажень.... Дворянство, милостивые государи, мѣстные землевладѣльцы, должны первые придти на помощь земству въ его заботахъ объ избавленіи отъ голода населенія губерніи! Они всегда стояли впереди всѣхъ сословій тамъ, гдѣ нужна была помощь государству, а избавленіе отъ разоренія, отъ превращенія въ нищихъ населенія цѣлой губерніи—развѣ это не помощь всему государству? Дворянство губерніи знаетъ народъ губерніи, знаетъ его нужды—и оно первое должно помочь государству въ ослабленіи голода губерніи!

Такъ окончилъ рѣчь предводитель, при чемъ въ голосѣ его слышалась искренняя горячность и увлеченіе, и затѣмъ просилъ гласныхъ высказать свое мнѣніе.

III.

Первымъ началъ говорить тотъ пожилой гласный, который предъ началомъ собранія косо посматривалъ по сторонамъ.

— Что неурожай и голодъ существуетъ, что народъ разоренъ, это—фактъ. Вопросъ—какъ помочь бѣдѣ? Управа выработала проектъ постройки дороги во вкусѣ построекъ Луи Блана въ 1848 году во Франціи и, навѣрно, съ результатами такими же, какъ во Франціи, то-есть съ потратою громадныхъ денегъ и съ нулевою помощью для населенія. Не большее или меньшее количество рублей, попавшее въ руки крестьянъ, важно, а важно употребленіе этихъ рублей. Сотни рублей въ рукахъ дурака, пьяницы, неуча такъ же пропадутъ безслѣдно, какъ и десятки и единицы рублей!... Единицы рублей приведутъ еще къ меньшему вреду, чѣмъ сотни: сотни могутъ окончательно превратить нашего недалекаго крестьянина въ ни на что негодную, разслабленную дрянь. Важно общее положеніе крестьянъ, которое привело и къ голоду теперь, и приведетъ къ окончательному разоренію въ будущемъ. Пусть управа сдастъ огульному подряд-

чику постройку дороги, развяжетъ себѣ руки и лучше займется выработкой проекта для крестьянъ вообще. Прежде не было такого разоренія въ народѣ, — теперешняя воля создала его. Исправить то, что создано волей, исправить для блага крестьянъ и Россіи—вотъ задача дворянства и земства, а не постройка желѣзной дороги!

Послѣ этого вступленія ораторъ вдался въ подробности. Онъ приводилъ въ примѣръ прошлое Россіи, когда родина могла легко пережить и продолжительное междуцарствіе, и разореніе отъ нашествія двунадесяти языковъ въ 1812 году, и погромъ крымской войны; онъ приводилъ подробныя данныя, неоспоримо доказывающія грандіозное развитіе въ народѣ послѣ воли пьянства, воровства, грабительства и поджоговъ, что все вмѣстѣ и привело крестьянъ къ голоду въ настоящемъ и неминуемо приведетъ къ окончательной гибели въ будущемъ; онъ доказывалъ.... Но скажемъ только, что ораторъ говорилъ съ жаромъ, что рѣчь его была отрывиста и что, несмотря на нѣсколько комическіе жесты оратора, собраніе съ большимъ вниманіемъ выслушало его.

— Къ чему, уважаемый Ѳедоръ Романовичъ, намъ брать въ примѣръ Францію съ Луи Бланомъ?—началъ Рымнинъ.—Вопросъ гораздо проще: что выгоднѣе для рабочаго, когда хозяинъ развитой, умный, честный человѣкъ,—или когда, напротивъ, человѣкъ недалекій, узкій, заботящійся только о своихъ выгодахъ, смотрящій на рабочаго какъ на лопату, топоръ или тачку, которые должны только сдѣлать извѣстную работу, а послѣ того хоть пропади — все равно? Я думаю, что и уважаемый Ѳедоръ Романовичъ согласенъ, что желательно, для пользы рабочихъ, честныхъ хозяевъ, а не кулаковъ. Управа предлагаетъ строить дорогу безъ посредства кулаковъ, предлагаетъ всѣмъ честнымъ и интеллигентнымъ людямъ губерніи быть руководителями народа при постройкѣ дороги—и вопросъ ясенъ для разрѣшенія настоящаго собранія. Если собраніе найдетъ возможнымъ взять на себя великій и вполнѣ достойный земства, въ этомъ случаѣ, трудъ быть подрядчиками, то постройка дороги будетъ производиться управою самой; если же собраніе найдетъ это не по силамъ, недостойнымъ себя, — дорога будетъ сдана подрядчику, со всѣми отъ того послѣдствіями: малымъ заработкомъ для рабочаго, большимъ барышомъ для огульнаго подрядчика, а для земства опять думать и изыскивать средства, какъ поправить бѣдствіе и разореніе губерніи. Что же касается до выработки проектовъ объ измѣ-

ненія положенія крестьянъ вообще, то никто не мѣшаетъ составить оные и предлагать подвергнуть ихъ разсмотрѣнію въ земскихъ собраніяхъ, если это будетъ разрѣшено нашимъ предсѣдателемъ....

Рымнинъ говорилъ громко, просто, не жестикулируя руками. Видно было, что онъ возражалъ предыдущему оратору только для того, чтобы побудить собраніе не отдаляться въ сторону отъ главнаго дѣла.

— Мнѣ кажется, что Дмитрій Ивановичъ не понялъ Θедора Романовича. Θедоръ Романовичъ говоритъ, что ничѣмъ не поможешь голоду, что заработокъ—какъ въ рубль въ мѣсяцъ, такъ и въ десять, двадцать рублей—крестьянинъ пропьетъ и будетъ продолжать голодать, что чѣмъ больше онъ получитъ, тѣмъ хуже,—скорѣй сопьется до.... полагать надо, до смерти, — ergo, дорогу нужно отдать подрядчику....

Это сказалъ одинъ изъ гласныхъ во фракѣ, сказалъ самымъ серьезнымъ голосомъ и размахивая руками, какъ Θедоръ Романовичъ, и это каррикатурно-ясное резюме рѣчи первαго гласнаго вызвало улыбку у большинства собранія.

— Я не думаю, чтобы нашъ крестьянинъ былъ пропоица; но, съ другой стороны, не думаю, чтобы мы, дворяне, могли приниматься за дѣло подрядчиковъ,—началъ одинъ изъ гласныхъ большинства довольно сиплымъ голосомъ и смотря внизъ.—Всякое дѣло требуетъ знанія, подготовки,—и дворяне въ роли подрядчиковъ, не будучи къ тому подготовлены, не имѣя опыта въ этомъ дѣлѣ, принесутъ не пользу, а вредъ рабочимъ. Рабочій пойметъ наше незнаніе дѣла, потеряетъ уваженіе къ намъ и къ дѣлу, не будетъ слушать насъ и будетъ обманывать на каждомъ шагу. Мнѣ кажется, что самое лучшее будетъ, если управа выторгуетъ сколько можно у подрядчика, устроивъ гласные торги, распредѣлитъ сколько можно правильно этотъ милліонъ, или даже болѣе, между пострадавшими, а подрядчика обяжетъ принимать исключительно рабочихъ нашей губерніи, такъ что и на дорогѣ что-либо заработаетъ крестьянинъ, да и ссуду получитъ.... Я полагаю, что это—единственное средство дать крестьянину нашей губерніи прокормиться до осени.

— Я тоже того мнѣнія, что лучше сдать постройку дороги оптовому подрядчику,—началъ другой гласный изъ большинства.—Если управа того мнѣнія, что только мы, землевладѣльцы, можемъ честно и справедливо отнестись къ рабочему, то нужно

сознаться, что мы мало или лучше совсѣмъ не подготовлены къ роли подрядчика,—въ этой роли мы можемъ только повредить и себѣ, и рабочимъ. Своимъ незнаніемъ дѣла, какъ справедливо выразился Василій Алексѣевичъ, мы избалуемъ рабочаго до непослушанія, а себѣ принесемъ вредъ тѣмъ, что поплатимся своимъ карманомъ, такъ какъ кубикъ земляной работы обойдется намъ не въ полтора рубля, а въ два и болѣе рублей.

И гласные большинства начали говорить одинъ послѣ другого. Они были плохіе ораторы: ихъ рѣчи были коротки, безъ горячности и увлеченія, сводились на вопросъ: «съумѣемъ ли, выгодно ли», и походили скорѣе на разговоръ въ товарищескомъ кружкѣ, а не на пренія въ земскомъ собраніи отъ цѣлой губерніи. Но изъ ихъ разговоровъ ясно обнаружилось слѣдующее: 1) что ихъ пугаетъ незнаніе подряднаго дѣла, 2) что отъ ихъ незнанія можетъ быть убытокъ и для земства, и для крестьянъ, и для нихъ самихъ, 3) что цѣна, назначенная управой за работу, очень низка и 4) что милліонъ—большія деньги и что страшно рисковать, теряя отъ риска этотъ милліонъ.

На всѣ эти страхи и опасенія отвѣчалъ Кречетовъ. Онъ началъ неувѣренно, не громко и растягивая слова, но затѣмъ голосъ его дѣлался все громче и громче, слова вязались плавно одно за другимъ и въ нихъ начало слышаться внутреннее увлеченіе оратора.

— Тѣмъ, кто самъ завѣдуетъ своимъ хозяйствомъ, кто управлялъ самъ своимъ имѣніемъ,—нечего страшиться своего незнанія. Въ земляной работѣ, какъ и въ работѣ молотьбы, вспашки, косьбы, требуется только присмотръ, вниманіе къ рабочему и довѣріе къ нему, при хорошемъ уходѣ за нимъ. Каждый изъ насъ испыталъ, какъ, на первыхъ порахъ хозяйства, работникъ училъ хозяина-помѣщика, сознавалъ ясно его незнаніе хозяйства, но не надувалъ и не смѣялся надъ нашимъ незнаніемъ, а училъ насъ своимъ примѣромъ, если только видѣлъ любовь, ласку и вниманіе къ себѣ. Не дворянству, не помѣщикамъ, первому сословію въ государствѣ по развитію, пугаться незнанія: намъ всѣмъ очень легко и безъ всякихъ жертвъ усвоить скоро и хорошо всякое дѣло и похитрѣе земляныхъ работъ, если только будетъ охота и энергія, если только мы ясно сознаемъ, что трудъ нашъ въ этомъ случаѣ — трудъ на общую, государственную пользу. Развѣ мелкіе подрядчики, которые часто даже грамоты не знаютъ, умѣютъ соображать, знаютъ вычислить болѣе,

чѣмъ любой изъ насъ? А у этихъ неучей, только пристально смотрящихъ за рабочимъ, работа идетъ хорошо, несмотря даже на то, что рабочій у нихъ и недоѣстъ, и, сплошь и рядомъ, бываетъ обсчитанъ. Русскій крестьянинъ умѣетъ скоро и хорошо приспособиться къ работѣ, которую онъ дѣлаетъ въ первый разъ; добродушіе и благодарность его не имѣютъ границъ при внимательности и любви къ нему,—и не нелюбовь, не насмѣшку, а слезу благодарности увидимъ мы, помѣщики, на глазахъ крестьянъ, если примемся за подрядное дѣло, если положимъ въ него свой трудъ и искреннюю охоту...

Эта часть рѣчи Кречетова производила бодрящее впечатлѣніе на большинство собранія. Это большинство уже нѣсколько лѣтъ жило въ глуши своихъ имѣній и оно очень хорошо знало справедливость словъ Кречетова, что любовію, вниманіемъ и довѣріемъ къ русскому рабочему можно сдѣлать съ нимъ все. Затѣмъ Кречетовъ привелъ длинный рядъ чиселъ, доказывающихъ, что за 1 р. 50 к. отъ кубической сажени можно работать съ выгодою, не обижая рабочаго. Обыкновенно платятъ на желѣзной дорогѣ рабочему 9 рублей въ 24 рабочихъ дня въ мѣсяцѣ, при стоимости его продовольствія 6 р., итого 15 р.; а рабочій вырабатываетъ среднимъ числомъ минимумъ 0,75 куб. саж., слѣдовательно въ 24 рабочихъ дня выработаетъ 24×0,75=18×1,50=27 руб. Полагая на администрацію и инструментъ, а такой очень простъ, по 6 руб. на каждаго рабочаго,—слѣдовательно, для желающаго имѣть доходъ, оный будетъ по 6 руб. отъ человѣка въ мѣсяцъ, что, имѣя триста человѣкъ рабочихъ, составитъ около трехъ тысячъ чистаго дохода въ мѣсяцъ.

— Пусть не пугаетъ васъ эта цифра,—она согласна съ дѣйствительностію и ею объясняются тѣ громадные капиталы, которые имѣютъ подрядчики желѣзныхъ дорогъ, начиная отъ Поляковыхъ, Губониныхъ, Варшавскихъ, Фридландовъ, Горвицевъ и кончая самыми мелкими подрядчиками, которые изъ ничего имѣютъ милліоны, кромѣ только рабочаго, котораго обсчитывали и обворовывали и на харчахъ, и на работѣ, и на уплатѣ его скуднаго заработка....

Такъ закончилъ эту часть рѣчи Кречетовъ. Основанная, какъ казалось, на неоспоримыхъ данныхъ, она шевелила чувство наживы, завлекала не очень богатыхъ и даже богатыхъ, такъ какъ желаніе заработать солидный кушъ, и при исполненіи долга гражданскаго, было очень и очень заманчиво для

всѣхъ. Затѣмъ Кречетовъ перешелъ къ послѣдней части рѣчи, гдѣ доказывалась необходимость передовому сословію губерніи выступить на помощь меньшей братіи не въ роли благотворителя, раздавателя милостыни или распредѣлителя правительственной ссуды, а въ роли руководителя, перваго товарища по дѣлу. Онъ закончилъ свою рѣчь такъ:

— Извѣстна ли вамъ, милостивые государи, истинная причина голода нашей губерніи? Я позволю себѣ сказать вамъ о причинѣ голода не мое личное заключеніе о немъ, а приведу мнѣніе о причинѣ голода нашей губерніи такого консервативнаго органа печати, какъ *Московскія Вѣдомости*. Вотъ что пишутъ въ органѣ Михаила Никифоровича о голодѣ нашей губерніи: «Не однѣ жары, отсутствіе дождя и другія климатическія условія и почвенныя вліянія были причиною голода. Одною изъ причинъ голода,—если не самою главною,—былъ недостатокъ сѣмянъ для посѣва, купить которыя мало кто имѣлъ возможность по тѣмъ высокимъ цѣнамъ, которыя существовали въ началѣ весны прошлаго года. Не имѣя возможности купить сѣмянъ, крестьяне удержались однако отъ полученія въ ссуду хлѣба, назначеннаго для выдачи имъ въ пособіе: горькій опытъ прежнихъ выдачъ, ложившійся на нихъ такою продолжительною тяжестью, сказался и теперь, да и сверхъ того сильнымъ затрудненіемъ для многихъ представлялась необходимость совершить дальнюю поѣздку,—за полученіемъ выдачи приходилось ѣздить за 60—80 верстъ, и это чтобы получить 15 фунтовъ на душу. И вотъ, чтобы какъ-нибудь добыть денегъ, крестьянинъ закладывалъ одежду, продавалъ послѣднюю корову и оставлялъ только несчастную, голодную лошадь. Богатые крестьяне и помѣщики,—были къ сожалѣнію такіе, — скупали хлѣбъ и раздавали его въ займы нуждающимся, по обыкновенію, на тяжкихъ для занимающаго условіяхъ: въ счетъ процентовъ заемщики отбывали нелегкую работу или обязывались возвратить вдвое противъ занятаго ими. И, несмотря на все это, крестьяне не брали однако хлѣба, назначеннаго въ ссуду. Нашъ крестьянинъ довѣрчиво относится къ своему брату и помѣщику, несмотря на безсовѣстную эксплуатацію, чѣмъ къ какому-либо правительственному учрежденію. И въ настоящемъ случаѣ крестьянина пугало то, что ему приходилось имѣть дѣло съ казной: ему казалось, что, въ случаѣ новаго неурожая, съ него будутъ требовать возврата вдругъ, сполна, взятаго въ ссуду хлѣба, а при несостоятельно-

сти будутъ продавать послѣднюю лошадь, соху, борону, какъ это и было уже».

—Такъ именно пишутъ *Московскія Вѣдомости*,—продолжалъ Кречетовъ послѣ прочтенія выдержки изъ газеты,—и вы знаете, что въ ихъ словахъ — одна правда. Вѣдь эта правда и подала мысль нашему собранію, въ прошломъ году, ходатайствовать передъ правительствомъ объ утвержденіи нѣкотораго минимума въ крестьянскомъ хозяйствѣ, который долженъ быть неприкосновененъ и не долженъ подлежать продажѣ, при какихъ бы то ни было условіяхъ. Будетъ ли уважено наше ходатайство—это вопросъ, но вслѣдствіе такихъ грустныхъ обстоятельствъ у многихъ крестьянъ уже теперь нѣтъ ни лошади, ни коровы, и они положительно лишены средствъ къ прокормленію себя и семьи. «Дѣти и вся семья такихъ несчастныхъ пошли по міру», говорятъ далѣе *Московскія Вѣдомости*.... И вотъ при такихъ условіяхъ теперь, въ мартѣ мѣсяцѣ, предлагаютъ опять сдѣлать ссуду крестьянамъ по нѣскольку рублей изъ милліона, который можно будетъ выторговать отъ оптоваго подрядчика желѣзной дороги.... Если мы дадимъ нашимъ крестьянамъ заработать по 9 рублей въ мѣсяцъ, если мы выдадимъ имъ въ задатокъ около 30 руб. или даже около 20 руб., то этимъ облегчимъ на первыхъ же порахъ въ пять разъ болѣе всякой ссуды, которая, кромѣ того, никогда не можетъ быть равномѣрна и правильна, какъ всякая милость, подачка. Въ концѣ работы, или даже въ августѣ или сентябрѣ, крестьянинъ-работникъ земской желѣзной дороги получитъ опять рублей двадцать,—это при скудной подрядческой платѣ, но безъ ихъ плутней и надувательствъ; если же мы, дворяне, передовое сословіе голодной губерніи, земскіе дѣятели, которыхъ тѣ же крестьяне съ довѣріемъ выбрали отъ себя, если мы положимъ всю нашу энергію, трудъ и знаніе народа на дѣло постройки желѣзной дороги, заинтересуемъ крестьянъ отрядною работой отъ кубика, при вниманіи къ его нуждамъ, при заботѣ о его продовольствіи,—онъ заработаетъ не 9 рублей, а 15—20 руб. въ мѣсяцъ, и дастъ не убытокъ, а барышъ намъ, его добросовѣстнымъ руководителямъ. Справтесь съ урочнымъ положеніемъ, посмотрите на профиль желѣзной дороги, припомните величину рабочаго дня, спросите подрядчиковъ, посмотрите печатные ихъ отчеты—и вы увидите и убѣдитесь, что при плохомъ продовольствіи рабочій вырабатываетъ легко въ день отъ одной до полутора куб. саж. Платя ему 90 коп. отъ куба, онъ

получитъ въ 24 рабочихъ дня отъ 22 до 33 руб. сер., а намъ останется на его харчи и администрацію отъ 14 до 21 рубля. Кажется, что даже людямъ мало знакомымъ съ работой будетъ ясенъ хорошій остатокъ отъ этихъ рублей. Мы заработаемъ навѣрно! Но допустимъ даже, что мы не понесемъ только убытковъ, но, вѣдь, за то мы дадимъ заработать голодному, разоренному крестьянину, мы прокормимъ его, при этомъ заработкѣ, хорошо, онъ вспомнитъ нашу заботу о немъ и скажетъ намъ великое спасибо. Намъ жить съ нимъ придется долго, его здоровье и хорошее положеніе важно для насъ, землевладѣльцевъ, его спасибо—успѣхъ нашего хозяйства, его проклятіе и нищета—разореніе и нашего хозяйства!... Мы знаемъ, какъ намъ, помѣщикамъ, хорошо имѣть дѣло съ солиднымъ, небѣднымъ крестьяниномъ и какое горе — съ голоднымъ, безсильнымъ, подавленнымъ крестьяниномъ. Не только нашъ долгъ, какъ передового сословія государства, но и нашъ интересъ, какъ землевладѣльцевъ, сдѣлать все зависящее отъ насъ для поправленія крестьянъ въ теперешнемъ ихъ жалкомъ положеніи. Что же лучшее можно придумать, какъ воспользоваться постройкою желѣзной дороги, строить ее безъ посредства кулаковъ-подрядчиковъ, а при посредствѣ насъ—передоваго сословія, дворянъ и земскихъ дѣятелей, постигнутой голодомъ губерніи.

Онъ говорилъ около часа. Когда онъ кончилъ, среди гласныхъ раздалось хлопанье. Публика послѣдовала ихъ примѣру и вся зала огласилась хлопаньемъ и криками «браво». Кречетовъ устало опустился на стулъ; онъ былъ теперь очень красивъ: глаза горѣли увлеченіемъ, въ лицѣ не было и слѣда брюзгливости и надутости. Катерина Дмитріевна пристально и съ любовію смотрѣла на него. Она готова была броситься къ нему и крѣпко-крѣпко пожать ему руку; но Кречетовъ не видѣлъ этого,—его окружили и поздравляли гласные.

IV.

Чрезъ нѣсколько минутъ предсѣдатель зазвонилъ, гласные усѣлись на мѣста и въ залѣ опять водворилась тишина.

— Дормидонтъ Николаевичъ! кажется, вамъ угодно говорить?— обратился предсѣдатель къ одному изъ гласныхъ большинства, коренастому и съ открытымъ, симпатичнымъ лицомъ.

— Я очень благодаренъ уважаемому князю Гавріилу Васильевичу,—началъ ужасно громкимъ голосомъ Дормидонтъ Николаевичъ,—

что онъ поставилъ вопросъ о нашемъ участіи въ постройкѣ дороги на выгодности для насъ этого условія, а не на чувствѣ долга, дворянскихъ обязанностяхъ и тому подобныхъ очень громкихъ фразахъ, съ которыхъ, однако, шубы не сошьешь. Я того мнѣнія, что благими намѣреніями адъ умощенъ или, какъ говорятъ французы, il y a loin du projet à l'exécution, — и только выгодность должна быть гарантіей нашего участія и успѣха въ дѣлѣ постройки: выгодность для насъ и выгодность отъ насъ для крестьянъ - рабочихъ. Безспорно, что мы не будемъ кулаками, что рабочій будетъ имѣть хорошее продовольствіе, не будетъ общипанъ и обворованъ, что онъ заработаетъ при насъ гораздо болѣе, чѣмъ отъ подрядчика-кулака, даже и при милліонной ссудѣ земству отъ оптоваго подрядчика. Согласенъ и съ тѣмъ, что если мы и не умнѣе кулаковъ, то все-таки не хуже ихъ справимся съ подряднымъ дѣломъ. Но является другой вопросъ: не приведемъ ли мы въ разореніе наше собственное хозяйство, если отдадимъ себя постройкѣ, а свое хозяйство вручимъ стороннимъ рукамъ? Я имѣю въ виду тѣхъ землевладѣльцевъ, которые сами завѣдываютъ своимъ имѣніемъ, сами хозяйничаютъ и которыхъ участіе въ постройкѣ наиболѣе важно, какъ людей знающихъ толкъ въ работѣ, умѣющихъ распорядиться, знающихъ народъ. Тѣхъ, которые сдали имѣніе въ аренду, которые свободны отъ личнаго веденія хозяйства, немного—одинъ, два и только, согласныхъ участвовать въ постройкѣ; большинство такихъ помѣщиковъ живутъ далеко отсюда, и эти господа не пріѣдутъ и не станутъ участвовать въ работѣ дороги ни при какомъ величіи ея; наличные же члены этого класса дворянъ не будутъ работать дороги, какъ потому, что держатся другихъ взглядовъ на голодъ и на крестьянство, такъ и потому, что, имѣя средства, мало приготовлены для труда. Вотъ я и спрашиваю, мнѣ и кажется, что для тѣхъ землевладѣльцевъ, участіе которыхъ наиболѣе важно и полезно и которые сами ведутъ свое хозяйство,—не грозитъ ли разореніе ихъ хозяйству, если они бросятъ личный присмотръ за хозяйствомъ на постройку желѣзной дороги, и покроютъ ли барыши отъ постройки убытки хозяйства?... Я бы желалъ слышать обстоятельный отвѣтъ, такъ какъ самъ принадлежу къ подобнымъ людямъ, боюсь участвовать въ постройкѣ изъ опасенія повредить своему хозяйству, порядокъ и благосостояніе котораго стоили мнѣ многихъ трудовъ, хлопотъ и даже жертвъ. Лишиться всего этого я бы не желалъ при самыхъ величественныхъ самопожертвовані-

яхъ и требованіяхъ чувства долга дворянства, перваго передоваго сословія, и тому подобныхъ красивыхъ словахъ, съ которыхъ, повторяю еще разъ, шубы не сошьешь.

Эта рѣчь коренастаго гласнаго, произнесенная чуть не громовымъ голосомъ и сопровождаемая очень выразительною жестикуляціей и очень строгими посматриваніями въ сторону тѣхъ, надъ которыми рѣчь какъ бы подтрунивала,—показалась большинству гласныхъ очень серьезной и затрогивающей очень важный для нихъ вопросъ; она какъ бы охлаждала каждаго изъ нихъ отъ увлеченія богатыми выгодами отъ постройки дороги и каждому изъ нихъ представлялась неминуемая возможность разоренія собственнаго имѣнія, если будетъ брошенъ личный присмотръ за нимъ.

«Что-то скажетъ на это нашъ Красный Пѣтушокъ?»—думалъ потомъ почти каждый изъ нихъ, посматривая на Кречетова.

А Кречетовъ энергично поднялъ волосы на головѣ, всталъ и внятно и горячо, но не громко, сказалъ:

— Вопросъ уважаемаго Дормидонта Николаевича—чисто личный. Отвѣчать на него можно только зная положеніе каждаго, кто предложитъ подобный ему вопросъ, и я позволю себѣ сказать нѣсколько словъ, лично относящихся къ уважаемому Дормидонту Николаевичу. Это было лѣтъ пять-шесть назадъ. Стояла весна. Дормидонтъ Николаевичъ только-что началъ тогда приводить свое имѣніе въ порядокъ, а надъ всѣми нами носилась гроза возмущенія Польши, революціонныхъ поджоговъ и громкій набатъ Михаила Никифоровича, «макающаго перо въ разумъ». Я былъ тогда сосѣдомъ Дормидонта Николаевича и часто бывалъ у него. Я любовался, какъ онъ, считая возмущеніе Польши за безсмысленную барскую затѣю, а революціонные пожары—за сплетни пустыхъ головъ, энергично и съ упорнымъ трудомъ приводилъ въ порядокъ имѣніе, доставшееся ему въ сильно-разоренномъ видѣ. И вотъ, въ это время, когда еще и крестьянскій вопросъ не былъ окончательно рѣшенъ, Дормидонтъ Николаевичъ получаетъ письмо, въ которомъ его увѣдомляли, что его дальняя родственница, молодая дѣвушка, больна и, потерявъ мать, безъ родныхъ и близкихъ, лежитъ въ Варшавѣ въ больницѣ. Дормидонтъ Николаевичъ, не задумываясь долго, оставилъ хозяйство, а оно далеко не было тогда въ такомъ порядкѣ, какъ теперь, и поѣхалъ въ Варшаву съ женой. Они прожили въ Варшавѣ почти полгода, возвратились назадъ съ выздоровѣвшей дальнею родственницей, и, какъ онъ

самъ тогда передавалъ, нашелъ свое хозяйство въ порядкѣ и работа въ немъ не была пріостановлена... Пусть извинитъ меня Дормидонтъ Николаевичъ за личное мое воспоминаніе о личномъ его дѣлѣ,—я сказалъ правду... Больше я ничего не могу сказать на его вопросъ, кромѣ развѣ тѣхъ фразъ, которыя такъ не нравятся Дормидонту Николаевичу. Пусть проститъ онъ, но мнѣ кажется, что голодъ и разореніе крестьянъ нашей губерніи не менѣе близки ему и всѣмъ намъ, дворянамъ и землевладѣльцамъ, чѣмъ больная дальняя родственница, которую Дормидонтъ Николаевичъ никогда даже не видѣлъ, но для которой онъ не колеблясь покинулъ хозяйство на цѣлые полгода. Тогда Дормидонтъ Николаевичъ нашелъ свое имѣніе въ полномъ порядкѣ, и я думаю, что онъ найдетъ его въ такомъ же порядкѣ и теперь, если, внявъ голосу гражданина родины, онъ будетъ участвовать въ постройкѣ желѣзной дороги для уничтоженія голода въ народѣ губерніи. Noblesse oblige, Дормидонтъ Николаевичъ!

Въ рѣчи Кречетова было такъ много задушевности и какъ бы братской раздражительности, что когда онъ кончилъ, то всѣ гласные, съ улыбкой одобренія въ лицѣ, съ горячею любовью въ глазахъ смотрѣли на него и соглашались, что тотъ изъ нихъ, кто окончательно не можетъ покинуть хозяйства, тотъ пусть и не участвуетъ въ постройкѣ дороги, а у кого порядокъ въ имѣніи заведенъ, тотъ смѣло можетъ рискнуть попытать счастіе заработать порядочный кушъ денегъ на дорогѣ, въ чемъ не сомнѣвался и самъ Дормидонтъ Николаевичъ. Да и наконецъ развѣ дорогу за тысячу верстъ отъ имѣнія строить приходится?—Совсѣмъ нѣтъ, и можно будетъ всякій праздникъ побывать въ имѣніи; а у кого есть жена, мать, братъ или даже хорошій староста, то и совсѣмъ можно только въ посѣвъ, сѣнокосъ, да во время жатвы навернуться въ имѣніе,—и все будетъ, Богъ дастъ, въ порядкѣ.

Какъ жаль, что Кречетовъ, увлеченный желѣзною дорогой и способомъ ея постройки, забылъ о присутствіи въ собраніи Катерины Дмитріевны, не подошелъ теперь къ ней и не попросилъ окончательнаго отвѣта на свое объясненіе въ любви къ ней. Она пристально смотрѣла на него и взглядъ ея былъ полонъ благодарности, уваженія, довѣрія, любви и ласки къ нему; онъ самъ былъ теперь такъ естественнъ, безъ малѣйшей надутости и брюзгливости въ лицѣ, что, подойди онъ теперь и попроси отвѣта, можетъ - быть глаза Катерины Дмитріевны сверкнули бы огнемъ страсти къ нему и изъ устъ ея слетѣло бы такъ доро-

гое для Кречетова «да, люблю». Но онъ увлекся дорогою, онъ позабылъ о присутствіи въ собраніи Катерины Дмитріевны, онъ не подошелъ къ ней и... Жаль, очень жаль, что не подошелъ,— можетъ - быть тогда бы не разыгралось много дурнаго надъ недурнымъ, но много уже испытавшимъ княземъ Король-Кречетовымъ.

Дальнѣйшихъ охотниковъ произносить рѣчи въ собраніи не оказалось и предсѣдатель прервалъ засѣданіе на полчаса, чтобы дать время гласнымъ окончательно столковаться предъ началомъ баллотировки. И гласные, дѣйствительно, громко и горячо принялись столковываться, сгруппировавшись вокругъ Кречетова, Рымнина, губернскаго предводителя и Дормидонта Николаевича. Изъ публики многіе начали уходить и въ числѣ уходившихъ были Софья Михайловна съ падчерицей и со Львовымъ, Вороновымъ и Орѣцкимъ. У самаго выхода ихъ встрѣтилъ Кожуховъ, который появился среди публики одновременно со входомъ въ собраніе губернатора. Онъ все время сидѣлъ въ самомъ послѣднемъ ряду стульевъ и только теперь раскланивался съ выходившими знакомыми дамами и ихъ кавалерами.

По возобновленіи засѣданія, предсѣдатель резюмировалъ рѣчи всѣхъ ораторовъ и предложилъ на баллотировку только одинъ вопросъ: строить ли дорогу отъ А... до Б... губернской управѣ, какимъ она найдетъ наиболѣе удобнымъ способомъ, но безъ посредства огульнаго подрядчика,—или же сдать съ торговъ постройку дороги огуляному подрядчику?

Баллотировка была произведена открыто и дала громадное большинство за постройку дороги самою управой.

Затѣмъ предсѣдатель прочелъ заявленіе многихъ землевладѣльцевъ, не бывшихъ гласными и потому не присутствовавшихъ въ собраніи, но изъявлявшихъ желаніе участвовать въ постройкѣ дороги, если сооруженіе оной будетъ производиться земствомъ безъ посредства огульнаго подрядчика. Заявленіе было подписано крупными землевладѣльцами всѣхъ трехъ губерній, чрезъ которыя проходила дорога, и они всѣ вмѣстѣ брались сооружать земляное полотно болѣе чѣмъ на шести стахъ верстахъ дороги. Почти всѣ гласные большинства собранія также изъявили желаніе участвовать въ постройкѣ землянаго полотна дороги на большемъ или меньшемъ числѣ верстъ, смотря по средствамъ каждаго, жадности къ наживѣ и энергіи къ дѣлу избавленія народа губерніи отъ голода.

Засѣданіе закрыто было въ шесть часовъ. При концѣ долго разговаривали о подробностяхъ и частностяхъ постройки, при-

чемъ предводитель, Кречетовъ и Рымнинъ—оказались большими знатоками въ строительномъ искусствѣ и очень легко разрѣшали массу вопросовъ, касавшихся постройки дороги. Нужно сказать правду, что хотя ни одинъ изъ трехъ знатоковъ не только никогда самъ не занимался строительствомъ, но и никогда не присутствовалъ при постройкѣ дорогъ,—они изъ распросовъ и изъ книгъ съумѣли уловить суть дѣла и ихъ отвѣты были толковы и даже практичны.

Въ концѣ концовъ было рѣшено собраніемъ: 1) Если земляныя работы перваго года будутъ убыточны для неопытныхъ строителей-землевладѣльцевъ, тогда постройку дороги сдать огульному подрядчику. 2) Губернская управа съ завтрашняго же дня должна раздѣлить профиль землянаго полотна дороги между желающими участвовать въ постройкѣ, руководствуясь, чтобы каждому участвующему приходилось работать на дорогѣ по возможности вблизи его имѣнія. 3) Всѣ участвующіе въ постройкѣ должны, не позже какъ чрезъ недѣлю, внести залоги въ управу и немедленно же энергично готовиться къ дѣлу, чтобы непремѣнно перваго мая на участкѣ каждаго строителя служился молебенъ и приступлено было къ работѣ. Кромѣ того, для большей гарантіи успѣха дѣла, всѣ строители порѣшили собираться вечерами у Кречетова и сообща выработать одну для всѣхъ программу найма рабочихъ, устройства администраціи, закупки и заготовки матеріаловъ и т. д.

Затѣмъ всѣ разошлись изъ собранія въ самомъ прекрасномъ настроеніи, которое сообщилось даже и тѣмъ немногимъ гласнымъ, которыхъ взглядъ на голодъ и на постройку дороги прекрасно былъ переданъ ораторомъ, говорившимъ первымъ въ собраніи. Горячность, энергія и толковость, съ которой принялось большинство собранія за новое дѣло, невольно заставляли и этихъ противниковъ постройки дороги земствомъ добродушно улыбаться и снисходительно-ласково говорить: «Давай вамъ Богъ успѣха, господа»!

ГЛАВА III.

Послѣ засѣданія экстреннаго с—нскаго губернскаго земскаго собранія.

I.

Madame и mademoiselle Рымнины и ихъ кавалеры, оставивъ залу дворянскаго собранія, прохаживались по аллеямъ городскаго сада. Впереди шла Катерина Дмитріевна, со Львовымъ и Вороновымъ по бокамъ, а сзади—Софья Михайловна, съ Орѣцкимъ

и Кожуховымъ, тоже по бокамъ. Орѣцкій острилъ и потѣшался надъ всѣмъ собраніемъ, надъ Кречетовымъ, элегантнымъ гласнымъ, надъ предсѣдателемъ и даже надъ Рымнинымъ и самимъ губернаторомъ.

— О, да!—говорилъ онъ.—Мнѣ просто смѣшно, когда представитель администраціи, полный генералъ, начальникъ губерніи, фигурируетъ въ роли перваго министра, воображая, что онъ читаетъ тронную рѣчь императора Наполеона предъ законодательнымъ собраніемъ. О, да! Этотъ историческій докладъ объ исторической стѣнѣ будетъ, навѣрно, достояніемъ исторіи о началѣ нашего парламентаризма...

— Браво, monsieur Орѣцкій! Вы не шутя разсержены земствомъ?... Я первый разъ слышу отъ васъ такую длинную и полную злой ироніи рѣчь. Браво, браво!—говорила улыбаясь Софья Михайловна.

— Мнѣ только смѣшно, Софья Михайловна. О, да! Безъ году недѣля, какъ уничтожила верховная власть крѣпостное право, кнутъ и клеймо, и вдругъ у насъ уже успѣлъ образоваться парламентаризмъ! Пахнетъ конституціей въ залѣ благороднаго собранія!

— Право, вы несправедливы и безвинно осуждаете земство. Мы только-что оставили собраніе и развѣ тамъ было при насъ что-либо возмутительное, достойное такой злой критики, какъ ваша? Нѣтъ, вы—злы и несправедливы! Петръ Ивановичъ, неужели и вы раздѣляете мнѣнія monsieur Орѣцкаго?—обратилась Софья Михайловна къ Кожухову. Она прекрасно усвоила себѣ привычку со всѣми и обо всѣмъ говорить совершенно индифферентно, и теперь съ беззаботной улыбкой предлагала вопросы и выслушивала возраженія не какъ женщина, мужъ которой земскій дѣятель, а какъ свѣтская барыня, умѣющая каждому разговору придать изысканную вѣжливость и милую веселость аристократическихъ гостиныхъ.

— Почти, Софья Михайловна,—совершенно спокойно и еще болѣе гортаннымъ голосомъ отвѣчалъ Кожуховъ.—Мнѣ странно, что предсѣдатель, такой умный и разсудительный человѣкъ, не воспользовался, недавно предоставленнымъ ему, правомъ унимать черезчуръ горячихъ ораторовъ. Такихъ мнѣній объ администраціи, какія высказывалъ князь Король-Кречетовъ, нельзя допускать въ собраніи,—это ложь и глупость. Конечно, можно надъ этимъ смѣяться, но и становится грустно, вѣдь такъ говоритъ

и это одобряетъ дворянство, опора престола и отечества!... Такъ говорятъ послѣ мягкой, гуманной, полной довѣрія и искренности, рѣчи начальника губерніи!... Это грустно.

— Но, господа, вы, кажется, позабыли, что Гавріилъ Васильевичъ говорилъ объ администраціи со словъ *Московскихъ Вѣдомостей*, Каткова же нельзя причислить къ глупцамъ и шутамъ!

— Чего не печатаютъ газеты, Софья Михайловна!... Катковъ не исключеніе,—отвѣтилъ Кожуховъ.—Онъ печатаетъ все, что пришлютъ ему предводители, а Кречетовъ читалъ выдержку изъ корреспонденціи нашего предводителя.

— Но скажите, правда ли это? Есть ли правда въ такомъ мнѣніи объ администраціи въ народѣ?—все также индифферентно спросила Софья Михайловна.

— Конечно, нѣтъ. Народъ благоговѣетъ передъ властію, и скажи власть слово — и отъ благороднаго дворянства не останется и слѣда... Но мнѣ, право, нравится ихъ шутовское отношеніе къ постройкѣ,—продолжалъ Кожуховъ болѣе мягкимъ голосомъ и съ слабою улыбкой на лицѣ.—Вы извините, Софья Михайловна, за рѣзкость, но я не причисляю Дмитрія Ивановича къ числу всѣхъ остальныхъ. Онъ уменъ, знающъ и только заблуждается въ своихъ товарищахъ, — онъ судитъ о нихъ по себѣ... Романъ Юрьевичъ, хотите пойдемъ на пари, что дворянская постройка дороги кончится громаднымъ скандаломъ?—закончилъ Кожуховъ, обращаясь къ Орѣцкому.

— Хорошо! Но я самъ за скандалъ, воровство, глупость, разореніе и проч. О, да! Я хочу предложить князю Король-Кречетову развить мысль о способности дворянъ съ крестьянами командовать войскомъ, управлять государствомъ и, безъ науки, найти точку опоры для Архимедова рычага.

— О, съ послѣднимъ князь справится!... Позволь ему—и онъ скоро перевернетъ весь міръ вверхъ дномъ, даже безъ точки опоры, которой просилъ Архимедъ для своего великаго научнаго рычага.

— Ха-ха-ха!—смѣялась Софья Михайловна, какъ бы вторя шутливому тону словъ Кожухова.

II.

А въ то же время Катерина Дмитріевна и ея кавалеры вели разговоръ совершенно о другомъ.

— Я не думаю, Катерина Дмитріевна, чтобы можно было когда-либо уничтожить бѣдность и неравенство на землѣ,—гово-

рилъ Львовъ. — Кстати, я познакомился съ Могутовымъ и онъ удивилъ меня своими дѣльными сужденіями...

— Напримѣръ?—живо спросила Катерина Дмитріевна.

— Я говорилъ съ нимъ о многомъ и, между прочимъ, о голодѣ нашей губерніи. Насъ было трое: я, онъ и еще Переѣхавшій. Вы не знаете, вѣроятно, этого оригинала, Катерина Дмитріевна?

— Нѣтъ, — отвѣтила она, смотря въ землю и внимательно вслушиваясь въ слова Львова.

— Это мой секретарь въ статистическомъ комитетѣ,—поспѣшилъ познакомить Вороновъ.—Не глупый человѣкъ, но больной и до смѣшнаго увлекается всякой высокою чепухой.

— Это тотъ самый, что сидѣлъ рядомъ съ Могутовымъ въ собраніи?—спросила Катерина Дмитріевна, и когда Львовъ подтвердилъ ея предположеніе, она тихо добавила: — Какое у него печальное лицо.

— Ваша правда, Катерина Дмитріевна. У него, дѣйствительно, очень печальный видъ, а говоритъ онъ еще печальнѣе, сильно въ носъ и либо злится, либо плачетъ... Такъ вотъ этотъ Переѣхавшій,—продолжалъ разсказывать Львовъ, — для уничтоженія голода предлагалъ устроить на землѣ всеобщее равенство. Я очень интересовался, будетъ ли Могутовъ поддерживать подобную утопію, и не мало удивился, когда услышалъ отъ него совершенно противоположное.

— Что же говорилъ Могутовъ? — опять поспѣшно спросила дѣвушка.

— Онъ говорилъ, что нужно сперва образованіемъ приготовить людей къ равенству и только тогда уже думать и разговаривать о равномѣрномъ распредѣленіи богатства на землѣ. Онъ того мнѣнія,—и я вполнѣ согласенъ съ нимъ,—что сильная эксплуатація богатыми бѣдныхъ происходитъ только отъ неполнаго образованія первыхъ и совершеннаго невѣжества послѣднихъ.... Я передаю вамъ, Катерина Дмитріевна, кратко, но Могутовъ очень хорошо и очень убѣдительно доказывалъ это, такъ что даже упрямый Переѣхавшій согласился съ нимъ.

— А что вы говорили о литературѣ? — спросила Катерина Дмитріевна послѣ сравнительно долгаго молчанія, во время котораго Львовъ обмѣнялся съ Вороновымъ своими впечатлѣніями о нѣкоторыхъ новыхъ знакомыхъ въ городѣ. Львова и Воронова не удивляли задумчивость и вопросы Катерины Дмитріевны: она

еще очень молода, не знаетъ жизни, не имѣетъ твердыхъ убѣжденій, а потому и интересуется и задумывается надъ многимъ.

— О литературѣ зашелъ разговоръ по поводу того же голода, — началъ разсказывать Львовъ. — Переѣхавшій отвергалъ пользу отъ науки для бѣдныхъ. По его мнѣнію, наука, искусство и литература служатъ только для удовлетворенія излишнихъ потребностей богатыхъ и для лучшей эксплуатаціи богатыми бѣдныхъ. Могутовъ опровергалъ это и доказывалъ, что, благодаря прогрессу науки, въ настоящее время самый послѣдній бѣднякъ живетъ лучше, чѣмъ сто или даже двадцать лѣтъ назадъ... Онъ такъ меня заинтересовалъ своими здравыми сужденіями, что мнѣ захотѣлось самому подѣлиться съ нимъ своими мыслями. Я высказалъ ему свое недовольство современною литературой, ея безжизненностію, скукою, отсутствіемъ дарованій въ критикѣ и поэзіи. Онъ вполнѣ согласился со мной и объяснилъ все это тѣмъ, что у современнаго нашего общества нѣтъ ясной цѣли жизни, достойной для возбужденія творчества, а потому и при существованіи поэтовъ и дарованій даже въ большемъ числѣ, чѣмъ ихъ было прежде, они не даютъ такихъ блестящихъ твореній, какъ давали писатели прежняго времени. Прежде яснѣе были стремленія и цѣли нашего интеллигентнаго общества: уничтоженіе крѣпостнаго права, устройство суда гласнаго и свобода печатнаго слова, — были и люди, проводившіе все это въ жизнь. Этимъ возбуждалось творчество писателей, ими создавались опредѣленные типы, полные жизни, гуманности и любви; люди гибли и боролись за свою цѣль въ жизни,—являлась жизнь и борьба и въ романахъ, и писались увлекательныя, горячія критическія статьи по поводу этихъ романовъ. Теперь крѣпостнаго права нѣтъ, есть судъ гласный, есть хотя какая-нибудь свобода слова, и интересъ общества сосредоточенъ исключительно на приспособленіи себя къ новой обстановкѣ жизни, какъ это дѣлаетъ всякій человѣкъ на новой квартирѣ. У нашего общества нѣтъ ясно сознанныхъ идеаловъ, а только есть неопредѣленныя желанія, которыя и изображаются нашими писателями въ каррикатурныхъ личностяхъ, въ родѣ Марка Волохова и прочихъ героевъ Писемскаго, Клюшникова, Стебницкаго и другихъ писателей... Вообще онъ очень хорошо это доказалъ...

— Но вѣдь это грустно?—спросилъ я у него.—Какъ же быть безъ идеаловъ въ литературѣ и жизни?—продолжалъ разсказывать Львовъ послѣ короткой паузы.—Онъ отвѣтилъ, что учиться

надо. Наука должна выработать цѣль жизни, направленіе работы, создать идеалъ. Идеалъ явится сперва въ головахъ единицъ, потомъ десятковъ и наконецъ тысячъ, и тогда его подмѣтятъ писатели-поэты, изобразятъ его въ образахъ и формахъ, доступныхъ для пониманія многихъ, а критика разъяснитъ эти образы. Тогда явится сама собою и борьба, и стремленіе для осуществленія этого идеала въ жизни... Но почему такихъ безъидеальныхъ временъ нѣтъ на Западѣ, нѣтъ въ Европѣ и Америкѣ?—спросилъ я. А онъ отвѣтилъ, что и тамъ бываетъ то же самое, только тамъ все это не такъ рѣзко замѣтно. Тамъ болѣе теплый климатъ, легче усвоиваются науки, не такъ тяжела борьба для воплощенія идеала въ жизнь,—и тамъ жизнь идетъ болѣе плавно, а не порывами, какъ у насъ. При порывѣ скоро устаютъ и продолжительно отдыхаютъ... Я передаю вамъ, Катерина Дмитріевна, кратко мысли Могутова, но я вполнѣ раздѣляю его мнѣніе.

— Больше вы ни о чемъ не говорили?—спросила Катерина Дмитріевна, опять немного помолчавъ.

— Я высказалъ ему свое удивленіе о томъ, что такого трезваго мыслью человѣка, какимъ я нашелъ его, выслали изъ Петербурга подъ надзоръ, и просилъ, если не секретъ, разсказать, за что именно.

И за этимъ Львовъ передалъ короткій разсказъ Могутова о причинѣ его исключенія изъ института и высылки въ С—нскъ подъ надзоръ полиціи.

— А вы, Катерина Дмитріевна, очень интересуетесь Могутовымъ?—спросилъ Вороновъ, спросилъ только затѣмъ, что ему надоѣло такъ долго молчать, пока разсказывалъ Львовъ. Онъ, какъ и Львовъ, смотрѣлъ на вниманіе дѣвушки къ Могутову какъ на потребность ея головки интересоваться новостью и, самое большее, допускалъ потребность ея добраго сердца облегчить положеніе страдающаго молодаго человѣка.

— Я случайно видѣла его, слышала, какъ мама разговаривала съ нимъ, и онъ мнѣ показался лучше всѣхъ знакомыхъ мужчинъ!—громко и быстро отвѣтила Катерина Дмитріевна и яркій румянецъ выступилъ вдругъ на ея блѣдныхъ, мраморныхъ щекахъ. Она застыдилась своихъ словъ,—они вдругъ показались ей неприличными, даже обидными для ея кавалеровъ.

А кавалеры только теперь замѣтили что-то большее, чѣмъ неопредѣленную доброту и такое же вниманіе со стороны дѣвушки къ Могутову. Вороновъ, впрочемъ, скоро сообразилъ, что

это—глупость и быть этого не можетъ, разумѣя подъ «глупостью» и «быть не можетъ» серьезную любовь или серьезное увлеченіе Могутовымъ. «Сосланный и подъ надзоромъ студентъ... Чепуха!»— успокоилъ онъ себя окончательно. Что же касается Львова, то онъ, несмотря на свое доброе сердце, называлъ себя дуракомъ за симпатичное повѣствованіе о Могутовѣ.

— А знаете, Катерина Дмитріевна, какой взглядъ имѣетъ Могутовъ на любовь и бракъ? — обратился онъ потомъ къ дѣвушкѣ, слегка улыбаясь и влюбленными глазами смотря на нее.

— Скажите,—спокойно отвѣтила она, совершенно оправившись отъ неловкости сказанныхъ ею черезчуръ искренно словъ.

— Онъ того мнѣнія, что дѣвушка должна выходить замужъ не ранѣе лѣтъ, этакъ, двадцати-трехъ-пяти, а мужчина жениться не ранѣе лѣтъ тридцати пяти-сорока.

— Ха-ха-ха! Жениться, глядя въ могилу! Ха-ха-ха!—громко и весело засмѣялся Вороновъ.

— Почему это?—удивленно спросила Катерина Дмитріевна. Ей хотѣлось любить, хотя и отъ скуки жизни; отецъ совѣтовалъ ей влюбиться и смотрѣть на любовь и бракъ какъ на цѣль жизни женщины, и вдругъ говорятъ, да и кто говоритъ?—говоритъ лучшій изъ всѣхъ знакомыхъ ей мужчинъ; что она, семнадцатилѣтняя дѣвушка, должна полюбить, когда ей будетъ двадцать пять лѣтъ... Что же она будетъ дѣлать до этого, далекаго еще для нея, возраста?!

— Меня, какъ кажется, и васъ, Катерина Дмитріевна, не мало удивилъ такой ранній возрастъ для любви и брака, и я не могъ удержаться тогда отъ смѣха. Почему вы такъ думаете?— спросилъ я потомъ у Могутова.—Люблю ли я Шекспира?—вмѣсто отвѣта, задалъ онъ мнѣ вопросъ.—Люблю, отвѣтилъ я, не понимая, зачѣмъ онъ спрашиваетъ объ этомъ.—Помните ли разговоръ Порціи, жены Брута, съ Брутомъ ночью, когда должны были собраться заговорщики?—опять спросилъ онъ.—Я отвѣтилъ, что хотя и люблю Шекспира, но знаю наизусть только монологъ Ромео къ Юліи, сцену между Клеопатрой и Антоніемъ и нѣсколько монологовъ изъ Гамлета; что же касается «Юлія Цезаря», то я всего разъ читалъ его и совершенно уже позабылъ.— Хотите я вамъ прочту эту сцену?—спросилъ онъ.—Я, конечно, заявилъ желаніе, и онъ прочелъ... Какое же имѣетъ отношеніе эта сцена къ возрасту любви и брака?—спросилъ я.—А онъ отвѣтилъ, что развѣ можетъ быть такой женой, какъ Порція, дѣ-

вушка въ 17—18 лѣтъ? Въ эти лѣта,—увѣрялъ онъ потомъ,—всякая дѣвушка—еще дитя, а ее дѣлаютъ уже матерью, лишаютъ возможности учиться, и она, конечно, будетъ и плохой женой, и плохою матерью.

— И только?—спросила дѣвушка, когда Львовъ остановился.

— Онъ говорилъ еще, что даже такая женщина, какъ героиня «Феликсъ Гольта», послѣдняго романа Джорджа Элліота, и та не могла бы быть такой въ 17—18 лѣтъ... Вообще, тутъ мнѣ Могутовъ показался не серьезнымъ мыслителемъ, а порядочнымъ фразеромъ,—съ самодовольной улыбкой закончилъ свой разсказъ Львовъ.

— А я совсѣмъ не читала Шекспира... Только разъ видѣла «Гамлета» на сценѣ,—тихо и какъ бы сама съ собой проговорила Катерина Дмитріевна. — О чемъ говорила Порція съ Брутомъ?—болѣе живо спросила она потомъ.

— Жена проситъ сказать,—разсказывалъ Львовъ,—почему мужъ, Брутъ, проводитъ ночь безъ сна и почему къ нему являются какіе-то люди въ маскахъ, точно заговорщики, которые боятся даже неуловимаго свѣта ночи? Брутъ отвѣчаетъ, что онъ не совсѣмъ здоровъ и, вообще, совѣтуетъ женѣ не тревожиться по-пустому и идти спать. Порція не вѣритъ, падаетъ на колѣни и говоритъ, что это значитъ, что Брутъ ей не довѣряетъ,—ей, Катона дочери,—ей, которая сама себя поранила,—ей, женѣ Брута, перваго гражданина Рима и т. д. Я не припомню всего, но Порція говоритъ очень краснорѣчиво и оканчиваетъ свой монологъ такъ: «О, если такъ, то Порція для Брута наложница, а не жена!»

— И только?—спросила Катерина Дмитріевна.

— И только,—все также улыбаясь, отвѣтилъ Львовъ.—И очень мало для того, чтобъ уничтожить весну жизни человѣка!—болѣе горячо продолжалъ онъ.—Соловей поетъ весною, а лѣтомъ не слыхать его,—и человѣкъ любитъ только тогда, когда сильно бьется сердце въ его груди, когда чистая кровь юности кипитъ въ немъ, а не тогда, когда медленно, въ тактъ пяти секунднаго маятника, бьется его пульсъ и попорченная жизнью кровь течетъ въ его жилахъ.

— Браво, браво!... Браво, monsieur Львовъ!—громко одобрилъ Вороновъ восторженную рѣчь Львова.

— Это правда,—тихо сказала Катерина Дмитріевна.—«Папа знаетъ жизнь и обманывать не станетъ»,—подумала она потомъ.

— Чему это вы аплодируете, monsieur Вороновъ?—спросила Софья Михайловна, которой началъ надоѣдать разговоръ о земствѣ, администраціи, желѣзной дорогѣ, дворянствѣ и т. п.

— Ораторскому таланту monsieur Львова, Софья Михайловна. Я не ожидалъ найти въ немъ оратора, а онъ прелесть какъ сказалъ о любви въ юности и старости.

— Вы болѣе пріятную тему избрали для разговора, чѣмъ мы,—улыбаясь шутила Софья Михайловна.—Но я бы совѣтовала вамъ, при этой темѣ разговора, не очень отдаляться отъ меня. Катя! мамаша желаетъ, чтобъ ораторскій талантъ monsieur Львова о любви въ молодости и о любви въ старости проявлялся при мнѣ.

Всѣ направились изъ сада въ улицу, гдѣ былъ домъ Рымнина.

III.

Въ девятомъ часу вечера губернскій предводитель дворянства, послѣ экстреннаго земскаго собранія и послѣ обѣда, лежалъ на диванѣ въ своемъ кабинетѣ, курилъ сигару и находился въ самомъ пріятномъ расположеніи духа, что отлично отражалось на его красивомъ лицѣ, потерявшемъ свою обычную сухость и чрезъ то имѣвшемъ еще болѣе красивый видъ. Энергія и увлеченіе дворянъ гласныхъ и негласныхъ, съ которыми почти всѣ они ухватились на первыхъ порахъ за постройку земляныхъ работъ желѣзной дороги, приводили предводителя въ восторгъ, такъ какъ все это было болѣе грандіозно, болѣе толково и солидно, чѣмъ онъ ожидалъ, а это было очень и очень нужно для него. Читатель знаетъ уже, что предводитель, бывшій не такъ давно небольшимъ чиновникомъ, женился на женщинѣ гораздо старѣе его лѣтами и некрасивой, что онъ взялъ за ней громадное приданое въ лѣсахъ, земляхъ, усадьбахъ и наличныхъ деньгахъ, что послѣ женитьбы онъ очень быстро достигъ высокаго и вліятельнаго положенія и зажилъ такъ роскошно, что возбуждалъ къ себѣ зависть не въ одномъ Лукомскомъ. Но мы должны сказать, что, благодаря такой роскошной и поэтической жизни, къ описываемому нами времени громадное приданое жены предводителя почти все уже ушло на эту жизнь: наличныхъ денегъ не было давно и истрачено было и то, что получилось отъ залога имѣній, лѣсовъ и домовъ. Служба Ивана Ивановича Сергѣева была

почетна, величественна, онъ былъ при ней почти первымъ лицомъ въ губерніи; но, не давая никакихъ доходовъ, кромѣ трехъ-тысячнаго жалованья, какъ предсѣдателя управы, она еще требовала громадныхъ расходовъ, — и губернскій предводитель дворянства уже давно создавалъ въ своей головѣ разные проекты заполученія громаднаго куша денегъ безъ пятна на совѣсти, безъ огласки, малѣйшей публичности и безъ малѣйшаго компрометированія своего высокаго положенія. Нѣсколько мѣсяцевъ назадъ всѣ проекты Сергѣева сводились къ тому, что нужно бросить предводительство и службу земства и заполучить большое, вліятельное мѣсто въ администраціи, съ хорошимъ содержаніемъ и съ возможностью имѣть на ономъ хорошій сторонній доходъ. Начальникомъ любой губерніи онъ могъ сдѣлаться безъ труда и во всякое время, такъ какъ онъ хорошо былъ извѣстенъ въ высшихъ сферахъ Петербурга и ему стоило только заявить свое желаніе, чтобъ оно было исполнено съ большой охотой и даже радостью: его умъ, солидная настойчивость и знаніе практики жизни, наглядно заявленные прекраснымъ веденіемъ земскихъ и дворянскихъ дѣлъ губерніи, считались въ высшихъ сферахъ Петербурга почти необходимыми для участія въ трудныхъ дѣлахъ администраціи государства. Но быть губернаторомъ онъ считалъ послѣднимъ дѣломъ. Ему хорошо извѣстны были случаи громадныхъ кушей, перепадавшихъ въ руки высоко-стоящихъ лицъ отъ разныхъ концессіонеровъ, и вотъ тутъ, около такихъ мѣстъ, вращались помыслы Сергѣева: попасть на такое мѣсто выработывалъ онъ проектъ. Бѣдствіе голода, нежданно постигшее губернію, помогло предводителю выработать грандіозный проектъ, совмѣщающій въ себѣ и избавленіе губерніи отъ голода, и избавленіе самого предводителя отъ безденежья.

Въ правительственныхъ сферахъ было уже года два рѣшено провести желѣзную дорогу отъ А... до Б... Дорога эта, дѣйствительно, имѣло громадное значеніе во всѣхъ рѣшительно отношеніяхъ: стратегическомъ, политическомъ, экономическомъ и даже, какъ увѣряли нѣкоторые, педагогическомъ. Необходимость постройки въ послѣднемъ, т. е. педагогическомъ, отношеніи доказывалась тѣмъ, что дорога, проходя по замѣчательнымъ въ исторіи мѣстамъ, дастъ возможность дешево и скоро осматривать эти мѣста, и педагоги могутъ тогда, для лучшаго ознакомленія и для легкаго усвоенія отечественной исторіи, возить гимназистовъ, студентовъ и офицеровъ, изучающихъ въ академіяхъ военныя нау-

ки, на экскурсіи въ эти мѣста. Но, несмотря на всю важность дороги, сооруженіе оной было отложено, благодаря вдругъ разразившимся коммерческимъ и биржевымъ кризисамъ и крахамъ въ Берлинѣ, Вѣнѣ и у насъ самихъ и благодаря тому, что политическій горизонтъ Европы началъ омрачаться замѣшательствомъ, пока еще впрочемъ очень неопредѣленнымъ, между Франціей и Пруссіей. Губернскій предводитель и надумалъ воспользоваться голодомъ губерніи, чтобы, во-первыхъ, ускорить постройку дороги и, во-вторыхъ, забрать постройку въ руки земства, т. е. почти въ свои собственныя руки, какъ предсѣдателя губернскаго земскаго собранія, съ такими новыми громадными правами—и какъ предсѣдателя губернской управы, и, наконецъ, какъ губернскаго предводителя. Имѣя тысяче-верстную дорогу въ своихъ почти рукахъ, Сергѣеву казалось не труднымъ устроить дѣло такъ, чтобъ и избавить губернію отъ голода, и для себя заполучить столько, сколько только пожелаетъ онъ самъ. Предсѣдатель управы и предводитель дворянства, въ одномъ конечно лицѣ, поѣхалъ въ Петербургъ и отъ лица дворянъ и, главное, отъ лица земства губерніи, котораго прямой долгъ помочь голодающему крестьянству, выхлопоталъ концессію, съ которой мы уже познакомили читателя въ прошлой главѣ.

«Дѣло устроилось лучше, чѣмъ я ожидалъ,—думалъ предводитель, лежа на диванѣ и покуривая дорогую гаванскую сигару, дымъ которой почти былъ не замѣтенъ въ полутьмѣ кабинета.—Хлопонинъ предлагалъ милліонъ для земства и сто тысячъ на дѣла благотворительности, по личному моему усмотрѣнію. Сегодня получилъ письмо отъ Брестова, Карлова и К° съ предложеніемъ тоже милліона земству и двухсотъ тысячъ на дѣло благотворительности «по безконтрольному назначенію вашего превосходительства», какъ написано въ письмѣ... Но это все не то... Въ декабрѣ—новые выборы; дорога и способъ ея постройки заставятъ дворянъ губерніи снова выбрать меня единогласно въ предводители; новые гласные по тому же самому выберутъ въ управу предсѣдательствовать, еслибъ я и не желалъ; газеты на весь свѣтъ прокричатъ о неслыханномъ доселѣ дѣлѣ—сооруженіи земствомъ желѣзной дороги для избавленія губерніи отъ голода,—и любое мѣсто въ администраціи будетъ мое... А тамъ можно будетъ и дорогу сдать съ пользою для земства и съ пятью стами тысячъ для себя... Къ осени голода не будетъ, дворяне, навѣрно, сами попросятъ развязать ихъ съ

постройкой, а я, не дожидая того, обдѣлаю дѣло съ разными Хлопониными, Брестовыми, Карловыми и прочей капитальной сволочью...»

— Зажечь свѣчи, Ваня? — прервала думы предводителя пожилая, высокаго роста, съ строгимъ, но добрымъ, симпатичнымъ лицомъ, жена предводителя, Варвара Кириловна.

— Будь добра, —отвѣтилъ, не вставая, предводитель. —А потомъ присядь около меня. Я поговорю съ тобой о твоей поѣздкѣ за границу.

— О твоей!... Почему же не о нашей? Ты опять поѣдешь не вмѣстѣ и проживешь лѣто не со мной?—зажигая неторопливо свѣчи, говорила Варвара Кириловна еще не старческимъ голосомъ, въ которомъ слышна была грусть и недовольство.

— Я не могу, Варя, совсѣмъ ѣхать за границу, хотя доктора и совѣтуютъ...

— Какой ты сегодня особенно красивый!—прервала предводителя Варвара Кириловна, садясь около него и пристально всматриваясь въ лицо мужа.—Я поцѣлую тебя — и она нагнулась и медленно поцѣловала его въ губы. — Почему же тебѣ нельзя ѣхать за границу, если доктора велятъ непремѣнно пользоваться водами? Ты не жалѣешь меня, потому что не бережешь своего здоровья... да?—и она перебирала своими длинными, но очень худощавыми бѣлыми пальцами волосы на его головѣ.

— Надо исполнить, Варя, свой долгъ, какъ дворянина и какъ гражданина губерніи, — не громко, но съ чувствомъ отвѣчалъ предводитель.—Ты знаешь, что въ губерніи голодъ и что я хочу уничтожить его безъ всякихъ дурныхъ слѣдовъ для голодныхъ. Я прогоню его далеко отъ нашей губерніи... Нужно только немного пожертвовать своимъ здоровьемъ и не поѣхать за границу.

— Какой ты сегодня славный, Ваня! Ты сегодня не суровъ и смотришь еще болѣе героемъ, какъ богатырь послѣ подвига. Положи вотъ такъ руки, а голову—вотъ такъ, — и она отбросила его руку съ сигарой небрежно въ сторону, другую закинула за голову, голову повернула почти вверхъ лицомъ, растегнула жилетъ, открыла его полную, обросшую волосами грудь и, придавъ всей его фигурѣ раскинутость удалаго богатыря, нѣжно говорила:—Ну, вотъ теперь говори, мой богатырь, о своихъ побѣдахъ. Вѣдь ты уже прогналъ голодъ. Ты уже побѣдилъ его и теперь лежишь довольный своею побѣдою.... Да, Ваня?

— Да, ты права, Варя, я почти уже побѣдилъ голодъ,—съ нѣжностью отвѣчалъ предводитель.—Но я долженъ прожить лѣто здѣсь, для того чтобы приготовить тріумфъ для себя, чтобы сдѣлать видимою для всѣхъ побѣду и принять отъ всей губерніи благодарность за нее.

— Такъ я не поѣду отсюда!—живо и громко прервала его жена. — Я хочу видѣть торжество моего героя... Ваня! вѣдь я первая нашла, что ты герой, такъ я хочу видѣть доказательство отъ всей губерніи, что я не ошиблась.

— Торжество будетъ въ декабрѣ, и ты вернешься къ нему... Ѣхать тебѣ нужно. Миля совсѣмъ плоха, а ее нужно поправить и выдать замужъ. Ты мало обращаешь на нее вниманія.

— Она не отъ тебя, и Богъ съ ней... Отчего отъ тебя нѣтъ у меня дѣтей?—и слезы блеснули у ней на глазахъ.

IV.

Анна Павловна сидѣла на диванѣ въ той же комнатѣ, освѣщенной тою же лампой съ голубымъ абажуромъ на столѣ у дивана, какъ и нѣсколько дней тому назадъ, когда ее посѣтилъ полицеймейстеръ. Супругъ Анны Павловны, приставъ мироваго съѣзда Ахневъ, взволнованно ходилъ по комнатѣ, заложивъ руки за спину. Лицо Анны Павловны улыбалось и, при голубоватомъ свѣтѣ отъ абажура лампы, при улыбкѣ вокругъ ея полненькихъ губъ и при заброшенныхъ назадъ волосахъ, завитыхъ въ локоны, походило на лицо тѣхъ безплотныхъ духовъ, которыхъ художники рисуютъ съ крылышками позади и съ выраженіемъ на лицѣ полнаго отсутствія чего-либо земнаго, кромѣ любви, любви безкорыстной, всеобъемлющей и всепрощающей.

— Нѣтъ, Саша, ты не любишь и не любилъ меня,—сказала она, ясно сознавая ложь своихъ словъ, тѣмъ тихимъ и кокетливымъ голосомъ, который въ устахъ хорошенькой, амуроподобной женщины дѣйствуетъ на любящаго ее мужчину болѣе слезъ, ласки или гнѣва.

— Я любилъ тебя любовью мужчинъ всего міра, взятыхъ вмѣстѣ!—отвѣчалъ Ахневъ, продолжая взволнованно ходить по комнатѣ.—Нѣтъ, болѣе,—я любилъ въ тебѣ и женщину, и божество вмѣстѣ.... А теперь я не знаю, что ты для меня....

— Аня, Аня! Моя Аня!—замѣтивъ слезы у ней на глазахъ и упавъ предъ ней на колѣни, схвативъ ея руки и цѣлуя ихъ,

заговорилъ онъ тихо и нѣжно.—Нѣтъ, нѣтъ, ты—ангелъ, ты—мой Богъ! Не моей любви проси, а дай своей любви, своею любовью оживи меня, укрѣпи и толкай ею впередъ и впередъ!... Люби меня, какъ прежде, и я опять буду честный, добрый, умный, буду вѣрить въ тебя, въ правду, въ честь!...

Онъ посмотрѣлъ на нее. Глаза ея были теперь безъ слезинки, смотрѣли, какъ небо юга, а сама она еще болѣе походила на амурчика, а по щекѣ катилась слезинка. Онъ вскочилъ съ колѣнъ, обнялъ ее и еще болѣе нѣжно говорилъ:

— Я сдѣлаю для тебя все, покривлю въ послѣдній разъ душою, но ты будешь моимъ богомъ, какъ прежде? Да, да?—и онъ страстно цѣловалъ ее, а она обняла его одною рукой, а другой играла цѣпочкою часовъ, склонивъ свою головку на его плечо.—Помнишь, Аня,—продолжалъ онъ немного погодя,—какой я былъ три, даже два, даже годъ назадъ хорошимъ человѣкомъ? Встанешь въ семь часовъ, напьешся чаю—и маршъ въ контроль. Въ два часа домой, пообѣдаешь—и за книги. Думалось выдержать экзаменъ на право поступленія въ университетъ и потомъ ѣхать въ Москву—учиться, быть человѣкомъ... Въ это время я познакомился съ твоимъ семействомъ. Когда голова уставала отъ работы, я приходилъ къ вамъ, и ты всегда была такой доброй ко мнѣ. Работа пошла еще успѣшнѣй, когда я влюбился въ тебя, когда узналъ, что и ты любишь меня: я хотѣлъ скорѣе учиться, чтобы скорѣе быть человѣкомъ... Потомъ сватьба, ты моя и блаженство первой любви. Помнишь, какое это блаженное время было?!... Потомъ пошло все къ чорту, ты перестала любить меня, перестала любить сына, и я сдѣлался подлецомъ, тряпкой, пьяницей...

— Я буду любить, какъ и прежде,—жалобно и нѣжно отвѣчала Аня, лаская рукой волосы на его головѣ,—только устрой нашу жизнь иначе. Такъ скучно. Ты уйдешь на службу, я остаюсь одна, мнѣ скучно, мальчикъ спитъ, а я думаю, какая я несчастная: другіе гуляютъ, бываютъ въ людяхъ, въ собраніяхъ, театрахъ, а я все дома, и все одно и то же, одно и то же... Я жду тебя, чтобы ты утѣшилъ, а ты придешь сердитый, злишься, ругаешься, а потомъ началъ пропадать изъ дому... Послушай, дорогой мой, я буду любить тебя, не знаю какъ крѣпко, только устрой нашу жизнь лучше!

— Аня! лучше жить нужны средства, а средства честнымъ путемъ не достанешь. Честнымъ путемъ много не добудешь, а

воровать, сама видишь, я не умѣю. Началъ, да и неудачно,—началъ, да и прямо въ тюрьму.

— Будешь умный, послушаешь совѣта Филарета Пупліевича, ничего не будетъ, а другую должность, еще лучшую, дадутъ. Вотъ еслибы тебя частнымъ приставомъ сдѣлали... Какъ хорошо живутъ Чарины! Все имѣютъ, много знакомыхъ, сами часто въ людяхъ и люди у нихъ. А ты развѣ глупѣй его? Ты такой умный, а мы живемъ хуже всѣхъ...

— Можно войти?—послышался голосъ полицеймейстера, который вслѣдъ затѣмъ явился въ залу и самъ.—Хоть очень поздно, но дѣло, любовь и уваженіе къ Аннѣ Павловнѣ даютъ смѣлость безпокоить и въ такое позднее время. Здравствуйте! Я къ вамъ прямо отъ его превосходительства,—садясь на диванъ рядомъ съ хозяйкой и обращаясь къ хозяйкѣ, началъ полицеймейстеръ.—У его превосходительства былъ разговоръ о васъ,—ну, я и зашелъ къ вамъ сказать объ этомъ. Но вы извините старику, если поздно и не во-время обезпокоилъ.

— Какъ вы можете обезпокоить! Для васъ, Филаретъ Пупліевичъ, я ночи готовъ не спать,—горячо отвѣтилъ Ахневъ.

— Вы совсѣмъ не старикъ! Вы очень, очень не старикъ!—шаловливо и нѣжно отвѣтила хозяйка.

— Какъ бы вашими хорошенькими губками да медъ пить,—вздохнувъ тяжело, отвѣтилъ полицеймейстеръ на комплиментъ хорошенькой хозяйки.—А вамъ, обращаясь къ Ахневу,—продолжалъ онъ,—слѣдуетъ завтра отправиться самому къ предсѣдателю съѣзда и заявить подробно о происшествіи съ лошадьми, часами и водкою, а потомъ просить, чтобы надъ вами начали дисциплинарное дѣло и чтобы дѣло это разбиралось въ публичномъ засѣданіи съѣзда. Это мнѣніе—его превосходительства, а вы знаете, мнѣніе его превосходительства—законъ!

Ахневъ сидѣлъ задумчиво.

— Вы, я вижу, все еще въ раздумьи находитесь?—продолжалъ полицеймейстеръ.—Бросьте! Добра желая, говорю вамъ: бросьте и бросьте! Дѣло рѣшенное. Да и чего раздумывать? Свидѣтели есть, какъ вы посылали и какъ его люди брали и часы-антики, и старую водку; а нѣтъ никого, кто бы видѣлъ, что вы брали отъ него деньги.... Я бы на вашемъ мѣстѣ плюнулъ на раздумье и даже радовался бы, что пріобрѣлъ расположеніе и вниманіе къ себѣ его превосходительства.

— А вы думаете, Филаретъ Пупліевичъ, легко будетъ въ гласномъ засѣданіи? Тяжело будетъ!... А что впереди? — Опозоренный...

— Во-первыхъ, вы—молодой человѣкъ, а потому и изволите разсуждать молодо и зелено. Вы меня извините, я человѣкъ правдивый!

— Говорите, говорите, Филаретъ Пупліевичъ,—нетерпѣливо и довѣрчиво обратилась къ полицеймейстеру хозяйка.

— Во-вторыхъ,—продолжалъ полицеймейстеръ,—нѣтъ никакого позора, если вы, послушавъ своего начальника, болѣе васъ умнаго и разсудительнаго, сдѣлали то, что потомъ оказалось преступленіемъ, но что для васъ совсѣмъ не казалось этакимъ, когда вы исполняли приказаніе вашего начальства. На этой стрункѣ можно даже жалость къ себѣ возбудить во всѣхъ, кто будетъ въ открытомъ засѣданіи, а народу будетъ много. Я вамъ совѣтую подготовиться, рѣчь этакую сказать, чтобы слезу прошибло.

— Да потомъ-то что? Въ засѣданіи—похлопаютъ, пожалуй, повздыхаютъ, пожалуй, чувствительныя души даже поплачутъ, а потомъ?—Потомъ никто въ дворники не приметъ. Какъ его принять,—онъ можетъ обворовать!—грустно проговорилъ Ахневъ.

— А въ-третьихъ, наплевать вамъ на все это, на мнѣнія всѣхъ. На чорта вамъ мнѣнія всѣхъ, если у васъ есть вниманіе губернатора, которое дороже мнѣнія всѣхъ и вся!... Я вотъ вамъ что скажу. Когда вы завтра заявите о происшествіи предсѣдателю съѣзда,—заявите, конечно, какъ должно,—вы понимаете?

— Понимаю,—грустно отвѣтилъ Ахневъ.

— Онъ сдѣлаетъ и скажетъ, какъ вы говорили,—сказала Анна Павловна, не глядя на мужа и дѣлая глазки полицеймейстеру.

— Вы потомъ подайте и прошеніе объ увольненіи отъ должности судебнаго пристава,—продолжалъ полицеймейстеръ.—Какъ только вы сдадите должность, его превосходительство сейчасъ же назначаетъ васъ письмоводителемъ къ исправнику Б..... уѣзда. Исправникъ этотъ—дальній родственникъ губернатора, онъ получитъ объ васъ письмо отъ самого губернатора, онъ васъ приметъ и научитъ службѣ... Жалованье то же самое, что вы получаете и теперь: шесть-сотъ рублей, но дохода рублей тысяча, если не болѣе. Главное, будьте послушны! Поймете службу—и пойдете впередъ, и не будете сидѣть на одномъ мѣстѣ.

— Какой вы добрый, очень добрый!—съ чувствомъ и кокетливой улыбкой замѣтила Анна Павловна.

— Благодарю васъ, Филаретъ Пупліевичъ! Благодарю васъ, отъ глубины души благодарю!—съ большимъ чувствомъ сказалъ Ахневъ.

— Не за что, подавая для пожатія свою руку,—продолжалъ полицеймейстеръ.—Я тутъ ни при чемъ. Благодарите его превосходительство. А главное бросьте всякую эту молодость и зелень и берите примѣръ съ насъ, людей пожившихъ на свѣтѣ, знающихъ, гдѣ раки зимуютъ, днюютъ и ночуютъ. Вотъ я вамъ скажу о себѣ. Я былъ маленькій человѣкъ. Три класса гимназіи всего прошелъ, а теперь—помѣщикъ, полицеймейстеръ и любимый всѣми человѣкъ. А черезъ что?—Увлеченій этихъ зеленыхъ не было. Шелъ ровно, снималъ шапку и давалъ дорогу встрѣчному, а встрѣчный замѣчалъ это и обращалъ вниманіе... Да! Главное, чтобы вниманіе обращали... Обратятъ вниманіе—и окажутъ сейчасъ довѣріе, если ты не глупъ, а при довѣріи умѣй только пользоваться,—и будетъ твой домъ и твоя семья аки лоза виноградная. Да-съ!

Полицеймейстеръ около часу разговаривалъ на эту тему и ему удалось своимъ разговоромъ совершенно успокоить Ахнева. Провожая полицеймейстера, Ахневъ ловко подалъ и помогъ надѣть ему шубу, а Анна Павловна, со свѣчей въ рукѣ, довѣрчиво и кокетливо улыбалась обоимъ.

— Ахъ, какой добрый и внимательный Филаретъ Пупліевичъ!—говорила она, лежа въ постелѣ рядомъ съ мужемъ.

— Аня! новая жизнь для меня начинается,—говорилъ, обнимая ее, Ахневъ.—Смотри, отъ тебя зависитъ сдѣлать меня человѣкомъ! Будешь любить меня, Аня, какъ прежде? Да, Аня, да?

Аня отвѣчала страстнымъ поцѣлуемъ...

ГЛАВА IV.

„Гдѣ умъ красавицы не бродитъ, чего не думаетъ она“, и пишетъ посланіе, и посылаетъ съ нимъ пасху.—Могутовъ декламируетъ.

I.

Катерина Дмитріевна, послѣ засѣданія экстреннаго губернскаго земскаго собранія и послѣ разговора въ городскомъ саду со Львовымъ и Вороновымъ,—все время до самаго вечера субботы подъ Пасху провела въ тревожныхъ мечтахъ, мысляхъ и думахъ о самой себѣ и о тѣхъ, съ кѣмъ была тѣсно связана ея про-

шедшая и настоящая жизнь и съ кѣмъ вязалась, по ея мыслямъ, ея будущая жизнь. Она, какъ читатель вѣроятно замѣтилъ, не была дѣвушкой робкой, застѣнчивой и скрытной. Она не воспитывалась въ какомъ-либо аристократическомъ женскомъ пансіонѣ или институтѣ; у ней никогда не было гувернантокъ; ей шелъ всего одиннадцатый годъ, когда умерла ея мать; судьба послала ей въ мачихи женщину немного старше ея лѣтами, но очень практичную, посвятившую все свое время на управленіе громадными имѣніями мужа,—и въ характерѣ Катерины Дмитріевны не было и слѣдовъ наивной стыдливости, свѣтскаго кокетства, условной скромности, безпредметной сентиментальности, рефлективной чувствительности и т. п. добродѣтелей, которыя въ большинствѣ случаевъ суть продукты барственно-женскаго вліянія какъ въ мальчикахъ, такъ и въ дѣвушкахъ. На выработку характера Катерины Дмитріевны почти исключительное вліяніе имѣли только отецъ и старушка-няня: отецъ былъ для нея наставникомъ и другомъ, а подругой была няня, бывшая крѣпостная, съ вѣрующею въ Бога и правду душою, съ любящимъ и добрымъ сердцемъ, съ здравымъ природнымъ умомъ, почти чуждая холопства, лукавства и лжи и прекрасный знатокъ умныхъ народныхъ пословицъ, пѣсенъ и сказокъ. Покойная мать успѣла сообщить дочери глубокую вѣру въ Бога, сильную любовь къ музыкѣ и умѣнье хорошо говорить на русскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ; няня сообщила вѣрѣ, музыкѣ и языку дѣвушки искренность, задушевность, правдивость; отецъ далъ ей знаніе математики, естественныхъ наукъ и особенно исторіи, которую онъ старался превратить для нея во что-то совмѣщающее въ себѣ и литературу, и исторію религіозныхъ вѣрованій, и политическую экономію,—и все это съ подкладкой любви къ правдѣ, вмѣстѣ съ любовью къ порядку, къ постепенному и послѣдовательному движенію впередъ, и нелюбовью къ насилію, которымъ онъ объяснялъ неуспѣхъ всѣхъ историческихъ явленій, имѣвшихъ хотя и прекрасную цѣль. Словомъ, отецъ былъ наполовину реалистъ, на-половину идеалистъ, на-половину западникъ, на-половину славянофилъ,—и его дочь была рельефнымъ, болѣе живымъ и болѣе выпуклымъ отраженіемъ отца. Идеализмъ дѣвушки сообщалъ всѣмъ ея поступкамъ и дѣйствіямъ мягкость, деликатность, искренность и задушевность, а ея реализмъ расширялъ горизонтъ мысли, уносилъ мечты дѣвушки не къ небу, а къ землѣ, сообщалъ ея словамъ ясность, рѣчи—искренность, дѣйствіямъ и поступкамъ—глубокую жизнен-

ность, какъ бы весь умъ дѣвушки, вся душа ея участвовали въ ея поступкахъ и дѣйствіяхъ.

А на дворѣ весна съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе вступала въ свои права. Утренніе морозы были почти незамѣтны; снѣга уже не было и слѣдовъ; солнце въ полдень свѣтило ярко и тепло; вечера становились длиннѣе и свѣтлѣе, ледъ прошелъ на рѣкѣ; трава кое-гдѣ начала зеленѣть; древесныя почки замѣтно полнѣли; въ поле начали гонять скотъ; дѣти-оборванцы навязчиво предлагали на каждомъ перекресткѣ улицъ пучки изъ блѣдно-синихъ цвѣточковъ подснѣжника... И дѣвичье, сердечко Катерины Дмитріевны забилось по-весеннему, и ея молодая грудь ускоренно дышала, и въ ея умной головкѣ, какъ вѣтромъ поднятыя волны въ морѣ, носились, сталкивались, шумѣли и переливались мысли и думы, много мыслей и думъ. Работа, чтеніе и размышленіе о читанномъ теперь казались ей безцѣльными, мало относящимися къ ней самой и къ той роли матери, къ которой она старалась приготовить себя, по совѣту отца; игра на фортепіано скоро утомляла и еще болѣе волновала кровь. Отецъ былъ весь погруженъ въ постройку земствомъ желѣзной дороги, мачиха — въ приготовленія къ весенней поѣздѣ по имѣніямъ, няня говѣла, сильно постилась и молилась съ утра до ночи,—и разговоры съ отцомъ, мачихой и няней, прежде такъ хорошо разъяснявшіе всѣ тревоги дѣвушки, теперь казались ей однообразными, скучными... Она нетерпѣливо ждала окончанія праздниковъ, чтобы поскорѣе уѣхать съ мачихой изъ города по имѣніямъ, избрать одно изъ нихъ, наиболѣе глухое, вблизи деревни, вблизи рѣки и лѣса,—и начать тамъ свою первую живую работу, пробовать свои силы при обученіи крестьянскихъ ребятишекъ грамотѣ, какъ надумала она сама и съ пользой чего соглашался и отецъ, чтобы дочери «не было скучно до выхода замужъ».

«Чтобы не скучать?—начинала думать дѣвушка, когда чтеніе сухихъ педагогическихъ книгъ или игра на фортепіано надоѣдали ей и она задумывалась, сидя за столомъ въ кабинетѣ или медленно прохаживаясь по залѣ.—И неужели такъ нужно и такъ живутъ всѣ до выхода замужъ?... Почему это Могутовъ увѣряетъ, что дѣвушка должна выходить замужъ въ двадцать пять, даже въ тридцать лѣтъ?—задала она громко вопросъ.—Развѣ только въ тридцать лѣтъ можно быть Порціей?... Не понимаю!... Прочту еще разъ».

И она поспѣшно достаетъ изъ шкафа Шекспира и начинаетъ читать «Юлія Цезаря». Она читаетъ съ наслажденіемъ, съ жадностью драму, полную жизни, тревоги, борьбы. Но вотъ она доходитъ до разговора Порціи съ Брутомъ. Она на минуту останавливается, задумывается и потомъ продолжаетъ читать вслухъ.

Порція.

Мой милый,
Скажи причину горести твоей.

Брутъ.

Я не совсѣмъ здоровъ—вотъ вся причина.

Порція.

Нѣтъ, Брутъ благоразуменъ: еслибъ онъ
Былъ нездоровъ, то онъ бы сталъ лѣчиться.

Брутъ.

Я такъ и дѣлаю. Ступай, жена, засни!

Порція.

Брутъ нездоровъ, а для него не вредно
Ходить растегнутымъ, вдыхая влагу
Сыраго утра? Какъ, Брутъ нездоровъ,
А теплую постель тайкомъ оставилъ
Для воздуха холодной этой ночи,
Исполненнаго вредныхъ испареній,
Чтобы болѣзнь свою усилить?... Нѣтъ,
Ты боленъ духомъ, милый Брутъ! По праву
Жены я знать болѣзнь твою должна.
Тебя я на колѣняхъ заклинаю
Моей когда-то славной красотой,
Твоей любовію и тѣмъ обѣтомъ,
Который насъ въ одно соединилъ:
Открой мнѣ, отчего ты такъ задумчивъ,
Что за люди здѣсь были у тебя —
Шесть человѣкъ иль семь? Они лицо
Отъ мрака ночи даже закрывали.

Брутъ.

Встань, Порція, встань, добрая жена!

Порція.

Я не стояла-бъ на колѣняхъ, еслибъ
Ты добрымъ Брутомъ былъ. Скажи мнѣ, Брутъ,
Ужели въ нашемъ брачномъ договорѣ
Условіе поставлено, чтобъ я
Твоихъ секретовъ никогда не знала?
Ужель съ тобой слилась я лишь отчасти,
Въ извѣстной степени, какъ, напримѣръ,
Должна дѣлить съ тобой постель и пищу,
Порою разговаривать? Такъ я
Живу отъ сердца твоего не близко,
Не въ городѣ, въ предмѣстьяхъ городскихъ?
О, если такъ, то Порція для Брута—
Наложница, а не жена!

Брутъ.

Нѣтъ, ты
Вполнѣ моя достойная жена!
Я дорожу тобой какъ красной кровью,
Которая мнѣ къ сердцу приливаетъ.

Порція.

О, еслибъ это было справедливо,
Тогда-бъ я знала твой секретъ.
Я, правда, женщина, но, вѣдь, меня
Самъ Брутъ женою сдѣлать удостоилъ;
Я женщина, но я—Катона дочь!
Съ такимъ отцомъ и мужемъ неужели
Я не должна быть тверже прочихъ женщинъ?
Открой мнѣ, Брутъ, намѣренья свои —
И никогда я ихъ не обнаружу;
Свою я твердость духа доказала,
Себѣ бедро поранивъ добровольно, —
Ужели эту рану я могла
Съ терпѣньемъ вынести, а тайны мужа
Не сохраню?

«Она его любитъ, она его жена и она хочетъ знать его секретъ, его тревоги, его горе, чтобъ успокоить его... Ну, такъ что же?!—громко и удивленно, порывисто закрывая книгу, спра-

шиваетъ она.—Но развѣ этого я не могу сдѣлать? Развѣ я не пойму тревоги и горя моего мужа, не успокою его?... «Свою я твердость духа доказала, себѣ бедро поранивъ добровольно....» «Свою я твердость доказала, себѣ бедро поранивъ добровольно»—громко и вдумчиво произнесла она во второй разъ и потомъ моментально схватила со стола перочинный ножикъ и все его лезвіе вонзила себѣ въ руку выше локтя.

Кровь фонтаномъ брызнула изъ раны, а потомъ быстро начала просачиваться сквозь рукавъ платья, а Катерина Дмитріевна очень спокойно вытерла объ юпку платья ножъ и потомъ весело разсмѣялась. Ей хочется позвать отца, мать, няню и показать имъ, что ей совершенно небольно, что она сама поранила себя, и при этомъ смѣется... Она опять раскрываетъ книгу, ходитъ съ нею по кабинету и вторично громко читаетъ разговоръ Порціи съ Брутомъ, совершенно позабывъ о своей ранѣ, и сильно пачкаетъ кровью и платье, и страницы Шекспира.

«Это нехорошо, совсѣмъ нехорошо! — весело и громко говоритъ она потомъ.—Александръ Македонскій былъ великій полководецъ, я очень похожа на Порцію, хотя мнѣ только семнадцать лѣтъ, но книгу все-таки незачѣмъ пачкать и рану нужно унять... И платье все испачкала, глупая!»

И она поспѣшно убѣгаетъ изъ кабинета къ нянѣ, чтобы спросить у няни тряпку и перевязать ею рану.

— Гдѣ это вы, барышня, порѣзались? Поди чай больно, барышня?—качая головой, удивленно спрашиваетъ няня, перевязывая руку барышни.

— Нѣтъ, няня! Совсѣмъ небольно, няня!

— Гдѣ тамъ небольно! Ишь кровь-то не уймешь никакъ, сквозь платокъ-то такъ и просачивается, — и небольно! Плакать-то вамъ, барышня, стыдно, такъ вотъ оно и небольно.

— Да нѣтъ же, нѣтъ, няня! Смотри, няня, видишь — небольно!—и она порывисто срываетъ перевязку, смѣется, машетъ рукой, а кровь изъ раны течетъ теперь толстою струей по обнаженной рукѣ дѣвушки.

Няня, какъ пораженная ужасомъ, стоитъ въ недоумѣніи, устремивъ испуганные глаза на дѣвушку, а дѣвушка продолжаетъ смѣяться, потомъ обнимаетъ няню, цѣлуетъ ее и пачкаетъ кровью платье и лицо няни.

— Няня, няня!... Посмотри въ зеркало, няня! Посмотри, какая ты нарумяненная! Голубушка, няня, посмотри!

И она ведетъ няню къ зеркалу. Няня удивлена, поражена, забыла, что кровь не унята изъ раны ея барышни, и, какъ автоматъ, идетъ къ зеркалу. Она видитъ въ зеркалѣ веселое и смѣющееся лицо барышни и подозрительно качаетъ головой, осѣняетъ себя крестнымъ знаменіемъ и только теперь замѣчаетъ кровь на своихъ щекахъ и на лбу.

— И меня всю испачкала кровью, бѣдовая!—серьезно и съ укоромъ обращается она къ барышнѣ и поспѣшно начинаетъ перевязывать ей руку.

И цѣлый день Катерина Дмитріевна была весела, долго пѣла, не такъ скоро уставала отъ чтенія педагогическихъ книгъ, разговоръ съ мачихой и отцомъ казался болѣе интереснымъ, а няня смѣшила ее своимъ вопросительнымъ взглядомъ и покачиваніемъ головы. Этотъ случай, какъ слезы, о которыхъ она вспомнила, облегчилъ ее, успокоилъ, — она хладнокровнѣй относилась ко всему и все не такъ теперь мозолило раздраженные ея нервы.

II.

Въ половинѣ пятаго часа того же дня Софья Михайловна и Катерина Дмитріевна поѣхали кататься за городъ. Онѣ катались около часа. Кожуховъ почему-то не выѣхалъ къ нимъ и Софья Михайловна скучала, но ея падчерица не замѣчала отсутствія Кожухова и была очень весела, и ея молодая грудь ускоренно дышала свѣжимъ воздухомъ начинающейся весны.

— Ахъ, мама, какъ мнѣ бѣгать хочется!—сжимая руку мачихѣ, громко сказала она подъ конецъ катанья.

— Такъ зачѣмъ же дѣло стало?—улыбаясь отвѣчала Софья Михайловна.—Я велю остановиться и ты можешь побѣгать.

— Давай вмѣстѣ, мама.

Софья Михайловна согласилась, и онѣ обѣ минутъ десять рѣзво и шаловливо бѣгали на перегонки по шоссе.

Возвращаясь съ гулянья и проѣзжая мимо жалкаго и единственнаго во всемъ городѣ книжнаго магазина, Катерина Дмитріевна попросила мачиху остановиться и, быстро соскочивъ съ экипажа, вошла въ магазинъ.

— Позвольте мнѣ романъ «Феликсъ Гольтъ» Джорджа Элліота,—спросила она у пожилаго торговца съ громадными очками на толстомъ носу.

— Отдѣльно у насъ «Феликса» нѣту, а есть у насъ «Дѣло» за тотъ годъ, когда помѣщался въ немъ «Феликсъ». Вы купите

«Дѣло», такъ тамъ и «Феликса» найдете, и очень много другихъ интересныхъ статей,—отвѣтилъ торговецъ и полѣзъ доставать толстую связку книжекъ «Дѣла».

Она не разсматривала другихъ статей, а посмотрѣла, есть ли въ книгахъ «Феликсъ Гольтъ», всѣ ли главы романа въ нихъ, не торгуясь заплатила купцу восемь рублей и сама вынесла связку книгъ въ экипажъ.

Послѣ обѣда она принялась за чтеніе романа и читала его до часу ночи, когда окончила его весь. Она обыкновенно ложилась спать не ранѣе полуночи и скоро засыпала, теперь же ей не спалось и въ часъ ночи.

«Но гдѣ же тутъ доказательства? Почему, чтобы быть такой, какъ Эсфирь, нужно выходить замужъ въ такія лѣта, какъ вышла она за Феликса, въ двадцать три года?... Даетъ уроки, любитъ немножко франтить, хороша собой... Что же еще у ней есть? Чѣмъ она такая умница?... Она отказалась отъ богатаго наслѣдства, вышла за бѣднаго Феликса, полюбила его... Но развѣ это трудно? Когда полюбишь, развѣ испугаетъ бѣдность? Нѣтъ, нѣтъ! Я пойду за нищаго, если полюблю его!... Ну, право, Могутовъ совсѣмъ не правъ, совѣтуя любить и выходить замужъ въ двадцать пять лѣтъ. Можно, можно въ мои лѣта, можно!... Мнѣ семнадцать, до двадцати двухъ лѣтъ нужно жить еще пять лѣтъ—это ужасно! Нѣтъ, я не хочу такъ долго ждать, а какъ только влюблюсь, сейчасъ же выйду замужъ!...»

И, порѣшивъ этотъ трудный для нея вопросъ о возрастѣ любви и брака, она спокойно заснула и спала крѣпко, почти безъ сновъ, и только разъ, два, мелькомъ, ей являлась во снѣ няня съ выпачканнымъ кровью лицомъ, съ удивленною физіономіей и съ руками ощупывающими свой носъ.

На утро она проснулась, какъ всегда, въ восьмомъ часу и спокойно принялась за обычныя свои занятія, но къ десяти часамъ въ ея головкѣ опять зашевелились и заволновались безпокойныя мысли. Порѣшивъ съ однимъ вопросомъ, она задумалась надъ другимъ: кого полюбить, за кого выйти замужъ? И какъ только она задала себѣ этотъ вопросъ, въ ея воображеніи живо нарисовался образъ Кречетова, и его внезапное объясненіе въ любви къ ней. Она сравниваетъ всѣхъ своихъ знакомыхъ съ нимъ... У ней мелькаетъ мысль о Могутовѣ теперь сильнѣе, хотя она уже мелькала въ ея головкѣ нѣсколько разъ, когда она думала о Кречетовѣ, о Львовѣ, о прочихъ знакомыхъ своихъ ка-

валерахъ и когда думала о любви Эсфири къ Феликсу. Безотчетный стыдъ побуждалъ ее бѣжать его, не думать о немъ, но мысли не слушались ея.

Слезы подступили къ ея глазамъ, она начала плакать и слезы облегчили, успокоили ее. Она проплакала минутъ пять, потомъ утерла слезы и сѣла за фортепіано, начала играть; но пораненная рука сильно болѣла. Она хочетъ преодолѣть боль, продолжаетъ играть, но игра выходила неловкая и ея чуткое ухо раздражалось фальшивой игрой. Она садится опять за педагогическія книги, начинаетъ читать; но по нѣскольку разъ читаетъ одно и то же мѣсто и никакъ не можетъ его понять: первая строка понятна, понятна и вторая, и третья, и четвертая, а всѣ вмѣстѣ непонятны. Она напрягаетъ вниманіе, понимаетъ прочитанныя строки, читаетъ далѣе—и далѣе опять то же: нѣтъ связи съ предъидущимъ.—«Почему я не могу думать о немъ?—говоритъ она громко.—Разъ видѣла, не сказала ни одного слова и влюбилась,—это глупо!... Ну, пускай глупо, а я буду думать о немъ...»

И она припоминаетъ начало знакомства съ Могутовымъ: кто и что говорили о немъ въ первый день его пріѣзда, когда отецъ подъ конецъ вечера завелъ съ гостями разговоръ о немъ; потомъ она припоминаетъ все, рѣшительно все, что она сама думала тогда, послѣ этого вечера и, наконецъ, послѣ случайной встрѣчи съ Могутовымъ и разговора мачихи съ нимъ.

«У него пріятный голосъ. Какую пѣсню онъ пѣлъ? На голосъ изъ Руслана, а слова не тѣ: «кто тебя засѣялъ, кто тебя обработалъ?...» Потомъ онъ назвалъ маму вороной, мама смѣялась, а мнѣ досадно было.... Потомъ ему стало жаль маму и онъ такъ хорошо просилъ извиненія: глаза смотрятъ прямо, голова открыта, длинные волосы, на лбу морщина, а во взглядѣ что-то грустное.... Я не видѣла, чтобы кто такъ смотрѣлъ.... «Учить другихъ нуженъ геній, а мы—жалкіе люди и потому учить не можемъ».... Львовъ не узналъ, чьи это стихи... Для чего онъ это сказалъ? Мама сказала, что поле ея, что ея рабочіе обработали поле; онъ назвалъ ее вороной... Онъ не на научилъ, не объяснилъ, чѣмъ она ошибается, а прямо назвалъ вороной... Да, это такъ: онъ не объяснилъ, а прямо назвалъ вороной,—и досадовалъ на это, досадовалъ на себя,—ему маму совсѣмъ не жаль было, а онъ на себя досадовалъ... А гдѣ же ошибка: развѣ мама не вѣрно сказала?... Нѣтъ, я его должна увидѣть и онъ долженъ объяснить мнѣ: гдѣ ошибка, за что онъ назвалъ маму вороной... Папа

вчера говорилъ, что онъ отличную усадьбу нарисовалъ полицеймейстеру и совѣтовалъ мамѣ взять его въ управляющіе... Потомъ онъ сказалъ, что работать нужно, что безъ работы жить нельзя... Больше онъ ничего не говорилъ, и я его больше не видѣла... Въ собраніи видѣла, смотрѣла на него; онъ только одинъ разъ посмотрѣлъ на меня, а я закраснѣлась и опустила глаза въ низъ... А какое славное у него лицо! Не красивъ, а смотрѣть хочется: строгій, морщина на лбу, брови сдвинуты, худыя щеки и большіе темные глаза смотрятъ широко, смѣло, прямо и покойно,—такъ и тянетъ къ нимъ... Львовъ тоже его хвалилъ: умный, пріятный, хорошо говоритъ и читаетъ; ему не понравилось только мнѣніе Могутова о лѣтахъ для брака... Надо и объ этомъ спросить его; онъ долженъ сказать, почему,—я вѣдь не даромъ порѣзала руку... Но какъ я его увижу? Послать просить его? Сходить самой? Но съ какой стати? Будетъ смѣшно, онъ можетъ разсердиться... Не разсердится, а смѣшно, неловко, нельзя безпокоить изъ пустяковъ...»

И она начинаетъ думать, какъ удобнѣе, не конфузя себя, не давая повода Могутову смѣяться или замѣтить ея любовь къ нему, увидѣть его, говорить съ нимъ. Она приходитъ къ заключенію, что нужно будетъ сообщить свое желаніе видѣть Могутова Львову или Кречетову, что только они могутъ устроить свиданіе, только чрезъ нихъ она можетъ удовлетворить свое желаніе, не конфузя себя. Является вопросъ, когда назначить свиданіе и гдѣ,—и она рѣшаетъ: конечно, у себя дома. Львовъ или Кречетовъ должны привести Могутова къ Рымнинымъ, и привести не сегодня, не завтра, не послѣ завтра, а во время Пасхи, на первый, на второй или, самое позднее, на третій день.

«Но влюблена ли я въ него, люблю ли я его?—Да, да. У меня мысли, думы о немъ; стараюсь забыть его, и не могу,—онъ такъ и лѣзетъ въ мысли, онъ какъ живой стоитъ передъ глазами,—а это и есть любовь... Я, какъ Эсфирь, хочу быть такою, какъ онъ желаетъ, какъ ему хочется, чтобы была хорошая женщина. Онъ хвалитъ, онъ считаетъ Порцію идеаломъ женщинъ, и я хочу быть Порціей: я порѣзала себѣ руку сама, смѣялась при этомъ и мнѣ не было больно. Онъ хвалитъ Эсфирь,—и я познакомилась съ нею, узнала ее и могу быть такой, какъ она... А вѣдь и онъ похожъ на Феликса по уму, смѣлости, по добротѣ... Только онъ еще добрѣе Феликса: тотъ очень умно и зло бранитъ Эсфирь при первомъ свиданіи и не извиняется, а этотъ

тоже выбранилъ, но его доброй душѣ было это непріятно, онъ былъ недоволенъ, что выбранилъ насъ, что не научилъ правильно, а выбранилъ... И какъ онъ смотрѣлъ тогда! «Не думайте, что я такой бранчивый: я лучше, я добрый, я люблю всѣхъ, въ томъ числѣ и васъ, хочу учить всѣхъ, но погорячился; учить другихъ такъ трудно, для этого нуженъ геній, — и онъ вспомнилъ чьи-то стихи и сказалъ ихъ. Это вышло такъ хорошо, онъ прочелъ ихъ искренно, отъ души, какъ будто спѣлъ... Да, это любовь... Такова должна быть любовь... Онъ говоритъ, что безъ работы жить нельзя, и мнѣ хочется работать, я хочу работать и буду скоро учить дѣтей, какъ Эсфирь... Но это мнѣ самой пришло въ голову,—я его не знала, когда захотѣлось учить дѣтей... Это было послѣ рѣчи Лукомскаго о стремленіи къ равенству, полному равенству женщинъ съ мущинами. Я долго думала объ этомъ, послѣ совѣтовалась съ папой... Тутъ Могутовъ ни при чемъ».

— Катя! одѣвайся, — черезъ часъ ѣдемъ на омовеніе ногъ въ соборъ,—прервала Софья Михайловна думы падчерицы...

Гдѣ умъ красавицы не бродитъ,
Чего не думаетъ она?!

III.

Дмитрій Ивановичъ и Софья Михайловна не были обрядно-религіозны. Они глубоко вѣрили въ Бога и умомъ, и душою; но бывали только въ торжественные дни въ церкви, исповѣдывались и пріобщались разъ въ годъ, не приготовляя себя къ этому таинству недѣльною молитвой въ церкви и болѣе или менѣе строгимъ постомъ: вечеромъ исповѣдывались, на другой день утромъ пріобщались и все это дѣлали какъ самое обыкновенное дѣло. Катерина Дмитріевна, вмѣстѣ съ музыкой и языками, унаслѣдовала отъ покойной матери и сильное религіозное чувство; но ей было только одиннадцать лѣтъ, когда умерла мать, и скрытая вѣра отца и мачихи, съ одной стороны, и толковое изученіе исторіи, съ ея изложеніемъ религій и вѣрованій разныхъ народовъ, борьбой религіозныхъ ученій, связью ихъ съ христіанствомъ, самый расколъ въ христіанскихъ религіяхъ, съ другой стороны,— охладили ея религіозный пылъ, отъучили отъ внѣшнихъ обрядностей, и ея вѣра въ Бога была внутри, а наружу она проявлялась только въ глубокой любви къ людямъ, въ желаніи дѣлать имъ добро и остерегаться дѣлать зло.

Она обрадовалась предложенію мачихи ѣхать въ соборъ, гдѣ архіерей будетъ въ этотъ день совершать обрядъ омовенія ногъ. Церковь была полна народу, было жарко, душно, тѣсно и молиться не было возможности; но не было возможности и думать о чемъ бы то ни было,—и это положеніе нравилось дѣвушкѣ. Нѣтъ молитвы, нѣтъ опредѣленной мысли, нѣтъ дѣла, а между тѣмъ и тяжело, душно, тѣсно, какъ бываетъ при дѣлѣ: глаза смотрятъ на разнообразную публику, на блескъ иконостаса, на священниковъ и архіерея въ дорогихъ парчахъ, на ихъ спокойныя и сосредоточенныя движенія въ процессѣ службы; слухъ ласкаетъ стройное пѣніе пѣвчихъ, въ головѣ обрывки мыслей, а во всемъ тѣлѣ усталость, жаръ.... Священнодѣйствіе омовенія ногъ особенно было торжественно и сосредоточивало на себѣ вниманіе: усталость, духота, тѣснота дошли до самой высшей степени, а глаза не могутъ оторваться отъ медленныхъ, плавныхъ, полныхъ религіознаго чувства и глубокаго смысла, движеній архіерея, его колѣнопреклоненія, омовенія ногъ и вытиранія ихъ... Басъ протодіакона густо раздается среди собора, какъ медленные удары колокола: «и положи ризы своя», «и умыя ноги ученикомъ своимъ:....», а самъ протодіаконъ на амвонѣ, съ крупнымъ, обросшимъ волосами, мускулистымъ, смуглымъ лицомъ, съ длинными густыми волосами на головѣ, закинутыми назадъ, съ крупными каплями пота на крутомъ и низкомъ лбу,—очень похожъ на Іоанна Крестителя во время проповѣди въ пустынѣ.... И все это, вмѣстѣ съ физическою усталостью, прижало, придавило и заглушило на время мысли Катерины Дмитріевны о себѣ.

Такъ прошелъ чистый четвергъ. Въ пятницу она съ мачихой опять была въ соборѣ и служба, съ обнесеніемъ плащаницы вокругъ собора, при чемъ опять было душно, жарко и тѣсно, дѣйствовала на нее такъ же, какъ и обрядъ омовенія ногъ. Въ субботу она цѣлый день была занята приготовленіемъ къ столу, уборкой его и разсылкой пасокъ, съ разными принадлежностями, бѣднымъ знакомымъ Рымнина, его крестникамъ и крестницамъ, а также и всѣмъ хорошимъ знакомымъ холостымъ мущинамъ. Этотъ обычай заведенъ былъ Софьей Михайловной, которая славилась и гордилась своей кухней, знаніемъ кулинарнаго искусства и, главное, умѣньемъ все приготовить безъ хлопотъ, особеннаго труда, а только одною распорядительностью. Катерина Дмитріевна всегда помогала, въ этомъ случаѣ, распоряжаться мачихѣ и уже два года она исключительно завѣдывала уборкой

пасхальнаго стола и распредѣленіемъ, что и въ какомъ количествѣ должно быть послано знакомымъ, крестникамъ, крестницамъ, бывшимъ хорошимъ слугамъ, прикащикамъ и т. д.

Къ семи часамъ вечера субботы столъ былъ убранъ, посылки разосланы и Катерина Дмитріевна просматриваетъ списокъ и вспоминаетъ: не пропущенъ ли кто, всѣмъ ли послано, кто значится въ спискѣ... «Кому бы еще послать?—спрашиваетъ она сама себя.—Могутову, Могутову нужно послать!»—довольная и улыбаясь, говоритъ она, какъ будто онъ единственный былъ пропущенъ въ спискѣ, какъ будто она чувствовала, что кого-то нѣтъ, никакъ не могла вспомнить и вдругъ вспомнила.

— Кому это еще, барышня?—спрашиваетъ горничная, когда посылка готова.

Она не отвѣчаетъ, она думаетъ: что если это обидитъ Могутова, покажется ему подачкой, милостыней, противъ которой такъ сильно былъ вооруженъ ея отецъ и успѣлъ вооружить и ее? Кожуховъ, Кречетовъ и прочіе всегда приносятъ за пасху букеты, конфекты, а у Могутова можетъ нѣтъ средствъ, да онъ можетъ и не хочетъ бывать у нихъ,—пожалуй еще разсердится за посылку, отошлетъ назадъ... «Я напишу ему, чтобъ онъ не сердился», рѣшила она и, сказавъ горничной, чтобы позвали Ивана, пошла въ кабинетъ и безъ помарки, въ одинъ присѣстъ, какъ говорятъ чиновники, написала слѣдующее письмо къ Могутову.

«Милостивый Государь
«Господинъ Могутовъ!

«Извините, что не знаю, какъ васъ зовутъ и что поэтому называю васъ по фамиліи. Я васъ видѣла только одинъ разъ, когда ворона сидѣла на спинѣ лошади у широкаго поля, когда вы пѣли пѣсню на голосъ «Руслана» и когда двѣ дамы помѣшали вамъ пѣть, за что вы ихъ очень справедливо назвали воронами. Но я много о васъ слышала, что возбудило во мнѣ глубокое уваженіе къ вамъ и сильное желаніе познакомиться покороче съ вами.

«Папа и мама посылаютъ сегодня пасху всѣмъ своимъ хорошимъ знакомымъ, а мнѣ пришла мысль послать пасху вамъ, чтобы напомнить вамъ время вашего дѣтства и, главное, чтобы заявить вамъ о своемъ сильномъ желаніи познакомиться съ вами. Вы извините и не сердитесь за это на уважающую васъ Екатерину Рымнину».

Прочитавъ написанное, она осталась имъ довольна, запечатала въ конвертъ, написала адресъ и, войдя въ залу, отдала письмо Ивану, сказавъ, чтобъ онъ зашелъ къ Львову, спросилъ у Львова, гдѣ живетъ господинъ, который написанъ на конвертѣ, и снесъ ему письмо и завязанное въ салфетку.

— Отвѣта не требуется?—спроситъ Иванъ.

— Если дадутъ отвѣтъ,—принесите, а не дадутъ,—не спрашивайте.

— Слушаю-съ.

Иванъ ушелъ. Она старается быть спокойной, но ея сердечко бьется ужасно и она съ нетерпѣніемъ ожидаетъ возвращенія Ивана.—«Если возвратитъ назадъ,—думаетъ она,—если ничего не отвѣтитъ на письмо,—я забуду его, перестану думать о немъ, всему будетъ конецъ... Я дамъ согласіе Кречетову, я буду его любить...» Она задумывается, садится у окна на улицу и къ глазамъ подступили слезы.

«Не плачь, перестань, глупенькая дѣвочка! Вѣдь слезами горю не поможешь,—утѣшала она громко самоё себя, а слезы сами собою катились изъ ея глазъ и тихо, тихо струились по ея блѣднымъ щекамъ.—Не всѣ выходятъ замужъ по любви, а живутъ, и счастливо живутъ».

Она хочетъ прогнать тяжелыя мысли, перестаетъ плакать и смотритъ въ окошко. Темно, почти ничего не видно, и лишь вдали мелькаетъ слабый желтый свѣтъ уличнаго фонаря.

«А что если прыгнуть въ окно, упасть въ низъ головой? Умереть и—всему конецъ... А тамъ?...»

— Сторонись, лѣшій!—громко крикнулъ кто-то на улицѣ.

Она вздрогнула, торопливо отошла отъ окна, сѣла въ самый дальній и темный уголъ залы и начала тихо разговаривать сама съ собою:—«Тамъ будетъ тяжело. Такъ грѣшно. Нужно жить, какъ можно... Не всѣмъ весело, не всѣ счастливы. Мама развѣ счастлива, голодные крестьяне развѣ счастливы? Нужно любить всѣхъ, а не одного...»

— Кланялись и приказали отдать письмо и вотъ это,—подавая ей письмо и приподнявъ другою рукой что-то, завернутое въ бумагу, прервалъ ея думу возвратившійся Иванъ.

— Хорошо,—совершенно спокойно отвѣтила она, взяла письмо и свертокъ и медленно ушла въ кабинетъ. Она не распечатываетъ письма, она держитъ его въ дрожащей рукѣ, а сама невольно улыбается и торопливо ходитъ по кабинету. Что такое

написано въ письмѣ,—ей все равно. Она заранѣе довольна отвѣтомъ,—довольна, что не возвратили назадъ ея подарка, что ей также прислано что-то тяжелое. Наконецъ, она порывисто распечатываетъ письмо и читаетъ отвѣтъ Могутова:

«Милостивая Государыня
«Екатерина Дмитріевна!

«Въ продолженіе четырехъ лѣтъ, проведенныхъ мною въ институтѣ, я не замѣчалъ существованія праздника Пасхи, такъ какъ въ это время обыкновенно начинались экзамены и было не до праздниковъ. Я не знаю, какъ благодарить васъ за письмо и посылку, которыя, послѣ столькихъ лѣтъ, напомнили мнѣ завтрашній праздникъ и, дѣйствительно, вызвали много воспоминаній изъ моего дѣтства и юности. Не откажитесь и отъ меня принять Шекспира и позвольте пожелать, чтобы для васъ онъ былъ другомъ въ минуты радости и утѣшителемъ въ минуты горя, отъ котораго да хранитъ васъ Богъ.

«Извините, что лично не могу поблагодарить васъ, такъ какъ боюсь своею персоною разрушить то уваженіе, которое вы питаете ко мнѣ по слухамъ и которое для меня было бы непріятно разрушать.

«Позвольте пожелать вамъ остаться надолго такой же доброй, какой вы есть теперь.

«Глубоко благодарный и вашъ покорнѣйшій слуга
«Г. Могутовъ».

Она прочла разъ, прочла другой разъ. Ей кажется отвѣтъ сухимъ, холоднымъ. Она задумалась и послѣ раздумья сухость и серьезность отвѣта кажутся ей вполнѣ естественными, даже необходимыми. Вѣдь онъ ничего не слыхалъ о ней,—она ничего не говорила при немъ,—понятно, что онъ, не зная ея, не могъ отвѣчать на ея письмо иначе. Онъ могъ даже подумать, что она такъ, изъ простаго любопытства, отъ скуки, написала ему и изъ-за того же хочетъ видѣть его,—и онъ могъ возвратить назадъ ея подарокъ, написать ей грубый отвѣтъ. Конечно, она очень, очень рада, что онъ не подумалъ о ней такъ, не возвратилъ посылки, а написалъ очень вѣжливый отвѣтъ и прислалъ ей на память Шекспира. Онъ не прислалъ ей сказку, книжку съ картинками, а прислалъ ей сочиненіе великаго англійскаго и всесвѣтнаго писателя Шекспира... Она разсматриваетъ книги, у нея такой самый Шекспиръ; но это все равно,—ей пріятно, она

весела, она смѣется и еще разъ читаетъ письмо и находитъ теперь, что оно очень и очень мило написано... Ей очень нравится простой, но чрезвычайно изящный переплетъ на книгахъ. Она складываетъ томы Шекспира по порядку, открываетъ крышку переплета перваго тома и видитъ что-то написанное не очень красивымъ, но крупнымъ и разборчивымъ почеркомъ. «Помнишь другъ мой, Гордѣй Петровичъ,—читаетъ она,—какъ ты доказывалъ мнѣ пошлость силлогизма, что сапоги—лучше Шекспира, а Антоновичъ—лучше сапоговъ. Ты тогда впервые познакомилъ меня съ Шекспиромъ, растолковалъ его и научилъ любить его. Приготовляя твои вещи къ отправкѣ, мнѣ хотѣлось вложить въ нихъ что-либо на память тебѣ обо мнѣ. Я не придумалъ ничего лучшаго, какъ Шекспира, и не съумѣлъ ничего лучшаго написать, какъ то, что написалъ уже. Я не знаю, почему меня не исключили, хотя я протестовалъ не менѣе другихъ противъ твоего исключенія. Для тебя земля клиномъ не сошлась, а для меня, недалекаго, быть можетъ и хорошо, что не исключили. Не забывай меня, Гордѣй Петровичъ. Я всегда любилъ тебя, а теперь я никогда не забуду тебя... Коптевъ».

Ей нравится прочитанное, она довольна, что онъ ей послалъ подарокъ друга; но она отошлетъ ему его назадъ, онъ приметъ отъ нея назадъ, она попроситъ его объ этомъ дружбою и любовью его товарища. Впрочемъ, она можетъ сдѣлать лучше. Она пошлетъ ему своихъ три тома, а его пошлетъ только первый, на которомъ надпись друга. Ея одинъ томъ испачканъ кровью, но это ничего,—она можетъ написать ему, что это кровь с—ской Порціи, которая сама себѣ порѣзала руку и выпачкала Шекспира кровью изъ этой раны.

Она спокойно и сладко спала въ ночь подъ Пасху и, веселая и счастливая, какъ никогда, встрѣтила утро перваго дня Свѣтлаго Христова Воскресенья. Какъ солнышко, по мнѣнію простаго народа, играетъ, восходя въ утро перваго дня Пасхи, такъ и она, съ полнымъ жизни и счастія личикомъ, бросилась въ объятія няни въ утро перваго дня Пасхи.

— Христосъ воскресъ, няня!...

IV.

Но не всѣ встрѣчали такъ счастливо Пасху и, кажется, несчастнѣе всѣхъ встрѣтила ее mademoiselle Плитова.

. . . .

V.

Переѣхавшій игралъ на віолончели, а Могутовъ слушалъ его игру, когда Лукерья сообщила, что его спрашиваютъ.

— Можетъ ошиблись, Лукерья?—спросилъ онъ. Ему казалось, что его въ такую пору рѣшительно некому спрашивать.

— Васъ спрашиваютъ! Развѣ я глухая, аль пьяна?... День нонѣ не такой!—обидчиво отвѣтила Лукерья.

Могутовъ отправился къ себѣ и, когда зажегъ свѣчу и обратился лицомъ къ вошедшему въ нумеръ Ивану, тотъ подалъ ему письмо со словами: «Приказали кланяться и подать письмо господину Могутову».

«Это та такая добрая, что на Лелю ростомъ похожа?—думалъ Могутовъ, прочитавъ письмо.—Добрая и почеркъ ничего, да и мысли самыя подходящія: я тебѣ, несчастненькому, подарочекъ посылаю, а чтобы необидно было, мы очень уважаемъ васъ... Хорошо еще что не прямо: прислали, молъ, вамъ, такъ какъ барышня у насъ добрая и всѣмъ бѣдненькимъ помогаетъ: пасхи посылаетъ, чтобы было чѣмъ разговѣться... А давно уже я не пробовалъ пасхи...»

И ему вдругъ вспомнились его дѣтство, среди семьи и въ пансіонѣ, юность въ томъ же пансіонѣ и жизнь въ Петербургѣ во время Пасхи.

— Куда прикажете поставить?—спросилъ Иванъ, которому надоѣло такъ долго ожидать, но который чувствовалъ уваженіе къ тѣмъ, кто не набрасывался на посылки «какъ на какую-нибудь невидаль».

— Я и забылъ про васъ! Поставьте, пожалуйста, сюда,—указывая на столъ, отвѣтилъ Могутовъ.—«Человѣка нужно поблагодарить само собой, а за пасху само собой,—думалъ онъ, когда человѣкъ освобождалъ салфетку и подносъ.—А то не отослать ли все сіе назадъ?... Обидится; а за что ее обижать? Можетъ-быть она и искренно добра, искренно любитъ неимущихъ, понимаетъ неправду въ мірѣ, да воли у ней нѣтъ сдѣлать большее, чѣмъ вотъ эти подарочки... Что бы ей послать въ обмѣнъ? Развѣ книжку? Ишь, сколько мнѣ наслала ихъ добрая душа, тоже женская добрая душа,—смотря на свою библіотеку, продолжалъ думать онъ.—На Шекспирѣ хорошъ переплетъ,—ну, Шекспира и пошлемъ».

— Отвѣта не будетъ?—недовольно спросилъ Иванъ, ибо уже черезчуръ мало вниманія оказываютъ ему, пришедшему «не съ пустыми руками».

— Вы присядьте, пожалуйста. Я вотъ сейчасъ отвѣтъ на письмо напишу,—отвѣтилъ Могутовъ.

Онъ написалъ уже извѣстный намъ отвѣтъ, спросивъ человѣка, какъ зовутъ барышню. Потомъ онъ досталъ, завернулъ въ бумагу и перевязалъ веревочкой четыре тома Шекспира, которыхъ онъ еще ни разу не раскрывалъ и не зналъ, что они—подарокъ его петербургскаго сожителя, предполагая, что всѣ книги присланы акушеркой для развлеченія на первыхъ порахъ отъ скуки въ провинціи. Онъ отдалъ письмо и Шекспира, вмѣстѣ съ рублемъ на чай, человѣку и просилъ кланяться, благодарить и отдать все барышнѣ.

По уходѣ человѣка онъ началъ болѣе уютно разставлять на столѣ присланное Екатериной Дмитріевной.

«Какъ удивится завтра Переѣхавшій, — думалъ онъ при этомъ,—когда увидитъ мой пасхальный столъ! Какъ горячо онъ примется доказывать чепушность сей чепухи съ масломъ, хотя сія чепуха очень, полагать надо, вкусна, даже и безъ этого хорошаго масла, и безъ этого сыра, а только съ этой колбасой и саломъ. И отъ апельсиновъ, чай, не откажетесь, Викторъ Александровичъ? Вы очень любите фрукты и любите фразировать о замѣнѣ мясной пищи растительною... Вы спрашиваете съ ироническою улыбкой, сколько это стоило мнѣ?—За Шекспира вымѣнялъ. Не знаю, удалось ли бы обмѣнять Шекспира на сапоги, а на эти явства удалось...»

И ему невольно пришелъ на умъ извѣстный силлогизмъ россійскихъ «протоколистовъ» о Шекспирѣ, Антоновичѣ и сапогахъ; потомъ онъ вспомнилъ о Коптевѣ, чтеніи съ нимъ Шекспира и споръ о ложности все того же силлогизма. Онъ присѣлъ у окна, смотрѣлъ на темное небо, гдѣ кое-гдѣ слабо видны были звѣздочки, потомъ вдругъ началъ декламировать и, Богъ его знаетъ почему, прежде всего началъ съ монолога Ричарда III о женщинахъ:

Была-ль когда такъ женщина добыта?
Была-ль когда такъ куплена любовь?...

Ему захотѣлось писать къ акушеркѣ, что онъ откладывалъ до полученія работы. Онъ сѣлъ за столъ и началъ писать. Письмо было длинно, два большихъ почтовыхъ листа, касалось больше воспоминаній прошлыхъ дней и заканчивалось сообщеніемъ адре-

-са. Письмо онъ кончилъ около полуночи. Раздѣваясь, онъ опять, одинъ Богъ видитъ почему, началъ декламировать изъ того же Шекспира длинный монологъ Кассія къ Бруту. Декламировалъ онъ очень недурно. Начало:

Не знаю я, какой твой взглядъ на жизнь,
Какъ на нее другіе люди смотрятъ,
Но ужь по-моему гораздо лучше
Совсѣмъ не жить, чѣмъ жить и трепетать
Предъ существомъ такимъ же, какъ и я.

Онъ проговорилъ тихо и спокойно, какъ самый обыкновенный разговоръ. Отъ словъ:

Мы рождались свободными какъ Цезарь!

голосъ его постепенно возвышался, и онъ былъ громокъ и проникнутъ внутреннею силой, когда, въ одномъ бѣльѣ, онъ произносилъ окончаніе монолога:

Вѣкъ жалкій, ты униженъ, посрамленъ!
Римъ, ты утратилъ благородство крови!
Ну, слыхано-ль со времени потопа,
Чтобъ вѣкъ былъ полонъ именемъ однимъ?

Онъ загасилъ свѣчу и укрылся хорошенько фланелевымъ одѣяломъ, такъ какъ въ нумерѣ было свѣжо. Онъ не скоро заснулъ, долго и съ любовью вспоминая акушерку. Засыпая, ему вспомнились слова Отелло:

Когда бы Дездемоны
Я не любилъ, за всѣ богатства моря
Не заключилъ бы въ тѣсныя границы
Жизнь вольную, безбрачную свою!
Она меня за муки полюбила,
А я ее—за состраданье къ нимъ.

ГЛАВА V.

Какъ «мы» надумали строить дорогу.—Развѣ такъ можно? Я судъ найду!—Кошка и мышка, или генералъ и Софья Михайловна.—Блаженъ кто вѣруетъ,—легко тому на свѣтѣ.—Заснула няня и ничего не слышала она.

I.

Въ десятомъ часу перваго дня Пасхи Переѣхавшій сидѣлъ въ нумерѣ Могутова и оба пріятеля съ большимъ аппетитомъ попивали чай и поѣдали пасху, масло, сало и колбасу, присланные Катериною Дмитріевною. Переѣхавшій отгадывалъ, кто бы

могъ прислать все это такое вкусное, когда Могутовъ заявилъ ему, что все это не куплено имъ, а прислано.

— Болѣе некому, говорилъ онъ, —какъ нашему уважаемому Филарету Пупліевичу. Навѣрно онъ! Онъ—хорошій христіанинъ, блюститель нравственности, порядка и благочинія, и, по долгу самой службы,—вы присланы подъ его непосредственный надзоръ,—онъ долженъ былъ дать вамъ средства разговѣться, какъ подобаетъ истинному христіанину... И знаете ли что? Я невольно прихожу къ заключенію, что намъ, русоплетамъ, положительно образованіе въ прокъ нейдетъ, что у насъ болѣе будетъ свободы, равенства и братства,—а это даже въ исторіи Вебера, въ гимназическомъ учебникѣ исторіи Вебера, во введеніи, признается цѣлью жизни людей,—что мы скорѣе приблизимся къ этой цѣли жизни, если бросимъ погоню за образованіемъ и поставимъ во всѣ начальства простыхъ, недалекихъ въ наукахъ людей, какъ нашъ уважаемый полицеймейстеръ, всѣми любимый Филаретъ Пупліевичъ. Кто далъ вамъ первую работу? — Филаретъ Пупліевичъ. Кто далъ вамъ слово найдти въ будущемъ работу? — Филаретъ Пупліевичъ. Кто, наконецъ, далъ намъ, людямъ науки и прогресса, вкусить сихъ яствъ и разговѣться по-христіански? — Все онъ, все онъ, все Филаретъ Пупліевичъ... А кто такой Филаретъ Пупліевичъ? Сравните Филарета Пупліевича, воспитаннаго на мѣдный грошъ, съ Кожуховымъ, человѣкомъ высшаго образованія, на образованіе котораго затрачены милліарды грошей,—сравните ихъ отношеніе, чтобы не ходить далеко, къ вамъ, человѣку науки и прогресса, и скажите: не правъ ли я, что мы скорѣе достигнемъ свободы, равенства и братства, когда не Кожуховы, а Филареты Пупліевичи будутъ управлять міромъ? Да, да! Я докажу это сейчасъ неоспоримо, яснѣе...

— Можно видѣть господина Могутова?—прервалъ чей-то громкій голосъ за дверью игривое, хотя и сильно гнусавое краснорѣчіе Переѣхавшаго.

— Войдите,—отвѣтилъ Могутовъ, а выраженіе лица Переѣхавшаго вдругъ сдѣлалось строгимъ.

Кречетовъ (это былъ онъ) снялъ въ темномъ, узкомъ и холодномъ корридорчикѣ калоши и пальто и, положивъ послѣднее къ себѣ на руку, вошелъ въ нумеръ Могутова.

— Могу я видѣть господина Могутова?—спросилъ онъ, осматривая обоихъ пріятелей и, вѣроятно, рѣшая, который изъ нихъ Могутовъ.

— Могутовъ я,—вставая, сказалъ Могутовъ.

— Князь Король-Кречетовъ,—кланяясь и подавая руку Могутову, отрекомендовался Кречетовъ.—Быть-можетъ я вамъ помѣшалъ?

— Мы закусываемъ и пьемъ чай. Если вы не откажетесь вступить съ нами въ компанію, то не помѣшали,—пожимая руку Кречетова, отвѣтилъ Могутовъ.

— Въ такомъ случаѣ давайте ужь и похристосуемся. Христосъ воскресъ!

— Воистину воскресъ!—отвѣтилъ Могутовъ и три раза поцѣловался съ Кречетовымъ.

— Викторъ Александровичъ Переѣхавшій,—отрекомендовалъ онъ потомъ Переѣхавшаго и поставилъ третій стулъ къ столу.

— Позвольте мнѣ,—началъ Переѣхавшій,—искренно, горячо, отъ глубины души пожать вашу руку, князь, и похристосоваться съ вами, какъ съ истиннымъ христіаниномъ, хотя,—онъ и Кречетовъ цѣловались,—хотя, навѣрно, этотъ христіанинъ и не соблюдаетъ обрядовъ, но...

— Вы правы,—прервалъ Кречетовъ, которому, вѣроятно, не очень нравилось гнусавое ораторство Переѣхавшаго,—не только относительно обрядовъ, а и вообще относительно религіи я, грѣшный человѣкъ, большой скептикъ.

— Вамъ, вѣроятно, говорилъ обо мнѣ полицеймейстеръ и вы хотите предложить мнѣ работу?—спросилъ Могутовъ, наливая чай, когда всѣ усѣлись у стола.

— Вы отгадали. Мнѣ говорилъ о васъ и полицеймейстеръ, и... еще другіе. Я, дѣйствительно, хочу предложить вамъ работу при нашей затѣѣ, о которой вы, конечно, уже слышали,—отвѣтилъ Кречетовъ, прихлебывая чай и улыбаясь. Онъ улыбался всегда, когда попадалъ въ радушную среду, гдѣ онъ могъ быть искрененъ; но теперь онъ улыбался и потому, что пасха, которую онъ теперь ѣлъ съ чаемъ и большая часть которой стояла на столѣ, была и по виду, и по вкусу, какъ двѣ капли воды, похожа на ту, которая была прислана ему самому отъ Рымниныхъ, и потому, что онъ чуть-чуть было не проговорился о ходатайствѣ Катерины Дмитріевны за Могутова; а это все почему-то невольно располагало Кречетова къ усмѣшкѣ.

— Затѣя хорошая, достойная той рѣчи, которую сказалъ въ ея защиту князь Король-Кречетовъ!—внушительно замѣтилъ Переѣхавшій.

— Господинъ Переѣхавшій хочетъ заставить меня покраснѣть. Я говорю—затѣя, потому что все хорошее будетъ затѣей, если не будетъ сдѣлано какъ слѣдуетъ. Вѣдь это правда?—спросилъ Кречетовъ, повернувъ свое улыбающееся лицо къ Переѣхавшему.

— Вы исполните дѣло, новое дѣло сооруженія желѣзной дороги, безъ посредства кулаковъ какъ нельзя лучше!—внушительно и строго, какъ вѣщунъ-кудесникъ, сказалъ Переѣхавшій.

— Хотѣлось бы не ударить, какъ говорится, лицомъ въ грязь... Мы уже четыре дня только то и дѣлаемъ, что обдумываемъ, какъ бы это такъ повести дѣло, чтобы не осрамиться... Хотите, господа, я вамъ разскажу, что мы надумали?

Хотѣніе слушать было написано на лицахъ господъ и Кречетовъ, не ожидая отвѣта, началъ сообщать, что надумали «мы».

Онъ говорилъ, что почти всѣ «мы» рѣшили сдать всю земляную работу самимъ рабочимъ отъ кубической сажени. Для этого «мы» будутъ нанимать рабочихъ артелями, при чемъ изъ рабочихъ одиночекъ будетъ составлена отдѣльная артель. Каждой артели «мы» будутъ выдавать харчи натурою, предоставляя полное право самой артели распоряжаться ими, равно какъ сама же артель будетъ дѣлить между собою и работу, и деньги, причитающіяся за нее. Пользу, разумность и выгодность такого порядка въ работѣ «мы» основали, во-первыхъ, на томъ, что рабочіе, заинтересованные работою отъ кубической сажени, будутъ работать по своей доброй охотѣ, а не изъ-подъ надзора, а слѣдовательно будутъ работать гораздо лучше; во-вторыхъ, не будетъ со стороны рабочихъ жалобъ на пищу, такъ какъ имъ будетъ отпускаться оной сколько угодно въ счетъ ихъ работы и по цѣнѣ стоимости для самихъ «мы»; въ-третьихъ, не нужно будетъ большаго числа надсмотрщиковъ, старостъ, десятскихъ и т. п. лицъ, получающихъ, обыкновенно, хорошее жалованье и за которыми, обыкновенно, приходится еще болѣе смотрѣть, чѣмъ за рабочими; наконецъ, въ-четвертыхъ, при заключеніи рабочихъ въ артели и при разсчетѣ только съ артелью, а не съ каждымъ рабочимъ отдѣльно, упростится конторское дѣло, такъ какъ не нужно будетъ рабочихъ книжекъ, контрактовъ и условій съ каждымъ рабочимъ, не нужно вести счетъ каждаго рабочаго о его работѣ и заборѣ, его прогулахъ, пьяныхъ дняхъ и т. п.,—артель сама будетъ смотрѣть за всѣмъ этимъ... Кречетовъ говорилъ обо всемъ этомъ очень подробно и оживленно, приводя всестороннія доказательства разумности и практичной выгодности такого порядка

работъ землянаго полотна дороги. Онъ закончилъ свое повѣствованіе такъ:

— Я васъ попрошу, господа, высказать откровенно ваши замѣчанія. Дѣло, согласитесь сами, очень серьезное.

— Лучше ничего и придумать нельзя! Держитесь крѣпко этихъ правилъ, не отступайте отъ нихъ при первыхъ недоразумѣніяхъ — и работникъ скажетъ вамъ, въ концѣ концовъ, великое спасибо, и дѣло ваше пойдетъ и кончится отлично!—съ тѣмъ же видомъ и чувствомъ вѣщуна-кудесника поспѣшилъ одобрить Переѣхавшій.

— А вы какъ полагаете?—обратился Кречетовъ къ Могутову.

— Много хорошаго и много совершенно непрактичнаго, — подумавъ отвѣтилъ тотъ.

— Пожалуйста, скажите, что и почему? — живо спросилъ Кречетовъ.

И между нимъ и Могутовымъ завязался длинный разговоръ. Мы не будемъ приводить ихъ разговора до-словно, а резюмируемъ его въ короткихъ словахъ.

Могутовъ вполнѣ одобрялъ наемъ рабочихъ артелями, выдачу харчей на руки артели и отдачу работы артели отъ кубической сажени; но онъ находилъ необходимымъ вести счетъ работы и счетъ денегъ каждому рабочему. Нашъ рабочій—недалекій, темный человѣкъ. Не его уму запомнить, сколько кто выработалъ каждый день, сколько на долю каждаго приходится въ концѣ мѣсяца денегъ,—придется ихъ дѣлить поровну между всею артелью; а между тѣмъ въ артель, навѣрно, попадетъ всякій народъ: сильный и слабый, трудолюбивый и лѣнивый, трезвый и пьяный, и ровная получка, неминуемо, вызоветъ ропотъ. Отдавайте работу отъ кубической сажени, но вы все-таки не можете обойтись безъ надсмотрщиковъ, десятскихъ, старостъ и табельщиковъ. Нашъ рабочій трудолюбивъ, добръ, довѣрчивъ и отъ природы надѣленъ сообразительнымъ умомъ; но онъ довѣрчивъ и къ самому себѣ, а потому «авось и завтра» играютъ у него большую роль: примусь завтра хорошенько, выработаю и то, что сегодня недоработаю, а сегодня ранѣй окончу, потому — «спина трохи ломитъ», потому — въ карманѣ пятакъ есть и выпить хочется дюже, потому — важно на деревнѣ пѣсни поютъ... Да и мало ли еще почему, когда «завтра и авось» въ большомъ ходу, когда есть довѣріе къ своей силѣ и выносливости. И нашъ рабочій, дѣйствительно, можетъ понатужиться, можетъ удивить своею работой

завтра, но онъ можетъ натужиться день, другой, а пользоваться «авось и завтра» есть искушеніе каждый день.

Возражая Могутову, Кречетовъ прежде всего не понималъ, говоритъ ли онъ a priori, или изучивъ русскаго рабочаго на дѣлѣ. Но если безспорный фактъ, что наши крестьяне математически точно умѣютъ дѣлить сѣнокосы и поля между собою, то они такъ же правильно съумѣютъ подѣлить работу на желѣзной дорогѣ и деньги за работу. Они не умѣютъ писать, но у нихъ въ большомъ ходу бирка, которой они пользуются лучше всякаго записыванія. Откладывать работу на-завтра артель не позволитъ. Что же касается «авось и завтра», то пользоваться ими часто не позволитъ артель.

Что сѣнокосъ и поля наши крестьяне умѣютъ дѣлить мудро и правильно, въ этомъ Могутовъ вполнѣ соглашался; но вѣдь это дѣлается разъ въ годъ и, обыкновенно, въ воскресенье, такъ что споръ изъ-за дѣлежа остается безслѣденъ для продуктивности работы, а на дорогѣ придется дѣлить каждый день: утромъ, гдѣ кому стать на работу, и вечеромъ, кто сколько сработалъ. Если при этомъ будетъ во сто разъ менѣе крику и ссоръ, чѣмъ при дѣлежѣ сѣнокоса, то все-таки будетъ пропадать у всѣхъ, по меньшей мѣрѣ, три часа времени даромъ каждый день. На биркѣ можно отмѣтить для памяти что-либо крупное, не часто случающееся: напримѣръ, заемъ денегъ, сколько нажато копенъ, такъ какъ жниво идетъ всего пять-десять дней; но плохо на биркѣ записывать кубики и его части, и притомъ каждый день нѣсколькимъ десяткамъ человѣкъ, составляющимъ артель... Всегда въ артели будутъ говоруны, которые съумѣютъ подбить цѣлую артель пользоваться «завтра». Въ сельской работѣ откладывать дѣло на-завтра нельзя, — тамъ не ждетъ время, что хорошо понятно для крестьянина, —а для рабочаго желѣзной дороги рѣшительно все равно, будетъ или нѣтъ окончена дорога къ извѣстному времени, если тѣ, кто взялъ на себя постройку дороги, относятся индифферентно къ успѣху работъ, сдадутъ ее на добрую охоту рабочихъ.

— Я не сомнѣваюсь, что быть-можетъ, на взглядъ тѣхъ, кто хорошо знакомъ съ нашимъ крестьяниномъ въ его домашней обстановкѣ и съ его работой чисто сельско-хозяйственной, мое мнѣніе должно казаться невѣрнымъ; но если я мало видѣлъ народъ во время его полевыхъ работъ, то я хорошо изучилъ его на фабрикахъ и при ремонтѣ шоссе. Впрочемъ, мнѣ кажется,

что личное мнѣніе кого бы то ни было только тогда должно быть принято безъапелляціонно, когда оно не противорѣчитъ хорошо извѣстнымъ фактамъ. Доброта, выносливость и терпѣніе нашего народа признается всѣми; его смѣтливость и находчивость въ довольно сложныхъ случаяхъ—тоже; но и разсказы изъ народнаго быта Рѣшетникова, Якушкина, двоихъ Успенскихъ, Слѣпцова, Левитова, Потѣхина—тоже извѣстны всѣмъ. «На постояломъ дворѣ» Н. Успенскаго, къ несчастью, не исключеніе, а сплошь и рядомъ встрѣчающаяся фотографически-вѣрная картинка,—и нашему крестьянину безъ руководителя нельзя обойтись въ сложномъ дѣлѣ, что отлично сознаетъ и самъ крестьянинъ. Тамъ, гдѣ работаютъ вмѣстѣ десять, даже пять человѣкъ, они непремѣнно выберутъ одного въ большаки, которому строго подчиняются; въ большой артели они также выберутъ большака, отлично справятся съ харчами, но они не справятся съ желѣзнодорожнымъ дѣломъ безъ присмотра и правильнаго руководства. Сложное это дѣло, не присмотрится къ нему нашъ крестьянинъ и нельзя ему обойтись при работѣ землянаго полотна желѣзной дороги безъ руководительства людей болѣе его развитыхъ и знающихъ.

Такъ закончилъ Могутовъ свою длинную рѣчь. Ровный и серьезный голосъ, которымъ во все время онъ говорилъ, ясно слышавшаяся въ немъ внутренняя сила, которая бываетъ только у говорящихъ правду, правду пережитую, испытанную своимъ личнымъ опытомъ, его ссылки на извѣстныхъ бытовыхъ писателей о народѣ и его ссылки на самого себя, сказанныя безъ малѣйшаго конфуза или самохвальства,—все это заставило, къ концу бесѣды, Кречетова признать Могутова правымъ, что подтвердилъ и Переѣхавшій, который все время внимательно слушалъ и только изрѣдка односложными звуками выражалъ свое одобреніе.

— Вы правы, — сказалъ Кречетовъ въ заключеніе. — Намъ придется совершенно измѣнить нашу программу. Завтра я передамъ ваши слова на обсужденіе своихъ товарищей и увѣренъ, что они тоже согласятся съ вашимъ мнѣніемъ... Вѣдь, вы не держитесь праздниковъ и я могу съ завтрашняго дня считать васъ у себя на работѣ, или лучше въ компаніи со мной? О жалованьи я съ вами говорить не буду. Приходите завтра, мы потолкуемъ и о жалованьи, а главное—о работѣ вообще и о вашей въ частности. Я взялся за это дѣло не изъ корысти, и по-

тому... Уже часъ,—не окончивъ фразы и посмотрѣвъ на часы, сказалъ онъ, вставая и беря шляпу.—Мнѣ нужно, какъ здѣшнему, сдѣлать нѣсколько визитовъ; я къ вамъ первымъ, такъ, при всемъ желаніи посидѣть еще у васъ,—не могу.

II.

Могутовъ и Переѣхавшій вышли вмѣстѣ съ Кречетовымъ, такъ какъ имъ захотѣлось пройтись; но едва они отошли шаговъ пять-шесть отъ нумера, какъ ихъ остановилъ крикъ и плачъ женщины, идущей отъ воротъ и прямо къ нимъ на встрѣчу. Женщина одною рукой вела за собой босаго, грязнаго и худенькаго мальчика, а другой—то била себя въ грудь, то терла глаза, то поправляла платокъ на головѣ, изъ-подъ котораго въ безпорядкѣ выбились наружу космы волосъ. Это была Лукерья, прислуга нумеровъ полковницы Песковой, а мальчикъ—ея сынъ, тотъ самый, котораго мы видѣли у полицеймейстера.

— Барины мои!—остановившись противъ Кречетова, Переѣхавшаго и Могутова, выла и кричала Лукерья.—Голубчики! заступитесь за меня, не дайте сироту въ обиду. Злодѣи искалѣчили несчастнаго сынишку,—искалѣчили, наругались, изверги, надъ сынишкой, надъ сиротой, надъ малымъ сиротой!... Да за что же это Господь наказываетъ меня? За что для перваго дня напасть посылаетъ? Батюшки мои! помогите... защитите... Сирота... дитя малое... дитя неразумное... Искалѣчили, наругались...—И она, въ промежуткахъ между словами, жалобно выла и заливалась слезами.

— Разскажите толкомъ, въ чемъ дѣло, Лукерья! — сказалъ сурово Переѣхавшій.

— Барины мои! Викторъ Александровичъ, баринъ мой добрѣйшій! Умъ потеряла, съ ума сошла Лукерья! Хуже пьяной нонеча она, а у ней, не то что водки, чаю стакана во рту не было, — отвѣтила Лукерья уже болѣе спокойно, но продолжая всхлипывать.

— Ну, когда вы не пьяны, такъ разскажите толкомъ, въ чемъ дѣло,—сказалъ Переѣхавшій.

— Скинь штанишки! Скинь, стерва этакая!—рванувъ мальчика за ручонку, крикнула на него Лукерья.

Мальчикъ скорчилъ плаксивую рожицу, растегнулъ штаны, которые съѣхали сами собой къ концу ногъ его, а Лукерья,

задравъ халатикъ на голову мальчика, повернула его спиной къ Переѣхавшему. Спина и ягодицы мальчика испещрены были вдоль и поперекъ синими полосами; на нѣкоторыхъ были струпья засохшей крови, а на нѣкоторыхъ уже свѣтилась новая, нѣжная, красненькая кожа.

— Вотъ какъ расписали для праздника варвары, душегубы! Младенца изувѣчили, наругались!... Барины мои, защитите!... Сирота горемычная... — И Лукерья опять начала громко выть.

Скоро вся прислуга нумеровъ, нѣкоторые изъ жильцовъ и порядочное число уличныхъ зѣвакъ обоего пола столпились вокругъ нея.

— Ловко отхлестали, ловко!

— Знатная баня была къ празднику!

— Кто выпоролъ-то? Сказывай, кто выпоролъ мальчишку-то?

— Мальчишка—сынъ твой, что-ль?

Такіе вопросы, замѣчанія и слова сыпались со стороны собравшейся публики, обступившей Лукерью и ея сына, который, съ забраннымъ на голову халатикомъ и спущенными штанишками, стоялъ какъ вкопанный, вздрагивая по временамъ какъ бы отъ холода.

— Теперь свѣжо, ты простудишься, опусти халатъ и надѣнь штаны,—съ дрожью въ голосѣ обратился Могутовъ къ мальчику и, нагнувшись надъ нимъ, началъ помогать ему дѣлать и то, и другое. Онъ былъ страшно угрюмъ: брови почти сошлись, губы сильно сжаты, руки замѣтно дрожали. Ему вдругъ, какъ живой, представился его братъ Вася, его слезы и тихія жалобы предъ смертью отъ гимназической порки.

— Я вчерась еще пождала его,—болѣе спокойно начала разсказывать Лукерья,—да думаю, можетъ его хозяинъ разговѣться оставилъ. Гляжу, а его и сегодя нѣтути, до десяти часовъ нѣтути. Ну, я и пошла къ хозяину... Похристосовалась, какъ слѣдуетъ, опосля и спрашиваю про мальчишку.—«Мальчишка твой въ полиціи, потому что онъ подлецъ и ябедникъ»,—хозяинъ-то мнѣ говоритъ. — Дитя малое, глупое,—я-то говорю, — гдѣ ему подлость понимать, развѣ по глупости што сдѣлалъ.—«Нѣтъ,— хозяинъ-то говоритъ, — не по глупости: онъ, говоритъ, больно уменъ сталъ, жаловаться на меня къ мировому ходилъ. Вотъ я, говоритъ, его сперва въ полицію свелъ, а тамъ, говоритъ, его отодрали,—здорово отодрали, не скоро заживетъ, долго, говоритъ, помнить будетъ... А отодрамши, говоритъ, въ тюрьму засадили,

всѣ праздники просидитъ въ тюрьмѣ... Какъ сказалъ онъ: отодрали, да не скоро заживетъ, да что въ тюрьмѣ онъ,—такъ у меня сердце и обмерло.... Худенькій онъ у меня, дитя слабое, кровь-то у него почитай что благородная... Ну, я ужь и не помню, что потомъ было.... Прибѣжала это я въ полицію, спрашиваю сынишку, да какъ сняла съ него штанишки, да посмотрѣла на писанку-то эту, такъ и сама не знаю, что со мной сталося: кричу, ругаюсь, его тащу за собой.... Крику надѣлала на весь дворъ, а солдаты полицейскіе смѣются:—«Ладно, говорятъ, расписали!»... А опосля и меня хотѣли въ тюрьму: мальчишкѣ срокъ не прошелъ, а я его туда не пущаю, домой тяну.... На мое счастье барыня какая-то важная въ окно посматривала. Позвала меня подъ окошко, спрашиваетъ. Ну, а ей все и разсказала, да на колѣнкахъ просила отпустить сынишку... Ну, барыня сжалилась, позвала какого-то полицейскаго, поговорила малость, да и велѣла мальчишку отпустить....

— Викторъ Александровичъ! Барины вы мои дорогіе! Ну, развѣ есть законъ такъ-то мальчишку стегать?... Чуть не на смерть застегали дитё малое!.... Проклятые, подлецы!... Я этого такъ не подарую, я судъ надъ ними найду! Нынѣ новый судъ есть!—рыдая и всхлипывая закончила Лукерья свой разсказъ.

— Конечно, есть. Вы, Лукерья, губернатору жалуйтесь, а если онъ ничего не сдѣлаетъ, такъ я вамъ напишу прошеніе къ мировому судьѣ.... Успокойтесь, праздники пройдутъ и вы жалуйтесь,—наставительно успокоивалъ Перевхавшій Лукерью.

— А можетъ и стóитъ сынишка-то твой?

— Кто зря пороть будетъ?

— Конечно, чего зря пороть!

— Доведись на меня, такъ я бы ему, сынишкѣ-то, еще сама бы всыпала такъ-то!

— Пусть помнитъ, въ другой разъ не шкодитъ!

— Пойдемте, господа, обратился Кречетовъ къ Переѣхавшему и Могутову, брюзгливо посмотрѣвъ на толпу, изъ которой сыпались подобныя замѣчанія и совѣты.

— А я нешто по головѣ его поглажу? Я его... проклятаго проучу!—и Лукерья съ поднятою рукой бросилась на мальчика.

— Такъ грѣхъ, Лукерья!—оттолкнувъ ея руку далеко прочь, порывисто обнявъ одною рукою мальчика и отстранивъ его, съ суровымъ, грозно устремленнымъ на Лукерью взглядомъ, съ сжа-

ою въ кулакъ и приподнятою въ верхъ другою рукою, громко скрикнулъ Могутовъ.

Кречетовъ и Переѣхавшій съ невольнымъ страхомъ смотрѣли на него. Имъ казалось, что если Лукерья, на правахъ матери, вздумаетъ отнимать мальчика, то Могутовъ съ такою силой оттолкнетъ ее отъ себя, что она грохнется со всѣхъ ногъ на земь, далеко отброшенная прочь.

Лукерья, какъ мгновенно ошеломленная, не зная что ей дѣлать, безсмысленно смотрѣла по сторонамъ, а потомъ начала горько рыдать и всхлипывать. Мальчикъ тоже началъ тихо плакать.

— Полно плакать, мать не будетъ тебя обижать... Пойдемъ пока ко мнѣ, я угощу тебя вкусной пасхой,—ты еще и не ѣлъ пасхи,—да, шалунъ мальчикъ?—и Могутовъ приподнялъ мальчика, поцѣловалъ его въ лобъ и потомъ повелъ его къ себѣ.

Лукерья, продолжая рыдать, поплелась вслѣдъ за ними.

— Эко добрый баринъ,—пожалѣлъ мальца!

— Какъ не пожалѣть! Дитя малое,—а ишь...

— Здорово, подлецы, выпороли!

— А можетъ и за дѣло...

— Какое дѣло! Вѣдь, дитя, не большой,—какое дѣло!

Толпа расходилась, дѣлая такія замѣчанія. Переѣхавшій простился съ Кречетовымъ и вернулся къ Могутову.

III.

Кречетовъ вышелъ за ворота и сѣлъ въ фаэтонъ, запряженный, по-русски, тройкою небольшихъ лошадей, бѣлыхъ, съ круглыми, черными, неправильными пятнами. Объ этихъ лошадяхъ, равно какъ и о старомъ-престаромъ кучерѣ, съ длинной, совершенно бѣлою бородой, шутники города говорили, что они такъ же оригинальны и такъ же замѣтны чуть не за сто верстъ, какъ и ихъ владѣлецъ.

— Къ Рымнинымъ,—сказалъ Кречетовъ кучеру и задумался надъ только-что видѣнной имъ сценой съ сильно высѣченнымъ мальчикомъ. Скоро, впрочемъ, грустныя мысли о варварствѣ родныхъ нравовъ, такъ жестоко отражающихся даже на дѣтяхъ, смѣнились у него болѣе веселыми думами о Могутовѣ.

«Полною жизнью живетъ человѣкъ, — думалъ онъ. — Уменъ, знающъ, физически не обиженъ природою — и присланъ сюда съ

жандармомъ, и состоитъ подъ надзоромъ полиціи... «Пойдемте господа»—только и надумалъ сказать я, желая уйти отъ дикой сцены остервенѣвшей матери, желавшей сорвать свою злость на неповинномъ и уже жестоко наказанномъ ребенкѣ-сынѣ; а онъ какъ тигръ вдругъ озлился и не далъ ребенка на безсмысленное тиранство... А какъ потомъ нѣжно, съ дрожью въ голосѣ, чуть не со слезами на глазахъ, онъ обласкалъ и поцѣловалъ мальчика и повелъ къ себѣ угощать пасхой... И народъ знаетъ лучше насъ, выросшихъ среди народа... Дай Богъ, чтобы наша работа дороги принесла существенную пользу тебѣ, голодный народъ!... А вѣдь я самъ — сынъ народа, прихотью судьбы превращенный въ барина, съ обѣтомъ не уронить величія знатнаго рода князей Король-Кречетовыхъ... Увы, не намъ, княжескимъ и дворянскимъ родамъ, принадлежитъ будущее, а вотъ такимъ homo novus, какъ Могутовъ... Да, будущее—ихъ, а не наше. Всего недѣлю или двѣ какъ присланъ, присланъ какъ зловредный человѣкъ, и сперва объ немъ распустили дикую исторію, а теперь уже самъ полицеймейстеръ его рекомендуетъ, какъ малаго съ умной головой... И у него на столѣ пасха какъ разъ такая, какъ у меня... Мнѣ прислали пасху Рымнины, а ему прислала ее только она одна... Боже, въ силамъ ли я буду сдѣлать ее счасливой, если она будетъ моей! Любовь безжалостно была разбита, я проклялъ даже это святое чувство и, какъ заживо-погребенный, мыкался по свѣту... Тоска, скука, апатія и мечты, заканчивающіяся обыкновенно желаніемъ покончить съ жизнью самоубійствомъ... И вдругъ ты, одна ты, воскресила во мнѣ все, все, превратила меня опять въ живаго человѣка... «Вѣдь храмъ разрушенный — все-жь храмъ, кумиръ поверженный—все-жь богъ...

«Да будетъ ли она моею? — промелькнулъ въ его головѣ вопросъ, когда фаэтонъ остановился у дома Рымнины, и онъ, какъ бы убѣгая отъ отвѣта на вопросъ, поспѣшно сошелъ съ фаэтона и торопливо взбѣжалъ по лѣстницѣ во второй этажъ.— Неужели она, моя единственная отрада и надежда въ будущемъ, будетъ принадлежать не мнѣ, а этимъ homo novus?»—опять промелькнулъ въ его головѣ вопросъ, когда онъ вошелъ въ переднюю, и онъ опять поспѣшилъ снять калоши и пальто и торопливою походкой, съ тоскливымъ выраженіемъ въ лицѣ, вошелъ въ залу, а изъ него въ гостиную.

— Почему вы, князь, чуть не послѣднимъ являетесь христо-

соваться съ нами?—встрѣтила Кречетова Софья Михайловна, сидя на диванѣ въ гостиной и протягивая ему руку.

— Виноватъ, Софья Михайловна... Но прежде всего позвольте поздравить васъ съ праздникомъ, пожелать вамъ всего хорошаго и поблагодарить за пасху,—цѣлуя руку Софьи Михайловны, сказалъ Кречетовъ.

— А васъ за букеты и альбомы. Какой у васъ прекрасный вкусъ, князь! Вѣдь это вы сами выбирали картинки для альбомовъ?

— Да... Но какъ ваше здоровье, Софья Михайловна?—спросилъ Кречетовъ, который всегда чувствовалъ нѣкоторую неловкость и стѣсненность, оставаясь съ глазу на глазъ съ дамами и, особенно, когда заходила при этомъ рѣчь о его собственныхъ вкусахъ, хотя говорить о самомъ себѣ онъ и любилъ.

— О, пожалуйста, не спрашивайте о моемъ здоровьѣ! Я скоро, какъ милости, буду просить у Бога—послать мнѣ какую-нибудь болѣзнь. Помните, какъ, кажется, Сабакевичъ у Гоголя... Ха-ха-ха!—весело шутила Софья Михайловна.

— Дмитрій Ивановичъ и Катерина Дмитріевна, надѣюсь, тоже въ добромъ здоровьѣ?—съ тоскливой улыбкой спросилъ Кречетовъ.

— Дмитрій Ивановичъ—какъ всегда: ни то, ни сё, а у Кати сами спросите... Катя, Катя! —громко крикнула Софья Михайловна.

Катерина Дмитріевна, въ бѣломъ платьѣ, съ распущенными и заброшенными небрежно назадъ волосами, веселая и улыбающаяся, появилась въ гостиной.

— Христосъ воскресе, Гаврилъ Васильевичъ!—громко и весело сказала она, поспѣшно подходя къ Кречетову съ протянутою впередъ рукою.

— Какъ вы сегодня особенно прекрасны!—сказалъ Кречетовъ послѣ поздравленія и цѣлованія руки дѣвушки, пристально смотря на нее, любуясь ею и слегка улыбаясь, хотя въ улыбкѣ его замѣтна была грусть, она имѣла кисло-сладкій видъ. Послѣ своего объясненія въ любви онъ въ первый разъ видѣлъ ее, и что-то кольнуло его теперь внутри, какъ-то непріятно было ему, что она встрѣчаетъ его веселая и улыбающаяся.

— Мнѣ сегодня очень весело, а вамъ?—спросила она, садясь на диванъ рядомъ съ мачихой.

— Мнѣ?... Я—какъ всегда, Катерина Дмитріевна... Я уже окристаллизовался въ опредѣленную форму и только могу все

слабѣй и слабѣй отражать свѣтъ, но увеличивать свой блескъ уже не могу, еслибы даже солнышко и особенно сильно направило свои ясные лучи на меня,—съ грустнымъ тембромъ въ голосѣ и съ кисло-сладкою улыбкой отвѣтилъ Кречетовъ.

— Вы сегодня разсѣянны, князь,—не отвѣчаете на мои вопросы! Я очень интересуюсь знать, почему вы такъ поздно къ намъ?—спросила Софья Михайловна.

— Все наша затѣя—желѣзная дорога—виновата, Софья Михайловна.

— Какъ? Дмитрій Ивановичъ мнѣ говорилъ, что вы уже все рѣшили и перерѣшили!—весело удивилась Софья Михайловна.

— И, кажется, придется снова все перерѣшать,—почему-то вздохнувъ, сказалъ Кречетовъ.

— Это почему?... Дмитрій Ивановичъ, да и всѣ вы, затѣйники, были въ такомъ восторгѣ отъ вашихъ рѣшеній... Нѣтъ, я вамъ не вѣрю, князь! Вамъ, вѣроятно, сегодня захотѣлось долго лежать въ постели, сна при этомъ не было, вы начали мечтать, мечтали до двухъ часовъ и мечту приняли за что-то важное? Но васъ разувѣрятъ и ваши мечты мечтою и останутся...

— Я выѣхалъ изъ дому въ девять часовъ, Софья Михайловна.

— Гдѣ же вы были? Кто счастливица, которая васъ удержала при себѣ до двухъ часовъ? И не она ли разрушила то, отъ чего Дмитрій Ивановичъ и вы всѣ приходили въ восторгъ?—улыбаясь спрашивала Софья Михайловна.

— Я первый визитъ сдѣлалъ Могутову и у него просидѣлъ до пріѣзда къ вамъ. Вотъ онъ и доказалъ, что нашъ планъ работы ошибоченъ, — отвѣчалъ Кречетовъ и посмотрѣлъ на Катерину Дмитріевну.

Она сидѣла съ наклоненною внизъ головой и обдумывала его сравненіе самого себя съ кристалломъ, который всегда одинаковъ и потерялъ уже способность свѣтиться болѣе ярко даже при усиленномъ блескѣ солнца. Она была такъ счастлива и весела съ самаго ранняго утра и ея доброй душѣ стало жаль его.—«Отчего у него такой грустный видъ?—думала она.—У него, навѣрно, есть большое горе... Ему нравится «кумиръ поверженный—все-жь богъ...» Кумиръ поверженный — все-жь богъ?... Ну, да! Христосъ на крестѣ оставался Богомъ... Петръ на крестѣ тоже оставался апостоломъ... Почему?... Вѣдь надъ нимъ смѣялись, ругались... Но Петръ не плакалъ при этомъ, не отрекался отъ

своей вѣры, не жаловался... А Кречетовъ все жалуется, все говоритъ о самомъ себѣ... Что такое?» — и она вздрогнула. Слуха ея коснулось имя Могутова, и думы бѣжали отъ нея, и она вся превратилась въ слухъ.

— Этотъ Могутовъ — какое-то восьмое чудо! — съ веселой ироніей говорила Софья Михайловна.—Дмитрій Ивановичъ совѣтуетъ мнѣ взять его въ главноуправляющіе всѣми имѣніями за какой-то проектъ усадьбы этого Могутова; вамъ онъ разрушилъ весь планъ работъ, меня обозвалъ вороной!... Скоро о немъ всѣ съ такимъ же восторгомъ будутъ говорить, съ какимъ прежде говорили о немъ какъ о какомъ-то Раулѣ изъ «Синей бороды»!

— Поторопились сдѣлать выводы... Я и самъ не ожидалъ найти въ немъ такого живаго ума, знанія теоретическаго и практическаго... Но особенно меня поразила его доброта и любовь къ дѣтямъ...

— Это очень интересно! Надѣюсь, вы не откажетесь посвятить насъ въ подробности?—откинувшись на спинку дивана, какъ бы приготовляясь внимательно слушать, но улыбаясь, сказала Софья Михайловна.

— Я заѣхалъ къ нему, чтобы предложить мѣсто у себя при постройкѣ дороги. Думалъ пробыть у него минутъ пять, но встрѣтилъ такой радушный, свободный и искренній пріемъ, что просидѣлъ до часу. Заговорили, конечно, о дорогѣ. Я разсказалъ нашъ планъ работъ. Онъ нашелъ его плохимъ, непрактичнымъ, и тутъ обнаружилось его знаніе народа, литературы, опытность и даже ораторскій талантъ.

— Даже ораторскій талантъ! Скажите, во вкусѣ Лукомскаго или мистера Кречетова?—насмѣшливо интересовалась Софья Михайловна.

— Ни въ томъ, ни въ другомъ, Софья Михайловна. Онъ говорилъ просто, серьезно, какъ читаетъ; интересъ въ мысляхъ, а голосъ только не портитъ ихъ. Но болѣе всего меня поразила сцена...

Кречетовъ остановился, заслышавъ звонъ шпоръ приближающихся въ гостиную.

IV.

Въ гостиную вошелъ пожилой, небольшаго роста, съ торчащими, какъ у кота, и такими же рѣдкими, какъ у кота, усами, военный генералъ въ полной формѣ и при красной лентѣ.

На первый день праздника Рымнины принимали всѣхъ безъ доклада, а потому генералъ вошелъ въ гостиную неожиданно и прервалъ рѣчь Кречетова.

— Вамъ остается теперь, Гавріилъ Васильевичъ, исполнить послѣднюю, но самую важную обязанность пасхальнаго визита,— обратилась Софья Михайловна къ Кречетову, послѣ того какъ генералъ поздравилъ ее и дѣвушку съ праздникомъ, поцѣловалъ ихъ руки, похристовался по-русски съ Кречетовымъ, сѣлъ въ кресло и началъ разглаживать свои рѣдкіе усы.—Вы должны не менѣе пяти минутъ пробыть въ залѣ у стола и непремѣнно опробовать всю мою стряпню.

— Я очень радъ. Мнѣ сильно хочется поопустошить его,— отвѣтилъ Кречетовъ, раскланиваясь.

— Я тоже голодна, мама! — быстро вставъ и также уходя въ залу, громко сказала Катерина Дмитріевна.

. . . .

V.

А въ то же время, какъ Софья Михайловна бесѣдовала съ генераломъ, Кречетовъ сидѣлъ у стола, медленно закусывалъ и разсказывалъ Катеринѣ Дмитріевнѣ сцену съ мальчикомъ на дворѣ нумеровъ полковницы Песковой. Онъ разсказывалъ подробно, не спѣша и съ грустнымъ тембромъ въ голосѣ, а лицо его сохраняло кислое, недовольное выраженіе. Что было причиной его недовольства, онъ и самъ не зналъ; но тѣ вопросы, которые помимо его воли промелькнули въ его головѣ, когда онъ подъѣхалъ къ дому Рымниныхъ и когда входилъ въ ихъ домъ,—тѣ вопросы, на которыхъ онъ не хотѣлъ останавливаться, отъ которыхъ онъ какъ бы порывисто убѣгалъ, — оставили все-таки тяжелый слѣдъ внутри его, продолжали неопредѣленно тревожить и нудить его. И подъ вліяніемъ этой неопредѣленной тревоги онъ, передавая сцену съ мальчикомъ, зло подсмѣивался надъ своимъ «пойдемте, господа» и болѣе рельефно и живо, чѣмъ быть-можетъ было на самомъ дѣлѣ, выставлялъ на-показъ сперва грозный протестъ Могутова противъ дикаго желанія матери выместить на несчастномъ сынѣ свою злость на тиранство полиціи, а потомъ нѣжность и любовь Могутова къ мальчику, когда онъ повелъ угощать его пасхой.

— Я не очень плаксивъ, но и у меня навернулись слезы на глаза, когда Могутовъ, одно мгновеніе назадъ дикій и страш-

ный, поднялъ мальчика, нѣжно поцѣловалъ его и съ дрожью въ голосѣ успокоивалъ его... Но что съ вами?—испуганно спросилъ Кречетовъ, увидавъ слезы на глазахъ Катерины Дмитріевны.

— Вотъ и нѣтъ слезъ, правда?—быстро проведя рукой по глазамъ, силясь улыбнуться и быть веселой, тихо сказала она, робко взглянувъ на Кречетова. Еще въ гостиной, когда Кречетовъ началъ говорить о Могутовѣ и когда Софья Михайловна заявила, что «скоро весь городъ будетъ говорить объ этомъ Могутовѣ, какъ о восьмомъ чудѣ»,—у Катерины Дмитріевны вдругъ ускоренно забилось сердечко, кто-то, какъ будто, на ухо шепнулъ ей, что это восьмое чудо не для нея, и слезы чуть не брызнули изъ ея глазъ, она едва смогла ихъ сдержать; а теперь, когда она услышала отъ Кречетова о грозной смѣлости, о глубокой нѣжности и добротѣ Могутова къ бѣдному мальчику,—она уже не имѣла силы владѣть собою, не могла сдержать слезъ и онѣ вдругъ брызнули изъ ея глазъ.

— А я вспоминалъ о васъ, Катерина Дмитріевна, когда былъ у Могутова и когда ѣхалъ отъ него къ вамъ,—желая перемѣнить разговоръ, но сохраняя грустно-плаксивую улыбку на лицѣ, сказалъ Кречетовъ.

— Да?—разсѣянно и не сразу сказала она.

— Я пилъ у Могутова чай и видѣлъ у него на столѣ пасху... Мнѣ подумалось, что это ваша добрая и любящая душа послала ее ему... Я торопился ѣхать къ вамъ, чтобы пожать вашу руку и сказать вамъ великое спасибо за это... Но какое я имѣю право на это?—вздохнувъ и грустно смотря на дѣвушку, закончилъ онъ.

Она, склонивъ голову внизъ, съ сильно блѣднымъ лицомъ, какъ статуя, сидѣла неподвижно.

«О чемъ она думаетъ теперь?... Конечно, не обо мнѣ... О Могутовѣ?»—и какъ бы желая узнать, дѣйствительно ли она думаетъ о Могутовѣ, онъ громко сказалъ:

— Вы думаете о Могутовѣ, Катерина Дмитріевна?

— Да,—разсѣянно и не сразу отвѣтила она.—А вы исполните мою просьбу?—спросила она потомъ, быстро поднявъ голову вверхъ, а ея большіе, черные глаза, горѣвшіе лихорадочнымъ блескомъ, съ выраженіемъ горячей мольбы смотрѣли на него.

— Исполню все, что вы прикажете!—взявъ ея холодную руку и горячо сжимая ее, громко отвѣтилъ Кречетовъ.

— Приведите къ намъ Могутова...—И рука ея дрогнула въ рукѣ Кречетова, и ея головка опять опустилась на грудь.

«Такъ!... Предчувствіе не обмануло меня!»—продолжая держать ея холодную руку и задумчиво-грустно смотря на дѣвушку, подумалъ Кречетовъ.

— Приказывайте, когда, и я исполню ваше желаніе!—тряхнувъ головою, взъерошивъ порывисто волосы на ней, горячо опять сжимая руку дѣвушки и съ добродушною улыбкой на лицѣ, громко сказалъ онъ послѣ короткаго молчанія. Онъ какъ бы вдругъ примирился съ необходимостью всего того, что сейчасъ только возбуждало въ немъ грусть и досаду, какъ бы даже вдругъ обрадовался всему этому, какъ бы все это вдругъ показалось ему не источникомъ печали и грусти для него, а источникомъ, имѣющимъ возбудить въ ней любовь къ нему если и не сейчасъ, то въ близкомъ будущемъ.

— Завтра, послѣ завтра... до будущей недѣли,—быстро сказала она и румянецъ вдругъ ярко заигралъ на ея щекахъ.

— Будетъ исполнено!... Но почему только до будущей недѣли?—улыбаясь спросилъ онъ.

— На будущей недѣлѣ я уѣду въ деревню,—робко поднявъ на него глаза, отвѣтила она.

— На все лѣто, Катерина Дмитріевна?—продолжая держать ея руку и ласково улыбаясь, спросилъ онъ.

— Да,—отвѣтила она и со всей силы сдавила его крупную руку своей маленькой и слабою рукой.

— Что вы мнѣ посовѣтуете выпить, князь?—обратился къ Кречетову вышедшій изъ гостиной военный генералъ.—А милѣйшая Катерина Дмитріевна что посовѣтуетъ мнѣ съѣсть? Я, знаете, считаю священнымъ долгомъ въ сей день, гдѣ бы я ни былъ, непремѣнно выпить и закусить что-нибудь.

— Мадера не дурна, генералъ,—отвѣтилъ Кречетовъ, собираясь уходить.

— Что же вы мнѣ посовѣтуете, Катерина Дмитріевна? Я, впрочемъ, съѣмъ того, чего еще не ѣлъ. Ветчину ѣлъ, колбасу—тоже, сало—тоже, поросенка—тоже, индюка—тоже, икру ѣлъ, яйца ѣлъ,—два яйца съѣлъ,—сардинки ѣлъ, паштетъ ѣлъ,—водя глазами по столу, говорилъ генералъ.—Редиса не ѣлъ, не ѣлъ. Отлично, редиса съѣмъ съ масломъ! Не дурно будетъ, Катерина Дмитріевна, какъ вы думаете?—принимаясь за редисъ и расправляя усы, спрашивалъ генералъ, не глядя на дѣвушку, а устремивъ свои маленькіе, живенькіе глаза на редисъ.

VI.

На второй день вечеромъ Кречетовъ стоялъ около рояля, за которымъ сидѣла Катерина Дмитріевна. Она не играла, а тихо и нехотя брала аккорды одною рукой.

— А что же моя просьба?—спросила она.

— Простите, Катерина Дмитріевна...

— Что?! — быстро и громко вскрикнула она, вскинувъ на него, горящіе огнемъ нетерпѣнія и гнѣва, большіе черные глаза.

Онъ молчалъ и задумчиво-грустно смотрѣлъ на нее.

— Говорите, почему?—опустивъ глаза внизъ, болѣе спокойно сказала она.

— Я предлагалъ ему, конечно, отъ себя, познакомить его съ почтеннымъ Дмитріемъ Ивановичемъ. «У меня нѣтъ даже костюма, чтобы бывать у такого богатаго пана»,—отвѣтилъ онъ. Я потомъ долго говорилъ ему о Дмитріи Ивановичѣ, о его добротѣ, объ умныхъ и живыхъ вечерахъ въ его семействѣ, говорилъ и о васъ...

— Что же вы говорили обо мнѣ?—живо перебила она его.

— Что вы прекрасно играете, что вы добры, что вы полны любовью къ правдѣ и добру, что вы готовы дѣлать все для правды и добра!—горячо отвѣтилъ онъ.

— Но вы не могли привести ни одного примѣра въ доказательство вашихъ словъ,—грустно улыбнувшись, тихо сказала она.

— Онъ не спрашивалъ примѣровъ, но еслибы спросилъ,—у меня есть примѣры!—все такъ же горячо, сказалъ онъ.

— Что онъ вамъ отвѣчалъ? — холодно спросила она послѣ короткаго молчанія.

— Поблагодарилъ и сказалъ, что не пойдетъ.

— И только?

— Онъ сказалъ: «не пойду»—такимъ тономъ, что нельзя было больше убѣждать его.

— Да!—сказала она тихо, немного помолчавъ.—Да!—повторила она еще разъ, и вдругъ слезы полились изъ ея глазъ. Она ихъ не утирала, сидѣла ровно, голову держала прямо, рукою брала тихіе неопредѣленные аккорды, а слезы тихо, тихо струились изъ ея глазъ и медленно катились по ея блѣднымъ щекамъ... А Кречетовъ смотрѣлъ на нее, не смѣлъ сказать ни одного слова, не могъ двинуть ни однимъ мускуломъ, хотя любовь, жалость, благоговѣніе, вмѣстѣ съ грустью, злобою и ревностію бушевали въ немъ.

— Гавріилъ Васильевичъ!—быстро обернувшись лицомъ къ нему, громко и отчетливо выговаривая слова, начала она:—Вы сказали, что будете терпѣливо ждать моего отвѣта на вашу... на ваше предложеніе... Мнѣ кажется, что я буду ваша... Только не спрашивайте и не говорите... Я сама вамъ скажу тогда...—и голосъ ея оборвался, и слезы быстро заструились по ея блѣднымъ щекамъ.

— Вы любите Могутова?—осторожно взявъ ея руку съ клавишей и нѣжно цѣлуя ее, спросилъ онъ.

— Не знаю,—тихо отвѣтила она.—Онъ умный, не похожъ на другихъ... Мнѣ грустно, досадно, я злюсь... Зачѣмъ онъ бѣжитъ меня?... Мнѣ кажется, что я дурная, глупая—и мнѣ грустно, досадно.

— Не нужно вамъ быть лучшей, чѣмъ вы теперь!—перебилъ ее Кречетовъ, сжимая ея руку.—Онъ не бывалъ въ обществѣ, онъ увлекается какою-нибудь идеей и, какъ молодой человѣкъ, черезчуръ увлекается ... Нѣтъ человѣка съ душой и сердцемъ, который, увидя васъ, узнавъ васъ, не полюбилъ бы васъ всею силой своего сердца. Онъ не знаетъ васъ, Катерина Дмитріевна!

— Вы такъ думаете?... А какъ сдѣлать, чтобъ онъ узналъ меня?

Онъ молча смотрѣлъ на нее, продолжая сжимать ея руку. Она другою рукой медленно перебирала клавиши, а потомъ быстро отняла свою руку изъ его руки, порывисто утерла ею слезы и пристально посмотрѣла на него.

— Надо подумать,—тихо сказалъ онъ и потомъ, вздохнувъ, опустился на стулъ.

— Скажите мнѣ, Гавріилъ Васильевичъ, что-нибудь такое, что бы я долго помнила, надъ чѣмъ бы долго думала... Отчего вы такой грустный почти всегда?—нѣжно и ласково-тихо спросила она.

Онъ молчалъ.

— Зачѣмъ вамъ нравится «кумиръ поверженный—все-жь богъ?»

— Я любилъ сильно, страстно, всею силой души и сердца,—и моя любовь была разбита, осмѣяна, поругана... Я проклялъ самое чувство любви... Такъ прошло почти десять лѣтъ. Но любовь—богъ! Этотъ богъ былъ поверженъ, забытъ, я презиралъ и ненавидѣлъ его, но богъ поверженный — все-жь богъ. Вы воскресили во мнѣ любовь. Вы—мой богъ, Катерина Дмитріевна!

Она смотрѣла на него пристально и долго. Онъ былъ теперь опять похожъ на того Кречетова, котораго она видѣла въ собраніи: лицо было серьезно, смѣхъ и брюзгливость пропали, глаза горѣли огнемъ увлеченія и голосъ былъ сильный, живой, хотя и не громкій.

— Мнѣ кажется, я буду вашей.

Она улыбнулась, щеки ея чуть-чуть покраснѣли. Онъ страстно поцѣловалъ ея руку:

— Разскажите о вашей разбитой любви,—еще болѣе нѣжно сказала она, довѣрчиво глядя на него.

— Тяжело даже и теперь, послѣ стольких лѣтъ, вспоминать объ этомъ, Катерина Дмитріевна, — со вздохомъ началъ Кречетовъ и потомъ разсказалъ не только о своей разбитой любви и дуэли изъ-за нея, но и о своемъ происхожденіи, о своемъ дѣтствѣ, о своемъ странствованіи и, наконецъ, о постепенномъ развитіи его любви къ ней.—Вы для меня—все, Катерина Дмитріевна! Пусть вы будете принадлежать другому, пусть мое уже разбитое сердце не будетъ биться въ тактъ съ вашимъ; но вы воскресили меня, вы возвратили мнѣ Бога, вѣру, а слѣдовательно и желаніе жить, любовь къ людямъ и желаніе быть полезнымъ для нихъ!—такъ окончилъ Кречетовъ свой разсказъ. Какъ жаль, что, проникнутый искреннимъ, горячимъ чувствомъ, голосъ его оборвался на этомъ и онъ не сказалъ болѣе ничего. Катерина Дмитріевна внимательно слушала его; она съ наслажденіемъ смотрѣла на него; во взглядѣ ея ясно свѣтилось состраданіе и сожалѣніе къ нему, и не окончи на этомъ Кречетовъ, попроси онъ ее теперь же дать ему окончательный отвѣтъ, теперь же доказать свою любовь къ нему,—быть-можетъ, она бы бросилась къ нему на грудь, стремительно прильнула бы своими устами къ его устамъ и навѣки была бы спутницей его жизни. Но онъ ничего не сказалъ болѣе,—онъ только горячо поцѣловалъ ея руку и заторопился уходить.

А Катерина Дмитріевна долго, очень долго сидѣла за фортепіано. Она все думала о Кречетовѣ, объ его прошедшей грустной жизни.

«Нѣтъ, Могутовъ лучше Кречетова!»—громко сказала она въ заключеніе.

И она тяжело вздохнула, какъ бы сожалѣя о томъ, что ничего другаго, кромѣ доброты, она никакъ не могла отыскать въ характерѣ и въ прошедшемъ Кречетова.

Она раньше, чѣмъ обыкновенно, ушла въ спальню,—ей х
тѣлось забыться и заснуть; но сонъ бѣжалъ ея и въ ея голов
мелькали неопредѣленныя мысли. Чтобы прогнать ихъ и успокоит
ся, она взяла «Феликсъ» Гольта и долго читала его въ постел
пока книга сама собою не выпала изъ ея рукъ, а вѣки сам
собой опустились и закрыли ея глаза отъ свѣта... Во снѣ е
представилось, что мистеръ Тронсомъ, въ образѣ Кречетова, рас
хваливаетъ ей Феликса, который тоже принялъ образъ Могутова..
Потомъ рельефно, увлекательно и живо рисуется ей послѣдня
страничка романа, гдѣ она уже замужемъ за Могутовымъ.

«Какъ хорошо!—сказала она громко, вдругъ проснувшись.—
Но вѣдь это сонъ»,—и слезы сами собой полились изъ ея глазъ
Она порывисто встала съ постели и босыми ногами сдѣлала нѣ
сколько шаговъ и потомъ упала на колѣни предъ освѣщенно
лампадой иконою Божіей Матери съ Младенцемъ на рукахъ. Он
долго, долго молилась, молилась безъ словъ, безъ крестнаго зна
менія, безъ поклоновъ, а устремивъ глаза на образъ, опустив
руки, какъ статуя, стояла неподвижно и только слезы ручьем
текли по ея блѣднымъ щекамъ, да невольный вздохъ вырывалс
изъ ея груди.

О чемъ молилась она?... Ласково, кротко, съ божественною лю
бовью смотрѣлъ на нее ликъ Богородицы. Казалось, что слышит
Она молитву дѣвушки и исполнитъ ее. И дѣвушка поняла это. Е
стало легко,—миръ, безмятежный миръ и покой наполнили ее, и
она, какъ бы въ благодарность, складываетъ правую руку дл
креста, крестится и кладетъ три тихихъ, медленныхъ поклона..

Блаженъ, кто вѣруетъ, —
Легко тому на свѣтѣ.

VII.

Ирина Андреевна Тотемкина, на третій день праздниковъ, в
восемь часовъ вечера сидѣла одна на диванѣ въ самомъ лучшем
нумерѣ одной изъ самыхъ лучшихъ гостиницъ города. Нумер
былъ въ три окна, выходящихъ на улицу. На окнахъ были опу
щены до самаго низу сторы изъ темной матеріи и ихъ тяжелы
складки отчетливо и красиво виднѣлись изъ-за бѣлыхъ кисейных
занавѣсей. Мебель была мягкая. Передъ диваномъ стоялъ столъ
застланный чистой, бѣлою скатертью, а на немъ шумѣлъ бле
стящій самоваръ, около котораго стоялъ ясный, весь стеклянны

айный сервизъ, такъ что даже металлическій чайникъ и серебряныя ложечки казались стеклянными отъ вокругъ разставленаго стекла. Въ глубинѣ нумера легкія ширмы, обтянутыя голубой шелковой матеріей, отдѣляли спальное отдѣленіе, отраженіе котораго въ большомъ, въ золотой оправѣ зеркалѣ казалось потонувшимъ въ нѣжной синевѣ далекой лазури. На столѣ горѣло всего двѣ свѣчи, но въ большомъ нумерѣ если и не было свѣтло, то все-таки было очень ясно, такъ какъ свѣтъ отражался отъ многаго: и отъ самовара съ стеклянною сервировкой, и отъ зеркала съ золотой оправой, и отъ свѣтлыхъ обоевъ съ золотымъ бордюромъ вверху, и отъ небольшаго серебрянаго образка въ переднемъ углу, и отъ темно-блестящихъ листьевъ трехъ большихъ фикусовъ, стоявшихъ у оконъ, и отъ полированныхъ спинокъ креселъ и дивана, и даже отъ самой Ирины Андреевны и ея костюма. Казалось, свѣтъ тонулъ и потомъ выходилъ лѣниво и слабо изъ ея, убранной кружевами, бѣлой, легкой, шерстяной блузы, ярко игралъ и шалилъ въ миніатюрныхъ бриліантахъ серегъ и въ золотѣ браслетъ на ея рукахъ, превращалъ въ розовую маленькую звѣздочку изумрудный камушекъ перстня на одномъ изъ пальцевъ и совершенно пропадалъ въ ея распущенныхъ, густыхъ и длинныхъ темныхъ волосахъ, которые, какъ нѣжная волна тьмы, окружали овалъ ея прекраснаго лица. Она сидѣла облокотясь на ручку дивана, склонивъ голову на кисть руки и слегка откинувшись на спинку дивана. Она была при этой обстановкѣ, въ этомъ костюмѣ и въ этой позѣ восхитительно-хороша. Большіе темные глаза ея ярко горѣли и искрились счастьемъ, довольствомъ, умомъ, страстью, стыдливостью, кокетствомъ, шалостью и всѣмъ тѣмъ, чѣмъ только могутъ сверкать и искриться глаза молодой красавицы, когда всѣ чувства и мысли, какія только могутъ рождаться въ ея головѣ, въ ея сердцѣ и душѣ, вдругъ всѣ вмѣстѣ, съ одинаковою силой, закружатся въ ея головѣ, застучатъ въ ея сердцѣ, замелькаютъ въ глазахъ, зажужжатъ въ ушахъ и завладѣютъ всею красавицей. А она, съ улыбкой на лицѣ, съ чуть-чуть сдвинутыми черными бровями, съ ямочками на рдѣющихъ румянцемъ щекахъ, съ увеличеннымъ желобкомъ посрединѣ красивой и слегка приподнятой верхней губки,—она, подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ чувствъ и мыслей, сидитъ спокойно, безъ малѣйшаго движенія, какъ нарисованная, и только румянецъ щекъ, да движеніе округленной молодой груди указываютъ на біеніе ея сердца, да глаза свѣтятъ

и искрятся счастьемъ, довольствомъ, умомъ, страстью, стыдливостью, кокетствомъ, шалостью и всѣмъ тѣмъ, чѣмъ только могутъ свѣтиться и искриться глаза красавицы... А самоваръ тихо, мягко, ровно шумѣлъ, какъ старушка-няня, когда ея питомица, радость и утѣха, окруженная и затуманенная всѣмъ вихремъ и блескомъ сказочной фантазіи, сидитъ уже не слушая няню, а няня продолжаетъ говорить монотоннымъ голосомъ окончаніе сказки: «ну, и стали они жить, да поживать, хлѣбъ наживать, бѣдныхъ людей не обижать, нищенкамъ милостыню подавать, да меня, старуху, въ нянюшки звать».

Отчего же была въ такомъ сказочномъ состояніи Ирина Андреевна?—Оттого, что то, что казалось ей сперва гадкимъ, грѣшнымъ, обиднымъ для чести, опаснымъ по послѣдствіямъ, смѣшнымъ, достойнымъ презрѣнія въ глазахъ свѣта,—это теперь, въ дѣйствительности, являлось ей въ образѣ прекраснаго, умнаго, смѣлаго и вліятельнаго мужчины, полнаго если и не ангельскою, то во всякомъ случаѣ и не грѣшною любовью къ ней, при которой она можетъ сохранить безъ замѣтнаго пятна для всѣхъ свою честь, скрыть отъ всѣхъ послѣдствія, и прекрасной, солидной, умной обстановкой,—обстановкой хорошаго пансіона для благородныхъ дѣвицъ, — зажать крѣпко-на-крѣпко ротъ всѣмъ, кому только осмѣлится придти въ голову скверная мысль о ней; оттого, что, при всемъ этомъ, она была уже обладательницей двадцати тысячъ, которыя дадутъ ей въ будущемъ любящаго ее супруга, милыхъ дѣтей, уютную семейную обстановку,—все то, что никогда не можетъ не привлекать и не рисоваться для женщины, какъ земля обѣтованная, какъ земной рай; оттого, что она, сохраняя еще свою невинность, не испытавъ еще страха подчиненія, не доказавъ еще ему своей любви, не имѣя еще права на требованія и просьбы къ нему, она уже получила отъ него все, что только желала. Онъ былъ такъ добръ, любезенъ, довѣрчивъ, что на третій день, въ полдень, спустя пять часовъ послѣ ихъ пріѣзда въ нумеръ гостиницы, заранѣе для нихъ приготовленный,—пріѣхалъ къ ней съ визитомъ въ полной парадной формѣ и вручилъ ей, какъ простой пасхальный подарокъ, билетъ на ея имя въ двадцать тысячъ рублей, легкія брилліантовыя серьги, массивные золотые браслеты и маленькое колечко съ розовымъ, какъ ямочка на щекахъ красавицы, изумруднымъ камушкомъ; онъ былъ такъ добръ, любезенъ и внимателенъ, что поручилъ полицеймейстеру найти квартиру для ея пансіона, за-

зать вывѣску для него и даже позаботиться о прінсканіи для нсіона благородныхъ дѣвочекъ изъ вполнѣ хорошихъ семействъ; ъ былъ такъ добръ, любезенъ и вѣжливъ, что не позволилъ бѣ ни однимъ двусмысленнымъ словомъ, ни однимъ нескромнымъ жестомъ напомнить ей о своей любви, о ея словѣ, о ея ѣщаніи,—онъ велъ себя только какъ джентльменъ; онъ былъ къ добръ, любезенъ и довѣрчивъ, что даже не сказалъ, пріѣтъ ли онъ сегодня вечеромъ, какъ она позволила ему еще гда, въ городскомъ саду... Но она знаетъ, что онъ помнитъ ъ этомъ, что онъ пріѣдетъ,—и она, какъ красавица волшебной азки, сидитъ и ждетъ его, какъ небо ждетъ души праведника, ши подверженной искушеніямъ всѣхъ адскихъ силъ, но устошей противъ всѣхъ адскихъ ковъ.

Въ дверяхъ раздался легкій стукъ. Она невольно вздрогнула, ожь невольно пробѣжала по всему ея тѣлу и мысль о грѣхѣ ѣсь и тамъ, какъ молнія, мелькнула въ ея головѣ.

— Войдите,—громко сказала она, какъ бы желая звукомъ его голоса отогнать далеко прочь мелькнувшую въ ея головкѣ сль о грѣхѣ здѣсь и тамъ.

Онъ вошелъ. Она посмотрѣла на него—и ея невольный страхъ, вольныя мысли о грѣхѣ, о послѣдствіяхъ грѣха здѣсь и тамъ—опали, ушли, какъ будто ихъ и не было никогда, какъ будто ъ и не могло даже быть, какъ будто онѣ и не могли даже онестись надъ ней хотя моментально, хотя вдали и хотя чутьть затронуть ее. Онъ былъ во фракѣ, при звѣздѣ, въ бѣломъ стукѣ и свѣтлыхъ перчаткахъ; онъ былъ совершенно спокоенъ солидность, сила, власть лежали густо на его лицѣ, въ его инкѣ, въ его движеніяхъ,—и весь онъ прогонялъ, уничтожалъ ке возможность страха, робости, опасности, если идти съ нимъ ка объ руку по какому бы то ни было скользкому пути.

— Я ожидаю васъ,—невольно, не имѣя силъ владѣть надъ ими мыслями, сказала она и закраснѣлась, какъ маковъ цвѣтъ, стыдливо опустила глаза, какъ сама невинность.

Онъ дружески-свободно сперва пожалъ, а потомъ поцѣловалъ руку, поцѣловалъ просто, коротко, какъ цѣловалъ бы руки бимой матери или сестры, и только въ голосѣ, съ которымъ начaлъ говорить, да въ довольной, чуть-чуть замѣтной улыбвидно было, что онъ счастливъ отъ ея словъ, понялъ иснность ихъ.

— Простите, если проскучали. Эти праздники отнимають много времени на пустяки. Первый день—визиты мужчинъ, второй день—дамскіе визиты, а къ третьему дню скопилось страшно много дѣлъ... Еще разъ простите, но я только къ восьми часамъ покончилъ съ дѣлами.

Онъ слегка пожалъ ей руку.

— Неужели генералъ не можетъ располагать своимъ временемъ? — съ удивленіемъ спросила она, а ея бархатные глаза кокетливо-недовѣрчиво поднялись на него.

— Да,—опускаясь въ кресло противъ нея и болѣе протяжно отвѣтилъ онъ.—Еслибы вы сказали мнѣ, еслибъ я зналъ, что вы скучаете, я бы пріѣхалъ ранѣе, во всякое время, когда вамъ было бы угодно... Я бы только отложилъ свои дѣла, просидѣлъ бы надъ ними ночью, легъ бы спать позднѣе на часъ-другой, чѣмъ обыкновенно.

Ея бархатные глаза продолжали смотрѣть на него вопросительно и удивленно.

— Я отношусь къ моей службѣ серьезно!—болѣе громко и съ гордымъ сознаніемъ величія исполняемаго имъ долга продолжалъ онъ.—Вѣдь на мнѣ лежитъ забота о цѣлой губерніи съ населеніемъ почти въ два милліона! Я привыкъ считать тяжелымъ грѣхомъ легкое отношеніе къ службѣ... Но еще разъ простите: я не зналъ, что вы однѣ и скучаете,—болѣе мягко закончилъ онъ и опять поцѣловалъ ея руку.

— Я ранѣе отпустила сестру... Мнѣ такъ хотѣлось, сильно хотѣлось.... видѣть... хотѣлось остаться одной... Мнѣ хотѣлось думать о многомъ; но, когда уѣхала сестра, мысли не шли... и я все дожидала...

Она почувствовала его горячее пожатіе ея руки, ея бархатные глаза робко поднялись на него и смотрѣли добрымъ, ласковымъ и какъ бы умоляющимъ о прощеніи взглядомъ,—умоляющимъ простить ее за то, что она не имѣетъ силы сдерживать свои мысли, что она невольно говоритъ о томъ, что, обыкновенно, дѣвушки ея лѣтъ привыкли скрывать... Онъ смотрѣлъ на нее полными любви глазами и все болѣе и болѣе крѣпко и горячо сжималъ ея руку... Она не отнимала своей руки, ея головка стыдливо опустилась...

— Красавица вы моя!—громко и горячо сказалъ онъ и, поднявшись съ кресла, сталъ противъ нея, жалъ порывисто ея ру-

ки, приподнялъ ее съ дивана и, страстно обхвативъ ея станъ, припалъ горячими устами къ ея лицу.

. . . .

А двѣ свѣчи на столѣ горѣли какъ прежде и ихъ свѣтъ отражался по-прежнему отъ всего блестящаго. А самоваръ еще тише, мягче и съ перерывами шумѣлъ, какъ старушка няня, погрузившись въ дремоту, сквозь сонъ, по привычкѣ продолжаетъ съ перерывами произносить слова сказки... Заснула няня и ничего не слышала она......

М. Забѣлло.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Изъ аграрной исторіи Германіи.

ОЧЕРКЪ.

(Введеніе въ исторію общиннаго, подворнаго, сельскаго и городскаго устройства и общественной власти». Соч. Георга Людвига *Маурера*. Пер. В. Корша. Изд. К. Т. Солдатенкова. Москва, 1880 года).

I.

Наша русская переводная литература обогатилась въ концѣ истекшаго года книгою, составляющею весьма цѣнное пріобрѣтеніе, сочиненіемъ Маурера: «Введеніе въ исторію общиннаго и т. д. устройства и общественной власти». Труды Маурера, появившіеся на нѣмецкомъ языкѣ уже довольно давно (это—«Введеніе» еще въ 1853 г., а другіе труды его по тому же предмету—въ шестидесятыхъ годахъ), пролили много свѣта на исторію первобытныхъ и средневѣковыхъ учрежденій Германіи. Его изслѣдованія безспорно доказали, что и въ Германіи развитіе частной поземельной собственности есть явленіе сравнительно новое и что даже въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ господствующею формой землевладѣнія было въ особенности общинное. Для нашей русской литературы любопытно было узнать изъ трудовъ Маурера, что поземельная община составляла древнюю форму землевладѣнія въ Германіи и исчезла лишь въ послѣднее время. Славянофилы, считавшіе общинное владѣніе землей преимущественною особенностью русскаго народа, коренящеюся въ свойствахъ самого духа народнаго, склоннаго къ общинности, въ противоположность, наприм., нѣмцамъ, проникнутымъ индивидуалистическими стремленіями, могли убѣдиться, что Германія знала тѣ же самыя стадіи развитія общиннаго землевладѣнія, что̀ Россія и другія страны, и что лишь энергическія средства завоеванія, насилія и захвата погубили эту исконную форму владѣнія. Впослѣдствіи

община была открыта не въ одной Германіи и доказано было ея существовеніе у всѣхъ арійскихъ народовъ. Далѣе оказалось, что община существовала или существуетъ еще и понынѣ у самыхъ разнообразныхъ и разноплеменныхъ народовъ: у краснокожихъ Америки, среди мало извѣстныхъ семитическихъ племенъ въ Сѣверной Африкѣ, у берберовъ, малайцевъ, на островѣ Явѣ, у сибирскихъ инородцевъ, наприм. у якутовъ, и т. д. Однимъ словомъ, разъ обращено было вниманіе на этотъ повсемѣстный фактъ, на этого слона, котораго проглядѣли и долго не замѣчали историки и изслѣдователи, доказательства въ пользу всеобщности этого основнаго учрежденія первобытной эпохи жизни всякаго народа были собраны со всѣхъ обитаемыхъ концовъ земнаго шара, и наука въ послѣднее время обогатилась массой самыхъ краснорѣчивыхъ доводовъ въ пользу основательности этого мнѣнія. Такимъ образомъ широкое историко-сравнительное изученіе учрежденій и быта различныхъ народовъ разсѣяло довольно распространенный предразсудокъ, что коллективныя формы землевладѣнія составляютъ исключительную особенность того или другаго «богоизбраннаго» народа, и внесло въ науку несомнѣнное убѣжденіе, что это установленіе столь же общее всѣмъ народамъ, какъ общи и необходимы ихъ гражданскому развитію употребленіе огня, переходъ отъ кочевой охотничьей жизни къ пастушеской и отъ пастушеской къ земледѣлію*). И теперь это—фактъ, не подлежащій больше никакому сомнѣнію.

Но не подлежитъ также сомнѣнію, что община распалась, исчезла, изгладилась изъ самой памяти народной и замѣнилась совершенно противоположными ей по духу учрежденіями во всѣхъ почти странахъ съ развитою европейскою цивилизаціей. Что это разрушеніе общины не связано логически и необходимо съ развитіемъ общества, это видно изъ того, что остатки ея сохранились до сихъ поръ во многихъ странахъ, а въ нѣкоторыхъ, какъ наприм. въ Швейцаріи, община успѣла даже усовершенствоваться до извѣстной степени. И что дала Европѣ эта цивилизація взамѣнъ той глубокой справедливости и экономическаго равенства, которое гарантировала сельская община каждому своему члену? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ служитъ хаотическое состояніе имущественныхъ и общественныхъ отношеній во всей Западной Европѣ.

---

*) Ясно, что этимъ сравненіемъ мы не хотимъ сказать, что община такъ же необходимо-преходящее явленіе, какъ и кочевой періодъ.

Въ Англіи вся территорія раздѣлена между 30.000 землевладѣльцами. Въ Шотландіи ⅓ всѣхъ земель принадлежитъ 26 лицамъ. Въ Ирландіи голодные и обиженные фермеры и земледѣльцы начали кровавую борьбу съ монопольными обладателями земель. Повсюду многочисленный рабочій пролетаріатъ, лишенный всякой собственности и обезпеченности, противопоставленъ кучкѣ сытыхъ и утопающихъ въ роскоши людей, овладѣвшихъ всѣмъ національнымъ достояніемъ и богатствами. Подобно рабовладѣльцамъ, послѣдніе держатъ массы населенія въ экономической зависимости, умственномъ невѣжествѣ и политическомъ рабствѣ. Что удивительнаго, если этотъ строй шатается въ своихъ основаніяхъ, что огонь сословной вражды и междоусобныхъ раздоровъ готовъ вспыхнуть революціоннымъ пламенемъ? Не удивительно, что наиболѣе глубокіе мыслители и лучшіе люди европейскаго общества даже изъ умѣреннаго лагеря живо сознаютъ настоятельную необходимость для націи—«повернуть назадъ съ того пути, по которому она шла подъ преобладающимъ вліяніемъ класса крупныхъ поземельныхъ собственниковъ», видятъ будущій прогрессъ въ воспроизведеніи въ новыхъ формахъ справедливаго строя древней общины. «Еслибы нація сочла нужнымъ,—говоритъ Миль,—придать обратное направленіе тому движенію, которымъ она въ теченіе стольких вѣковъ превращала коллективную собственность въ частную, и приступить къ передѣлкѣ частной собственности въ иную лучшую форму коллективной собственности, то это было бы со стороны націи лишь вполнѣ законнымъ примѣненіемъ ея несомнѣннаго нравственнаго права» (см. *Знаніе* 1871 г., кн. 7: «Сельская община въ Европѣ и въ Индіи», стр. 20). И это голосъ далеко не одинокій. Необходимость преобразовать ненормально сложившіяся имущественныя отношенія признается какъ людьми науки *), такъ и государственными дѣятелями, и притомъ часто именно въ духѣ общинныхъ порядковъ.

Тѣмъ болѣе этотъ поучительный примѣръ странъ, не съумѣвшихъ спасти отъ разложенія тѣ учрежденія, которыя обезпечивали каждому члену общества возможность просуществовать тру-

---

*) Мы въ скоромъ времени познакомимъ читателей съ идеями Генри Джорджа, экономическое ученіе котораго недавно появилось на англійскомъ языкѣ и въ нѣмецкомъ переводѣ подъ заглавіемъ: «Progress and Poverty». Авторъ приходитъ къ тому выводу, что единственное лѣкарство отъ возрастающаго развитія нищеты при усиленіи національнаго богатства—обращеніе всѣхъ земель для общаго пользованія.

домъ рукъ своихъ, долженъ послужить предостереженіемъ странамъ, въ которыхъ еще сохранилось общинное землевладѣніе, и заставить ихъ озаботиться спасеніемъ этой твердой и справедливой формы имущественныхъ отношеній. Къ числу этихъ странъ принадлежитъ и Россія. Большинство русскаго народа, несмотря на невзгоды судьбы, сохранило форму общиннаго владѣнія землей, дорожитъ ею и привязано къ ней силою традиціи и преданія, чувствами, вырабатывавшимися вѣками. Но въ то же время въ нашу жизнь врываются иныя стремленія и тенденціи, враждебныя общинному владѣнію землей и несогласимыя съ нимъ... Когда эти «новыя вѣянія» (увы, не все то прекрасно, что ново!) врываются и въ окна, и въ дверь,—вопросъ о томъ, какъ спасти общину отъ ихъ разрушительнаго, разъѣдающаго вліянія, какъ обезпечить ей прочное существованіе и возможность высшаго развитія и усовершенствованія, является вопросомъ первостепенной практической важности въ нашей жизни. Поэтому нашей литературѣ дѣлаетъ, конечно, честь та отзывчивость и чуткость къ запросамъ жизни, съ которою она посвящаетъ столь много вниманія вопросу о нашей общинѣ. Этотъ вопросъ, отъ удовлетворительнаго рѣшенія котораго зависитъ судьба многихъ милліоновъ людей, долженъ быть изученъ нами по возможности детально и всесторонне. Не менѣе важна для насъ исторія общины въ другихъ странахъ. Разъ историческій опытъ народовъ, потерявшихъ общину, заставляетъ насъ заняться укрѣпленіемъ этой формы владѣнія и устраненіемъ обстоятельствъ, угрожающихъ ея существованію,—намъ необходимо обстоятельно изучить тѣ вредныя вліянія и условія, которыя разрушили стародавній имущественный бытъ въ той или другой странѣ. Мы должны прибѣгнуть къ совѣту исторіи и въ немъ искать разумныхъ и мудрыхъ указаній.

Въ этомъ отношеніи обстоятельные труды Маурера окажутъ пониманію «алчущей и жаждущей правды» части нашего общества громадную услугу, и мы будемъ надѣяться, что переводчикъ не остановится въ своей полезной работѣ только на одномъ «Введеніи».

Маурѣръ — глубоко ученый историкъ — разсматриваетъ въ своихъ изслѣдованіямъ исторію учрежденій широко и во всѣхъ подробностяхъ, вдается во всѣ частности и приводитъ массу фактовъ, извлеченныхъ изъ источниковъ и матеріаловъ. Онъ разсматриваетъ предметъ по возможности объективно и во всемъ его

объемѣ, не задаваясь никакою предвзятою цѣлью, заранѣе опредѣленною, кромѣ полнаго, всесторонняго и безпристрастнаго изложенія предмета. Поэтому читатель можетъ найти у него множество фактовъ и правдивое изображеніе всего историческаго хода гражданской жизни Германіи; но та или другая сторона, тотъ или другой вопросъ, который его болѣе интересуетъ, не выступаетъ съ надлежащею рельефностью и ясностью. Мы воспользуемся въ виду этого выходомъ «Введенія въ исторію общиннаго, подворнаго, сельскаго и городскаго устройства и общественной власти» и, основываясь еще на нѣкоторыхъ другихъ источникахъ, сдѣлаемъ историческій очеркъ распаденія полевой и марковой общины въ Германіи и укажемъ тѣ наиболѣе крупные факторы, которые въ совокупности привели къ развитію имущественнаго неравенства и частной поземельной собственности въ этой странѣ.

II.

Община въ Германіи въ первыя времена заселенія страны и въ значительный періодъ ея дальнѣйшей исторіи составляла общее правило. Правда, формы и подробности этого вида землевладѣнія не всегда лены и не повсюду одинаковы, но слѣды и остатки минувшаго прошлаго, какъ живые свидѣтели, сохранились до нашихъ дней. «Исторія не передала намъ, — говоритъ Бюхеръ *),—въ полности развитія германскихъ аграрныхъ учрежденій съ древнихъ временъ до нашихъ дней, такъ чтобы мы могли точно прослѣдить отдѣльныя ступени развитія въ ихъ постоянномъ преобразованіи; однако эти ступени выступаютъ еще съ достаточною ясностью, подобно тому какъ возвышенные пункты вечерняго ландшафта остаются еще въ яркомъ освѣщеніи, тогда какъ равнины кругомъ ихъ лежатъ въ тѣни» («Ureig.», стр. 86). Во всемъ разнообразіи мѣстныхъ особенностей въ исторіи аграрнаго строя Германіи можно различить два основныхъ типа: сельской общины въ собственномъ смыслѣ этого слова и марковаго устройства, общераспространеннаго со временъ переселенія народовъ въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ. «Цезарь рисуетъ намъ

*) „Das Ureigenthum von Emile de Lavelehe. Autorisirte deutsche Ausgabe, herausgegeben und vervollständingt“, von Dr. *Karl Bücher*. Leipzig, 1879 г. Переводчикъ пополнилъ книгу, снабдилъ ее нѣсколькими новыми, весьма выдающимися, главами, касающимися германской марки и сохранившихся по настоящее время остатковъ древняго аграрнаго строя.

полукочевое земледѣліе съ ежегодною перемѣной обрабатываемой земли, съ общею собственностью и съ извѣстнаго рода общимъ хозяйствомъ всего племени, причемъ плоды почвы дѣлятся равномѣрно со всѣми *). У Тацита мы находимъ уже нѣсколько болѣе опредѣленныя отношенія: вся земля, кромѣ мѣстъ, отведенныхъ подъ жилища, составляетъ еще нераздѣльное общее имущество, но уже болѣе мелкихъ союзовъ, именно объединенныхъ по мѣсту родовыхъ общинъ. Скотоводство все еще играетъ первостепенную роль и лишь небольшая часть поля распредѣляется ежегодно между общинниками для отдѣльнаго пользованія и обработки» (ibidem, стр. 86).

Существенныя черты германской общины, какъ онѣ возстановлены историческими изслѣдованіями, вполнѣ аналогичны съ тѣмъ, что намъ извѣстно о русской общинѣ. Германскія племена заселяли страну цѣлыми родами, размѣщаясь, смотря по численности состава, въ одной или въ нѣсколькихъ деревняхъ. Надо замѣтить, что только въ новѣйшее время было вытѣснено господствовавшее раньше со времени Мезера и Киндлингера въ нѣмецкой исторической наукѣ нелѣпое мнѣніе, что обработка земель началась съ отдѣльныхъ дворовъ и что отдѣльныя, разбросанныя жилища лишь въ концѣ среднихъ вѣковъ были сдвинуты и составили въ интересахъ безопасности одно селеніе. Мауреръ допускаетъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ еще весьма рано существовали подворныя поселенія, т. е. отдѣльные дворы, окруженные своими участками пахатной земли, тогда какъ лѣса и луга находились въ общемъ владѣніи совокупности такихъ дво-

*) Ландау (въ своей «Die Territorien in Bezug auf ihre Bildung und ihre Entwicklung». Hamburg und Gotha 1854 г.) оспариваетъ существованіе въ Германіи такихъ коллективныхъ формъ собственности. Онъ оспариваетъ достовѣрность сообщеній Цезаря. Человѣкъ воспитанный въ римскихъ понятіяхъ о государствѣ, правѣ и гражданскихъ учрежденіяхъ, какъ завоеватель страны, изучавшій ее при исключительныхъ военныхъ условіяхъ, Цезарь, по его мнѣнію, легко впалъ въ ошибку и описалъ бытъ германскихъ племенъ чисто-коммунистическимъ. „Памятники,—говоритъ онъ (стр. 66),—свидѣтельствуютъ скорѣе въ пользу твердаго порядка владѣнія, и особенно говоритъ за это учрежденіе гуфъ, именно опредѣленное и неизмѣнное число гуфъ". Доводы, которые приводитъ Ландау противъ свидѣтельства Цезаря, мало убѣдительны и доказываютъ только, что авторъ настолько проникся современными германско-римскими понятіями о „государствѣ, правѣ и гражданскихъ учрежденіяхъ", что не можетъ даже допустить вѣроятности такого порядка вещей, когда передѣлялись не только поля, но и усадебныя мѣста. Однако такіе порядки еще до сихъ поръ сохранились и у насъ въ Россіи (см. Орлова „Сборн. стат. свѣд. по Моск. губ.", вып. I).

ровъ. Такого рода разселенія можетъ-быть вызывались различіемъ національностей, но скорѣе вытекали изъ самаго характера мѣстности. Тамъ, гдѣ земля на обширномъ разстояніи была удобна для обработки, водворялись деревни; напротивъ, въ болотистыхъ, гористыхъ и лѣсистыхъ пространствахъ, гдѣ удобныя земли встрѣчались только клочками, преобладающій характеръ разселенія былъ подворный. Но вообще «селенія съ общими полями были самыми распространенными и самыми важными для развитія общиннаго порядка». Лавелэ говоритъ, что отдѣльные дворы встрѣчались почти только въ сѣверо-восточной Германіи и Баваріи и что и здѣсь они новѣйшаго происхожденія.

При заложеніи поселенія каждый членъ общины получалъ прилегавшій къ дорогѣ участокъ земли равной величины и качества для постройки дома и двора съ другими необходимыми хозяйственными постройками и огородами. Этотъ участокъ, носившій на сѣверѣ названіе Toft, а въ Германіи Hof, curtis, mansus, весьма рано перешелъ прямо въ наслѣдственную собственность и хозяинъ обязанъ былъ обнести его заборомъ. Это жилище общинника считалось главною первостепенною частью всей совокупности другихъ правъ въ общинѣ; оно было *головою* или *матерью* цѣлаго, или fundus dignior, благодаря чему со-временемъ личное право перешло въ вещное, право участія въ общей маркѣ перешло отъ лица общинника къ его двору и земельному участку. Только тотъ, кто владѣлъ этимъ участкомъ земли, считался полноправнымъ членомъ общины. Пахатное поле распредѣлялось между всѣми членами общины съ соблюденіемъ полнѣйшаго равенства. Каждый общинникъ при періодическомъ раздѣлѣ земли получалъ равную долю и притомъ столько, сколько было первоначально необходимо для потребностей семьи. Измѣреніе участковъ производилось при помощи веревки (per funiculum, Reeb или Ruptman—*вервь*). Если со-временемъ участки, находившіеся въ пользованіи отдѣльныхъ общинниковъ, становились неравными,—каждый, считавшій себя обиженнымъ, былъ вправѣ требовать новаго измѣренія полей для возстановленія первоначальнаго равенства, и ему нельзя было отказать въ этомъ требованіи *). Озабоченные стремленіемъ достигнуть полнаго равенства надѣловъ, общинники не могли выдѣлить каждому отдѣльный, округленный участокъ для пользованія. Приходилось всѣ пахатныя земли распредѣлять на

*) Agri communis,—гласилъ бургундскій законъ,—nullis terminis limitati inter consortes nullo tempore denegandam („Ureig.“, прим. на стр. 75).

поля или *коны* по одинаковому качеству и положенію (т. е. одинаковой плодородности и отдаленности отъ деревни) и затѣмъ въ каждомъ полѣ нарѣзать столько полосъ, сколько имѣлось участниковъ въ дѣлежѣ. Эти полосы періодически распредѣлялись или поочередно, по порядку расположенія домовъ въ деревнѣ, пó-солонь, или (какъ въ большинствѣ случаевъ) по жребію. Очевидно, что это дѣленіе на коны (Gewanne), которыхъ могло быть очень много, имѣло мѣсто лишь въ интересахъ полнаго уравненія, поэтому ихъ не слѣдуетъ смѣшивать съ дѣленіемъ на собственно поля (Felde, Gelge, Schläge), имѣющимъ чисто-хозяйственное значеніе. Благодаря такому смѣшенію, Мауреръ совершенно ошибочно предполагаетъ, что у древнихъ германцевъ очень рано существовала развитая сельская культура, что германцы давно практиковали многопольную систему хозяйства, причемъ наиболѣе распространенными были четырехъ и трехпольная системы. На эту ошибку указываетъ автору переводчикъ (прим. къ стр. 10 и 77), ссылаясь на нѣмецкихъ ученыхъ— Тудихума и Ганссена и на мнѣніе профессора Посникова («Общ. землевладѣніе», вып. 2, стр. 3, прим. 2). Лавелэ считаетъ рѣшительно ошибочнымъ мнѣніе, что въ Германіи даже еще во времена Тацита существовала трехпольная система хозяйства. Онъ думаетъ, наоборотъ, что въ то время земледѣліе было въ высшей степени экстенсивнымъ, какъ это прямо выражаетъ описаніе Тацита *). Сохранившійся и по настоящее время способъ вегетивнаго, огневаго, хозяйства въ Арденнахъ въ Бельгіи составлялъ, по его мнѣнію, общее правило встарину. Эта переложная система хозяйства состояла въ слѣдующемъ. Часть полей раздѣлялась между общинниками, природная растительность, покрывавшая ее, сожигалась и на этомъ пространствѣ сѣялась рожь. На слѣдующій годъ такимъ же порядкомъ воздѣлывалась другая часть полей, а первая оставлялась въ залежи, предоставленная опять естественной растительности. Этого взгляда на древнегерманское хозяйство придерживается и Рошеръ («Ureig.», стр. 65). Съ экономической точки зрѣнія такое хозяйство было самымъ выгоднымъ, пока существовало достаточно свободнаго

---

*) Arva per annos mutant et superest ager; nec enim cum ubertate et amplitudine soli labore contendunt (Они ежегодно мѣняютъ поля, и земли остается еще въ изобиліи, ибо они не соперничаютъ своимъ трудомъ съ плодородіемъ и изобиліемъ земли).

пространства, не было надобности прилагать много труда и капитала къ одному и тому же клочку земли. Извѣстно, что удвоенный капиталъ, приложенный къ той же почвѣ, не приноситъ пропорціонально столько прибыли, сколько первый (ibid., стр. 66).

Такимъ образомъ, намъ кажется, слѣдуетъ считать доказаннымъ, что дѣленіе на коны имѣло мѣсто дѣйствительно только для достиженія полнаго равенства. Однако надо оговориться, что, уже по сообщенію Цезаря, вожди получали болѣе крупные участки. Тацитъ заявляетъ, что при распредѣленіи земель обращалось вниманіе на число работниковъ (pro numero cultorum) и на достоинство участниковъ раздѣла (secundum dignationem partiuntur). Мауреръ, не оспоривая достовѣрности этого сообщенія и правильности его толкованія *), утверждаетъ однако, что раздѣлъ поровну былъ первоначально общимъ правиломъ, удержавшимся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже до позднѣйшаго времени, какъ, напримѣръ, въ Оденвальдѣ. Но если принять во вниманіе, что дѣленіе населенія на благородныхъ, просто свободныхъ и зависимыхъ людей, включая въ этотъ разрядъ и рабовъ, встрѣчается уже весьма рано, то ясно, что это различіе, соединенное съ нѣкоторымъ неравенствомъ въ землевладѣніи, открывало путь все большему нераравенству...

Кромѣ этого реальнаго пользованія своимъ надѣломъ, каждый общинникъ имѣлъ еще право «идеальнаго» участія во всѣхъ общихъ земляхъ: въ общинныхъ лугахъ, пастбищахъ, лѣсахъ и болотахъ. Его право выгона распространялось даже на поля и виноградники по сборѣ хлѣбной и виноградной жатвы, когда частныя владѣнія, какъ объясняетъ обычное право, были свободны отъ плодовъ и всѣмъ доступны (campi aperti et vacantes). Точно также каждый общинникъ могъ совершенно свободно охотиться въ общихъ лѣсахъ и по всей полевой маркѣ въ открытую пору; freie Pürsche (вольная охота) была общимъ правиломъ.

Изъ общинной связи вытекали права и обязанности, свидѣтельствующія о внутренней солидарности, лежавшей въ основѣ взаимныхъ отношеній членовъ союза. Такъ, взаимная поддержка и помощь въ нуждѣ, круговая отвѣтственность за причиненный въ предѣлахъ общины вредъ или преступленіе, если виновный не могъ быть представленъ въ судъ; предписанная подъ страхомъ

*) Нѣкоторые ученые, какъ, напримѣръ, Тудихумъ и Гирке, толкуютъ это мѣсто такъ, что земля дѣлилась по достоинству, т.-е. по своему качеству.

трогаго наказанія обязанность гостепріимства, т.-е. обязанность казывать помощь странствующимъ, давать имъ пріютъ и соержаніе.

Община являлась не только экономическимъ союзомъ, но сосреоточивала въ себѣ и разныя функціи власти и управленія и лужила разнымъ общественнымъ цѣлямъ. «Община во всемъ воемъ составѣ,—говоритъ Мауреръ,—завѣдывала не только непоѣленною частью полевой и лѣсной марки, въ особенности упоребленіемъ и раздѣломъ альмендъ, опредѣленіемъ числа и виовъ выгоняемаго скота, способами и размѣрами пользованія въ ѣсныхъ угодьяхъ, общественными дорогами и площадями и т. д., о и опредѣляла въ подѣленной части марки, вмѣстѣ со спосоомъ пользованія ею, и самое хозяйство въ ней». Ей же приадлежалъ «надзоръ за всею маркой, за дорогами и тропинками, а площадями и т. д., установленіе мѣръ и вѣса и наблюденіе а ними и т. п.,—словомъ, все то, что впослѣдствіи называлось быкновенно *земской и сельской полиціей*» (Маур., стр. 154). ъ то же самое время марка являлась и религіозной общиной, она же несла и обязанность охраненія общаго мира и порядка. изъ этой обязанности вытекало ея древнее право суда во всѣхъ бщинныхъ дѣлахъ, именно разбирательство споровъ и обидъ по ѣламъ марки, по нарушенію границъ и марковаго мира.

Мы должны остановиться нѣсколько на понятіи марки, котоую мы употребляли уже много разъ и которая у насъ опредѣяется различно. Такъ, князь Васильчиковъ утверждаетъ, что «нѣецкая Mark заключала въ себѣ земли двухъ родовъ: однѣ были бщинныя, другія—частныя, и только та часть угодій, которая е была подѣлена между хозяевами, составляла общее владѣніе называлась Gemeine Mark или Almende» («Землевл. и землед.», . I, стр. 243). Но Мауреръ положительно утверждаетъ, что къ аркѣ принадлежали не только луга и лѣса, но, «по крайней мѣрѣ ервоначально, еще и поля, а также вся остальная земля, вховившая въ составъ отграниченной округи» (стр. 43). Слово *маркъ* начитъ прежде всего знакъ, пограничный знакъ, а потому и граица, и всякая мѣстность, замкнутая въ опредѣленныя границы. ерманскія племена разселялись по странѣ большими родами, осѣая каждый въ извѣстной мѣстности, ограниченной естествеными предѣлами; эта мѣстность и составляла общую марку всего ода. Марки занимали иногда громадныя пространства, на котоыхъ впослѣдствіи образовались цѣлыя герцогства и государства,

какъ Баварія, Тюрингенъ, Каринтія, Крайна, Австрія и друг. Марки иногда въ другихъ мѣстахъ носили иныя названія: такъ, въ Швейцаріи ихъ звали долинами, въ Эльзасѣ—герайдами, въ другихъ мѣстахъ—*крестьянскими обществами*, округами, сотнями (huntari), провинціями и т. д. Вся земля, входившая въ марку, составляла общую собственность всей общины или группы общинъ въ совокупности. Лишь впослѣдствіи, когда жеребьевые участки перешли въ частную собственность и стали наслѣдственными, марка простиралась только на общинные лѣса и луга, и только по отношенію къ этому позднѣйшему порядку вещей примѣнимы слова кн. Васильчикова. Но тѣмъ не менѣе даже при этомъ не чисто-общинномъ, а «собственно *марковомъ* устройствѣ частная собственность устанавливается только для незначительной части земель, именно она распространяется лишь на подворье и подѣленное по дворамъ пахатное поле, да и то она стѣснена обязательнымъ сѣвооборотомъ и другими ограниченіями и сервитутами, вытекающими изъ стараго порядка вещей. Большая часть пространства марки (луга и лѣса) остается общею собственностью и находится въ общемъ пользованіи. На мѣсто родоваго союза вступила община односельчанъ, представляющая изъ себя не только хозяйственную ассоціацію, но и общественный союзъ для соблюденія мира и права и для взаимной защиты». И въ такомъ положеніи вещей еще въ значительной степени сохранилось первобытное равенство, только «различіе въ потребностяхъ влекло къ фактическому неравенству въ пользованіи» («Ureig.», стр. 86 и 87). Однако этотъ порядокъ вещей открываетъ уже широкій доступъ проникновенію неравенства и развитію враждебнаго общинѣ принципа накопленія частной поземельной собственности. И дѣйствительно, разлагающее вліяніе этого накопленія, усиленіе и обогащеніе отдѣльныхъ личностей и группированіе ихъ въ привилегированное, высшее сословіе—сказывается все больше и больше въ приниженіи и экспропріаціи массы.

III.

Итакъ, древніе общинные порядки поддерживали экономическое равенство всѣхъ членовъ первобытнаго общества, которое сопровождалось, какъ и слѣдовало ожидать, ихъ полною политическою свободой и независимостью. Но уже съ незапамятныхъ временъ мы видимъ сперва медленное, незамѣтное, потомъ быст

ю развивающееся разрушеніе стараго равенства, возвышеніе сперва ольшаго или меньшаго значительнаго числа отдѣльныхъ лицъ, а потомъ классовъ и сословій. Старая солидарность членовъ общества, свобода и равенство исчезаютъ, сословная рознь разъѣдаетъ самое сердце общества и политическій гнетъ доходитъ о безобразнѣйшихъ формъ деспотизма. Какимъ образомъ совершилась эта удивительная метаморфоза, гдѣ источники, факторы условія, которыми она вызывалась? «Какимъ образомъ,—спрашиваетъ Лавелэ,—проникли аристократія и деспотизмъ въ такія бщества, гдѣ сохраненіе равенства поддерживалось такимъ радикальнымъ средствомъ, какъ періодическій передѣлъ земель» «Ureig.», стр. 422)? Каждое явленіе общественной жизни является лодомъ совокупнаго дѣйствія множества причинъ, подчасъ совершенно скрытыхъ, самымъ удивительнымъ образомъ между собою связанныхъ и скомбинированныхъ. Расчленить эти причины, золировать одну отъ другихъ и выяснить дѣйствіе и результаты каждой изъ нихъ въ отдѣльности—задача, представляющая пока непреодолимыя трудности. Само собою разумѣется, что историкамъ не удалось до сихъ поръ вполнѣ разъяснить и ясно, вполнѣ достовѣрно изложить характеръ и сущность всѣхъ предшествующихъ того явленія, ростъ котораго наполняетъ все содержаніе исторіи и обусловливаетъ, можно сказать, всѣ другія сторическія явленія—развитіе сословій и экономическаго неравенства. Все, что удалось до сихъ поръ сдѣлать — это указать нѣкоторые крупные факторы, имѣвшіе значительную долю участія въ общемъ ходѣ дѣлъ. Поэтому и въ вопросѣ о распаденіи германской общины намъ приходится ограничиться перечисленіемъ немногихъ, наиболѣе изслѣдованныхъ и крупныхъ, факторовъ, причемъ, конечно, нѣтъ возможности группировать ихъ ни по хронологическому порядку ихъ проявленія, ни по степени вліятельности, и мы въ этомъ отношеніи будемъ руководствоваться преимущественно только удобствами изложенія.

Съ самаго начала приходится остановиться на слѣдующемъ вопросѣ. Мауреръ, Лавелэ и нѣкоторые другіе изслѣдователи указываютъ на то обстоятельство, что Германія никогда не видала завоевателей, которые создали бы привилегированную касту надъ головами порабощенныхъ туземцевъ, подобно тому, какъ въ другихъ странахъ, во Франціи, въ Англіи, въ Италіи, Индіи и др. Такимъ фактомъ сразу нанесенъ былъ чувствительный ударъ первоначальному общинному равенству. Такъ, вторженіе въ стра-

ну кельтовъ и бриттовъ—англосаксовъ, потомъ норманновъ были сопровождены насильственнымъ переворотомъ въ распредѣленіи земель. Точно также вторженіе франковъ въ римскую Галлію, нашествіе германскихъ варваровъ на густо населенную уже въ то время и въ извѣстномъ смыслѣ культурную Италію, вторженіе монголовъ, турокъ и англичанъ въ Индію—влекло за собой разрушеніе установившихся аграрныхъ отношеній въ этихъ странахъ и создавало новую иноплеменную поземельную аристократію. Не трудно сказать, что въ Германіи вовсе не имѣло мѣста завоеваніе, что гордіевъ узелъ имущественныхъ и общественныхъ отношеній не разрѣшался и здѣсь могучими ударами меча. Германская страна не была завоевана сразу и навсегда чуждымъ и иноязычнымъ завоевателемъ. Но, во-первыхъ, съ самаго начала, при первомъ водвореніи въ странѣ, германскимъ племенамъ пришлось въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ бороться съ осѣвшимъ раньше населеніемъ, и здѣсь они сами сыграли роль чужеземцевъ-завоевателей, какъ, напр., въ провинціяхъ славянскихъ, вендскихъ и римскихъ. Во-вторыхъ, нѣкоторыя племена съ не меньшимъ успѣхомъ сыграли роль иноплеменныхъ завоевателей по отношенію къ другимъ отраслямъ той же тевтонской національности, своимъ братьямъ по происхожденію, сосѣдямъ и соплеменникамъ. Послушаемъ, что говоритъ, наприм., Мауреръ: «Одолѣвъ общаго врага и подѣливъ между собою завоеванную имперію, германскіе народы обратили свое оружіе противъ самихъ себя. Результатомъ продолжительной, истинно-варварской борьбы были побѣды франковъ и покореніе Германіи. Но способъ, какимъ велась борьба и набирались рати, привелъ къ притѣсненіямъ и вымогательствамъ, которыя, судя по всѣмъ описаніямъ, были ужасны и почти нестерпимы» (стр. 220). Конечно, побѣжденному нѣмцу крестьянину крѣпостному, не легче было отъ того, что его господа и побѣдители говорили съ нимъ на одномъ языкѣ и являлись представителями общей съ нимъ культуры. Только излишнимъ пристрастіемъ къ своему отечеству объясняется мнѣніе Маурера, что по сравненію съ Франціей «счастливѣе сложилась судьба Германіи», потому что «въ послѣдней старая свободная общественность и старая свобода не исчезали такъ, какъ у подвижныхъ ея сосѣдей» (стр. 224). Въ Германіи, занимающей среднюю часть Европы, испоконъ вѣковъ встрѣчались и скрещивали свои мечи народности, которыя изъ степей Азіи стремились одна за другой на Западъ. Удивительно ли, что уже въ очень ранн

времена, еще при Тацитѣ, въ Германіи встрѣчались крупные землевладѣльцы, господа, которымъ обработываютъ земли толпы рабовъ и холоповъ—крѣпостныхъ, если почти въ продолженіе трехъ столѣтій страна представляла арену кровавыхъ столкновеній между толпами варваровъ, находившихся въ постоянной борьбѣ и вытѣснявшихъ одна другую изъ мѣстъ едва только занятыхъ. Бродя по всей средней Европѣ и высылая отдѣльныя части и дальше на окраины, разбросавшись на громадномъ пространствѣ и тѣмъ не менѣе постоянно тѣсня другъ друга, эти племена постоянно перетасовывали вооруженною рукой судьбу страны и населенія. Люди, которые съ оружіемъ въ рукахъ рыскали на чужбинѣ, искали не труда, а господства, говоритъ Ландау *). Смотря по тому, насколько полна была побѣда одного племени надъ другимъ, настолько и тяжелы были условія, предписанныя побѣжденнымъ. Иногда зависимость выражалась въ платежѣ дани, а внутреннія отношенія оставались совершенно нетронутыми; иногда еще, кромѣ дани, побѣжденные были стѣснены въ выборѣ главы племени,—этотъ послѣдній нуждался въ утвержденіи королемъ завоевателей. Но чаще всего побѣдители не ограничивались этимъ и овладѣвали болѣе или менѣе значительною частью земель. Такъ Аріовистъ засталъ, какъ сообщаетъ тотъ же авторъ, ссылаясь на Цезаря, треть земель у секвановъ; но впослѣдствіи, когда къ нему присоединились еще геруды, онъ потребовалъ и для нихъ треть земель. Когда саксы, слѣдовавшіе за Альбоиномъ, вернулись снова на свою прежнюю родину, они застали тамъ водворившихся уже въ странѣ швабовъ. Послѣдніе предложили саксамъ сообща владѣть страной, уступая сперва треть, потомъ половину своихъ земель; но саксы согласились на сдѣлку лишь тогда, когда получили отъ швабовъ цѣлыхъ двѣ трети земель и весь ихъ скотъ въ придачу. Ландау приводитъ далѣе весьма любопытную цитату изъ саксонскаго зерцала (Sachsenspiegel): наши предки (саксы), сказано тамъ, которые пришли въ эту страну и изгнали тюрингеновъ (die Thüringer), не были такъ многочисленны, чтобы сами могли воздѣлывать земли; поэтому они истребили или изгнали тюрингенскихъ господъ, а крестьянъ пощадили и предоставили имъ обработку земли на правахъ крѣпостныхъ—колоновъ (als ihn nach die Lassen haben) (стр. 243).

---

*) „Die Territorien in Bezug auf ihre Bildung und ihre Entwicklung“, von D-r G. Landau. Hamburg und Gotha. 1854.

Точно также и Мауреръ утверждаетъ, что «побѣжденные народы, смотря по степени оказаннаго ими сопротивленія, должны были или отдать побѣдителямъ всю землю и стать ихъ крѣпостными, или по крайней мѣрѣ подѣлить съ ними землю. Это привело еще до завоеванія римскихъ провинцій къ неравенству въ землевладѣніи, а со времени великаго переселенія народовъ—къ полнѣйшему неравенству» (Введен., стр. 920). У Лавелэ мы тоже находимъ указаніе, что «въ завоеванныхъ римскихъ провинціяхъ германцы забирали себѣ треть или половину всѣхъ земель, и такъ какъ они были немногочисленны, то надѣлъ каждаго былъ весьма значителенъ и состоялъ изъ участковъ, расположенныхъ въ разныхъ мѣстахъ» («Ureig.», 425). Итакъ, въ основу аграрныхъ отношеній Германіи легъ фактъ завоеванія, краеугольный камень неравенства, давшій и въ этой странѣ, какъ и въ другихъ краяхъ, впервые въ мирныя внутреннія отношенія общины доступъ вооруженному насилію, захвату и подчиненію.

Войнѣ, военнымъ предпріятіямъ и военнымъ столкновеніямъ обязаны своимъ возникновеніемъ многіе институты, стоящіе въ самой тѣсной и непосредственной связи съ гибелью старыхъ справедливыхъ аграрныхъ порядковъ. Свободные, равноправные и во всемъ равные члены старой общины, подчиняя себѣ другихъ, измѣняютъ совершенно свой внутренній общественный строй. Возвышается власть начальника племени: изъ выборнаго оно становится наслѣдственнымъ, его временныя полномочія на случай войны переходятъ въ постоянную власть, дѣйствующую одинаково въ мирную и въ военную пору; онъ получаетъ, въ качествѣ предполагаемаго виновника побѣды, за искусное и храброе предводительство, львиную долю добычи и скопляетъ такимъ образомъ большія богатства. Возвышается сословіе «благородныхъ» и привилегированныхъ лицъ, точно также обязанныхъ своимъ богатствомъ и значеніемъ войнѣ. Простыя свободныя лица или успѣваютъ выбраться и подняться до положенія привилегированныхъ, или приходятъ въ большую или меньшую зависимость отъ нихъ; въ рѣдкихъ случаяхъ имъ удается сохранить свое среднее положеніе. Возрастаетъ число рабовъ, распоряженіе которыми даетъ новый источникъ силы и могущества знати и главарямъ. Институтъ рабства главнымъ образомъ обязанъ своимъ возникновеніемъ войнѣ: великодушіе побѣдителей спасаетъ военно-плѣнныхъ отъ смерти и разсчетъ обращаетъ ихъ въ даровую и безпрекословно-послушную рабочую силу; поэтому этотъ институтъ

столь же всеобщій и столь же древній, какъ и самыя военныя столкновенія. Уже во времена Цезаря и Тацита у германскихъ племенъ имѣлись рабы. Покоренное племя отчасти истреблялось, отчасти обращалось въ рабство. Другой источникъ рабства—обращеніе помилованныхъ преступниковъ на тяжкія работы, безъ сомнѣнія, долженъ былъ представлять несравненно болѣе скудное число такихъ лицъ. Конечно, отъ достоинства и вліянія лица въ племени зависѣла и численность его рабовъ, полученныхъ при общей разверсткѣ военноплѣнныхъ,—богатая знать, старшины и главари располагали цѣлыми толпами ихъ.

Другой разрядъ низшихъ лицъ, обязанный своимъ возникновеніемъ войнѣ, это—*крѣпостные*, *колоны* (coloni, rustici). Колоны встрѣчаются раньше всего въ римскихъ провинціяхъ и въ нѣкоторыхъ духовныхъ имѣніяхъ. Очевидно, развитіе этого института крѣпостничества ведетъ свое начало съ завоеванія германцами римскихъ провинцій. Источники, по словамъ Маурера, прямо удостовѣряютъ, что въ числѣ колоновъ было много римлянъ. Послѣ завоеванія, какъ земля, такъ и сидѣвшіе на ней колоны перемѣнили римскаго помѣщика на германскаго. Но и въ остальной Германіи колонатъ и крѣпостничество были, какъ и рабство, прямымъ послѣдствіемъ военныхъ дѣйствій и побѣдъ германскихъ племенъ. Еще Тацитъ (Germ., гл. 25) упоминаетъ о *вольныхъ поселенцахъ*, обработывающихъ землю своихъ господъ. По общему правилу, установившемуся со времени великаго переселенія народовъ, побѣжденные должны были подѣлить съ побѣдителями завоеванную землю и, сверхъ того, обработывать ее. «Это относится столько же къ оставшимся на землѣ римлянамъ, сколько къ вендамъ, славянамъ и другимъ покореннымъ племенамъ» (Мауреръ, Введен., стр. 260).

Такимъ образомъ способы обработки земли господской были весьма различны. Часть обработывалась господскимъ дворомъ на собственный счетъ при помощи рабовъ и слугъ; другая, гораздо болѣе значительная, часть сдавалась прямо въ арендное или оброчное владѣніе крѣпостнымъ, обязаннымъ людямъ и свободнымъ поселенцамъ. Среди этихъ разрядовъ можно ясно различать два подраздѣленія: земельные участки, которые обработывались крѣпостными, зависимыми людьми—mansi serviles, и земли, предоставленныя людямъ лично свободнымъ и потому обязаннымъ нести военную службу—mansi ingenuiles. Но какъ тѣ, такъ и другіе находились въ зависимости отъ барскаго двора, были людьми

подвластными, такъ какъ обязаны были ему оброками и рабочею повинностью (Мауреръ, Введен., стр. 263).

Такимъ образомъ начальникъ племени и вся остальная привилегированная знать возвысились благодаря удачнымъ войнамъ, пріобрѣли громадное значеніе и могущество и располагали громаднымъ количествомъ лицъ, находившихся на различной степени зависимости отъ нихъ. Они располагали громаднымъ числомъ рабочихъ рукъ, вполнѣ послушныхъ и трудящихся для обогащенія и возвышенія своихъ господъ. Очевидно, что этимъ условіемъ не соотвѣтствовалъ древній общинный строй, гдѣ каждый полноправный членъ получалъ равный участокъ земли для обработки,—участокъ, достаточный по величинѣ для обработки однимъ плугомъ и разсчитанный на потребности одной семьи,—что эти условія предполагали уже значительное скопленіе земель въ частныхъ рукахъ. Въ слѣдующей главѣ мы перейдемъ къ способамъ, какими общинныя земли переходили въ руки возвысившихся землевладѣльцевъ; здѣсь же необходимо было указать на ту связь, которая существовала между захватомъ земель и возможностью располагать зависимыми рабочими руками въ большемъ числѣ. Захватъ земель только и получалъ интересъ въ глазахъ аристократіи, благодаря тому, что она имѣла возможность увеличивать свои доходы и богатства трудомъ рабовъ, колоновъ и крѣпостныхъ, обязанныхъ крестьянъ. Съ другой стороны, вся эта масса зависимыхъ и обязанныхъ лицъ была бы страшной обузой для владѣльца, которую невозможно было бы ни содержать, ни удержать въ повиновеніи, еслибы возрастающая узурпація земель не давала почвы для приложенія ихъ безплатной рабочей силы.

IV.

Переходя къ вопросу о распаденіи полевой марки и поглощеніи общинныхъ земель частными помѣстьями, мы должны обратиться по возможности къ самымъ раннимъ временамъ германской народной исторіи. На извѣстной стадіи развитія общины (слово развитіе не слѣдуетъ смѣшивать непремѣнно съ улучшеніемъ), въ ея внутреннія отношенія мало-по-малу въ томъ или другомъ видѣ начинаетъ прокрадываться неравенство. Такъ, въ германской общинѣ, гдѣ, по словамъ Маурера, раздѣлъ поровну былъ первоначально, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и въ позднѣйшее время, общимъ правиломъ, мы встрѣчаемъ также, говоритъ этотъ

изслѣдователь, и притомъ въ очень раннюю пору, слѣды отвода большихъ участковъ, вѣроятно, главарямъ (principes), князьямъ племенъ и вождямъ отдѣльныхъ ордъ (reges)» (Введ., стр. 86). Цезарь, описавъ общинный строй свевовъ, гдѣ въ его время еще существовали не только коллективныя формы владѣнія, но и общая обработка земель и дѣлежъ готовыхъ продуктовъ, сообщаетъ, вѣроятно, о другомъ племени, что земельный раздѣлъ «производятъ вожди такъ, какъ сами считаютъ за лучшее» («Ureig.», стр. 72). Полтораста лѣтъ позже, по описанію Тацита, при раздѣлѣ «принимается въ соображеніе число работниковъ (pro numero cultorum) и достоинство участниковъ раздѣла (secundum dignationem partiuntur). Изъ этихъ двухъ условій,—говоритъ Лавелэ,—одно встрѣчается въ Россіи, гдѣ производятъ раздѣлъ по тягламъ, т.-е. по рабочимъ единицамъ, по взрослымъ работникамъ; другое—на Явѣ, гдѣ начальникъ «десса» (села), «лёрахъ», старшины и другія общинныя должностныя лица получаютъ долю земли, соразмѣрную своему званію» (ibid.). Позднѣе неравномѣрное распредѣленіе земель отступило еще дальше отъ стариннаго равенства. «Однако въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ,—говоритъ Лавелэ (Ureig.», 74, пр. 1), или въ позднѣйшее время вообще земельный раздѣлъ, кажется, зависѣлъ отъ жилища въ деревнѣ». Жилье, или вѣрнѣе мѣсто, на которомъ оно стояло (Hofstadt, Toftland), называлось, какъ мы говорили, *головою* или *матерью* всего участка, и оно именно принималось въ соображеніе при раздѣлѣ сообразно съ развившимся началомъ вещнаго права. «По Toftland,—говоритъ Маурeръ,—опредѣлялись въ Даніи участки въ поляхъ и лугахъ, въ Швеціи сообразно съ Toftland дѣлились участки въ поляхъ, а по нимъ и луговые участки, по луговымъ участкамъ—лѣсные, по лѣснымъ—тростниковые, а по тростниковымъ—рыболовство». Относительно Германіи мы не встрѣчаемъ прямыхъ указаній такого рода,—замѣчаетъ авторъ,—но тамъ, «вѣроятно, дѣйствовали такія же правила, какъ на сѣверѣ» (Введ., стр. 142 и 143).

Такимъ образомъ при самомъ распредѣленіи общинныхъ земель мы замѣчаемъ разрядъ лицъ, пользовавшихся преимуществами и получавшихъ болѣе крупные участки. Но насильственное вторженіе завоевателей и ихъ водвореніе среди раньше осѣвшаго земледѣльческаго населенія сразу подвигало значительно впередъ развитіе неравенства въ землевладѣніи. Побѣдители отбирали часть земель въ свою пользу. При этомъ «туземцамъ приходилось дѣлить между собою только меньшую, обыкновенно третью, часть

земли, а уступленную ими большую часть дѣлили между собою менѣе многочисленные германцы», и слѣд. «землевладѣніе должно было сосредоточиться въ рукахъ немногихъ» (Введеніе, стр. 86). Получивъ опредѣленную часть земель, обыкновенно отъ одной до двухъ третей, побѣжденные и побѣдители селились вмѣстѣ, такъ какъ раздѣлъ производился не отводомъ крупныхъ частей территоріи въ одномъ мѣстѣ, а именно такимъ образомъ, что каждый дворъ и земельный участокъ дѣлились на двѣ или на три части, распредѣлявшіяся между пришельцами и туземцами. Понятно, при этомъ побѣдители сохраняли фактическую возможность и дальше притѣснять покоренное населеніе. Нерѣдко ихъ скромность не удовлетворялась первоначально полученною долей и они продолжали дальше свои захваты. Такъ, наприм., англосаксы мало-по-малу отняли всѣ земли у бриттовъ и образовали изъ нихъ громаднѣйшія по пространству «пустоши лордовъ» (the waste of the Lords). Ломбарды не ограничились тѣмъ, что истребили римскихъ помѣщиковъ,—они забрали постепенно земли у низшихъ классовъ населенія и составили себѣ обширнѣйшія помѣстья (latifundia). Впрочемъ Мауреръ говоритъ, что, по обычаю предковъ, «бургунды, остъ-и вестъ-готы, лонгобарды и, по новѣйшимъ изслѣдованіямъ, франки подѣлили завоеванную землю съ туземцами». Побѣдители и побѣжденные «стали общинниками въ отношеніи другъ къ другу, consortes или hospites одного и того же селенія (villa) со всѣми обязанностями, лежавшими на членахъ сельской общины или марки. Эти общинныя отношенія мало-по-малу привели къ полному сліянію различныхъ народовъ». Но какъ именно совершался раздѣлъ въ общинѣ, составленной изъ такихъ разноплеменныхъ элементовъ, объ этомъ нѣтъ нигдѣ положительныхъ указаній.

Ясно, что въ воззрѣніяхъ народа на собственность долженъ былъ совершиться крупный переворотъ къ тому времени, когда земли стали скопляться въ частнымъ рукахъ. Въ Германіи, какъ и у другихъ народовъ на зарѣ ихъ исторіи, до знакомства съ римскими воззрѣніями и порядками не существовало и самаго понятія о частной собственности. Въ древне-германскомъ правѣ не существовало названія для обозначенія собственности *). Слово eigen вовсе не выражало понятія, содержащагося въ словѣ eigen-

*) Гриммъ говоритъ, что онъ не нашелъ въ древне-германскомъ языкѣ слова, которое выражало бы представленіе о частной собственности («Ureig.», стр. 69).

thum (частная собственность). Оно просто обозначало все принадлежавшее лицу настолько, что оно могло свободно и самостоятельно распоряжаться имъ. Въ этомъ смыслѣ говорятъ: моя собственная жизнь (mein eigenes Leben), мои собственныя дѣти (meine eigenen Kinder). Впослѣдствіи слово eigen стало примѣняться и по отношенію къ землѣ и выражало то, что составляло allod, или дворянское имѣніе.

Въ такомъ имѣніи полноправному владѣльцу принадлежало полное господство и власть дѣлать все, что онъ пожелаетъ, и потому слово Herrschaft, dominium, господская власть, было первоначальнымъ названіемъ вполнѣ свободнаго землевладѣнія. Слово allod (отъ all—все и od—благо, имущество) возникло прежде всего у саксовъ, но уже послѣ столкновенія съ римлянами. Самое слово собина, собственность (Sondergeit, Sondereigen) показываетъ, что оно произошло изъ дробленія общаго, прежде нераздѣльнаго имущества *). Завоеваніе римскихъ провинцій и знакомство съ римскимъ правомъ и римскимъ поземельнымъ строемъ сразу подвинуло въ этомъ отношеніи разложеніе общины.

Въ самыхъ общинныхъ правахъ обнаруживались источники роста частныхъ поземельныхъ владѣній. Такъ, право увеличивать свой земельный надѣлъ расчисткой пустоши или лѣса въ общей маркѣ, право оккупаціи существовало, безъ сомнѣнія, первоначально повсемѣстно и входило въ число другихъ неотъемлемыхъ правъ каждаго общинника. Ясно, что простые, заурядные члены общины едва ли пользовались фактически этимъ правомъ или могли пользоваться имъ лишь въ самыхъ скромныхъ размѣрахъ. Но за то лица изъ постепенно возвышавшейся знати, имѣя въ своемъ распоряженіи большое число рабовъ и зависимыхъ людей всякаго рода, естественно могли поставить эти расчистки на большую ногу. Со временемъ право свободнаго захвата было ограничено и для полученія его требовалось разрѣшеніе короля или марковой общины, но изъ часто повторявшихся запрещеній можно заключить, что земельные захваты не прекращались и стѣсненіе ихъ не признавалось правильнымъ. Во многихъ мѣстахъ это право свободнаго занятія земель сохранилось до позднѣйшаго

*) Эдиктъ короля Хильпериха отъ 581 года, которымъ устанавливается, что сыновья и дочери, братья и сестры въ наслѣдованіи послѣ умершаго обладаютъ преимуществомъ предъ односельчанами, показываетъ, что только во второй половинѣ VI вѣка у франковъ возникаетъ наслѣдственная собственность («Ureig.», стр. 69, Введ.).

времени, какъ въ Швицѣ, напримѣръ, до XIV вѣка и въ мѣстности около Регенсбурга до X вѣка. Кто расчищалъ для хлѣбопашества свободное пространство пустоши или лѣса, тотъ огораживалъ его и, такимъ образомъ, это владѣніе не подлежало больше раздѣлу и оставалось наслѣдственнымъ въ той же семьѣ.

Въ нашей русской общинѣ во многихъ мѣстахъ существуетъ еще право расчистки, распашки новины, но оно часто обставлено извѣстными ограниченіями и чрезъ извѣстный періодъ времени поступаетъ въ раздѣлъ и эта *новь*. Что эти правила имѣли мѣсто и въ Германіи въ раннія времена, это вытекаетъ изъ отсутствія представленія о частной собственности и, вообще, изъ закона солидарности явленій.

Расчищенныя земли назывались въ Германіи Bifang, proprisa, pourprinse, exortes, и захваты эти считались законнымъ основаніемъ собственности. Эти bifangi имѣли иногда весьма обширные размѣры и ими пользовались цѣлыя общины, но больше всего они служили для развитія частной поземельной собственности. Обычное право говоритъ о нихъ какъ о самомъ распространенномъ способѣ пріобрѣтать частную собственность («Ureig.», стр. 424).

Параллельно съ указанными способами расширенія *безусловной* поземельной собственности частныхъ владѣльцевъ развивается феодальная система, идетъ процессъ раздачи земель въ частное владѣніе на извѣстныхъ условіяхъ. При первомъ заселеніи страны, общины, занимая марку, пользовались непосредственно только извѣстною долею земель. Вся остальная земля составляла общую собственность или марокъ, или сложившихся изъ нихъ болѣе крупныхъ общественныхъ единицъ—округовъ, провинцій и всего народа. Этотъ разрядъ земель извѣстенъ давно. Тацитъ называетъ его *ager*, употребляя, очевидно, это слово въ смыслѣ римскаго ager publicus. На сѣверѣ almenning, а въ Англіи folcland, какъ и въ Германіи народныя альменды, составляли первоначально земли, принадлежавшія всему народу. Повсюду, гдѣ существовалъ король и гдѣ онъ достигъ извѣстной общественной власти, ему принадлежало право распоряжаться этою общей собственностью. «Изъ этого, сначала только распорядительнаго, права короля мало-по-малу образовалось настоящее право земельной собственности, какъ на сѣверѣ свидѣтельствуетъ о томъ уже древній историкъ Свендъ Агесенъ, и какъ въ Англіи folcland, народная земля, большею частью перешла въ королевскую (terra regis)» (Мауреръ, Введеніе, стр. 111). Съ паденіемъ провинціальнаго и окружнаго

устройства общія земли округовъ и провинцій тоже перешли въ руки короля или мѣстныхъ владѣтелей, которые въ числѣ верховныхъ правъ получили право собственности на эти земли. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ, напримѣръ, въ Голштиніи, общинныя земли, безъ всякаго историческаго основанія и совершенно произвольно, перешли въ королевскую собственность. «При всемъ томъ,—говоритъ Маурерь,—о правѣ собственности короля на всю землю въ государствѣ или о верховномъ правѣ собственности государства (dominium eminens), какъ утверждали въ прежнее время, въ дѣйствительности не было и помину» (стр. 129). Притомъ понятіе о *народной землѣ*, о folcland, было шире понятія о королевской собственности. Изъ folcland выдѣлилась масса земель во владѣніе единичныхъ лицъ, сельскихъ и городскихъ общинъ раньше, чѣмъ родилась самая мысль о королевскомъ землевладѣніи. Могущество королей и знати возрастало по мѣрѣ наступавшихъ измѣненій въ землевладѣніи, вліяя съ своей стороны на дальнѣйшую перекройку экономическихъ отношеній. Высокопоставленныя и могущественныя лица—король и мѣстные государи—раздавали находившіяся въ ихъ распоряженіи громадныя пространства земли своимъ приближеннымъ дружинникамъ, участникамъ въ военныхъ предпріятіяхъ, и слугамъ, обязывая ихъ за таковую свою милость обѣтомъ вѣрности и обѣщаніемъ службы. Эта раздача земель, извѣстная подъ названіемъ beneficium, создавала между участвовавшими въ сдѣлкѣ лицами такого рода отношенія, въ силу которыхъ одинъ становился сеньёромъ, а другой его вассаломъ. Зачатки подобнаго рода отношеній, какъ доказалъ сэръ Генри Мэнъ, зародились впрочемъ и выработались еще задолго до того, какъ земля стала считаться цѣнностью и подлежащею частному присвоенію. Именно еще въ періодъ перехода отъ кочевой пастушеской жизни къ земледѣлію устанавливается обычай, въ силу котораго богатые раздаютъ часть своего скота (составлявшаго въ то время главное богатство) своимъ бывшимъ бѣднымъ соплеменникамъ за извѣстную плату натурою-оброкомъ или личною службой. Бѣдные общинники соглашаются принять скотъ на этихъ условіяхъ, потому что скотъ въ ту эпоху—главное орудіе труда, и безъ скота имъ невозможно выполнить тяжелыя работы, какія требуются земледѣліемъ. «Въ весьма отдаленную эпоху,—говоритъ Мэнъ,—земля не имѣла цѣнности, тогда какъ капиталъ являлся чрезвычайно непрочнымъ, возрасталъ съ величайшимъ трудомъ и помѣщался только въ рукахъ немногихъ лицъ.... Такимъ обра-

зомъ обладаніе орудіями для обработки земли имѣло громадное значеніе въ древнѣйшихъ земледѣльческихъ общинахъ, и такъ какъ весьма вѣроятно, что матеріалы, изъ которыхъ составился первоначальный капиталъ, свыше обыкновеннаго уровня, были добыты посредствомъ грабежа, то отсюда намъ становится понятнымъ, что эти матеріалы должны были сосредоточиваться преимущественно въ рукахъ высшаго сословія, главнымъ занятіемъ котораго была война и которое постоянно пользовалось монополіей относительно выгодъ, доставляемыхъ этимъ занятіемъ» («Древнѣйшая исторія учрежденій», стр. 134).

Раздача скота практиковалась какъ для полученія отъ бѣдняковъ громадныхъ лихвенныхъ процентовъ, такъ и въ качествѣ денегъ, вообще для уплатъ и вознагражденій всякаго рода. Впослѣдствіи, когда земля получила въ глазахъ всѣхъ высокую цѣнность, когда на землевладѣніи основывалось богатство, значеніе и положеніе въ обществѣ человѣка,—раздача земель въ награду за службу или изъ-за оброка замѣнила первобытный обычай раздачи скота и приняла обширные размѣры. Король раздавалъ земли, непосредственно лично отъ себя, своимъ близкимъ дружинникамъ. Но вассалы короля сами были высокопоставленными и могущественными лицами,—они въ свою очередь пріобрѣтали себѣ вассаловъ и связывали феодальною зависимостью отъ себя много другихъ лицъ, раздавая имъ въ ленъ земли изъ своихъ личныхъ доменовъ или изъ полученныхъ бенефицій. Такимъ образомъ выработался общественный строй, представлявшій сложную лѣстницу правъ и обязанностей, и чѣмъ ниже приходилось спускаться по этой общественной лѣстницѣ, тѣмъ незавиднѣе оказывалось соціальное положеніе группъ населенія. Человѣкъ, который самъ совершенно не владѣлъ землею и долженъ былъ прокормиться отъ земли полученной отъ ближайшаго сюзерена, обыкновенно мелкаго рыцаря, больше всѣхъ, конечно, чувствовалъ на себѣ всю тяжесть феодальной зависимости. Основаніе общества составилъ классъ людей, которые знали однѣ только обязанности, тогда какъ высшіе разряды населенія обязаны были, взамѣнъ полученныхъ бенефицій, нести военную службу. Низшій классъ прикрѣплялся къ землѣ, на которой онъ сидѣлъ, терялъ свою личную свободу и долженъ былъ платить не только продуктами своего труда, но и личною работой, а селиться на этихъ земляхъ привилегированныхъ и знатныхъ владѣльцевъ побуждала необходимость. Владѣнія марки были стѣснены и узурпированы. Всѣ свободныя земли перешли

въ собственность королей и мѣстныхъ владѣльцевъ, и новыя населенія могли основываться лишь съ ихъ дозволенія и на ихъ «благопріобрѣтенной» землѣ. Все, что сколько-нибудь выдвинулось въ общинѣ: графы, дворяне, рыцари и всѣ должностныя лица общины—полевые и лѣсные сторожа и другіе — захватили львиныя доли въ общинныхъ земляхъ и огородили себя заборами и стѣнами. Возросшее населеніе не могло удовлетворяться узкими границами крестьянскихъ и общинныхъ земель и часть должна была селиться на владѣльческихъ, господскихъ земляхъ, соглашаясь на предлагаемыя условія уплаты за землю оброкомъ и личною работой.

Впрочемъ, классъ лицъ, не имѣвшихъ своей осѣдлости и собственности, искавшихъ пропитанія и пристанища на чужбинѣ, создавался уже въ самыя раннія времена германской исторіи. Такъ, еще Цезарь разсказываетъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ своего «De bello Gallico», что въ Галліи существовалъ многочисленный классъ одинокихъ, задавленныхъ людей, которые, ища пристанища и защиты, подчинялись какому-нибудь господину. Мэнъ въ своей прекрасной обработкѣ ирландскихъ источниковъ обычнаго права, собранныхъ въ Brehon Law,—обработкѣ, представленной въ его «Древнѣйшей исторіи учрежденій»,—весьма удачно характеризуетъ этотъ классъ людей — fuidhirs, его соціальное положеніе и его роль. Отчасти еще живо сохранившіеся бродячіе инстинкты, отчасти экономическія причины или давленіе со стороны самой общины побуждаютъ многихъ вести скитальческую жизнь и искать счастья на чужбинѣ. Община, неся отвѣтственность за поведеніе своихъ членовъ и за преступленія, совершенныя въ предѣлахъ марки, естественно не могла питать особенныхъ симпатій къ личностямъ, которыя своими анти-соціальными наклонностями заставляли платиться односельчанъ. «Но эта отвѣтственность,—говоритъ Мэнъ (стр. 138),—могла быть устранена, если обществу, посредствомъ насилія или убѣжденія, удавалось заставить того изъ своихъ членовъ, который отличался буйнымъ нравомъ, удалиться изъ его среды». Община при этомъ уплачивала извѣстный штрафъ начальнику и церкви и объявляла объ изгнаніи во всеобщее свѣдѣніе. Эти скитальцы, порвавшіе связь съ общиной и съ роднымъ племенемъ,—связь, на которой основывалось ихъ общественное положеніе и ихъ права,—находили покровительство у сильныхъ людей или начальниковъ другаго племени, которые допускали ихъ на землю своего клана, давали имъ возможность

прокормиться и брали на себя отвѣтственность за ихъ поступки. Понятно, это дѣлалось не изъ чистаго состраданія. Этимъ людямъ можно было предложить какія угодно условія, на нихъ можно было по собственному усмотрѣнію возложить всякія повинности,— ничто не стѣсняло въ этомъ отношеніи начальника. Благодаря ихъ безусловной покорности, возрастало могущество начальника племени. А водворяясь на земляхъ клана все въ большемъ и большемъ числѣ, они стѣсняли общинниковъ, занимали ихъ свободныя пастбища и, вызывая необходимость сокращать скотоводство, подрывали экономическое благосостояніе вольныхъ общинниковъ. Въ ущербъ свободѣ и мелкимъ владѣльцамъ возвышались начальники и лорды.

Такимъ образомъ еще въ пастушескій періодъ образуется контингентъ лицъ, представляющихъ «рабочія руки» безъ возможности ихъ самостоятельнаго приложенія и потому вступающихъ въ зависимое, обязательное положеніе къ другимъ. Съ теченіемъ времени, по мѣрѣ скопленія земель въ рукахъ крупныхъ помѣщиковъ, все увеличивается и число лицъ, поселяющихся на условіяхъ оброка и зависимости на владѣльческихъ земляхъ. Создавая свое богатство военными и мирными захватами земель и полученіемъ бенефицій, они поддерживаютъ его дальнѣйшее развитіе, приводя въ зависимость отъ себя многочисленное земледѣльческое населеніе. Свободныя группы населенія все больше стѣсняются и исчезаютъ и создается лѣстницеобразная система общества, которая, по характеристикѣ Мэна, представляетъ слѣдующую картину: «Общество, если можно такъ выразиться, приняло форму усѣченной пирамиды или конуса,—говоритъ онъ.— Громадная масса земледѣльцевъ составляетъ основаніе этой пирамиды; къ верху площади сѣченія становятся все меньше и меньше, пока, наконецъ, достигается вершина, не всегда видная, но существованіе которой считается несомнѣннымъ: это—императоръ или папа» («Древн. ист. учр.», стр. 122).

V.

Мы видѣли, какъ возвышалось значеніе и увеличивались владѣнія поземельной аристократіи и королевской власти; перейдемъ теперь къ общинѣ и посмотримъ, какимъ образомъ она теряла свою экономическую обезпеченность, независимость и самостоятельность. Однимъ изъ самыхъ вліятельныхъ факторовъ въ этомъ

отношенiи было постепенное дробленiе марокъ и малоземелье. Съ увеличенiемъ населенiя въ исконныхъ, впервые основанныхъ селенiяхъ приходилось основывать новыя поселенiя въ предѣлахъ марки. «Подобнымъ же образомъ,—говоритъ Ландау,—какъ отъ перваго поселенiя (Ausbau) образовалось второе, отъ этого происходило третье, а отъ третьяго опять четвертое,—и каждое новое поселенiе приводило къ дальнѣйшему раздробленiю владѣнiй марки» («Die Territorien», стр. 118). Новыя филiальныя общины вначалѣ не теряли своей связи со старыми селами и находились отъ нихъ даже въ нѣкоторой зависимости, но съ теченiемъ времени онѣ прерывали эту связь, выдѣлялись изъ общей крупной марки и создавали свою, болѣе тѣсную. «Когда населенiе умножилось, большiя марки первобытнаго времени раздробились на подраздѣленiя, и такъ какъ эти послѣднiя теряли въ своемъ могуществѣ и своемъ значенiи въ той мѣрѣ, въ какой онѣ становились меньше, то онѣ скоро не имѣли достаточной силы, чтобъ оказать сопротивленiе давленiю феодализма и королевской власти» (Лавелэ, «Ureig.», стр. 426). Когда съ теченiемъ времени эти поселенiя прекратились, за тѣснотою въ маркѣ и отсутствiемъ свободныхъ, незанятыхъ земель, новымъ поселенцамъ приходилось уже, какъ сказано, устраиваться на владѣльческихъ, помѣщичьихъ земляхъ. Къ этому времени и внутри общины во многихъ мѣстахъ произошли значительныя измѣненiя въ воззрѣнiяхъ на землю,—жеребьевые участки мало-по-малу перешли въ наслѣдственную собственность, «подобно тому, какъ долгосрочныя аренды перешли въ наслѣдственныя». Наслѣдованiе небольшихъ, перешедшихъ въ собственность (послѣ постепеннаго удлиненiя перiодовъ передѣла), жеребьевыхъ участковъ, которые разсчитаны были только на потребности одной семьи, могло имѣть, и дѣйствительно имѣло, послѣдствiемъ лишь чрезвычайное дробленiе земель. Наслѣдники, если были согласны между собою, могли «дѣлать свои участки столь малыми или столь большими, какъ хотѣли сами» (Мауреръ, Введ., стр. 213). Правда, довольно рано установился обычай передавать все жеребьевое или родовое имѣнiе,—а если не все, то по крайней мѣрѣ большую часть его,—одному сыну, старшему или младшему. Остальные сыновья, если не переселялись, получали малую долю земель и особое жилище, кои, въ отличiе отъ главнаго ихъ участка, назывались *присяжными*. Эти присяжные участки должны были доходить до такихъ мелкихъ размѣровъ, что уже совершенно не обезпечивали существо-

ванія владѣльцевъ, и тѣ, такъ или иначе, должны были искать обезпеченія въ другихъ мѣстахъ и оставлять свою родную общину. Классъ крупныхъ собственниковъ опять пріобрѣталъ сговорчивыхъ поселенцевъ, готовыхъ работать на его земляхъ. Но и разрядъ лицъ, владѣвшихъ собственными участками земель, долженъ былъ придти въ зависимое положеніе отъ высшихъ, привилегированныхъ сословій. Это совершилось благодаря обычаю *коммендаціи*,—обычаю, составлявшему рядомъ съ бенефиціями другой путь развитія феодальныхъ отношеній. Обычай коммендаціи состоялъ въ томъ, что владѣлецъ мелкаго участка ставилъ себя и свою землю въ зависимость отъ какого-нибудь сеньёра, взамѣнъ покровительства, которое ему гарантировалось со стороны послѣдняго. Прослѣдимъ постепенное развитіе этого обычая. Даже при нѣсколько уже развитомъ понятіи о частной поземельной собственности, когда жеребьевые участки дѣлаются наслѣдственными, члены общины ограничены въ своемъ правѣ распоряжаться землей. Именно нельзя продавать или отчуждать въ чужія руки свой участокъ иначе, какъ съ согласія другихъ членовъ общины,—сообщники пользуются ближайшимъ правомъ купить участокъ или правомъ выкупа. Интересы родственниковъ тоже находятъ себѣ защиту въ правилѣ, что для дѣйствительности отчужденія требуется согласіе родныхъ или существованіе крайней нужды (necessitate coactus, какъ выражаются источники). Государственная власть съ своей стороны наблюдала за тѣмъ, чтобы подобныя отчужденія не вредили ея интересамъ и не давали повода къ уклоненію отъ отбыванія повинностей. Тѣмъ не менѣе обычай практикуется все въ болѣе крупныхъ размѣрахъ. Ограниченія постепенно ослабѣваютъ и строгость ихъ смягчается новыми правилами, и, вообще,—говоритъ Мауреръ,—они не могли дѣйствительно препятствовать отчужденіямъ. Понятіе крайней нужды понималось весьма разнообразно и оказалось очень растяжимымъ. Раньше и чаще всего стали повторяться дары и отчужденія въ пользу церкви. Громадное вліяніе вѣры, религіозное увлеченіе и благочестіе тѣхъ темныхъ временъ многихъ побуждали искать спасенія души въ заботахъ о благосостояніи и богатствѣ церквей и монастырей—и, благодаря такимъ дарамъ, церковь скопила громадныя богатства.

Отчужденія совершались такимъ образомъ, что дарили или извѣстную долю собственнаго участка—половину, треть и т. д., или произвольную часть земли изъ своего имѣнія (stuf). Перво-

начально эти штуфы продолжали считаться принадлежностью всего участка и потому одинаково съ нимъ были обложены податьми и повинностями; они могли быть потребованы назадъ, такъ какъ подлежали выкупу въ силу права возсоединенiя. Но съ теченiемъ времени эти штуфы обносились заборами и тогда совершенно прекращалась ихъ связь съ общинною землей и послѣдняя соразмѣрно сокращалась. Нельзя сказать, чтобы дѣло велось здѣсь вполнѣ на чистоту. «Что не одно только благочестiе привело къ такому умноженiю церковныхъ имѣнiй,—говоритъ Мауреръ,—что для него пущены были въ ходъ самыя предосудительныя средства, даже поддѣлка бумагъ,—это уже доказано Ротомъ и утверждено имъ многими примѣрами» (Введ., стр. 218). Съ алчностью духовенства, воодушевленнаго религiознымъ сознанiемъ суетности благъ мiра сего, соперничали жадность къ прiобрѣтенiю и стремленiе къ увеличенiю своего могущества свѣтскихъ сеньёровъ: рыцарей, бароновъ, графовъ и королей. Въ эпоху кулачнаго права, когда не только имущества, но и жизнь бѣднаго и незнатнаго человѣка не были обезпечены, многiе рады были отказаться на извѣстныхъ условiяхъ отъ своей личной свободы и отъ своего владѣнiя, лишь бы найти защиту и опору въ какомъ-нибудь сильномъ духовномъ или свѣтскомъ владѣтелѣ. Здѣсь мы позволимъ себѣ привести нѣсколько длинную, но весьма поучительную, выписку изъ книги Маурера. «Между тѣмъ,—говоритъ онъ,—какъ одни были лишены своей собственности самыми гнетущими злоупотребленiями возвышающихся окружныхъ графовъ (гауграфовъ) и другихъ вельможъ, или по крайней мѣрѣ были *вынуждены* продать имъ свои владѣнiя,—другiе старались избавиться отъ лежавшей на свободномъ владѣнiи воинской повинности вмѣстѣ съ другими земельными налогами и повинностями и передавали свою свободную собственность церкви, королю или иному свѣтскому вельможѣ, чтобы получить ее обратно въ видѣ оброчнаго имѣнiя или лена или по крайней мѣрѣ обработывать ее на будущее время въ качествѣ крѣпостныхъ церкви или другаго господина. Необходимымъ слѣдствiемъ этого было постоянное сокращенiе числа полноправныхъ землевладѣльцевъ; многiе свободные люди, оставшись безъ всякой земельной собственности, перестали поэтому быть полноправными, другiе стали обязанными и даже крѣпостными, тогда какъ, съ другой стороны, все свободное землевладѣнiе сосредоточивалось въ рукахъ немногихъ и постепенно разросталось до весьма значительныхъ размѣ-

ровъ» (Введ., стр. 220 и 221). Но то была еще сравнительно счастливая эпоха, когда дары, отчужденія и коммендаціи происходятъ путемъ хотя бы вынужденнаго согласія, и когда законы только поощряютъ подобные переходы земель. Со временемъ политическое могущество знати достигаетъ возможности внести въ законъ прямыя повелѣнія, чтобы каждый полноправный и свободный владѣлецъ изъ крестьянъ непремѣнно избралъ себѣ какого-нибудь сеньёра, которому онъ долженъ вручить себя и свою землю. Объ этой обязанности повелѣнія закона напоминаютъ все чаще, прямо побуждая свободныхъ людей къ переходу въ служебное положеніе посредствомъ commendationes.

Любопытно прослѣдить въ этомъ отношеніи постепенный прогрессъ этого законодательства, проникнутаго узко-сословными тенденціями. Сперва, какъ мы видѣли, отчужденія участковъ даже стѣсняются и ограничены извѣстными правилами. Впослѣдствіи эти ограниченія теряютъ свою силу и законъ поощряетъ и покровительствуетъ обычаю коммендацій. Въ рукописи швабскаго земскаго права Св. Манга въ Фюсселѣ встрѣчается (гл. 320) слѣдующее постановленіе, цитируемое Маурeромъ: «Und wille ain freyer man sich selb an ain Gotghus ergeben, dem hailgen der da haubt here ist daz mog jm niemant erweren, weder Rugin nach Kaiser nach Rain sein mag» (Введ., стр. 222, прим.). Никто, слѣд., не долженъ препятствовать этой передачѣ. Еще шагъ— и получается слѣдующее повелѣніе: «Volumus, ut unusquisque liber homo in nostro regno seniorem qualem voluerit, in nobis et in nostris fidelibus accipiat». Каждый уже *обязанъ* избрать себѣ сеньёра (ibid., стр. 223, прим.). Создается, наконецъ, правило, въ силу котораго существуетъ только земля, принадлежащая помѣщику, составляющая господскую собственность *). Нѣтъ земли безъ господина—nulle terre sans seigneur!

Обращаясь къ болѣе внимательному разсморѣнію условій, вызвавшихъ развитіе обычая коммендаціи,—обычая, оказавшагося столь

---

*) Относительно обычая раздачи скота, о которомъ мы упоминали раньше, источники ирландскаго обычнаго права точно также свидѣтельствуютъ, что этотъ прежде арендный договоръ не всегда носитъ характеръ обоюдной добровольной сдѣлки, опирающейся на согласіи двухъ сторонъ. „На извѣстной ступени развитія ирландскихъ обычаевъ,—говоритъ сэръ Генри Мэнъ,—соплеменникъ былъ обязанъ во что бы то ни стало принять скотъ отъ своего „короля", т. е. отъ начальника своего племени въ обширномъ смыслѣ, и Brehon Law, сколько мнѣ извѣстно, упоминаетъ иногда о полученіи скота, какъ о тяжкой необходимости" („Древн. ист. учр.", 130).

гибельнымъ для крестьянскаго землевладѣнія, мы признаемъ, что всякое объясненіе въ этомъ отношеніи не можетъ имѣть безусловнаго значенія, такъ какъ каждое общественное явленіе, повторяемъ, является результатомъ цѣлаго ряда причинъ въ весьма запутанной комбинаціи ихъ. Сэръ Генри Мэнъ считаетъ наиболѣе вѣроятнымъ предположеніе, что мотивы, заставившіе людей прибѣгнуть къ столь тяжкому исходу, какъ коммендаціи, заключались можетъ-быть въ системѣ гражданской и уголовной отвѣтственности, которая тяготила общину, и «для удобства всѣхъ затрогиваемыхъ ею лицъ должна была замѣниться отвѣтственностью одного лица—землевладѣльца, который могъ воспрепятствовать правонарушенію, или вознаградить потерпѣвшихъ отъ него, и свидѣтельское показаніе котораго, при компургаціи или другихъ юридическихъ процессахъ, часто имѣло болѣе вѣса, чѣмъ показанія нѣсколькихъ низшихъ лицъ, взятыя въ сложности». Или же причины лежали и въ томъ, что «маленькое общество людей, тѣсно связанныхъ другъ съ другомъ подъ покровительствомъ феодальнаго владѣльца», являлось болѣе приспособленнымъ къ борьбѣ въ томъ хаотическомъ состояніи общества, гдѣ кулакъ и мечъ были главными регуляторами жизненныхъ отношеній, нежели группа «добровольныхъ и равноправныхъ союзниковъ» («Древн. ист. учрежд.», стр. 124). Намъ кажется, что не слѣдуетъ особенно преувеличивать значеніе первой причины—круговой поруки и отвѣтственности, а относительно второй вообще не слѣдуетъ думать, что община свободныхъ и равноправныхъ членовъ, въ какомъ бы то ни было отношеніи, и даже въ боевой организаціи, уступаетъ группѣ крѣпостныхъ, зависимыхъ лицъ, съ помѣщикомъ во главѣ. Безспорно, люди свободные и сознающіе свое достоинство имѣютъ болѣе шансовъ составить крѣпкую организацію для защиты себя отъ насилія и вражескаго разоренія, нежели личности, связанныя постороннею властью помѣщика, обязанныя повиновеніемъ, униженныя и прижатыя. И если помѣщики съ своими зависимыми людьми получили дѣйствительно перевѣсъ надъ свободными общинниками, то задача заключается именно въ томъ, чтобы раскрыть обстоятельства, создавшія имъ эту возможность. Разсматривая эти обстоятельства, мы ясно увидимъ тѣсную зависимость и обусловленность разныхъ сторонъ общественной жизни. Извѣстныя экономическія условія даютъ какому-нибудь классу лицъ преимущество и перевѣсъ надъ другими и помогаютъ ему пріобрѣсть политическое значеніе и силу;

но, съ другой стороны, самая эта сила является дальнѣйшимъ факторомъ измѣненія экономическихъ отношеній въ обществѣ.

Итакъ, гдѣ причины того страннаго явленія, что люди добровольно (вначалѣ) мѣняютъ свободное состояніе на зависимое? «Первоначально,—говоритъ Мауреръ,—всякій германецъ обработывалъ доставшуюся ему по жребію землю самъ, причемъ для него, какъ и для всѣхъ кочевыхъ народовъ, главнымъ дѣломъ было скотоводство, охота и война, а земледѣліе—только побочнымъ занятіемъ» (Введ., стр. 259). На всемъ сѣверѣ и вообще во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ, къ счастью, успѣло сохраниться въ значительной степени первобытное равенство въ землевладѣніи, вмѣстѣ съ постепеннымъ переходомъ къ преимущественному занятію земледѣліемъ сложилось свободное крестьянское сословіе. «Но въ остальной Германіи неравенство землевладѣнія, порожденное завоеваніемъ, куплей и другими способами пріобрѣтенія, постепенно привело къ совершенно иному положенію» (ibid). Крупная землевладѣльческая знать, скопившая въ своихъ рукахъ свободное землевладѣніе и распоряжавшаяся большимъ числомъ зависимыхъ и обязанныхъ лицъ, оставила совершенно физическій трудъ и предалась всецѣло охотѣ, войнѣ и праздности. Мало того, свободные люди даже не изъ числа крупныхъ собственниковъ, владѣвшіе лишь жеребьевыми надѣлами, бросаютъ занятіе земледѣліемъ. Всѣ земледѣльческія работы, занятія тяжелымъ производительнымъ трудомъ, переходятъ къ людямъ несвободнымъ и становятся признакомъ зависимаго положенія. Для свободнаго и самостоятельнаго человѣка трудъ считается низкимъ, неприличнымъ занятіемъ; всѣ заботы о домѣ и полѣ предоставляются господиномъ семьѣ и колонамъ. «Запряганіе быковъ и ихъ сопровожденіе,—говоритъ Мауреръ,—постройка изгородей и косьба сѣна, жнитво и уборка хлѣбнаго зерна отнынѣ уже считались *рабскою работой*, которая хотя и могла быть исполняема полноправными людьми, но которой избѣгалъ всякій, кто только могъ, какъ предосудительной,—мнѣніе, которое привело впослѣдствіи къ праздности въ городахъ и къ дворянскому образу жизни въ деревнѣ» (Введ., стр. 260).

Въ обществѣ такимъ образомъ, вмѣсто прежняго единства въ образѣ жизни и въ способахъ времяпрепровожденія, наступаетъ разнообразіе. Тогда какъ классъ бѣдныхъ общинниковъ долженъ былъ волей-неволей налегать на земледѣльческій трудъ, оставляя военныя занятія и упражненія, землевладѣльческая знать, обра-

батывавшая землю при помощи чужаго труда, продолжаетъ предаваться съ увлеченiемъ исключительно военнымъ упражненiямъ. Подобно древнимъ германцамъ, они проводятъ время на охотѣ и войнѣ. Тогда какъ одни становятся мирными, но неуклюжими земледѣльцами, другiе развиваютъ въ себѣ духъ воинственности и воспитываютъ свои военныя качества. Понятно, что вторые прiобрѣтаютъ надъ первыми то преимущество, какое даетъ всегда боевая сила. «Еще неизвѣстно,—говоритъ Лавелэ, какимъ образомъ свободный крестьянинъ II столѣтiя сталъ крѣпостнымъ XIII вѣка; но такъ какъ одни удержали употребленiе оружiя, тогда какъ другiе, занимавшiеся сельскими работами, отвыкли отъ его употребленiя, то первые въ заключенiе должны были достигнуть того, чтобы подчинить себѣ послѣднихъ» («Ureig.», стр. 426).

Итакъ, благодаря выгодному экономическому положенiю, рыцарство дѣйствительно успѣло выработать въ себѣ личныя военныя качества и преимущества. Благодаря этой же причинѣ создались и другiя условiя, давшiя военный перевѣсъ дворянскому сословiю надъ сельскимъ крестьянскимъ населенiемъ. Эта другая причина, сдѣлавшая силу рыцарства непреодолимой для крестьянъ-общинниковъ, это—устройство крестьянскихъ жилищъ въ видѣ неприступныхъ замковъ. Еще при первомъ заселенiи страны, когда цѣлый родъ водворился въ селенiи, каждый полноправный, получившiй землю подъ жилище и дворъ, *обязанъ* былъ обнести это пространство заборомъ и оградить его. Эта обязанность существовала «не только на сѣверѣ, но уже рано у аллемановъ, баварцевъ и многихъ другихъ, какъ и теперь еще въ Вандеѣ, каждый домъ съ своимъ дворомъ обыкновенно окруженъ рвомъ, а иногда еще землянымъ валомъ и плетнемъ» (Введен., стр. 24). Такая ограда (sepes, zon или tunimus, тынъ—tonon, tuin) первоначально, конечно, была очень проста: она состояла изъ вѣтокъ или прутьевъ, въ иныхъ случаяхъ изъ терновника. Но иногда она состояла изъ каменныхъ стѣнъ съ деревянными или каменными воротами. Подобные дворы уже походили на крѣпости и съ теченiемъ времени укрѣплялись все больше и больше: къ стѣнамъ стали прибавлять рвы, окопы и башни. Эти дворы могли устраивать, конечно, не только короли, герцоги и вообще свѣтскiя и духовныя власти, но всѣ адельбонды или родовичи. Понятно, однако, что значительныя укрѣпленiя и форты могла возводить только богатая знать, увеличивая этимъ еще болѣе свою силу и значенiе и обезопасивъ себя отъ непрiятельскаго разоренiя.

Рано встрѣчающіяся запрещенія со стороны королевской или верховной земской власти, направленныя противъ самовольнаго возведенія укрѣпленныхъ замковъ, оказываются безсильными остановить зло. Съ разрѣшенія или безъ разрѣшенія властей мѣстные аристократы дѣятельно продолжаютъ укрѣпляться внутри страны, какъ въ непріятельской странѣ, и достигли того, что «превратили дворы, обнесенные прежде простыми оградами, въ настоящія крѣпостцы или бурги, какъ въ городахъ, такъ и въ селахъ» (Введ., стр. 26). Подобный характеръ устройства дворовъ все болѣе распространяется и встрѣчается у всѣхъ германскихъ племенъ: у франковъ, бургундовъ, аллемановъ, баварцевъ, готовъ, лонгобардовъ и др. народовъ. Но не слѣдуетъ думать,—замѣчаетъ Мауреръ,—что эти дворы свойственны только Германіи,—наоборотъ, «какъ и многое другое въ германской народной жизни, не можетъ быть признано особенностью германскихъ племенъ» (Введ., стр. 32). Въ Черногоріи, напримѣръ, и нынѣ бояре живутъ въ башняхъ, снабженныхъ бойницами, тогда какъ остальное свободное населеніе окружныхъ деревень обитаетъ въ обыкновенныхъ деревянныхъ жилищахъ. Въ Германіи въ укрѣпленныхъ дворахъ жили люди ратные (Hirdmänner); дворы ихъ стояли часто въ самихъ селеніяхъ и городахъ, но иногда они строились отдѣльно на возвышенныхъ мѣстахъ. Для насъ теперь становится болѣе яснымъ, что именно давало перевѣсъ помѣщику съ зависимымъ отъ него населеніемъ надъ группами крестьянъ. Люди мирные, отвыкшіе отъ употребленія оружія, неповоротливые крестьяне были безсильны оградить себя отъ произвола богатаго, могущественнаго и знатнаго дворянства, хорошо вооруженнаго, закованнаго въ желѣзныя латы, засѣвшаго въ своихъ неприступныхъ замкахъ, окруженныхъ крѣпкими стѣнами, содержавшаго наемныя шайки воиновъ. Надо было гдѣ-нибудь найти себѣ опору и защиту, и крестьяне искали ее въ покровительствѣ одного сеньёра противъ другихъ; они готовы были отказаться отъ части своей свободы, чтобы сколько-нибудь обезпечить свою безопасность. А сеньёръ, стѣсняя самъ все болѣе свободу зависимыхъ отъ него крестьянъ, получалъ иногда интересъ защищать ихъ отъ разоренія и отражать своимъ мечомъ хищныя поползновенія другихъ членовъ своего сословія. Такъ развился обычай коммендацій и со-временемъ, какъ мы видѣли, законъ сдѣлалъ обязательнымъ для всякаго свободнаго человѣка препоручить себя высокому покровительству какого-нибудь сеньёра.

Мы должны остановиться еще одинъ разъ на существовавшемъ въ Германiи обыкновенiи огораживать свои владѣнiя, такъ какъ и въ другомъ отношенiи это обыкновенiе имѣло роковыя послѣдствiя для общиннаго землевладѣнiя. «Старая связь, сплачивавшая марковыя общины,—говоритъ Мауреръ,—не была однако же упразднена только новыми передѣлами, дробленiями и отчужденiями жеребьевыхъ имѣнiй и порожденнымъ этими дѣйствiями сокращенiемъ полноправнаго землевладѣнiя, какъ не была она упразднена и заложенiемъ новыхъ деревень и дворовъ. Упраздненiе совершилось скорѣе вслѣдствiе огораживанiя или отграниченiя вновь образовавшихся большихъ или меньшихъ марокъ» (Введ., стр. 224 и 225). Основанныя среди большихъ полевыхъ марокъ, новыя марки, отдѣльныя деревни и единичные владѣльцы: король, мѣстные государи и возвысившiеся крупные землевладѣльцы—широко воспользовались предоставленнымъ всякому правомъ порвать общинныя связи съ прежними совладѣльцами по общей маркѣ и выдѣлить изъ марки свои земли посредствомъ постановки порубежныхъ знаковъ. «Именно отгораживанiе или отграниченiе, какъ уже было замѣчено выше, окончательно упразднило дотолѣ существовавшее полевое или марковое общинное землевладѣнiе» (Введ., стр. 227). Огражденiе дома и двора составляло обязанность каждаго владѣльца, но потомъ отъ его воли зависѣло огородить и остальныя свои земли. Это огораживанiе было сопряжено съ весьма серьезными послѣдствiями, а именно: выдѣлившiйся такимъ путемъ изъ общины членъ прiобрѣталъ полныя права собственности въ выдѣленномъ помѣстьѣ; онъ становился на всей своей землѣ такимъ же неограниченнымъ властелиномъ, какимъ онъ былъ и въ огороженномъ домѣ и дворѣ своемъ. Безъ его дозволенiя въ предѣлы его владѣнiй не могъ вступить ни одинъ посторонней человѣкъ, въ томъ числѣ и должностныя лица общины и короля. Но, съ другой стороны, выдѣленiе, порывавшее связь владѣльца съ общиной, лишало его права на подѣленныя и неподѣленныя земли общины. Поэтому такой шагъ могъ себѣ позволить только вполнѣ обезпеченный своею землей владѣлецъ, и онъ могъ быть выгоднымъ только для обладателя крупнаго помѣстья. Эта фактическая возможность съ теченiемъ времени обратилась въ исключительное право крупныхъ помѣщиковъ выгораживаться изъ общины; оно стало привилегiей дворянства. Далѣе, не пользуясь правами общинниковъ, выдѣлившiяся лица освобождались и отъ соотвѣтствующихъ обя-

занностей: они не должны были нести тяжестей и повинностей, связанныхъ съ принадлежностью къ общинѣ и съ пользованіемъ общинною землей. Отгороженное имѣніе было свободно отъ всякихъ претензій со стороны общины въ отношеніи пастьбы и пользованія полями, охоты, рыболовства, общинныхъ повинностей, а также доступа должностныхъ лицъ общины; оно пріобрѣтало такимъ образомъ *эмунитетъ*. Сначала эмунитетъ существовалъ только для отгороженнаго пространства, на которомъ помѣщался домъ и дворъ, и «этотъ эмунитетъ, общій всѣмъ владѣльцамъ жеребьевыхъ имѣній,—говоритъ Мауреръ,—еще не давалъ никому никакого преимущества. Возвышеніе одного надъ другимъ произошло только тогда, когда эмунитетъ, присвоенный дому и двору, былъ распространенъ на принадлежащія къ нимъ земли, что обыкновенно случалось уже въ довольно раннее время» (Введен., стр. 256). Всякій, кто успѣвалъ сколько-нибудь возвыситься надъ среднимъ уровнемъ, напрягалъ всѣ усилія, чтобъ окружить свой земельный участокъ, обнести его оградой и воспользоваться привилегированнымъ эмунитетнымъ положеніемъ. Впрочемъ, не одно только позднѣйшее выступленіе изъ общины привело къ эмунитетному владѣнію,—Мауреръ указываетъ и другой источникъ его. Мы знаемъ, что еще при первомъ заселеніи страны въ иныхъ мѣстахъ селились не только деревнями, но и отдѣльными дворами. Правда, и эти особо стоявшіе дворы были связаны между собою извѣстными общинными отношеніями, но прилегавшіе близко къ нимъ участки земли, по крайней мѣрѣ фактически, находились въ ихъ частномъ пользованіи. Кромѣ того владѣльцы ихъ, какъ и всѣ другіе, пользовались правомъ расчистки и захвата новыхъ земель. Когда такія владѣнія отграничивались камнями или рвомъ, они переходили въ полное распоряженіе владѣльца; въ Даніи на сѣверѣ они носили названіе ornum или hornome (въ нихъ не трудно видѣть извѣстное сходство съ pourprins'ами); это была земля пользовавшаяся «такъ называемымъ privilegium dignitatis, такъ какъ она не подлежала измѣренію вервью на общемъ основаніи и потому была свободна отъ уплаты податей» (Мауреръ, Введен., стр. 197). Обитатели эмунитетныхъ помѣстій, пользуясь такими же привилегіями на всей своей землѣ, какими владѣлецъ жеребьеваго участка пользовался только въ своемъ домѣ и дворѣ, уже по этому одному имѣли шансы высоко подняться богатствомъ и почетомъ надъ другими свободными родами. «Но они поднялись,—по словамъ

Маурера,—еще выше съ тѣхъ поръ, какъ достигли эмунитета даже и въ отношеніи государственной власти и, кромѣ того, получили возможность новыми пріобрѣтеніями дать своему эмунитету дальнѣйшее развитіе, съ тѣхъ поръ какъ короли стали назначать окружныхъ графовъ изъ среды этихъ богатыхъ землевладѣльцевъ, а послѣдніе, съ своей стороны, употребили предоставленную имъ власть для пріумноженія своихъ эмунитетныхъ земель и правъ» (Введ., стр. 258). Марка, естественно, должна была распастъся отъ всѣхъ этихъ выгораживаній и эмунитетовъ. Ея владѣнія не представляли больше сплошнаго пространства, надъ которымъ господствовала вся община въ совокупности. Ея владѣнія были стѣснены, раздроблены и разрознены многочисленными оградами, которыя окружали владѣнія мелкихъ общинъ, монастырей, церквей, духовныхъ властей, всѣхъ крупныхъ землевладѣльцевъ, графовъ, мѣстныхъ государей и королей. Лѣса, пастбища и воды постепенно уходили отъ общаго пользованія. Еще во времена каролинговъ, благодаря огражденіямъ, возникаютъ королевскіе *заповѣдные* лѣса и, съ согласія короля, частные лѣса. Впрочемъ, хотя огражденія лѣсовъ начались еще во времена франкскаго владычества, однако въ XII и XIII в. было еще мало королевскихъ заповѣдныхъ лѣсовъ, и лишь съ этого времени начинаютъ появляться лѣса мѣстныхъ государей. Тогда уже проявляются жалобы и ропотъ на то, что князья забираютъ воду и лѣсъ,—жалобы, которыя впослѣдствіи, во время крестьянскихъ войнъ, заняли столь видное мѣсто въ крестьянскихъ требованіяхъ *). Самое огораживаніе производилось посредствомъ постановки «межевыхъ камней, вѣхъ, столбовъ, крестовъ, или посредствомъ заборовъ, рвовъ, насыпей, деревъ со знаками или такъ-наз. Lochbaümen, дырявыхъ деревъ и пр.». Подобная уста-

*) Резюмируя содержаніе знаменитыхъ 12-ти тезисовъ, составленныхъ въ верхней Швабіи въ 1525 г. и признанныхъ крестьянами, какъ общій манифестъ всего крестьянства, Циммерманъ („Ист. кр. войны въ Германіи“, изд. 2, т. II, стр. 96) говоритъ: «Самые тезисы распадаются на три разряда: въ однихъ заключаются требованія, повторявшіяся въ продолженіе длиннаго ряда столѣтій, какъ-то: права охоты, рыбной ловли, лѣсовладѣнія, устраненія ущерба отъ животныхъ; въ другихъ — требованія, относившіяся къ отмѣнѣ новыхъ злоупотребленій, безконечной, несправедливой барщины и оброковъ, пристрастнаго суда и вообще всякаго господскаго самоуправства; наконецъ, въ третьихъ, требованія, въ которыхъ выступаетъ новое ученіе о евангельской свободѣ и которыя объявляютъ небиблейскими и нехристіанскими крѣпостное рабство, малую десятину и посмертное отобраніе, а свободу вѣроисповѣданія и выборъ священника цѣлымъ приходомъ выставляютъ евангельскими правами».

новка оградъ совершалась торжественно, съ соблюденіемъ разныхъ обрядовъ и празднествъ. Точно такимъ же образомъ члены марковой общины, устанавливая границы своихъ владѣній, приводили въ качествѣ свидѣтелей дѣтей, которымъ давали пощечины и драли уши, чтобы запечатлѣть въ ихъ памяти все происходившее. Обычай этотъ сохранился и понынѣ въ Пфальцѣ и Баваріи. Кромѣ того торжественными празднествами сопровождались установленные для обезпеченія порядка періодическіе (одинъ или два раза въ годъ) обходы или объѣзды границъ марки всею общиной, причемъ совершалась провѣрка порубежныхъ знаковъ.

На этой обязанности самой общины охранять миръ и порядокъ было основано и древнее ея право суда. Порядокъ этого древняго суда былъ слѣдующій: предсѣдательствовалъ всегда старшина марки, но рѣшеніе произносили всѣ присутствовавшіе и вокругъ стоявшіе общинники. На членахъ общины лежала и обязанность являться свидѣтелями, такъ какъ только общинникъ могъ свидѣтельствовать противъ общинника. За норму при рѣшеніи дѣлъ принимался обычай, и налагаемыя на виновныхъ пени шли въ пользу самой общины. Но эта судебная самостоятельность общины, въ силу которой она сама разбирала проступки и споры своихъ членовъ, постепенно узурпируется землевладѣльческою аристократіей и является новымъ источникомъ силы и преобладанія послѣдней. Пріобрѣтая право собственности на принадлежавшіе общинѣ лѣса, пастбища, воды, феодалъ становится полнымъ распорядителемъ судебъ общины, оказываетъ все большее давленіе на ея внутреннюю жизнь и вытѣсняетъ своею вотчинною юстиціей, властью, вольный судъ общины. Это дѣлается, конечно, не сразу, а постепенно. Сперва сеньёръ присвоиваетъ себѣ право утверждать должностныхъ лицъ общины, въ томъ числѣ и предсѣдательствующаго на судѣ старшину (Dorfgraf, judex, major loci). Потомъ право утвержденія развивается въ право назначенія сельскаго судьи или старосты. И первое время этотъ судья, представляющій сеньёра, приглашаетъ еще къ разбирательству другихъ общинниковъ; незамѣтно онъ начинаетъ пренебрегать и этимъ обыкновеніемъ и постановляетъ приговоры самъ и совершенно самостоятельно: тогда *полевая* община ничѣмъ не отличается уже въ своей подсудности отъ *дворской* общины помѣщика. А это—роковое событіе для общины. «Всякій разъ,—говоритъ Мауреръ,—когда помѣщикъ получалъ возможность соединить судебную власть полевой общины съ принадлежавшею

ему господскою судебною властью и передавать и ту и другую своему должностному лицу,—ему всякій разъ удавалось затереть мало-по-малу и полевую общину. Напротивъ, во всѣхъ другихъ случаяхъ полевая и марковая общины не только сохранились, но нерѣдко даже продолжали развиваться въ борьбѣ съ помѣщичьею властью» (Введ., стр. 312). Въ Германіи можно легко прослѣдить тотъ всеобщій фактъ, что чѣмъ ближе стоялъ феодальный владѣлецъ къ общинѣ, чѣмъ тѣснѣе онъ былъ связанъ съ нею, тѣмъ гибельнѣе отражалось его вліяніе на ея свободу и благосостояніе; между тѣмъ какъ сравнительно отдаленная власть имперіи или короля, при шаткой организаціи государства въ ту эпоху, не такъ подрывала самостоятельность общины. Мауреръ доказываетъ это примѣромъ мѣстностей, стоявшихъ по земельнымъ своимъ отношеніямъ въ зависимости отъ духовныхъ имѣній, и судьбою вольныхъ имперскихъ городовъ. Въ тѣхъ и другихъ «своего рода непосредственная подвѣдомственность имперіи сильно благопріятствовала сохраненію и дальнѣйшему развитію общинныхъ правъ». Владѣнія духовныхъ имѣній большею частью состояли изъ разбросанныхъ по разнымъ мѣстамъ участковъ, такъ что рядомъ съ ними сохранились свободные землевладѣльцы, которые поддерживали связь съ обязанными крестьянами, принадлежавшими къ старой марковой общинѣ. Такая община удержала еще во многихъ отношеніяхъ свое самоуправленіе и между прочимъ право суда. Даже позднѣе, когда духовныя имѣнія получили политическое преобладаніе, «духовный помѣщикъ не могъ творить самъ уголовный судъ, а управляющій его долженъ былъ получить это право отъ императора и «становился до извѣстной степени императорскимъ чиновникомъ». Благодаря такой, сравнительно счастливой, судьбѣ, сохранились, по мнѣнію Маурера, марковыя общины въ Рейнгау, гдѣ право собственности на землю отчасти пріобрѣло Майнцское архіепископство, въ Вестфаліи, во владѣніи Ландаускаго женскаго аббатства, въ Ровеншрсбургскомъ духовномъ имѣніи. Блестящими примѣрами этого же рода слѣдуетъ считать швейцарскіе кантоны: Швицъ, Ури и Унтервальденъ, а также земли: Делабрюнъ, Дитмаршенъ и вольные имперскіе города. Впрочемъ, во всѣхъ этихъ мѣстахъ не легко было отстоять себя общинникамъ; наоборотъ, у всѣхъ ихъ свободное устройство сохранилось лишь благодаря счастливой борьбѣ старыхъ полевыхъ и марковыхъ общинъ съ помѣщиками и владѣтельными князьями. Ходъ развитія и условія борьбы были вездѣ почти

одинаковы. «Отсюда,—говоритъ Мауреръ,—и понынѣ большое сходство устройства швейцарскихъ контоновъ съ устройствомъ вольныхъ имперскихъ городовъ» (Введ., стр. 341). Организація управленія въ нихъ въ общихъ чертахъ слѣдующая: совѣтъ, такъназываемый малый, съ *амманомъ* или старшиною во главѣ, и большой совѣтъ или вмѣсто послѣдняго вся земская община. Эта простая система управленія напоминаетъ древній порядокъ, когда государственная власть еще вовсе не успѣла развиться. Каждая марка управлялась сама собой и была вполнѣ независима во всѣхъ своихъ дѣйстіяхъ. Населеніе каждой марки могло даже самостоятельно, по общему своему рѣшенію, вести войну и лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда военныя дѣйствія требовали союза нѣсколькихъ марокъ, онѣ, по свидѣтельству Цезаря, выбирали общаго предводителя. Собственно настоящая государственная власть сложилась, главнымъ образомъ, со времени болѣе частыхъ войнъ съ римлянами и великаго переселенія народовъ. «Возникновеніе такой власти существенно измѣнило первоначальныя общественныя отношенія». Самый процессъ развитія государственной власти былъ вмѣстѣ съ тѣмъ процессомъ паденія общинной свободы и самостоятельности. Съ одной стороны власть короля увеличивалась, благодаря тому, что онъ могъ распоряжаться бо̀льшимъ числомъ зависимыхъ лицъ, съ другой — благодаря присвоенному праву распоряжаться пустующею и незанятою землей. Короли заселяютъ эти земли зависимыми и полусвободными колонами, стѣсняютъ все больше свободное землевладѣніе и приводятъ въ зависимость отъ себя повсюду, за немногими исключеніями, вольныхъ общинниковъ. Политика королей и феодальной аристократіи шла въ этомъ отношеніи рука объ руку.

VI.

Множество разнородныхъ и разнообразныхъ вліяній въ теченіе вѣковъ подкапывалось подъ общинный строй и подрывало его существованіе; со всѣхъ сторонъ общинѣ наносили грозные удары. Въ основаніе неравенства и неравноправія легло завоеваніе и побѣда однихъ племенъ надъ другими. Цѣлый рядъ неблагопріятно сложившихся историческихъ обстоятельствъ, систематическое давленіе побѣдоносной аристократіи и королевской власти, безпрерывная узурпація ими общинныхъ земель и правъ, привилегированное, эмунитетное положеніе родовитыхъ владѣльцевъ, порвав-

шихъ общинныя связи и направившихъ всѣ свои усилія на подчиненіе себѣ земли и населенія, загораживаніе полей и лѣсовъ, дробленіе земель, дары, отчужденія и коммендація—все это одновременно направлено было на разрушеніе общиннаго землевладѣнія и развитіе крупной поземельной собственности. Но община съ трудомъ подавалась вліянію разрушительныхъ, враждебныхъ факторовъ и упорно сопротивлялась имъ. Не легко было вырвать изъ народной жизни учрежденія, представлявшія въ одно и то же время залогъ и экономической обезпеченности, и справедливости. Народъ стойко хранилъ привязанность къ излюбленной формѣ общежитія, и въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ марковое устройство является распространеннымъ еще повсемѣстно въ Германіи. Въ новый періодъ исторіи въ союзъ съ интересами крупнаго землевладѣнія вступаетъ и научная теорія въ лицѣ агрономовъ и экономистовъ либеральной школы, и подъ ихъ вліяніемъ развившаяся уже вполнѣ государственная власть наноситъ новые удары остаткамъ общиннаго владѣнія. Вторая половина прошлаго столѣтія и первые годы нынѣшняго ознаменованы для всей Германіи враждебнымъ крестьянскому населенію и общинному землевладѣнію законодательствомъ. Повсюду идетъ размежеваніе общинныхъ владѣній (Wertheilung des Allmendgutes), но печальные результаты такихъ раздѣловъ сказались такъ скоро и были такъ поразительны, что заставили призадуматься.

Законодательство и администрація пріудерживаютъ нѣсколько свою прыть во враждебной общинѣ политикѣ, правда, уже нѣсколько поздно. Въ то же время во многихъ мѣстахъ задумываются надъ вопросомъ, какъ примирить сохраненіе альмендъ, какъ общую собственность всей общины, съ пользованіемъ ими согласно требованіямъ раціональной культуры. И въ этомъ отношеніи были даже сдѣланы нѣкоторыя удачныя попытки. Этого, впрочемъ, не трудно было ожидать, такъ какъ общинное землевладѣніе по существу своему нисколько не противорѣчитъ общему прогрессу и развитой, интенсивной сельскохозяйственной культурѣ. Дѣйствительно тамъ, гдѣ историческая судьба сложилась для нея болѣе счастливо, община успѣла не только сохраниться невредимой, но иногда даже развиться и усовершенствоваться въ нѣкоторой степени. Не въ одной только Швейцаріи, гдѣ вмѣстѣ съ сохранившимися общинными учрежденіями сохранилась и первоначальная свобода народа, но во многихъ другихъ мѣстахъ Германіи сохранились общинныя владѣнія землею со всѣми ихъ выгодными послѣдствіями

для народа. «Альменды,—говоритъ Бюхеръ въ его любопытныхъ добавленіяхъ къ книгѣ Лавелэ,—какъ остатки общей марки, при регулированномъ пользованіи всѣхъ членовъ общины, никоимъ образомъ не ограничиваются предѣлами одной Швейцаріи,—онѣ встрѣчаются также въ очень большомъ числѣ южно-германскихъ общинъ, преимущественно въ Баденѣ, Вюртембергѣ, Гогенцоллернѣ и въ Гессенской провинціи Штаркенбургѣ; даже сѣвернѣе Майна встрѣчаются еще многочисленные уцѣлѣвшіе остатки ихъ. Мы не говоримъ здѣсь о нераздѣльныхъ общинныхъ лѣсахъ и лугахъ, потому что въ отношеніи къ нимъ право пользованія членовъ старой марки сохранилось на гораздо болѣе обширномъ пространствѣ, или, лучше сказать, было перенесено на современныхъ гражданъ сельскаго общества. Мы скорѣе имѣемъ въ виду преимущественно обработываемую землю (dass cultivirte Gemeindeland), поскольку она періодически или пожизненно распредѣляется между мѣстными гражданами по жребію» («Ureig.», стр. 152). Живучесть общиннаго строя проявилась во многихъ случаяхъ въ способности общинныхъ формъ землевладѣнія приспособляться къ измѣняющимся условіямъ времени и новымъ требованіямъ жизни. Не только многочисленные слѣды общины сохранились по всей Германіи,—говоритъ Бюхеръ въ другомъ мѣстѣ,—но въ дѣйствительномъ, конкретномъ смыслѣ общая марка далеко не повсемѣстно погибла. «Она продолжаетъ отчасти жить подъ высоко развитыми культурными отношеніями и съ соотвѣтствующимъ эпохѣ развитіемъ первобытной идеи въ альмендахъ Швейцаріи и южной Германіи.... Но она удержалась и въ своей древней формѣ тамъ, гдѣ условія предшествовавшаго періода хозяйства встрѣчаются и нынѣ,—такъ именно въ средне-германскихъ горныхъ областяхъ» (ibid., стр. 91). Бюхеръ довольно подробно описываетъ формы землевладѣнія въ мѣстностяхъ, удержавшихъ остатки общины, и новѣйшую ихъ исторію; но мы не можемъ долѣе останавливаться на подробностяхъ этихъ учрежденій.

Заканчивая нашъ очеркъ, мы не можемъ отказаться бросить хотя бы мимолётный взглядъ на судьбу нашей русской общины. То, что составляетъ, повидимому, анахронизмъ для Германіи, уцѣлѣвшіе остатки глубокой старины, мѣстами сохранившіеся счастливою случайностью,—составляетъ у насъ въ Россіи общее правило, повсемѣстное сплошное явленіе. Все великорусское населеніе, какъ и значительная часть другихъ племенъ и народовъ (всѣ почти инородцы)—удержали учрежденія земельной общины, и мір-

ское владѣніе землею является для нихъ самою понятною и естественною формой землевладѣнія. Мало того, въ тѣхъ мѣстахъ даже, гдѣ неблагопріятныя историческія событія привели къ исчезновенію сельско-общиннаго строя, и тамъ еще можно встрѣтить, правда, иногда тщательно скрываемые «тайнички» души, — идеалы, идущіе въ разрѣзъ съ новыми установившимися отношеніями, и тамъ еще часть крестьянства лелѣетъ вѣру, что земля не должна составлять частной собственности отдѣльнаго лица, что земля— Божья, мірская. Тѣмъ не менѣе нельзя не задаться вопросомъ: уцѣлѣетъ ли русская аграрная община, какова ея будущая судьба? Правда, мы живемъ нынѣ въ болѣе счастливую эпоху, когда невозможны ни открытый грабежъ, ни насильственный захватъ земель, ни насильственныя экспропріаціи массы крестьянства, ни нѣкоторыя изъ другихъ мѣропріятій, которыми нѣмецкіе землевладѣльцы обратили народныя общинныя угодья въ свое «благопріобрѣтенное» и родовое имущество,—повидимому, они отошли въ область невозвратнаго прошлаго, — но и въ нашей русской жизни можно указать нѣкоторые такіе факторы, продолжающіе свою разрушительную работу поглощенія общины. Не задаваясь цѣлью перечислять ихъ здѣсь, мы ограничимся ссылкой на факты, недавно обнародованные въ литературѣ. Эти факты какъ нельзя болѣе краснорѣчиво свидѣтельствуютъ, что и въ нашъ просвѣщенный вѣкъ открыто и прямо практикуется, напримѣръ, въ широкихъ размѣрахъ *раздача земель*, притомъ переходящая иногда въ прямое расхищеніе, принимающее часто формы далеко несогласныя съ требованіями, установленными для этого закономъ (*Отеч. Зап.*, послѣдніе мѣсяцы 1880 г.). Рядомъ съ такими, изстари вліяющими, факторами предъ общиной и крестьянскимъ земледѣльческимъ населеніемъ стоитъ въ грозномъ всеоружіи новый врагъ, не менѣе ожесточенный, не менѣе опасный, еще болѣе жадный. Этотъ врагъ—сила капитала, явленіе извѣстное въ литературѣ подъ именемъ *капитализма*. Будущее безспорно принадлежитъ не мелкому, но крупному хозяйству. Люди не должны тратить напрасныхъ усилій въ одиночной борьбѣ съ производительными силами природы, разъ эти силы во сто кратъ щедрѣе вознаграждаютъ ихъ дружный, соединенный трудъ. На какихъ же принципахъ съорганизуется у насъ въ Россіи крупное хозяйство—на частно-капиталистическихъ, или общинныхъ?

Самое больное мѣсто крестьянскаго хозяйства и сельской общины—это недостатокъ земли. *Неестественный фактъ*, что въ

Россіи, странѣ земледѣльческой по преимуществу,—странѣ многоземельной par excellence, широко раскинувшейся и вдоль, и поперекъ на необъятное пространство,—странѣ, гдѣ даже въ наиболѣе населенныхъ мѣстностяхъ число жителей, приходящихся на одну квадратную единицу пространства, такъ незначительно,—странѣ, принимающей эмиграцію изъ другихъ странъ,—неестественный фактъ, что крестьяне-земледѣльцы страдаютъ отъ малоземелья, констатированъ единодушно литературой и наукой. Въ малоземельи крестьянства—источникъ всѣхъ его бѣдствій; оно же составляетъ и ахиллесову пяту аграрной общины. Крестьянинъ все больше и больше отвлекается отъ своей узкой полоски на сторону; ему все рѣзче бьетъ въ глаза фактъ, что съ своего мірскаго надѣла не прокормишься, что заработокъ и возможность содержать не впроголодь себя и семью можно скорѣе найти на сторонѣ, уходя на промыслы, нанимаясь къ хозяину—на фабрику ли, на заводъ ли, къ желѣзнодорожному предпринимателю, къ кулаку, заступившему мѣсто барина въ землевладѣніи. Крестьянинъ очень хорошо понимаетъ, что ему въ этихъ случаяхъ приходится работать не на себя,—что значительная часть его труда идетъ на пополненіе хозяйскихъ кармановъ; но ему также воочію ясно, что безъ этого заработка ему нѣтъ выхода. Его ничтожный земельный надѣлъ истощенъ и удобрить его нѣтъ средствъ, поэтому сколько ни бьется надъ нимъ крестьянинъ, а урожай получаетъ жалкій и хлѣба у него хватаетъ еле до декабря. Платежи за землю нерѣдко превышаютъ ея доходность. Представьте себѣ рядомъ съ этимъ крупнаго владѣльца, капиталиста, готоваго предложить крестьянину хорошую плату за его земельный участокъ, разъ онъ будетъ подлежать продажѣ, и въ то же время соблазняющаго мужика наемною платой за его работу, сколько-нибудь могущую обезпечить его существованіе. Какъ не соблазниться крестьянину, какъ ему не проникнуться мыслью, что мірское владѣніе стѣснительно, что хорошо бы выдѣлиться, если возможно?... Крестьянинъ знаетъ цѣну своей независимости и выгодъ общиннаго владѣнія, но

Въ мірѣ есть царь,
Этотъ царь безпощаденъ,—
Голодъ названье ему...

Голодъ заставляетъ людей забывать родительскія чувства. Тѣмъ болѣе онъ властенъ заглушить мірскіе инстинкты, какъ

бы они ни были сильны. Голодному человѣку нуженъ прежде всего хлѣбъ. Вотъ почему первая задача людей, желающихъ спасти общинный строй, это—забота объ увеличеніи крестьянскаго землевладѣнія. Крестьянинъ прежде всего долженъ получить достаточное количество земли для своего прокормленія: это составитъ его точку опоры противъ скупщиковъ наемнаго труда и мужицкой землицы. Потомъ можно обратить усилія и на созданіе болѣе интенсивнаго хозяйствованія въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ оно вызывается существующими или наростающими условіями. Заведутся крупныя хозяйства, но не на частно-капиталистическихъ началахъ: въ основу ихъ ляжетъ начало артельное, союзное; исходною ихъ точкой будетъ сельская община и артель, а вѣнцомъ—лучшій идеалъ будущаго, коллективное владѣніе и коллективный трудъ. Поскольку русскіе крестьяне и теперь способны къ веденію артельнаго хозяйства, это мы подтвердимъ свидѣтельствомъ человѣка не увлекающагося, не мечтателя, но трезваго, умнаго и внимательнаго наблюдателя народной жизни. «Въ моихъ письмахъ,—говоритъ г. Энгельгардтъ,—я много разъ указывалъ на сильное развитіе индивидуализма въ крестьянахъ, на ихъ обособленность въ дѣйствіяхъ, на неумѣнье, нежеланіе, лучше сказать, соединяться въ хозяйствѣ для общаго дѣла. На это же указываютъ и другіе изслѣдователи крестьянскаго быта. Иные даже полагаютъ, что дѣлать что-нибудь сообща противно духу крестьянства. Я съ этимъ совершенно не согласенъ. Все дѣло состоитъ въ томъ, какъ смотрѣть на дѣло сообща. Дѣйствительно, дѣлать что-нибудь сообща, огульно,—какъ говорятъ крестьяне,—дѣлать такъ, что работу каждаго нельзя учесть въ отдѣльности, противно крестьянамъ; на такое общеніе въ дѣлѣ, по крайней мѣрѣ при настоящей степени ихъ развитія, они не пойдутъ, хотя случается и теперь, что при нуждѣ, когда нельзя иначе, крестьяне и теперь работаютъ сообща. Примѣромъ этому служатъ артели, нанимающіяся молотить, возить навозъ, косить. Но для работъ *на артельномъ началѣ*, подобно тому какъ въ граборскихъ артеляхъ, гдѣ работа дѣлится и каждый получаетъ вознагражденіе за свою работу, крестьяне соединяются чрезвычайно легко и охотно» (*Отеч. Зап.* 1879 г., т. I: «Изъ деревни», стр. 131). Но еще болѣе вѣрный залогъ этого лежитъ въ самомъ способѣ производства при крупномъ и раціональномъ хозяйствѣ. Надѣлите крестьянъ землей и снабдите міръ, общину, средствами завести всѣ нужныя улучшенія и крупныя машины. Природа этихъ

орудій производства требуетъ союзнаго, артельнаго, ассоціированнаго труда, и потому они неизбѣжно разовьютъ въ крестьянинѣ, понимающемъ выгоды ихъ примѣненія, артельныя склонности. Вопросъ о сельской общинѣ можно формулировать слѣдующимъ образомъ: кому принадлежитъ будущее—кулаку, или самостоятельному крестьянину,—буржуазіи, или народному благосостоянію,—эксплуатаціи, или трудовому началу, — соціальнымъ бѣдствіямъ и сословной враждѣ, или внутреннему порядку, довольству и развитію? Вотъ почему въ земельномъ и общинномъ вопросѣ — центръ тяжести русской жизни.

М. Ш.

Исторія одного развода.

Романъ.

Часть I.

VII *).

Прошло недѣль шесть съ тѣхъ поръ, какъ Марья Алексѣевна покинула домъ своего мужа. Къ Астафьеву стали опять собираться земляки и пріятели со всѣхъ концовъ Петербурга, опять его можно было застать каждый вечеръ дома. Онъ выходилъ только въ департаментъ, остальное же время проводилъ съ Аней и съ друзьями. Всѣмъ казалось, что въ жизни его ровно ничего не измѣнилось, что и самъ онъ остался такимъ же добрымъ и веселымъ малымъ, какимъ онъ былъ до своего «вдовства»,—одинъ только Григорьевъ подмѣчалъ, какъ онъ худѣлъ, какимъ страннымъ блескомъ загораются иногда его глаза и какой у него часто апатичный и утомленный видъ.

А съ нѣкоторыхъ поръ стали проявляться и болѣе зловѣщіе признаки: Николай Ивановичъ искалъ случая оставаться съ Григорьевымъ наединѣ и тотчасъ же заговаривалъ съ нимъ о Марьѣ Алексѣевнѣ.

Богъ знаетъ какъ, черезъ кого и какимъ образомъ, но ему до малѣйшихъ подробностей было извѣстно все, что до нея касалось. Онъ зналъ, что Марья Алексѣевна въ Петербургѣ, но собирается за границу, куда Таманскій долженъ былъ ѣхать вслѣдъ за нею. Она жила на Васильевскомъ островѣ, никуда не выходила, никого не принимала и даже со своимъ любовникомъ видѣлась рѣдко. Это слово *любовникъ* Астафьевъ произ-

---

*) *Русская Мысль*, кн. VI.

носилъ съ особеннымъ наслажденіемъ, какъ будто Марья Алексѣевна это слышитъ и ей отъ этого больно.

Да, они собирались за границу, но для полученія заграничнаго паспорта требовалось оффиціальное разрѣшеніе мужа, и какъ ни старался избѣжать этой непріятности его превосходительство, однако пришлось обратиться къ Николаю Ивановичу.

— Они прислали ко мнѣ какого-то г. Степановскаго съ довѣренностью отъ нея,—разсказывалъ Астафьевъ своему пріятелю Григорьеву.—Этотъ господинъ явился ко мнѣ сегодня утромъ и при первомъ его словѣ о паспортѣ кровь хлынула мнѣ въ голову съ такою силой, что я чуть было не пустилъ ему въ голову стуломъ... Понимаешь ли тутъ что-нибудь?

Не дожидаясь отвѣта, Астафьевъ продолжалъ:

— Я не люблю ее, я не могу ее любить... Мнѣ иногда даже кажется, что я никогда ее не любилъ,—такъ мало между нами общаго въ характерѣ, во вкусахъ, во взглядахъ на жизнь,—а между тѣмъ я никакъ не могу привыкнуть къ мысли, что между нами все кончено, что она навсегда ушла отъ насъ... Я все жду чего-то и постоянно думаю о ней, а какъ только кто-нибудь посторонній напомнитъ, это меня нестерпимо раздражаетъ... Выразить тебѣ не могу, что за скверность у меня поднялась на душѣ при появленіи этого Степановскаго!

Хорошо, что Аня присутствовала при разговорѣ отца съ повѣреннымъ Марьи Алексѣевны, — только это и удержало его въ границахъ приличія. На просьбу г. Степановскаго онъ сухо отвѣчалъ, что ему сегодня некогда заниматься этимъ дѣломъ.

— Когда же прикажете явиться?—спросилъ адвокатъ очень вѣжливо, но вмѣстѣ съ тѣмъ такъ настойчиво, что нечего было и думать о томъ, чтобъ отдѣлаться отъ него безъ хлопотъ.

Разговоръ происходилъ у дверей. Николай Ивановичъ самъ не садился, чтобы не предложить своему посѣтителю стула. Довѣренный Марьи Алексѣевны былъ низенькій человѣкъ, еще молодой, но совсѣмъ почти лысый, съ беззубымъ, хитрымъ ртомъ и пронзительными темно-желтоватыми глазками. Онъ смотрѣлъ на Астафьева посверхъ очковъ, снизу вверхъ, и съ пристальнымъ любопытствомъ, доходящимъ до нахальства. Голосъ у него былъ пѣвучій, бархатный. «Музыка, да и только»,—говорили про него въ судѣ, гдѣ онъ выигрывалъ не мало дѣлъ, благодаря именно этому голосу, а также увертливости, тягучести и двусмысленности своихъ рѣчей.

— Марья Алексѣевна сочла бы за особенное одолженіе съ вашей стороны, еслибы вы поторопились выдать ей этотъ документъ,— продолжалъ онъ, не дожидаясь отвѣта на свой первый вопросъ.

— За особенное одолженіе!...

«Ужь не воображаетъ ли этотъ прохвостъ, что я отлыниваю изъ какихъ-нибудь видовъ, что мнѣ не хочется, чтобъ она уѣзжала за границу?»—мелькало въ умѣ Николая Ивановича.

Онъ весь побагровѣлъ отъ подобнаго предположенія.

— Повторяю вамъ, что сегодня мнѣ некогда заниматься дѣломъ вашей довѣрительницы!—вскричалъ онъ запальчиво.—Чего вы ко мнѣ пристаете? Оставьте меня въ покоѣ и не трудитесь ко мнѣ являться больше,—я самъ доставлю требуемую бумагу..., когда найду это для себя удобнымъ, — прибавилъ онъ сквозь зубы.—Да вотъ что еще: оставьте мнѣ вашъ адресъ,—разыскивать квартиру Марьи Алексѣевны я вовсе не намѣренъ.

При этихъ словахъ онъ мелькомъ взглянулъ на посѣтителя и ему показалось, будто по его тонкимъ губамъ проскользнула усмѣшка. Но усмѣшка эта была такая коротенькая, что придраться къ ней не было никакой возможности.

— Я оставлю вамъ мою карточку съ адресомъ, а также, если позволите, эту записку, — проговорилъ онъ, вынимая изъ боковаго кармана сложенную вчетверо бумагу и кладя ее вмѣстѣ съ визитною карточкой на столъ.—Тутъ все изложено, остается только подписать.

А затѣмъ онъ ушелъ, очень учтиво раскланявшись не только съ хозяиномъ дома, но также и съ Аней, которая присутствовала при этомъ разговорѣ, внимательно къ нему прислушиваясь.

— Я, кажется, не отвѣтилъ на его поклонъ,—вотъ до чего они меня додразнили,—замѣтилъ Николай Ивановичъ, передавая Григорьеву подробности утренняго разговора.—Вѣдь, глупо, не правда ли?

— Конечно, глупо. Мнѣ кажется, что чѣмъ скорѣе съ ними развязаться, тѣмъ лучше. Тебѣ будетъ легче дышать, когда они будутъ за границей.—И помолчавъ немного, онъ спросилъ:—Хочешь, я справлюсь, какъ пишутся эти бумаги, и приготовлю тебѣ ее?

— Не безпокойся,— все предусмотрѣно наилучшимъ манеромъ... Вотъ общепринятая форма для подобныхъ документовъ.

Николай Ивановичъ подалъ своему пріятелю бумагу, оставленную у него Степановскимъ. Григорьевъ пробѣжалъ ее.

— Ну, что-жь, и отлично! Тебѣ стóитъ только это подписать и отнести въ участокъ для засвидѣтельствованія твоей руки, вотъ и все.

— Вотъ и все!—повторилъ Астафьевъ.—Я подпишу эту бумагу, отошлю ее Марьѣ Алексѣевнѣ и она будетъ жить съ нею за границей такъ же спокойно, какъ будто меня уже нѣтъ въ живыхъ, какъ будто она никогда не любила меня, не вѣнчалась со мной и не имѣла отъ меня ребенка...

Онъ смолкъ, пристально посмотрѣлъ на Григорьева и нерѣшительно проговорилъ:

— Неужели я иначе поступить не могу?

— Можешь. Ты можешь не выдавать ей вида на жительство, не пускать ее за границу, надѣлать ей множество хлопотъ и непріятностей, но ты этого не сдѣлаешь...

Астафьевъ нетерпѣливо его прервалъ:

— Почему?—И не давая ему времени отвѣтить, онъ продолжалъ съ раздраженіемъ: —Неужели ты не понимаешь, какое громадное наслажденіе доставилъ бы мнѣ всякій скандалъ,—всякій, какой бы онъ ни былъ, самый грязный и шумный?... Мнѣ иногда хочется напиться пьянымъ, чтобы свершить какое-нибудь безобразіе съ нею или съ Таманскимъ, все равно... Я увѣренъ, что потомъ мнѣ легче будетъ, чѣмъ бы дѣло ни кончилось... Не трудись со мной спорить,—продолжалъ онъ, все болѣе и болѣе оживляясь.—Ты мнѣ скажешь,—о, я отлично знаю все, что ты мнѣ скажешь,—во всякомъ случаѣ ничего новаго, за это можно поручиться... Все это—слова, слова и больше ничего!... Умъ ихъ выдумалъ, языкъ повторяетъ, а сердце твердитъ свое... И такой въ немъ шевелится звѣрь, котораго никакими словами, никакой философіей не ублаготворишь... Ну, ну, успокойся!—поспѣшилъ онъ прибавить съ усмѣшкой,—не измѣню я себѣ, или, лучше сказать, *вамъ*, потому что въ себя я ужь давно пересталъ вѣрить, давно потерялъ способность различать бѣлое отъ чернаго; но это все равно, вамъ бы лишь не краснѣть за *своего*,—вѣдь только, не правда ли?... Вотъ и она то же говоритъ въ своемъ послѣднемъ письмѣ: «Ваши правила и убѣжденія мнѣ извѣстны. Вы злоупотреблять правами, предоставленными вамъ закономъ, не способны...» Остается только кланяться и благодарить за лестное мнѣніе!... Я такъ и сдѣлалъ. И повѣренный ея напиралъ на то же самое:

девятнадцатый вѣкъ, прогрессъ, терпимость, принципъ свободной любви и пр. Наизусть знаю, подсказать бы могъ,—такъ твердо вызубрено... И радъ бы забыть, да не могу... Сколько разъ самъ это пѣлъ и ей, и другимъ!... Другіе-то только слушали, да поддакивали, по той причинѣ, что почему не поговорить съ хорошимъ человѣкомъ,—ну, а она—дѣло другое: она все подшпиливала, подчеркивала, да при первомъ удобномъ случаѣ и вспомнила, все до крошечки вспомнила, и бьетъ меня теперь моимъ же собственнымъ оружіемъ... Самъ, значитъ, виноватъ!... Представился либераломъ, назвался груздемъ, — ну, и полѣзай въ кузовъ. И полѣзу!... Не отрекаться же отъ принциповъ на тридцать седьмомъ году отъ рожденія. Принципы... Чорта съ два!..

Онъ расхохотался громкимъ, желчнымъ смѣхомъ.

Григорьевъ слушалъ его молча. Оборотъ, который принимало душевное настроеніе Николая Ивановича, очень ему не нравился. Съ каждымъ днемъ находилъ онъ его раздражительнѣе, но его въ особенности пугала односторонность, преобладавшая въ мысляхъ Астафьева: онъ обыкновенно или молчалъ, или говорилъ про жену. Впрочемъ, былъ еще предметъ, на которомъ онъ довольно охотно останавливался: это—была его дочь. Григорьевъ это зналъ и, чтобъ отвлечь мысли пріятеля отъ тягостнаго впечатлѣнія, произведеннаго утреннимъ посѣтителемъ, началъ расспрашивать про Аню.

Лицо Николая Ивановича начало мало-по-малу проясняться.

Съ тѣхъ поръ, какъ Марья Алексѣевна ихъ покинула, Аня пресерьезно забрала въ свои руки бразды правленія въ домѣ и хозяйничала на-пропалую. На дняхъ она объявила отцу, что Пашу давно пора разсчитать.

Николай Ивановичъ и самъ хотѣлъ это сдѣлать. Онъ зналъ, что Паша бѣгаетъ къ своей бывшей госпожѣ и переноситъ ей все, что у нихъ дѣлается въ домѣ, а дѣвочкѣ цѣлый день жужжитъ про мать. Ужь изъ одного этого слѣдовало бы ее выгнать, а къ тому же она очень дерзка и груба съ Аней. Однако, онъ не вдругъ согласился на просьбу дочери и, подбирая въ умѣ разные предлоги для оттяжки рѣшенія, сказалъ, что во всякомъ случаѣ нельзя отказать Пашѣ сейчасъ,—надо прежде найти, кѣмъ ее замѣнить.

— Вѣдь нельзя же оставаться совсѣмъ безъ прислуги.

Но дѣвочка и этотъ аргументъ съумѣла опровергнуть, какъ и прочіе.

— Мы не останемся безъ прислуги. Мы возьмемъ Аришкину мать, — она умѣетъ готовить кушанье... Аришка говоритъ, когда они жили у майора, мать ея и колдуны дѣлала, и супъ, и все....

— У какого майора?... Да она и пьяница къ тому же, сама же ты разсказывала.

Аня возразила на это, что Аришкина мать пьетъ со зла, потому что нѣтъ мѣста, а жить одной стиркой ужасно, ужасно трудно.

— Ты не знаешь!... Онѣ ѣдятъ только черный хлѣбъ, ихъ безпрестанно гоняютъ съ квартиры, верхніе жильцы перестали отдавать бѣлье, потому что барышнина рубашка съ вышивками пропала... Онѣ захотѣли заказать такую знакомой бѣлошвейкѣ, но та десять рублей запросила: «никакъ нельзя меньше, говоритъ, потому что прошивки настоящія батистовыя»... Ахъ, папочка, еслибъ ты видѣлъ, какъ Марина плакала у насъ въ кухнѣ, когда Паша ее распрашивала! Я не могла смотрѣть, я убѣжала въ дѣтскую... Аришка говоритъ: «попроси папу насъ замѣсто Паши взять, а то мамка по цѣлымъ ночамъ воетъ»... Папочка, милый, возьмемъ ее! Пожалуйста, возьмемъ! — приставала она до тѣхъ поръ, пока отецъ не согласился.

— Дѣлать нечего, взялъ я Аришкину мать и, разумѣется, съ дочерью. До сихъ поръ ничего, — кажется, баба честная и суровая такая, молчаливая... Это хорошо. А дѣвчонка у нея— прешустрая, на всѣ руки. Аня начала учить ее азбукѣ, и я вчера вечеромъ засталъ ихъ обѣихъ въ столовой за книжкой.

Григорьевъ одобрилъ изгнаніе Паши и занятія Ани съ Аришкой, а также намѣреніе Астафьева перебраться на другую квартиру, подальше отсюда, чтобы ничего не напоминало прошлаго.

Николай Ивановичъ нашелъ квартиру въ одномъ изъ отдаленнѣйшихъ предмѣстій Петербурга. Въ низенькихъ и довольно неудобно расположенныхъ комнатахъ ничего не было особенно привлекательнаго и врядъ ли онъ остановилъ бы на нихъ свое вниманіе, еслибъ ему пришлось осматривать ихъ зимой или осенью. Но случай натолкнулъ его сюда въ концѣ мая. Проходя мимо полурастворенной калитки, онъ заглянулъ въ обширный дворъ, поросшій травой и обсаженный акаціями и двумя-тремя тощими березками. Мѣсто это было извѣстно въ околоткѣ подъ

названіемъ «сада Елены Петровны» и служило мѣстомъ сборища для всѣхъ сосѣднихъ ребятишекъ. Тутъ ихъ всегда было очень много, всякаго возраста и состоянія, начиная отъ шестимѣсячной дѣвочки лавочника, прыгавшей на колѣняхъ десятилѣтней сестренки, и кончая двумя сорванцами въ растерзанныхъ рубашенкахъ, которымъ самъ околодочный надзиратель доводился роднымъ дядей. Тутъ же кохинхинскій пѣтухъ преважно расхаживалъ среди своего многочисленнаго и звонко кудахтавшаго семейства, а бѣлая собачонка, задорно задравъ хвостъ, съ звонкимъ лаемъ металась изъ стороны въ сторону, неудержимо предаваясь избытку игривости, навѣваемой на нее весеннимъ воздухомъ, яснымъ, теплымъ солнцемъ и веселыми возгласами дѣтей.

На черной дощечкѣ, прибитой у воротъ, бѣлыми буквами было написано, что домъ этотъ принадлежитъ Еленѣ Петровнѣ Побѣдашъ, вдовѣ майора. Домъ былъ двухъ-этажный, внизу жила сама хозяйка, а верхъ отдавался внаймы, въ чемъ каждому прохожему легко было убѣдиться, благодаря бѣлымъ билетикамъ, наклееннымъ на стекла оконъ, выходящихъ на улицу.

День бѣлъ ясный, теплый, солнечный. Весело и уютно выглядѣлъ домъ майорши Побѣдашъ въ такіе дни! Со двора доносился веселый дѣтскій смѣхъ, раскатистый лай Амишки, кудахтанье куръ. Въ комнатахъ трещали на-пропалую птицы въ клѣткахъ, подвѣшанныхъ для большей безопасности къ самому потолку. Огромный сибирскій котъ нѣжился на солнышкѣ, вытянувшись на самомъ краю подоконника.

Николай Ивановичъ оглянулся по сторонамъ: направо виднѣлась площадь съ церковью, за которой тянулся паркъ, налѣво— рѣка съ покачивающимися у береговъ лодочками, барками съ дровами, плотами для прачекъ...

«Лучше всякой деревни,—подумалъ онъ. --Переселиться развѣ сюда?... Но только какже со службой?»

Звонокъ проѣзжавшей мимо конки самымъ удовлетворительнымъ образомъ отвѣтилъ на этотъ вопросъ. Николай Ивановичъ вспомнилъ, что тутъ и зимой ходятъ какія-то сани. Сколько разъ случалось ему провожать любопытнымъ взглядомъ неуклюжую колымагу на полозьяхъ, набитую разнокалибернымъ людомъ. Однажды онъ даже проѣхался въ этомъ экипажѣ, изъ курьеза больше... Это было очень давно тому назадъ, но онъ до сихъ поръ помнитъ, что сидѣть въ этихъ саняхъ вовсе не такъ неудобно, какъ кажется.

Онъ поднялся на маленькое крылечко и толкнулъ дверь въ сѣни. Выглянула какая-то старуха, замѣчательно безобразная.

— Вамъ кого?—спросила она, съ любопытствомъ оглядывая его съ ногъ до головы.

Николай Ивановичъ объявилъ, что желалъ бы осмотрѣть квартиру. Старуха отворила дверь въ сосѣднюю комнату.

— Мужчина какой-то пришелъ квартиру смотрѣть, видать изъ благородныхъ,—громко доложила она, не стѣсняясь присутствіемъ посѣтителя.

За стѣной послышался шорохъ и стукъ вдвигаемыхъ ящиковъ.

— Сама идетъ... Войдите въ залецъ, сейчасъ выйдетъ, — обратилась старуха къ Астафьеву.

Она ввела его въ комнату съ свѣтло-насвѣтло натертыми полами, всю облитую яркимъ полдневнымъ солнцемъ, пропитанную тепличной атмосферой цвѣтущихъ желтофіолей и острымъ запахомъ выхоленной герани, съ легкою примѣсью деревяннаго масла. Птицы трещали безъ умолку. Котъ посмотрѣлъ съ минуту времени своими желтыми глазами на незнакомца, какъ будто раздумывая, стоитъ ли изъ-за него безпокоиться, и рѣшивъ, что не стоитъ, лѣниво откинулъ хвостъ въ сторону и снова уставилъ терпѣливо-пристальный взглядъ на клѣтку съ чижикомъ, висѣвшую надъ нимъ. По стѣнамъ были развѣшаны картинки божественнаго и платонически-чувствительнаго содержанія, съ трогательными надписями внизу, изъ Поль и Виржини, дѣвочка съ голубкомъ и тому подобное. Вдоль стѣнъ была аккуратно разставлена тяжелая мебель краснаго дерева, покрытая бѣлыми чехлами. Въ одномъ изъ угловъ красовался шкафъ съ фарфоровыми и стеклянными игрушками, а въ другомъ—большой образъ Николая Чудотворца въ серебряной ризѣ. Передъ этимъ образомъ горѣла неугасимая лампада; но надо было долго всматриваться въ нее, чтобъ отличить пламя, трепетавшее маленькимъ краснымъ пятномъ въ золотистомъ блескѣ яснаго лѣтняго дня.

Хозяйка не заставила себя долго ждать. Не прошло и пяти минутъ, какъ шорохъ и шелестъ за дверью усилились, дверь растворилась и вошла женщина среднихъ лѣтъ, худая, длинная и желтая, въ темномъ шерстяномъ платьѣ и въ шелковой мантильѣ, отдѣланной бахромами и какими-то некстати насаженными бантами, очень большими и безобразными. Мантилья эта была надѣта ради чужаго человѣка, что по всему было замѣтно,— она была слишкомъ длинна и широка, немилосердно шуршала

при малѣйшемъ движеніи и торчала такими безобразными складками на плечахъ, что длинная шея Елены Петровны казалась еще тоньше, а голова съ жидкими, гладко зачесанными волосами, еще миніатюрнѣе.

«Вотъ чучело-то!»—подумалъ Астафьевъ, съ трудомъ сдерживая усмѣшку при первомъ взглядѣ на странное существо, представшее передъ нимъ.

Но чѣмъ больше всматривался онъ въ нее, тѣмъ меньше ему хотѣлось смѣяться: большіе сѣрые глаза Елены Петровны дышали такою искренностью, такимъ наивнымъ простодушіемъ, улыбка у нея была такая добрая, что это некрасивое, изрытое оспой лицо невольно возбуждало симпатію и довѣріе.

Робко, съ застѣнчивыми ужимками строго держанной дѣвочки, поклонилась она своему посѣтителю и, на просьбу показать отдающуюся въ ея домѣ квартиру, молча повела его къ лѣстницѣ, ведущей на верхъ. Но любопытство ея было сильно возбуждено, и въ то время, какъ Николай Ивановичъ внимательно осматривалъ помѣщеніе, мысленно наполняя пустыя комнаты своею мебелью и вещами и населяя ихъ существами ему близкими, дочерью, друзьями,—Елена Петровна украдкой всматривалась въ его лицо и молила Бога, чтобы дѣло между ними сладилось.

Въ несложной и однообразной жизни майорши жильцы играли громадную роль. Домовладѣлицей она сдѣлалась лѣтъ десять тому назадъ и квартира, которую она сдавала, была такъ дешева, что жильцы жили у нея подолгу, но только мало радости видѣла она до сихъ поръ отъ нихъ. Первые три года квартировалъ у нея какой-то отставной поручикъ съ женой, чахоточный и такой лютый въ гнѣвѣ, что когда онъ принимался *учить* свою супругу, несчастная жертва такъ стонала отъ боли, что въ домѣ никуда нельзя было спастись отъ ея крика. Ее слышно было даже и на улицѣ, и бѣдная Елена Петровна навзрыдъ плакала отъ состраданія. Впослѣдствіи оказалось, что поручикъ имѣлъ вѣскія причины такъ жестоко поступать съ супругой; не успѣли вынести его ногами впередъ изъ квартиры, какъ вдовушка умчалась съ тѣмъ самымъ морякомъ, изъ-за котораго у нея выходили исторіи съ покойнымъ мужемъ, и умчалась самымъ безсовѣстнымъ и неприличнымъ образомъ, не дождавшись сорочинъ, ни разу не помолившись на могилѣ покойнаго. Елена Петровна вспомнить не могла безъ содроганія про этихъ жильцовъ, и когда они ей грезились во снѣ, она непремѣнно отправлялась на слѣ-

дующій день въ церковь и заказывала молебенъ тому угоднику, который помогаетъ отъ тяжкихъ сновидѣній.

Потомъ жила у нея генеральша, очень важная особа. Съ перваго же разу она обошлась съ Еленой Петровной такъ надменно и поставила ее отъ себя на такую дистанцію, что та не осмѣливалась даже напоминать своей жиличкѣ о платѣ за квартиру. А платила генеральша очень неаккуратно и сбивчиво: то, напр., переплатитъ нѣсколько копѣекъ, то недоплатитъ нѣсколько рублей,—вѣчно путаница выходила. Послѣдній же годъ генеральша совсѣмъ перестала платить и на всѣ просьбы хозяйки, почтительнѣйше передаваемыя ей черезъ Варварушку, гнѣвалась и утверждала, что всегда жила въ благородномъ обществѣ и къ такимъ пассажамъ не привыкла.

— Будутъ деньги, сама пришлю... Что за напоминанія!

— Ну, что-жь дѣлать, Варварушка, подождемъ,—смирялась со вздохомъ Елена Петровна.

И дождалась она до того, что въ одинъ прекрасный день генеральша съѣхала, ни копѣйки не заплативши за цѣлыхъ полгода. Правда, она обѣщалась выслать деньги изъ имѣнія дочери, которая была замужемъ за какимъ-то графомъ и имѣла столько деревень, что генеральша вѣчно путалась, называя губерніи, въ которыхъ находились эти помѣстья; но развѣ можно разсчитывать на подобныя обѣщанія? Еленѣ Петровнѣ тогда же опытные люди сказали: «плакали ваши денежки, сударыня,—прощалыга должно-быть ваша генеральша!»

А когда узналось, что бывшая жиличка ея даже и не генеральша, а просто вдова титулярнаго совѣтника, Елена Петровна и сама убѣдилась, что деньги ея пропали.

— Всего обиднѣе то, что она меня своею важностью, да манерами обошла,—жаловалась она своему духовнику, священнику приходской церкви, отцу Александру.—Представилась генеральшей, мы ей съ Варварушкой по чину и честь, и почтеніе воздавали, да въ дурахъ и остались.

— Надо быть осмотрительнѣе, сударыня моя,—наставлялъ отецъ Александръ свою духовную дочь въ житейской премудрости,—нельзя такъ съ вѣтру ввѣряться людямъ, и вотъ вамъ мой совѣтъ: требуйте всегда за три мѣсяца, либо за четыре, деньги впередъ. Повѣрьте мнѣ, что если будете такъ поступать, завсегда будете обезпечены и безъ хлопотъ. Ну, и на личность человѣка тоже надо смотрѣть,—безъ того нельзя.

Вѣроятно, памятуя слова эти, Елена Петровна и разсматривала такъ внимательно г. Астафьева, и чѣмъ больше смотрѣла она на него, тѣмъ больше онъ ей нравился: онъ казался ей и добрымъ, и честнымъ человѣкомъ. Ей отъ всей души хотѣлось сдать ему свой верхъ, но все-таки поладить окончательно дѣло, не посовѣтовавшись съ отцомъ Александромъ, Елена Петровна не рѣшалась. А отецъ Александръ непремѣнно спроситъ, семейный ли новый жилецъ, гдѣ служитъ, чѣмъ живетъ... Ужь это непремѣнно....

Елена Петровна довольно неловко приступила къ допросу... Николай Ивановичъ отвѣчалъ, что семья у него не велика, одна только дочь восьми лѣтъ. Вопросъ же про жену онъ обошелъ молчаніемъ и Елена Петровна рѣшила про себя, что онъ долженъ быть вдовецъ. И должно-быть жена его умерла недавно,—вотъ почему онъ немного смутился и сдѣлался такой серьезный, когда она упомянула о ней.

А Николай Ивановичъ между тѣмъ размышлялъ о томъ, какъ хорошо будетъ его дѣвочкѣ въ этомъ глухомъ уголку, вдали отъ городской пыли, сутолоки и духоты, какъ близко отъ парка, отъ рѣки, сколько дешевыхъ и здоровыхъ наслажденій сулило такое сосѣдство!... Доброту и привѣтливость хозяйки онъ тоже намѣревался порядкомъ эксплуатировать. Анѣ будетъ здѣсь отлично въ обществѣ этой простой, доброй женщины, съ ея птицами, котомъ, съ бѣленькою собачкой и ребятами, которыхъ онъ видѣлъ мелькомъ на ея дворѣ.

Онъ объявилъ, что квартира ему очень нравится и что онъ готовъ дать задатокъ. Но отъ задатка Елена Петровна отказалась. Ей очень хотѣлось бы имѣть господина Астафьева жильцомъ,—она этого не скрывала,—но вдругъ рѣшиться на такое важное дѣло было невозможно.

— Безъ совѣта отца Александра я никогда ничего не предпринимаю,—проговорила она, запинаясь и путаясь въ словахъ отъ смущенія.

— Когда же я могу получить окончательный отвѣтъ?—спросилъ Николай Ивановичъ.

— Да вотъ я нереговорю съ отцомъ Александромъ... завтра, а можетъ-быть и сегодня... Извольте денька черезъ два пожаловать.

— Но вѣдь вашъ отецъ Александръ меня вовсе не знаетъ,—возразилъ не безъ досады Астафьевъ, — какой же совѣтъ онъ вамъ можетъ дать?

— Все равно-съ, я безъ ихъ благословенія никакъ не могу,— упорно повторяла майорша.—Напишите, пожалуйста, ваше имя, отчество и фамилію, я имъ покажу, — прибавила она, направляясь поспѣшными шагами къ окну, на которомъ лежала запыленная тетрадка почтовой бумаги и торчало перо въ засиженной мухами чернилицѣ.

Онъ остановилъ ее на полпути.

— Не безпокойтесь, у меня съ собой визитныя карточки.— Подавая ей карточку, онъ прибавилъ съ усмѣшкой: — Вамъ можетъ-быть угодно, чтобъ я приписалъ бы тутъ же, гдѣ я служу, въ какомъ состою чинѣ и какую справляю должность?

Елена Петровна не поняла ироніи этого предложенія.

— Ахъ да, пожалуйста! Это будетъ очень, очень хорошо,—пожалуйста, сдѣлайте это!

Николай Ивановичъ, пожимая плечами, исполнилъ ея просьбу и обѣщалъ пріѣхать дня черезъ три за рѣшительнымъ отвѣтомъ.

Провожая его, Елена Петровна разсыпалась въ извиненіяхъ.

— Пожалуйста, извините меня,—повторяла она, окончательно подкупленная его добродушною уступчивостью. — Я такъ много обязана отцу Александру... Съ тѣхъ поръ, какъ супругъ мой скончался, у меня только и опоры, что въ немъ... Даже въ пустякахъ привыкла я съ нимъ совѣтоваться... Я пойду къ нему сейчасъ,—случается иногда, что передъ вечерней онъ дома.

И дѣйствительно, едва только Николай Ивановичъ успѣлъ скрыться изъ виду, какъ майорша начала торопливо надѣвать шляпу, взяла зонтикъ и вышла изъ дому.

— Я иду къ отцу Александру, Варварушка,—объявила она, проходя мимо кухни.

— Поладили что ли съ жильцомъ-то? — полюбопытствовала старая служанка.

— Не знаю еще, ничего не знаю,—надо съ батюшкой посовѣтоваться.

— Ступайте, ступайте. Они таперича дома. Сейчасъ мнѣ ихняя Марѳа встрѣтилась... Большущаго, говоритъ, намъ сига изъ садка отъ Матухиной принесли... Батюшка приказали отварить къ обѣду. У нихъ сегодня гости,—сынокъ пожаловалъ кушать.

VIII.

Елена Петровна не дослушала разсказа своей служанки. Неловко придерживая одною рукой зонтикъ, а другою—разлетающіяся полы своей гремящей мантильи, она шла торопливой, озабоченною походкой и такая была разсѣянная и взволнованная, что не замѣчала попадавшихся на встрѣчу знакомыхъ и не отвѣчала на ихъ поклоны.

— Куда это мчится наша майорша?... Въ такомъ азартѣ, что земли подъ собой не слышитъ,—смѣялся отставной коммиссаріатскій чиновникъ, останавливаясь передъ фруктовою лавкой, на порогѣ которой сладко потягивался послѣ высыпки краснощекій здоровякъ, съ русой густою бородой, купецъ второй гильдіи Олуховъ.

Племянница его, курносенькая бѣляночка Настенька, разставлявшая по полкамъ банки и ящики, которыми былъ загроможденъ прилавокъ, пріостановила свое занятіе и, повернувъ къ посѣтителю смѣющееся лицо, заявила, что, кажется, Елена Петровна сдала сегодня свою квартиру. Сейчасъ забѣгàла Варварушка за лимономъ и сказывала, что дѣло почти совсѣмъ слажено. Новый жилецъ хотѣлъ было и задатокъ дать, но Елена Петровна пожелала прежде съ отцомъ Александромъ посовѣтоваться.

— Нельзя, знаете,—все же надежнѣе, когда духовное лице благословитъ,—замѣтилъ лавочникъ.

— Духовное лице... Ха-ха-ха! Нѣтъ, она бы лучше въ такихъ дѣлахъ съ сынкомъ отца Александра, съ Егоромъ Александровичемъ, посовѣтовалась бы... У этого есть чему научиться. Посмотрѣли бы вы, Кузьма Трофимовичъ,—продолжалъ чиновникъ, запуская руку въ открытый мѣшокъ съ орѣхами, — посмотрѣли бы вы, какую домину онъ на Николаевской улицѣ сооружаетъ—дворецъ да и только! Въ пять этажей выводитъ... Отвѣсьте-ка мнѣ этихъ самыхъ орѣшковъ фунтика два, Настасья Арсентьевна!—обратился онъ къ дѣвушкѣ.—И съ какими затѣями, балконами, да колоннами,—роскошь, я вамъ скажу!

Кузьма Трофимовичъ замѣтилъ на это, что и другой домъ господина Ласточкина имѣетъ свою прелесть. Въ двухъ шагахъ отъ желѣзной дороги, одна гостиница тысячъ десять чистаго доходу приноситъ.

— А дача ихъ, дяденька?—вмѣшалась въ разговоръ Настя, ловко всыпая отвѣшанные орѣхи въ бумажный мѣшокъ и обвя-

зывая его бичевкой. — Намеднись кухарка ихняя Варварушкѣ сказывала: отбою, говоритъ, нѣтъ отъ съёмщиковъ; за одни огороды пять сотъ рублей даютъ. И какъ у нихъ хорошо тамъ, прелесть! Два сада, прудъ... Въ комнатахъ полы паркетные и картины масляными красками по всѣмъ стѣнамъ... Мебель какъ у царей... Говорятъ, даже золотые стулья есть.

Всѣ эти свѣдѣнія о домашней обстановкѣ Егора Александровича Ласточкина, довольно впрочемъ преувеличенныя, Настенька черпала не изъ однѣхъ только бесѣдъ со служанкой майорши Побѣдашъ, а также и отъ самихъ барышень Ласточкиныхъ, съ которыми она видѣлась каждый разъ, когда онѣ пріѣзжали въ гости къ дѣдушкѣ. Эта привычка посылать за Настей осталась въ домѣ священника отъ покойной его жены, которая очень любила маленькую лавочницу и каждый разъ посылала за нею, когда пріѣзжали ея внучки.

Варварушка предупреждала свою госпожу, что у отца Александра сегодня гости, но она все-таки сконфузилась, увидавши пальто Егора Александровича въ прихожей; а когда услышала его голосъ, громко раздававшійся по всему маленькому дому священника, почтенная майорша начала жалѣть, что пришла, и раздумывать, не уйти ли назадъ, никого не потревоживши. Хорошо, что самъ батюшка прохаживался въ это время по своей залѣ и, услышавъ шумъ растворяемой двери, заглянулъ въ прихожую.

— Елена Петровна! Какими судьбами? — проговорилъ онъ съ привѣтливой улыбкой, благословляя привычнымъ жестомъ благоговѣйно сложенныя руки, которыя она подставляла ему, низко опустивъ голову.—А у меня сынокъ въ гостяхъ,—продолжалъ онъ, указывая на дверь въ гостиную.— Пожалуйте, онъ насъ не стѣснитъ, — своими дѣлами такъ озабоченъ, что не до чужихъ. Знакомы, кажется?... Егорушка, Елена Петровна Побѣдашъ.

Г. Ласточкинъ сидѣлъ въ креслѣ у окна и читалъ газеты. При появленіи отца съ гостьей онъ только слегка отдѣлилъ свое тучное туловище отъ мягкой спинки кресла, въ которомъ онъ утопалъ, чуть-чуть кивнулъ головой и продолжалъ свое чтеніе, не удостоивая даже и взглядомъ посѣтительницу. Но за то съ какимъ любопытствомъ оглянула его съ ногъ до головы Елена Петровна...

Отецъ Александръ сказалъ правду,—они были давно знакомы. Егоръ Александровичъ хаживалъ въ домъ майорши еще при жизни ея мужа; въ то время маленькій, плюгавенькій семина-

ристикъ съ большимъ удовольствіемъ кушалъ варенье и мармеладъ, которыми его угощали у майора. Потомъ, когда онъ поступилъ въ академію, Елена Петровна видѣла его рѣже, но все же онъ иногда забѣгалъ къ ней, когда приходилъ навѣщать отца, и разсказывалъ про князей Мценскихъ, у которыхъ онъ жилъ въ качествѣ репетитора при двухъ лѣнтяяхъ, готовившихся въ пажескій корпусъ у лучшихъ профессоровъ. Профессора были лучшіе, а потому брали по десяти рублей за урокъ. Къ такимъ дорогимъ урокамъ невыгодно было относиться небрежно и княгиня рѣшила, что надо взять репетитора. Благодаря такой системѣ обученія, князья Мценскіе выдержали вступительный экзаменъ довольно удачно, но мать ихъ видѣла, чего это стоило невзрачному семинаристику, и не разъ говорила мужу, что имъ слѣдуетъ держаться мсье Ласточкина. Она изучила своихъ птенцовъ и пришла къ такому убѣжденію, что если ихъ постоянно не подталкивать, ничего путнаго изъ нихъ не выйдетъ. Мсье Ласточкина пригласили остаться въ домѣ и тогда, когда молодые князья поступили въ корпусъ. Онъ долженъ былъ провѣрять ихъ уроки по воскресеньямъ и присаживать ихъ за занятія во время вакацій; остальное время онъ былъ свободенъ и только изрѣдка приглашался въ будуаръ княгини, чтобы прочитать ей какую-нибудь русскую повѣсть изъ тѣхъ, что всѣ знали и читали въ ея обществѣ.

Егоръ Александровичъ прожилъ у князей Мценскихъ шесть лѣтъ, въ теченіе которыхъ весьма акуратно посѣщалъ родителя, но всегда на такое короткое время, что прежніе знакомые совершенно потеряли его изъ виду и говорили про него, что онъ важничаетъ безмѣрно. Но какже ему было и не важничать? Всякій заважничался бы на его мѣстѣ. Онъ съумѣлъ такъ угодить всему семейству Мценскихъ, что они возили его съ собою три раза за границу, женили его на какой-то дальней родственницѣ и доставили ему такое мѣсто въ консисторіи, что Егору Александровичу завидовали многіе дѣйствительные и тайные совѣтники. На этомъ мѣстѣ онъ растолстѣлъ и заважничалъ пуще прежняго, лицо его покрылось лоскомъ, глаза совсѣмъ заплыли жиромъ; онъ началъ говорить въ носъ, вытягивая впередъ нижнюю губу и откидываясь небрежно на спинку кресла, и окончательно перестаsлъ узнавать многихъ изъ своихъ прежнихъ знакомыхъ.

Впрочемъ, надо было отдать справедливость Егору Александровичу: не взирая на кажущуюся лѣнь и апатію, онъ много тру-

дился и не даромъ слылъ дѣльцомъ первостепеннымъ. Сослуживцы говорили про него, что на немъ *все лежитъ*, а прямой его начальникъ—длинный, блѣдный и плѣшивый, Леопардовъ, извѣстный подъ прозвищемъ хромаго чорта—тоже отдавалъ полнѣйшую справедливость его уму, ловкости и способностямъ. Выслушивая, по своему обыкновенію, съ терпѣливо-разсѣяннымъ видомъ безчисленныхъ мужей и женъ, являвшихся къ нему съ просьбой помочь имъ избавиться другъ отъ друга, Леопардовъ отсылалъ ихъ къ г. Ласточкину, приговаривая при этомъ съ двусмысленной усмѣшкой, что съ его стороны приложено будетъ всевозможное стараніе, но что безъ содѣйствія Егора Александровича трудно разсчитывать на успѣхъ.

Много разсказывали про оригинальный способъ работать, придуманный Ласточкинымъ. Замкнется съ вечера въ кабинетъ. На письменномъ столѣ бутылокъ десять-двѣнадцать вина. Попишетъ, попишетъ да выпьетъ; попишетъ да выпьетъ... Глядишь, къ утру бутылки пусты и бумага готова. И такое изложеніе чистенькое, такое забористое, краткое и сильное, просто прелесть! Ни единаго слова изъ текста не выкинешь, факты подобраны и подтасованы ловко, всѣ казовые концы на-лицо, все двумысленное, темненькое припрятано, а суть дѣла, то-есть та суть, которую Егоръ Александровичъ желаетъ выставить, такъ въ носъ и бьетъ, и съ такой неотразимою силой, что остается только въ изумленіи развести руками, да униженно преклониться передъ такимъ великимъ мастерствомъ.

Разсказывали также про его остроумную находчивость съ начальствомъ. На неожиданный и грозный вопросъ одной важной особы: неужели это правда, что онъ, Ласточкинъ, позволяетъ себѣ брать такія огромныя взятки,—Егоръ Александровичъ съ невозмутимымъ хладнокровіемъ отвѣчалъ, что взятокъ онъ никогда не беретъ.

— Однако деньги тебѣ даютъ?

— Даютъ, ваше высокопревосходительство.

— За что же?—продолжала придираться особа.

— За совѣты, ваше высокопревосходительство, — безъ малѣйшей запинки отвѣчалъ Ласточкинъ.

— Дорого же, однако, ты заставляешь платить за совѣты,—замѣтила особа, и такъ какъ отвѣта на это замѣчаніе не послѣдовало, то разговоръ на этомъ и оборвался.

Леонардовъ, который присутствовалъ при этомъ допросѣ, тонко-претонко улыбался; а когда они вмѣстѣ вышли изъ пріемной особы, онъ дружески потрепалъ по плечу своего помощника и замѣтилъ:

— Тебѣ бы министромъ быть, Егоръ Александровичъ!—А затѣмъ онъ призадумался и проговорилъ со вздохомъ: — Чѣмъ чортъ не шутитъ... Дѣло только въ томъ, чтобы всегда концы хоронить, да не обнаруживаться прежде времени... Вотъ это, братецъ ты мой, самое главное и самое трудное въ нашемъ положеніи,—потому трудное, что жаться свиньей на три тысячи, когда имѣешь возможность просаживать цѣлыхъ тридцать, это даже противно естеству человѣческому. По опыту тебѣ скажу, большую надо имѣть твердость духа, чтобы такимъ образомъ себя сдерживать.

Изъ разсказовъ Настеньки мы видѣли, что г. Ласточкинъ не обладалъ такою твердостію и не воздерживался отъ искушенія пускать пыль въ глаза своимъ ближнимъ.

Онъ и самъ сознавалъ за собой этотъ порокъ и, покоряясь безропотно его послѣдствіямъ, съ каждымъ днемъ умѣрялъ свои честолюбивые замыслы. Дошло, наконецъ, до того, что въ интимной бесѣдѣ онъ нерѣдко высказывался въ такомъ духѣ: выстроить бы еще домишко, да сколотить капиталецъ тысячъ въ двѣсти, тогда можно было бы и въ отставку выйти, поселиться на дачѣ, да вмѣсто бракоразводныхъ дѣлъ огородничествомъ заняться.

Дача за Московскою заставой была дорога Егору Александровичу по многимъ причинамъ,—она была пріобрѣтена на деньги, полученныя имъ за первое крупное дѣло, попавшее въ его цѣпкія, загребистыя руки. Онъ отдѣлалъ ее съ особенною заботливостью, не щадя ни хлопотъ, ни денегъ. Сюда пріѣзжалъ онъ искать вдохновенія въ сложныхъ, запутанныхъ дѣлахъ, а также отдыхать отъ трудовъ. Здѣсь такъ удобно было напиваться до чертиковъ, высыпаться по цѣлымъ суткамъ сряду и по временамъ давать просторъ долго сдержаннымъ страстямъ, безобразничая па-пропалую съ двумя-тремя пріятелями испытанной скромности.

Наконецъ, здѣсь родилась Лиденька, меньшая дочь дѣльца, единственное существо въ мірѣ, къ которому онъ питалъ нѣчто въ родѣ нѣжности.

Послѣ усиленной работы или здоровой выпивки возвращеніе его къ нормальному состоянію ознаменовывалось всегда тѣмъ, что онъ являлся весь растерзаный и блѣдный, съ взъерошенными волосами и мутнымъ взглядомъ, въ комнату жены и отрывисто спрашивалъ: гдѣ Лида?

Дѣвочку немедленно разыскивали, наскоро мыли ей лицо и руки, одѣвали съ ногъ до головы во все чистое и приказывали идти въ кабинетъ. Отецъ гладилъ ее по головкѣ, давалъ ей цѣловать свою широкую руку съ плоскими ногтями и всыпалъ ей въ приподнятый передникъ конфектъ, сколько влѣзетъ, а иногда всовывалъ ей въ кармашекъ золотой или асигнацію и отсылалъ назадъ къ нянькѣ, съ совѣтомъ купить на подаренныя деньги куклу.

Старшими своими дочерьми, Таничкой и Сашенькой, Егоръ Александровичъ очень мало интересовался. Забота о ихъ воспитаніи лежала всецѣло на Дарьѣ Никитишнѣ и производилась въ современномъ духѣ.

Смолоду г-жа Ласточкина, какъ дама съ гоноромъ и знающая себѣ цѣну, предавалась фанаберіямъ и слыла за особу съ капризомъ и характеромъ; но по мѣрѣ того, какъ дочери ея росли и развивались, рѣзкія свойства маменьки постепенно сглаживались отъ постоянныхъ стычекъ съ бѣсомъ самостоятельности и презрѣнія къ авторитетамъ, который вселился въ ея барышень.

На упреки матери въ неуваженіи къ ней, Таничка съ Сашенькой такъ и сыпали рѣзкостями.

— Что-жь, прикажете притворяться, что ли? — огрызалась старшая.

— Вы можетъ-быть знаете, гдѣ это самое уваженіе продается, такъ укажите, сдѣлайте одолженіе, мы купимъ, если капиталовъ хватитъ,—острила младшая.

— Надо его заслужить сначала, а потомъ требовать,—подхватывала ея сестра.

Отношенія дѣвицъ Ласточкиныхъ къ отцу заключались только въ одномъ: будучи твердо убѣждены въ томъ, что онъ заграбастываетъ пропасть денегъ, онѣ распоряжались этими деньгами по своему усмотрѣнію и не давая даже себѣ труда выпрашивать ихъ. Всѣмъ было извѣстно, что г. Ласточкинъ акуратно расплачивается по счетамъ, предъявленнымъ ему изъ магазиновъ, и барышни его пользовались неограниченнымъ кредитомъ по всему гостиному двору.

Сыновья Егора Александровича представляли изъ себя необтесанныхъ и вихрястыхъ гимназистовъ, вѣчно озабоченныхъ изобрѣтеніемъ сложныхъ и зловредныхъ шалостей. Заботы эти, отражаясь на ихъ физіономіи, придавали имъ мрачный видъ маленькихъ заговорщиковъ въ постоянной борьбѣ противъ общественнаго порядка и спокойствія.

Нельзя сказать, чтобъ отецъ вовсе не занимался ими,—онъ преисправно сѣкъ ихъ по нѣскольку разъ въ годъ за ссоры съ сестрами, грубость съ матерью, за лѣнь и за шалости въ гимназіи и, наконецъ, по собственному своему усмотрѣнію, когда ему начинало казаться, что уваженіе мальчишекъ къ родительской власти начинаетъ ослабѣвать.

Нѣтъ, было бы несправедливо сказать, что дѣлецъ не занимается воспитаніемъ своихъ сыновей. Да и на старшихъ дочерей пришлось волей - неволей обратить вниманіе; Таничкѣ минуло восемнадцать лѣтъ и женихи начинали уже серьезно набиваться. Сегодня Егоръ Александровичъ пріѣхалъ къ отцу именно для того, чтобы переговорить съ нимъ объ одномъ статскомъ совѣтникѣ, который сильно пріударялъ за его старшею дочерью.

Не мудрено, что Егоръ Александровичъ вытянулъ нижнюю губу длиннѣе обыкновеннаго, а откормленный жирный животъ выпятилъ презрительнѣе, чѣмъ когда-либо, при появленіи Елены Петровны. Почтенная майорша выбрала такую неудобную минуту для своего посѣщенія. Она явилась именно въ ту минуту, когда всѣ вступительныя фразы были сказаны, имя претендента названо и когда оставалось только взвѣсить обстоятельно, съ помощью батюшки, выгоды и невыгоды представляющейся партіи.

Ничего этого не успѣлъ сдѣлать Егоръ Александровичъ,—отецъ его такъ не кстати разлюбезничался съ этой майоршей. «Пришла за совѣтомъ... Скажите, пожалуйста, какая важность! Ну, выслушалъ бы ее въ залѣ, — такъ нѣтъ, нужно было пригласить въ гостиную, усадить на диванъ, да еще поощрять на безконечную болтовню о пустякахъ», — думалъ Егоръ Александровичъ, разсѣянно пробѣгая отдѣлъ новостей въ газетѣ и невольно прислушиваясь къ разговору отца съ посѣтительницей.

— Фамилію позволите узнать? — спрашивалъ между тѣмъ священникъ, когда она сообщила ему о посѣщеніи Николая Ивановича.

Елена Петровна подала ему визитную карточку.

«Надворный совѣтникъ Николай Ивановичъ Астафьевъ, служитъ тамъ-то и занимаетъ такую-то должность» — прочиталъ вслухъ отецъ Александръ.

— Ты такого не знаешь, Егорушка?—обратился онъ къ сыну.

При имени Астафьева Егоръ Александровичъ быстро поднялъ голову и взглядъ его встрѣтился со взглядомъ отца.

— Позвольте прочесть, — сказалъ онъ, довольно поспѣшно приподнимаясь съ мѣста и протягивая руку за карточкой.

Отецъ ему передалъ ее, а затѣмъ замѣтилъ съ улыбкой гостьѣ:

— Шутникъ долженъ быть этотъ господинъ Астафьевъ. Это онъ ради смѣха такъ пространно отрекомендовался.

— Ахъ нѣтъ, какъ можно, батюшка! Онъ очень хорошій господинъ, и очень, очень вѣжливый... Это они для меня... Я сама ихъ просила все обстоятельно прописать,—оправдывала Елена Петровна своего будущаго квартиранта, краснѣя при этомъ до ушей и бросая растерянные взгляды на г. Ласточкина, съ котораго вся спѣсь какъ-то вдругъ слетѣла и замѣнилась добродушіемъ.

На вопросъ отца, не извѣстенъ ли ему этотъ г. Астафьевъ, онъ ничего не отвѣчалъ,—не разслышалъ вѣрно,—но за то самъ началъ распрашивать майоршу: много ли комнатъ въ отдаваемомъ ею помѣщеніи? Есть ли при квартирѣ конюшни и сарай? За какую цѣну сдаетъ она эту квартиру?

— Триста рублей, — отвѣчала она уже болѣе спокойнымъ тономъ.

Г. Ласточкинъ замѣтилъ, что за такую квартиру въ центрѣ города надо заплатить рублей пятьдесятъ въ мѣсяцъ, если не больше. Да и здѣсь можно было бы взять за нее дороже того, что беретъ Елена Петровна. Впрочемъ, онъ одобрилъ ее за умѣренность,—такимъ манеромъ никогда пустая не простоитъ, а это тоже разсчетъ.

Вообще, онъ такъ съумѣлъ пріободрить майоршу, сдѣлался такой простой и ласковый, что Елена Петровна все болѣе и болѣе узнавала въ немъ прежняго Егорушку и спрашивала себя: «чего она, дура, такъ перетрусила, увидѣвъ его круглую, откормленную фигуру у окна? Человѣкъ онъ совсѣмъ милый. Конечно, по всему видно, что онъ богатъ и ни въ комъ не нуждается, такъ что-жь изъ этого? — вѣдь и ей тоже его денегъ не нужно».

А Егоръ Александровичъ между тѣмъ продолжалъ распространяться о дороговизнѣ жизни въ Петербургѣ и о трудности существовать въ нынѣшнее время на маленькія средства. Потомъ онъ перешелъ къ сообщенію между здѣшними мѣстами и той улицей, гдѣ находится департаментъ, въ которомъ служитъ Астафьевъ, и пожалѣлъ его за предстоящія траты на извощиковъ, но вспомнилъ про конку и успокоился.

Наконецъ, въ заключеніе, Егоръ Александровичъ замѣтилъ,что г. Астафьевъ получаетъ жалованья не болѣе полуторы тысячи въ годъ и что на такія скромныя средства жить приличнымъ образомъ довольно трудно; но что, по всей вѣроятности, онъ человѣкъ разсчетливый, если рѣшился на такую благоразумную мѣру, какъ переселеніе въ здѣшніе края, и надо надѣяться, что будетъ акуратно платить за квартиру.

Съ этими словами онъ снова взглянулъ на карточку, оставшуюся въ его рукѣ, а затѣмъ, вмѣсто того, чтобы возвратить ее Еленѣ Петровнѣ, машинально положилъ ее въ боковой карманъ своей щегольской визитки... по разсѣянности вѣрно.

— Пошли вамъ Господь! Отъ души желаю вамъ удачи съ новымъ жильцомъ,—повторялъ отецъ Александръ, провожая свою духовную дочь до прихожей.—На этой недѣлѣ непремѣнно побываю у васъ... Давно ужь собираюсь, да все то то, то другое задерживаетъ... А надо провѣдать, непремѣнно надо... Все ли у васъ въ порядкѣ, птички ваши, котикъ, Варварушка? — говорилъ съ привѣтливой улыбкой отецъ Александръ.

Улыбка эта расплылась еще шире по благообразному лицу старика, когда, вернувшись назадъ, онъ взглянулъ на ухмылявшагося сына.

— Извѣстенъ тебѣ этотъ Астафьевъ?—спросилъ отецъ Александръ.

Егоръ Александровичъ махнулъ рукой.

— Еще бы!... Это тотъ самый Астафьевъ, на женѣ котораго желаетъ жениться Таманскій.

Батюшка развелъ руками.

— Что ты?!

— Я же вамъ говорю.

— Какже такъ?—продолжалъ недоумѣвать старикъ.

— Да очень просто: развести ихъ надо, вотъ и все, — отвѣчалъ, посмѣиваясь, сынъ.

Н. Северинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

НОВАЯ ИРЛАНДІЯ.

А. М. Сулливана.

(Переводъ съ англійскаго.)

VII.

„Молодая Ирландія".

Флетчеру изъ Сальтоуна приписываютъ слова: «Пусть, кто хочетъ, пишутъ законы, а я буду сочинять баллады». Безъ сомнѣнія, въ тѣ дни народныя чувства двигались и развивались балладами. Еслибы Флетчеръ жилъ теперь, онъ навѣрно сказалъ бы: «Пусть кто хочетъ будетъ премьеромъ, а я буду работать печатнымъ станкомъ».

Кто бы ни занимался внимательнымъ изученіемъ перемѣнъ въ политической жизни Ирландіи, въ ея образѣ мыслей и дѣйствіяхъ за послѣднія сорокъ лѣтъ, всякій долженъ отвести важное мѣсто въ ряду факторовъ этихъ перемѣнъ школѣ политическихъ писателей и дѣятелей, извѣстной подъ именемъ «Молодой Ирландіи». Ея имя и судьба, какъ партіи, къ несчастію тѣсно связываются съ однимъ неудачнымъ шагомъ ея политической карьеры—попыткой къ возстанію 1848 года, такъ что объ ея дѣйствительномъ положеніи, цѣляхъ и политикѣ существуетъ совершенно ложное представленіе и о трудахъ ея составлено несправедливое понятіе.

Такъ-называемая «Молодая Ирландія» была отдѣленіемъ или отпрыскомъ партіи «отмѣны» О'Коннеля; въ противоположность ей эта послѣдняя называлась «Старой Ирландіей». «Молодая» и «Старая»—обѣ онѣ одинаково стояли за отмѣну, т. е. ихъ главная

*) *Русская Мысль*, май.

политическая цѣль, господствующая доктрина исповѣданія, заключалась въ возвращеніи Ирландіи національнаго законодательства, отнятаго у нея Питтомъ въ 1800 году. Но многія очень важныя обстоятельства отмѣтили «младо-ирландцевъ», какъ вполнѣ новую школу въ ирландской политикѣ: они первые, какъ партія, взялись за трудъ очистить политическую атмосферу, стараясь направить усилія ирландцевъ въ парламентѣ на нѣчто лучшее и болѣе благородное, чѣмъ продажная погоня за мѣстами или подлое холопство въ своей партіи. Они первые начали проповѣдывать доктрину обращенія къ уму народа, а не его предразсудкамъ. Они смѣло провозгласили, что личная отвѣтственность и вѣра въ себя должны занять мѣсто крайней зависимости отъ своихъ свѣтскихъ или клерикальныхъ вождей. Они первые ухватились за печатный станокъ и школу, какъ великія орудія народнаго освобожденія. Девизъ на знамени партіи вкратцѣ выражалъ символъ ихъ вѣры, указывалъ на средства и цѣль ихъ политики: «образуйте себя, и вы будете свободными!»

Сорокъ лѣтъ тому назадъ типическій ирландскій представителель въ парламентѣ былъ непремѣнно порядочнымъ хвастуномъ, лошадникомъ, дуэлистомъ, пьяницей и мотомъ,—патріотомъ, какъ его удачно рисуетъ Чарльзъ Леверъ. Тогда время еще не пришло принимать во вниманіе личную честность и чистоту частной жизни и поведенія при надѣленіи человѣка общественнымъ довѣріемъ и уваженіемъ. Въ тѣ дни «популярный членъ» выбирался благодаря сочетанію въ немъ патріотическаго энтузіазма и религіознаго вліянія съ прибавленіемъ необходимой дозы подкупа и запугиванія. Что касается до этихъ послѣднихъ, то, конечно, «другая сторона всегда начинала первая»; а затѣмъ уже слѣдовала раздача пятифунтовыхъ билетовъ и виски *ad libitum* съ одной стороны и ломанье скулъ палками съ другой, что и довершало побѣду. Кромѣ того въ тѣ времена до послѣднихъ мелочей былъ развитъ обычный «патронажъ» въ образѣ члена парламента. Почтамтъ и казначейство, армія и флотъ были въ значительной степени добычей партіи. Министръ разбрасывалъ свой патронажъ приверженцамъ въ фойэ, а эти дѣлили его между своими агентами на выборахъ. Политическая независимость, какъ мы ее понимаемъ теперь, тогда была неизвѣстна. Школа еще не выставила свои юные баталіоны; газета была дорогою роскошью; читальня и техническій институтъ пока еще не родились; лекція была неизвѣстна.

Однакожь, можно сказать, вещи во всѣхъ отношеніяхъ были «на поворотѣ», когда одно событіе 1842 г. ввело ихъ въ новую эру.

Ассоціація отмѣны О'Коннеля была составлена большею частію изъ его «старой гвардіи», оставшейся отъ кампаніи католической эмансипаціи, изъ людей старой школы. Но движеніе въ самомъ началѣ привлекло къ себѣ самыхъ талантливыхъ и блестящихъ молодыхъ людей, только-что сходившихъ тогда со школьной и университетской скамьи и готовыхъ окунуться въ треволненія и дѣятельность горячаго времени общественной арены. Сходство вкусовъ, школьное товарищество и общность чувствъ сразу связали этихъ молодыхъ націоналистовъ въ одну выдающуюся группу или отдѣленіе въ ассоціаціи. Ихъ умы были свѣжи отъ изученія классическихъ образцовъ гражданской добродѣтели, любви къ родинѣ, общественнаго героизма. Ихъ воодушевляло сильное стремленіе сообщить національному движенію новый характеръ, болѣе чистый тонъ и болѣе смѣлое направленіе.

Трое изъ нихъ: Чарльзъ Гаванъ Дуффи, Томасъ Осборнъ Девисъ и Джонъ Блакъ Диллонъ—однажды лѣтнимъ вечеромъ 1842 г. бродили по парку Фѣникса, въ Дублинѣ. Рѣчь шла о будущемъ «отмѣны» и людяхъ, стоявшихъ во главѣ ея,—о тогдашней газетной прессѣ и отношеніи О'Коннеля къ той части ея, которая поддерживала ассоціацію. Они сожалѣли, что не дѣлалось попытокъ къ интеллектуальному развитію и политическому воспитанію народнаго ума, и остановились на томъ фактѣ, что черезъ нѣсколько лѣтъ общественныя школы должны начать выпускать десятки тысячъ молодыхъ людей, умѣющихъ читать и писать. Они обсуждали вопросъ: «что дѣлать?»—и остановились на такомъ рѣшеніи, что прежде всего необходимо основать еженедѣльную газету, какъ органъ и выраженіе новой политической школы. Дуффи тогда былъ уже журналистомъ. Несмотря на свою молодость, онъ занималъ почетное мѣсто въ общественномъ довѣріи, какъ издатель *Belfast Vindicator*. Онъ былъ человѣкомъ, на котораго остальные смотрѣли какъ на руководителя въ этомъ смѣломъ предпріятіи. Такимъ образомъ, сидя подъ деревомъ въ паркѣ, три друга рѣшили начать газету *Nation*, которой первый нумеръ и появился 15 октября 1842 года.

Основанный такимъ образомъ, журналъ предназначался играть важную роль въ послѣдующей политической исторіи Ирландіи.

Это была не столько газета, какъ въ широкомъ смыслѣ общественный воспитатель—совѣтникъ и путеводитель. Его редакція была въ видѣ бюро національныхъ дѣлъ—политическихъ, литературныхъ и художественныхъ. Его издательская комната была сборнымъ пунктомъ «юныхъ энтузіастовъ», какъ называли ихъ политики старой школы,—ораторовъ, поэтовъ, писателей, артистовъ. Пламенная проза и потрясающій стихъ, литературный опытъ и историческая баллада — все приносилось на служеніе ирландской національности на страницахъ *Nation*. Эффектъ получился выше всякаго ожиданія. Казалось, страна пробудилась къ новой жизни—«въ Иринъ вошла душа».

Ободренные успѣхомъ перваго шага, они взялись за другой родъ труда и рѣшили снабдить Ирландію дешовой популярною литературой, въ одно и то же время и увеселительной, и образовательной. Результатомъ явилась *Ирландская Библіотека Дуффи*, ежемѣсячное изданіе по шиллингу томъ. Еслибъ они больше ничего не сдѣлали, то и это было бы цѣннымъ памятникомъ ихъ служенія нравственному и интеллектуальному, а также и политическому воспитанію народа.

«Молодая Ирландія» была по преимуществу партіей религіозной терпимости. Руководящей идеей, въ которой можетъ быть выражена ихъ внутренняя политика, было—уничтоженіе антагонизма между католиками и протестантами Ирландіи. Въ этомъ они стояли далеко впереди своего времени. Какъ бы то ни было, опытъ былъ смѣло испробованъ. Во многихъ пѣсняхъ и статьяхъ они проповѣдывали союзъ сословій и исповѣданій.

What matter that at different shrines
We pray unto one God?
What matter that at different times
Our fathers won this sod?
In fortune and in name we're bound
By stronger links than steel;
And neither can be safe or sound
But in the other's weal.

Что нужды, что на различныхъ алтаряхъ мы молимся одному Богу? Что нужды, что наши отцы въ различное время покорили этотъ дернъ? Мы связаны судьбой и именемъ крѣпче, чѣмъ стальнымъ звѣномъ, и ни одинъ изъ насъ не можетъ быть безопасенъ и силенъ иначе, какъ благомъ другаго.

And oh! it were a gallant deed
To show before mankind
How every race and every creed
Might be by love combined—
Might be combined, yet not forget
The fountains whence they rose,
As filled by many a rivulet
The stately Shannon flows.

О, какимъ было бы доблестнымъ дѣломъ показать всему человѣчеству, какъ всѣ расы и всѣ вѣры могутъ связываться любовью, не забывая при этомъ источниковъ, изъ которыхъ возникли, — подобно тому, какъ Шаннонъ постоянно течетъ, беря свои воды изъ многихъ ручьевъ!

Такъ писалъ Девисъ въ *Nation*. Еще смѣлѣе онъ обращался къ братьямъ-протестантамъ Ульстера, оранжистамъ сѣвера:

Rusty the swords our fathers unsheathed,
William and James are turned to clay;
Long did we till the wrath they bequeathed;
Red was the crop and bitter the pay.
Freedom fled us;
Knaves misled us;
Under the feet of the foemen we lay;
But in their spite
The Irish unite,
For orange and green will carry the day.

Заржавѣли сабли, обнаженныя нашими отцами. Вильямъ и Джемсъ превратились въ прахъ. Довольно мы занимались враждой, унаслѣдованной отъ нихъ,—красна была жатва и горька игра. Свобода покинула насъ, плуты управляли нами, и вотъ мы лежимъ подъ ногами враговъ; но, на зло имъ, соединенные ирландцы будутъ добиваться побѣды для оранжеваго и зеленаго.

И все напрасно. Далекъ, какъ тысячелѣтіе, казался день, когда оранжевые и зеленые перестанутъ выставлять другъ противъ друга организованныя арміи въ смертельной ненависти и свирѣпой враждѣ.

Въ то же время младо-ирландцы со страстью, удивлявшей наблюдателей, отдавались трудному дѣлу преобразованія извѣстныхъ идей и обычаевъ политической жизни. Они презирали нищенство изъ-за мѣстъ; они отрицали, будто «хорошее помѣщеніе католиковъ» должно считаться изліяніемъ благополучій на Ирландію; или порицали обыкновеніе «популярныхъ членовъ»

сомнительныхъ достоинствъ строить въ католическихъ церквахъ передъ самыми выборами алтари съ разноцвѣтными окнами. Смѣлѣй же всего они нападали, какъ на деморализацію, на торговлю мѣстами таможенныхъ, почтовыхъ и казначейскихъ чиновниковъ и настаивали на ея прекращеніи. То, что они пытались сдѣлать въ ирландской политикѣ, было немногимъ меньше революціи. Самого О'Коннеля они глубоко уважали, принимали его политику, оставались вѣрны его авторитету и благодарны за его заслуги; но вели открытую войну съ тѣмъ классомъ людей, который въ значительной степени предавалъ его, и съ тѣмъ низкимъ уровнемъ общественной нравственности, который тогда, казалось, господствовалъ. Перерожденная Ирландія не могла воспріять ихъ мечтаній при такихъ обстоятельствахъ, какъ эти. Они указывали на нужду въ лучшихъ людяхъ и болѣе смѣломъ образѣ дѣйствій; они внушали народу, что дорогая ему національная свобода будетъ улетать отъ него, пока онъ не сумѣетъ выработать въ себѣ извѣстныхъ добродѣтелей, обезпечивающихъ это благо.

For Freedom comes from God's right hand,
And needs a godly train;
'Tis *righteous* men can make our land
A Nation once again.
Their graves are severed far and wide
By mountain, stream, and sea.

Свобода исходитъ изъ правой руки Бога, а потому требуетъ благочестивыхъ спутниковъ. Только *привычные* люди правды могутъ сдѣлать нашу страну снова націей.

Такъ пѣлъ бардъ партіи. Такъ же говорили всѣ ея ораторы.

Такова была «Молодая Ирландія» въ началѣ своего поприща. Изъ людей, основавшихъ и организовавшихъ ее тридцать лѣтъ тому назадъ, лишь немногіе живы теперь. Почти всѣ умерли и ихъ могилы разбросаны повсюду—по горамъ, потокамъ и морямъ..

Дуффи (теперь сэръ Чарльзъ Каванъ Дуффи изъ Мельборна) былъ первымъ министромъ Викторіи и представляетъ въ настоящей общественной жизни нашихъ антиподовъ быть-можетъ самаго способнаго и дѣйствительно-государственнаго человѣка. Дарси Мак-Ги, погибшій въ 1868 году отъ гнусной пули убійцы въ Оттавѣ, также пріобрѣлъ себѣ, въ качествѣ министра короны, въ свободныхъ и самоуправляющихся канадскихъ владѣніяхъ славу замѣчательно-способнаго человѣка. Мигеръ, сладкозвучный ора-

торъ «Молодой Ирландіи», послѣ многихъ превратностей судьбы былъ губернаторомъ монтанской территоріи Соединенныхъ Штатовъ, гдѣ и утонулъ случайно въ быстринахъ Миссури. Девисъ умеръ рано, даже прежде, чѣмъ Ирландія успѣла наполниться удивленіемъ къ его генію и любовью къ его добродѣтелямъ. Диллонъ умеръ въ 1866 году членомъ парламента отъ Типперари. Мартинъ и Ронейнъ, недавно умершіе, также до конца работали въ ярмѣ парламентскихъ представителей. До конца непримиримый, Митчель умеръ членомъ парламента отъ Типперари. О'Брайенъ, вождь партіи, покоится въ фамильномъ склепѣ въ Ротронанѣ; но соотечественники поставили ему памятникъ на одномъ изъ выдающихся мѣстъ столицы. Ричардъ О'Горманъ пользуется въ Нью-Йоркѣ честно добытою славой и счастьемъ усыновившей его страны. Кевинъ Узодъ О'Догерти состоитъ теперь выдающимся членомъ законодательнаго собранія Квинсленда. Михаилъ Догени, человѣкъ рѣдкихъ дарованій, писатель и ораторъ, печально умеръ въ Нью-Йоркѣ. Ричардъ Далтонъ Вильямсъ, благородный бардъ многихъ прекрасныхъ пѣсенъ, покоится въ своей далекой могилѣ въ Луизіанѣ. Денни Лейнъ, поэтъ и политикъ, до сихъ поръ благополучно работаетъ на пользу Ирландіи въ своемъ домѣ на Ли. Кромѣ этихъ можно назвать цѣлую компанію людей не столько политическаго, сколько литературнаго типа. Джонъ О'Гаганъ—теперь провинціальный судья въ Ирландіи; Самуилъ Фергюсонъ—теперешній хранитель свертковъ; Денисъ Флорансъ Мак-Карти, Д. Мак-Невинъ, преподобный Чарльзъ Миганъ, Джонъ Эдуардъ Пиготтъ, Михаилъ Дж. Барри, Джемсъ Кларансъ Манганъ и д-ръ правъ Джонъ Келисъ Инграмъ, теперешній членъ Троицкой коллегіи, котораго превосходная поэма: «Кто боится говорить о 98 годѣ?»—лучшее изъ всѣхъ вольныхъ стихотвореній «Молодой Ирландіи».

Но этотъ списокъ будетъ положительно не полонъ, если въ него не включить три женскихъ имени, придававшихъ національной поэзіи эры «Молодой Ирландіи» самыя рѣзкія и характеристическія черты. Это—«Эва», «Мери» и «Сперанца».

Эва Мери Келли, дочь одного галуэйскаго джентльмена, была еще почти дѣвочкой, когда стихотворенія, подписанныя ея именемъ, начали привлекать всеобщее вниманіе.

Кевинъ О'Догерти (упомянутый выше) былъ въ это время молодымъ студентомъ медицины въ Дублинѣ. Отъ восхищеній поэзіей «Эвы» онъ скоро перешелъ къ любви и восхищенію ею

самой. Однако возстаніе 1848 года помѣшало его сватовству. Было несомнѣнно, что онъ писалъ вольную прозу въ то время, какъ «Эва» нападала на установленныя власти стихами. Кевинъ былъ арестованъ и отданъ подъ судъ. Присяжные два раза расходились въ вердиктѣ и за день до третьяго суда ему предложили прощеніе, т. е. лишь номинальный приговоръ, если онъ признаетъ себя виновнымъ. Онъ послалъ за «Эвой» и сказалъ ей о предложеніи. «Можетъ казаться, что я не чувствую всей опасности потерять васъ быть-можетъ навсегда,—сказалъ онъ,—но мнѣ не нравится это признаніе себя виновнымъ... Скажите, что мнѣ дѣлать».—«Дѣлать?—отвѣчала поэтесса.—Конечно, быть мужемъ и готовымъ на все. Я буду ждать, какъ бы длиненъ ни былъ приговоръ. На слѣдующій день счастіе покинуло Кевина: присяжные признали его виновнымъ, а судья приговорилъ къ десяти годамъ ссылки. «Эвѣ» было позволено еще разъ видѣться съ нимъ въ тюрьмѣ и сказать послѣднее «прости». Она шепнула ему на ухо: «Будь вѣренъ,—я буду ждать». И она ждала. Годы протекли и молодой изгнанникъ получилъ наконецъ возможность снова вступить на ирландскую почву. Черезъ два дня послѣ его высадки въ Квинстоунѣ «Эва» была его невѣстой.

Менѣе счастливъ романъ «Мери». Она была родомъ изъ Мюнстера, по имени миссъ Элленъ Доунингъ. Подобно «Эвѣ», она привязалась къ одному изъ юныхъ писателей «Молодой Ирландіи». Въ 1848 году онъ бѣжалъ и, увы, въ чужой странѣ выучился забывать обѣты родины. «Мери» не выдержала удара. Она оставила лиру и нѣкоторое время чахла въ совершенномъ уединеніи. Весенніе цвѣты застали ее уже на могилѣ.

«Сперанца»—тогда была миссъ Илжи, а теперь лэди Вайлдъ—самая яркая изъ блестящей тріады. Она дочь преподобнаго м-ра Илжи, ректора протестантскаго прихода въ графствѣ Вексфордѣ и сестра почетнаго судьи Илжи въ Нью-Орлеанѣ,—молодая, красивая, высоко-образованная и одаренная рѣдкими талантами и умомъ. Ея личная привлекательность, ея развитый умъ, оригинальность и сила характера сдѣлали ее центромъ дублинскаго общества тридцать лѣтъ тому назадъ. Въ 1845 году она вышла замужъ за сэра Вильяма Роберта Вайлда, съ недавнею смертью котораго Ирландія потеряла одного изъ самыхъ извѣстныхъ археологовъ. Лэди Вайлдъ продолжала работать для національной литературы почти до самаго послѣдняго времени, часто ударяя по струнамъ въ старинномъ духѣ и всегда воспѣвая надежду, му-

жество и истину. Одно изъ послѣднихъ твореній, которое я получилъ изъ ея рукъ для помѣщенія въ *Nation*, представляетъ хорошую иллюстрацію духа, вдохновлявшаго всѣ поэмы «Сперанцы». Какъ разъ въ то время смерть особенно дѣятельно уносила самыхъ вѣрныхъ національныхъ бойцовъ Ирландіи и многія обстоятельства побудили меня однажды выразить ей свою горечь, глядя на ирландскую политику. Спустя одну или двѣ почты я получилъ отъ лэди Вайлдъ слѣдующее обращеніе къ соотечественникамъ:

Has the line of the patriots ended,
The race of the heroes failed,
That the bow of the mighty, unbended,
Falls slack from the hands of the quailed?
Or do graves lie too thick in the grass
For the chariot of Progress to pass?

Развѣ окончился рядъ патріотовъ,
Развѣ рядъ героевъ изсякъ,
Что не натянутый лукъ силы
Падаетъ изъ рукъ унылаго бойца?
Или могилы лежатъ въ травѣ такъ часто,
Что мѣшаютъ катиться колесницѣ прогресса?

Did the men of the past ever falter?
The stainless in name and fame;
They fllung life's best gifts on the altar
To kindle the sacrifice flame,
Till it rose like a pillar of light,
Leading up from Egyptian vight.

Развѣ люди прошлаго когда-нибудь смущались? Съ безупречнымъ именемъ и славой они несли лучшіе дары жизни на алтарь для поддержанія жертвеннаго пламени, пока оно не поднималось, какъ столбъ свѣта, выводящій изъ тьмы египетской ночи.

Oh! hearts all aflame with the daring
Of youth leaping forth into life!
Have ye courage to lift up, unfearing,
Te banner fallen low in the strife,
From hands faint through life's deepest loss,
And bleeding from nails of the cross?

О, сердца юношей, пылающихъ смѣлостью выйти въ жизнь! Неужели у васъ не станетъ мужества поднять безъ страха знамя, упавшее въ борьбѣ изъ рукъ изнемогшихъ отъ глубокихъ потерь жизни и истекающихъ кровью отъ гвоздей креста?

Can ye work on as they worked-unaided,
When all but honour seemed lost;
And give to your country, as they did,
All, without counting the cost?
For the children have risen since then
Up to the height of men.

Неужели у васъ не станетъ силы работать, какъ они, безъ поддержки, когда все потеряно, кромѣ чести? И неужели вы не отдадите родинѣ всего, какъ они, не считая, чего это стоитъ? Съ тѣхъ поръ уже дѣти стали взрослыми людьми.

Now swear by those pale martyr-faces
All worn by the furrows of tears,
By the lost youth no morrow replaces,
By all their long wasted years,
By the fires trod out on each hearth,
When the Exiles were driven forth,—

Клянитесь же блѣдными лицами мучениковъ, покрытыми морщинами отъ слезъ, ихъ безвозвратно потерянною юностью, всѣми длинными годами ихъ растраченной жизни, огнями ихъ очаговъ, потушенными ссылкой,—

By the young lives so vainly given,
By the raven hair blanched to grey,
By the strong spirits crushed and riven,
By the noble aims faded away,
By their brows, as the brows of a king,
Crowned by the circlet of suffering!

безвременно угасшими молодыми жизнями, сѣдинами черныхъ волосъ, разбитыми душами, увядшими благородными порывами и челомъ всякаго изъ нихъ, какъ челомъ короля, увѣнчаннаго короной страданія!

To strive as they strove, yet retrieving
The Cause from all shadow of blame,
In the Congress of Peoples achieving
A place for our nation and name;
Not by war between brothers in blood,
But by glory made perfect through good!

Клянитесь бороться, какъ они, оберегая дѣло отъ всякой тѣни обвиненія и добывая мѣсто для нашей націи среди народовъ не войной съ родными братьями, а славой, добытой добромъ!

We are blind, not discerning the promise,
'Tis the sword of the Spirit that kills;

Give us Light, and the fetters fall from us,
For the strong soul is free when it wills;
Not our wrongs but our sins make the cloud
That darkens the land like a shroud.

Мы слѣпы и не разумѣемъ обѣта. Насъ убиваетъ не что другое какъ мечъ Духа. Свѣта намъ—и оковы спадутъ, ибо сильная душа свободна, когда она того хочетъ. Не бѣды, а грѣхи наши создаютъ то облако, которое омрачаетъ землю, какъ саванъ.

With this sword like an archangel's gleaming,
Go war against Evil and Sin,
'Gainst the falsehood and meanness and seeming
That stifle the true life within.
Your bonds are the bonds of the soul,
Strike them off, and you spring to the goal!

Съ этимъ мечомъ, сіяющимъ какъ архангелъ впереди всѣхъ, идите на войну со зломъ и грѣхомъ, противъ лжи, низости и обольщеній, которыя убиваютъ истинную жизнь духа.

Ваши оковы—оковы души. Разбейте ихъ—и вы достигнете цѣли.

O men who have passed through the furnace,
Assayed like the gold, and as pure!
By your strength can the weakest gain firmness,
The strongest may learn to endure,
When once they have chosen their part,
Though the sword may drive home to each heart.

О, люди, прошедшіе сквозь горнило, испытанные какъ золото и какъ оно чистые! Ваша твердость укрѣпляетъ слабаго, а сильнаго учитъ переносить всѣ трудности пути, который онъ разъ избралъ, хотя бы мечъ и пронзилъ его въ самое сердце.

O martyrs! The scorners may trample
On broken hearts strewed in their path!
But the young race, all flushed by example,
Will awake to the duties it hath,
And rekindle your own torch of Truth
With the passionate splendours of youth!

О, мученики! Пусть презрѣнные ругатели глумятся и топчутъ подъ ногами ваши разбитыя сердца на вашемъ скорбномъ пути; но молодое поколѣніе, чуткое къ примѣру, проснется къ своимъ обязанностямъ и снова зажжетъ вашъ свѣтильникъ истины огнемъ страстной юности.

Лэди Вайлдъ начала писать въ *Nation* не какъ поэтесса. Сначала въ этомъ журналѣ появилось нѣсколько замѣчательно

талантливыхъ писемъ подъ именемъ «Джона Эллиса», и издатель, Дуффи, выразилъ въ отдѣлѣ «сообщеній корреспондентамъ» желаніе повидаться лично съ «м-ромъ Эллисомъ». Со слѣдующею почтой онъ получилъ увѣдомленіе, что можетъ это сдѣлать, придя въ назначенный вечеръ въ домъ доктора В. Р. Вайлда. Дуффи пришелъ и былъ принятъ докторомъ, который послѣ короткаго разговора оставилъ комнату и вскорѣ возвратился, ведя за руку «м-ра Джона Эллиса» въ лицѣ своей жены, прежней миссъ Джени Френсисъ Илжи. И дѣйствительно, лэди Вайлдъ была способна возвышать душу потрясающею прозой такъ же хорошо, какъ и горячею пѣсней. Въ 1848 г. она была m-me Roland ирландской жиронды. Когда борьба пришла къ развязкѣ и Гаванъ Дуффи судился за государственную измѣну, между статьями, читанными противъ него, была одна изъ запрещеннаго нумера *Nation,* озаглавленная: «Jacta alea est». Это было не что иное, какъ революціонное воззваніе. Прекрасное, какъ литературное, произведеніе, оно пылало пламеннымъ возбужденіемъ. Это была поэма въ прозѣ, дикая военная пѣсня, гдѣ Ирландія призывалась провозгласить предъ лицомъ земли и неба *ultima ratio* подавленныхъ народовъ. Генералъ-прокуроръ прочелъ статью среди гробоваго молчанія. Когда чтеніе кончилось, по залѣ суда пронесся шепотъ душевнаго движенія, а съ галлереи послышался женскій голосъ: «Я отвѣтственна, если это преступленіе!» Это былъ голосъ царственной «Сперанцы». Статья вышла изъ-подъ ея пера.

Признаннымъ вождемъ и во всякомъ случаѣ политическимъ главой «Молодой Ирландіи» былъ Вильямъ Смитъ О'Брайенъ. Онъ былъ протестантскимъ дворяниномъ съ высокими нравственными качествами и вліятельнымъ положеніемъ въ графствѣ Клеръ; его братъ, лордъ Инчиквинъ (тогда еще сэръ Луціусъ О'Брайенъ), былъ ближайшимъ мужскимъ родственникомъ маркиза Томонда. Родъ О'Брайеновъ несомнѣнно принадлежитъ къ числу древнихъ и знаменитыхъ и беретъ свое начало по прямой линіи отъ короля Брайена I, монарха Ирландіи, котораго побѣда надъ датчанами въ XI столѣтіи была событіемъ всеевропейской важности и интереса. Въ царствованіе Елизаветы и Джемса I бóльшая часть ирландскихъ вождей, мало-по-малу признававшихъ надъ собой англійскую власть, начала принимать англійскіе титулы и отдавать своихъ дѣтей (во всякомъ случаѣ своихъ наслѣдниковъ) воспитываться подъ опекой правительства (wards). Молодые заложники, какими они на самомъ дѣлѣ были, почти всегда

обращались въ протестантство; вотъ почему теперь только очень немногіе изъ древнихъ милезскихъ вождей исповѣдуютъ католическую вѣру.

Уже въ началѣ XVII стол. на чело главы Томонда была надѣта англійская герцогская корона. Во время гражданской войны 1641 г. Морроу О'Брайенъ, герцогъ томондскій, перешелъ на сторону Кромвелля и сдѣлался ужасомъ мюнстерскихъ роялистовъ. Его канонадой былъ разрушенъ кешельскій соборъ — величественный даже теперь въ своихъ развалинахъ.

Вильямъ Смитъ О'Брайенъ родился въ 1803 году и воспитывался въ Гарроу, а потомъ въ кембриджской Троицкой коллегіи. Онъ рано вступилъ въ парламентъ и занялъ въ немъ одно изъ такъ-называемыхъ фамильныхъ мѣстъ въ качествѣ твердаго консерватора. Несмотря на свой рѣшительный торизмъ и оппозицію О'Коннелю въ его агитаціи за эмансипацію католиковъ, Томонды О'Брайены оставались чистыми ирландцами и пользовались большою популярностью въ Клерѣ и Лимерикѣ. Отъ 1826 года до 1843 г. Смитъ О'Брайенъ подвизался въ парламентѣ на поприщѣ ирландскаго «провинціальнаго джентльмена» консерватора или вѣрнѣе — на поприщѣ либеральныхъ и народныхъ склонностей, дѣятельно посвящая себя тому, что можетъ быть названо практическимъ законодательствомъ, касающимся до существенныхъ интересовъ Ирландіи. Въ 1843 г. онъ изумилъ всю страну, публично объявивши о своемъ присоединеніи къ движенію за «отмѣну» и утверждая, что къ такому рѣшенію его привело четырнадцатилѣтнее терпѣливое изученіе лондонскаго парламента. Этимъ поступкомъ онъ навсегда лишилъ себя своихъ прежнихъ союзниковъ и друзей не только въ общественной жизни, но испыталъ отчужденіе и въ собственномъ семействѣ, что̃ причинило ему большое огорченіе. Однакожь это былъ человѣкъ неуклоннаго стремленія и абсолютно свободный отъ робости или колебанія въ томъ, что онъ считалъ своимъ долгомъ. Это была душа полная чести и истины. Я сомнѣваюсь, знала ли Ирландія когда-нибудь болѣе высокій типъ общественной добродѣтели и личной чистоты, чѣмъ Вильямъ Смитъ О'Брайенъ. Однакожь для роли великаго политическаго вождя ему недоставало многихъ существенныхъ качествъ. И главой ирландской партіи онъ сдѣлался не столько благодаря своимъ политическимъ способностямъ, сколько, главнымъ образомъ, своимъ добродѣтелямъ и выдающемуся общественному положенію. Онъ держалъ себя гордо, почти надменно, съ

достоинствомъ и сдержанно. Консерватизмъ никогда не покидалъ его вполнѣ. Раннія связи оставили неизгладимый отпечатокъ на его характерѣ, мнѣніяхъ и принципахъ. Онъ былъ ужасомъ революціонныхъ доктринъ. Не найдется въ странѣ человѣка, которому меньше нравилось бы фигурировать въ качествѣ вождя возстанія въ дальнѣйшей исторіи.

Его присоединеніе къ движенію «отмѣны» было важнымъ событіемъ того времени. Его привѣтствовали—какъ втораго человѣка въ Ирландіи, считая первымъ О'Коннеля. Я сомнѣваюсь, чтобы старая партія католической эмансипаціи, шедшая непосредственно за О'Коннелемъ, когда-нибудь была согласна съ О'Брайеномъ, но онъ скоро сдѣлался главой литературной и образовательной фракціи въ рядахъ «отмѣны», независимая мысль и смѣлая рѣчь которой ежедневно тревожили освободителя. Когда же, наконецъ, въ ассоціаціи насталъ кризисъ и произошло описанное въ предыдущихъ главахъ отлученіе, О'Брайенъ, хотя и сожалѣя о случившемся, удалился вмѣстѣ съ «Молодой Ирландіей» и съ тѣхъ поръ занялъ свое мѣсто признаннаго и отвѣтственнаго вождя партіи.

Я встрѣтилъ Вильяма Смита О'Брайена въ первый разъ въ іюлѣ 1848 г., за три недѣли до обвиненія его въ измѣнѣ. Онъ тогда дѣлалъ объѣздъ юго-западныхъ и южныхъ графствъ, очевидно, желая удостовѣриться въ дѣйствительномъ состояніи общественныхъ чувствъ и, я не сомнѣваюсь, матеріальныхъ средствъ національной партіи. Онъ долженъ былъ прибыть въ Гленгариффе, на его пути черезъ Бантри, къ торжественному смотру конфедератскихъ клубовъ въ Коркѣ. Населеніе нашихъ береговъ и горъ рѣшило сдѣлать ему королевскій пріемъ — въ характеристическомъ стилѣ водной общины. Не только рыбачій флотъ Бантри, но и всѣ рыбачьи лодки съ ручьевъ и затоновъ на многія мили вокругъ собрались сопровождать его въ Бантри черезъ залифъ Гленгариффе. Небольшая яхта моего отца получила завидную честь везти почетнаго гостя. Мы пересѣкли открытый заливъ на полныхъ парусахъ и достигли восточной оконечности о-ва Видди, который защищаетъ гавань Бантри отъ океаническихъ волненій и бурь. Въ то время, когда мы огибали островъ, нашимъ глазамъ представилась картина, которой я вѣроятно никогда не забуду. Здѣсь насъ ожидала флотилія въ нѣсколько сотъ лодокъ. Каждый рыбакъ сломилъ на берегу зеленую вѣтку и прикрѣпилъ къ борту своей лодки, такъ что каждая изъ нихъ имѣла видъ плавучей бе-

сѣдки. Когда «Independence», быстро огибая мысъ, показалась въ виду, съ флотиліи раздались оглушительныя привѣтствія, грянула музыка и гребцы сразу ударили по весламъ. Мы собрали фокъ-штагъ, чтобъ убавить ходу, и вся процессія пересѣкла широкую часть гавани, подобно Бирнаму Вуду, идущему на Донсайнанъ.

Когда я встрѣтилъ О'Брайена во второй разъ въ 1857 г., мрачная глава прибавилась въ національной лѣтописи ирландской исторіи. Съ тѣхъ поръ до самой его смерти мы были связаны какъ политическою, такъ и личною дружбой; но въ періодъ «Молодой Ирландіи» мои отношенія съ нимъ или воспоминанія о немъ ограничиваются только-что описанною сценой *).

Однимъ изъ выдающихся пунктовъ разногласія между двумя частями партіи «отмѣны» въ ассоціаціи О'Коннеля была жалоба младо-ирландцевъ на то, что національное движеніе велось съ слишкомъ сильной религіозною нетерпимостью и что, повидимому, признавалось необходимымъ каждому патріоту ирландцу быть непремѣнно католикомъ. О'Коннель окружилъ программу ассоціаціи кольцомъ отрицаній всякихъ мѣръ, проектовъ и принциповъ, непріятныхъ чувствамъ католиковъ. Католики младо-ирландцы говорили, что это было бы совершенно справедливо и пригодно въ католическомъ обществѣ; но находили это совершенно неумѣстнымъ и несправедливымъ въ общественной организаціи, точно ограничивающей свою задачу политическою цѣлью и одинаково приглашающею въ свои ряды какъ католиковъ, такъ и протестантовъ. По этому поводу возникло очень рѣзкое препирательство. Изъ него-то и вытекли тѣ обвиненія въ «вольнодумственныхъ» доктринахъ, которыя многіе долго старались связать съ младо-ирландской партіей.

Съ обѣихъ сторонъ высказывались рѣзкія вещи. Старо-ирландцы проклинали молодежь, какъ невѣрныхъ; младо-ирландцы поносили стариковъ, какъ ханжей. Спорный пунктъ отнюдь не заключалъ въ себѣ ничего пошлаго,—напротивъ, былъ вопросомъ крайне важнымъ и живымъ для будущаго Ирландіи: дѣйстви-

*) Съ какимъ удовольствіемъ онъ вспоминалъ ее даже среди тягостей приговора за государственную измѣну, доказывается тѣмъ, что онъ прислалъ мнѣ изъ ричмондской тюрьмы музыку любимой пѣсни съ надписью: „Подарено Александру М. Сулливану Вильямомъ С. О'Брайеномъ въ память его путешествія отъ Гленгариффе до Бантри на яхтѣ „Independence“ въ іюлѣ 1848 года, когда эта пѣсня была пропѣта одной молодой лэди.—Ричмондская тюрьма 1849 г.“

тельно ли практически неосуществимо соединеніе усилій католиковъ и протестантовъ въ чисто-политическихъ дѣлахъ? Хотя нѣкоторые изъ молодой партіи и облекали свои аргументы въ такія выраженія, которыя заключали въ себѣ слишкомъ много свободомыслія, тѣмъ не менѣе теперь всѣми признается и высказывается, что они въ этомъ случаѣ защищали положеніе, котораго потеря или сдача были бы положительно гибельны. Самое большее, что они могли сдѣлать въ то время—это сражаться до послѣдней возможности. Защищаемый ими принципъ былъ провозглашенъ и принятъ, какъ неизбѣжный и не допускающій сомнѣній, не раньше, какъ черезъ нѣсколько лѣтъ. Еслибъ они тогда не сражались изъ-за него, протестантовъ и католиковъ Ирландіи теперь раздѣляла бы на два враждебные лагеря цѣлая пропасть. Тѣмъ не менѣе вся ихъ дѣятельность была сплошною борьбой безъ луча надежды на немедленную побѣду. Разрывъ съ О'Коннелемъ навлекъ на нихъ продолжительную непопулярность.

Нападки на парламентскія злоупотребленія повели къ тому, что ихъ провозгласили утопическими пуристами. Борьба за религіозную терпимость вызвала обвиненія ихъ въ индифферентизмѣ. Наконецъ, ихъ образовательная пропаганда осмѣивалась, какъ дѣтское пусканье мыльныхъ пузырей. Казалось, они терпѣли пораженія на всякомъ пунктѣ своей программы. Иначе говоря, они, какъ партія, были обречены на неуспѣхъ, до тѣхъ поръ, пока съ великимъ трудомъ взращенное сѣмя не принесло листьевъ и цвѣтовъ и не стало ясно, что они работали не даромъ. На нашу долю выпало пожинать плоды ихъ трудовъ. Они были предвѣстниками лучшаго времени.

VIII.

„Сорокъ восьмой“.

Тысяча восемьсотъ сорокъ восьмой годъ былъ названъ лордомъ Норманби «годомъ революцій». И дѣйствительно, въ исторіи трудно найти другое подобное зрѣлище такого всеобщаго и почти одновременнаго взрыва во всѣхъ столицахъ Европы. Идеальные «принципы» 1789 г. находили себѣ поклонниковъ и послѣдователей во многихъ странахъ; но до всеобщаго разрушенія монархій по примѣру французовъ было слишкомъ далеко,—весь христіанскій міръ стоялъ пораженный страшнымъ зрѣлищемъ Парижа, гдѣ

люди: «Какъ фуріи, нѣжно лаская, крестили въ крови молодую надежду свободы на дымящемся алтарѣ смерти».

Несомнѣнно однако-жъ, что идеи и доктрины распространялись съ Бастильской площади и сдѣлались съ тѣхъ поръ для однихъ лозунгомъ человѣческой свободы, а для другихъ—синонимами анархіи и преступленій.

Февральская революція 1848 г. во Франціи отнюдь не была такимъ отреченіемъ отъ монархіи («bolt from the blue»), какъ думаютъ многіе. Взрывы бури раздавались повсюду, вездѣ было пасмурно, а на берегахъ Адріатики слышались раскаты грома. Въ ноябрѣ 1847 г. Австрія начала занимать итальянскія княжества,—овладѣла Пармой, Моденой и Реджіо. Въ началѣ января 1848 г. въ Легорнѣ вспыхнуло возстаніе. 12-го Палермо возмутилось противъ короля Фердинанда и получило конституцію. 13-го императоръ австрійскій объявилъ, что «уступокъ больше не будетъ», а спустя два дня Радецкій издалъ приказъ по войскамъ готовиться къ немедленной борьбѣ. 29-го провозглашена конституція 1812 года въ Неаполѣ, а 30-го герцогъ моденскій бѣжалъ изъ своей столицы. 8-го февраля король сардинскій послѣдовалъ примѣру неаполитанскаго и даровалъ конституцію. То же самое сдѣлалъ великій герцогъ тосканскій 11-го февраля. 22-го въ Ломбардіи объявлено военное положеніе и въ тотъ же самый день неаполитанскія войска бомбардировали Мессину.

Всѣ эти событія, какъ увидимъ дальше, непосредственно предшествовали кануну того самаго дня, когда Луи-Филиппъ былъ смѣщенъ съ французскаго престола; и тѣмъ не менѣе среди всѣхъ этихъ зловѣщихъ предзнаменованій «король гражданинъ» вмѣстѣ съ своими, потерявшими головы, министрами слѣпо шли къ своей гибели. 26-го декабря 1847 г. состоялся въ Руанѣ первый изъ цѣлаго ряда «банкетовъ реформы»; присутствовало до 1.800 человѣкъ. При этой, какъ и при многихъ другихъ подобныхъ демонстраціяхъ, тостъ за короля былъ выпущенъ. 12-го февраля Гизо объявилъ во французской палатѣ, что ни реформъ, ни уступокъ не будетъ. 21-го назначенъ банкетъ реформы въ Парижѣ. 22-го въ палатѣ было вотировано порицаніе Гизо, но съ тріумфомъ отвергнуто. По этому случаю Гизо—этотъ проницательный и дальновидный министръ, какъ его обыкновенно называли—хохоталъ во все горло надъ безсмысленной и безсильною выходкой, а черезъ 48 часовъ онъ бѣжалъ вмѣстѣ съ своимъ царственнымъ повелителемъ, и іюльской монархіи болѣе не существовало.

Едва успѣла долетѣть до насъ изъ Парижа поразительная новость, какъ на всемъ европейскомъ горизонтѣ — на сѣверѣ, югѣ, востокѣ и западѣ — пламя революцій уже подымалось къ небу. Трескъ падающихъ троновъ, громъ пушекъ, крики народной побѣды наполняли воздухъ. Казалось, свирѣпая зараза распространилась по всему континенту. Священный Союзъ лежалъ въ грязи, и тысячи голосовъ отъ Милана до Берлина провозглашали, что насталъ часъ освобожденія порабощенныхъ народовъ.

Ирландія не могла избѣжать настроенія дня. Онъ засталъ ее въ такихъ обстоятельствахъ, которыя, казалось, не оставляли ей другаго выбора, какъ подчиниться его вліянію.

За восемнадцать мѣсяцевъ до этого произошло раздѣленіе «Старой» и «Молодой» Ирландіи. Теперь было двѣ организаціи «отмѣны»: одна—первоначальная ассоціація, основанная О'Коннелемъ и слабо руководимая теперь его сыномъ, и другая—«Ирландская конфедерація», основанная отлученными «младо-ирландцами» или «конфедератами», какъ они съ этого времени начали называть себя.

Распаденіе очевидно было вызвано или произведено, если читатель помнитъ, попыткой О'Конеля вынудить отъ всѣхъ партизановъ «отмѣны» открытое порицаніе физической силы. Хотя младо-ирландцы въ этомъ случаѣ и отказывались подписать заявленіе, которое, по ихъ мнѣнію, неизбѣжно поражало нѣкоторыхъ самыхъ лучшихъ и храбрыхъ людей, тѣмъ не менѣе относительно исключительной пригодности только нравственныхъ и политическихъ вліяній для достиженія ирландскихъ стремленій они положительно были согласны съ О'Коннелемъ. Безъ сомнѣнія, они вѣрили въ нравственное вліяніе физическихъ силъ и высказывали эту доктрину съ такимъ жаромъ, который не переставалъ тревожить старую партію. Однако-жь едва отлученные—такъ сказать «лѣвая» ассоціаціи «отмѣны»—начали независимую агитацію въ качествѣ ирландской конфедераціи, какъ тотчасъ же обнаружилось, что въ ней самой существуетъ и «крайняя лѣвая» и «лѣвый центръ». Среди отчаянныхъ сценъ 1846 и 1847 годовъ начала давать себя знать и настоящая партія физической силы, и главнымъ образомъ въ формѣ отчаянныхъ заявленій, что народу было бы лучше умирать съ оружіемъ въ рукахъ, чѣмъ гибнуть подъ тяжестью голоднаго *режима*. Сначала этимъ страстнымъ возгласамъ никто не придавалъ серьезнаго значенія. Но къ концу 1847 г.

столкновеніе сдѣлалось неизбѣжнымъ. Одинъ изъ редакторовъ *Nation*, Джонъ Митчель, объявилъ, что пришло время призвать ирландскій народъ къ вооруженной борьбѣ. Такой путь дѣйствій былъ совершенно противенъ и принципамъ, и политикѣ журнала, въ которомъ онъ работалъ, и вызвалъ рѣзкое порицаніе со стороны Гавана Дуффи и Дерси Мак-Джи, соредакторовъ Митчеля. Онъ вышелъ изъ *Nation*, и споръ перенесся въ совѣтъ конфедераціи. Въ виду послѣдующихъ событій можетъ показаться страннымъ тотъ, тѣмъ не менѣе вѣрный, фактъ, что самыми горячими и способными противниками Митчелевскихъ насильственныхъ проектовъ были Смитъ О'Брайенъ, Джонъ Б. Диллонъ, Гаванъ Дуффи, Т. Ф. Мигеръ, Ричардъ О'Горманъ, Михаилъ Догени, Дерси Мак-Джи,—словомъ тѣ самые люди, которые, спустя нѣсколько мѣсяцевъ, были или арестантами правительственныхъ тюремъ, или искали спасенія въ бѣгствѣ въ горы.

Джонъ Митчель, который первый послѣ Роберта Эммета, погибшаго на эшафотѣ въ 1803 году, началъ проповѣдывать возстаніе и полное отдѣленіе Ирландіи отъ британской короны, — былъ сыномъ преподобнаго Джона Митчеля, юнитаріанскаго священника въ Донгивенѣ, въ графствѣ Дерри. Онъ родился въ 1815 году и воспитывался въ дублинской Троицкой коллегіи. Подобно многимъ другимъ студентамъ этого заведенія, онъ съ раннихъ лѣтъ началъ сотрудничать въ газетѣ *Nation*, а въ 1845 году, послѣ смерти Томаса Девиса, сдѣлался однимъ изъ издателей журнала вмѣстѣ съ Чарльзомъ Гаваномъ Дуффи и Томасомъ Дарси Мак-Джи. Суровый ульстерманскій юнитаріанецъ скоро началъ обнаруживать рѣшительную склонность къ такъ называвшимся тогда «французскимъ принципамъ»,—онъ былъ республиканецъ и революціонеръ. Во всякомъ случаѣ въ періодъ голода онъ совершенно отдѣлился отъ преслѣдуемой его товарищами политики и началъ рѣшительно предлагать конфедераціи объявить войну за независимость. Никому другому, какъ ему, обязана своимъ обновленіемъ «сепаратистская» или революціонная партія въ ирландской политикѣ. Отъ 1803 до 1845 года она ничѣмъ не проявляла своего существованія и никѣмъ не признавалась. Безъ сомнѣнія, въ странѣ было недовольство, выражавшееся въ постоянномъ протестѣ или пассивномъ сопротивленіи существующему порядку вещей; но никому и во снѣ не снилось другой политической задачи, кромѣ отмѣны сліянія, какъ законной цѣли, достижимой законными средствами. Эра бунтовъ и возстаній,

казалось, миновала навсегда. И вдругъ Джонъ Митчель рѣшительно выступилъ противъ вѣрности и законности. Онъ доказывалъ, что конституціонализмъ деморализировалъ страну. Ирландія можетъ быть спасена только «кровью и желѣзомъ».

Противъ этихъ насильственныхъ доктринъ возставали Смитъ О'Брайенъ и почти всѣ вожди конфедераціи. О'Брайенъ объявилъ, что одинъ изъ двухъ—онъ или Митчель—долженъ выйти изъ организаціи. Вопросъ публично обсуждался на полныхъ собраніяхъ членовъ въ теченіе двухъ дней и 5-го февраля 1848 года огромное большинство вотировало противъ воинствующей партіи, такъ что она должна была выйти изъ конфедераціи. Спустя 7 дней Джонъ Митчель, какъ бы рѣшившійся послѣ такого порицанія его доктринъ на отчаянныя мѣры, основалъ еженедѣльную газету *United Irishman* съ цѣлью открыто проповѣдывать возстаніе.

На него смотрѣли какъ на сумашедшаго. И младо-ирландцы, и старо-ирландцы одинаково отвѣчали на его выходки или смѣхомъ, или угрозами. Но приближались событія, которыхъ не предвидѣли ни Митчель, ни его оппоненты, и которымъ суждено было вполнѣ предоставить въ его руки отчаянную игру.

Только-что появился третій нумеръ его журнала, какъ разразилась вѣсть о французской революціи и изумила весь міръ. Она воспламенила Ирландію. Возбужденіе росло съ каждымъ днемъ. Каждая почта приносила извѣстія о народныхъ возстаніяхъ, неизмѣнно увѣнчанныхъ побѣдой. Каждый бюллетень, откуда бы онъ ни приходилъ—изъ Парижа, Берлина или Вѣны, разсказывалъ одно и то же: баррикады на улицахъ, сверженіе правительствъ, торжество народа. Еслибы не этотъ поразительный поворотъ событій, то можно было бы сомнѣваться, просуществуетъ ли *United Irishman* три мѣсяца. Теперь же всякая крайность встрѣчалась съ восторгомъ. Ирландія была увлечена въ водоворотъ революціи. Народные вожди, мѣсяцъ тому назадъ порицавшіе Митчеля за его призывы къ войнѣ, теперь заразились господствовавшею страстью.

Конфедератскіе «клубы» теперь возникали во всей странѣ, а вооруженіе и обученіе производились совершенно открыто. Журналъ Митчеля горячо работалъ недѣля за недѣлей, стараясь ускорить столкновеніе. На его страницахъ издатель помѣщалъ письма, адресованныя лорду Кларендону, вице-королю Ирландіи, называя его «Генералъ-Вѣшатель Ея Величества и Генералъ-Мясникъ Ирландіи». Онъ печаталъ наставленія относительно уличной войны; описывалъ «берлинскую систему», «миланскую систему»,

«вѣнскую систему»; восхвалялъ расплавленный свинецъ, глиняную посуду, битыя бутылки и даже холодную сѣрную кислоту, какъ очень пригодныя вещи для бросанія гражданами и гражданками изъ оконъ на дѣйствующія внизу войска. Конечно, Митчель зналъ, что всего этого не потерпятъ. Онъ былъ увѣренъ, что его непремѣнно схватятъ, но надѣялся успѣть прежде своего ареста и запрещенія газеты сдѣлать революцію неизбѣжной.

Хотя въ этой конфедераціи въ это время дѣйствительно были охвачены идеей вооруженной борьбы, тѣмъ не менѣе разница въ принципахъ между ними и партіей Митчеля была такъ же велика, какъ и всегда. Повидимому, они шли вмѣстѣ одною дорогой, но въ дѣйствительности это не было такъ. О'Брайенъ и его друзья долгое время лелѣяли надежду, что между правительствомъ и Ирландіей непремѣнно произойдутъ соглашенія и уступки и столкновеніе будетъ отвращено. Митчель, напротивъ, ничего такъ не боялся, какъ какого бы то ни было компромисса. Они желали дѣйствовать благоразумно, подражая образцу Вашингтона или колоній; онъ же стоялъ на слѣдованіи примѣру Луи Блана и бульваровъ Парижа. Идеаломъ борьбы, если уже борьба необходима для нихъ, былъ хорошо подготовленный и осторожно объявленный призывъ къ оружію *), потому они и хотѣли ждать до осени, какъ окончится уборка хлѣба. «Революціонерами розовой воды» презрительно назвалъ ихъ Митчель. «Дураки, идіоты!—воскликнулъ одинъ изъ его лейтенантовъ.—Они будутъ ждать, пока ружья свалятся имъ съ неба, а ангелы явятся взвести курки».

За всѣми этими аргументами въ пользу выжиданій и приготовленій конечно существовали такъ сказать «консервативныя идеи» и принципы, которыхъ держались нѣкоторые конфедераты.

---

*) Частное письмо, писанное Гаваномъ Дуффи къ О'Брайену изъ Нью-Йоркской тюрьмы за недѣлю до взрыва и найденное при арестѣ О'Брайена въ карманѣ его пальто, очень курьезно выражаетъ эти взгляды: „Я радъ, что вы намѣрены предпринять рядъ митинговъ въ Мюнстерѣ. Для васъ не можетъ быть остановки на полпути: или вы будете признаннымъ главою движенія и революція будетъ руководиться порядкомъ и человѣчностью; или же надъ народомъ восторжествуютъ анархисты и наша революція будетъ кровавымъ хаосомъ. Вы теперь занимаете мѣсто Лафайета, какъ его рисуетъ Ламартинъ, и, мнѣ кажется, впадаете въ лафайетовскую ошибку, не пользуясь всѣмъ вліяніемъ и средствами своего положенія. Я убѣжденъ, что вы не хотите руководить другими и вліять на нихъ; но я вмѣстѣ съ Ламартиномъ думаю, что чувства, составляющія высокія гражданскія добродѣтели въ мирное время, становятся порокомъ въ революціяхъ“.

Прим. авт.

О'Брайенъ возставалъ противъ «красныхъ», какъ онъ называлъ наиболѣе нетерпѣливыхъ и отчаянныхъ людей. Съ другой стороны они клеймили его «аристократомъ» въ душѣ, котораго слабость погубитъ все дѣло. Говоря со мной объ этомъ спустя много лѣтъ, онъ не могъ безъ горечи вспомнить тѣхъ упрековъ, которыми осыпали его за всѣмъ извѣстную его «пунктуальность» и крайнюю боязнь антисоціальныхъ излишествъ. «Я былъ готовъ отдать свою жизнь въ настоящей борьбѣ за права націй,—сказалъ онъ,—но отнюдь не хотѣлъ быть главой *жакеріи*».

Но помимо младо-ирландцевъ, расколотыхъ такимъ образомъ на два лагеря: одинъ — руководимый О'Брайеномъ, а другой— Митчелемъ,—существовала третья партія, которую необходимо принимать въ разсчетъ: это о'коннелиты «отмѣны». Они были одинаково враждебны революціонерамъ какъ «розовой воды», такъ и «сѣрной кислоты». По случаю банкета, даннаго городомъ Лимерикомъ О'Брайену, Мигеру и Митчелю въ мартѣ 1848 г., толпа о'коннелитовъ окружила домъ и напала на общество,—произошла возмутительная и кровопролитная сцена. Немедленнымъ послѣдствіемъ этой удивительной выходки было нападеніе на память О'Коннеля въ Митчелевской газетѣ; она поносила мертваго трибуна за его «разлагающія и развращающія доктрины».

Одинъ классъ ирландскаго общества,—классъ, издавна привыкшій двигаться вмѣстѣ съ народомъ или руководить его движеніями,—во все это время держался противъ проповѣдуемаго возстанія. Это—католическое духовенство. Какъ одно цѣлое, оно съ самаго начала смотрѣло подозрительно на «Молодую Ирландію». Оно думало, что это движеніе сильно сродни работѣ континентальныхъ революціонеровъ и какъ бы ни было ему ненавистно англійское господство, оно въ тысячу разъ охотнѣй предпочло бы его той свободѣ, которую проповѣдывали карбонары. Въ это время, въ 1848 г., власть католическихъ священниковъ была еще непоколебима и сильнѣе чѣмъ когда-нибудь. Сцены голода, въ которыхъ ихъ любовь къ народу выразилась въ невиданномъ доселѣ героизмѣ и самоотверженности, дали имъ такое вліяніе, которому никто не могъ противустоять или не довѣрять. Ихъ враждебность движенію была для него болѣе гибильна, чѣмъ вся сила Великобританіи.

Лордъ Кларендонъ, хотя и прекрасно знавшій сравнительную малочисленность младо-ирландцевъ, очевидно думалъ, что, разъ взрывъ начнется, онъ можетъ развиться въ нѣчто опасное. Онъ

рѣшилъ нанести движенію быстрый и тяжелый ударъ. 21 марта О'Брайенъ, Мигеръ и Митчель были арестованы: первые двое—за возмутительныя рѣчи, а послѣдній—за такія же писанія. Преслѣдованіе О'Брайена и Мигера по этому обвиненію окончилось неудачей,—присяжные не могли согласиться въ вердиктѣ. Что же касается до Митчеля, то, прежде чѣмъ успѣлъ состояться надъ нимъ обыкновенный судъ за возбужденіе къ мятежу, правительство провело черезъ парламентъ новый законъ, извѣстный подъ именемъ акта объ измѣнѣ (Treason Felony Act) и сильно облегчавшій преслѣдованіе по такимъ обвиненіямъ. 22 мая Митчель былъ призванъ къ суду въ гринъ-стритъ въ Дублинѣ, а 26-го былъ признанъ виновнымъ.

Митчелевская партія рѣшительно и открыто высказывала, что его осужденіе или даже малѣйшая попытка увезти его изъ Дублина, какъ осужденнаго—должны послужить сигналомъ къ возстанію. И вотъ теперь наставала именно такая минута. Не было никакого сомнѣнія, что если они смогутъ привести свое рѣшеніе въ исполненіе, то произойдетъ отчаянное и кровавое столкновеніе. Митчель обладалъ замѣчательною способностью внушать людямъ личную привязанность и преданность; въ Дублинѣ были тысячи такихъ, которые не задумались бы пожертвовать своими жизнями для его освобожденія. Правительство знало это и готовилось къ отпору. Конфедераты же, убѣжденные, что призывъ къ оружію раньше осени успѣшнымъ быть не можетъ, направили всю свою энергію на разубѣжденіе митчелитовъ не приводить въ исполненіе задуманнаго ими. Цѣлый день наканунѣ этого рѣшенія прошелъ въ частныхъ свиданіяхъ, переговорахъ, спорахъ и воззваніяхъ. Работа эта продолжалась до глубокой ночи и только за часъ или за два до наступленія 27 мая 1848 г. Дублинъ былъ спасенъ отъ ужасовъ кровопролитной борьбы.

Друзья Митчеля никогда не скрывали своего неудовольствія на о'брайеновскую партію за оказанное ею такимъ образомъ противодѣйствіе и увѣряли, что удобный случай для успѣшнаго начала національной борьбы былъ преступно упущенъ. Тѣмъ не менѣе согласіе дублинскихъ клубовъ отказаться отъ попытки освобожденія Митчеля или начала возстанія по этому случаю было у нихъ исторгнуто, хотя и подъ условіемъ, что во вторую недѣлю августа мѣсяца знамя возстанія будетъ непремѣнно развернуто.

Между тѣмъ слухъ, что нѣкоторыми вожаками дѣлаются попытки устранить столкновеніе и что Смитъ О'Брайенъ и его друзья

противъ него, распространился по Дублину поздно вечеромъ 26 мая, и тяжелая неизвѣстность и опасенія волновали городъ на слѣдующее утро. Правительство же, зная обо всемъ этомъ черезъ своихъ шпіоновъ, принимало на всякій случай мѣры предосторожности. Митчель былъ приговоренъ къ ссылкѣ за океанъ на 14 лѣтъ. Зала суда была биткомъ набита его личными и политическими друзьями и прежними студентами Троицкой коллегіи. Онъ выслушалъ приговоръ спокойно. Затѣмъ среди толпы настало гробовое молчаніе, такъ какъ видно было, что онъ хочетъ говорить. Онъ обратился къ суду вызывающимъ тономъ: «Лорды,—сказалъ онъ,—я зналъ, что рискую своей жизнью. Путь, намѣченный мною, только-что начался. Римлянинъ, видѣвшій, какъ его рука превращалась въ пепелъ передъ тираномъ, обѣщалъ, что вслѣдъ за нимъ найдутся еще триста героевъ, готовыхъ послѣдовать его примѣру. Неужели я не могу обѣщаться за одного, за двухъ, трехъ, за сто?!» Произнося эти заключительныя слова, онъ взглянулъ сначала на Джона Мартина, потомъ на Девина Реилли и на Томаса Френсиса Мигера и затѣмъ на всю толпу своихъ товарищей, которыхъ онъ видѣлъ на хорахъ. Оглушительные крики раздались по всему зданію: «Обѣщайся за меня Митчель! Обѣщайся за меня!» и къ нему бросились съ объятіями, зная, что видятъ его въ послѣдній разъ. Стража въ дикомъ ужасѣ приняла это за начало возстанія. Оружіе было обнажено; снаружи рога трубили тревогу, спѣшили войска. Нѣсколько полицейскихъ кинулись сами на Митчеля, вырвали его изъ объятій возбужденныхъ друзей и поспѣшно увели изъ суда черезъ дверь, ведущую въ тюрьму.

Въ этотъ моментъ, можно сказать, было подавлено ирландское возстаніе 1848 года. Въ ту же ночь, на утро, военный корветъ «Ширватеръ» подошелъ къ самому краю сѣверной набережной Дублина. Онъ стоялъ съ зажженными огнями и разведенными парами, ожидая груза, приготовлявшагося для него въ судѣ гринъ-стрита. Едва Митчеля вывели изъ залы суда, какъ заковали въ крѣпкія цѣпи, проходившія отъ кистей рукъ къ ногамъ. Въ такомъ видѣ его торопливо посадили въ полицейскую карету, стоявшую около воротъ и окруженную драгунами съ саблями на-голо. По данному знаку кавалькада тронулась и, искусно лавируя по городу съ цѣлью миновать враждебныя улицы и избѣжать встрѣчи съ собравшимися толпами или построенными баррикадами, достигла гавани и «Ширватера». Митчель былъ

посаженъ на пароходъ, и едва онъ вошелъ на палубу, какъ колесо завертѣлось, пароходъ быстро вышелъ въ море и черезъ нѣсколько часовъ холмы Ирландіи уже исчезли изъ глазъ изгнанника.

Извѣстіе объ его осужденіи и приговорѣ и потрясающее сообщеніе, что онъ уже увезенъ, разразились надъ провинціальными клубами подобно удару грома. Поднялись крики негодованія и на конфедератскихъ вождей посыпались самыя свирѣпыя нападки за ихъ, какъ говорили, «трусость». Довѣріе къ ихъ рѣшимости исчезло. Къ несчастію, съ этого дня для нихъ не могло быть отступленія... Теперь они сами бросились въ провинціи, ѣздили по странѣ отъ востока до запада, собирали митинги, ревизовали организацію клубовъ, наводили справки о вооруженіи и побуждали народъ быть готовымъ къ возстанію.

Конечно, правительство было не менѣе дѣятельно и внимательно. Страна наводнялась войсками, строились временные бараки, гарнизоны усиливались, военные пароходы входили въ устья рѣкъ, устраивались летучіе отряды и принимались всевозможныя военныя мѣры для противодѣйствія возстанію.

Конфедератскіе вожди разсчитывали на два мѣсяца приготовленій, т. е. надѣялись быть готовыми къ половинѣ августа. Они знали, что раньше этого срока ихъ нельзя было ни арестовать, ни преслѣдовать никакими законными средствами. Имъ ни разу не пришло въ голову (а люди, берущіеся за такую ужасную задачу, должны бы были имѣть въ виду такой простой оборотъ дѣла), чтобы правительство могло отложить въ сторону медленную и длинную процедуру обыкновеннаго суда и быстро схватить ихъ въ свои мстительныя когти. Пока О'Брайенъ, Диллонъ и Мигеръ, О'Горманъ и Мак-Джи занимались приготовленіемъ возстанія въ провинціяхъ, въ послѣднюю недѣлю іюля мѣсяца до Дублина дошла вѣсть, что наканунѣ вечеромъ правительство провело черезъ парламентъ билль объ отмѣнѣ въ Ирландіи «Habeas Corpus Act'а». Въ ту же ночь были изданы распоряженія объ арестѣ конфедератскихъ вожаковъ и назначались большія награды за содѣйствіе правительству.

Это извѣстіе застало О'Брайена въ Баллинкилѣ, въ графствѣ Вексфордъ. Онъ тотчасъ же отправился черезъ Кильkенни въ Типперари съ цѣлью собрать въ этомъ графствѣ значительныя силы и двинуться на городъ Кильkенни, такъ какъ онъ былъ назначенъ мѣстомъ, откуда временное правительство должно было

издать призывъ ирландскаго народа къ оружію. Прежде чѣмъ что-нибудь подобное могло быть сдѣлано, онъ увидѣлъ себя окруженнымъ летучими отрядами войска и полиціи. Между нѣкоторыми изъ нихъ и толпой крестьянъ, собравшихся сопровождать его въ мѣстечкѣ Баллингари, произошло столкновеніе, результатъ котораго показалъ ему крайнюю безнадежность попытки вызвать возстаніе, которое въ нѣкоторыхъ мѣстахъ фактически уже было подавлено. По мѣрѣ того, какъ тысячи народа стекались на мѣсто призыва, — а они могли бы собраться въ числѣ гораздо большемъ, чѣмъ было нужно для побѣды надъ правительственными силами,—на сцену являлись католическіе священники. Они кидались въ средину толпы, умоляя ее отказаться отъ такого предпріятія и указывая на неготовость страны и на очевидный фактъ, что правительство обладаетъ всѣми средствами для потопленія въ крови всякаго возстанія. «Гдѣ ваше оружіе»?— говорили они.—Оружія не было. «Гдѣ вашъ коммиссаріатъ?»— Масса народа не имѣла буквально никакой пищи. «Гдѣ ваша кавалерія и артиллерія? Гдѣ ваши вожди, ваши генералы и офицеры? Каковъ планъ вашей кампаніи?... Гг. О'Брайенъ и Диллонъ— прекрасные люди, но они совсѣмъ не обладаютъ военными способностями. Неужели же вы пойдете на вѣрное истребленіе?» Эти увѣщанія, изливаемыя съ неописаннымъ жаромъ, производили потрясающее впечатлѣніе. Толпы разбрелись и О'Брайенъ, смущенный и изумленный, съ болью въ сердцѣ, оказался во главѣ не 50.000 храбрыхъ типперарцевъ, вооруженныхъ и обмундированныхъ для національной борьбы, а нѣсколькихъ сотъ полуголыхъ и совершенно не вооруженныхъ крестьянъ. Едва они успѣли тронуться, какъ встрѣтили отрядъ полиціи. Произошла стычка. Полиція отступила въ крѣпкій фермерскій домъ, гдѣ могла выдержать осаду въ десять разъ большихъ военныхъ силъ безъ артиллеріи. Попытка крестьянъ взять его штурмомъ была неудачна, такъ какъ О'Брайенъ положительно запретилъ употребить послѣднее средство, способное очистить домъ,—трое его подчиненныхъ принесли соломы и сѣна, чтобы поджечь строеніе. Домъ принадлежалъ вдовѣ, у которой въ немъ остались пятеро дѣтей. Она бросилась къ вождю возстанія, упала на колѣни и умоляла его не пятнать свое имя и дѣло такимъ варварскимъ поступкомъ, какъ убійство ея дѣтей. О'Брайенъ немедленно отдалъ приказъ убрать запалы, несмотря на то, что полиція въ это время изъ дома осыпала его послѣдователей смертельными залпами, и эти

послѣдніе, недовольные такой чувствительностью вождя, по ихъ мнѣнію совсѣмъ неумѣстной въ такую минуту, отказались отъ осады зданія и разошлись по домамъ.

Такимъ образомъ прежде наступленія вечера того же дня О'Брайенъ, сопровождаемый двумя или тремя вѣрными послѣдователями, уже спасался бѣгствомъ въ ущельяхъ Кильнаманагскихъ горъ. Не лучшій успѣхъ имѣли попытки его подчиненныхъ и въ другихъ мѣстахъ. Въ маѣ они предупредили возстаніе, а теперь страна не хотѣла возставать по ихъ призыву.

Вскорѣ послѣ ссылки Митчеля въ Дублинѣ былъ арестованъ Дуффи, а 28-го іюля полиція вломилась въ контору редакціи *Nation*, захватила только-что отпечатанный нумеръ газеты, разсыпала шрифты и увезла въ замокъ всѣ найденные документы. По всей странѣ дѣлались аресты и захваты оружія. Каждый день *Hue and Cry* содержалъ новыя объявленія объ арестахъ и новые списки бѣжавшихъ съ ихъ примѣтами. Теперь не могло быть и рѣчи о сопротивленіи. Пораженіе никогда не было такимъ полнымъ. Гибельная военная горячка, появившаяся въ самый день возстанія, такъ же быстро и исчезла, какъ явилась. Вдругъ для всѣхъ стало ясно все безуміе только-что сдѣланной попытки, и однакожь еще мѣсяцъ тому назадъ очень немногіе предвидѣли это.

Въ теченіе остальныхъ мѣсяцевъ года Ирландія была занята подавляющею дѣятельностью спеціальныхъ коммиссій, политическ. процессовъ и смертельныхъ приговоровъ. Изъ вождей или выдающихся дѣятелей этого неудачнаго возстанія О'Брайенъ, Мигеръ, Мак-Манусъ, Мартинъ и О'Догерти были осуждены, а Диллонъ, О'Горманъ и Догени успѣли бѣжать въ Америку. О'Брайенъ, Мигеръ и Мак-Манусъ съ однимъ изъ своихъ преданныхъ товарищей въ опасности—Патрикомъ О'Доногью — приговорены за государственную измѣну къ смерти; но, въ силу спеціально вотированнаго парламентомъ акта, варварская казнь чрезъ повѣшеніе, распороніе брюха и четвертованіе, которымъ они подлежали по буквѣ закона, была замѣнена ссылкой за океанъ на всю жизнь. Дуффи пытались судить три раза, но, несмотря на отчаянныя усилія короны обвинить его, преслѣдованіе каждый разъ терпѣло пораженіе, разбиваемое замѣчательно талантливою защитой Исаака Бётта. Наконецъ обвиненіе должно было отказаться отъ преслѣдованія. Изъ числа менѣе важныхъ участниковъ многіе были осуждены, сотни же другихъ покинули родину съ тѣмъ, чтобы никогда въ нее не возвращаться.

«Сорокъ восьмой» дорого стоитъ Ирландіи—и не только въ видѣ потери многихъ ея лучшихъ и благороднѣйшихъ сыновъ, увлеченныхъ въ такое отчаянное предпріятіе, какъ революція, а также въ формѣ страшной реакціи, упадка духа и дезорганизація, послѣдовавшихъ за нимъ Въ теченіе многихъ длинныхъ и страшныхъ лѣтъ страна страдала за безуміе того времени.

IX.

Заключительныя сцены.

Одинъ выстрѣлъ изъ импровизованной крѣпости въ Баллингари едва не измѣнилъ всего теченія ирландской исторіи послѣднихъ лѣтъ. Во время смертельнаго огня, которымъ полиція осыпала инсургентовъ, одна пуля попала въ молодаго инженернаго студента изъ Килькенни (состоявшаго помощникомъ или лейтенантомъ при О'Брайенѣ), ранила ему ногу и вообще обезсилила. Несмотря на свою рану, онъ отказывался оставить свой постъ до тѣхъ поръ, пока не выяснилось совершенное пораженіе и пока народъ не началъ расходиться. Тогда онъ удалился съ мѣста схватки и поспѣшно скрылся въ городъ, гдѣ оставался, укрываясь въ крестьянскихъ хижинахъ, до тѣхъ поръ, пока не поправился на столько, чтобы продолжать свое бѣгство. Его имя было Джемсъ Стефенсъ. Пуля пощадила жизнь будущаго вождя и главу феніанскаго заговора.

Его судьба, какъ бѣглеца, связана съ судьбою Михаила Догени; и изо всѣхъ разсказовъ о бѣгствахъ, относящихся къ этому несчастному времени,—о тяжелыхъ страданіяхъ, острыхъ лишеніяхъ, страшныхъ случайностяхъ и большею частію гибельныхъ опасностяхъ,—ихъ повѣствованіе, несомнѣнно, самое удивительное. Въ теченіе двухъ мѣсяцевъ за ними охотились по горамъ и оврагамъ южныхъ и юго-западныхъ приморскихъ графствъ; имъ приходилось прятаться по кустарникамъ и берегамъ болотъ или укрываться въ крестьянскія хижины для того, чтобъ отдать свой короткій и тревожный сонъ подъ охрану убогаго владѣльца. Много разъ близость погони заставляла ихъ возвращаться назадъ въ тѣ самые округи, пройти которые имъ стоило столько страданій; часто для того, чтобы попасть въ мѣсто, до котораго по прямой дорогѣ часъ ходьбы, имъ приходилось дѣлать обходы въ нѣсколько миль. Ихъ главною задачей было попасть въ какой-нибудь портъ, гдѣ можно бы было достать лодку и добраться до

проходящаго корабля. Догени слѣдующимъ образомъ разсказываетъ, какъ они переходили Кнокмельдоунскія горы и заходили въ извѣстный траппистскій монастырь на южномъ склонѣ ихъ: «Было воскресенье; холодъ и сырость предыдущаго вечера смѣнились тихой и солнечною погодой и мы сдѣлали быстрый переходъ вдоль отроговъ Комерачъ. Всего труднѣе для насъ было пересѣкать глубокіе овраги. Крутые спуски и подъемы были обыкновенно покрыты лѣсомъ, верескомъ и терновникомъ. Глубоко внизу журчалъ быстрый и пѣнящійся горный потокъ, который мы обыкновенно переходили не раздѣваясь и всегда чувствовали себя послѣ этого сильно подкрѣпленными. Но нашъ путь вверхъ сквозь деревья и колючіе кустарники былъ крайне утомителенъ. Около трехъ часовъ вечера мы достигли живописной мѣстности Моунтъ-Меллерейскаго аббатства: мы сдѣлали 30 миль горами, ничего не ѣвши. Всѣмъ извѣстное гостепріимство братьевъ было большимъ искушеніемъ для людей въ нашемъ положеніи, усталыхъ и голодныхъ; но мы знали, что легко могли компрометировать братьевъ, и рѣшили не давать о себѣ знать. Мы вошли въ красивую церковь аббатства и поднялись на хоры, пока шла вечерня. Мы оказались тамъ одни, такъ что имѣли возможность перемѣнить свои чулки и обтереть кровь съ своихъ ногъ. Мы пробыли тамъ около часа и немного освѣжились».

Достигши окраины города Корка, они повернули на западъ, въ дикую и горную мѣстность Бантри, Гленгариффе и Кенмара. Литературныя привычки и поэтическія вдохновенія Догени не только не были подавлены, но, наоборотъ, особенно послѣднія, скорѣй обновились къ усиленной дѣятельности страданіями и опасностями жизни внѣ закона. Во время этого бѣгства онъ написалъ нѣсколько своихъ самыхъ лучшихъ балладъ, записывая ихъ на оборотѣ стараго письма или на краю газеты. Въ одномъ изъ такихъ стихотвореній, обращенномъ къ Ирландіи и написанномъ въ одной хижинѣ въ горахъ Гленгариффе, онъ оплакиваетъ судьбу товарищей и свою собственную:

Весь свѣтъ говорилъ о тебѣ,
Всѣ надѣялись на тебя,
Что ты однимъ смѣлымъ порывомъ къ свѣту
Разрушишь рабство многихъ лѣтъ.
Моментъ насталъ. Увы! всѣ тѣ,
Кто погибли за тебя,
Были прокляты и поруганы какъ твои враги;

A cuisla gal ma chree.
Я живу жизнью внѣ закона
И испыталъ всякое зло—
И тревожный отдыхъ, и безконечный страхъ,
Поддерживаемый напряженной волей;
И еслибъ даже исполнилась ея послѣдняя мрачная слу-
чайность,
Пусть будетъ такъ;
Даже въ смерти я буду любить тебя больше всего.—
A cuisla gal ma chree.

Въ одну изъ самыхъ мрачныхъ и безнадежныхъ минутъ, когда до него дошло извѣстіе о горькихъ лишеніяхъ, выносимыхъ его женой, онъ написалъ «Жизнь внѣ закона», начинающуюся слѣдующими стихами:

Въ печальномъ молчаніи сидитъ она, опустивши голову на руки,
И молится въ сердцѣ Верховному Вершителю судебъ,
Чтобъ Онъ защитилъ и направилъ въ болѣе счастливую страну
Радость ея души и мужа ея любви;
Она замѣчаетъ по своему лихорадочному пульсу,
Какъ тихо движется время;
Она прислушивается къ стонамъ вѣтра,—
Они кажутся ей звуками похороннаго пѣнія.

Въ Кенмарѣ Догени и Стефенсъ встрѣтили дружескія сердца и руки, которыя и помогли имъ спастись. Кажется, я въ первый разъ назову теперь имя того семейства, которому были обязаны этимъ несчастные бѣглецы: это — родственники и друзья Мак-Карти Доунинга, теперешняго члена парламента отъ графства Коркъ. Я даже увѣренъ, что достопочтенный джентльменъ самъ принималъ непосредственное участіе въ устройствѣ побѣга. Стефенсъ бѣжалъ во Францію подъ видомъ слуги, сопровождающаго даму съ семействомъ. Догени же попалъ на пароходъ «Сабрина», сопровождая изъ Корка въ Бристоль нѣсколько головъ скота. Изъ этого же города онъ уже легко доѣхалъ до Лондона, а оттуда и до Парижа, гдѣ не только его недавній компаньонъ Стефенсъ, но и другіе, бѣжавшіе конфедератскіе вожди, устроили ему восторженную встрѣчу.

Догени скоро отправился въ Америку и основался въ Нью-Йоркѣ; но судьба не улыбалась ему. Онъ умеръ въ 1862 году. Его два маленькихъ сына, трехъ и пяти лѣтъ, раздѣляли съ ма-

терью ея лишенія во время бѣгства отца въ 1848 году 1867 г. засталъ ихъ уже взрослыми людьми и арестантами Монтжейской тюрьмы въ Дублинѣ, за участіе въ феніанскомъ заговорѣ.

Замѣчательный фактъ, что ни одинъ изъ инсургентовъ-бѣглецовъ того времени, скрывавшихся или бродившихъ по странѣ, не былъ выданъ преслѣдователямъ. За всякую голову была назначена цѣна—соблазнительная награда за арестованіе или доносъ, а точныя примѣты обвиняемаго, напечатанныя въ *Hue and Cry*, распространялись повсюду, для облегченія арестовъ. Они смѣло требовали убѣжища и отдыха отъ самаго бѣднаго изъ бѣдныхъ. Притомъ голодъ еще продолжался въ странѣ, но не было случая, чтобы крестьянинъ задумался надъ тѣмъ, кто такой проситъ у него пристанища. Несчастные владѣльцы лачугъ, въ которыхъ многіе бѣглецы жили по нѣскольку дней, сами ровно ничего не имѣли. Я самъ знаю одинъ такой примѣръ.Serminъ Линчъ въ Дромгарриффѣ, подъ чьей кровлей Догени и Стефенсъ согрѣвались и питались два дня, самъ получалъ пособіе натурой. Дерминъ прекрасно зналъ, что стоило ему только подать знакъ полицейскому сержанту, и 300 фунтовъ — «несказанное богатство» въ его представленіи—были бы у него въ рукахъ. Но его крайнее безпокойство заключалось въ томъ, что ихъ могутъ взять подъ его кровлей. Я часто говаривалъ потомъ объ этомъ съ нимъ и съ его женой. Ему было очень непріятно, что они пришли къ нему, и онъ былъ очень радъ, когда они ушли отъ него; но пока они оставались въ его домѣ, онъ скорѣй бы умеръ, чѣмъ «продалъ» ихъ.

Разсказывали, что отецъ Томаса Френсиса Мигера—богатый ватерфордскій купецъ, горько оплакивавшій бунтовскую политику Тома—нанялъ четыре бригантины, чтобы крейсировать около южныхъ и западныхъ береговъ и облегчить бѣгство сына. Но онъ никогда не уходилъ далеко отъ мѣста взрыва въ Типперари. Онъ, конечно, могъ бы найти себѣ прекрасную дорогу изъ страны, еслибы дѣлалъ къ тому серьезныя усилія; но, видя, какое полное пораженіе потерпѣла попытка, въ которой онъ участвовалъ, онъ думалъ, что быстрая и рѣшительная покорность такому результату со стороны вождей и ихъ подчиненныхъ отвратила бы общественную тревогу и личныя страданія. Онъ думалъ также, что таковой образъ дѣйствій со стороны вождей, подобныхъ ему, и всѣхъ вообще могъ бы обезпечить лучшую судьбу тѣмъ, кто былъ схваченъ. Согласно этому онъ велъ изъ сво-

его убѣжища въ горахъ переписку и переговоры съ правительствомъ черезъ одно вліятельное духовное лицо округа, обѣщаясь сдаться и посовѣтовать своимъ друзьямъ сдѣлать то же самое, если будутъ гарантированы извѣстныя условія для О'Брайена. Эти усилія не привели ни къ чему. Ночью 12 августа полицейскій патруль встрѣтилъ на дорогѣ между Кошелемъ и Голикроссомъ трехъ прохожихъ. Обѣ партіи обмѣнялись обычными привѣтствіями и каждая пошла своею дорогой. Вдругъ полицейскому офицеру показалось, что въ голосѣ и манерахъ говорившаго съ нимъ путешественника было что-то необыкновенное. Онъ повернулъ назадъ и догналъ пѣшеходовъ. Онъ хотѣлъ переговорить съ однимъ изъ нихъ частнымъ образомъ, но лицо, къ которому онъ обратился такимъ образомъ, не было согласно на это. «Все, что бы вы ни имѣли сказать мнѣ, должны слышать и мои товарищи,—воскликнулъ онъ.—Я долженъ спросить васъ именемъ королевы, кто вы такіе,—сказалъ сержантъ, прибавляя какъ бы въ свое оправданіе,—вы знаете, господа, теперь такое безпокойное время и мы обязаны обращать вниманіе на всякую мелочь». — «Все это совершенно вѣрно, мой другъ, — отвѣчалъ говорившій.—Я—Томасъ Френсисъ Мигеръ». — «Я — Морисъ Ричардъ Лейнъ», — сказалъ одинъ изъ его товарищей. — «А я,— прибавилъ другой,—Патрикъ О'Доногью».

Диллонъ попалъ послѣ тяжелыхъ страданій на эмигрантскій корабль, шедшій изъ Галуэй въ Нью-йоркъ. Онъ былъ переодѣтъ католическимъ священникомъ. Одинъ пріятель изъ духовнаго званія снабдилъ его полнымъ костюмомъ, а также подарилъ и требникъ, который онъ читалъ дорогой (или показывалъ видъ, что читалъ) гораздо чаще, чѣмъ это обыкновенно дѣлаютъ священники. На томъ же самомъ кораблѣ находился,—о чемъ онъ и не подозрѣвалъ,—его личный другъ, въ свою очередь незнавшій объ его присутствіи, Патрикъ Ж. Смитъ, теперешній членъ парламента отъ Вестмита. Пробывъ уже нѣсколько дней въ морѣ, Диллонъ былъ однажды сильно встревоженъ пристальнымъ и подозрительнымъ взглядомъ одного пассажира третьяго класса, человѣка одѣтаго ското-погонщикомъ.— «Это сыщикъ,—подумалъ про себя священникъ.—Онъ узналъ меня и я пропалъ». На слѣдующій день его подозрѣнія усилились открытіемъ, что соотечественникъ постоянно бросаетъ на него уже фамильярные взгляды, посылаетъ ему тайные поклоны и подмигиванія. Наконецъ, подойдя близко къ нему подъ какимъ-то

предлогомъ, ското-погонщикъ торопливо и хрипло пробормоталъ себѣ въ бороду: «Не бойся, *я—Смитъ*». Диллонъ невольно попятился назадъ и въ крайнемъ изумленіи вскрикнулъ: «Смитъ!»—«Тише!—отвѣчалъ тотъ,—насъ могутъ замѣтить», и они разошлись, при чемъ Диллонъ величественно благословилъ земляка.

Но «его преподобію» суждено было испытать новое безпокойство. Между эмигрантами корабля оказалась молодая влюбленная чета, которая, не довѣряя неизвѣстностямъ новой страны, вдругъ была осѣнена идеей обвѣнчаться тутъ же, на пароходѣ: «кстати,—говорили они,—здѣсь есть и священникъ». Они адресовались къ Диллону съ просьбой совершить обрядъ. Онъ самымъ благочестивымъ образомъ увѣщевалъ ихъ подождать высадки на берегъ. Нѣтъ, говорили они,—теперь было бы самое время.—Онъ выдумалъ дюжину отговорокъ, но все было напрасно, пока наконецъ ему не пришло въ голову возраженіе, что онъ не имѣетъ на это «разрѣшенія» отъ своего епископа, необходимаго въ такомъ исключительномъ случаѣ.

Случай разоблачилъ его тайну. Однажды сдѣлалось волненіе и корабль сильно качало во всѣ стороны. Его преподобіе сидѣлъ за обѣдомъ по правую руку отъ капитана и ѣлъ баранину, какъ вдругъ пароходъ сильно накренился и посуда, приборъ, подливка—все полетѣло къ нему въ колѣни. Онъ вскочилъ съ своего мѣста съ громкимъ проклятіемъ, приправляя его совсѣмъ не священническою прибавкой, совершенно забывшись, и опомнился только тогда, когда увидѣлъ, что все общество престранно смотритъ на него, въ особенности капитанъ, который заливался такимъ смѣхомъ, какъ будто только-что сдѣлалъ какое-то открытіе. «Эхъ, послушайте, милостивый государь, — сказалъ онъ Диллону,—я и прежде имѣлъ нѣкоторое подозрѣніе. Я догадываюсь, кто вы такой. Но не бойтесь,—здѣсь вы вполнѣ безопасны и отъ страха, и отъ бѣды». Съ того дня и Диллонъ, и Смитъ уже не скрывали своего дѣйствительнаго званія и сдѣлались предметомъ самаго заботливаго вниманія честнаго англійскаго моряка.

Ричардъ О'Горманъ—«молодой Ричардъ»—бѣжалъ на кораблѣ, шедшемъ изъ Лимерика въ Константинополь. Его отецъ, Ричардъ О'Горманъ (старшій) былъ богатымъ дублинскимъ купцомъ, принимавшимъ руководящее участіе въ движеніяхъ католической эмансипаціи и отмѣны. Ирландская столица никѣмъ такъ не гордилась за личныя достоинства, какъ имъ; не было никого, кто стоялъ бы выше его въ коммерческой и политической честности.

Старикъ отдѣлился отъ О'Коннеля вмѣстѣ съ младо-ирландцами и былъ членомъ ирландской конфедераціи. Однако онъ не былъ сбитъ съ ногъ революціонной «приливною волной» въ февралѣ мѣсяцѣ и, сколько я знаю, рѣзко протестовалъ противъ образа дѣйствій своихъ товарищей, сильно сожалѣя, что и его единственный сынъ среди нихъ. Въ Константинополѣ молодой О'Горманъ вмѣстѣ со своимъ другомъ Джономъ О'Доннелемъ скрывались, пока не добыли паспортовъ въ Алжиръ. Джонъ О'Магони, фермеръ изъ Кильбегени, котораго государственная измѣна заключалась въ томъ, что онъ пытался поднять возстаніе во время суда надъ О'Брайеномъ, переправился на суднѣ изъ Бонмагона въ Уэльсъ, а оттуда черезъ Лондонъ въ Парижъ. Мак-Манусъ былъ много обѣщающимъ агентомъ въ Ливерпулѣ, когда, внезапно оставивъ контору, бросился въ Ирландію и присоединился къ Смиту О'Брайену, при которомъ фигурировалъ на Баллингарскомъ полѣ въ качествѣ помощника главнокомандующаго. Онъ успѣшно ушелъ отъ всѣхъ усилій преслѣдованія и попалъ на бортъ эмигрантскаго корабля *N. D. Chase*, шедшаго изъ Ливерпуля въ Америку. Съ радостью онъ видѣлъ себя уже въ морѣ; но, на его несчастіе, какая-то пустяшная причина побудила капитана зайти въ Квинстоунъ. Одинъ купеческій прикащикъ изъ Ливерпуля за недѣлю до этого обокралъ своихъ хозяевъ и, какъ предполагалось, находился на этомъ кораблѣ. Въ Квинстоунѣ на бортъ взошла полиція, ища скрывавшагося прикащика. Пассажиры были выстроены. Клерка не нашли, но одинъ ливерпульскій полицейскій тотчасъ же усмотрѣлъ гораздо болѣе цѣнный призъ въ Теренсѣ Беллью Мак-Манусѣ.

Что касается до политическихъ процессовъ, то всѣ они имѣли много между собою сходнаго и, повидимому, возбуждали огромный интересъ въ зрителяхъ и читателѣ. Мрачные и выразительные, какъ отчеты о процессахъ надъ послѣдними Тюдорами, обвинявшимися въ предполагаемой или дѣйствительной «измѣнѣ», они производили магическое очарованіе на людей того времени, а намъ даютъ гораздо болѣе вѣрную картину тогдашняго состоянія общественныхъ дѣлъ, чѣмъ многія другія попытки изобразить ихъ. Положительно можно сказать, что въ теченіе четырехъ недѣль отъ 23 сентября до 21 октября вниманіе Ирландіи было приковано къ типперарскому суду въ Клонмелѣ, гдѣ судились инсургентскіе вожди Вильямъ Смитъ О'Брайнъ, Томасъ Френсисъ Мигеръ и Теренсъ Беллью Мак-Манусъ. О'Брайена

защищали м-ръ Уайтсайдъ (королевскій совѣтникъ, впослѣдствіи предсѣдатель суда королевской скамьи), м-ръ Френсисъ Фитцгеральдъ кор. сов. и сэръ Колеманъ О'Лоуленъ (O'Loghlen) королевскій совѣтникъ; Мигера и Мак-Мануса защищали Уайтсайдъ и Исаакъ Бёттъ. Почти не было сомнѣнія, что ихъ приговорятъ къ смерти. Никакое искусство защиты не могло бороться съ очевидными фактами дѣла. Но во время суда случилось обстоятельство, вызвавшее небывалую сенсацію. Сдѣлалось извѣстнымъ, что защита намѣрена вызвать въ судъ генералъ-майора сэра Чарльза Непира и перваго министра лорда Джона Росселя. Для чего же это?—Не для чего инаго, какъ для того, чтобъ извѣстнымъ образомъ освѣтить поступки подсудимыхъ, хотя бы такое освѣщеніе и было впослѣдствіи найдено противнымъ правиламъ свидѣтельствованія на судѣ. Генералъ Непиръ былъ призванъ предъявить находящееся у него письмо, доказывающее, что люди, стоящіе теперь во главѣ правленія, включая и лорда Джона Росселя, въ 1831—32 гг. были причастны къ тайнымъ дѣяніямъ, совершенно подобнымъ тому, за которое теперь судились конфедераты, а именно призыву къ оружію и народному возстанію съ цѣлію принудить правительство удовлетворить народныя требованія. Конечно, тогда всѣмъ было извѣстно, что въ этотъ періодъ англійской реформы вожди серьезно думали о «походѣ Бирмингама на Лондонъ»; но чтобъ они организовали частности революціоннаго движенія, выбирали военныхъ предводителей, которые могли бы командовать инсургентами, въ это едва ли кто вѣрилъ. Однакожь оно было такъ. Дѣйствительно, образъ дѣйствій ирландскихъ конфедератовъ «отмѣны» въ 1848 г. во многихъ отношеніяхъ былъ совершенно тождественъ съ дѣйствіями англійскихъ дѣятелей реформы 1831 и 1832 гг.

Лѣтомъ 1831 года лорды отбросили билль реформы, и реформаторское министерство обратилось къ странѣ въ видѣ общихъ выборовъ. И не только съ этимъ энергически обращались они къ народу, но было рѣшено, что если всѣ другія средства окажутся безуспѣшными, то вооруженное возстаніе должно расчистить дорогу, загороженную палатой перовъ. Политическіе клубы или союзы были организованы по всей странѣ, а «національный политическій союзъ Лондона» былъ центромъ для всѣхъ нихъ. Всякій англичанинъ не моложе 25 и не старше 45 лѣтъ призывался записываться въ члены и учиться, «какъ слѣдуетъ давать отпоръ насилію».

Великою цѣлью движенія, какъ выражался тогда *Times*, была организація «національнаго вооруженія для реформы закона». Публикѣ, свѣту, было извѣстно только это, но за кулисами текущихъ событій происходило еще кое-что, чему доказательствомъ можетъ служить «секретное и конфиденціальное» письмо частнаго секретаря лорда Мельборна, м-ра Томаса Юнга, къ генералу К. Ж. Непиру, писанное изъ министерства внутреннихъ дѣлъ («Н. О.», т.-е. Home office) нижеозначеннаго числа.

«Н. О. іюня 25-го 1832 г.
«Мой дорогой Непиръ!

«Сэръ Г. Бонбёри сказалъ мнѣ о вашемъ рѣшеніи не дѣлаться, по крайней мѣрѣ въ настоящую минуту, «парламентскимъ человѣкомъ». Предложеніе было слишкомъ заманчиво и тѣмъ больше вы заслужили своимъ отказомъ. Я воздерживался отъ писанія вамъ, пока вопросъ былъ не рѣшенъ, потому что не хотѣлъ навязывать своего мнѣнія; но я чувствовалъ, что разумъ говорилъ противъ принятія вашей кандидатуры,—ваше здоровье, кошелекъ и комфортъ должны бы были пострадать отъ вашего присутствія въ палатѣ общинъ. Исторія должна быть отложена въ сторону. Кромѣ того, вы не могли бы дольше быть спокойнымъ и молчаливымъ членомъ, но употребили бы свои силы на то, чтобы заставить движеніе идти быстрѣе, чѣмъ оно, вѣроятно, пойдетъ, или чѣмъ быть-можетъ желательно, чтобъ оно шло, принимая во вниманіе всѣ обстоятельства.

«Оглянемся на минуту назадъ.

«Наканунѣ вступленія герцога В. со стороны народа была выказана такая энергія и готовность дѣйствовать, какихъ я не ожидалъ. Я говорю не о Кокнеяхъ *), а о сѣверянахъ Глазго, Ньюкэстля, Бирмингэма. Извѣстно ли вамъ, что, въ случаѣ драки, вы были бы приглашены взять на себя команду надъ Бирмингэмомъ? Парксъ получилъ отъ меня для васъ, въ виду этого, мой автографъ, но не имѣлъ случая послать его. Если онъ написалъ, то у васъ должна быть моя сожженная телеграмма съ дружескимъ совѣтомъ и убѣдительною просьбой оставаться покойнымъ и не трогаться изъ Фрешфорда. Не слѣдуетъ *рано* вступать въ революцію, — первые падаютъ жертвами. Какъ вы думаете, что бы

*) Кокней—прозвище уроженцевъ Лондона, обладающихъ своимъ особеннымъ нарѣчіемъ и кое-какими другими особенностями.

Прим. перев.

случилось? Реформаторы говорили со мной свысока и были увѣрены въ успѣхѣ. Захватъ банковъ и баррикадированіе населенныхъ провинціальныхъ городовъ привело бы къ кризису, — въ недѣлю они, реформаторы, думали окончить дѣло. Они разсчитывали такимъ образомъ агитировать здѣсь, чтобъ изъ Лондона нельзя было послать ни одного солдата, а въ другихъ мѣстахъ арміи слишкомъ слабы для того, чтобы подавить мятежниковъ. Въ Шотландіи, я думаю, былъ бы нанесенъ самый рѣшительный ударъ. Народное движеніе подавить трудно, однако тори говорятъ, что герцогъ *) съумѣлъ бы. Конечно, дисциплина, при которой живутъ солдаты, могла оказаться элементомъ болѣе сильнымъ, чѣмъ общественный энтузіазмъ, какъ бы послѣдній ни былъ всеобщъ и распространенъ. Задача состояла бы въ томъ, чтобы возвратить общество въ прежнее покойное состояніе. Благодаря Бога, мы обошлись безъ испытанія; но скажите мнѣ пожалуйста, съ точки зрѣнія просто размышленія, что вы думаете о результатѣ? Не правъ ли я въ моемъ предположеніи, что вы отказались бы отъ приглашенія Бирмингэма и держали бы вашъ мечъ въ ножнахъ?

Преданный вамъ Т. Ю. (Т. Y.)»

«Благодарю за вашъ первый планъ. Джонсъ возвратился лучше».

Таковъ же былъ и планъ О'Брайена, Мигера и Диллона—возбужденіемъ, угрозами и тревогой столицы удерживать въ ней главную часть войскъ, между тѣмъ какъ «баррикадированіе населенныхъ провинціальныхъ городовъ» привело бы къ кризису въ провинціяхъ. Они тоже думали, что «народное движеніе подавить трудно» и что «общественный энтузіазмъ можетъ все преодолѣть». Однако никто изъ нихъ не можетъ теперь воскликнуть: «Благодаря Бога, мы обошлись безъ испытанія». Они не обошлись безъ испытанія и въ результатѣ получилось пораженіе.

Что касается до Непира, то конфедераты реформы ошибались въ немъ. Сэръ Чарльзъ былъ большой радикалъ, но еще больше былъ солдатъ. Онъ имѣлъ очень строгія понятія о дисциплинѣ и вѣрности и былъ совершенно возмущенъ полученіемъ отъ Т. У. такого страннаго посланія, въ которомъ его, очевидно, спрашивали, не обнажитъ ли онъ своего меча въ качествѣ вождя инсургентовъ. Онъ отвѣтилъ въ тонѣ сильнаго не-

*) Герцогъ Веллингтонъ.

годованія. Онъ назвалъ предложеніе оскорбленіемъ его чести, какъ солдата, и его преданности, какъ подданнаго. Что же касается до «конфиденціальнаго» посланія, то онъ отказался отъ всякой обязанности поддерживать довѣріе между нимъ и «конспираторами». Тѣмъ не менѣе,—сказалъ онъ,—я не сдѣлаю изъ письма никакого публичнаго употребленія, исключая того случая, если кто-нибудь изъ людей, причастныхъ къ этому дѣлу 1831 г., будетъ пытаться преслѣдовать другихъ за подобныя же цѣли,— въ такомъ случаѣ онъ оставляетъ за собой право обнародовать это письмо въ наказаніе его авторамъ и въ предупрежденіе всѣмъ, кто можетъ быть къ нему причастенъ.

Именно такъ и случилось, и сэръ Чарльзъ тотчасъ же передалъ письмо Т. У. публикѣ.

Въ Клонмелѣ не было дозволено предъявить его. Двое виноватыхъ не дѣлаютъ третьяго правымъ. Въ глазахъ закона къ оправданію Смита О'Брайена не могло служить то, что лордъ Мельборнъ, или м-ръ Аттвудъ, или лордъ Джонъ Россель, или м-ръ Юнгъ имѣли намѣреніе, если это оказалось бы необходимымъ, сдѣлать въ 1831 году то же самое, что онъ тайно замышлялъ въ 1848 г. Такимъ образомъ О'Брайенъ, Мигеръ, Мак-Манусъ и О'Доногью, найденные виновными въ государственной измѣнѣ, были приговорены къ повѣшенію, обезглавленію, распаронію живота и четвертованію.

Однакожъ разоблаченія письма «Т. У.» имѣли одинъ добрый результатъ,—они сдѣлали невозможнымъ исполненіе смертныхъ приговоровъ. Несмотря на то, что въ Испаніи «успѣшный мятежникъ понедѣльника», онъ же и «первый министръ вторника», приказываетъ сплошь и рядомъ «неуспѣшнаго заговорщика среды» казнить въ четвергъ,—было очевидно, что друзья «Т. У.» побоятся общественнаго мнѣнія и не будутъ совѣтовать королевѣ подписывать смертный приговоръ О'Брайена. Существовало законное препятствіе для того, чтобъ обойти этотъ ужасный исходъ; но *ex post facto* законодательство слишкомъ обыкновенно и удобно въ ирландскихъ дѣлахъ. Черезъ парламентъ прошелъ спеціальный актъ, которымъ эти смертные приговоры замѣнялись вѣчною ссылкой за океанъ на всю жизнь, и 29 іюля 1849 г., черезъ годъ послѣ неудачнаго возстанія, военный бригъ «Swiftsure» вышелъ изъ гавани Кингстоуна, везя О'Брайена, Мигера, Мак-Мануса и О'Доногью на поселеніе въ Австралію.

X.

Кровавое пятно.

Въ одиннадцать часовъ утра, въ среду, 1-го марта 1848 г. три убійцы были выведены на казнь передъ Клонмельскою тюрьмой. Вокругъ эшафота собралась густая толпа народа, городскаго и сельскаго, мущинъ и женщинъ; всѣ глаза были устремлены на три висѣлицы и три веревочныя петли, колеблемыя утреннимъ вѣтромъ. Во всей толпѣ не было ни одного голоса, который сталъ бы отрицать, что эти люди заслужили своего осужденія. Преступленіе было ужасно; доказательства очевидны; приговоръ справедливъ. И однакожь, даже прежде, чѣмъ процессія съ осужденными показалась вдали, можно было слышать возгласы сожалѣнія, что они еще «такъ молоды» и погибаютъ такимъ образомъ. Около самаго эшафота блестѣли штыки двухъ ротъ 47-го полка, а на одномъ изъ фланговъ—обнаженныя сабли 4-го легкихъ драгунъ. Было ясно, что власти предпочли не довѣряться сильному отряду полиціи, которая занимала противоположную сторону и наблюдала, чтобы чего-нибудь не случилось.

Ропотъ въ толпѣ обратилъ вниманіе на фигуру, появившуюся на эшафотѣ. Это былъ палачъ. Онъ невозмутимо осмотрѣлъ веревки и испыталъ каждую петлю, хорошо ли она ходитъ. Онъ пробовалъ ронять лѣстницы и запирать задвижки, чтобъ убѣдиться, чисты ли и свободны ли онѣ. На все это народъ смотрѣлъ молча, пока продѣлывались эти представленія; но когда увидѣлъ, что онъ вынулъ изъ кармана кусокъ мыла или сала и началъ натирать веревки, раздался крикъ негодованія и онъ скрылся въ дверь тюрьмы среди бури проклятій.

Скоро въ тюрьмѣ раздался похоронный звонъ колокола и толпа упала на колѣни. Въ дверяхъ, ведущихъ къ эшафоту, показалась высокая фигура отца Джона Поуэра (теперешняго католическаго епископа въ Уатерфордѣ), въ стихарѣ и ризѣ; его голосъ, читавшій отходную, достигалъ самыхъ отдаленныхъ частей безмолвной толпы. А затѣмъ появились и арестанты—три молодыхъ человѣка; двое изъ нихъ—братья и запятнаны такимъ ужаснымъ преступленіемъ; всякому понятно было сожалѣніе стоявшихъ въ толпѣ женщинъ. Осужденные были настоящіе молодые крестьянскіе красавцы; старшему едва ли миновало двадцать три. Братья, Генри и Филиппъ, Коди были осуждены на казнь за убійство Лауренса Мэддена 9 мѣсяцевъ тому назадъ,

а Джонъ Лонерганъ — «сынъ дѣвы», какъ его называли свидѣтели на судѣ—за то, что застрѣлилъ м-ра Вилльяма Рэ (мироваго судью) въ Рокуэллѣ. Палачъ надѣлъ веревку сначала на шею Лонергана, который просилъ весь народъ молиться за него. Генри Коди, стоявшій около узкой двери, видѣлъ операцію, которая скоро должна была быть продѣлана и надъ нимъ самимъ. Какъ бы въ отвѣтъ на возгласъ Лонергана, онъ громко воскликнулъ: «Господи Іисусе, прости насъ! Господи, прости насъ! Господи прости насъ!» Тогда палачъ подошелъ къ младшему Коди, надѣлъ ему на лицо шапку и началъ накидывать петлю на шею. Дѣлая это, нужно думать, онъ произнесъ какое-нибудь замѣчаніе, достигшее ушей Генри. При звукѣ этого голоса онъ вздрогнулъ, какъ пронзенный стрѣлой. Онъ остановился молиться и замѣтно задрожалъ съ ногъ до головы. Оказалось, какъ потомъ разсказывали, хотя я считаю это неосновательнымъ, что человѣкъ, исполнявшій роль палача, былъ тотъ самый свидѣтель короны, который, какъ выражается народъ, «поклялся жизнями» несчастныхъ братьевъ *). Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что преступникъ нашелъ въ немъ сходство, и послышалось ли старшему Генри, или онъ, какъ утверждаютъ, дѣйствительно призналъ голосъ «доносчика», это неизвѣстно,— словомъ онъ былъ убѣжденъ, что это тотъ самый человѣкъ. Онъ ринулся на палача, повалилъ его одинъ, другой разъ своими связанными и скрученными руками, потомъ схватилъ его, потащилъ впередъ и пытался изо всей силы перекинуть черезъ перила эшафота. Это было страшное и ужасное зрѣлище! Убійца и палачъ боролись въ смертельной схваткѣ; послѣдній громко кричалъ о помилованіи и помощи. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Коди, даже со связанными и перетянутыми руками, успѣлъ бы добиться своего, еслибы на него не кинулись тюремщики. Младшій братъ слышалъ борьбу и зналъ, что случилось что-то необыкновенное, но, имѣя на лицѣ шапку, не могъ видѣть сцены. Отецъ Поуэръ, боясь послѣдствій того, еслибъ онъ узналъ, что это такое, рѣшился оставаться при немъ, усердно изливая въ его уши молитвы и увѣщанія. Наконецъ, Филиппъ услышалъ голосъ боровшагося Генри и, несмотря на всѣ усилія попа, стащилъ покрышку съ

---

*) „Свидѣтелями короны“ въ англійскихъ судахъ называются тѣ доносчики, которые были очевидцами или соучастниками въ преступленіи и разоблачаютъ всѣхъ сообщниковъ за полное прощеніе для себя.

Прим. перев.

своего лица и вдругъ увидѣлъ страшную схватку брата съ палачомъ. Онъ рванулся на помощь Генри, но отецъ Поуэръ обвилъ вокругъ него свои руки. «О, мое дитя, мое дитя, ради самого Іисуса, твоего Бога, предавшаго самого себя палачамъ, не дѣлай, не дѣлай этого! О, подумай о сынѣ Божіемъ,—думай, что ты скоро встрѣтишь своего Творца и Судью!»—и добрый священникъ дѣйствительно побѣдилъ, громко рыдая. Несчастный юноша опустилъ свою голову на плечо отца Поуэра и тоже плакалъ, какъ ребенокъ: «О, Генри, Генри! Братъ мой! братъ мой! О, Боже, Боже!»

Очевидцы этой сцены даже теперь не могутъ говорить о ней безъ содроганія. О положеніи людей, готовыхъ предстать предъ лице Божіе съ душой охваченной смертельною страстью ненависти и мести — было страшно подумать, и отецъ Поуэръ потребовалъ отъ шерифа, чтобы казнь была отложена на нѣкоторое время. Этотъ господинъ, глубоко потрясенный и побѣжденный, самъ готовъ былъ бы согласиться, но законъ повелѣваетъ, чтобъ его предписаніе было выполнено; и братья, отведенные на минуту на заднюю часть эшафота, были опять выведены впередъ. Народъ, весь объятый глубокимъ душевнымъ волненіемъ,—женщины плакали и рыдали, другія громко молились, а нѣкоторыя попадали въ обморокъ,—думалъ, что казнь будетъ отмѣнена. Когда же увидѣли, что осужденные опять появились, изъ толпы поднялся вопль горя и гнѣва; но по знаку отца Поуэра толпа стихла и стала на колѣни. Осужденные были поставлены на лѣстницы; задвижки отперты и правосудіе удовлетворено при такихъ обстоятельствахъ, какихъ, я надѣюсь, не бывало въ нашей странѣ.

Это было событіемъ лишь одного дня изъ многихъ подобныхъ за весну 1848 года. Ассизы того года были строги, и Типперари, къ несчастію, доставило мрачный списокъ. Крестьяне этого графства, физически одинъ изъ самыхъ красивыхъ народовъ въ свѣтѣ, обладаютъ рѣзкими чертами характера, представляющими странную смѣсь пороковъ и добродѣтелей: они горячи и страстны, храбры и великодушны, неутолимы въ своемъ мщеніи, щедры, гостепріимны, готовы платить добромъ за добро, ненавистью за ненависть и насиліемъ за насиліе. Не подъ вліяніемъ страсти, «которая страшнѣе бури, шумящей на ихъ холмахъ», они представляютъ одно изъ самыхъ мирныхъ, спокойныхъ и нравственныхъ населеній въ имперіи. Въ типперарскихъ ассизахъ рѣдко

встрѣчаются дѣла умѣреннаго характера. Списокъ ихъ или совсѣмъ пустъ относительно серьезныхъ обвиненій, или же полонъ черными преступленіями, говорящими, какъ мало цѣнится человѣческая жизнь тамъ, гдѣ месть низводитъ людей до состоянія дикарей. Многія изъ преступленій самаго серьезнаго характера въ этой странѣ берутъ свое начало въ томъ подстрекательствѣ, въ которомъ конкурируютъ между собой и формальный законъ, и дѣйствующее правосудіе; факты, глубоко потрясающіе всякаго—подлое себялюбіе или преступное попустительство очевидцамъ преступленія, или симпатія и укрывательство убійцы—составляютъ вредные и проклятые плоды системы, которая заставила народъ смотрѣть на «законъ» не какъ на своего защитника, а какъ на врага.

Тому около 20 лѣтъ назадъ я рѣшился отправиться въ Типперари по случаю казни одного убійцы, волновавшей всю Ирландію, вѣшанья братьевъ Кормакъ за убійство м-ра Эллиса изъ Темпльмора. Моею цѣлью было прислушаться къ ходячимъ толкамъ объ этомъ преступленіи и узнать, считаютъ ли они преступника невиннымъ или виновнымъ. Я былъ тогда гостемъ человѣка, котораго дружба служила лучшимъ паспортомъ для того, чтобы заслужить довѣріе крестьянъ. Я употребилъ порядочно времени на разъѣзды и ходьбу съ нимъ по странѣ и не только узналъ дѣйствительную исторію того случая, ради котораго пріѣхалъ, но собралъ массу свѣдѣній о междоусобіяхъ въ Типперари вообще, и притомъ изъ источниковъ рѣдко кому доступныхъ. Для меня было очевидно, что здѣсь господствовало въ теченіе цѣлаго полустолѣтія не что иное какъ война класса съ классомъ, то злобно тлѣя, то свирѣпо вспыхивая пламенемъ. Послѣдніе безпорядки начались съ ночныхъ нашествій за оружіемъ. Гораздо раньше, чѣмъ типперарскія волненія приняли видъ личнаго насилія или прямого покушенія на жизнь, они, повидимому, имѣли своей исключительною цѣлью — пріобрѣтеніе тѣхъ ружей, пистолетовъ, или мушкетоновъ, какіе можно было добыть, нападая на дворянскіе дома. Каждую ночь по странѣ бродили группы людей, просившихъ оружія и отнимавшихъ его въ случаѣ отказа. Не трудно предвидѣть, что это скоро и неизбѣжно должно было повести къ потерѣ жизней па той и другой сторонѣ, а разъ кровь пролита, наступаетъ ужасное положеніе вещей. Дерзость и смѣлость крестьянъ въ нѣкоторыхъ изъ этихъ нападеній были по-истинѣ удивительны. Они открыто построили баррикаду на

почтовой дорогѣ въ Богерлагенскомъ приходѣ, около Клонолти, съ цѣлью ограбить *не* почтовые мѣшки или ихъ содержимое, а оружіе почтовой стражи. Имъ было извѣстно, что съ каретой ѣдитъ конвой драгунъ, но это не только не отклонило ихъ намѣренія, а напротивъ придало ему энергіи, потому что драгуны имѣли съ собой сабли и карабины. Два крестьянина, одинъ по имени Лэги и другой Райенъ, условились наканунѣ напасть на драгунъ, пока двое другихъ будутъ осаждать карету. При первомъ залпѣ одинъ изъ драгунъ былъ убитъ, а другой бѣжалъ. Почталіоны оказали болѣе рѣшительное сопротивленіе. Въ теченіе пяти минутъ поддерживался смертельный огонь между ними и нападавшими, однакожь послѣдніе одолѣли и всѣ ружья и пистолеты, какіе были въ каретѣ, и принадлежности на 11 человѣкъ были отобраны. Странно сказать, ни одинъ изъ нападавшихъ не былъ серьезно раненъ, тогда какъ кромѣ убитаго драгуна нѣкоторые изъ почтальоновъ и двое пассажировъ болѣе или менѣе серьезно пострадали. Слушая разсказы объ этомъ отъ очевидцевъ и даже,—я почти увѣренъ,—отъ участниковъ, я былъ удивленъ и приведенъ въ недоумѣніе присутствіемъ, среди эпизодовъ самаго беззаконнаго и кроваваго насилія, нѣкоторыхъ чертъ великодушія. Молодой работникъ, который ночью ходилъ въ обходъ грабить другіе дома, самымъ рѣшительнымъ образомъ защищалъ усадьбу своего господина отъ своихъ же товарищей, на томъ же основаніи, что не слѣдуетъ приближаться къ дверямъ, порученнымъ его защитѣ. Домъ протестантскаго джентльмена м-ра Фоусетта, фермера близъ Кешеля, былъ аттакованъ въ самое Рождество. Самъ джентльменъ былъ въ Дублинѣ, а домъ оставался на рукахъ его сына, 20 лѣтъ, и молодаго работника по имени Гормана. Служанка увидѣла банду людей, приближавшихся по лужайкѣ, и, подозрѣвая ихъ намѣренія, подняла тревогу. Горманъ тотчасъ же узналъ ихъ. Онъ провелъ съ ними много ночей за такою же работой; но теперь онъ былъ отвѣтственъ за «хозяйскую» собственность и долженъ защищать ее. Вмѣстѣ съ молодымъ Фоусеттомъ онъ забаррикадировалъ входную дверь и окна. Нѣкоторые изъ нападавшихъ вошли въ домъ сзади, но внутренняя дверь въ корридорѣ загораживала имъ дорогу къ тому мѣсту, гдѣ лежали желаемыя ружья. Они пытались ломать ее, но Горманъ останавливалъ ихъ и угрожалъ стрѣлять. Они, повидимому, не повѣрили этому и настаивали на своемъ; тогда онъ, видя, что дверь подается, прицѣлился сквозь маленькое

слуховое окошко и смертельно ранилъ предводителя банды, молодаго парня по имени Боклей. Банда бѣжала, унося съ собой изнемогавшаго вождя; но скоро они нашли невозможнымъ скрыться съ раненымъ и истекающимъ кровью человѣкомъ на рукахъ. Что было дѣлать? — Они спрятали его въ кустахъ около ручья, заказавши ему не стонать и обѣщавшись ночью придти за нимъ. Онъ долго страдалъ отъ ужасной агоніи и наконецъ не выдержалъ, началъ громко просить воды. Нѣсколько женщинъ шли отъ обѣдни и, услышавъ его стоны, нашли его и принесли ему воды въ шляпѣ. Когда это было сдѣлано, онъ умолялъ ихъ «уйти и ничего не говорить». Онѣ знали, въ чемъ дѣло, и молча пошли своей дорогой. Когда настала ночь, его товарищи вернулись съ дверью, на которой хотѣли снести его домой; но, переходя въ бродъ Сюиръ у Балликамуса, они увидѣли, что несутъ трупъ,— онъ умеръ. Рѣшивши, что положить его подлѣ дверей собственнаго дома значило бы нанести ударъ матери, они спрятали трупъ въ чащѣ и оставили сторожа караулить его день и ночь, пока они не смогутъ устроить ему похоронъ. Въ это время, конечно, вѣсть о нападеніи на домъ Фоусетта дошла до властей и полицейскій судья, м-ръ Вилькоксъ, вмѣстѣ съ судьей капитаномъ Лонгомъ изъ Лонгфорда и сильнымъ отрядомъ полиціи—начали обыскивать домъ за домомъ, надѣясь найти раненаго человѣка и такимъ образомъ добраться до его сообщниковъ. Горманъ, стрѣлявшій въ Боклея и хорошо его знавшій, объявилъ, что всѣ нападавшіе были совершенно чужіе люди. Товарищи Боклея сдѣлали сборъ со своихъ въ баронствѣ и собрали 50 фунтовъ для его матери, которой и открыли судьбу сына.

Когда судьи спросили у нея, гдѣ ея сынъ, она отвѣтила, что онъ ушелъ искать работы въ Кагиръ. Боклею устроили торжественныя ночныя похороны; но кто-то донесъ, капитанъ Лонгъ узналъ о похоронахъ и на слѣдующую ночь во главѣ отряда полиціи отправился выкапывать и свидѣтельствовать тѣло. Однако кто-то сообщилъ намѣренія полиціи, потому что за часъ до ея прихода на кладбище гробъ былъ выкопанъ товарищами Боклея и унесенъ въ горы. Положительно извѣстно, что эта охота за трупомъ продолжалась два мѣсяца, четыре или пять разъ его хоронили и поспѣшно выкапывали. Наконецъ поиски были оставлены и въ одну изъ ночей Боклей былъ похороненъ подлѣ могилы его отца въ Баллищеганѣ, гдѣ онъ лежитъ и до сихъ поръ. Мрачная развязка этой странной исторіи состояла въ томъ, что

капитанъ Лонгъ, за свои дѣятельныя старанія открыть сообщниковъ Боклея, спустя нѣсколько мѣсяцевъ былъ застрѣленъ въ своемъ собственномъ домѣ.

«Cut» Квинлэнъ—имя, которое долго будетъ памятно въ Типперари. Два брата Квинлэнъ, Михаилъ и «Cut»—послѣдній *soubriquet* — жили въ Анакартійскомъ приходѣ, не далеко отъ желѣзнодорожной станціи Лимерикскаго соединенія. Они держали небольшую ферму м-ра Блака. Квинлэны были выгнаны съ фермы и заподозрили, что Блакъ сдѣлалъ это по наущенію нѣкіихъ Генессеевъ; подозрѣніе превратилось въ убѣжденіе, когда отнятая у нихъ земля была отдана Генессеямъ. Страшное намѣреніе овладѣло въ эту минуту «Cut'омъ»: это было не что иное какъ рѣшеніе во что бы то ни стало убить всѣхъ генессеевъ. Одинъ изъ нихъ, сборщикъ податей, Деви, былъ застрѣленъ спустя около трехъ мѣсяцевъ послѣ изгнанія Квинлэновъ. Томъ Генессей былъ остановленъ и убитъ на большой дорогѣ отъ Анакарти въ Граффонъ. Не было найдено никакихъ доказательствъ причастности «Cut'а» ни къ одному изъ этихъ преступленій, хотя никто не сомнѣвался въ этомъ. Деви Генессей, видя, что семейству грозитъ разрушеніе, эмигрировалъ въ Америку. Однако и здѣсь онъ не избѣжалъ своей участи,—его убилъ младшій Квинлэнъ. Что случилось съ четвертымъ Генессеемъ, я никогда не слыхалъ. Самъ «Cut» Квинлэнъ теперь выступилъ на отчаянное поприще какъ бы всеобщаго мстителя противъ повѣренныхъ, агентовъ, ландлордовъ и всякихъ другихъ «тирановъ» страны. У одной очень бѣдной крестьянки вдовы были отобраны хозяйственныя и фермерскія принадлежности за налогъ въ пользу бѣдныхъ. Три надсмотрщика, которые были виною этой конфискаціи, остались ночевать въ пріемной комнатѣ ея дома, какъ вдругъ около полуночи окно отворяется и въ комнату вскакиваетъ свирѣпый «Cut». Повѣренные знали, что имъ пощады ожидать нельзя, и пытались было броситься въ двери. Одного онъ застрѣлилъ; другой въ ужасѣ пробовалъ вылѣзть въ трубу, но мститель вытащилъ его оттуда за ноги и размозжилъ ему голову выстрѣломъ; третій въ это время выскочилъ въ окошко и убѣжалъ, но Квинлэнъ послѣдовалъ за нимъ, догналъ и убилъ. Не осталось никого, кто могъ бы разсказать кровавую исторію судьѣ или присяжнымъ, и убійца спокойно оставался безнаказаннымъ.

Наконецъ «Cut» началъ замѣчать, что народное чувство рѣшительно возмущается его поступками и обстоятельства становятся

для него неблагопріятными. Онъ исчезъ и въ теченіе нѣкотораго времени никто не зналъ, куда онъ скрылся. Однако скоро письма принесли въ Анакарти извѣстіе, что «Cut» поступилъ на королевскую службу и находится теперь въ Индіи.

Прошло много лѣтъ. Собраонъ, Аливаль и Чилліанваллагъ волновали англійскія сердца, и увѣнчанныя славой войска Великобританіи возвращались домой за полученіемъ благодарности отъ націи.. Въ ихъ рядахъ вернулся и «Cut» Квинлэнъ. Онъ участвовалъ въ Сутледжской кампаніи; онъ отличился замѣчательной храбростью, смѣлостью и, какъ это ни странно звучитъ, своимъ прекраснымъ поведеніемъ, какъ одинъ изъ лучшихъ людей въ полку. Онъ вышелъ въ отставку изъ арміи и возвратился назадъ въ Типперари, гдѣ скоро опять сдѣлался извѣстнымъ вожакомъ всякаго насилія. Однажды отецъ Моллели, приходскій священникъ Анакарти, ѣхалъ домой отъ больнаго и догналъ «Cut'а».

— Квинлэнъ, — сказалъ онъ, — я слышалъ, что ты хорошо велъ себя въ Индіи. Во имя Божіе, ради тебя самого и всякаго другаго, я желалъ бы, чтобъ ты оставался тамъ.

— Какъ же, ваше преподобіе, куда же и идти человѣку, какъ не на родину?

— Эхъ, Квинлэнъ, всякому человѣку мѣсто тамъ, гдѣ онъ не будетъ возмущать Бога и человѣка преступленіемъ.

— Преступленіемъ!... Ваше преподобіе, преступленіемъ развѣ я...

— Молчи пожалуйста! Оставь этотъ вздоръ со мной. Ты, Квинлэнъ, прекрасно знаешь, какую жизнь ты велъ. Ты избѣжалъ кары закона за недостаткомъ уликъ, но не думай укрыться отъ Бога. Его правосудіе нельзя обойти. Несчастный человѣкъ, ты былъ въ огнѣ битвы въ Индіи. Когда пули сыпались дождемъ вокругъ тебя, Богъ сохранилъ тебя можетъ - быть для того, чтобы дать тебѣ возможность раскаяться. Я надѣялся, что ты возвратишься домой измѣненнымъ человѣкомъ. Я—твой пастырь. Богъ потребуетъ отъ меня отчета о твоей душѣ, спроситъ меня, что я дѣлалъ для того, чтобы возвратить тебя на путь добродѣтели. О, несчастный человѣкъ! Я умоляю тебя именемъ милосердаго Бога, котораго долготерпѣніе ты испытываешь, — покайся въ своемъ преступномъ пути. Приди въ судилище покаянія и постарайся загладить все, что ты надѣлалъ, сердечною печалью и честною жизнью.

Во время всего этого воззванія «Cut» смотрѣлъ во всѣ стороны, нельзя ли куда-нибудь убѣжать; но онъ зналъ отца Моллели хорошо, да кромѣ того онъ зналъ, что жеребецъ отца Моллели можетъ брать изгороди и канавы не хуже борзой собаки. Онъ не могъ уйти и долженъ былъ слушать.

— Ну, Квинлэнъ, обѣщаешься ли ты придти на исповѣдь во имя Божіе?

— Ну, ваше преподобіе, я вамъ скажу, только вы и можете такъ строго говорить со мной,—я знаю, вы хотите добра.

— Но придешь ли ты?... Отвѣчай мнѣ.

— Приду ли я въ самомъ дѣлѣ?... Хорошо, видите ли, сэръ,— конечно, это правда, я долженъ исполнить свою обязанность.

— Но обѣщаешься ли ты?

Длинная пауза.

— Приду, ваше преподобіе!

— Но когда?... Въ слѣдующую субботу?

— Ну, отецъ Моллели, вы наступаете на меня ужь слишкомъ строго. Есть причины, почему я не могу идти.

— Причины, почему ты не можешь примириться съ всемогущимъ Богомъ, раскаявшись въ прошлыхъ преступленіяхъ и рѣшившись исправиться въ будущемъ?

— Видите, ваше преподобіе, дѣло въ томъ, что тамъ вонъ воръ шотландецъ, котораго я...

— Что, что?... Ужь не хочешь ли ты въ лицо мнѣ сказать, что замышляешь новое преступленіе?

— О, нѣтъ, ваше преподобіе, я хочу только сказать, что теперь я не способенъ простить этихъ проклятыхъ шотландцевъ, которые приходятъ сюда отнимать десятками фермы у честныхъ людей; они всю страну обращаютъ въ выгонъ для овецъ, а народъ долженъ умирать съ голода. Нѣтъ, отецъ Моллели, я не могу идти на исповѣдь, потому что не могу сказать, что застрѣлить шотландца есть «грѣхъ, достойный сожалѣнія».

Неустрашимый священникъ опять возвратился къ аттакѣ и такъ сильно наступалъ на «Cut'а», что тотъ, наконецъ, искренно обѣщалъ придти на исповѣдь и примириться съ Богомъ въ субботу.

Въ этотъ день отецъ Моллели, сидя въ своей исповѣдальнѣ, видѣлъ, какъ «Cut» вошелъ въ церковь и сталъ на колѣни на полъ въ уединенномъ мѣстѣ. Священникъ ждалъ и ждалъ, пока не прошло цѣлыхъ два часа. Онъ могъ видѣть Квинлэна усердно молящагося, бьющаго себя въ грудь и дѣйствительно смочившаго

полъ своими слезами, но онъ не показывалъ и знака приближенія къ исповѣдальнѣ. Наконецъ отецъ Моллели долженъ былъ уйти, оставивъ Квинлэна все еще стоявшаго на колѣняхъ. Спустя двѣ недѣли они снова встрѣтились и священникъ началъ было упрекать «Cut'a», но онъ воскликнулъ: «не говорите мнѣ ничего сегодня, ваше преподобіе. Я приду въ понедѣльникъ». Понедѣльникъ насталъ— и та же самая сцена опять повторилась съ тѣмъ же результатомъ: Квинлэнъ молился цѣлые часы, но избѣгалъ исповѣди.

Прошло около двухъ мѣсяцевъ, прежде чѣмъ его преподобіе могъ поймать «Cut'a», который очевидно избѣгалъ его. Наконецъ они случайно встрѣтились. «Cut»,—сказалъ священникъ,—я не упрашиваю тебя больше. Иди теперь своей дорогой преступленія. Я сдѣлалъ все, что могъ, и теперь предоставляю тебя волѣ Божіей. Ты трусъ и лжецъ».

Квинлэнъ вскочилъ въ порывѣ страсти, съ огнемъ въ глазахъ. Однакожь, сдѣлавши надъ собой усиліе, онъ сказалъ: «Нѣтъ, нѣтъ, отецъ Моллели, нѣтъ!... Вы никогда не были такъ неправы въ своей жизни, какъ теперь. Я—не трусъ и не лжецъ, но я знаю, что на исповѣди я обязанъ буду отказаться отъ стрѣлянья злыхъ ландлордовъ, а этого я никогда не сдѣлаю. Прощайте».

Отецъ Моллели больше не видалъ «Cut'a». Но какъ бы долго лиса ни бѣгала, она попадется-таки въ ловушку. Квинлэнъ былъ пойманъ почти съ окровавленными руками во время убійственнаго нападенія и судился за это клонмельскими ассизами. Онъ написалъ въ Чатамъ, гдѣ квартировалъ теперь его прежній полкъ, и разсказалъ своему капитану жалобную исторію о своей невинности, умоляя его памятью прошлыхъ своихъ заслугъ пріѣхать въ Клонмель и «говорить за него» на судѣ. По словамъ тѣхъ, отъ кого я это слышалъ и кто, я увѣренъ, былъ на этомъ судѣ, «Cut» обращалъ очень мало вниманія на процедуру суда и только отъ времени до времени обводилъ присутствовавшихъ внимательнымъ взглядомъ. Когда разбирательство уже кончалось, прежній капитанъ Квинлэна торопливо вошелъ и сѣлъ въ отдѣленіе грандъ-жюри.

«Мой лордъ! — сказалъ подсудимый. — У меня теперь есть свидѣтель, выслушайте его разсказъ и скажите, похожъ ли я на человѣка, котораго эти люди приравниваютъ убійцѣ?»

Офицеръ былъ приведенъ къ присягѣ и сказалъ о «Cut'ѣ» то, что я уже упомянулъ: о его примѣрномъ поведеніи, его постоянствѣ, его неустрашимой храбрости. «Онъ былъ почти все время моимъ слугой,—продолжалъ онъ,—и я не видалъ болѣе вѣрнаго

солдата. Его вѣрности и героизму я обязанъ своей жизнью. Въ день Собраона, когда пули и осколки сыпались какъ градъ, я упалъ въ груду нашихъ храбрыхъ молодцовъ, пронизанный непріятельскимъ огнемъ. Когда ни одинъ человѣкъ съ обыкновеннымъ мужествомъ не рѣшился бы стать лицомъ къ этой бури смерти, этотъ вѣрный герой бросился впередъ, не заботясь о своей жизни, нашелъ меня, гдѣ я лежалъ, и унесъ съ поля на своихъ рукахъ. Благодарю Бога за то, что я здѣсь и, надѣюсь, могу спасти его жизнь. Онъ не способенъ на то преступленіе, въ которомъ его обвиняютъ».

Горе непостоянству человѣческой натуры, по крайней мѣрѣ типперарской натуры. Присяжные знали «Cnt'a» лучше и дольше капитана. Показанія свидѣтелей вполнѣ убѣдили ихъ въ его виновности, а кромѣ того они сами хорошо знали его ужасную карьеру. Они признали его виновнымъ въ увѣчьѣ и онъ былъ сосланъ на всю жизнь за океанъ.

Не странна ли въ самомъ дѣлѣ эта амальгама? До дня изгнанія съ фермы этотъ человѣкъ жилъ обыкновенной безмятежной жизнью крестьянина. Съ этого момента онъ, кажется, напоминаетъ героя романа Сю, который ищетъ крови. Онъ идетъ почти на вѣрную смерть, чтобы спасти своего англійскаго господина. И онъ отвергаетъ всѣ мольбы своего духовника и друга, убѣждавшаго его покинуть путь безпощаднаго мщенія и возмутительнаго преступленія.

Должно сказать, что тридцать, сорокъ лѣтъ тому назадъ администрація правосудія въ этихъ случаяхъ очень часто была груба и опрометчива. Вредная идея о «поражающемъ ужасѣ» и обыкновеніе полагаться слишкомъ много на показанія «доносчиковъ»— часто нарушителей клятвы и плутовъ, а иногда и настоящихъ преступниковъ—приводили нерѣдко къ самымъ дурнымъ результатамъ. Въ Типперари стоитъ провести одну ночь среди группы собесѣдниковъ передъ очагомъ фермерскаго дома, что мнѣ часто приходилось дѣлать, чтобы наслушаться разсказовъ про людей повѣшанныхъ за такія дѣла, въ которыхъ они были совершенно невиновны; признаніе личностей свидѣтелями бывало грубо-ошибочно, крестьяне же скажутъ вамъ, что оно умышленно-фальшиво.

Аграрныя преступленія еще не вполнѣ исчезли. Зло, такъ глубоко укоренившееся, не можетъ быть скоро или легко уничтожено. То и дѣло даже теперь насъ тревожатъ и пугаютъ факты, напоминающіе о тѣхъ мрачныхъ дняхъ, которые мы нъэ-

тали навсегда миновавшими. Тысячи признаковъ указываютъ на то, что хотя въ Ирландіи, какъ и въ Англіи и въ другихъ странахъ, преступленія въ извѣстной степени всегда будутъ существовать, пока существуютъ человѣческія страсти, однакожь аграрныя насилія въ такомъ образѣ, какъ мы привыкли ихъ видѣть—ужасныя движенія вродѣ гражданской войны—скоро будутъ принадлежать невозвратно прошедшему ирландской исторіи. Какимъ образомъ система, порождавшая ихъ, получила смертельный ударъ, будетъ показано въ своемъ мѣстѣ. Но горестный фактъ тѣмъ не менѣе остается вѣрнымъ, что 30 лѣтъ тому назадъ Ирландія переживала самые ужасные эпизоды этой мрачной борьбы.

Людей, смотрящихъ на аграрныя преступленія въ Ирландіи издали, поражаютъ больше всего двѣ вещи. Первая—это отрицательная или положительная симпатія со стороны сельскаго населенія, какою оно окружаетъ преступниковъ, или, во всякомъ случаѣ, отсутствіе желанія содѣйствовать закону въ преслѣдованіи ихъ. Вторая—это фактъ, котораго я коснулся, описывая типперарскія событія, а именно, что мѣстность, гдѣ совершаются такія насилія, въ другое время и въ другихъ отношеніяхъ отличается миромъ, порядкомъ и уваженіемъ къ закону. Въ теченіе многолѣтнихъ наблюденій я пришелъ къ заключенію, что аграрныя преступленія (я говорю не объ отдѣльныхъ случаяхъ, а о тѣхъ буряхъ, которыя отъ времени до времени разражались въ данномъ округѣ) имѣли свою правильную исторію, извѣстныя черты или особенности, извѣстныя порождающія ихъ причины, которыя могутъ быть найдены во всѣхъ нихъ.

Недавно волновавшійся округъ на нѣкоторое время успокоился. Ландлорды и арендаторы-крестьяне заключили между собою настоящее перемиріе, вооруженное или не вооруженное, отрицательно-враждебное или положительно-дружественное. Черезъ нѣсколько времени какой-нибудь агентъ, менѣе осторожный, чѣмъ всѣ его товарищи, затѣваетъ «усовершенствованіе», повышеніе ренты, нѣкоторыя «новыя правила въ имѣніи», рядъ изгнаній на основаніи своего права. При всеобщемъ спокойствіи это можетъ быть сдѣлано безъ большаго шума и сопротивленія, и ему удается. Его примѣру слѣдуютъ другіе и идутъ дальше. Другіе агенты или ландлорды настаиваютъ на выполненіи своего формально-законнаго права до крайнихъ границъ, не обращая вниманія на его противорѣчіе съ существующимъ обычнымъ правомъ. Кто-нибудь изъ нихъ, болѣе опрометчивый, чѣмъ всѣ остальные, ста-

новится вожакомъ. Онъ утверждаетъ, что *онъ* знаетъ, какъ нужно дѣйствовать съ этимъ народомъ. «Твердость,—говоритъ онъ,—сдѣлаетъ все», и онъ хвастливо носитъ револьверъ въ карманѣ своего пальто. Мрачная и злобная тишина, извѣстная всякому привычному къ ирландской жизни за предвѣстника бури, кажется ему чуть не побѣдой. Въ него стрѣляли, но онъ спасся. Теперь онъ уже «долженъ показать примѣръ». Онъ не испугается убійцъ. Теперь очередь за крестьянами. И вотъ въ одинъ прекрасный день по странѣ разносится вѣсть, что этотъ джентльменъ убитъ самымъ жестокимъ образомъ. Дрожь ужаса пробѣгаетъ по одной части населенія. Взрывъ радости или сердитаго оправданія *) издаетъ другая. Одна часть прессы начинаетъ заниматься поношеніемъ убійцъ и ихъ сторонниковъ, а другая—порицаніемъ поведенія жертвы, изъ котораго и произошла вся трагедія. Всякій пострадавшій крестьянинъ и въ этой мѣстности и во всей странѣ видитъ въ убійцѣ мстителя. Ударъ, нанесенный имъ, отвратитъ гибель сотенъ. Полиція всюду встрѣчаетъ отказъ въ помощи схватить преступника, и онъ спасается, укрываемый народомъ.

Здѣсь-то вотъ и начинается все зло, вся прискорбная нравственная порча и соціальное разложеніе. Именно здѣсь возникаетъ весь тотъ вредъ, который порождается противоположеніемъ закона справедливости. Ободренный спасеніемъ этого убійцы, или побуждаемый всеобщею симпатіей къ его преступному дѣлу, какой-нибудь несчастный, даже совсѣмъ не имѣя такой глубокой причины, какъ первый, и, не будь этого примѣра убійства, неспособный на такой поступокъ,—рѣшается загубить другую жизнь. Являются новые и новые послѣдователи, побуждаемые болѣе и болѣе ничтожными причинами, и нравственная атмосфера все больше и больше пропитывается совершающимися фактами до тѣхъ поръ, пока наконецъ всякій подлый негодяй, имѣющій личные мотивы вражды, не увеличитъ собою списка извергов. А преступленія растутъ, возбуждая отвращеніе и ужасъ даже въ томъ, кто сдѣлалъ первый выстрѣлъ съ роковымъ успѣхомъ. Наконецъ

*) Близкій родственникъ одного моего друга имѣетъ въ одномъ изъ большихъ городовъ графства Мэйо мелочную лавку. Однажды въ базарный день лавка была особенно полна сельскимъ народомъ. Вдругъ среди него произошло какое-то странное волненіе. Вся толпа, одинъ по одному, сняла шляпы и низкимъ голосомъ торжественно проговорила: «Слава Богу!» — «Что случилось? О чемъ вы молитесь?» спросила хозяйка лавки одного изъ нихъ?—«О, слава Богу, сударыня! Развѣ вы не слыхали новость?—отвѣчалъ онъ.—Величайшій тиранъ графства Мэйо убитъ сегодня утромъ!»

и работа палача оказывается въ согласіи съ народною совѣстью. Ландлорды и агенты боролись за свои интересы неуклонно; но отъ души желали бы, чтобы буря никогда не подымалась. Фермеры согласны, что первый фактъ былъ ужаснымъ вызовомъ, но признаютъ, что онъ всюду повелъ къ дурнымъ дѣламъ. Обѣ стороны имѣли ихъ уже довольно. Стрѣлянье и вѣшанье вымираетъ и въ слѣдующіе за этимъ періодомъ годы въ округѣ царствуетъ міръ и тишина.

Я снова и снова видѣлъ, какъ все это проходило передъ моими глазами. Конечно, быть-можетъ во всякомъ данномъ случаѣ программа не во всѣхъ частностяхъ была такова. Случилось, наприм., что проклятая исторія началась съ такого убійства, которому человѣческій умъ не находитъ смягченія; но то, что можетъ быть названо серьезнымъ выраженіемъ аграрнаго насилія, всегда имѣло ходъ очень похожій на только-что описанный мной. Какъ правило, первая трагедія всегда была вызвана чѣмъ-нибудь ужаснымъ. Какъ правило, послѣднія преступленія всегда были самыми развратными злодѣяніями и преступленіями.

Я не знаю другого вопроса ирландской жизни, о которомъ добросовѣстное, откровенное и независимое слово въ литературѣ и рѣчахъ было бы такъ рѣдко, какъ объ аграрныхъ преступленіяхъ. Во многихъ случаяхъ насилія были такъ ужасны, что никто не отваживался сказать ни одного слова о причинахъ, ихъ вызвавшихъ, не рискуя подвергнуться обвиненію въ смягченіи ихъ или сочувствіи имъ. Съ другой стороны, вызовы часто были до того чудовищны, что всякій, кто рѣшался гнушаться заслуженнымъ преступленіемъ, былъ бы обвиненъ въ грубомъ индифферентизмѣ къ жадности, корыстолюбію и безсердечію, съ которымъ они дѣлались. Такимъ образомъ тридцать лѣтъ,—нѣтъ, двадцать или даже меньше,—тому назадъ существованіе здороваго общественнаго мнѣнія было невозможно. Мы всѣ стояли—и всякій изъ насъ—въ рядахъ того или другаго враждебнаго лагеря: одинъ—ландлордовъ, оправдывая безжалостныя изгнанія; другой—крестьянъ, сочувствуя кровавому убійству. И тѣмъ не менѣе на обѣихъ сторонахъ было не мало хорошихъ людей, истинныхъ патріотовъ, которые въ глубинѣ души оплакивали ужасное положеніе вещей, вызывавшее такія конвульсіи и терроръ общества, и толковали о томъ днѣ, когда страницы ирландской исторіи не будутъ замараны кровавыми пятнами.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

КЕСАРЬ.

РОМАНЪ

Георга Эберса.

Глава тринадцатая *).

Дочь Керавна провела почти такую же безсонную ночь, какъ и рабъ Масторъ.

Тщеславное желаніе отца, чтобъ Арсиноя, наравнѣ съ дочерьми богатыхъ гражданъ, приняла участіе въ общественныхъ играхъ, устраиваемыхъ въ честь императора, наполняло сердце ея новою боязнью.

Это былъ рѣшительный ударъ, долженствовавшій разрушить въ конецъ зданіе ихъ призрачнаго благосостоянія, и безъ того построеннаго на пескѣ, и ввергнуть ея домашнихъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и ее самое въ нищету и позоръ.

— Что станется,—думала она, «когда продастся послѣдняя цѣнная вещь въ дому, когда кредиторы, не стѣсняясь присутствіемъ императора, рѣшатся приступить къ описи имущества или даже посадятъ ея отца въ долговую тюрьму? Что тогда будетъ? Безъ сомнѣнія, другой заступитъ его мѣсто, а она съ сестрами станетъ жертвою нищеты».

Арсиноя лежала теперь рядомъ съ нею и спала такъ же безмятежно, какъ и слѣпой Геліосъ и другія маленькія дѣти.

Селена, передъ отходомъ ко сну, насколько умѣла краснорѣчиво, пыталась убѣдить неразумную дѣвушку поступить такъ же, какъ и она, объявивъ отцу о своемъ нежеланіи принимать участіе въ празднествахъ. Но напрасно: Арсиноя сперва запаль-

*) *Русская Мысль*, кн. V.

чиво не хотѣла ее слушать, потомъ расплакалась и, наконецъ, упрямо заявила, что всѣхъ совѣтовъ не переслушаешь и что она не имѣетъ никакого права воспрещать ей то, что разрѣшилъ отецъ.

Увидавъ, что сестра такъ спокойно спитъ съ нею рядомъ, Селенѣ захотѣлось разбудить ее, но она не сдѣлала этого; ей было не ново одной переносить всю тяжесть семейныхъ заботъ, а къ тому же стараться уговорить сестру былъ бы напрасный трудъ, такъ какъ Арсиноя обрывала ее на всякой такой попыткѣ.

Ласкою отъ нея всего можно было добиться, но Селена при каждомъ увѣщаніи давала ей чувствовать свое превосходство, основанное на ея старшинствѣ и заботахъ о семьѣ.

Такимъ образомъ не было дня, чтобы между этими, столь различными по характеру, но однако любящими другъ друга, сестрами дѣло обходилось безъ спора и слезъ.

Арсиноя всегда первая протягивала руку примиренія, но Селена на это рѣдко употребляла болѣе ласковыя выраженія, чѣмъ: «Ну, отстань!»—Или: «Знаю ужь тебя!»

Судя по внѣшности, можно бы подумать, что онѣ не любятъ другъ друга, и эта кажущаяся холодность иногда сопровождалась и словами, которыя могли бы показаться враждебными. Сотни разъ сестры шли спать безъ пожеланія одна другой «доброй ночи» и еще чаще не здоровались, встрѣчаясь въ первый разъ утромъ.

Арсиноя любила поговорить, но въ присутствіи сестры всегда бывала молчалива.

Селена мало чему радовалась. Арсиноя же, наоборотъ, радовалась всему, что только можетъ веселить молодость.

Старшая дочь управителя заботилась о настоятельныхъ нуждахъ дѣтей, хлопотала объ ихъ пищѣ и платьѣ. Младшая заботилась объ ихъ играхъ и куклахъ.

Первая охраняла и окружала ихъ серьезною заботливостью, но видѣла въ каждомъ небольшомъ проступкѣ ребенка зародышъ будущихъ дурныхъ наклонностей. Другая сама подбивала ихъ на шалости, но была добродушна и достигала поцѣлуями и ласковыми словами несравненно большихъ результатовъ, чѣмъ Селена своими безпрестанными выговорами.

Эта послѣдняя должна была звать дѣтей, когда она желала чего-нибудь отъ нихъ. Увидавъ же Арсиною, дѣти сами со всѣхъ ногъ бѣжали ей на встрѣчу и радостныя лица ихъ показывали, какъ сильно они любили ее.

Все это очень огорчало Селену и ей казалось большою несправедливостью, что сестра за баловство получала отъ дѣтей болѣе ласкъ, чѣмъ она за заботу, стараніе и тяжелую работу, за которою часто проводила безсонныя ночи.

Но дѣти однако не такъ несправедливы. Конечно, они платятъ сердцемъ, а не головой; но у того, кто ихъ любитъ, не останутся никогда въ долгу.

Въ эту ночь, казалось, сердце Селены мало волновали родственныя чувства, когда она смотрѣла на спящую сестру, послѣднія слова которой передъ отходомъ ко сну были довольно недружественны. Но, несмотря на кажущуюся холодность, сестеръ соединяло теплое чувство, и еслибы кто-нибудь только попробовалъ затронуть хоть единымъ словомъ одну передъ другой, то онъ скоро убѣдился бы, какое тѣсное внутреннее общеніе существуетъ между этими столь различно созданными сердцами.

Но ни одна девятнадцатилѣтняя дѣвушка не проводитъ совершенно безсонной ночи, какъ бы ни металась она на ложѣ подъ бременемъ докучливыхъ заботъ.

Селену по временамъ одолѣвала дремота и ей каждый разъ видѣлась во снѣ сестра. Сперва снилась ей Арсиноя одѣтая царицей; за нею бѣгутъ нищія дѣти и осыпаютъ ее бранью. Вотъ видится ей, что на площадкѣ предъ балкономъ она развязно болтаетъ съ Поллуксомъ и наконецъ разбиваетъ на мелкіе куски бюстъ матери. Потомъ ей представилась картина изъ ихъ ранняго дѣтства: сама она играетъ въ саду привратника съ его сыномъ; они лѣпятъ изъ песку пироги, а Арсиноя занимается тѣмъ, что разрушаетъ ногами ихъ работу.

Прекрасная, блѣдная дѣвушка уже давно не знала крѣпкаго, покойнаго, освѣжающаго сна юности. Сладкая дремота чаще посѣщаетъ людей, проводящихъ день въ бездѣйствіи, чѣмъ людей чрезмѣрно устающихъ, къ числу которыхъ принадлежала и Селена.

Каждую ночь она видѣла сны, но почти всегда грустные; часто просыпалась она, испугавшись своего собственнаго болѣзненнаго стона, или нарушала громкимъ крикомъ сладкій сонъ Арсинои.

Отца ея никогда не тревожили эти крики, такъ какъ онъ начиналъ храпѣть, какъ скоро засыпалъ, и переставалъ только проснувшись утромъ.

Селена раньше всѣхъ въ домѣ принималась за работу. Даже рабы—и тѣ вставали позднѣе ея.

Сегодня приближеніе утра показалось для бѣдной дѣвушки, проведшей безсонную ночь, какимъ-то избавленіемъ.

Было еще совершенно темно, но она знала, что сентябрское утро не заставитъ долго ждать себя. Не обращая вниманія на другихъ спящихъ и не заботясь о томъ, чтобы ходить и дѣлать различныя вещи не производя шума, она зажгла ночникомъ лампочку, умылась, убрала свои волосы и постучалась въ дверь стараго слуги.

Услыхавъ въ отвѣтъ сказанныя соннымъ голосомъ слова: «Сейчасъ!» и «Да слышу же!»—она вошла въ комнату отца и взяла тамъ кружку, чтобы принести ему свѣжей воды.

Лучшій источникъ дворца находился на небольшой террасѣ въ западной его части. Онъ снабжался городскимъ водопроводомъ и состоялъ изъ пяти мраморныхъ фигуръ миѳическихъ животныхъ, изображавшихъ лошадей съ рыбьими хвостами, на которыхъ утверждена была раковина; въ ней покоился бородатый водяной богъ, а изъ мраморныхъ ноздрей лошадиныхъ головъ брызгала вода въ большой резервуаръ, переполнившійся въ теченіе вѣковъ прядями зеленыхъ водорослей.

Чтобы достигнуть этого источника, Селена должна была пройти черезъ галлерею, къ которой примыкали покои императора и его свиты.

Она знала, что архитекторъ изъ Рима прибылъ на Лохію, такъ какъ послѣ полуночи къ ней приходили просить для него хлѣба и соли; но въ какую комнату его помѣстили, ей никто не сказалъ.

Когда сегодня она пошла дорогой, которою привыкла изо дня въ день ходить за водой, ее невольно охватилъ какой-то страхъ,— ей показалось, что не все здѣсь такъ, какъ было прежде. Тихо и боязливо поставила дѣвушка ногу на послѣднюю ступень лѣстницы, ведущей въ галлерею, и, съ безпокойствомъ озираясь вокругъ, подняла выше свѣтильникъ, чтобы посмотрѣть, откуда слышался шорохъ.

Но вдругъ она увидала нѣчто ужасное, по мѣрѣ приближенія походившее на собаку, но гораздо и гораздо больше ея. Отъ страха въ ней застыла кровь; нѣсколько мгновеній стояла она какъ вкопанная и чувствовала только, что доносившееся до нея рычаніе не обѣщало ничего хорошаго.

Наконецъ, собравъ въ себѣ остатки силъ, Селена обратилась въ бѣгство, но въ это самое мгновеніе раздался за нею громкій,

свирѣпый лай и она услыхала быстрые прыжки чудовища, которое гналось за нею по каменнымъ плитамъ галлереи.

Дѣвушка почувствовала сильный ударъ; кувшинъ выпалъ у нея изъ рукъ, разбившись въ мелкія дребезги, и она упала, придавленная къ землѣ какою-то отвратительною теплою и грубою массой.

Ея жалобный вопль глухо отозвался въ каменныхъ стѣнахъ корридора и разбудилъ спящихъ въ сосѣднихъ покояхъ.

— Посмотрите, что тамъ случилось!—воскликнулъ Адріанъ, обращаясь къ своему рабу, который, вскочивъ, уже схватилъ мечъ и щитъ.

— Вѣроятно, Аргусъ напалъ на женщину, проходившую мимо,—отвѣчалъ Масторъ.

— Такъ скорѣе же бѣги и оттащи его, но не бей,—крикнулъ ему въ слѣдъ императоръ:—онъ выполнилъ только свою обязанность.

Рабъ бросился исполнять приказаніе, громко кличa по имени собаку.

Но другой уже успѣлъ предупредить его. Антиной, комната котораго находилась всего ближе къ мѣсту происшествія, услыхавъ лай Аргуса и крикъ Селены, поспѣшилъ отогнать дога, страшно злаго, въ особенности на-сторожѣ въ темнотѣ. Прежде чѣмъ появился Масторъ, юноша успѣлъ уже оттащить собаку. Бѣдная дѣвушка лежала на ступеняхъ лѣстницы, между тѣмъ какъ Аргусъ рычалъ и скалилъ на нее зубы.

Собака, успокоенная ласковыми словами своихъ друзей, тихо отошла въ сторону, грустно повѣсивъ морду.

Антиной сталъ на колѣни передъ лежавшей безъ чувствъ Селеной. Слабый свѣтъ просыпавшагося утра падалъ на нее черезъ широкое окно. Испуганно глядѣлъ юноша на смертельно-блѣдное лицо дѣвушки. Онъ поднималъ ея обезсилѣвшія руки, думая найти слѣды крови на ея свѣтлой одеждѣ. Но крови нигдѣ не было.

Убѣдившись по движенію губъ, что она дышетъ, Антиной сказалъ Мастору:

— Аргусъ, кажется, только повалилъ, но не укусилъ дѣвушку. Она потеряла сознаніе. Сбѣгай скорѣе въ мою комнату и принеси голубой флаконъ изъ ящика съ мазями. Кстати захвати также и кружку воды.

Рабъ свистомъ позвалъ за собою собаку и поспѣшилъ исполнить приказаніе.

Между тѣмъ Антиной, стоя на колѣняхъ передъ лежавшей безъ признаковъ жизни молодою дѣвушкой, рѣшился приподнять ея голову, украшенную мягкими, роскошными волосами.

Какъ очаровательны и благородны были ея тонкія, какъ бы высѣченныя изъ мрамора, черты! Съ какимъ состраданіемъ смотрѣлъ юноша на судорожное передергиваніе ея губъ и какъ счастливъ былъ любимецъ императора, что на его долю выпало помочь бѣдной дѣвушкѣ.

— Очнись, очнись же!—воскликнулъ онъ, обращаясь къ Селенѣ, но она продолжала лежать безъ движенія.

— Очнись же! — воскликнулъ онъ съ еще большею нѣжностію и силой.

Но она не слыхала его и не пошевельнулась даже, когда онъ, покраснѣвъ немного въ лицѣ, поправилъ на ея обнаженныхъ плечахъ пеплумъ, сорванный догомъ.

Въ это время явился Масторъ и, вручивъ юношѣ голубой флаконъ и воду, быстро удалился, сказавъ:

— Мнѣ некогда,—императоръ зоветъ.

Антиной намочилъ лобъ дѣвушки живительною влагой, далъ ей вдохнуть въ себя сильный запахъ эссенціи, содержавшейся во флаконѣ, и воскликнулъ съ новою силой:

— Очнись, очнись же наконецъ!

Селена открыла немного ротъ, показавъ свои бѣлоснѣжные зубы. Въ губахъ ея не было ни кровинки. Густыя рѣсницы, закрывавшія ея глаза, тихо приподнялись.

Юноша, глубоко вздохнувъ, поставилъ на полъ кружку и флаконъ, желая помочь ей приподняться, но она вдругъ быстро вскочила и, въ смертельномъ страхѣ обнявъ руками его шею, воскликнула:

— Спаси, Поллуксъ, спаси меня! Чудовище хочетъ меня поглотить!

Антиной въ испугѣ старался освободить руки дѣвушки, но онѣ уже снова безсильно упали.

Черезъ нѣсколько мгновеній Селена тряслась какъ бы въ лихорадкѣ. Потомъ снова приподняла руки, приложила ихъ къ вискамъ и, устремивъ на юношу полный смущенія и страха взоръ, тихо спросила его:

— Что это? Кто ты такой?

Юноша быстро всталъ и, помогая ей приподняться на ноги, сказалъ:

— Благодареніе богамъ, что ты жива! Наша громадная молосская собака свалила тебя съ ногъ. Она страшно зла.

Селена стояла теперь передъ Антиноемъ. Ею снова овладѣлъ страхъ.

— Больно тебѣ?—спросилъ юноша.

— Да,—отвѣчала она глухо.

— Собака укусила тебя?

— Не думаю. Но подыми вотъ тамъ пряжку,—она выпала изъ моего пеплума.

Антиной тотчасъ же исполнилъ ея желаніе и Селена, укрѣпивъ одежду на плечѣ, снова спросила его:

— Кто ты такой и какимъ образомъ собака эта очутилась во дворцѣ?

— Она принадлежитъ... она принадлежитъ намъ. Мы прибыли сюда вчера поздно вечеромъ и Понтій...

— Значитъ ты пріѣхалъ изъ Рима вмѣстѣ съ архитекторомъ?

— Да. Но кто ты сама?

— Я—Селена, дочь дворцоваго управителя Керавна.

— А кто такое этотъ Поллуксъ, котораго ты призывала на помощь, очнувшись отъ обморока?

— А зачѣмъ тебѣ это знать?

Юноша покраснѣлъ и въ смущеніи отвѣчалъ:

— Я испугался, когда ты съ его именемъ на губахъ такъ порывисто бросилась впередъ, послѣ того какъ мнѣ удалось, съ помощью холодной воды и этой эссенціи, привести тебя въ чувство.

— Я бы и такъ пришла въ себя. Теперь я уже сама могу идти. Но мнѣ кажется, что тотъ, кто приводитъ въ чужой домъ злобныхъ собакъ, долженъ былъ бы получше ихъ стеречь. Привяжи покрѣпче своего дога, а то мои маленькія сестры проходятъ здѣсь, когда идутъ гулять. Благодарю тебя за помощь. Но гдѣ же кувшинъ?

Съ этими словами Селена оглянулась кругомъ, ища сосудъ, который такъ любила ея покойная мать. Увидавъ его осколки, она глухо зарыдала и наконецъ воскликнула гнѣвнымъ голосомъ:

— Это безсовѣстно!

Сказавъ это, она поворотилась къ Антиною спиной и пошла по направленію къ комнатамъ отца, осторожно наступая на болѣвшую ногу.

Юноша молчаливо смотрѣлъ на стройную фигуру удалявшейся дѣвушки. Ему хотѣлось идти за нею, выразить, какъ глубоко трогаетъ его случившееся съ нею несчастіе, объяснить ей наконецъ, что собака принадлежитъ не ему, но другому. Но онъ не посмѣлъ сдѣлать этого.

Давно уже Селена скрылась изъ виду, а Антиной все еще стоялъ на прежнемъ мѣстѣ. Наконецъ, овладѣвъ собою, онъ тихо побрелъ въ свою комнату, сѣлъ на ложе и задумчиво сталъ смотрѣть на полъ.

Въ такомъ положеніи находился онъ, пока не позвалъ его императоръ.

Селена, во все продолженіе разговора, едва удостоила его взглядомъ. Она чувствовала теперь боль не только въ лѣвой ногѣ, но и въ затылкѣ, гдѣ находилась зіяющая рана, кровь изъ которой задерживали ея густые волосы. Бѣдная дѣвушка плакала.

Тихимъ и усталымъ шагомъ взошла она въ комнату, гдѣ отецъ теперь дожидался ея.

Онъ привыкъ къ тому, чтобы дочь приходила къ нему по утрамъ аккуратно въ одинъ и тотъ же часъ, и такъ какъ сегодня она опоздала, то онъ не придумалъ ничего лучшаго для занятія, какъ ворчать и побранивать Селену себѣ подъ носъ. Когда она наконецъ явилась, онъ сейчасъ же замѣтилъ, что въ рукахъ у нея не было кувшина, и спросилъ недовольнымъ голосомъ:

— Что же, сегодня воды мнѣ такъ и не будетъ?

Дѣвушка покачала головой и, опустившись на стулъ, тихо заплакала.

— Что съ тобою?—спросилъ управитель.

— Кувшинъ разбился,—отвѣчала она грустно.

— Нужно поосторожнѣе обращаться съ дорогими вещами,—ворчалъ Керавнъ.—Ты вотъ все жалуешься, что денегъ нѣтъ, а сама разбиваешь чуть ли не половину всей хозяйственной утвари.

— Я была сбита съ ногъ,—отвѣчала Селена, утирая слезы,

— Сбита съ ногъ? Кѣмъ же это? — спросилъ управитель, тихо вставая съ мѣста.

— Злою собакой архитектора, прибывшаго вчера вечеромъ изъ Рима. Онъ почивалъ на Лохіи и мы посылали ему ночью хлѣба и соли.

— И онъ натравливаетъ свою собаку на мое дитя! — воскликнулъ управитель дворца, сверкая глазами.

— Собака была одна въ галлереѣ, когда я взошла въ нее.

— Она укусила тебя?

— Нѣтъ, чудовище только повалило меня и страшно скалило зубы... Это было ужасное мгновеніе!

— Проклятый бродяга!—бранился Керавнъ.—Я покажу ему, какъ вести себя въ чужомъ домѣ.

— Оставь, прошу тебя! — говорила Селена, увидавъ, что отецъ уже собирается надѣвать желтый палліумъ.— Что случилось, того уже не воротишь; ссора же и непріятности могутъ лишь повредить тебѣ.

— Негодяи! И что за нахальный народъ: приходятъ и располагаются въ моемъ дворцѣ, точно у себя дома, съ своими кусающимися дворнягами! — не унимался управитель, не слушая словъ дочери и расправляя складки своего палліума.

— Арсиноя!—прогремѣлъ онъ.—Да услышитъ ли она меня наконецъ!?

Когда дѣвушка появилась, онъ приказалъ ей разогрѣть щипцы для завивки волосъ.

— Они уже давно разогрѣты. Пойдемъ со мною въ кухню,— отвѣчала она.

Керавнъ послѣдовалъ за нею и позволилъ завивать свои крашенные волосы, умащая ихъ благовоннымъ масломъ.

При этой операціи управителя окружили маленькія дѣти, дожидавшіяся киселя, даваемаго имъ обыкновенно въ это время Селеной. На ихъ утреннее привѣтствіе отецъ ласково отвѣчалъ лишь наклоненіемъ головы, такъ какъ Арсиноя крѣпко держала въ щипцахъ его волосы. Только одного слѣпаго Геліоса, хорошенькаго мальчика лѣтъ шести, онъ привлекъ къ себѣ и поцѣловалъ въ щёку. Керавнъ съ особенною нѣжностью любилъ этого ребенка, лишеннаго драгоцѣннѣйшаго органа чувствъ, но, несмотря на то, постоянно веселаго. Онъ разсмѣялся даже, когда мальчикъ, вертясь около сестры, махавшей щипцами, спросилъ его:

— Знаешь, отецъ, отчего меня иногда сердитъ то, что я ничего не вижу?

— Ну?—съ любопытствомъ спросилъ управитель.

— Я хотѣлъ бы хоть разъ увидать тебя въ красивыхъ кудряхъ, которыми украшаетъ тебя Арсиноя.

Но веселость управителя исчезла, когда Арсиноя прервала свое занятіе и спросила его полушутя, полусерьезно:

— Что же ты рѣшилъ для пріема императора, отецъ? Я каждый день такъ прекрасно тебя украшаю, но на этотъ разъ, наоборотъ, ты меня будешь украшать.

— Увидимъ,—отвѣчалъ уклончиво Керавнъ.

— Знаешь ли?—продолжала дѣвушка послѣ небольшой паузы, защемивъ въ щипцы послѣдній локонъ,—сегодня ночью я все обдумала: если намъ не посчастливится собрать денегъ на мое платье, то можно...

— Что?

— Селена также ничего не имѣетъ противъ.

— Противъ чего?

— Ты опять разсердишься.

— Ну, говори же!

— Ты платишь вѣдь подати наравнѣ съ другими гражданами?

— Что-жь изъ этого?

— Да то, что ты также можешь кое-что требовать отъ города.

— Для чего?

— А для того, чтобы заплатить за мое платье для праздника, устраиваемаго въ честь императора городомъ. Милостей, конечно, мы не должны принимать, но было бы неблагоразумно отказываться отъ того, что предлагаетъ намъ богатый городъ,—это значило бы дарить городу деньги.

— Да замолчишь ли ты?—воскликнулъ Керавнъ въ сильномъ волненіи, тщетно стараясь припомнить выраженіе, которымъ не далѣе какъ вчера онъ опровергнулъ такого же рода воззрѣніе.—Молчи и жди, пока я самъ не заговорю съ тобой объ этомъ.

Арсиноя, въ сильномъ неудовольствіи, бросила щипцы на столъ, съ котораго они звеня упали на каменный полъ.

Отецъ ея пошелъ изъ кухни во внутреннія комнаты.

Тамъ нашелъ онъ Селену лежащею на его ложѣ. Рабыня прижимала мокрый платокъ къ ея затылку, другой же лежалъ на обнаженной лѣвой ногѣ дѣвушки.

— Ранена!?—воскликнулъ Керавнъ, испуганно водя глазами.

— Посмотри только, какая опухоль!—шамкала старуха на ломанномъ греческомъ языкѣ, взявшись своею черною рукой за бѣлоснѣжную ногу Селены и показывая ее управителю.—Тысяча богатыхъ матронъ не могутъ похвалиться такою маленькою рукой, какъ эта нога. Бѣдная, бѣдная ножка!

Съ этими словами старуха прильнула губами къ ногѣ дѣвушки.

Селена отстранила старуху и, оборотившись къ отцу, сказала:

— Рана на затылкѣ не велика и о ней нечего говорить, но тѣло и жилы на ступнѣ припухли и я чувствую боль, наступая на ногу. Когда я упала, то, вѣроятно, ушиблась о каменныя ступени лѣстницы.

— Да это неслыханно! — воскликнулъ Керавнъ, которому кровь снова бросилась въ голову.—Подожди же, я покажу имъ.

— Нѣтъ, нѣтъ,—просила Селена,—лучше попроси ихъ учтиво запереть или посадить на цѣпь злую собаку, чтобъ она не могла сдѣлать вреда дѣтямъ.

При послѣднихъ словахъ въ голосѣ ея послышался испугъ, такъ какъ сегодня ей почему-то казалось особенно вѣроятнымъ, что отецъ лишится мѣста, потерю котораго она уже давно считала возможной.

— Нѣтъ, благодарю покорно... Въ отвѣтъ на все, что здѣсь случилось, да говорить еще имъ любезности!—запальчиво отвѣчалъ Керавнъ, которому казалось, что съ нимъ случилось что-то неслыханное.

Онъ вышелъ изъ комнаты, не обращая вниманія на просьбу Селены—не сердиться и не выходить изъ себя.

Въ передней управитель встрѣтилъ стараго раба; онъ велѣлъ ему взять палку, идти впередъ и доложить о немъ гостю архитектора Понтія, который жилъ въ одномъ изъ помѣщеній сбоку корридора, ведущаго къ источнику.

Въ такомъ видѣ посѣщеніе новоприбывшаго было сообразно съ его достоинствомъ и имѣло еще ту выгоду, что рабъ первый долженъ былъ встрѣтиться съ догомъ.

Приближаясь къ цѣли своего путешествія, управитель былъ твердо намѣренъ высказать всю правду дерзкому пришельцу, явившемуся сюда, чтобы нарушать покой дома, дозволяя собакамъ сбивать съ ногъ его домашнихъ.

Глава четырнадцатая.

Адріанъ спалъ хорошо, и хотя немного, но достаточно, чтобъ освѣжить свой усталый умъ.

Перейдя въ другую комнату, онъ подошелъ къ окну, занимавшему болѣе половины западной стѣны, изъ котораго открывался видъ на море.

Двѣ высокія колонны изъ темнокраснаго, съ бѣлымъ накрапомъ, порфира и позолоченными коринѳскими капителями возвышались справа и слѣва широкаго подоконника.

Императоръ, прислонясь къ одной изъ колоннъ, сталъ гладить собаку, бдительность которой порадовала его. Какое ему было дѣло до того, что она такъ напугала бѣдную дѣвушку.

У другой колонны, поставивъ ногу на низкій подоконникъ, стоялъ Антиной, наклонившись всѣмъ корпусомъ въ комнату и опираясь подбородкомъ на руку, локоть которой покоился на его колѣнѣ.

— Какой удивительный человѣкъ этотъ Понтій! — сказалъ Адріанъ, указывая рукой на коверъ, покрывавшій узкую стѣну комнаты.—Эта ткань сдѣлана по образцу, который я самъ когда-то нарисовалъ и велѣлъ приготовить изъ мозаики. Вчера еще неизвѣстно было, что эта комната предназначается мнѣ,—слѣдовательно, коверъ уже повѣшенъ съ нашего пріѣзда. Сколько красивыхъ вещей успѣлъ онъ наставить сюда! Комната смотритъ совсѣмъ жилою.

— Какія прекрасныя подушки!—замѣтилъ Антиной.—И бронзовыя фигуры по угламъ, по-моему, также недурны.

— Вездѣ превосходная работа,—возразилъ императоръ,—но каждую изъ этихъ вещей я охотно промѣнялъ бы на это окно. Какой весенній воздухъ вѣетъ здѣсь въ декабрѣ! Трудно рѣшить, что здѣсь синѣе — небо, или море? Чему болѣе радоваться — несчетному ли числу кораблей, соединяющихъ эту цвѣтущую мѣстность съ отдаленными, богатыми странами, или постройкамъ, всюду привлекающимъ взоръ? Чему болѣе удивляться—величинѣ ли ихъ, или красотѣ и гармоніи ихъ формъ?

— Что это тамъ за длинная плотина соединяетъ островъ съ землей? Посмотри, вотъ плыветъ большое трехвесельное судно и проходитъ черезъ одну изъ полукруглыхъ арокъ, поддерживающихъ плотину. А вотъ и другое.

— Это—мостъ, который александрійцы съ гордостью называютъ Гептастадіономъ, потому что длина его семь стадій. Верхняя часть его, подобно вѣткѣ бузины, скрываетъ въ себѣ сердцевину — каменный каналъ, снабжающій островъ Фаросъ водой.

— Жаль, что не видно отсюда всей постройки съ людьми и повозками, которые такъ и кишатъ въ ней, какъ муравьи, — сказалъ Антиной.—Вонъ тотъ небольшой островъ и узкая, врѣ-

зывающаяся въ гавань, коса, съ длиннымъ высокимъ строеніемъ на концѣ, скрываютъ ее отъ насъ.

— Но за то они сами оживляютъ видъ,—возразилъ императоръ.—На этомъ небольшомъ островѣ обитала Клеопатра, а тамъ, въ той высокой башнѣ, на сѣверной оконечности косы, омываемой голубыми волнами, надъ которой теперь такъ весело кружатся чайки и голуби, заперся когда-то Антоній послѣ битвы при Акціумѣ.

— Чтобы забыть свой позоръ!—воскликнулъ Антиной.

— Онъ называлъ ее своимъ Тимоніумомъ, потому что подобно мудрому человѣконенавистнику изъ Аѳинъ хотѣлъ жить тамъ вдали отъ людей. А что, если я назову Лохію своимъ Тимоніумомъ?

— Слава и величіе не имѣютъ нужды скрываться.

— Кто говоритъ тебѣ, что Антоній скрывался отъ стыда? Во главѣ своихъ всадниковъ онъ не разъ доказывалъ, что онъ храбрый солдатъ, и при Акціумѣ, когда ничего худаго еще не случилось, онъ повернулъ корабль не изъ боязни мечей и копій, но потому, что злой рокъ заставилъ его подчинить свою сильную волю желаніямъ женщины, отъ судьбы которой зависѣла его собственная.

— Такъ ты извиняешь его поведеніе?

— Я только стараюсь понять его и никогда не повѣрю, чтобы стыдъ могъ къ чему-нибудь принудить Антонія! Ты думаешь, я самъ могъ бы покраснѣть? Стыдъ уже не существуетъ болѣе для того, кто довелъ себя до презрѣнія къ людямъ.

— Почему же Маркъ-Антоній заперся въ этой тюрьмѣ, омываемой моремъ?

— Для каждаго порядочнаго человѣка, всю жизнь провозившагося съ женщинами, шутами и льстецами, наступитъ наконецъ минута, когда все ему опротивѣетъ. Въ такую минуту онъ чувствуетъ себя единственнымъ человѣкомъ, съ которымъ стоитъ имѣть общеніе посреди всѣхъ этихъ развратниковъ. Послѣ Акціума эта минута наступила для Антонія и, вотъ, для того, чтобы быть наконецъ въ хорошемъ обществѣ, онъ удалился отъ людей.

— Такъ вотъ что и тебя заставляетъ по временамъ искать уединенія!

— Можетъ быть; но ты, ты всегда можешь сопутствовать мнѣ.

— Такъ ты считаешь меня лучше другихъ?—радостно воскликнулъ Антиной.

— Во всякомъ случаѣ красивѣе,—возразилъ Адріанъ.—Ну, продолжай же распрашивать меня.

Послѣ нѣсколькихъ минутъ размышленія Антиной спросилъ, почему большинство кораблей пристаютъ къ гавани Эвноста, находящейся по ту сторону Гептастадіона, и получилъ въ отвѣтъ, что входъ въ эту гавань менѣе опасенъ, чѣмъ тотъ, который велъ между Фаросомъ и мысомъ Лохіи къ болѣе восточнымъ пристанямъ.

Указавъ па мавзолей, въ которомъ покоились останки Александра Великаго, цезарь задумался и проговорилъ какъ бы про себя:

— Великій!... Можно бы позавидовать македонскому юношѣ! Конечно, не почетному титулу его, который носили многіе менѣе достойные, а тому, что онъ вполнѣ заслужилъ его.

Одинаково находилъ Адріанъ разъясненія и на всѣ послѣдующіе вопросы любимца.

— Какъ хорошо знаешь ты городъ, хотя никогда прежде не бывалъ въ немъ!—изумленно воскликнулъ наконецъ юноша.

— Это одно изъ удовольствій путешествія,—возразилъ Адріанъ, — видѣть въ дѣйствительности все то, о чемъ составишь себѣ понятіе по книгамъ и разсказамъ. По-моему даже несравненно пріятнѣе видѣть въ первый разъ своими глазами нѣчто давно уже знакомое, чѣмъ что-либо новое, совершенно намъ неизвѣстное. Ты понимаешь, что я хочу сказать?

— Кажется, понимаю. Когда слышишь о чемъ-нибудь и потомъ увидишь собственными глазами, то всегда сравниваешь, вѣрно ли до сихъ поръ представлялъ себѣ слышанное. Но мнѣ люди и мѣстности, о которыхъ мнѣ говорятъ, всегда представляются красивѣе, чѣмъ я нахожу ихъ, знакомясь съ ними.

— Это преувеличеніе въ ущербъ дѣйствительности дѣлаетъ честь пылкому, украшающему все, воображенію твоихъ лѣтъ. А я... я...—и императоръ, поглаживая бороду, устремилъ взглядъ въ пространство,—я чѣмъ старше, тѣмъ чаще убѣждаюсь, что человѣку возможно такъ вѣрно представлять себѣ людей и мѣстности, что, при встрѣчѣ съ ними, они кажутся намъ давно знакомыми и видѣнными. Вотъ и здѣсь для меня нѣтъ ничего новаго. Это впрочемъ не удивительно, потому что я хорошо знаю моего Страбона и читалъ сотни описаній этого города. Но есть много неизвѣстнаго, которое, приблизившись, кажется мнѣ давно видѣннымъ и пережитымъ.

— Нѣчто подобное случилось разъ и со мной,—сказалъ Антиной. — Возможно ли, чтобы души наши дѣйствительно жили когда-нибудь въ другихъ тѣлахъ и теперь иногда вспоминали видѣнное въ прежней жизни? Фаворинъ разсказывалъ мнѣ однажды, что одинъ великій философъ, кажется Платонъ, утверждаетъ, будто бы души наши, до своего рожденія, были носимы по небесамъ для того, чтобъ онѣ могли обозрѣвать землю, на которой впослѣдствіи имъ предназначалось жить. Кромѣ того, Фаворинъ говоритъ...

— Фаворинъ!—презрительно воскликнулъ Адріанъ. — Этотъ краснорѣчивый болтунъ умѣетъ облекать въ новую красивую форму мысли великихъ людей, но онъ не способенъ прислушиваться къ тайнамъ собственной души. Къ тому же онъ говоритъ слишкомъ много и слишкомъ пристрастенъ къ мірской суетѣ.

— Ты самъ испыталъ это явленіе, а не признаешь объясненій Фаворина.

— Да, потому что мнѣ казалось знакомымъ, что случалось, много лѣтъ спустя послѣ моего рожденія. Конечно, мое объясненіе не подойдетъ ко всѣмъ людямъ, но во мнѣ самомъ, — въ этомъ я убѣжденъ,—живетъ таинственное что-то, дѣйствующее во мнѣ независимо отъ меня самого. Оно входитъ въ меня и покидаетъ меня по своему произволу. Назвать ли это моимъ демономъ или геніемъ,—все равно, дѣло не въ имени,—это что-то не всегда является на мой зовъ и часто дѣйствуетъ во мнѣ, когда я всего менѣе ожидаю его присутствія. Всякій разъ, когда оно во мнѣ находится, оно сообщаетъ мнѣ значительную долю своего могущества и опытности. Что было знакомо ему при встрѣчѣ, то и мнѣ кажется знакомымъ. Александрія не чужда мнѣ, потому что мой геній не разъ видѣлъ ее въ своемъ полетѣ. Многое онъ для меня изучилъ и многое произвелъ. Сотни разъ спрашиваю я себя, смотря на оконченныя мною дѣла: возможно ли, Адріанъ, что ты все это совершилъ? Какъ назвать ту чуждую силу, которая помогала тебѣ?... Теперь я знаю ее и вижу, какъ она дѣйствуетъ и въ другихъ. Въ кого ни взойдетъ она, тотъ скоро превзойдетъ себѣ подобныхъ. Наиболѣе же проявляетъ она свою дѣятельность въ художникахъ, или можетъ-быть изъ обыкновенныхъ людей потому только и выходятъ великіе художники, что въ нихъ вселяется геній. Понялъ ли ты меня?

— Не совсѣмъ,—возразилъ Антиной, большіе глаза котораго, блестѣвшіе при обозрѣніи города, теперь устало смотрѣли въ

землю.—Не сердись на меня, государь,—мнѣ никогда не понять ничего подобнаго. Нѣтъ человѣка, до котораго тому, что ты называешь твоимъ геніемъ, было менѣе дѣла, чѣмъ до меня. Я самъ не умѣю думать и даже слѣдить за мыслями другихъ мнѣ трудно. Не знаю, смогу ли я когда-нибудь сдѣлать что-нибудь дѣльное. Если я произвожу что-либо, никакой демонъ не помогаетъ моей душѣ и она, чувствуя себя безпомощной, предается мечтаніямъ. Кончаю я что-либо, и мнѣ кажется, что я могъ бы и лучше сдѣлать.

— Самопознаніе,—засмѣялся Адріанъ,—верхъ человѣческой мудрости. Каждый дѣлаетъ свою долю блага, украшая представленіе друга. То, для чего другимъ нуженъ трудъ, ты достигаешь однимъ своимъ существованіемъ. Смирно, Аргусъ!

При послѣднихъ словахъ собака приподнялась и рыча приблизилась къ выходу. Раздался сильный стукъ въ дверь и, несмотря на зовъ своего хозяина, она громко залаяла.

— Гдѣ же Масторъ?—спросилъ Адріанъ, удивленно посмотрѣвъ на дверь.

Антиной нѣсколько разъ окликнулъ раба по имени, но отвѣта не было.

— Что сдѣлалось съ этимъ молодцомъ?—спросилъ Адріанъ.— Онъ всегда подъ рукой и веселъ какъ жаворонокъ, а сегодня весь день точно сонный и, одѣвая меня, выронилъ сперва сандалію, потомъ плечевую пряжку.

— Я вчера прочелъ ему письмо изъ Рима. Молодая жена его сбѣжала съ корабельнымъ кормчимъ.

— Что-жь, пожелаемъ ему счастья, благо онъ теперь свободенъ.

— Кажется, онъ любилъ ее.

— Ну, такой красивый малый, какъ мой первый рабъ, легко найдетъ себѣ другую взамѣнъ.

— Но онъ еще не нашелъ. Къ тому-жь его огорчаетъ потеря.

— Странно, опять стучатъ. Посмотри-ка, кто это позволяетъ себѣ... Впрочемъ, всякій имѣетъ здѣсь право,—вѣдь я не цезарь на Лохіи, а только простой, частный человѣкъ. Ложись, Аргусъ! Взбѣсился ты, что ли, старый? Собака заботится о моемъ достоинствѣ болѣе, чѣмъ я самъ, и моя роль архитектора ей, кажется, не нравится.

Антиной уже поднялъ руку, чтобъ остановить стучавшаго, какъ дверь снаружи тихо отворилась и на порогѣ появился рабъ дворцоваго управителя.

Старый черный рабъ имѣлъ по-истинѣ жалкій видъ.

Величественная осанка императора и красивая одежда его любимца сильно смутили его, а угрожающее рычанье собаки внушило ему такой страхъ, что онъ весь скорчился и по возможности старался прикрыть свои ноги изношенною туникой.

Удивленно взглянулъ Адріанъ на эту воплощенную нищету и спросилъ:

— Чего тебѣ?

Рабъ сдѣлалъ было шагъ впередъ, но грозный окрикъ императора снова остановилъ его, и, почесывая свою коротко-остриженную, кое-гдѣ плѣшивую, голову, онъ молча стоялъ и посматривалъ на свои ноги.

— Ну?—снова проговорилъ императоръ, далеко не ободряющимъ тономъ, слегка отпуская пальцы, державшіе ошейникъ собаки.

Согнутыя колѣна раба задрожали при этой угрозѣ и, протянувъ свою широкую ладонь въ направленіи Адріана, онъ началъ невнятно бормотать на ломанномъ греческомъ языкѣ затверженную ему господиномъ рѣчь, изъ которой слѣдовало, что онъ пришелъ извѣстить архитектора Клавдія Венатора изъ Рима о предстоящемъ посѣщеніи своего повелителя, члена городскаго совѣта, македонскаго и римскаго гражданина Керавна, сына Птоломея, управляющаго кесарскимъ дворцомъ на Лохіи.

Чтобы продолжить неожиданное развлеченіе, императоръ далъ несчастному до конца довести свою трудную рѣчь и затѣмъ только ласково промолвилъ:

— Скажи твоему господину, что онъ можетъ войти.

— Вотъ такъ потѣха!—произнесъ кесарь, по уходѣ раба, обращаясь къ своему любимцу.—Каковъ-то будетъ Юпитеръ, которому предшествуетъ такой орелъ.

Керавнъ не заставилъ долго ждать.

Расхаживая по коридору, смежному съ покоями императора, онъ разсуждалъ о неуваженіи, оказываемомъ ему архитекторомъ, заставлявшимъ его такъ долго ждать,—его, Керавна, о родѣ и значеніи котораго уже конечно доложилъ рабъ.

Предположеніе, что римлянинъ самъ выйдетъ ему на встрѣчу, также не оправдалось,—рабъ коротко передалъ, что онъ можетъ войти.

— Какъ онъ сказалъ: можетъ войти, или: не будетъ ли онъ такъ добръ войти?

— Нѣтъ, онъ просто сказалъ: можетъ войти.

— Вотъ какъ!—отрывисто произнесъ Керавнъ и, приказавъ рабу отворить передъ собою дверь, важно переступилъ порогъ.

Отвѣсивъ общій поклонъ, онъ хотѣлъ уже рѣзко выразить свое неудовольствіе по поводу случившагося, но одинъ взглядъ на императора и роскошную обстановку, которую со вчерашняго дня приняла эта комната, и далеко не дружелюбное ворчаніе собаки заставили его перемѣнить тонъ.

Кесарь сѣлъ на подоконникъ и, слегка поставивъ ногу на своего дога, сталъ разсматривать Керавна какъ рѣдкую диковинку.

Было что-то внушительное во всей фигурѣ сидѣвшаго человѣка, дававшее понять управляющему, что передъ нимъ болѣе важная, чѣмъ онъ предполагалъ, особа, но это только еще болѣе раздражало его гордость.

— Не стою ли я передъ Клавдіемъ Венаторомъ, архитекторомъ изъ Рима?—напыщенно спросилъ онъ.

— Стоишь,—коротко отвѣтилъ императоръ, плутовски подмигнувъ Антиною.

— Ты встрѣтилъ радушный пріёмъ во дворцѣ, въ которомъ подобно моимъ предкамъ, сотни лѣтъ управлявшимъ имъ, и я умѣю свято соблюдать правила гостепріимства.

— Я изумленъ древностью твоего рода и преклоняюсь передъ твоимъ гостепріимствомъ,—возразилъ кесарь, поддѣлываясь подъ тонъ управителя.—Что же еще услышимъ мы отъ тебя?

— Я пришелъ сюда не для того, чтобы сказки разсказывать,—желчно возразилъ Керавнъ, подмѣтивъ насмѣшливую улыбку на губахъ мнимаго архитектора,—я пришелъ сюда не сказки разсказывать, а сказать тебѣ, что ты, радушно принятый гость, не заботишься о безопасности твоихъ хозяевъ.

— Что это значитъ?—спросилъ Адріанъ, поднимаясь съ мѣста и дѣлая знакъ Антиною придержать Аргуса, который особенно сильно началъ выражать свою непріязнь къ управителю. Казалось, онъ понялъ, что не съ добромъ пришелъ этотъ человѣкъ къ его хозяину.

— Твоя эта страшная собака?—спросилъ Керавнъ.

— Моя.

— Сегодня она повалила мою дочь и разбила дорогой кувшинъ, съ которымъ она ходила за водой.

— Я слышалъ уже объ этомъ несчастіи и дорого бы далъ, чтобы предупредить его. За разбитый кувшинъ ты будешь хорошо вознагражденъ.

— Не увеличивай вины своей еще оскорбленіями отца, дочь котораго изранена....

— Такъ Аргусъ все-таки укусилъ ее?—испуганно спросилъ Антиной.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ Керавнъ,—но при паденіи она расшибла себѣ голову и ногу и теперь жестоко страдаетъ.

— Я довольно понимаю во врачебномъ искусствѣ,—сказалъ Адріанъ,—и охотно постараюсь помочь бѣдной дѣвушкѣ.

— Для этого у меня есть наемный врачъ,—гордо возразилъ Керавнъ.—Я пришелъ сюда просить не помощи, а требовать...

— Чего?

— Во-первыхъ, чтобы передо мной извинились.

— Архитекторъ Клавдій Венаторъ всегда готовъ извиниться, если по его винѣ пострадали другіе. Передай пострадавшей дѣвушкѣ, что случившееся сильно огорчаетъ меня. Чего же еще желаешь ты?

— Я просилъ бы тебя запереть или посадить на цѣпь твою собаку,—уже не такъ раздражительно отвѣтилъ Керавнъ.

— Нѣтъ, это уже слишкомъ!—вскричалъ кесарь, какъ извѣстно, страстно любившій собакъ и даже ставившій по смерти ихъ памятники.

— Напротивъ, это самое ничтожное требованіе, на которомъ я однако настаиваю,—рѣшительно отвѣчалъ Керавнъ.—Я и мои дѣти въ постоянной опасности, пока этотъ дикій звѣрь на волѣ.

— Глупости! За собакой будутъ присматривать—и довольно.

— Ты посадишь его на цѣпь!—сверкнувъ глазами, проговорилъ Керавнъ, или найдется другой, который съумѣетъ навсегда сдѣлать его безвреднымъ.

— Плохо бы пришлось подлому убійцѣ!—воскликнулъ Адріанъ.—Какъ ты думаешь, Аргусъ?

При этихъ словахъ собака поднялась и вцѣпилась бы въ горло управляющаго, еслибы кесарь и Антиной силой не удержали ея на мѣстѣ.

— А, такъ и меня уже въ этомъ домѣ травятъ собакой!—злобно проговорилъ Керавнъ.—Есть же однако всему границы, а также и моему терпѣнію съ гостемъ, который, несмотря на свои годы, ничто не принимаетъ во вниманіе. Я буду жаловаться пре-

фекту Тиціану. Самъ кесарь узнаетъ все это, лишь только прибудетъ сюда...

— Что это?—усмѣхнувшись спросилъ Адріанъ.

— Какъ ты позволяешь себѣ обращаться со мной...

— Хорошо, а пока Аргусь останется на своемъ мѣстѣ, хотя и подъ строгимъ присмотромъ. Къ тому же не худо бы тебѣ знать напередъ, что Адріанъ не менѣе меня расположенъ къ собакамъ, а ко мнѣ еще болѣе, чѣмъ къ нимъ.

— Посмотримъ,—проворчалъ Керавнъ,—кто перевѣситъ: я или собака?

— Боюсь, что собака.

— Такъ это будетъ еще новое насиліе со стороны Рима!—воскликнулъ, сверкая глазами, Керавнъ.—Вы уже отняли у Птоломеевъ Египетъ.

— Имѣя на это полное основаніе... Къ тому же эта старая исторія.

— Право не можетъ устарѣть.

— Что намъ до права, когда давно уже нѣтъ болѣе ни одного Лагида.

— Такъ думаете вы потому, что вамъ это выгодно; но передъ тобой стоитъ тотъ, въ жилахъ котораго течетъ кровь македонскаго властителя. Мой старшій сынъ носитъ имя Птоломея Геліоса, которымъ, какъ вы предполагаете, кончился родъ...

— Бѣдный, маленькій слѣпой Геліосъ,—прервалъ его старый рабъ, привыкшій какъ щитъ употреблять имя убогаго малютки.

— Такъ послѣдній потомокъ Лагида слѣпъ?—засмѣявшись, сказалъ Адріанъ.—Я передамъ кесарю, какой опасный претендентъ укрывается въ этомъ домѣ.

— Что-жь, выдавай меня, обвиняй, клевещи!—презрительно воскликнулъ управитель,—но я не позволю топтать себя въ грязь. Погоди, погоди, ты еще узнаешь меня!

— А ты моего пса, если сейчасъ же не уберешься отсюда.

Сдѣлавъ знакъ рабу слѣдовать за собой, Керавнъ, не поклонившись, повернулъ къ выходу. Остановившись на порогѣ, онъ еще разъ прокричалъ Адріану:

— Будь покоенъ, я подамъ жалобу въ совѣтъ и напишу императору, какъ здѣсь осмѣливаются поступать съ македонскимъ гражданиномъ!

Едва управляющій оставилъ комнату, императоръ выпустилъ Аргуса, который съ бѣшенымъ лаемъ кинулся на затворившуюся за его врагомъ дверь.

— Смирно!—прикрикнулъ на него кесарь.—Это какое-то чудовище, а не человѣкъ, — сказалъ онъ, обращаясь къ своему любимцу.—Смѣшонъ и противенъ въ высшей степени. Берегите моего Аргуса и не забывайте, что мы въ Египтѣ, странѣ яда, какъ выразился еще Гомеръ. Скажи Мастору, чтобъ онъ не спускалъ съ него глазъ. Да вотъ и самъ онъ наконецъ.

Глава пятнадцая.

Въ то утро, когда рабъ императора выбѣжалъ, чтобы подать помощь Селенѣ, на которую напала страшная собака его хозяина, съ нимъ случилось нѣчто произведшее на него сильное впечатлѣніе.

Ежедневно вставалъ онъ еще до восхода солнца, чтобы приготовить все необходимое къ вставанью кесаря. Для этого нужно было вывѣтрить платье и вспрыснуть его заново лёгкими духами, вычистить окованный золотомъ узкій набедренникъ и кожаные ремни, которыми повязывалась солдатская обувь императора; всего же болѣе времени отнимало у него приготовленіе ванны.

Положеніе перваго раба цезаря обыкновенно освобождало его отъ подобнаго рода низкихъ занятій, но въ дорогѣ онъ охотно исполнялъ эту обязанность.

Не зная, гдѣ и какъ достать нужную воду, онъ обратился съ вопросомъ къ архитектору Понтію, котораго нашелъ въ новой комнатѣ, приготовляемой для императора, старающимся при помощи рабочихъ придать ей болѣе красивый и уютный видъ.

Архитекторъ указалъ ему на рабочихъ, мостившихъ каменными плитами передній дворъ, сказалъ, что они наносятъ ему воды, сколько потребуется.

Было рано, солнце еще не всходило. Множество рабовъ лежали еще въ глубокомъ снѣ на своихъ цыновкахъ, другіе сидѣли вокругъ костра въ ожиданіи похлёбки, которую помѣшивали старикъ и мальчикъ деревянными весёлками.

Не желая тревожить ни тѣхъ, ни другихъ, Масторъ направился къ группѣ рабочихъ, которые, казалось, сперва разговаривали

между собой, а теперь внимательно слушали что-то разсказывавшаго имъ старика.

Не до сказокъ было бѣдному малому. Жизнь его была испорчена и служба не занимала его какъ прежде.

Ему казалось, что сама судьба освобождала его отъ всѣхъ обязанностей, а несчастіе разрывало узы, привязывавшіе его къ службѣ кесарю и дѣлало его одинокимъ, оторваннымъ отъ всѣхъ.

Бѣдному рабу приходило даже на умъ собрать все золото, въ разное время подаренное ему императоромъ, бѣжать и прокутить все это въ какой-нибудь корчмѣ большаго города.

Что случится послѣ, не все ли ему равно.

Можетъ-быть его снова поймаютъ и засѣкутъ до смерти; но онъ уже и безъ того перенесъ много пинковъ и побоевъ до поступленія на службу къ кесарю. Разъ даже, по дорогѣ въ Римъ, его травили собаками. Лишатъ его жизни?—Такъ что жь? Лишь бы покончить съ настоящимъ, а въ будущемъ развѣ не ожидало его что-нибудь кромѣ непосильнаго труда, горя и насмѣшекъ?

Приблизившись къ группѣ рабочихъ, которые съ жадностью прислушивались къ каждому слову разскащика, Масторъ рѣшился не прерывать ихъ пріятнаго занятія и дать старику кончить.

Свѣтъ отъ разведеннаго подъ котломъ костра падалъ на лицо говорившаго.

Это былъ старый рабочій, но свободный, какъ доказывали его длинные сѣдые волосы. «Іудей или финикіецъ»—заключилъ Масторъ по его большой бѣлой бородѣ. Въ наружности бѣдноодѣтаго старика не было ничего особеннаго и только глаза его, неподвижно устремленные къ небу, свѣтились какимъ-то своеобразнымъ блескомъ.

— Теперь за работу, братья!—промолвилъ разскащикъ, опуская поднятыя до тѣхъ поръ руки,—какъ сказано: «Въ потѣ лица твоего будешь добывать хлѣбъ свой». Намъ, старикамъ, подчасъ и трудно поднимать тяжелые камни и долго сгибать упрямую спину, но за то мы и ближе васъ къ желанному лучшему времени. Жизнь всѣмъ намъ не легка; но насъ-то, труждающихся, обремененныхъ трудомъ и горемъ и призываетъ къ себѣ Господь предпочтительно передъ другими. Рабы же, конечно, не будутъ послѣдними въ числѣ избранныхъ.

— «Пріидите ко мнѣ всѣ труждающіеся и обремененные и я успокою васъ», — прервалъ его молодой рабочій словами Христа.

— Такъ сказалъ Спаситель, имѣя конечно и насъ въ виду,—подтвердилъ старикъ.—Намъ не легко, но каково было то бремя, которое взялъ на себя Онъ, чтобъ избавить насъ отъ предстоявшихъ намъ вѣчныхъ мученій. Трудиться долженъ каждый, даже и кесарь; но Онъ добровольно предалъ себя позору, осмѣянію, дозволилъ плевать себѣ въ лицо и надѣть терновый вѣнецъ на свою усталую голову; Самъ несъ крестъ, подъ тяжестью котораго изнемогалъ, и принялъ мучительнѣйшую смерть. Но не даромъ страдалъ Онъ,—Богъ принялъ жертву Сына и исполнилъ волю его, сказавъ: «Всѣ вѣрующіе въ Него не умрутъ, но жить будутъ во вѣкъ». Пусть же начнется новый тяжелый день, пусть послѣдуютъ за нимъ еще болѣе тяжелые дни, пусть смерть пресѣчетъ нашу жизнь; мы вѣримъ въ нашего Освободителя и помнимъ данное Имъ обѣщаніе: за краткое время страданій даровать намъ, въ царствѣ своемъ, вѣчную радость. Примитесь каждый теперь за свою работу. За тебя, Кнакій, будетъ работать неутомимый Кретъ, пока не заживутъ твои пальцы. При раздачѣ хлѣба не забывайте дѣтей покойнаго Филемона. А тебѣ, мой бѣдный Гибъ, тяжела покажется сегодня работа. Братья! вчера продали двухъ дочерей его въ Смирну. Не унывай, крѣпись, Гибъ, и вѣрь, что если не здѣсь въ Египтѣ или какой-нибудь другой странѣ, то въ царствѣ Отца нашего вы снова будете вмѣстѣ. Земная жизнь—только путь къ небу, а путеводитель—Христосъ. Трудъ и нужду, горе и страданія легко переносить тому, кто вѣритъ, что когда настанетъ пора отдохновенія, Царь царствующихъ широко раскроетъ передъ нимъ двери своей обители и, какъ дорогаго гостя, призоветъ его туда, гдѣ уже нашли пріютъ всѣ дорогіе его сердцу.

— «Пріидите ко мнѣ всѣ труждающіеся и обремененные и я успокою васъ», — снова громко повторилъ чей-то голосъ изъ окружавшей старика толпы.

Поднявшись съ мѣста и сдѣлавъ знакъ мальчику, чтобъ онъ раздѣлилъ между рабочими хлѣбъ, старикъ взялся за кувшинъ, чтобы наполнить изъ него виномъ большую деревянную чашу.

Масторъ не проронилъ ни одного слова изъ всего сказаннаго и нѣсколько разъ повторенныя слова: «Пріидите ко мнѣ всѣ труждающіеся и обремененные»—звучали въ его ушахъ, какъ призывъ радушнаго хозяина, сулившій ему дни свободы и счастья.

Почтительно подошелъ онъ къ старику, чтобы спросить его, не надсмотрщикъ ли онъ надъ окружавшими его рабочими.

— Да, я надсмотрщикъ,—отвѣчалъ тотъ и, услыхавъ, что нужно было Мастору, тотчасъ же отрядилъ двухъ еще молодыхъ рабовъ, которые живо наносили достаточно воды.

Встрѣтясь съ рабомъ кесаря и сопровождавшими его водоносами, Понтій сказалъ такъ громко, что Масторъ могъ его слышать, обращаясь къ шедшему возлѣ него Поллуксу.

— Рабъ архитектора заставляетъ сегодня христіанъ прислуживать своему господину. Это все хорошіе, усердные работники, которые молча дѣлаютъ свое дѣло.

Подавая кесарю чистыя полотенца, вытирая и одѣвая его, Масторъ менѣе, чѣмъ когда-либо, думалъ о своемъ дѣлѣ,—слова стараго надсмотрщика не выходили изъ его головы.

Всего онъ конечно не понялъ, но уразумѣлъ уже, что есть любящій Богъ, самъ вытерпѣвшій жесточайшія муки, особенно расположенный къ бѣднымъ, несчастнымъ и рабамъ, обѣщавшій успокоить, утѣшить и снова свести ихъ со всѣми тѣми, которые когда-либо были имъ дороги. «Пріидите ко мнѣ»,—такъ тепло звучало у него на душѣ. Ему вспомнилась мать, которая ребенкомъ призывала его къ себѣ и, широко раскрывая объятья, прижимала его къ своему сердцу. Точно также призывалъ онъ къ себѣ своего маленькаго умершаго сына и мысль, что и для него, одинокаго, оставленнаго всѣми человѣка, есть кто-нибудь, кто любовно призоветъ его къ себѣ, освободитъ отъ страданій и снова соединитъ съ отцомъ, матерью и всѣми милыми, оставленными въ далекой родинѣ, уменьшала на половину горечь его страданій.

Онъ привыкъ прислушиваться ко всему, что говорилось около кесаря, и съ каждымъ годомъ все лучше выучивался понимать слышанное. Часто рѣчь заходила о христіанахъ, къ которымъ обыкновенно относились съ презрѣніемъ, называя ихъ безсмысленными и опасными глупцами.

Впрочемъ болѣе разсудительные люди, въ томъ числѣ и Адріанъ, иногда брали ихъ сторону.

Въ первый разъ услышалъ Масторъ изъ собственныхъ устъ этихъ христіанъ, чему они вѣровали и на что надѣялись. Прислуживая своему господину, онъ не могъ дождаться той минуты, когда можно будетъ снова разыскать стараго мостильщика и распросить о той надеждѣ, которую пробудили въ немъ его слова.

Лишь только кесарь и Антиной перешли въ другую комнату, Масторъ поспѣшилъ во дворъ къ христіанамъ; но на попытку

его завязать съ надсмотрщикомъ разговоръ о вѣрѣ старикъ отвѣтилъ, что всему свое время, что теперь онъ не долженъ прерывать работы, а вечеромъ послѣ захода солнца онъ разскажетъ ему многое о томъ, кто обѣщалъ успокоить страждущихъ.

Масторъ не думалъ уже болѣе о побѣгѣ.

Голубые глаза его, когда онъ снова явился къ кесарю, свѣтились такою радостью, что Адріанъ вмѣсто того, чтобы бранить его, какъ уже собирался, смѣясь, указалъ на него Антиною.

— А плутъ, кажется, утѣшился и нашелъ себѣ новую женку,—сказалъ онъ.—Послѣдуемъ же и мы Горацію и по возможности насладимся сегоднешнимъ днемъ. Не заботиться о будущемъ можетъ только поэтъ, а я, къ несчастію, кесарь.

— Римъ благодаритъ за это боговъ,—возразилъ Антиной.

— Какія хорошія слова приходятъ иногда въ голову этому юношѣ,—смѣясь, сказалъ Адріанъ, проводя рукой по темнымъ кудрямъ любимца.—До полудня я поработаю съ Флегонтомъ и Тиціаномъ, котораго поджидаю, а тамъ мы можетъ-быть и посмѣемся. Спрошу этого длиннаго скульптора, который работаетъ за ширмами, въ какомъ часу будетъ сидѣть у него Бальбилла для снимки своего бюста. Надо будетъ и днемъ посмотрѣть работы архитектора и александрійскихъ художниковъ,—они заслужили этого своимъ усердіемъ.

Адріанъ перешелъ въ другую комнату, гдѣ тайный секретарь уже ожидалъ его съ письмами и бумагами изъ Рима и провинцій, которыя кесарь долженъ былъ прочесть и подписать.

Оставшись одинъ, Антиной около часу смотрѣлъ на корабли, входившіе и выходившіе изъ гавани, прислушиваясь къ пѣнію матросовъ и игрѣ флейтистовъ, руководившей ударами веселъ на большомъ трехвесельномъ суднѣ, которое только-что оставляло императорскую гавань,—любовался чистотой голубаго неба и радовался прекрасному теплому утру, размышляя, пріятенъ, или нѣтъ, расходящійся по гавани, легкій запахъ дегтя.

Солнце поднялось выше и ослѣпительно стало свѣтить ему въ глаза. Антиной зѣвнулъ, отошелъ отъ окна и, растянувшись на ложѣ, разсѣянно сталъ глядѣть вверхъ, не обращая вниманія на то, что изображали полинявшія фигуры на потолкѣ.

Праздность давно уже была его постояннымъ занятіемъ, но тѣмъ не менѣе скука по временамъ сильно одолѣвала его и отравляла его переполненную удовольствіями жизнь. Будущее не занимало его, потому-то жажда дѣятельности, честолюбіе и

все страстное было до сихъ поръ чуждо его душѣ. Равнодушно смотрѣлъ онъ на все окружающее и только слова кесаря приковывали къ себѣ его вниманіе. Кесарь казался ему несравненно выше всѣхъ остальныхъ людей. Его боялся онъ, какъ судьбы, и чувствовалъ себя связаннымъ съ нимъ, какъ цвѣтокъ съ пріютившимъ его деревомъ. Подрубятъ стволъ—не станетъ и цвѣтка, служившаго ему украшеніемъ.

На этотъ разъ мечты его приняли совершенно новое направленіе. Въ его воображеніи носился образъ блѣдной дѣвушки, которую онъ спасъ отъ страшныхъ зубовъ Аргуса, и бѣлая холодная рука на минуту обвившаяся вокругъ его шеи.

Антиной тосковалъ по Селенѣ,—тотъ самый Антиной, которому избранныя красавицы Рима и другихъ городовъ, гдѣ онъ бывалъ съ Адріаномъ, присылали записки и букеты и который, несмотря на это, съ тѣхъ поръ какъ покинулъ родину, ни къ одной женщинѣ не чувствовалъ и половину той симпатіи, которую чувствовалъ къ верховой лошади, подаренной ему Адріаномъ, или къ большой молосской собакѣ кесаря.

«Селена», дрожа шептали его губы, между тѣмъ какъ чуждое ему до сихъ поръ безпокойство все болѣе и болѣе овладѣвало имъ и тотъ самый Антиной, который могъ часами, не двигаясь, лежать на одномъ мѣстѣ, теперь вскочилъ съ своего ложа и, тяжело дыша, сталъ ходить большими шагами по комнатѣ. Тоска по Селенѣ созрѣла наконецъ въ твердую рѣшимость во что бы то ни стало увидѣть ее до прихода кесаря.

Проникнуть въ жилище ея раздраженнаго отца казалось ему почти невозможнымъ, а между тѣмъ онъ былъ вполнѣ увѣренъ, что она дома,—больная нога, конечно, еще мѣшала ей выходить.

Не сходить ли ему къ управляющему снова за хлѣбомъ и солью?—Но онъ не смѣлъ послѣ всего случившагося обращаться къ нему съ просьбой отъ имени Адріана.

Не отнести ли ей новый кувшинъ на мѣсто разбитаго?—Но этимъ бы онъ еще болѣе разсердилъ ея гордаго отца.

Идти ему, или нейдти?—Нѣтъ, это все окончательно невозможно, а вотъ что будетъ лучше всего.

Въ шкатулкѣ съ мазями было нѣсколько эссенцій, подаренныхъ ему Адріаномъ; одну изъ нихъ онъ предложитъ Селенѣ, разбавивъ водой, приложить къ больной ногѣ.

Этого поступка не осудитъ и самъ кесарь, иногда занимавшійся лѣченіемъ.

Позвавъ Мастора, онъ велѣлъ ему стеречь собаку, которая до тѣхъ поръ слѣдовала за нимъ по комнатѣ, а самъ, войдя въ свою спальню, вынулъ изъ шкатулки дорогой флаконъ, подаренный ему кесаремъ въ послѣдній день рожденья и принадлежавшій прежде Плотинѣ, супругѣ Траяна, и съ нимъ направился къ жилищу управляющаго.

На тѣхъ самымъ ступеняхъ, на которыхъ онъ нашелъ Селену, сидѣлъ теперь черный рабъ Керавна съ его дѣтьми.

Въ отвѣтъ на просьбу Антиноя проводить его, старый негръ, поднявшись, пошелъ впередъ и, растворивъ дверь передней, проговорилъ, указывая на слѣдующую комнату: «Вонъ тамъ; но Керавна нѣтъ дома»,—и затѣмъ, не заботясь болѣе объ Антиноѣ, снова вернулся къ дѣтямъ.

Услыхавъ, кромѣ голоса Селены, голосъ другой дѣвушки и мужчины, юноша нерѣшительно остановился у порога.

Онъ все еще колебался, когда громкій окрикъ Арсинои: «кто тамъ?»—заставилъ его наконецъ войти.

Селена стояла одѣтая вся въ бѣлое, съ покрываломъ на головѣ, какъ будто готовясь выходить. Меньшая сестра ея, сидя на краю стола, установленнаго старинными вещами, выкладывала ихъ теперь передъ финикійскимъ купцомъ, за которымъ наканунѣ заходилъ Керавнъ, и краснорѣчиво перечисляла достоинство каждой.

Къ несчастію, Гирамъ оцѣнивалъ ихъ не дороже, позорно выпровоженнаго вчера, Габинія.

Селена, заранѣе увѣренная въ неудачѣ, нетерпѣливо ждала, чтобъ они хотя на чемъ-нибудь порѣшили,—подходило уже время, когда ей съ Арсиноей нужно было отправляться на папирусную фабрику.

На отказъ сестры сопровождать ее и просьбу рабыни хотя сегодня поберечь свою больную ногу она отвѣтила рѣшительнымъ: «Пойду!»

Появленіе юноши нѣсколько обезпокоило дѣвушекъ. Селена тотчасъ же узнала его, Арсиноя же нашла его красивымъ, но неловкимъ.

Отвѣтивъ на почтительный поклонъ купца, смотрѣвшаго на него взглядомъ полнымъ удивленья, онъ поклонился обѣимъ сестрамъ и, обращаясь къ Селенѣ, проговорилъ:

— Мы слышали, что при паденіи ты сильно ушибла себѣ голову и ногу, и такъ какъ это случилось по нашей винѣ, то

не позволишь ли ты намъ предложить тебѣ вотъ этотъ флаконъ, въ которомъ хорошее средство отъ ушибовъ.

— Благодарю тебя,—возразила дѣвушка,—но мнѣ настолько лучше, что я, какъ видишь, собираюсь уже выйти.

— Пережди еще сегодня,—упрашивалъ Антиной.

— Нѣтъ, мнѣ непремѣнно нужно идти,—серьезно отвѣтила Селена.

— Такъ возьми по крайней мѣрѣ этотъ флаконъ и сдѣлай изъ него примочку, когда вернешься домой. Десять капель вотъ на такую кружку воды.

— Попробую, вернувшись.

— Ты больше не сердишься на насъ?

— Нѣтъ.

— Какъ я радъ,—сказалъ онъ, нѣжно посмотрѣвъ на нее своими большими задумчивыми глазами.

Взглядъ этотъ ей не понравился.

— А кому мнѣ послѣ отдать флакончикъ?—холодно спросила она юношу.

— Оставь его у себя, — просилъ Антиной, — онъ довольно красивъ и для меня въ твоихъ рукахъ будетъ вдвое дороже.

— Да, онъ красивъ, но я не принимаю подарковъ.

— Ну, такъ разбей его, когда онъ не будетъ болѣе тебѣ нуженъ. Ты все еще не простила намъ своего испуга? Мнѣ такъ жаль...

— Я и не думаю на тебя сердиться... Арсиноя, перелей во что-нибудь это лѣкарство.

— Если сестра не хочетъ, такъ подари его мнѣ, — непринужденно сказала Арсиноя, любуясь красивымъ флакономъ. — Право, Селена, стоитъ ли подымать шумъ изъ-за такой бездѣлицы!

— Возьми,—отвѣчалъ Антиной, опуская въ землю глаза. Ему въ эту минуту вспомнилось, какъ дорожилъ этой бездѣлушкой кесарь. Что если Адріанъ вздумаетъ когда-нибудь спросить о немъ?

Селена только пожала плечами и, опустивъ на лицо покрывало, нетерпѣливо сказала, обращаясь къ сестрѣ:

— Давно уже пора идти.

— Я сегодня не пойду,—упрямо заявила Арсиноя, — да и тебѣ глупо идти съ такой распухшей ногой.

— И въ самомъ дѣлѣ, тебѣ бы лучше поберечь себя,—вѣжливо замѣтилъ купецъ.

— Мы будемъ еще болѣе упрекать себя, если тебѣ сдѣлается хуже,—озабоченно прибавилъ Антиной.

— Я должна пойдти и пойду, — рѣшительно возразила Селена.—Пойдемъ же, сестра...

Сегодня она и Арсиноя должны были получить на фабрикѣ свою еженедѣльную плату, а завтра и въ слѣдующіе за тѣмъ четыре дня мастерскія и кассы будутъ закрыты по случаю того, что кесарь выразилъ желаніе посѣтить богатаго фабриканта и въ виду этого предполагалось сдѣлать нѣкоторыя поправки въ старой постройкѣ, а кое-гдѣ прибавить и новыя украшенія.

Не быть сегодня въ мастерской значило лишиться не только недѣльной платы, но еще и тѣхъ денегъ, которыя были обѣщаны рабочимъ за двѣнадцать слѣдующихъ свободныхъ дней въ знакъ радости посѣщенію кесаря. Вотъ почему такъ упорно отстаивала она свое намѣреніе.

— Пойдешь ты, или нѣтъ?—снова строго спросила Селена.

— Нѣтъ!—упрямо отвѣтила Арсиноя.

— Такъ мнѣ одной идти?

— Нѣтъ, и ты оставайся.

Селена ближе подошла къ сестрѣ и устремила на нее вопросительный, полный упрека, взглядъ.

— Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ! — капризно воскликнула Арсиноя, ударяя по столу ладонями.

Подозвавъ рабыню, Селена велѣла ей никуда не уходить до прихода отца, ласково простилась съ купцомъ и, холодно поклонившись Антиною, вышла изъ комнаты.

Юноша послѣдовалъ за ней и снова нашелъ ее у дѣтей, которымъ она оправляла платьица, наказывая имъ держаться дальше отъ корридора.

Антиной погладилъ красивую, кудрявую головку слѣпаго Геліоса и, замѣтивъ, что Селена собирается уже спускаться съ лѣстницы, спросилъ:

— Могу я помочь тебѣ?

— Да,—коротко отвѣтила она, почувствовавъ на первой же ступени острую боль въ ногѣ и протягивая юношѣ локоть.

Никогда еще сердце Антиноя не билось такъ сильно, какъ въ продолженіе тѣхъ немногихъ минутъ, когда ему дозволено было поддерживать руку Селены.

Голова его кружилась, онъ былъ какъ въ чаду, тѣмъ не менѣе понималъ, какія страданія причиняетъ ей каждый шагъ.

— Вернись, побереги себя!—попробовалъ онъ еще разъ уговорить ее.

— Какъ мнѣ надоѣло слышать все одно и то же!—нетерпѣливо отвѣтила она. — Я непремѣнно должна идти и мнѣ здѣсь недалеко.

— Могу я проводить тебя?

— Конечно, нѣтъ,—громко засмѣявшись, возразила дѣвушка.— Проведи меня только черезъ корридоръ, чтобы снова не напала ваша собака, а затѣмъ иди куда угодно, только не со мной.

Онъ молча повиновался и, доведя ее до того мѣста, гдѣ корридоръ примыкалъ къ большой залѣ, простился съ ней.

Она поблагодарила его нѣсколькими ласковыми словами.

На улицу можно было выйдти двумя путями: одинъ велъ террасами постоянно съ лѣстницы на лѣстницу мимо площади, украшенной бюстами птоломеевскихъ царицъ, и выходилъ на передній дворъ; другой, болѣе покойный, шелъ черезъ комнаты дворца, переполненные теперь рабочими. Она избрала послѣдній и, боясь натолкнуться на какую-нибудь непріятность, проходя мимо работавшихъ здѣсь грубыхъ ремесленниковъ и рабовъ, рѣшилась попросить Поллукса проводить ее до дома своихъ родителей, но и это ей было не легко.

Она все еще сердилась на молодаго скульптора за то, что онъ показалъ бюстъ ея матери Арсиноѣ прежде, чѣмъ ей самой. И это могъ сдѣлать тотъ самый Поллуксъ, передъ которымъ она еще такъ недавно открыла свою усталую душу.

Она уже два раза служила ему моделью при работѣ, сколько разъ говорила съ нимъ и при послѣднемъ прощаньи обѣщала придти къ нему еще сегодня.

Съ какимъ нетерпѣніемъ ждала она этой новой встрѣчи съ Поллуксомъ, который съ каждымъ разомъ становился ей все дороже, и какъ живо выражалъ онъ свою радость при видѣ ея.

О многомъ они уже переговорили между собой и даже о любви. Съ какимъ жаромъ доказывалъ онъ ей, что для того, чтобы быть счастливой, ей недостаетъ только хорошаго мужа, который носилъ бы ее на рукахъ, какъ она этого заслуживаетъ, и при этомъ посмотрѣлъ на свои большіе пальцы. Она покраснѣла, подумавъ, что охотно согласилась бы вмѣстѣ съ нимъ попытать счастья, лишь бы только онъ этого захотѣлъ.

Ей казалось, что они рождены другъ для друга.

И зачѣмъ только показалъ онъ бюстъ матери прежде Арсиноѣ?... Теперь она спроситъ: для нея, или для сестры поставилъ онъ на площадкѣ этотъ бюстъ, и дастъ ему почувствовать, что недовольна имъ.

Она сообщитъ ему также, что не можетъ сегодня вечеромъ служить ему моделью, уже по той причинѣ, что у нея болѣла нога.

Боль все усиливалась, когда она переступила порогъ залы музъ и приблизилась къ ширмамъ, за которыми работалъ скульпторъ. Но на этотъ разъ онъ былъ не одинъ. За ширмами шелъ оживленный разговоръ и еще издали слышался веселый смѣхъ женщины. Поровнявшись съ ширмами, она хотѣла уже окликнуть Поллукса, но въ это время снова раздался веселый голосъ женщины, служившей ему вѣроятно моделью.

— Нѣтъ, это ужь слишкомъ!... Чего не выдумаетъ только этотъ художникъ!...

— Согласись только, — упрашивалъ Поллуксъ тѣмъ ласковымъ, веселымъ тономъ, который такъ очаровывалъ ее.—Ты хороша, Бальбила, но будешь еще лучше, если позволишь мнѣ...

Раздался снова смѣхъ за ширмами.

Веселый голосъ Поллукса, казалось, болѣзненно отозвался въ сердцѣ Селены. Лицо ея выражало глубокое страданіе, она схватилась обѣими руками за лѣвый бокъ, молча миновала ширмы, за которыми товарищъ ея дѣтства такъ весело болталъ съ своей красавицей, и, хромая, перешла дворъ и вышла на улицу.

Что же такъ мучило бѣдную?—Семейная ли нужда, тѣ ли сильныя страданія, усиливавшіяся съ каждымъ шагомъ, или болѣзненно замиравшее въ груди ея сердце, обманутое въ своихъ лучшихъ надеждахъ?...

Глава шестнадцатая.

Бывало, когда Селена выходила на улицу, не мало глазъ съ удивленіемъ и восторгомъ останавливались на ней, но сегодня свиту ея составляли только двое уличныхъ мальчишекъ, безъустали преслѣдовавшихъ ее крикомъ: «Шлепъ, шлепъ!...» Насмѣшки этихъ безжалостныхъ шалуновъ вызывались шумомъ, который производила, ударяясь ежеминутно о мостовую, слабо привязанная къ больной ногѣ дѣвушки сандалія.

Въ то время, какъ Селена, испытывая мучительную боль, приближалась къ папирусной фабрикѣ, радость и счастіе верну-

лись къ Арсиноѣ. Едва сестра ея въ сопровожденіи Антиноя покинула жилище управителя, антикварій Гирамъ попросилъ дѣвушку показать ему флакончикъ, только-что подаренный ей красивымъ юношей.

Купецъ долго вертѣлъ вещицу въ рукахъ, внимательно разглядывалъ ее со всѣхъ сторонъ, потомъ поднесъ къ окну, посмотрѣлъ насквозь, испробовалъ звукъ, провелъ по гранямъ вставленнымъ въ перстень камнемъ и, наконецъ, проговорилъ про себя: «Vasa murrhina».

Слова эти не ускользнули отъ внимательнаго слуха Арсинои. Часто слыхала она отъ отца, что самыми драгоцѣнными изъ всѣхъ сосудовъ, которыми римскіе богачи любили украшать свои пріемные покои, были именно Vasa murrhina, и потому поспѣшила заявить, что хорошо знаетъ цѣну подобнымъ вещамъ и дешево не отдастъ своего флакона. Гирамъ назначилъ цѣну, она, смѣясь, запросила въ десять разъ болѣе и между антикваріемъ и дѣвушкой завязался продолжительный то шутливый, то по временамъ серьезный споръ.

— Двѣ тысячи драхмъ и ни одной сестерціи болѣе,—рѣшительно объявилъ наконецъ финикіянинъ.

— Это, конечно, далеко не довольно, но ужь такъ и быть.

— Не будь на твоемъ мѣстѣ такая хорошенькая продавщица, я бы не далъ и половины.

— А я уступаю тебѣ только потому, что ты такой пріятный и любезный человѣкъ.

— Деньги я пришлю передъ заходомъ солнца.

Арсиноя, вся сіяя отъ неожиданнаго счастія, казалось, готова была броситься на шею и лысоголовому купцу, и своей еще болѣе некрасивой старой рабынѣ, и даже всему человѣчеству; но послѣднія слова торговца заставили ее задуматься: отецъ не замедлитъ вернуться; она знала навѣрно, что онъ не одобритъ ея поступка, разсердится и, того гляди, отошлетъ флаконъ молодому человѣку, а деньги возвратитъ антикварію. Она сама конечно никогда не рѣшилась бы выпросить у незнакомца этой бездѣлушки, еслибы хотя отчасти предвидѣла ея цѣнность; но разъ дѣло было уже сдѣлано, разъ флаконъ принадлежалъ ей, возвращеніе его прежнему хозяину ни для кого не могло быть пріятно,— этимъ она, безъ сомнѣнія, только оскорбила бы незнакомца, а себя вѣроятно лишила бы величайшаго удовольствія, о которомъ когда-либо мечтала.

Что же было теперь дѣлать?

Дѣвушка продолжала сидѣть на столѣ, поймавъ правою рукой носокъ лѣвой ноги, и въ этой смѣлой позѣ такъ пристально и серьезно смотрѣла внизъ, какъ будто въ пестрыхъ фигурахъ, испещрявшихъ каменный полъ комнаты, надѣялась найти выходъ изъ своего затруднительнаго положенія.

Торговецъ нѣсколько минутъ любовался ея смущеніемъ, придававшимъ ей особую очаровательность, и пожалѣлъ, что сынъ его, молодой живописецъ, не находился въ эту минуту на его мѣстѣ. Наконецъ онъ первый прервалъ молчаніе.

— Отецъ твой, быть-можетъ, не согласился бы съ условіями нашего торга,—сказалъ онъ,—а тебѣ между тѣмъ хотѣлось бы получить для него эти деньги?

— Ты почемъ это знаешь?

— Развѣ онъ предложилъ бы мнѣ свои сокровища, еслибы сильно не нуждался въ деньгахъ?...

— Это только такъ... Я только хочу...—замялась, непривыкшая ко лжи, Арсиноя.—Мнѣ не хотѣлось бы только сознаться ему...

— Я вѣдь видѣлъ, какимъ невиннымъ образомъ достался тебѣ этотъ флакончикъ,—перебилъ ее купецъ,—и Керавну нѣтъ никакой надобности знать даже о его существованіи. Представь себѣ, что ты его разбила и что осколки лежатъ гдѣ-нибудь тамъ, на днѣ морскомъ. Какую изъ всѣхъ этихъ вещей отецъ твой считаетъ наименѣе цѣнною?

— Вотъ этотъ старый мечъ Антонія,—отвѣчала дѣвушка, черты которой снова засвѣтились радостью.—Отецъ говоритъ, что онъ слишкомъ длиненъ и узокъ, чтобы быть настоящимъ. По-моему, это даже и не мечъ, а просто вертѣлъ.

— Для этой цѣли онъ и будетъ съ завтрашняго дня употребляться у меня на кухнѣ,—возразилъ торговецъ,—тѣмъ не менѣе я предлагаю за него двѣ тысячи драхмъ, беру его съ собою и черезъ нѣсколько часовъ пришлю деньги. Согласна ты такъ?

Арсиноя выпустила изъ руки носокъ, соскользнула со стола и вмѣсто всякаго отвѣта радостно захлопала въ ладоши.

— Скажи только отцу,—продолжалъ Гирамъ,—что я дорого плачу теперь за такого рода товаръ, разсчитывая на императора, который конечно не оставитъ безъ вниманія вещи, служившія нѣкогда Юлію Цезарю, Марку Антонію, Октавіану Августу и дру-

нимъ великимъ римлянамъ въ Египтѣ. Вели своей старухѣ вынести за мной этотъ вертѣлъ. Рабъ мой, который дожидается тамъ, въ низу, донесетъ его подъ своимъ хитономъ до дверей моей кухни. Эта предосторожность необходима, ибо въ противномъ случаѣ проходящіе мимо знатоки позавидуютъ моей драгоцѣнной покупкѣ, а недоброжелательныхъ взглядовъ всегда полезнѣе избѣгать.

Торговецъ разсмѣялся, спряталъ флакончикъ себѣ за пазуху и, отдавъ старухѣ мечъ, дружески простился съ дѣвушкой.

Оставшись одна, Арсиноя побѣжала въ свою спальню, чтобы надѣть башмаки, накинуть покрывало и поспѣшить на папирусную фабрику.

Ей хотѣлось, во-первыхъ, поскорѣй сообщить Селенѣ, какое неожиданное счастіе небо ниспослало ей или всѣмъ и, во-вторыхъ, надо было нанять у гавани носилки и доставить въ нихъ бѣдную дѣвушку обратно домой.

Отношенія между сестрами не всегда бывали одинаково хороши,—иногда случались у нихъ даже весьма бурныя несогласія; но стоило появиться чему-нибудь необыкновенному, хорошему ли или горестному въ жизни Арсинои, и она немедленно обращалась къ сестрѣ и раскрывала передъ ней свою душу.

А теперь... Вѣчные боги, какое счастіе!

Теперь она можетъ участвовать въ празднествахъ, среди дочерей знатнѣйшихъ гражданъ и одѣтая не хуже любой изъ нихъ, отцу и младшимъ останется довольно кругленькая сумма и наконецъ можно будетъ разъ навсегда покончить съ работой на фабрикѣ, которая была для нея невыносима и отвратительна.

Старый рабъ все еще сидѣлъ съ дѣтьми на лѣстницѣ.

Арсиноя, проходя, подняла каждаго изъ нихъ и, цѣлуя, каждому шепнула на ухо:

— Сегодня вечеромъ будетъ пирожное!

— Ты, милый мальчуганъ,—сказала она слѣпому Геліосу, поцѣловавъ его въ оба глаза,—ты можешь идти со мной. Я возьму потомъ для Селены носилки и ты пріѣдешь съ ней назадъ, какъ богатый маленькій вельможа.

Маленькій слѣпой въ восторгѣ бросился ей на шею, крича: «Я поѣду по воздуху, по воздуху, и не упаду!»

Арсиноя еще держала его на рукахъ, когда увидѣла отца, который съ крупными каплями пота на лбу и въ сильномъ волненіи поднимался по лѣстницѣ, ведущей съ площадки на галле-

рею. Утерши лицо и вдохнувъ въ себя достаточную струю воздуха, онъ наконецъ проговорилъ:

— Я встрѣтилъ сейчасъ у воротъ антикварія Гирама съ мечомъ Антонія. И ты отдала его за двѣ тысячи драхмъ?... Ахъ ты глупая, глупая!

— Но вѣдь ты бы самъ, отецъ, вымѣнялъ этотъ вертѣлъ на пирогъ съ дичью и глотокъ вина,—засмѣялась Арсиноя.

— Я?—воскликнулъ Керавнъ.—Да я всегда съумѣлъ бы продать его въ три раза дороже,—вѣдь кесарь охотно купилъ бы у меня эту рѣдкость на вѣсъ золота. Но что продано, то продано. Я не хочу ставить тебя въ неловкое положеніе передъ торговцемъ и даже не стану больше бранить тебя. Но, однако... все-же... одна мысль, что я уже не владѣю болѣе мечомъ Антонія, одна эта мысль способна лишить меня сна на нѣсколько ночей.

— Когда мы приготовимъ тебѣ сегодня вечеромъ хорошій кусокъ мяса, сонъ не заставитъ себя долго ждать,—возразила Арсиноя.

Потомъ, взявъ изъ рукъ управителя платокъ, она, ласкаясь къ нему, вытерла ему виски и весело продолжала:

— Мы теперь богатые люди, отецъ, и не ударимъ въ грязь передъ другими александрійскими гражданками.

— Теперь вы обѣ примете участіе въ празднествахъ,—рѣшительнымъ голосомъ сказалъ управитель.—Пусть кесарь видитъ, что я не отказываюсь ни отъ какихъ жертвъ, чтобъ оказать ему подобающую честь, и когда онъ замѣтитъ васъ и когда я подамъ ему свою жалобу на дерзкаго архитектора...

— Нѣтъ, ужь это ты теперь оставь,—просила Арсиноя,—только бы нога бѣдной Селены выздоровѣла къ этому времени.

— А гдѣ же Селена?

— Она вышла.

— Значитъ, ушибъ еще не такъ силенъ? Надѣюсь, по крайней мѣрѣ, она скоро вернется?

— Вѣроятно; я только-что хотѣла пойти за ней и принести ее въ носилкахъ.

— Въ носилкахъ?—удивленно спросилъ Керавнъ.—Двѣ тысячи драхмъ, я вижу, окончательно вскружили тебѣ голову.

— Я хотѣла сдѣлать это ради ея ноги,—ей было очень больно, когда она уходила.

— Зачѣмъ же она не осталась дома?... Вѣроятно, цѣлый часъ торгуется теперь изъ-за какой-нибудь полсестерціи, а между тѣмъ вамъ обѣимъ нельзя терять ни минуты.

— Я сейчасъ сбѣгаю за ней.

— Нѣтъ, нѣтъ! Хоть ты по крайней мѣрѣ должна остаться: черезъ два часа женщины и дѣвушки уже соберутся въ театрѣ.

— Черезъ два часа? Но, великій Сераписъ, что же мы надѣнемъ?

— Объ этомъ ужь твое дѣло позаботиться,—возразилъ Керавнъ,—а я воспользуюсь носилками, о которыхъ ты говорила, и отправлюсь къ корабельному мастеру Трифону. Посмотри-ка, есть ли тамъ сколько-нибудь денегъ въ шкатулкѣ Селены?

Арсиноя тотчасъ же пошла въ спальню и вернулась оттуда съ горстью монетъ.

— Тутъ только шесть дидрахмъ, все, что тамъ было,—сказала она.

— Четырехъ мнѣ будетъ достаточно,—заявилъ Керавнъ, но потомъ, немного подумавъ, прибралъ къ себѣ всѣ шесть.

— Зачѣмъ тебѣ нужно къ корабельному мастеру?—спросила Арсиноя.

— Въ совѣтѣ опять напали на меня изъ-за васъ,—отвѣчалъ управитель.—Сначала было я заявилъ, что одна изъ моихъ дочерей больна, а другая должна за нею ходить; этимъ они не удовлетворились и потребовали, чтобъ явилась хотя одна, здоровая. Тогда я сослался на то, что у васъ нѣтъ матери, что мы живемъ въ совершенномъ уединеніи и что мнѣ не хотѣлось бы отпускать тебя въ собраніе одну, безъ провожатой. На это корабельный мастеръ Трифонъ возразилъ, что жена его почтетъ за счастіе вести тебя вмѣстѣ съ своею дочерью. Нечего было дѣлать, я почти согласился, замѣтивъ впрочемъ, что ты не захочешь идти, если сестрѣ твоей не будетъ лучше. Положительно я ничего не могъ обѣщать, ты сама знаешь почему.

— О, храбрый Антоній съ своимъ чудеснымъ вертѣломъ!— воскликнула Арсиноя. — Теперь все въ порядкѣ и ты можешь увѣренно сказать корабельному мастеру, что мы придемъ. Наши бѣлыя одежды еще совсѣмъ хороши; купи только на дорогѣ у финикіянина Авиваала нѣсколько локтей свѣтло-голубыхъ лентъ для моихъ волосъ и красныхъ для волосъ Селены.

— Хорошо.

— А я ужь похлопочу объ обоихъ платьяхъ. Впрочемъ, вотъ что: когда мы должны быть готовы?

— Черезъ два часа.

— Знаешь ли что, отецъ?

— Ну, что еще?

— Наша старуха совсѣмъ слѣпа и все дѣлаетъ шиворотъ-навыворотъ. Позволь мнѣ пригласить къ себѣ на помощь Дориду, жену привратника. Она такая ловкая и ласковая и никто не можетъ выгладить такъ, какъ она.

— Молчи!—перебилъ въ негодованіи управитель свою дочь.— Никогда эти люди не переступятъ болѣе порога моего дома.

— Но моя прическа... посмотри, на что она похожа!—воскликнула Арсиноя взволнованнымъ голосомъ, запуская пальцы въ свои густые волосы и стараясь растрепать ихъ.—Все это нужно привести въ порядокъ и сызнова перевить лентой, оба наши платья необходимо выгладить и пришить къ нимъ застежки... Да этого всего даже служанка самой императрицы не передѣлаетъ въ два часа.

— Дорида никогда не переступитъ этого порога,—вмѣсто всякаго отвѣта повторилъ Керавнъ.

— Въ такомъ случаѣ вели прислать мнѣ помощницу отъ портнаго Гиппія... Только это опять будетъ стоить денегъ.

— Деньги у насъ есть, значитъ можемъ заплатить,—гордо возразилъ Керавнъ, оставляя комнату.

Дорогой, разыскивая носилки, онъ не переставая повторялъ про себя, чтобы не забыть возложенныя на него порученія:

— Портной Гиппій, голубая лента, красная лента, корабельный мастеръ Трифонъ.

Ловкая помощница портнаго помогла Арсиноѣ привести въ порядокъ ее и Селенино платье и потомъ принялась устраивать ея головной уборъ. Не переставая хвалить прекраснаго блеска и шелковистой мягкости волосъ дѣвушки, она сдѣлала ей высокую, изящную прическу, перевила густыя пряди лентами и такъ ловко и граціозно уложила ихъ подъ гребешкомъ на затылкѣ, что они густыми длинными локонами спустились ей оттуда на спину.

Когда Керавнъ вернулся, то долго съ извинительной гордостью смотрѣлъ на свое прелестное дитя. Онъ былъ положительно счастливъ и даже тихо посмѣивался, раскладывая рядами и пересчитывая золотыя монеты, только-что переданныя ему слугой антикварія.

— Вѣдь не обсчиталъ же меня Гирамъ?—спросила Арсиноя, приближаясь къ нему во время этого важнаго занятія.

Керавнъ довольно сурово попросилъ ее не мѣшать.

— Ты подумай только,—прибавилъ онъ потомъ,—оружіе великаго Антонія, можетъ-быть то самое, которымъ онъ пронзилъ себѣ грудь.—Гдѣ же однако пропадаетъ Селена?

Прошелъ часъ, полтора, наконецъ почти два часа, старшая дочь его все еще не возвращалась и управитель наконецъ объявилъ, что они должны ѣхать, потому что неловко заставлять ждать жену корабельнаго мастера.

Арсиноѣ было искренне жаль отправляться одной безъ сестры. Она выгладила и устроила платье Селены такъ же хорошо, какъ и свое, и тщательно разложила его на низенькомъ ложѣ подлѣ мозаичной картины. И такъ много хлопотъ стоило ей все это. Но ей казалось немыслимымъ наслаждаться чѣмъ-либо безъ участія отсутствующей. Впрочемъ увѣренія отца, что если Селена придетъ и позже, дѣвушки все-таки съ удовольствіемъ примутъ ее въ свою среду, нѣсколько успокоили исполненную радостнымъ ожиданіемъ дѣвушку.

Наконецъ въ полномъ нарядѣ она вспрыснула себя тѣми духами, которыя обыкновенно употреблялъ Керавнъ, отправляясь въ совѣтъ, и убѣдила отца велѣть рабынѣ купить дѣтямъ въ ихъ отсутствіе обѣщанное пирожное.

Малютки обступили ее со всѣхъ сторонъ и, выражая свой восторгъ различными восклицаніями, смотрѣли на нее какъ на какое-то чудесное явленіе, къ которому нельзя ни приблизиться, ни прикоснуться.

Пышная прическа ея помѣшала ей нагнуться, чтобы поцѣловать каждаго изъ нихъ, какъ она дѣлала обыкновенно.

Только маленькаго Геліоса погладила она по русой головкѣ и сказала:

— Завтра ты поѣдешь по воздуху, а послѣ Селена разскажетъ тебѣ, можетъ-быть, хорошенькую сказку.

Много сильнѣе обыкновеннаго билось сердце Арсинои, когда она садилась въ носилки, ожидавшія ее передъ домикомъ привратника.

Дорида издали любовалась ея красотой и нарядомъ, и какъ только Керавнъ вышелъ за ворота, чтобы кликнуть другія носилки для себя, старушка быстро срѣзала двѣ лучшія розы на своемъ окнѣ, выбѣжала изъ домика и сунула ихъ въ руку дѣ-

вушки, приложивъ при этомъ указательный палецъ къ плутовски улыбающимся губамъ.

Какъ во снѣ подъѣзжала Арсиноя къ дому корабельнаго мастера, а потомъ къ театру, и въ первый разъ во время этого переѣзда она узнала, что радость и боязнь могутъ, не стѣсняя другъ друга, въ одно и то же время наполнять дѣвичье сердце. Страхъ и ожиданіе овладѣвали ею все болѣе и болѣе, такъ что она почти не видѣла и не слышала, что происходило кругомъ. Разъ только она услыхала, какъ какой-то молодой человѣкъ въ вѣнкѣ, проходившій подъ-руку съ другимъ, закричалъ ей вслѣдъ: «да здравствуетъ красота!»

Съ этой минуты она уже не переставала глядѣть внизъ, то себѣ на платье, то на розы, подаренныя ей Доридой.

Цвѣты напомнили ей о сынѣ этой доброй старушки и она задумалась о томъ, видѣлъ ли ее длинновязый Поллуксъ въ этомъ роскошномъ нарядѣ.

Ей это было бы очень пріятно да и невозможнаго ничего тутъ нѣтъ. Съ тѣхъ поръ, какъ Поллуксъ работаетъ на Лохіи, онъ, конечно, часто заходитъ къ своимъ родителямъ.

А можетъ-быть и розы-то эти сорваны имъ и онъ только не рѣшился передать ихъ ей самъ, такъ какъ тутъ былъ ея отецъ.

Глава семнадцатая.

Молодаго ваятеля не было въ домикѣ привратника, когда Арсиноя проходила мимо, чтобы садиться въ носилки. Часто думалъ онъ о ней съ тѣхъ поръ, какъ они свидѣлись передъ бюстомъ ея матери, но именно въ это утро воображеніе его всецѣло было занято другою дѣвушкой.

Около полудня на Лохію пріѣхала Бальбилла въ сопровожденіи благородной Клавдіи, бѣдной вдовы сенатора, которая уже много лѣтъ состояла при богатой сиротѣ въ качествѣ воспитательницы и компаніонки.

Въ Римѣ матрона эта завѣдывала всѣмъ богатымъ домомъ Бальбиллы и притомъ такъ искусно, что это доставляло немалое удовольствіе ей самой. Она однако не вполнѣ была довольна своей судьбой: страсть ея воспитанницы къ путешествіямъ нерѣдко заставляла ее покидать столицу, а для нея внѣ Рима не существовало мѣста, гдѣ бы стоило жить.

Отправиться на воды въ Баiи, или, чтобъ избѣгнуть январской и февральской стужи, провести нѣсколько мѣсяцевъ на Лигурiйскомъ берегу — это она еще допускала, потому что была увѣрена, что найдетъ тамъ если не Римъ, такъ по крайней мѣрѣ римлянъ; но она рѣшительно возстала противъ намѣренiя Бальбиллы побывать въ жаркой Африкѣ, которая представлялась ей не иначе, какъ какою-то раскаленною печью. Въ концѣ концовъ однако старушка принуждена была волей-неволей подчиниться этому; императрица выразила свое желанiе, чтобы Бальбилла сопровождала ее къ нильскимъ берегамъ, такъ рѣшительно, что всякое противорѣчiе съ ея стороны было бы явнымъ неповиновенiемъ. Втихомолку къ тому же ей приходилось сознаться, что и безъ вмѣшательства Сабины ея упрямая, своевольная нареченная дочка, какъ она любила называть Бальбиллу, все же поставила бы на своемъ.

Бальбилла явилась во дворецъ, чтобы служить Поллуксу моделью для бюста.

Въ ту минуту, когда Селена проходила мимо перегородки, скрывавшей отъ ея взора товарища ея дѣтства и его работу, почтенная матрона уже дремала на подушкахъ, а ваятель изо всѣхъ силъ старался доказать своей знатной натурщицѣ, что прическа ея черезчуръ высока и своей массивностью портитъ впечатлѣнiе, производимое тонкими чертами ея лица.

Онъ просилъ ее припомнить, какой простоты требовали великiе аѳинскiе художники во дни процвѣтанiя пластическаго искусства отъ причесокъ красавицъ, и предлагалъ самъ причесать ее къ лицу, если она на слѣдующее утро явится къ нему прежде, чѣмъ рабыня прикоснется щипцами къ ея роскошнымъ волосамъ, такъ какъ сегодня старанiя его пригладить причудливые кудри оказались бы безуспѣшными.

Бальбилла весело и оживленно съ нимъ спорила, отказываясь принять его услуги въ роли камеристки, и отстаивала свою прическу, ссылаясь на моду.

— Но эта мода безобразна, чудовищна! Она рѣжетъ глаза! — воскликнулъ Поллуксъ. — Римскiя щеголихи придумали ее въ праздные часы не потому, что она красива, а потому, что своей вычурностью привлекаетъ вниманiе.

— Терпѣть я не могу выдаваться своей внѣшностью, — возразила Бальбилла. — Слѣдуя за модой, какъ бы она вычурна ни была, менѣе обращаешь на себя вниманiе, нежели идя ей на-

перекоръ и одѣваясь проще, скромнѣе, вообще иначе, чѣмъ она предписываетъ.—Кто по-твоему тщеславнѣе—одѣтые по модѣ молодые люди, прогуливающіеся по Канонской улицѣ, или философы - умники съ растрепанными волосами, въ умышленно изодранныхъ плащахъ и съ суковатыми дубинами въ грязныхъ рукахъ?

— Конечно, послѣдніе,—отвѣчалъ Поллуксъ.—Но они грѣшатъ противъ законовъ прекраснаго, которые мнѣ бы хотѣлось заставить тебя уважать,—законовъ, которые такъ же вѣрно переживутъ всякія требованія моды, какъ Гомерова «Иліада» бряцаніе уличнаго пѣвца, воспѣвающаго какое-нибудь убійство, наканунѣ возволновавшее городъ... Кстати, до меня никто еще не пробовалъ дѣлать съ тебя бюста?

— Нѣтъ,—засмѣялась Бальбилла,—уже пять римскихъ художниковъ испытывали на этой головѣ свои силы.

— И что же, какой-нибудь изъ этихъ бюстовъ тебѣ понравился?

— О нѣтъ, я всѣ ихъ велѣла разбить.

— Туда имъ и дорога! — горячо воскликнулъ Поллуксъ. — Бѣдная глина! — сказалъ онъ затѣмъ, обращаясь съ комическою жалостью къ своему возникающему произведенію: — если прекрасная женщина, которую ты должна изображать, не рѣшится разстаться съ хаосомъ своихъ кудрей, тебя, безъ сомнѣнія, постигнетъ та же участь, что и твоихъ пятерыхъ предшественниковъ.

При этихъ словахъ дремавшая матрона проснулась.

— Вы говорите вѣроятно о разбитыхъ бюстахъ Бальбиллы?— спросила она.

— Да,—отвѣчала та.

— Можетъ-быть и этотъ ожидаетъ то же,—со вздохомъ сказала Клавдія. — А знаешь ли ты, чему еще онъ рискуетъ подвергнуться въ такомъ случаѣ?

— Ну?

— Моя прелестная воспитанница нѣсколько знакома съ твоимъ искусствомъ.

— Я немного научилась пачкаться у Аристея,—прервала ее Бальбилла.

— Ага, потому что императоръ ввелъ это въ моду и въ Римѣ показалось бы страннымъ не заниматься скульптурой?...

— Можетъ-быть и потому.

— И на всякомъ оконченномъ бюстѣ,—продолжала матрона,— она пробовала сама передѣлать то, что ей особенно не нравилось.

— Я только дѣлала указанія работъ,—вмѣшалась Бальбилла въ рѣчь своей спутницы.—Мои люди мало-по-малу пріобрѣли извѣстный навыкъ въ разрушеніи бюстовъ.

— Въ такомъ случаѣ моему произведенію предстоитъ по крайней мѣрѣ быстрый конецъ, — вздохнулъ Поллуксъ. — Впрочемъ, не все ли равно? Всему рождащемуся рано или поздно суждено погибнуть.

— А тебѣ было бы больно видѣть быстрое уничтоженіе своей работы?—спросила Бальбилла.

— Еслибъ я счелъ ее удачной — да, если же неудачной — нисколько.

— Сохраняя плохой бюстъ, рискуешь, что позднѣйшія поколѣнія составятъ себѣ по нему вовсе незаслуженное плохое мнѣніе о томъ или о той, кого онъ изображаетъ.

— Безспорно!... Такъ какъ же у тебя хватаетъ мужества въ шестой разъ подвергаться такой опасности?

— Въ моей власти разбить все, что мнѣ угодно, — засмѣялась избалованная дѣвушка.—Я, кстати, ужасно не люблю сидѣть неподвижно на одномъ мѣстѣ и потому рѣдко служу моделью.

— Правда, что ты не любишь смирно сидѣть, — замѣтила Клавдія, качая головой.—Но знаешь ли ты, Поллуксъ, отъ тебя она ожидаетъ чего-то удивительнаго,—прибавила она, обращаясь къ ваятелю.

— Благодарю, — отвѣчалъ тотъ. — Я приложу всѣ старанія, чтобы мое произведеніе совмѣщало въ себѣ все, что я, какъ художникъ, требую отъ мраморнаго изображенія, заслуживающаго быть сохраненнымъ.

— Какія же это твои требованія?

— Я не всегда нахожу подходящія выраженія, чтобъ ясно передать то, что я чувствую и смутно сознаю во время творчества,—отвѣчалъ Поллуксъ послѣ нѣкотораго размышленія.— Чтобы скульпторъ остался доволенъ своимъ произведеніемъ, необходимы, по-моему, два слѣдующія условія: пластическое изображеніе должно, во-первыхъ, вмѣстѣ съ внѣшнимъ сходствомъ передать потомству самый характеръ, такъ сказать, душевный строй изображаемаго человѣка и, во-вторыхъ, показать тому же

потомству, до какой степени совершенства достигло искусство въ эпоху, когда произведеніе это вышло изъ мастерской художника.

— Это, пожалуй, вѣрно; но ты забываешь о художникѣ, о самомъ себѣ.

— О своей славѣ, хочешь ты сказать?

— Ну, да.

— Я работаю для Папія и для искусства: этого для меня довольно. Слава пока обо мнѣ не заботится, да и мнѣ, правду сказать, нѣтъ до нея большаго дѣла.

— Но ты все-таки и на моемъ бюстѣ выставишь свое имя?

— Отчего же и нѣтъ?

— О, мудрый Цицеронъ!

— Цицеронъ?... Причемъ же онъ тутъ?

— Ты впрочемъ можетъ-быть и не знаешь остроумнаго замѣчанія стараго Туллія, что философы, писавшіе о суетности славы, никогда не забывали выставлять именъ своихъ на собственныхъ своихъ сочиненіяхъ.

— Я отнюдь не пренебрегаю лаврами, но только гоняться за ними не намѣренъ; мнѣ кажется, они имѣютъ для художника цѣну только тогда, когда достаются ему безъ всякаго искательства съ его стороны.

— Прекрасно. Но первое твое условіе было бы для тебя выполнимо только въ томъ случаѣ, еслибы тебѣ удалось изучить мой образъ мыслей, мои чувства,—однимъ словомъ, всю мою внутреннюю жизнь.

— Вѣдь я же вижу тебя и говорю съ тобою!—серьезнымъ тономъ возразилъ Поллуксъ.

Клавдія громко расхохоталась.

— Ты только второй разъ видишь ее на два часа,—сказала она.—Да ты разговаривай съ нею хоть столько же лѣтъ, и то все будешь открывать въ ней новыя и новыя черты. Недѣли не проходитъ, чтобъ она не удивляла Рима чѣмъ-нибудь неожиданнымъ. Эта безпокойная головка никогда не можетъ успокоиться; за то, надо правду сказать, сердце у нея дѣйствительно золотое и всегда остается неизмѣннымъ.

— И ты думаешь, что для меня это новость?—воскликнулъ Поллуксъ.—Подвижной, дѣятельный духъ моей модели ясно изображенъ для меня въ очертаніяхъ ея лба и рта; а каково ея сердце, я читаю въ ея глазахъ.

— А мой курносый носъ?

— Онъ свидѣтельствуетъ о твоихъ удивительныхъ, веселыхъ выдумкахъ, которыми ты поражаешь Римъ.

— Ну, ты можетъ-быть дѣйствительно работаешь не для молотка моихъ рабовъ,—засмѣялась Бальбилла.

— Да еслибъ я работалъ и для него,—весело возразилъ Поллуксъ,—я все-таки навсегда сохранилъ бы воспоминаніе объ этихъ пріятныхъ минутахъ, проведенныхъ съ тобой.

Вошедшій въ эту минуту архитекторъ Понтій перебилъ рѣчь ваятеля и извинился передъ Бальбиллой въ томъ, что долженъ имъ помѣшать, такъ какъ принужденъ минутъ на десять оторвать Поллукса отъ его работы.

Какъ только обѣ женщины остались однѣ, Бальбилла встала и принялась съ любопытствомъ оглядывать огороженную досчатыми стѣнками мастерскую скульптора.

— Какой славный молодой человѣкъ этотъ Поллуксъ,—сказала ея спутница.—Только держитъ себя черезчуръ свободно и слишкомъ живъ.

— Художникъ!—отозвалась Бальбилла, перебирая рисунки и инструменты ваятеля. Она сняла холщовую покрышку съ восковой модели Ураніи, попробовала звукъ лютни, висѣвшей на перегородкѣ и, оглядѣвъ все, что могла, остановилась наконецъ передъ большой, завернутой въ холстъ, глиняною массой въ одномъ изъ угловъ мастерской.

— Что бы это могло быть?—спросила она у Клавдіи.

— Вѣроятно, какая-нибудь новая, еще недоконченная модель.

— Должно-быть. Не голова ли? Во всякомъ случаѣ, что-нибудь интересное,—говорила Бальбилла, ощупывая пальцами стоявшую передъ ней массу.—Въ такихъ плотно закрытыхъ блюдахъ подаютъ часто самыя лакомыя кушанья. Давай-ка развернемъ эту закутанную фигуру.

— Кто знаетъ, что тамъ такое,—сказала Клавдія, принимаясь развязывать шнурокъ, стягивавшій холщовое покрывало.—Въ такихъ мастерскихъ часто встрѣчаются самыя изумительныя, ужасныя вещи.

— Что же тамъ можетъ быть? Конечно, человѣческая голова,—воскликнула Бальбилла.

— По чемъ знать!—повторила матрона, развязывая другой узелъ.—У этихъ художниковъ такая необузданная, непостижимая фантазія.

— Возьмись за тотъ конецъ, а я за этотъ,—просила Бальбилла, и черезъ мгновеніе глазамъ молоденькой римлянки предстала во всемъ своемъ каррикатурномъ безобразіи голова слѣпленная наканунѣ императоромъ Адріаномъ:

Поэтесса тотчасъ же узнала себя и въ первую минуту громко и весело расхохоталась; но чѣмъ долѣе вглядывалась она потомъ въ отвратительную, смѣшную фигуру, тѣмъ болѣе лицо ея принимало выраженіе раздраженія и досады. Она знала каждую черту своей физіономіи и ясно сознала, что̀ въ ней красиво и что дурно; но авторъ этого изображенія соединилъ въ немъ одни только недостатки ея лица и съ изысканною злобой безжалостно выставилъ ихъ на-показъ въ безобразно-утрированномъ видѣ. Голова эта была отвратительна и тѣмъ не менѣе похожа. Разсматривая жалкую каррикатуру со всѣхъ сторонъ, она вспомнила объясненія Поллукса, какъ свойства души ея выражаются въ различныхъ чертахъ ея лица, и глубокое негодованіе овладѣло юной, правдивою душой дѣвушки.

Благодаря своему громадному, неистощимому богатству, она могла безъ стѣсненія выполнять всѣ свои прихоти и даже своими капризами и шалостями вызывать удивленіе окружавшихъ; но это богатство не избавило ея однако отъ многихъ разочарованій, которыя остаются неизвѣстными другимъ дѣвушкамъ въ болѣе скромной обстановкѣ. Добротой и щедростью ея не разъ злоупотребляли многіе, отчасти и художники, и для нея не оставалось теперь сомнѣнія въ томъ, что человѣкъ слѣпившій эту каррикатуру и такъ зло насмѣявшійся надъ всѣмъ, что было въ ней некрасиваго, вызвался доказать свое искусство на ея бюстѣ не ради ея самой, а изъ-за той высокой платы, которую она могла предложить за удачное изваяніе, способное польстить ея самолюбію. Ей понравилась было бодрая, веселая натура молодаго художника, его открытый нравъ и честныя рѣчи. Она была убѣждена, что Поллуксъ скорѣе всякаго другаго съумѣетъ схватить и передать нѣчто неуловимое, придававшее ея, строго говоря, некрасивому лицу то особое очарованіе, котораго она не желала отрицать въ себѣ даже въ виду стоявшей передъ ней каррикатуры. И вотъ еще горькое разочарованіе. Она чувствовала себя возмущенной и оскорбленной.

— Это постыдно, подло!—кричала она въ волненіи, со слезами на глазахъ.—Подайте мнѣ плащъ, Клавдія! Ни минуты не останусь я долѣе предметомъ его грубыхъ и злыхъ насмѣшекъ.

— Да, это возмутительно!—воскликнула матрона.—Оскорбить такимъ образомъ дѣвушку съ твоимъ положеніемъ въ свѣтѣ! Надѣюсь, что носилки дожидаются насъ внизу.

Архитекторъ Понтій, вернувшійся въ мастерскую безъ Поллукса, съ которымъ все еще разговаривалъ префектъ, услыхалъ послѣднія слова Бальбиллы и одного взгляда было для него достаточно, чтобы догадаться о вызвавшей ихъ причинѣ.

— Негодованіе твое справедливо, благородная дѣвушка,— сказалъ онъ серьезнымъ и строгимъ голосомъ, приближаясь къ ней.—Это—клевета воплощенная въ глинѣ, клевета грубая и злая, но не Поллуксъ ея творецъ и не хорошо осуждать, не справившись напередъ, кто виноватъ.

— Ты, конечно, защищаешь друга,—воскликнула Бальбилла.

— Даже для роднаго брата я не сказалъ бы неправды.

— Видно и ты на себя умѣешь надѣвать маску честности и прямодушія.

— Ты раздражена и не привыкла сдерживать своего языка,— возразилъ архитекторъ.—Поллуксъ, я повторяю, не виноватъ; каррикатура эта слѣплена однимъ ваятелемъ изъ Рима.

— Какимъ же? Мы знаемъ ихъ всѣхъ.

— Назвать его я не имѣю права.

— Вотъ видишь ли!... Пойдемъ, Клавдія.

— Останься,—рѣшительно произнесъ Понтій.—Еслибы ты не была тѣмъ, что ты есть, я бы, не вмѣшиваясь, далъ тебѣ уйти въ такомъ гнѣвѣ и съ двойною виною на душѣ,—да, двойною, потому что ты несправедливо обвинила двухъ честныхъ и расположенныхъ къ тебѣ людей. Но такъ какъ ты внука Клавдія Бальбилла, то я считаю своею обязанностью сказать тебѣ: еслибъ эту каррикатуру сдѣлалъ Поллуксъ, его уже не было бы въ этомъ дворцѣ, потому что я выгналъ бы его вонъ, швырнувъ ему во слѣдъ это постыдное произведеніе. Ты смотришь на меня съ недоумѣніемъ, потому что ты не знаешь, кто говоритъ съ тобою.

— Нѣтъ, знаю,—возразиза Бальбилла уже спокойнымъ голосомъ. Она была увѣрена, что этотъ человѣкъ, своимъ серьезнымъ и строгимъ видомъ напоминавшій бронзовую статую, говоритъ правду и имѣетъ какое-либо право на такое рѣшительное обращеніе съ ней.—Я знаю, ты первый архитекторъ этого города. Намъ вчера Тиціанъ разсказывалъ про тебя чудеса, послѣ того какъ мы познакомились съ тобою; но какъ мнѣ объяснить

себѣ то особенное участіе, которое ты, кажется, принимаешь во мнѣ?

— Моя обязанность служить тебѣ и, если понадобится, даже пожертвовать за тебя жизнью.

— Твоя обязанность? — переспросила Бальбилла въ смущеніи.—Я вчера видѣла тебя въ первый разъ въ жизни.

— И все-таки ты можешь свободно располагать мной и всѣмъ, что я имѣю, потому что мой дѣдъ былъ рабомъ твоего.

— Я этого не знаю,—возразила Бальбилла, все болѣе и болѣе смущаясь.

— Развѣ въ твоемъ домѣ окончательно забыли объ учителѣ твоего благороднаго дѣда, о старомъ Евменѣ, которому Клавдій Бальбилла даровалъ свободу и который впослѣдствіи былъ также наставникомъ твоего отца?

— О, нѣтъ, конечно не забыли,—воскликнула Бальбилла.— Говорятъ, это былъ превосходный человѣкъ и притомъ великій ученый.

— Это отецъ моего отца,—сказалъ архитекторъ.

— Значитъ, ты принадлежишь къ нашей семьѣ?—вскричала Бальбилла, дружески протягивая ему руку.

— Благодарю за эти слова,—отвѣчалъ Понтій, — и теперь я еще разъ повторяю тебѣ: между Поллуксомъ и этимъ уродливымъ произведеніемъ нѣтъ ничего общаго.

— Сними съ меня плащъ, Клавдія,—приказала дѣвушка;— я остаюсь и снова согласна служить моделью молодому художнику.

— Только не сегодня,—это только повредило бы работѣ,— возразилъ архитекторъ.—Пусть чувство досады, которое выразилось въ тебѣ съ такою силой, разсѣется гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ. Пожалуйста, сдѣлай, чтобы Поллуксъ не зналъ, что ты видѣла эту каррикатуру,—это лишило бы его того спокойствія, которое необходимо для творчества. Если ты завтра воротишься сюда съ успокоеннымъ сердцемъ и своей обычной веселостью, то Поллуксъ создастъ изображеніе, которое удовлетворитъ внуку Клавдія Бальбилла.

— И, надо надѣяться, также внука мудраго учителя моего стараго дѣда? — сказала дѣвушка, ласково поклонилась архитектору и пошла вмѣстѣ съ своей спутницей къ выходнымъ дверямъ залы музъ, за которыми дожидались ее нѣсколько рабовъ.

Понтій молча проводилъ ее, потомъ вернулся въ мастерскую ваятеля и снова крѣпко обвязалъ холстомъ безобразный бюстъ. Выходя изъ-за перегородки, онъ встрѣтилъ Поллукса.

— Архитекторъ изъ Рима зоветъ тебя,—крикнулъ ему пришедшій.—Дѣйствительно замѣчательный человѣкъ.

— За Бальбиллой только-что прислали и она велѣла тебѣ кланяться, — сказалъ Понтій. — Убери куда-нибудь эту чучелу тамъ, пока она не увидала,—эта насмѣшка такъ груба и отвратительна.

Черезъ нѣсколько минутъ онъ уже стоялъ передъ императоромъ, который выразилъ ему свое желаніе нѣсколько подслушать разговоръ Бальбиллы, когда она будетъ сидѣть передъ скульпторомъ.

Когда архитекторъ, прося ничего не говорить о случившемся Поллуксу, разсказалъ ему то, что произошло за перегородкой, и передалъ, какъ сильно взволновала молодую римлянку его безъ сомнѣнія обидная для нея каррикатура, Адріанъ, потирая руки отъ удовольствія, громко расхохотался.

Понтій стиснулъ зубы отъ досады.

— Бальбилла, кажется мнѣ, веселая, но благородная и честная дѣвушка,—сказалъ онъ серьезно.—Я не вижу причины поднимать ее на смѣхъ.

Адріанъ пристально посмотрѣлъ въ глаза смѣлому архитектору и тяжело опустилъ свою руку ему на плечо.

— Да; и еслибъ это сдѣлалъ ты или кто другой въ моемъ присутствіи, ему бы не посчастливилось, — сказалъ онъ съ оттѣнкомъ угрозы въ голосѣ. — Старикъ позволяетъ себѣ играть художественными произведеніями, до которыхъ дѣти никогда не должны даже прикасаться.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

ИЗЪ ДНЕВНИКА.

(Посвящ. друзьямъ моимъ А. Н. Сальниковой и Н. А. Соловьеву).

~~~~~~

О, я люблю весну-царицу
Съ ея волшебной красотой,
Но трудъ загналъ меня въ столицу
И заперъ въ комнатѣ глухой.

* *
*

О, край мой далекій, край дѣдовъ, отцовъ!
Тебя я теперь вспоминаю
И, чувствуя тяжесть проклятыхъ оковъ,
Къ тебѣ, въ твою чащу дремучихъ лѣсовъ,
Какъ узникъ, мечтой улетаю!

* *
*

Какъ дышется славно! И сердце въ груди
Свободно и радостно бьется...
И слышу я, шепчутъ лѣса мнѣ: «приди,
Подъ тѣнію кедровъ родныхъ посиди,
И счастье тебѣ улыбнется;

* *
*

«Душой наболѣвшей своей отдохни,
И пусть исходящее кровью
Разбитое сердце, какъ въ прежніе дни
Далекаго дѣтства, пѣвцы-соловьи
Наполнятъ высокой любовью;

* *
*
~~~~~~

«Пусть вѣра, что гаснетъ въ тяжелой борьбѣ
Съ неправдой и тьмой озлобленной,
Воскреснетъ—могучая—снова въ тебѣ,
И взглянешь отважно ты въ очи судьбѣ,
И выйдешь на трудъ обновленный!

* *
*

«Приди,—слышу шепчутъ родные лѣса,—
Сбрось цѣпи проклятой работы!
Смотри, какъ безоблачны здѣсь небеса,
Какое приволье, какая краса!
Нѣтъ мѣста для слезъ и заботы...»

* *
*

О, край мой далекій, край дѣдовъ, отцовъ!
Тебя я теперь вспоминаю
И, чувствуя тяжесть житейскихъ оковъ,
Къ тебѣ, въ твою чащу дремучихъ лѣсовъ,
Какъ узникъ, мечтой улетаю!

* *
*

Но крѣпки желѣзныя цѣпи труда,
Какъ каторжникъ ими я скованъ;
И горькую пѣсню поетъ мнѣ нужда:
«Про лѣсъ и приволье забудь навсегда.
Забудь все, чѣмъ ты очарованъ!

* *
*

«Смири всѣ порывы, мечту охлади,—
Вѣдь жаждѣ не дашь утоленья!
Къ чему же ты хочешь еще впереди
Мечтою о счастьи, безумецъ, въ груди
Усилить тоску и мученья?»

* *
*

О, крѣпки желѣзныя цѣпи труда
И хуже тюремщиковъ братья!
Ихъ совѣсть не знаетъ мученій стыда,
Любовь не проснется въ сердцахъ никогда,
Въ нихъ смѣхъ возбуждаютъ проклятья!

* *
*

Да, я люблю весну-царицу
Съ ея волшебной красотой,
Но трудъ загналъ меня въ столицу
И заперъ въ комнатѣ глухой.

* *
*

Затихла столица, объятая сномъ,
Лишь изрѣдка звукъ пронесется...
Я низко склоняюсь надъ старымъ столомъ...
Мозгъ отдыха проситъ, но отдыхъ—потомъ,
Нить жизни когда оборвется!...

Алекс. Кругловъ.

Москва.
2 мая 1881 г.

Вторичное правленіе Милоша Обреновича.

(1859 — 1860).

III *).

Записка Іована Гавриловича: «О политикѣ Турціи относительно Сербіи». — Первыя дипломатическія требованія, предъявленныя Милошемъ къ Портѣ. — Отзывъ Фуадъ-паши о нихъ. — Письмо княжескаго представителя къ сербскому агенту въ Константинополѣ отъ 1 марта 1859 года. — Замѣчанія Фуадъ-паши. — Письма къ Милошу Валевскаго и Франца-Іосифа. — Поведеніе Милоша предъ началомъ Итальянской войны. — Празднованіе въ Бѣлградѣ побѣды при Сольферино. — Положеніе князя относительно внутреннихъ партій. — Столкновенія его съ митрополитомъ Михаиломъ. — Годовщина сверженія Карагеоргіевича и возстановленія Обреновичей. — Ссора Милоша съ представителями бѣлградской общины и тактика Николы Кристича. — Попытка Милоша привлечь Грунича къ дѣламъ. — Россія поднимаетъ вопросъ о престолонаслѣдіи въ Сербіи. — Клевета бѣлградской реакціи на народно-либеральную партію по тому же вопросу. — Мнѣніе прусскаго посланника графа Гольца по этому поводу. — Происшествіе на похоронахъ англійскаго консула Фонбланка. — Учрежденіе тайной полиціи въ Бѣлградѣ. — Споръ между русскими и французами объ арендѣ рудниковъ Добры. — Слухи о русскомъ кандидатѣ «сѣверной Стевчиной партіи». — Сплетни дукатовцевъ въ *Temesvarer Zeitung* и *Allgemeine Zeitung*. — Присмотръ за митрополитомъ и за предсѣдателемъ державнаго совѣта. — Письмо Милоша къ Груничу. — Переписка его со Стевчей Михайловичемъ. — Переписка и личныя объясненія съ митрополитомъ. — Поѣздка великаго визиря по сосѣднимъ съ Сербіей областямъ. — Волненія въ Болгаріи и Босніи. — Неудавшаяся попытка сербскихъ патріотовъ поднять эти области. — Дипломатическія сношенія Сербіи съ Портой за все это время. — Мемуаръ 25 апрѣля 1860 года. — Происки каймакамовской партіи предъ бѣлградскимъ пашею Османомъ. — «Посланіе къ сербамъ изъ Москвы». — Литературное движеніе въ самой Сербіи до переворота и послѣ него. — Отвѣтъ Порты на сербскій мемуаръ. — Сношенія Милоша съ сыномъ по этому поводу. — Протестъ сербской депутаціи отъ 10 августа. — Взгляды дипломатовъ на отношенія Сербіи къ Турціи предъ кончиной Милоша.

Выполненіемъ своего историческаго призванія Сербія всегда была обязана тому обстоятельству, что въ ней во время ожесточенной борьбы между различными партіями находились люди не только ставившіе выше частныхъ стремленій или интересовъ общія выгоды отечества, но и спокойно относившіеся къ внутренней борьбѣ, не терявшіе изъ виду главныхъ вопросовъ дня и напоминавшіе о нихъ соплеменникамъ. Различаясь между собою и по личнымъ дарованіямъ, и по общественному положенію,

*) *Русская Мысль* 1880 г., кн. IX.

и, наконецъ, по возрасту, эти люди, къ какой бы партіи ни принадлежали, находясь у дѣлъ или стоя внѣ ихъ, считали нужнымъ подавать свой голось, когда событія вызывали къ тому. Такъ было при началѣ вторичнаго правленія Милоша, когда во главѣ временнаго управленія сталъ Стевча Михайловичъ; такъ было и по прибытіи князя въ Бѣлградъ. Если за соглашеніе и примиреніе между людьми всѣхъ направленій въ дѣлахъ внутреннихъ имѣлъ случай высказаться Іованъ Ристичъ, сочиняя представленіе о томъ князю отъ имени перваго министерства, то подобное же представленіе по дѣламъ внѣшнимъ подалъ Іованъ Гавриловичъ, всегда усердно служившій Сербіи своими знаніями, кто бы ни стоялъ во главѣ управленія. Уже и въ то время, о которомъ идетъ рѣчь, онъ принадлежалъ къ людямъ стараго поколѣнія, а впослѣдствіи, когда вмѣстѣ съ Ристичемъ вошелъ въ составъ регентства, назначеннаго послѣ убіенія князя Михаила, могъ быть названъ человѣкомъ преклонныхъ лѣтъ. Этотъ Іованъ Гавриловичъ, пользуясь возвращеніемъ Обреновичей въ Сербію, составилъ, въ февралѣ 1859 г., записку «О турецкой политикѣ относительно Сербіи» и далъ ее прочесть Вуку Караджичу, а тотъ обратилъ на нее вниманіе молодаго князя, который, въ свою очередь, представилъ ее отцу. Въ этой запискѣ Гавриловичъ, указавъ на то, что турки всѣми завоеваніями своими въ Европѣ обязаны не столько силѣ, сколько политикѣ, умѣвшей сѣять раздоръ между христіанскими народами, примѣнялъ ту же мысль и къ исторіи сербскаго народа. Онъ исчислялъ всѣ возстанія старѣйшинъ противъ Милоша во время борьбы его съ турками за независимость Сербіи до 1827 года, описывалъ сношенія этихъ старѣйшинъ съ турецкими властями послѣ полученія Милошемъ княжеской власти, интриги ихъ, содѣйствовавшія къ подчиненію Сербіи предписаніямъ устава, оглашеннаго въ 1839 году, говорилъ о непатріотическихъ дѣйствіяхъ такъ-называемыхъ «уставобранителей» и прямо давалъ знать, что святоандреевскій переворотъ создалъ недовольныхъ, между коими есть и такіе люди, которые не задумаются войти въ тѣсныя связи съ турками, чтобы помѣшать возрожденію Сербіи. Это предостереженіе клонилось не къ тому, чтобы заставить князя быть умѣреннымъ въ своихъ отношеніяхъ къ Портѣ, а чтобъ указать ему на опасность отъ приверженцевъ стараго порядка не только для внутреннихъ, но и для внѣшнихъ отношеній. Мы видѣли, что лѣтомъ 1859 года дѣйствительно нашлись между сербами люди, которые предпочли удалиться въ Турцію, чѣмъ оставаться на родинѣ. А между тѣмъ борьба партій не прекращалась и, по своему вліянію на внѣшнюю политику, придавала не малое значеніе и послѣдней: пути, по которымъ слѣдовали въ то время эти двѣ стороны сербской жизни, неизбѣжно должны были встрѣтиться и повести къ болѣе или менѣе важнымъ событіямъ. Это обстоятельство и заставляетъ насъ обратиться къ внѣшнимъ дѣламъ Милоша.

Возвратившись въ княжество, старый Милошъ невольно долженъ былъ дать новое направленіе сербской политикѣ относительно Порты. Онъ за-

явилъ коммиссару послѣдней, Кабули-эфенди, что смотритъ на права Сербіи и отношенія ея къ Турціи иначе, чѣмъ предшествовавшее правительство. Основаніемъ для такого заявленія онъ выставилъ протестъ святоандреевской скупщины противъ содержанія берата, коимъ Порта признала его владѣтельнымъ княземъ Сербіи. Заявленіе Милоша сводилось къ слѣдующимъ заключеніямъ: 1) что онъ не избранъ, но возстановленъ въ княжескомъ званіи; 2) что сербскій князь не нуждается въ дарованіи ему такого титула со стороны султана и власть свою принимаетъ не вслѣдствіе берата, который имѣетъ лишь значеніе торжественнаго согласія Порты на принятіе княземъ власти, всякое же другое пониманіе отношеній Сербіи къ Портѣ послужило бы къ ущербу и ограниченію правъ Сербской земли; 3) что Карагеоргіевичъ свергнутъ, а не подалъ въ отставку, какъ сказано было въ бератѣ; 4) что султанъ не можетъ приказывать сербскому князю, какъ онъ долженъ управлять въ своей землѣ; 5) что бератъ не удовлетворилъ желаній сербскаго народа, умолчавъ о престолонаслѣдіи. Такое заявленіе было принято Портой съ большимъ негодованіемъ, особенно вслѣдствіе рѣшительнаго и независимаго тона его, какого она до тѣхъ поръ не слыхивала отъ своихъ вассаловъ. Новый взглядъ на отношенія ихъ къ Портѣ шелъ совершенно въ разрѣзъ съ установившимися въ ея дипломатической практикѣ обычаями. Порта считала себя въ правѣ выражаться такъ, какъ написанъ былъ ея бератъ, и сдѣлала это съ прямымъ намѣреніемъ воспользоваться своимъ правомъ.

Когда сербскій агентъ въ Константинополѣ, Миланъ Петроніевичъ, представилъ письменно вышеупомянутое заявленіе министру иностранныхъ дѣлъ, Фуадъ-пашѣ, то послѣдній, прочитавъ бумагу, возвратилъ ее назадъ, сказавъ, что такое изложеніе «превосходитъ всякую мѣру», но потомъ сдумался и взялъ обратно представленіе. При этомъ онъ все-таки выразилъ удивленіе, что князь затрогиваетъ столь важные вопросы, когда Порта смотритъ сквозь пальцы на многое, что происходитъ въ Сербіи. Фуадъ-паша съ особеннымъ удареніемъ доказывалъ сербскому агенту, что султанъ имѣетъ право приказывать князю Сербіи, чтобы тотъ держался устава. Все, что Сербія могла бы сдѣлать, должно было ограничиться испрашиваніемъ согласія Порты и покровительствующихъ державъ на перемѣну устава. Но такой совѣтъ Фуадъ-паши далъ только поводъ Милошу изложить сербскій взглядъ на спорный вопросъ въ формѣ письма отъ княжескаго представника, Стефана Магазиновича, къ Милану Петроніевичу. Это письмо отправлено было 1-го (13) марта. Въ немъ приводились постановленія Букарештскаго договора, Аккерманской конвенціи и Адріанопольскаго трактата, касавшіяся внутренней независимости Сербіи, исчислялись послѣдовательно всѣ переговоры сербовъ съ Портою отъ 1813 года до хаттишерифа 1838 года, съ упоминаніемъ всѣхъ уступокъ, какія должна была при этомъ сдѣлать Порта Сербіи, — говорилось о протестѣ Россіи противъ перваго избранія Александра Карагеоргіевича, который Порта

должна была принять,—оцѣнивались критически всѣ дальнѣйшія отношенія Сербіи къ Портѣ, при чемъ указывалось на излишнія со стороны послѣдней притязанія къ сербскому правительству при Карагеоргіевичѣ,—и, наконецъ, отмѣчались всѣ тѣ параграфы въ уставѣ, которые не согласовались съ достоинствомъ Сербіи. Прямыхъ требованій однакожь письмо не выставляло, хотя при чтеніи его легко было придти къ двумъ выводамъ: 1) что Сербія признаетъ право престолонаслѣдія за фамиліей Обреновичей и 2) считаетъ своимъ неотъемлемымъ правомъ составить для себя новый уставъ. Копія съ этого письма доставлена была Фуадъ-пашѣ 10 марта; но только 30-го онъ отвѣчалъ сербскому агенту изустно, что Порта не убѣждена «въ необходимости измѣнять сербскій уставъ, да и самъ сербскій народъ не выразилъ подобнаго желанія законнымъ образомъ, ибо рѣшеніе революціонной скупщины, которая по уставу и не должна считаться скупщиной, не можетъ быть принято Портою въ уваженіе или въ смыслѣ народнаго желанія». Вмѣстѣ съ тѣмъ Фуадъ-паша высказался и противъ той формы, въ какой сообщены были Портѣ «желанія князя Милоша»: «Порта,—говорилъ онъ,—не смотритъ на сербскаго князя какъ на какого-либо иностраннаго государя и потому придаетъ большую важность формѣ, какая должна соблюдаться при сношеніяхъ его съ нею». Турецкій министръ ожидалъ, что сербскій князь, подобно турецкимъ генералъ-губернаторамъ, прямо обратится къ нему съ письмомъ своимъ, а не чрезъ письмо своего представника къ своему дипломатическому агенту въ Константинополѣ.

Между тѣмъ приближалась война между Франціей и Австріей за итальянскую независимость. Еще 7 марта А. Валевскій извѣстилъ Милоша о живомъ интересѣ, съ какимъ Наполеонъ III слѣдилъ за дѣлами Сербіи, поздравлялъ его съ первыми успѣхами во внутреннемъ управленіи и вмѣстѣ съ тѣмъ желалъ ему достигнуть соглашенія между сербскими партіями, которое столь необходимо для преуспѣянія всякаго рода. И австрійскій императоръ Францъ-Іосифъ съ своей стороны счелъ не лишнимъ обратиться къ Милошу съ письмомъ на нѣмецкомъ языкѣ, отъ 18 марта, въ которомъ выражалъ надежду на поддержаніе и дальнѣйшее развитіе добрыхъ сосѣдскихъ отношеній между Сербіей и Австріей. Извѣстно также, что, во время путешествія князя Михаила весною того года къ западнымъ европейскимъ дворамъ, принцъ Наполеонъ убѣждалъ его стать во главѣ южно-славянскаго движенія, которое, по мнѣнію французовъ, могло быть направлено противъ Австріи. Однакожь русская дипломатія, хотя и стоявшая на сторонѣ Франціи во время Итальянской войны, не одобрила чрезъ своего болгарскаго агента подобныхъ плановъ, да и привести ихъ въ исполненіе было вовсе не такъ легко, какъ думалъ принцъ Наполеонъ. Порта съ своей стороны старалась склонить остальныя державы къ принятію какой-либо коллективной мѣры противъ намѣренія Милоша измѣнить уставъ; но великія державы не признали возможнымъ

приступить къ подобной мѣрѣ въ то время. Прямѣе другихъ отказала въ своемъ содѣйствіи по этому случаю русская дипломатія, хотя генеральному консулу Милошевичу и предписано было удерживать Милоша отъ рѣшительнаго шага въ этомъ направленіи; мы уже видѣли, какъ Милошевичъ сдѣлалъ подобную попытку предъ малогоспожинскою скупщиною. Впрочемъ вліять на Милоша было вообще довольно трудно: онъ всячески избѣгалъ свиданій съ консулами и въ особенности удалялся отъ русскаго и австрійскаго; когда они являлись во дворецъ въ какіе-либо торжественные дни съ поздравленіями, онъ выслушивалъ ихъ стоя и, поблагодаривъ, тотчасъ же скрывался въ другія комнаты, хотя князь Михаилъ и спрашивалъ отца, не угодно ли ему будетъ присѣсть. Та же Итальянская война помѣшала Милошу продолжать его сношенія съ Портой по вопросу объ уставѣ. По крайней мѣрѣ совѣты повременить этимъ дѣломъ безпрестанно повторялись Милошу со стороны русскаго консула. Такимъ образомъ актъ, сообщенный Фуадъ-пашѣ Петроніевичемъ, не имѣлъ никакихъ практическихъ послѣдствій и получилъ лишь историческое значеніе: 1) потому что показалъ, какъ Сербія смотритъ на свои права и свои отношенія къ Портѣ, и 2) потому что проложилъ тотъ путь для сношеній между Сербіей и Портой, по которому сербская дипломатія шла и послѣ Милоша.

Какъ бы то ни было, итальянская война, пріостановившая дѣятельность сербской дипломатіи, дала поводъ жителямъ Бѣлграда выразить свое сочувствіе однѣмъ изъ покровительствовавшихъ Сербіи державъ и нерасположеніе къ другимъ. Французскій консулъ вмѣстѣ съ сардинскимъ Дистенгомъ или Станкомъ, какъ называлъ его по-просту Милошъ, очень расположенный къ нему, были почтены неоднократными оваціями со стороны сербовъ, ибо пораженія Австріи вызывали радость въ Бѣлградѣ. Другіе иностранные консулы подозрѣвали въ этихъ выраженіяхъ народнаго чувства несравненно болѣе, чѣмъ они въ себѣ заключали. Весь Балканскій полуостровъ представлялся имъ вооруженнымъ изъ конца въ конецъ и готовымъ къ общему возстанію. Впрочемъ такой взглядъ перешелъ къ нимъ изъ болѣе вліятельныхъ сферъ, изъ дипломатическаго корпуса, пребывашаго въ Константинополѣ. Такъ, австрійскій интернунцій былъ вполнѣ убѣжденъ въ существованіи всеобщаго соглашенія между христіанскимъ населеніемъ полуострова, обнимавшимъ будто бы и Молдавію съ Валахіей. Назначеніе Греціей своего консула въ Сербію давало поводъ думать, что ему поручено подстрекать движеніе славянъ изъ Бѣлграда. Но прусскій посланникъ при Портѣ, Гольцъ, предполагавшій только установившуюся между Сербіей, Босніей и Черногоріей связь, думалъ, что общее движеніе съ цѣлью освобожденія далеко еще не подготовлено. Впрочемъ прусскій консулъ въ Бѣлградѣ, Мерони, доносилъ своему правительству о разныхъ военныхъ приготовленіяхъ въ Сербіи. Всѣ эти опасенія дипломатовъ не имѣли твердыхъ основаній. Справедливо замѣтилъ нѣмецкій историкъ возрожденія Сербіи и ея дальнѣйшаго развитія, Ле-

опольдъ Ранке, что Милошъ никогда не терялъ сроднившагося съ нимъ чувства зависимости отъ султана, которое основатель династіи Обреновичей называлъ природнымъ. Онъ могъ только желать большей независимости для внутренняго управленія въ Сербіи, чѣмъ допускала Порта; но мысль о разрывѣ вассальныхъ отношеній была чужда ему. Онъ болѣе чѣмъ кто-либо понималъ, что Порта считала установившіяся между нею и вассальными княжествами отношенія чѣмъ-то священнымъ. Наконецъ, Милошъ отлично сознавалъ скудость военныхъ средствъ, которыми располагала тогда Сербія и которыя были ничтожны для такого дѣла, какъ полное ея освобожденіе. Въ этомъ отношеніи Милошъ вѣрнѣе понималъ интересы Сербскаго княжества и народа, чѣмъ нѣкоторые изъ горячихъ патріотовъ, уже и тогда мечтавшіе о борьбѣ съ турками. Но вмѣстѣ съ тѣмъ Милошъ не скрывалъ враждебныхъ чувствъ своихъ ни относительно Порты, ни еще менѣе относительно Австріи. Онъ не останавливалъ также и народныхъ манифестацій въ честь Франціи и Италіи. По поводу сраженія при Сольферино французское и сардинское консульства были украшены флагами въ теченіе трехъ дней. На праздникѣ, устроенномъ по этому случаю французскимъ консуломъ въ саду, примыкавшемъ къ его дому, присутствовала значительная часть бѣлградскаго населенія. На столахъ лежали иллюстраціи, въ коихъ представлены были послѣднія военныя событія. Предлагались тосты въ честь императора Наполеона, освободителя Европы: какой страшный контрастъ съ тѣми чувствами, которыя овладѣли спустя одиннадцать лѣтъ восточными христіанами при вѣсти о паденіи Наполеона, такъ мало оправдавшаго ихъ надежды на освобожденіе! Сардинскій консулъ раздавалъ желавшимъ портреты Виктора-Эммануила и Кавура. Были предложены тосты за свободу Сербіи и даже за свободу Венгріи. Объ Австріи отзывались крайне неодобрительно, почти съ ненавистью. Вечеромъ открыты были танцы подъ музыку княжескаго хора. Но все это были только чувства, ихъ изліянія, далекія еще отъ дѣла. Тѣ же консулы, которые подогрѣвали народное чувство Сербіи во время войны, по окончаніи ея принялись съ неменьшимъ усердіемъ разсуждать объ опасностяхъ, какія грозили и Сербіи, и другимъ въ случаѣ излишней заносчивости ея политики. Но этого мало: скоро они пошли еще далѣе. Обративъ вниманіе на внутреннее состояніе княжества, на борьбу въ немъ партій, они стали отыскивать въ послѣдней слѣды посторонних вліяній. Народно-либеральная партія, постоянно подрываемая въ мнѣніи Милоша клеветами придворнаго кружка и происками дукатовцевъ, выставляемая ими опасною для княжеской власти, подверглась подобнымъ же нареканіямъ со стороны иностранныхъ дипломатовъ и чужеземной печати. Это было на руку и домашнимъ врагамъ либераловъ.

Какъ ни старались придворная реакція и дукатовская лига привести Милоша въ гнѣвъ противъ членовъ народно-либеральной партіи, но одними собственными усиліями имъ не удавалось достигнуть этого,—разсер-

женный князь сорветъ на комъ-нибудь свой гнѣвъ, а потомъ остынетъ и одумается. Всего доступнѣе онъ былъ вліянію реакціи, когда кто-либо изъ либераловъ взволнуетъ его своими возраженіями. Но старикъ, отличавшійся здравымъ смысломъ, умѣлъ цѣнить открытыя дѣйствія либеральныхъ людей и нерѣдко съ насмѣшкой и презрительно отзывался о тайныхъ проискахъ со стороны ихъ враговъ. Иногда послѣдніе выводили его изъ себя своею назойливостью и явною ложью, такъ что вызывали его на какое-либо распоряженіе противъ себя, а это въ свою очередь ободряло даже и такихъ людей, которые занимали срединное положеніе между двумя крайними партіями. Такъ, въ министерствѣ, измѣнившемся въ своемъ составѣ по выходѣ изъ него Угричича и Вуйовича послѣ малогоспожинской скупщины, нашлись люди, обратившіе вниманіе стараго князя на нѣкоторыя статьи въ *Сербскихъ Новинахъ*, въ особенности въ нумерѣ отъ 17 октября, гдѣ редакторъ Милошъ Поповичъ и сотрудникъ его Матія Банъ черезчуръ поусердствовали въ своихъ обвиненіяхъ противъ либеральной партіи и перешли границу приличій. Тогда распоряженіемъ министерства народнаго просвѣщенія отъ 22 октября отнята была редакція *Сербскихъ Новинъ*, какъ газеты оффиціозной, у Милоша Поповича, временно поручена одному изъ рѣшительныхъ либераловъ, тогдашнему секретарю министерства финансовъ Владиміру Іовановичу, впослѣдствіи ставшему эмигрантомъ и очень извѣстнымъ публицистомъ, а въ наше время бывшему министромъ финансовъ, и окончательно отдана умѣренному либералу, но человѣку съ твердыми убѣжденіями, тогдашнему профессору гимназіи Стояну Божковичу, что нынѣ министръ народнаго просвѣщенія. На страницахъ *Сербскихъ Новинъ* появились статьи, благотворно дѣйствовавшія на подъемъ народнаго чувства, не дававшія ему подчиняться дурнымъ внушеніямъ реакціи. Но это не измѣнило нисколько взаимнаго положенія партій относительно князя, который не созданъ былъ для соблюденія законовъ и подчиненія имъ собственной воли, что должно было снова поссорить его съ народно-либеральною партіей. Притомъ дукатовская лига, вытѣсненная изъ бѣлградской печати, перенесла свою дѣятельность въ нѣмецкія газеты, куда ея члены посылали свои корреспонденціи подъ разными знаками и вымышленными подписями. Такая тактика оказалась опаснѣе для либераловъ, чѣмъ прежнія нападенія на нихъ со стороны дукатовцевъ, печатавшіяся въ бѣлградскихъ газетахъ. Въ Бѣлградѣ трудно было скрыть имя автора,—въ бѣлградскихъ статьяхъ легко было услѣдить, чья рука водила перомъ автора, какими побужденіями руководствовался писавшій. Статьи газетъ, печатавшихся въ Аугсбургѣ, Вѣнѣ или какомъ-нибудь Темешварѣ, пущенныя иногда подъ фирмой самой редакціи, производили въ Бѣлградѣ болѣе сильное впечатлѣніе и должны были волновать Милоша, которому сообщали ихъ содержаніе въ переводѣ или извлеченіи, а иногда и съ дополненіями, разные услужливые люди.

Съ этого времени нападенія реакціи на либеральную партію въ Сербіи стали смѣлѣе и беззастѣнчивѣе; кромѣ того, реакція нашла нужнымъ направить свои удары и на митрополита Михаила, который былъ ненавистенъ дукатовцамъ. Разсчетъ ихъ основанъ былъ на томъ, что митрополитъ, съ одной стороны, вынужденъ былъ останавливать иногда слишкомъ неумѣстное вмѣшательство Милоша въ церковныя дѣла княжества, а съ другой—состоялъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ главными вождями народно-либеральной партіи. Уже одно послѣднее обстоятельство давало реакціи нѣкоторую возможность чернить митрополита въ глазахъ князя, а столкновенія по дѣламъ церкви поддерживали навѣты клеветниковъ. Вмѣшательства Милоша въ распоряженія митрополита бывали иногда грубоваты, иногда обличали въ немъ полное непониманіе и, кромѣ того, получали особенное значеніе по своей формѣ, имѣвшей большею частію видъ приказаній, писанныхъ или рукою военнаго протоіерея хаджи Димитрія Іовановича, или Филиппа Христича. Такъ, не задолго до малогоспожинской скупщины, митрополитъ получилъ письмо, отъ 18 августа, за подписью хаджи Дина, но по порученію Милоша. Въ немъ было, между прочимъ, сказано: «Такъ какъ слышатся многія и многія жалобы противъ ягодинскаго протоіерея Іована Димитріевича, то его свѣтлость желаетъ, чтобъ онъ удалился изъ Ягодины. Что касается его сана, то князь не желаетъ лишать его онаго. Вмѣстѣ съ тѣмъ сообщаю вашему высокопреосвященству, что означенный протоіерей былъ арестованъ мѣстною полицейскою властью, но, по приказу его свѣтлости, сегодня освобожденъ». Митрополиту удалось отклонить распоряженіе Милоша. По возвращеніи съ малогоспожинской скупщины митрополитъ Михаилъ сталъ дѣйствовать самостоятельнѣе въ церковномъ управленіи своемъ, не спрашивая всякій разъ мнѣнія князя, чтó послѣднему не понравилось, чѣмъ и постарались воспользоваться дукатовцы. Такъ какъ большинство людей, находившихся на службѣ въ митрополіи и при ея канцеляріи, осталось то же, что было при митрополитѣ Петрѣ, то многіе изъ нихъ слѣдили за каждымъ шагомъ новаго митрополита, за людьми, его посѣщавшими, вообще за сношеніями митрополита Михаила, который такимъ образомъ былъ, можно сказать, подъ постояннымъ надзоромъ сторонниковъ прежняго митрополита и расположенныхъ къ нему дукатовцевъ. Даже такія распоряженія митрополита, которыя клонились къ чести Сербіи и ко благу ея церкви, вызывали ихъ осужденіе. Митрополитъ Михаилъ уничтожилъ обычай, по которому въ день Св. Андрея Первозваннаго въ бѣлградскомъ соборѣ возглашалось многолѣтіе султану, вслѣдствіе чего послѣдовали протесты именемъ Порты отъ паши, командовавшаго бѣлградскою крѣпостью; но такъ какъ подобное распоряженіе нравилось Милошу, то онъ и отвѣчалъ, что не имѣетъ права мѣшаться въ церковныя дѣла. Однакожъ самъ не всегда слѣдовалъ этому правилу. Такъ, напримѣръ, когда митрополитъ учредилъ крестный ходъ по главнымъ улицамъ города въ день Вознесенія

и паша протестовалъ противъ того, подозрѣвая въ церковномъ шествіи, прикрываемомъ богослуженіемъ, нападеніе сербовъ на крѣпость, тогда Милошъ готовъ былъ уступить. Но митрополитъ поѣхалъ къ нему и объяснилъ, какое посрамленіе будетъ для него, если, вопреки турецкому хаттигумаюну, дозволяющему публичность богослуженія, и вопреки надеждамъ народа, ожидающаго отъ своего князя твердаго поведенія относительно турокъ, онъ запретитъ крестный ходъ по протесту паши. Тогда князь отвѣчалъ отказомъ пашѣ и только предписалъ сербской полиціи слѣдить за порядкомъ во время шествія. Съ тѣхъ поръ оно совершалось ежегодно и даже направлялось мимо турецкой стражи, стоявшей у Стамбульскихъ и Савскихъ воротъ. Много непріятныхъ столкновеній съ княземъ пришлось перенести митрополиту. Такъ, когда онъ, исполняя желаніе бѣлградской общины, готовился прославить 12 декабря, день сверженія Карагеоргіевича и возстановленія Милоша, церковнымъ торжествомъ, реакціонная партія, которой было ненавистно всякое напоминаніе дѣятельности святоандреевцевъ, постаралась убѣдить Милоша, что подобное торжество будетъ неумѣстно. Еще 7 декабря Филиппъ Христичъ увѣдомилъ митрополита Михаила письмомъ, что князь, по многимъ причинамъ, не желаетъ, чтобы 12 декабря праздновалось какъ народное торжество. Черезъ три дня получено было новое письмо, писанное тѣмъ же Христичемъ и имѣвшее подъ собою штемпель, изображавшій княжескую подпись. Въ немъ Милошъ говорилъ: «Сообщаю вамъ, что я передалъ бѣлградской общинѣ мое рѣшеніе, коимъ не дозволяю праздновать 12-е декабря. Я ожидаю, что и вы, съ своей стороны, объясните это общинѣ. Впрочемъ, я не запрещаю церковнаго богослуженія въ этотъ день, а община можетъ распорядиться закрытіемъ лавокъ во время службы; не желаю только иллюминаціи въ городѣ, ибо при ней могутъ произойти безпорядки, особенно если предоставить на волю каждаго освѣщать окна своего дома или не освѣщать». Ни самъ Милошъ, ни сынъ его Михаилъ не появились въ этотъ день среди народа. Но реакція не предупредила чрезъ то народныхъ манифестацій въ честь святоандреевцевъ, которыя и были произведены предъ домами Стевчи Михайловича и Ефрема Грунча. Такого народнаго движенія нельзя было укрыть отъ Милоша и старецъ, порывисто переходившій отъ одного рѣшенія къ другому, отправился самъ на другой день, который былъ воскресеньемъ, въ соборную церковь вмѣстѣ съ княземъ Михаиломъ и, по окончаніи обѣдни, произнесъ къ народу рѣчь, возстановившую согласіе между нимъ и народомъ. Въ этой рѣчи онъ, между прочимъ, благодарилъ митрополита за добрыя поученія къ паствѣ.

Вся жизнь Милоша проходила въ томъ, что онъ одною рукою приласкаетъ кого-либо, а другою оттолкнетъ отъ себя. Этою привычкой его умѣла пользоваться реакція. Народная овація въ день Св. Спиридона, предъ домомъ Грунча, не давала покоя дукатовцамъ. Грунчъ, хотя и уво-

ленный отъ должности попечителя внутреннихъ дѣлъ, былъ, однакожъ, оставленъ, какъ говорится на оффиціальномъ языкѣ Сербскаго княжества, въ распоряженіе правительства, съ извѣстною пенсіей, и поэтому былъ назначаемъ, какъ человѣкъ съ юридическимъ образованіемъ, почти во всѣ коммиссіи, занимавшіяся послѣ малогоспожинской скупщины составленіемъ различныхъ законовъ. Но на другой день праздника Рождества Христова дано было Милошемъ повелѣніе министру финансовъ о совершенномъ увольненіи Груича отъ службы. Когда вѣсть о томъ разнеслась по городу, то произвела дурное впечатлѣніе на жителей. 31 декабря двѣнадцать наиболѣе извѣстныхъ гражданъ отправились къ князю и выразили ему отъ имени всей общины сожалѣніе, что онъ удаляетъ отъ себя людей, которые были его сторонниками и друзьями народа, и держитъ около себя такихъ, которые шли противъ народа, да и къ нему самому не имѣютъ преданности. Милошъ и встрѣтилъ, и отпустилъ депутацію нелюбезно. Дукатовская лига рѣшилась воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы разъ навсегда отучить членовъ бѣлградской общины отъ вмѣшательства въ распоряженія князя, его министровъ и совѣтниковъ и чтобъ отомстить горожанамъ за ихъ прошлогоднюю побѣду и за недавнюю попытку напомнить о ней празднествомъ. Съ этою цѣлію хаджи Дина и Никола Кристичъ, правитель Бѣлграда, уговорили еще не остывшаго послѣ пріема депутаціи Милоша приложить свой штемпель къ письму на имя бѣлградской общины съ строгимъ выговоромъ, которое Кристичъ и взялъ себѣ Но такъ какъ въ этотъ день уже было поздно созывать общинное собраніе, а на другой день было празднованіе новаго 1860 года, то и пришлось отложить чтеніе княжескаго письма въ общинѣ. Между тѣмъ, во время представленія князю съ поздравленіями съ новымъ годомъ, Милошъ замѣтилъ отсутствіе тѣхъ двѣнадцати членовъ бѣлградской общины, которые участвовали въ депутаціи. Это, разумѣется, задѣло самолюбіе Милоша и онъ вечеромъ пригласилъ къ себѣ двоихъ изъ числа бывшихъ депутатовъ. На вопросъ его: «отчего они не были у него утромъ»—тѣ отвѣчали: «потому, что онъ отталкиваетъ ихъ отъ себя». Милошъ ворча проговорилъ, что онъ все-таки считаетъ ихъ своими и потому они должны бывать у него. Многіе ожидали, что послѣ этого объясненія письмо, подписанное въ гнѣвную минуту, не будетъ послано въ общину. Но Никола Кристичъ, не ожидая дальнѣйшихъ распоряженій Милоша, поспѣшилъ собрать на 2-е января общинную скупщину и самъ предъ всѣми членами ея прочелъ письмо князя, которымъ въ самыхъ грубыхъ выраженіяхъ осуждались люди, осмѣлившіеся досаждать ему и мѣшаться въ его господарскую власть. Письмо оканчивалось приказаніемъ, чтобы никто впредь не смѣлъ такъ поступать. Это роковое письмо имѣло первымъ послѣдствіемъ своимъ то, что и самымъ горячимъ приверженцамъ династіи навязано было іудейское равнодушіе, руководствующееся правиломъ, «что́ видѣлъ — не знаю, что́ слышалъ — не помню». Оттолкнувъ этимъ

несчастнымъ письмомъ жителей Бѣлграда отъ князя и наложивъ печать молчанія на ихъ уста, Никола Кристичъ тѣмъ самымъ обезпечилъ исключительный доступъ къ Милошу своимъ собственнымъ донесеніямъ обо всемъ и обо всѣхъ и наговорамъ дукатовской лиги. Милошъ, повидимому, и не подозрѣвалъ того охлажденія, которое производили его поступки на жителей столицы и которое усиливали своими распоряженіями правитель города и его политическіе друзья. Уже замѣтно дряхлѣвшій князь сильнѣе чѣмъ прежде подчинялся своимъ минутнымъ влеченіямъ. Онъ уже былъ непамятливъ на свои собственныя чувства и слова и не сознавалъ всю силу того впечатлѣнія, какое должны были производить его колебавшіяся изъ стороны въ сторону распоряженія. Только-что успѣлъ онъ разгнѣваться на бѣлградскихъ горожанъ, сѣтовавшихъ предъ нимъ на удаленіе Груича; еще раздавались въ ушахъ членовъ общиннаго собранія мѣрные, холодные звуки голоса Кристича, читавшаго предъ ними оскорбительное письмо,—какъ Милошъ уже назначилъ Груича въ помощники попечителя правосудія. Извѣщая его о томъ письмомъ отъ 5-го января (рукою Филиппа Христича), князь говорилъ въ немъ: «Вы—человѣкъ, коему обязанности сего званія не будутъ ни чуждыми, ни мало извѣстными. Я имѣю полное право ожидать отъ васъ, что вы, въ сознаніи своихъ задачъ и народныхъ потребностей, оправдаете мое довѣріе и исполните надежды, которыя возлагаю на васъ. Вы, конечно, успѣете въ томъ, если, помогая искренно своему попечителю, станете дѣйствовать въ духѣ народа нашего и если будете избѣгать излишней притязательности, для которой нынѣшнее поколѣніе еще не созрѣло». Но дню милости предшествовалъ день неудовольствія: 4 января написано было рукою того же Филиппа Христича письмо митрополиту отъ князя, требовавшее немедленнаго удаленія изъ Бѣлграда члена духовной консисторіи, лозницкаго протоіерея, и назначенія на его мѣсто другаго человѣка, съ угрозою употребить полицейскую силу противъ протоіерея, если онъ не оставитъ Бѣлграда. Разумѣется, и это неожиданное требованіе Милоша было отстранено личными объясненіями митрополита. Ясное доказательство, что нравственная отвѣтственность предъ современниками и исторіей за подобныя дѣйствія Милоша падала не на него, уже приближавшагося къ могилѣ, но на людей не только не хотѣвшихъ остановить его гнѣвную волю, но и наводившихъ стараго князя на этотъ гнѣвъ.

Только-что разсказанныя происшествія вполнѣ свидѣтельствовали, какъ далеко зашла борьба внутреннихъ партій въ княжествѣ, къ какимъ средствамъ прибѣгали для достиженія успѣха въ ней окружавшіе Милоша и какое значеніе получила эта борьба въ общественной жизни сербовъ. Вскорѣ эта внутренняя смута усложнилась неожиданною связью съ вопросами внѣшней политики. Связь эту постарались устроить придворная реакція и публицисты дукатовской лиги, какъ бы оправдывая тѣмъ предсказанія, занесенныя въ вышепомянутую записку Іована Гавриловича.

Ближайшимъ поводомъ къ такой связи послужилъ все тотъ же вопросъ о престолонаслѣдіи, который предрѣшенъ былъ въ пользу Обреновичей и святоандреевскою, и малогоспожинскою скупщиной, и законопроектъ о которомъ былъ составленъ при содѣйствіи членовъ народно-либеральной партіи. Вопросъ этотъ былъ возбужденъ въ дипломатическихъ сферахъ русскимъ кабинетомъ, желавшимъ скорѣйшаго разрѣшенія его въ виду преклонныхъ лѣтъ Милоша. Еще въ декабрѣ 1850 года князь Горчаковъ имѣлъ разговоръ о томъ съ прусскимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ, какъ это видно изъ книги Л. Ранке. «Если Милошъ умретъ,—говорилъ онъ,— то можно ожидать, что сербскій народъ, согласно состоявшемуся рѣшенію, признаетъ его сына своимъ княземъ. Что будетъ дѣлать тогда Порта? Она или можетъ отказать ему въ своемъ признаніи, или должна будетъ дать его; но послѣднее было бы невыгодно для ея авторитета, между тѣмъ какъ первое могло бы повести къ опаснымъ послѣдствіямъ. Чтобы предупредить и то, и другое, императорскій кабинетъ пришелъ къ мысли, чтобы пять великихъ державъ согласились между собою дать Портѣ совѣтъ заранѣе предупредить могущія возникнуть изъ того событія немедленнымъ признаніемъ молодаго князя Михаила въ качествѣ наслѣдника своего отца». Подобныя же сообщенія сдѣланы были главою русской дипломатіи представителямъ остальныхъ великихъ державъ. Князь Горчаковъ желалъ, чтобы такой совѣтъ данъ былъ Портѣ отдѣльно отъ имени каждой державы, коллективное же представленіе отъ нихъ въ этомъ смыслѣ князь считалъ менѣе полезнымъ въ виду того, что Порта вообще была противъ установленія наслѣдственнаго права для династіи Обреновичей.

Когда этотъ вопросъ сталъ обсуждаться кабинетами великихъ державъ, тогда и выступила на сцену связь между нимъ и взаимными отношеніями сербскихъ партій. Бѣлградскіе реакціонеры рѣшились воспользоваться этимъ вопросомъ, такъ тѣсно связаннымъ съ интересами обоихъ князей, какъ средствомъ противъ либераловъ. Они стали разглашать сперва какъ слухъ, а потомъ какъ вполнѣ доказанное дѣло, что глава святоандреевцевъ, Стевча Михайловичъ, о вліяніи котораго на Милоша не рѣдко говорилъ съ сожалѣніемъ иностраннымъ консуламъ самъ молодой князь, подготовляетъ новый переворотъ въ ожиданіи смерти Милоша, чтобъ удалить отъ престола Михаила и возвести на него двѣнадцатилѣтнаго сына Карагеоргіевича, именемъ котораго онъ надѣется управлять дѣлами Сербіи. Этотъ мнимый планъ, приписываемый вождю партіи, низвергшей Карагеоргіевича, казался представителямъ великихъ державъ тѣмъ болѣе опаснымъ, что само сербское правительство приучило ихъ считать народно-либеральную партію революціонною, а стало быть и навязанный ей врагами планъ опаснымъ для всеобщаго мира. Отсюда слѣдовалъ прямой выводъ, что признаніе князя Михаила наслѣдникомъ Милоша при жизни послѣдняго должно имѣть большое значеніе

не только для сербскихъ дѣлъ, но и для европейскихъ. Когда дипломаты стали внушать Портѣ, чтобъ она дѣйствовала согласно указанной опасности, то Фуадъ-паша объявилъ, что необходимо по крайней мѣрѣ прибытіе Михаила въ Константинополь. Понимая однакожъ, что это требованіе прикрывало собою скорѣе желаніе турецкаго министерства получить богатые подарки отъ молодаго князя Сербіи, чѣмъ дѣйствительные интересы Порты, представитель Пруссіи, графъ Гольцъ, возразилъ Фуадъ-пашѣ, въ полномъ убѣжденіи въ справедливости своихъ предсказаній, что въ случаѣ, если смерть Милоша послѣдуетъ въ отсутствіе князя Михаила, то въ Бѣлградѣ произойдутъ такія событія, которыя ниспровергнутъ всѣ ожиданія Порты. Такъ успѣла бѣлградская реакція ославить опасными замыслы народно-либеральной партіи, которые на самомъ дѣлѣ далеко не достигали такихъ размѣровъ.

А между тѣмъ въ столицѣ Сербскаго княжества продолжалась все та же жизнь, свидѣтельствовавшая о полномъ упадкѣ общественнаго одушевленія и проходившая лишь въ мелкихъ интригахъ и препирательствахъ. Именно въ январѣ 1860 года случилось происшествіе, ставшее надолго предметомъ сплетенъ и пересудовъ въ различныхъ кружкахъ столичнаго общества. Умеръ англійскій консулъ Фонбланкъ. Милошу почему-то вздумалось оказать при его погребеніи не только оффиціальный, но и церковный почетъ со стороны Сербіи. 31 января онъ отправилъ письмо къ митрополиту, въ которомъ говорилъ: «Я рѣшилъ, чтобы нашъ бѣлградскій протоіерей съ нѣсколькими священниками и діаконами былъ на проводахъ покойнаго Фонбланка. Я слышалъ, что Фонбланка будетъ отпѣвать на дому протестантскій пасторъ, а потому наши священники въ своихъ церковныхъ одѣяніяхъ могли бы быть на парадныхъ проводахъ». Митрополитъ Михаилъ поспѣшилъ отвѣчать въ тотъ же день. Онъ писалъ: «Какъ изъ нынѣшняго письма вашей свѣтлости, такъ и съ другихъ сторонъ я узналъ, что тѣло покойнаго Фонбланка будетъ отпѣвать и провожать до кладбища здѣшній лютеранскій пасторъ и что такое распоряженіе вышло отъ исправляющаго должность Фонбланка. Такъ какъ покойникъ не былъ сыномъ нашей православной церкви и такъ какъ участіе нашихъ священниковъ при его погребеніи не составляетъ необходимости, то я считаю своимъ долгомъ представить вашей свѣтлости, что присутствіе нашего духовенства не только было бы излишне, но ослабило бы уваженіе къ нему въ нашемъ народѣ предъ глазами иновѣрцевъ. Если покойника отпѣваетъ священникъ иновѣрецъ по обряду своей церкви и занимаетъ первое мѣсто, какъ представитель своего богослуженія; если проводы отъ дома до кладбища должны совершаться съ пѣніемъ или чтеніемъ на языкѣ чуждомъ нашей церкви: то наши священники въ своихъ церковныхъ одѣяніяхъ, не участвуя въ чинодѣйствіи, исполняли бы роль простыхъ наемниковъ у иновѣрцевъ, черезъ что оказано было бы покровительство чуждому вліянію на нашу самостоятельную

церковь, и нашъ прекрасный погребальный обрядъ былъ бы подчиненъ обряду иной церкви среди столицы нашего православнаго отечества. А потому я держусь того мнѣнія, что нашему духовенству не слѣдуетъ являться, и прошу вашу свѣтлость соблаговолить согласиться съ этимъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ я имѣю достовѣрное свѣдѣніе, что есть намѣреніе выбрать мѣсто для погребенія подлѣ самаго храма, гдѣ впослѣдствіи будетъ поставленъ и памятникъ, между тѣмъ какъ для погребенія иновѣрцевъ отдѣлено особое мѣсто; а потому и осмѣливаюсь представить вашей свѣтлости, что погребеніе иновѣрца подлѣ нашей церкви несогласно съ обычаями и понятіями нашего народа, и прошу вашу свѣтлость о приказаніи, чтобы могила для покойнаго отведена была въ той части общаго кладбища, которая назначена для иновѣрцевъ. Наконецъ, я слышалъ, что и семейство Фонбланка неохотно принимаетъ предложеніе о погребеніи ея сочлена среди православныхъ, но желало бы видѣть его могилу среди своихъ единовѣрцевъ, что во всякомъ случаѣ было бы пріятно и нашему народу». Такимъ образомъ затѣя Милоша, о которой жители Бѣлграда уже судили вкривь и вкось, была отклонена. Но покойному Фонбланку на роду было написано послужить поводомъ къ дипломатическому и общественному скандалу послѣ своей смерти. Во время его похоронъ французскій консулъ поднялъ вопросъ о томъ, въ какомъ порядкѣ должны слѣдовать въ кортежѣ кареты князя Михаила и сына Османа-паши, причемъ онъ отдавалъ преимущество послѣднему. Князь Михаилъ счелъ себя обиженнымъ, перестал кланяться при встрѣчѣ съ французскимъ консуломъ и въ Бѣлградѣ даже поговаривали о дуэли между ними. Французъ искалъ поддержки у своихъ товарищей и перебывалъ у нихъ въ надеждѣ вынудить, при ихъ помощи, со стороны князя Михаила первый шагъ къ сближенію. Встрѣченный большинствомъ консуловъ равнодушно, онъ соглашался на то, чтобы Михаилъ прислалъ ему первый свою визитную карточку. Но и это не удалось: его сношенія съ сербскимъ правительствомъ прервались сами собой. Такое двусмысленное положеніе продолжалось до двухъ мѣсяцевъ. Желая выйдти изъ него, французъ сталъ дѣйствовать при помощи Лонгвурта, англійскаго консула. Требованіе визитной карточки отъ князя не удалось и теперь. Отказавъ въ ней, Михаилъ впрочемъ изъявилъ согласіе видѣть у себя французскаго консула. Представникъ Цукичъ поѣхалъ къ англійскому консулу для переговоровъ о часѣ свиданія. Рѣшено было, что представитель Франціи отправится вмѣстѣ съ Лонгвуртомъ къ Михаилу, отъ него онъ уже заѣдетъ въ княжескую канцелярію и возобновитъ такимъ образомъ прерванныя сношенія. Но на другой день, увидавшись съ Цукичемъ у англійскаго консула, онъ сталъ требовать, чтобы по крайней мѣрѣ Цукичъ пріѣхалъ къ нему первый. Цукичъ также долженъ былъ отказаться отъ этой чести и разобиженный французъ уѣхалъ къ себѣ. Но черезъ нѣсколько времени одумался и самъ явился въ княжескую канцелярію, а

вмѣстѣ съ тѣмъ возобновилъ и прерванныя сношенія съ княземъ Михаиломъ. Эти мелочи лучше всего показываютъ, какую путаницу могла внести во внѣшнія отношенія Сербіи дѣятельность второстепенныхъ дипломатическихъ агентовъ Европы.

Какъ бы то ни было, мелкія интриги мѣстныхъ дипломатовъ и политическія сплетни о внутреннихъ дѣлахъ занимали тогда видное мѣсто въ жизни бѣлградскихъ обывателей. Не только въ частныхъ домахъ, но и въ мѣстахъ публичныхъ собраній можно было слышать разговоры о сербской политикѣ, о распоряженіяхъ князя, о поступкахъ окружавшихъ его людей и мало согласные съ истиной слухи о замыслахъ той или другой партіи. Вымыселъ о намѣреніи Стевчи Михайловича приготовить сербскій престолъ для молодаго Карагеоргіевича продержался недолго въ устахъ вѣстовщиковъ, но послужилъ для городскаго правителя предлогомъ выпросить у Милоша согласіе на законъ, прямо клонившійся къ исключительнымъ выгодамъ реакціи и въ тайнѣ направленный противъ либераловъ. 18-го февраля 1860 года Милошъ дозволилъ поставить свое имя подъ такъ-называемымъ закономъ объ устройствѣ городскаго управленія въ Бѣлградѣ, которымъ замѣнялся старый законъ о томъ же, существовавшій съ 20 декабря 1841 года. Новый законъ заключалъ въ себѣ между прочимъ § 30, которымъ требовалось, чтобы полиція, для полнѣйшаго достиженія своей цѣли и охраненія общей безопасности, собирала свѣдѣнія о расположеніи гражданъ, и § 43, коимъ учреждались десять полицейскихъ служителей «въ гражданскомъ одѣяніи». Такимъ образомъ первый разъ въ Сербіи признано было путемъ закона существованіе тайной полиціи. Съ тѣхъ поръ изъ этого мутнаго источника стали доходить до Милоша невообразимыя вѣсти о дѣйствіяхъ либераловъ. И вотъ мало-по-малу начали возникать слухи, что оппозиціонная партія, все еще мечтавшая будто бы удержать въ своихъ рукахъ власть при помощи будущаго князя, ищетъ наслѣдника для сербскаго престола въ Россіи. Само собою разумѣется, что такая легенда не могла возникнуть вдругъ: надо было подготовить ее постепенно и сдѣлать сколько-нибудь вѣроятною. Такъ какъ главныхъ членовъ либеральной партіи, дѣйствовавшихъ во время святоандреевской скупщины, уже никакъ нельзя было заподозрить въ какомъ-либо пристрастіи къ Россіи вообще и къ ея политическому устройству въ особенности, то обращено было вниманіе на такихъ людей изъ числа находившихся въ дружелюбныхъ отношеніяхъ съ святоандреевцами, которые или бывали, или воспитывались въ Россіи. Къ числу послѣднихъ принадлежалъ митрополитъ Михаилъ, и вотъ его-то стали подозрѣвать, какъ посредника между народно-либеральною партіей въ Сербіи и русскимъ вліяніемъ на нее. Поводомъ къ тому послужило слѣдующее происшествіе.

Французское консульство считало въ то время своимъ долгомъ всячески охранять Сербію даже отъ призрачнаго вліянія Россіи. Такъ, Рус-

ское Общество черноморскаго пароходства, думавшее тогда о распространеніи своихъ рейсовъ до Бѣлграда, нуждалось въ арендѣ каменноугольныхъ залежей въ какой-либо изъ мѣстпостей княжества и нашло ихъ въ рудникахъ Добры. Уже сдѣланы были имъ предварительныя развѣдки, обошедшіяся въ 3.500 червонцевъ; оставалось только подписать договоръ. Объ этомъ узнала французская компанія, имѣвшая на откупу въ Сербіи правительственные рудники въ Майданъ-пекѣ. Ея контрактъ не распространялся на Добру; но сербское начальство того округа, гдѣ находились Майданъ-пекъ и Добра, передало въ руки французской компаніи и разработку каменнаго угля въ послѣдней мѣстности. Въ Бѣлградѣ разнеслись слухи, что такой успѣхъ обошелся французской компаніи въ 1.000 дукатовъ, розданныхъ мѣстнымъ чиновникамъ. Русское Общество вошло съ жалобой къ сербскому правительству; но французы стали пугать сербовъ, что не выполнятъ контракта относительно Майдапъ-пека, разработка рудниковъ коего, по ихъ мнѣнію, не могла приносить выгоды безъ каменноугольныхъ шахтъ Добры. При обсужденіи этого спора князь Михаилъ высказалъ такое мнѣніе, что французы имѣютъ право искать каменнаго угля по всему берегу Дуная, но о Добрѣ ничего не сказалъ. Дѣло кончилось тѣмъ, что сербское правительство выплатило представителямъ Русскаго Общества затраченныя имъ деньги.

Таковъ былъ оффиціальный исходъ этого дѣла. Но ему суждено было получить вскорѣ и другое еще значеніе. Интересы Черноморскаго Общества всегда живо принимались въ Одессѣ, а среди ея населенія находилось не мало людей южно-славянскаго происхожденія, болѣе или менѣе знакомыхъ съ сербскими дѣлами. Кто-то изъ нихъ напечаталъ въ *Одесскомъ Вѣстникѣ* полученную имъ корреспонденцію, въ которой порицалась своенравная политика Милоша. Это произвело сильное впечатлѣніе въ Бѣлградѣ. Придворная клика тотчасъ же рѣшила, что авторомъ подобной статьи былъ не кто иной, какъ митрополитъ Михаилъ, или же кто-нибудь изъ приближенныхъ къ нему, но во всякомъ случаѣ учившійся въ Россіи. Милошъ, которому, разумѣется, подсунули злосчастную газету, послалъ попечителя иностранныхъ дѣлъ, Цветка Райовича, къ митрополиту, велѣвъ показать ему статью и спросить, кто ее писалъ. Митрополитъ отвѣчалъ, что писалъ, вѣроятно, недругъ Сербіи, и стало-быть либо сторонникъ Карагеоргіевича, либо кто-нибудь изъ охотниковъ до политическихъ сплетенъ. Князь успокоился отъ такого объясненія, но реакціонеры очень хорошо поняли, что Милошъ болѣе всего побаивается Россіи и отзывовъ, которые появляются о немъ въ ея газетахъ. Разъ потерявши княжескій престолъ вслѣдствіе того, что жалобы сербскихъ старѣйшинъ на его своевольное управленіе, поданныя въ тридцатыхъ годахъ императору Николаю I на маневрахъ подъ Вознесенскомъ, вооружили противъ него русскую дипломатію, Милошъ и подъ старость съ опасеніемъ прислушивался къ вѣстямъ о русскихъ планахъ относительно

Турціи и ея вассальныхъ княжествъ. Такимъ настроеніемъ князя и воспользовались враги либераловъ. По Бѣлграду пущенъ былъ смутный слухъ, что виновники святоандреевскаго переворота, недовольные дѣйствіями призваннаго ими князя и недобившіеся вліянія на его сына, хлопочутъ въ тайнѣ о томъ, чтобы сербскій престолъ по смерти Милоша перешелъ къ которому-либо изъ сыновей принца Лейхтенбергскаго. Вскорѣ этотъ слухъ проникъ въ заграничныя газеты и по однимъ источникамъ его пустили въ ходъ два дукатовца, по другимъ—драгоманъ французскаго консульства, интернированный полякъ Ободовскій.

Особенно радушный пріемъ такой клеветѣ на сербскихъ либераловъ оказала газета, издававшаяся въ главномъ городѣ сосѣдняго Венгерскаго Баната, Temesvarer Zeitung. Такъ въ № 73, появившемся 28-го марта 1860 года, помѣщено было письмо изъ Бѣлграда отъ 23 марта, въ которомъ распускали слухъ о проискахъ «Стевчиной сѣверной партіи», къ которой принадлежитъ и митрополитъ Михаилъ, будто бы сильно скомпрометировововавшій себя участіемъ въ дѣйствіяхъ народно-либеральной фракціи, и что вся Стевчина партія работаетъ на моральную и матеріальную погибель Сербіи, которая такимъ образомъ можетъ пострадать уже не отъ «мерзкихъ швабовъ». Подъ послѣдними разумѣлись не люди нѣмецкаго происхожденія, а бѣлградская бюрократическая партія, большинство членовъ коей воспиталось на австрійской административной практикѣ, а одинъ изъ вождей дружныхъ съ этою партіей дукатовцевъ былъ, при всѣхъ правительствахъ Сербіи, посредникомъ между ими и редакціями европейскихъ газетъ. Въ томъ же нумерѣ было напечатано и другое письмо изъ Бѣлграда отъ того же числа, извѣщавшее, что русскій консулъ посѣтилъ сперва князя Милоша, потомъ митрополита и будто бы помирилъ нхъ, и что всѣ министры послѣ этого подали въ отставку, за исключеніемъ Цветка Райовича, не отличающагося твердостію характера. Въ письмахъ изъ Бѣлграда отъ 27 и 28 апрѣля, напечатанныхъ въ той же газетѣ, говорилось: «Князь Милошъ изъявилъ твердую волю удалить изъ правительственнаго состава многихъ чиновниковъ, извѣстныхъ своими происками. Вслѣдствіе такого распоряженія многія лица возвратятся изъ разныхъ званій къ своимъ занятіямъ. Вообще старый князь продолжаетъ истреблять опасныхъ людей. Его первый адъютантъ, майоръ Миленко Теодоровичъ, племянникъ представника, который уже 16 лѣтъ служилъ у него, какъ любимый слуга и коего онъ называлъ побратимомъ, совершенно отпущенъ. Милошъ узналъ, что Миленко былъ подпорой и душой враждебной ему партіи. Увольненіе Миленка очень нравится всему городу. На его мѣсто поставленъ Драгутинъ Дердевичъ, который до сихъ поръ былъ совершенно преданъ династіи. Теперь на очереди предсѣдатель совѣта Стевча и митрополитъ. Для Стевчи приготовлено мѣсто надзирателя за постройкою дороги чрезъ Черный-Верхъ между Ягодиною и Крагуевцомъ, а митрополитъ будетъ посланъ, въ званіи ревизора приходо-расходныхъ

книгъ, въ монастырь Студеницу. Повидимому, князь Милошъ намѣревается расчистить и выровнять путь къ княжескому престолу своему наслѣднику. Опять схвачено письмо интригана Милована Янковича, который теперь живетъ въ Россіи; оно адресовано было здѣшнему профессору лицейскому Пантѣ Сретьковичу (учившемуся въ Кіевской 'духовной академіи) и содержитъ въ себѣ увѣреніе, что извѣстное дѣло имѣетъ добрый успѣхъ. Профессоръ Сретьковичъ извѣстенъ здѣсь какъ отчаянный швабоѣдъ... Ходитъ слухъ, что Стевча самъ просился въ отставку. Этотъ слухъ можетъ быть правдивъ, ибо предсѣдатель совѣта долженъ видѣть, что какъ онъ, такъ и другъ его, митрополитъ, потеряли свое могущество. Главный купеческій домъ, агентами котораго они были поставлены (подъ этими словами разумѣлась ни болѣе, ни менѣе—Россія), отнялъ данное имъ полномочіе и предалъ ихъ обоихъ своей собственной судьбѣ. Вмѣстѣ со Стевчей и митрополитомъ еще 17 интригановъ будутъ лишены государственной службы. Директоръ артиллерійской школы удаленъ съ своего мѣста. Бывшій окружный начальникъ Іованъ Митревичъ отставленъ отъ должности надзирателя путей сообщенія, которая ему была поручена, и ему велѣно возвратиться на покой. Члены мятежной партіи совсѣмъ поражены. На ихъ лицахъ читается: «наши часы изочтены». Въ томъ же мѣсяцѣ, но уже въ Allgemeine Zeitung, появилось письмо изъ Бѣлграда, въ которомъ послѣ разсказа о томъ, какъ князь Милошъ истребляетъ опасныхъ людей, говорилось: «Надо признать справедливымъ, что *австрійскій* элементъ гонится въ Сербіи *русскимъ* вліяніемъ, а не сербскою народною партіей. Насколько я знаю, объ этомъ обстоятельствѣ до сихъ поръ еще не упоминалось въ газетахъ,—тѣмъ полезнѣе сдѣлать это въ вашемъ изданіи. Условія примиренія, которыя предлагалъ князь Михаилъ въ то время, какъ отецъ его неутомимо очищалъ службу отъ опасныхъ элементовъ, были ложны. Вредные люди объясняютъ такое поведеніе страхомъ и нерѣшительностію съ его стороны, а это легко можетъ привести его опять къ тому положенію, въ какомъ онъ находился за 17 лѣтъ предъ симъ. Его непріятели дѣйствуютъ изъ-за угла; если онъ не обнаружитъ живѣйшей энергіи, тогда его паденіе неизбѣжно и онъ подчинится русскимъ махинаціямъ».

Подобныя сплетни, расточавшіяся въ большомъ изобиліи въ австрійскихъ газетахъ, производили особенно сильное впечатлѣніе на подозрительнаго Милоша и онъ приказывалъ слѣдить за тѣмъ, кто бываетъ у Стевчи, у митрополита и въ русскомъ консульствѣ. И такъ какъ митрополита Михаила считали вождемъ людей, почему-либо тянувшихъ къ Россіи, то за митрополичьимъ домомъ устроенъ былъ тайный надзоръ, особенно по ночамъ. Слѣдившіе увѣряли, что видѣли, какъ по ночамъ Стевча, Груичъ, Вуйовичъ, Протичъ и другіе перескакивали будто бы черезъ ограду митрополичьяго сада, проникали въ домъ владыки и тамъ ковали заговоръ противъ Милоша. Управитель города счелъ нужнымъ нѣкото-

рымъ изъ вышеназванныхъ лицъ посовѣтовать, чтобъ они перестали посѣщать митрополита, не говоря однакожь, почему онъ даетъ такой совѣтъ. Одинъ изъ служившихъ въ митрополичьемъ домѣ взялся доставлять полиціи ежедневныя свѣдѣнія, чѣмъ занимался митрополитъ съ утра до ночи, кого онъ принималъ, о чемъ съ ними говорилъ, кому давалъ денегъ, какія отдавалъ распоряженія служащимъ, что дѣлалось у него въ канцеляріи и т. д. Всѣ сплетни, основанныя на такихъ донесеніяхъ, усердно передавались Милошу. Надзоръ за Стевчею Михайловичемъ велся совершенно иначе. Къ нему подосланъ былъ Филиппъ Станковичъ съ вопросомъ: «знаешь ли и слышалъ ли, какъ тебя винятъ въ иностранныхъ газетахъ?»—«Слышалъ,—отвѣчалъ Стевча,—и знаю, что меня винятъ не иностранныя газеты, а оскорбляетъ князь и его канцелярія, посылающая статьи въ эти газеты. Напрасно мы на скупщинѣ согласились дать деньги на чрезвычайную потребность,—вонъ она въ чемъ оказалась!... Князь думаетъ, что его Богъ на облакахъ принесъ въ Сербію, а не люди настаивали на томъ, желали того и, наконецъ, возстановили его». Разговоръ этотъ переданъ былъ Милошу съ разными украшеніями. Наступило время крайне натянутыхъ отношеній между нимъ и членами народно-либеральной партіи, которыя могли повести къ полнѣйшему разрыву, чего такъ давно добивались придворная реакція, дукатовская лига и глава бѣлградской полиціи.

Первый гнѣвъ Милоша разразился надъ Ефремомъ Груичемъ, который, кромѣ подозрительныхъ сношеній своихъ съ митрополитомъ, отъ которыхъ его неоднократно останавливалъ Цукичъ, согрѣшилъ еще и тѣмъ, что въ теченіе марта, управляя попечительствомъ правосудія, вошелъ въ полемику съ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, которое требовало отъ него, чтобы сербская юстиція принимала мѣры относительно выполненія приговоровъ гражданскихъ судовъ Австріи надъ ея подданными, проживавшими въ Сербскомъ княжествѣ. Груичъ доказывалъ попечительству иностранныхъ дѣлъ, на основаніи капитуляцій, заключенныхъ между Портою и европейскими державами, консульскимъ правомъ и прежними случаями, что сербское попечительство правосудія не обязано исполнять приговоры иноземныхъ судовъ. Эта неисправимая привычка Груича постоянно ссылаться на законы, тыкать ими въ глаза министрамъ Милоша, въ связи съ нелѣпыми слухами объ его отношеніяхъ къ русской партіи, была причиною, что въ началѣ апрѣля Милошъ обратился къ нему съ такимъ письмомъ: «Я не знаю ни одного человѣка, съ которымъ бы я въ жизни своей совѣтовался болѣе, чѣмъ съ вами; но также не знаю ни единаго, кто бы такъ мало слушался моихъ совѣтовъ, какъ вы. Не знаю, чему приписать это, развѣ только упрямству вашему. Вы подали однажды въ отставку и остались безъ службы, но я сохранилъ за вами содержаніе ваше. Потомъ вы были уволены въ чистую отставку, но я опять оказалъ милость, принялъ васъ въ службу и далъ вамъ жалованье. Принялъ васъ какъ сына

своего, давалъ вамъ совѣты и лично, и чрезъ другихъ; но все напрасно. Вы безпрестанно меня, какъ князя вашего, избѣгаете и имѣете тайныя свиданія съ подозрительными людьми, хотя и знаете, что я тѣмъ очень недоволенъ. Когда я вамъ говорилъ о томъ, вы вмѣсто того, чтобы покорно и съ почтеніемъ выслушать, смѣялись мнѣ въ глаза. Всѣ попечители часто являются ко мнѣ съ докладами, а васъ едва могу увидать однажды въ недѣлю. Кромѣ того, сколько моихъ приказаній, данныхъ вамъ, а иногда и повторенныхъ, вы до сихъ поръ не исполнили. Что изъ всего этого могу вывести, кромѣ того, что мы никакъ не можемъ придти къ соглашенію между собою и не созданы одинъ для другаго? А потому я нашелъ за лучшее уволить васъ отъ вашихъ обязанностей, дабы вы могли жить какъ вамъ угодно. Лучше всего будетъ, если вы не останетесь въ Бѣлградѣ. Ступайте туда, гдѣ бы вы имѣли менѣе повода согрѣшать и оскорблять своего князя, ибо здѣсь не можете укрыться отъ надзора полиціи, которая должна слѣдить за каждымъ вашимъ шагомъ и вашими сходками и мнѣ о томъ доносить. Желалъ бы, чтобы въ тишинѣ хоть когда-нибудь приходили на память вамъ мои совѣты и чтобы вы убѣдились, насколько они могли быть полезны вамъ и какъ я желалъ вамъ чрезъ нихъ всякаго добра и успѣховъ». Оставляя службу, Груичъ счелъ нужнымъ объяснить свое положеніе молодому князю и сообщилъ ему въ копіи письмо Милоша, послѣ чего, подъ предлогомъ болѣзни, онъ оставленъ былъ въ Бѣлградѣ.

Стевча Михайловичъ также получилъ отъ Милоша письмо, изъ котораго не трудно было понять, въ какомъ видѣ переданъ ему разговоръ съ Филиппомъ Станковичемъ. «Господинъ Стевча!—гласило письмо князя,—послѣ того, какъ ты успѣлъ затронуть всѣхъ, на кого только хотѣлъ напасть, дерзнулъ коснуться и имени своего князя. Слышу, какъ по улицамъ и домамъ ты порицаешь мое имя самымъ недостойнымъ именемъ. Я того, Стевча, не могу терпѣть,—ты пропадешь, если посмѣешь еще разъ поступить такъ. Ты, кажется, забылъ, что я—князь, а ты—не что иное, какъ чиновникъ мой, и что чиновникъ не можетъ мѣряться съ княземъ и господаремъ своимъ. Если другіе князья и терпѣли подобное дѣло къ ущербу своего имени и ко вреду земли, которою управляли, то Милошъ не станетъ поступать по ихъ примѣру. Не жди, Стевча, чтобъ я еще разъ напомнилъ тебѣ о томъ. У тебя есть свое назначеніе и должность, при нихъ и оставайся, а иначе бѣду наживешь и себѣ повредишь. Я не хочу знать, что пишутъ газеты. У меня много большихъ заботъ и важныхъ обязанностей,—мнѣ некогда распоряжаться тѣмъ, что иностраннымъ газетамъ противъ кого писать, какъ ты дерзнулъ сказать. Но подожди, Стевча, пока я выздоровѣю. Теперь болѣзнь мнѣ не дозволяетъ, а придетъ время—разузнаю, кто писалъ. Не доходи же до крайности, Стевча, я прошу тебя о томъ: ты уже близокъ къ ней; еще немного—и дойдешь». Въ этихъ письмахъ Милоша къ Груичу и Стевчѣ видна вся простая и пря-

мая натура Милоша, котораго обходили съ разныхъ сторонъ навѣтами на людей, желавшихъ добра столько же ему, сколько и странѣ, и которыхъ пользовались теперь на погибель этихъ людей. Любопытно также видѣть, какъ различно относился въ своихъ письмахъ Милошъ къ Груичу и Стевчѣ: къ первому онъ обращался на *вы* и хотя считалъ его человѣкомъ полезнымъ, получившимъ рѣдкое для серба той эпохи образованіе въ Парижѣ, но видимо побаивался теоритической стороны въ его дѣятельности, не долюбливалъ ее; ко второму же относился какъ къ старому пріятелю, который своимъ неосторожнымъ отзывомъ обидѣлъ его, и говорилъ ему *ты*.

На этомъ, конечно, не могли прерваться сношенія Милоша съ Стевчею. Только-что послѣдній получилъ письмо князя, какъ къ нему опять явился Филиппъ Станковичъ и сталъ говорить: «дивлюсь, кто это могъ передать князю нашъ разговоръ! Онъ знаетъ все, что мы говорили».— «Кто?—отвѣчалъ Стевча.—Да ты самъ сказалъ, никто другой... Я зналъ, что ты это сдѣлаешь. Только такъ ли передалъ ты ему, что я говорилъ тебѣ?»—«Ей-богу же такъ, какъ было,—признался Станковичъ.—Да онъ и самъ мнѣ сказалъ, что все уже слышалъ».—«Ну, это твое дѣло»,—сказалъ Стевча и выпроводилъ Станковича. Вслѣдъ затѣмъ онъ послалъ письмо къ Милошу, въ коемъ между прочимъ говорилъ: «Вы, господарь, меня твердо увѣряли, что не будете легко довѣряться клеветамъ, навѣтамъ и интригамъ; а нынѣ чуть не каждый часъ, не говорю уже день, приходится слышать о подобныхъ дѣлахъ и вы всему вѣрите. Если я васъ хвалилъ и превозносилъ тогда, когда еще не было въ Сербіи ни васъ, ни сына вашего, когда иные не смѣли даже произнести имени вашего, то отчего нынѣ все это можетъ измѣниться? Когда мы увидали васъ въ Сербіи, исполнились и наши желанія, которыми мы жили. Не допускай, господарь, такъ далеко заходить сплетнямъ, оговорамъ и клеветѣ. Если я не былъ невѣренъ вамъ во время страшныхъ искушеній и борьбы, то съ чего бы измѣнилъ теперь? Успокойся, князь,—дай миръ и себѣ, и намъ. Съ умысломъ стараются и тебя раздражить, и намъ досадить. Отрази ложь! Я былъ и остаюсь тебѣ вѣренъ». Милошъ черезъ четыре дня отвѣтилъ Стевчѣ: «Я не разсердился на тебя и ничего противъ тебя не имѣю, но ненавижу твою дружину, которая безпрестанно окружаетъ тебя и которой ты предался въ руки. Я люблю тебя, Стевча, какъ и прежде,— будь увѣренъ въ томъ; но гнѣваюсь и укоряю тебя за то, что ты водишься съ людьми, которые недостойны дружбы твоей и которые, по испорченности сердца своего, вовлекаютъ тебя въ дѣла и поступки, унижающіе тебя предъ свѣтомъ. Ты, Стевча, президентъ совѣта, ты—человѣкъ стяжавшій доброе имя и положеніе въ народѣ: зачѣмъ же ты не поступалъ согласно съ своимъ здравымъ и простымъ смысломъ? Тогда бы ты сохранилъ чистыми отъ нареканій и свое имя, и свое положеніе. Ты видѣлъ, что дружба твоя съ тѣми людьми не нравится мнѣ; я желалъ тебя отдѣлить отъ нихъ, ибо видѣлъ, на что они идутъ; радъ былъ ви-

дѣть тебя возвышеннымъ надъ страстями людскими; желалъ, чтобы ты носилъ съ достоинствомъ званіе, которымъ я отличилъ тебя. Ты все это могъ замѣтить, Стевча, и все-таки точно нарочно продолжалъ дружить съ людьми, которые употребляли вліяніе, имя и голосъ твой на то лишь, чтобы достигнуть своихъ цѣлей, чтобы все разрушить и отмѣнить, что не нравилось ихъ фантазіи, недозрѣлому уму и дурному сердцу. Приведи себѣ, Стевча, на память всѣ дѣла и поступки этихъ людей—и ты увидишь, отвѣчають ли они призванію моей династіи и здравымъ началамъ государственнаго правленія. Вотъ что мнѣ не нравилось и чего я не могъ терпѣть. Отстранись, Стевча, отъ такой дружины, тогда и я, и ты будемъ спокойны. Ты видишь изъ этого, что въ моемъ сердцѣ все по-прежнему. Чего же тебѣ болѣе, если ты только убѣдишься, что я тебя люблю и что почтенные люди тебя уважають. Не забывай, Стевча, ни своего званія, ни своей степени: отъ тебя и требуется болѣе другихъ. Ты имѣешь общество, съ которымъ можешь быть въ дружбѣ,—лучше и полезнѣе соединять людей, чѣмъ раздѣлять. Вотъ чего я желаю и хочу. Болѣе мнѣ нечего искать, намъ не зачѣмъ быть чьими-нибудь, а надо остаться сербскими и сербами». Въ послѣднихъ словахъ Милоша проглядывалъ уже ясный намекъ на слухи объ иностранномъ принцѣ, распущенные дукатовцами въ разныхъ газетахъ.

Что касается митрополита, то еще на Святой недѣлѣ, въ самый разгаръ слуховъ о кандидатурѣ принца Лейхтенбергскаго, онъ счелъ нужнымъ объясниться съ Милошемъ, который, чувствуя увеличивавшуюся слабость свою, переселился изъ Бѣлграда въ загородный дворецъ Топчидеръ. Пріѣхавъ съ поздравленіемъ, митрополитъ былъ принятъ Милошемъ любезно. Князь былъ въ пріятномъ настроеніи духа: онъ вспоминалъ о своей молодости, какъ бывалъ въ этотъ день съ народомъ въ церкви, а теперь, слыша раннимъ утромъ звонъ и стрѣльбу изъ пушекъ, могъ только плакать. Разсказывая объ этомъ, Милошъ сталъ плакать и предъ митрополитомъ, какъ дитя. Тотъ его утѣшалъ, подкрѣпляя надеждою на Бога и говоря, что онъ на своемъ вѣку сдѣлалъ довольно добра народу, который молитъ за него Бога. Надо надѣяться, что Богъ, по своей милости, поможетъ ему выздоровѣть и дастъ снова силы исполнять свои христіанскія обязанности. Затѣмъ разговоръ коснулся интригъ и сплетенъ. Князь сталъ жалѣть, что вѣрилъ имъ. Собесѣдники разстались совершенно довольные другъ другомъ; но придворная реакція, разумѣется, была недовольна примиреніемъ князя съ митрополитомъ. Тогда она рѣшилась поссорить ихъ инымъ путемъ. Еще когда Милошъ прибылъ въ Сербію, къ нему стали являться христіане изъ Турціи съ жалобами на турецкое угнетеніе. Сначала Милошъ принималъ всѣхъ, выслушивалъ ихъ и утѣшалъ; но когда узналъ, что иностранные консулы недовольны его сношеніями съ турецкими подданными, сталъ отсылать ихъ къ митрополиту. Съ тѣхъ поръ митрополія сдѣлалась обычнымъ мѣстомъ для подачи и принятія

всякихъ жалобъ со стороны восточныхъ христіанъ. Время отъ времени митрополитъ сообщалъ князю о содержаніи этихъ жалобъ. Утѣшая, ободряя и обдаривая просителей, митрополитъ Михаилъ говаривалъ имъ иногда, что срамъ для такихъ юнаковъ терпѣть господство поганыхъ и звѣрскихъ людей, какъ турки. Никто до самой Святой недѣли не мѣшалъ тому, но тутъ реакція убѣдила итальянскаго консула объяснить князю, какъ опасно отдавать подобное дѣло въ руки народной партіи, которая можетъ причинить великій вредъ не только Турціи, но и самому князю. Немного нужно было, чтобы расшевелить въ старомъ Милошѣ потухавшій было гнѣвъ на либераловъ. Къ этому-то собственно времени и относилась его переписка съ Груичемъ и Стевчею, съ которою мы уже познакомились. А къ митрополиту онъ послалъ 3 мая длинное письмо, вручивъ его Филиппу Христичу съ тѣмъ, чтобы тотъ, прочитавъ это письмо, не отдавалъ его въ руки митрополиту. Христичъ, какъ секретарь князя, явился въ митрополію и прочелъ представителю сербской церкви письмо, наполненное упреками за то, что онъ принимаетъ къ себѣ христіанъ изъ Турціи, издаетъ книги, заимствованныя большею частью изъ русской духовной литературы, и заставляетъ сербскихъ священниковъ читать оныя,—что издалъ слишкомъ строгое окружное посланіе къ духовенству, что сохраняетъ дружбу со Стевчею и т. п. Митрополитъ далъ самыя рѣшительныя опроверженія на эти упреки и запросы, и когда Филиппъ Христичъ спросилъ его: можетъ ли онъ передать все это князю,—отвѣчалъ: «не опустите ни единаго слова и передайте даже то, что вамъ кажется слишкомъ смѣлымъ». На другой же день митрополитъ получилъ телеграмму изъ Топчидера. Вся митрополичья дворня монашескаго и иного чина, оставшаяся еще отъ временъ митрополита Петра, знала о содержаніи письма, прочитаннаго Филиппомъ Христичемъ, и съ нетерпѣніемъ ожидала, чѣмъ окончатся объясненія митрополита съ княземъ. Нѣкоторые изъ нихъ ожидали даже, что Милошъ возвратитъ Петра. Милошъ встрѣтилъ митрополита словами, что поступилъ такъ, будучи принужденъ дать удовлетвореніе протестовавшему консулу. Затѣмъ началась мирная бесѣда, причемъ по поводу одной клеветы, повторенной княземъ въ глаза митрополиту, послѣдній отвѣчалъ, что если князю и впредь угодно будетъ вѣрить подобнымъ сплетнямъ, то для нихъ обоихъ лучше будетъ, если онъ поищетъ себѣ другаго митрополита. Милошъ успокоительно отвѣчалъ: «нѣтъ, нѣтъ, я не хочу такъ далеко заходить!» Съ этого дня продолжавшаяся въ теченіе цѣлаго мѣсяца натянутость въ отношеніяхъ Милоша къ народно-либеральной партіи исчезла. Самъ онъ, уже больной, отправился къ минеральнымъ водамъ Алексинацкой Бани; митрополита оставилъ въ Бѣлградѣ заниматься церковными дѣлами и выслушивать жалобы турецкихъ христіанъ; Ефрему Груичу также разрѣшилъ остаться въ Бѣлградѣ, по просьбѣ тестя его, Хербеза, а Стевчу Михайловича послалъ къ границамъ Сербіи. Вскорѣ обнаружилась цѣль этой посылки.

Въ это время русская дипломатія подняла вопросъ о положеніи христіанъ Турціи, препроводивъ ноту о томъ къ Портѣ и европейскимъ кабинетамъ. Милошъ, узнавъ о томъ, назвалъ такой запросъ неудовлетворительною полумѣрой: «Рѣшеніе такого вопроса безъ оружія,—говорилъ онъ, — только усложняетъ политическія и общественныя недоразумѣнія, существующія въ Турціи и ея княжествахъ». Порта съ своей стороны отвѣчала на запросъ Россіи тѣмъ, что отправила великаго визиря Кипризли-пашу въ объѣздъ по Европейской Турціи для разбора жалобъ христіанскаго населенія. Французскій консулъ въ Бѣлградѣ тотчасъ же сталъ совѣтовать сербскому правительству послать на встрѣчу великому визирю князя Михаила; но тотъ отказался,—вмѣсто него и посланъ былъ Стевча Михайловичъ. Въ Сербіи не безъ любопытства слѣдили за путешествіемъ визиря, не ожидая отъ него ничего добраго. И дѣйствительно, получавшіяся въ Бѣлградѣ вѣсти о дѣйствіяхъ Кипризли-паши не были ободряющими. Такъ, разсказывали, что въ городѣ Ломъ-Паланкѣ народъ подалъ визирю просьбу, въ которой, представляя свое бѣдственное положеніе, съ одной стороны умолялъ объ уменьшеніи податей, а съ другой просилъ позволенія звонить въ колокола при церковной службѣ. Кипризли-паша остался чрезвычайно недоволенъ такимъ прошеніемъ и велѣлъ узнать, кто писалъ его. Составитель просьбы, учитель православной школы, былъ представленъ предъ визиремъ. «Какъ ты смѣлъ написать его?» — спросилъ паша. — «Я старался изложить, — отвѣчалъ учитель,—только желанія цѣлаго общества, прибѣгающаго къ великодушію вашей свѣтлости». Тогда разгнѣванный визирь ударилъ учителя собственоручно, велѣлъ арестовать его вмѣстѣ съ нѣкоторыми депутатами и сказалъ остальнымъ: «Вы должны понять, что ваши отношенія къ Турціи не такія, какъ жителей Румыніи и Сербіи. Кому плохо здѣсь, тотъ можетъ ѣхать въ Россію». А по церковному вопросу отдѣлался такимъ замѣчаніемъ: «знаете ли вы, что когда Іисусъ Христосъ родился, то въ колокола не звонили, а потому и вамъ не нужно». Такія дѣйствія Кипризли-паши ободряли фанатизмъ мусульманъ и не оставались безъ вліянія даже на мусульманскихъ жителей Сербіи. Еще болѣе долженъ былъ пробудиться ихъ фанатизмъ послѣ распоряженія, отданнаго великимъ визиремъ, о приближеніи турецкихъ войскъ, расположенныхъ въ Босніи, къ сербскимъ границамъ. Представникъ сербскаго князя не замедлилъ протестовать противъ этого предъ Османъ-пашой, который ограничился обѣщаніемъ быть посредникомъ въ этомъ случаѣ между Портою и сербскимъ правительствомъ. Милошъ съ своей стороны отдалъ приказъ жителямъ Сербіи вооружиться на всякій случай. Послѣ этого Бѣлградъ, гдѣ мусульмане жили рядомъ съ христіанами, сталъ свидѣтелемъ безпрестанныхъ столкновеній между ними. Одинъ изъ турецкихъ обывателей, намекая на рѣзню христіанъ въ Ливанѣ, грозилъ своимъ сосѣдямъ: «смотрите, чтобъ мы съ вами не сдѣлали того, что дѣлаютъ съ гяурами въ Сиріи». 25

іюля въ 10 часовъ вечера сербская полиція должна была арестовать подравшихся въ одной кофейнѣ христіанъ и мусульманъ; но драка перешла на улицу. Число участвовавшихъ въ ней возрасло до почтенной цифры; между бойцами были и тяжело раненые. Пришлось окружить толпу сербскими войсками, раненыхъ развезли по домамъ, а здоровыхъ — турокъ препроводили въ крѣпость, сербовъ—въ полицейское зданіе. На другой же день послѣдовало совѣщаніе консуловъ у Османъ-паши, который во всемъ обвинялъ сербовъ и грозилъ, въ случаѣ повторенія уличныхъ нападеній на мусульманъ, бомбардировать городъ. Между тѣмъ полиціи стало извѣстно, что въ слѣдующую же ночь по рѣкѣ Савѣ перехвачены были три мусульманскихъ трупа, очевидно убитые втихомолку. Въ виду такихъ обстоятельствъ консулы постановили учредить смѣшанную коммиссію для разбора ссоръ и препирательствъ между мусульманскими и христіанскими обывателями Бѣлграда, а для поддержки первыхъ и предостереженія вторыхъ Османъ-паша сталъ производить частыя ученія гарнизону на площади между крѣпостью и городомъ.

Между тѣмъ еще съ весны 1860 года сербскіе патріоты вошли въ сношенія чрезъ своихъ агентовъ съ возставшими или намѣревавшимися возстать въ пограничныхъ округахъ Болгаріи, Старой-Сербіи и Босніи. Вотъ что, наприм., писалъ въ Бѣлградъ отъ 21 апрѣля одинъ изъ такихъ агентовъ, находившійся въ княжествѣ: «Я посланъ былъ проѣхать вдоль границы, ибо были слухи, что мѣстами народъ хотѣлъ своевольно двинуться на помощь своимъ братьямъ, что было бы преждевременно. Но, побывавъ въ Алексинацкомъ округѣ, вижу теперь, что народъ по границѣ одушевленъ одною мыслію и ожидаетъ только приказа отъ насъ: надо лишь позаботиться, чтобы было заготовлено какъ можно болѣе средствъ для борьбы. Я увѣренъ, что мы успѣемъ съ Божіею помощію въ своихъ намѣреніяхъ. Народъ готовъ возстать единодушно отъ сербской границы до Софіи, до Призрена и до Васоевичей. Округи Видинскій, Бѣлградчикъ, Нишскій, Лесковацкій, Прокупльскій, Враньскій, Кюстендильскій, Берковацкій, Самоковскій, Новобазарскій—ждутъ только, чтобы прислано было къ нимъ по два человѣка для соглашенія. Тамъ все готово. Но и турки двигаютъ свои войска изъ Виддина, Ниша, Призрена все къ Косову полю. Надо спѣшить». Но хотя въ Бѣлградѣ и другихъ городахъ Сербіи, а равно и въ нѣкоторыхъ южно-славянскихъ мѣстностяхъ, собираемы были въ тайнѣ приношенія на пользу общаго дѣла, и даже изъ Москвы отъ друзей славянства прислано было 3.000 дукатовъ; но приготовленія къ возстанію все-таки были ничтожны. Въ самой Сербіи охоту подраться съ турками чувствовали только жители пограничныхъ селеній, находившіеся въ безпрестанныхъ столкновеніяхъ съ ними; незначительное меньшинство между обывателями тѣхъ городовъ, гдѣ жили мусульмане или имѣлись турецкіе гарнизоны въ крѣпостяхъ. Страна еще не успѣла поправиться отъ разорительнаго управленія временъ Карагеоргіевича. На большинствѣ

хозяевъ лежали долги, по коимъ уплачивались большіе проценты. Въ мѣстностяхъ, гдѣ сосредоточивалось общинное управленіе, часто раздавались отрывистые удары барабана, при коихъ добоши объявляли о публичныхъ аукціонахъ; но не всегда находились покупатели. Въ городахъ торговля была въ упадкѣ. При такихъ обстоятельствахъ трудно было одушевить населеніе княжества къ борьбѣ за освобожденіе христіанъ изъ-подъ турецкаго ига. Замышлявшіе руководить изъ Бѣлграда возстаніемъ въ турецкихъ областяхъ болѣе всего думали о Босніи, но и для нея успѣли собрать не болѣе четырехъ сотенъ добровольцевъ, состоявшихъ главнымъ образомъ изъ боснійскихъ же и старо-сербскихъ перебѣжчиковъ. Только съ іюня попытались перебраться эти толпы черезъ рѣку Дрину: на Бадовинцѣ перешло ихъ 170 человѣкъ, у Подлозницы—45, у Лѣшницы—30, на Любави—около 100. Начальствовали ими Божо Кристичъ и Ника Медовичъ-Шарчиничъ. Турки уже знали о предстоявшемъ набѣгѣ, дали всѣмъ перебраться на другой берегъ и потомъ ударили на нихъ съ большими силами: много было раненыхъ, нѣсколько убитыхъ, всего болѣе на Любави; очень немногіе пробились въ Боснію, большая же часть вернулась назадъ. Сербскія власти арестовали ихъ и потомъ выпускали на волю по одному человѣку въ день.

Старый князь Милошъ съ своей стороны мечталъ предъявить Портѣ совершенно другія требованія. Волненіе христіанскаго населенія въ турецкихъ областяхъ онъ считалъ полезнымъ для себя, но думалъ не о поддержкѣ его, а о полученіи отъ Порты признанія постановленій сербской народной скупщины о престолонаслѣдіи, удаленіи турецкихъ обывателей изъ сербскихъ городовъ, измѣненіи устава, амнистіи болгарамъ, боснякамъ, герцеговинцамъ и старо-сербамъ, замѣшаннымъ въ послѣднихъ волненіяхъ, и свободномъ караванномъ пути для сербовъ чрезъ Боснію и Герцеговину къ Адріатическому морю. Въ виду важности такихъ требованій, нѣкоторые изъ совѣтниковъ Милоша предлагали, чтобы во главѣ депутаціи, имѣвшей предложить ихъ Портѣ, сталъ молодой князь. Но Михаилъ не захотѣлъ ѣхать въ Константинополь, чтобы не бить челомъ султану и не цѣловать края его одежды. Депутація составилась такимъ образомъ: начальникомъ ея назначенъ былъ министръ иностранныхъ дѣлъ Цветко Райовичъ, членами совѣта: Миливой Іовановичъ и шабацкій протопресвитеръ Іованъ Павловичъ, а секретаремъ—начальникъ отдѣленія при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ Іованъ Ристичъ. Посылка этой депутаціи вызвана была тѣмъ вмѣшательствомъ европейской дипломатіи въ вопросъ о наслѣдіи сербскаго престола, которое произошло въ декабрѣ 1859 года и о которомъ мы уже говорили. Послѣ того, какъ Порта высказалась противъ рѣшенія этого вопроса во всемъ его объемѣ, а будущій наслѣдникъ Милоша отказался отправиться въ Константинополь, дипломаты, проживавшіе въ этомъ городѣ, дали совѣтъ сербскому князю чрезъ Милана Петроніевича обратиться къ Портѣ съ особымъ письмомъ о признаніи князя

Михаила наслѣдникомъ. Милошъ послушался этого совѣта, но съ тою разницей, что сталъ требовать новаго подтвержденія фирмана 1830 года, коимъ сербскій престолъ признавался наслѣдственнымъ въ фамиліи Обреновичей. Этому однакожъ воспротивились: англійскій посланникъ Бульверъ, находившій достаточнымъ, если Порта объявитъ великимъ державамъ, что признаетъ Михаила княземъ, когда власть перейдетъ въ его руки, и такое рѣшеніе свое сообщитъ заранѣе начальнику бѣлградкой крѣпости Осману-пашѣ; а также австрійскій посланникъ баронъ Прокешъ, называвшій требованіе Милоша революціоннымъ желаніемъ. Порта приняла мнѣніе Бульвера, но такое рѣшеніе не могло успокоить Сербію. Его было бы достаточно, еслибы Милошъ искалъ только личнаго удовлетворенія, или заботился объ интересахъ бездѣтнаго сына своего Михаила; но онъ хотѣлъ обезпечить своей странѣ миръ и порядокъ установленіемъ постоянной династіи, а потому и не могъ смотрѣть на мѣру, принятую Портою, какъ на рѣшеніе вопроса въ принципѣ. Кромѣ того оставался не рѣшеннымъ вопросъ о правѣ Сербіи на самостоятельную организацію съ полною отмѣною прежняго устава; а вопросъ о выселеніи изъ княжества турокъ, жившихъ внѣ крѣпостей, рѣшенный уже давно въ пользу сербовъ, все еще ожидалъ своего формальнаго удовлетворенія. Вотъ эти-то три вопроса и поручалъ Милошъ вышеназванной депутаціи, поставивъ ея членамъ за правило: дѣйствовать вмѣстѣ и согласно, не сноситься поодиночкѣ ни съ турецкими министрами, ни съ посланниками покровительствующихъ державъ. Къ членамъ депутаціи долженъ былъ присоединиться и сербскій агентъ при Портѣ, Петроніевичъ. Порта хотя и была недовольна прибытіемъ депутаціи, цѣли которой не были ей вполнѣ извѣстны, но въ то же время и рада была случаю оттянуть споръ съ Сербіей долгими переговорами, что было не лишне въ виду разразившейся тогда въ Сиріи рѣзни, вызвавшей вмѣшательство со стороны Франціи.

25 апрѣля 1860 года сербская депутація представила Портѣ мемуаръ такого содержанія: сославшись въ началѣ на постоянную вѣрность сербскаго народа своему сюзерену, неоднократно засвидѣтельствованную, составитель мемуара выражалъ удовольстіе, что сербскій народъ, получивъ, послѣ двадцатилѣтняго періода, полнаго тяжкихъ испытаній, возможность впервые высказать свои мысли и желанія независимо отъ всякаго внѣшняго вліянія, спѣшитъ заявить свою глубочайшую признательность султану. Мемуаръ признавалъ, что и Порта съ своей стороны обнаруживала заботливость объ интересахъ Сербіи неоднократными хаттишерифами, основанными на трактатахъ. Со свойственною ему умѣренностію сербскій народъ не ищетъ какихъ-либо новыхъ льготъ, но желаетъ только выполненія уже признанныхъ за нимъ правъ, оставшихся по разнымъ причинамъ въ пренебреженіи. Эти желанія заявлены были еще на святоандреевской скупщинѣ до прибытія Милоша въ Сербію и потомъ переданы ему, какъ залогъ его союза съ народомъ. Первое желаніе—престолонаслѣдіе

въ фамиліи Обреновичей,—было признано бератомъ 3 августа 1830 года и внесено въ уставъ княжества, утвержденный самою Портою. Несчастныя событія 1839 и 1842 годовъ уничтожили этотъ порядокъ наслѣдства; но теперь народъ выразилъ убѣжденіе, что наслѣдственность княжеской власти есть первый якорь его спасенія: рѣшеніемъ скупщины возстановлены наслѣдственныя права Милоша, которыхъ и Порта не отмѣняла никакимъ актомъ. А потому сербскій народъ надѣется, что Порта признаетъ свой прежній бератъ воспріявшимъ все свое значеніе, тѣмъ болѣе, что наслѣдственность, будучи началомъ консервативнымъ, есть лучшее ручательство за порядокъ. Но, будучи доволенъ своимъ законнымъ положеніемъ, сербскій народъ обезпокоенъ несоблюденіемъ хаттишерифовъ, наприм., касательно вопроса о выселеніи мусульманъ изъ городовъ и другихъ мѣстъ, лежащихъ внѣ крѣпостей. Хаттишефиръ 1830 года разрѣшалъ этотъ вопросъ точно и ясно, не подвергая его никакимъ сомнѣніямъ, а между тѣмъ, къ глубокому огорченію сербскаго народа, это рѣшеніе было измѣнено хаттишерифомъ 1833 года, который нельзя назвать дополненіемъ прежняго, а ограниченіемъ его. Гдѣ же ручательство, что и другія права не будутъ ограничены? Мусульмане и до сихъ поръ не выселились изъ Сербіи, между тѣмъ это необходимо, ибо присутствіе мусульманъ создаетъ двойственность администраціи, хотя она по пунктамъ 2, 5 и 10 основнаго хаттишерифа должна быть народною; а теперь турецкіе воеводы, кадіи и другія власти отправляютъ свои обязанности внѣ крѣпостей. Изъ этого происходятъ раздоры, непрестанныя распри и кровавыя столкновенія, которыя нерѣдко оканчиваются ужасно. И такъ идутъ дѣла между двумя народами, судьба коихъ тѣсно связана, интересы коихъ перемѣшаны между собою. Прекратить такой порядокъ вещей необходимо для пользы самой имперіи. Наконецъ Сербія пріобрѣла въ 1830 году право имѣть свое независимое управленіе, а между тѣмъ вопреки хаттишерифу, утвердившему это право, Сербіи данъ былъ уставъ наперекоръ всѣхъ представленій владѣтельнаго князя. Этотъ уставъ содержитъ въ себѣ всѣ элементы для внутреннихъ безпорядковъ. Въ немъ есть параграфы, противорѣчащіе другъ другу; иными изъ нихъ освящены навсегда старые, уже отжившіе свое время порядки. Власть исполнительная принадлежитъ князю, а власть законодательную онъ раздѣляетъ съ совѣтомъ, при чемъ границъ между обѣими властями не постановлено и общій, и спеціальный бюджетъ находятся исключительно въ рукахъ совѣта. Попечители должны представлять о своихъ дѣйствіяхъ совѣту, а между тѣмъ отвѣтственность ихъ не опредѣлена. Особенно вреденъ былъ § 17, которымъ члены совѣта поставлены были внѣ всякой зависимости отъ какой бы то ни было земской власти; онъ возбудилъ борьбу между двумя властями въ княжествѣ, а права народа оставилъ не обезпеченными,—двадцатилѣтній опытъ доказалъ это. Этотъ параграфъ возвысилъ совѣтниковъ надъ закономъ вопреки § 27. Таковы основы управленія въ Сербскомъ княжествѣ, которое однакожъ

имѣетъ право само располагать своимъ внутреннимъ устройствомъ, и это право составляетъ жизненное условіе его существованія. Такимъ образомъ сербы ищутъ теперь предъ Портою только тѣхъ правъ, которыя имѣютъ, но которыя были или забыты, или пренебрежены. Подача этого мемуара сопровождалась письмомъ князя Милоша къ великому визирю, покровительству котораго онъ поручалъ дѣло, ввѣренное депутаціи, и письмами къ посланникамъ шести великихъ державъ, коихъ Милошъ просилъ о благосклонной поддержкѣ представленій, поданныхъ его депутатами Портѣ.

Какъ ни ясно были изложены въ мемуарѣ требованія, предъявленныя сербскимъ княземъ Портѣ, однакожъ потребовалось болѣе трехъ мѣсяцевъ для составленія отвѣта на нихъ. Порта всячески старалась выгодать время, а между тѣмъ исполнитель ея повелѣній, Османъ-паша бѣлградскій, еще разъ попытался воспользоваться безурядицею, господствовавшею во внутреннихъ отношеніяхъ Сербіи, чтобы затруднить князя и его правительство внутри и отвлечь ихъ вниманіе отъ внѣшнихъ дѣлъ. Не изъ среды однакожъ тѣхъ людей, которыхъ выставляли опасными придворная реакція и лига дукатовцевъ, а изъ среды приверженцевъ прежняго правительства явились люди, вступившіе въ заговоръ съ бѣлградскимъ пашою противъ Обреновичей. Въ апрѣлѣ и въ маѣ поданы были Османъ-пашѣ двѣ записки, изъ коихъ первая была безъ подписи, хотя ее и приписываютъ одному изъ участниковъ военной демонстраціи 12-го декабря 1859 года въ пользу Карагеоргіевича, добившемуся позднѣе весьма виднаго положенія въ княжествѣ, Миливою Петровичу, а вторая подписана Стефаномъ Херкаловичемъ. Въ первой запискѣ, писанной по-французски, говорилось объ удрученномъ состояніи Сербіи подъ владычествомъ Обреновичей, о паденіи антирусской партіи, о торжествѣ русскаго вліянія, опаснаго и для Сербіи, и для Порты, о тиранствѣ Милоша и даже о томъ, какимъ путемъ Порта можетъ отклонить требованія, предъявленныя депутаціи. Во второй запискѣ, ссылавшейся на первую и называвшей ея автора, говорилось уже о составленіи сильной оппозиціонной партіи, имѣющей цѣлію низвергнуть Обреновичей. Изложивъ по-своему исторію борьбы между двумя династіями въ Сербіи и между ихъ приверженцами, сказавъ съ большою откровенностію о дѣйствіяхъ каймакамовской партіи во время святоандреевской скупщины съ цѣлію удержать Карагеоргіевича на престолѣ, упомянувъ о мнимыхъ интригахъ народно-либеральной партіи въ пользу Россіи, пересчитавъ всѣхъ сторонниковъ Карагеоргіевича и Порты, причемъ названо было не мало и важныхъ лицъ между сербами,—составитель записки раскрывалъ планъ возстановленія добрыхъ отношеній между Сербіей и Портой, а для исполненія его требовалъ отъ Порты рѣшительнаго одобренія замыслу и денежной субсидіи. Но Порта мало довѣряла силѣ заговорщиковъ и не дала просимыхъ денегъ. Названныя записки, оставшись безъ послѣдствій, послужили только къ новому униженію предъ судомъ исторіи умиравшей партіи уставобранителей. И почти въ это самое время Милошъ Обрено-

вичъ, принимая въ Алексинацкой Банѣ Стевчу Михайловича, возвратившагося изъ поѣздки къ великому визирю, говорилъ ему: «какъ только возвращусь въ Бѣлградъ, прогоню всѣхъ интригановъ; у меня въ рукахъ теперь всѣ концы сплетенъ; гнѣздо ихъ въ австрійскомъ консульствѣ». Когда Милошъ переѣхалъ въ Брестовацкую Баню, къ нему прибылъ митрополитъ, и князь повторилъ ему то же обѣщаніе.

Въ это самое время, когда такъ выяснились взаимныя отношенія внутреннихъ партій между сербами и сдѣланъ былъ запросъ Портѣ о признаніи за сербскимъ народомъ правъ на самостоятельное управленіе, въ Бѣлградѣ получена была первая вѣсть о приготовлявшемся къ напечатанію въ Лейпцигѣ «Посланіи къ сербамъ изъ Москвы» *). Однимъ изъ подписавшихъ это посланіе, именно И. С. Аксаковымъ, оно привезено было въ Бѣлградъ въ рукописи и предъявлено наиболѣе вліятельнымъ людямъ изъ среды дѣйствовавшихъ въ княжествѣ партій. Сколько намъ извѣстно изъ сообщеній тѣхъ лицъ, которымъ читана была рукопись, всѣ они находили возможнымъ появленіе въ печати «Посланія», но при этомъ нѣкоторые выражали свое несогласіе съ разными мѣстами въ немъ, и дѣйствительно, когда оно появилось въ свѣтъ, то вызвало полемику въ сербскихъ газетахъ, преимущественно въ тѣхъ, которыя издавались въ Австріи. Намъ нѣтъ надобности вдаваться здѣсь въ какія-либо подробности по этому предмету, получившему извѣстное значеніе въ сербской литературѣ уже по смерти Милоша; но необходимо сказать хотя нѣсколько словъ о международномъ значеніи «Посланія». Прежде всего нельзя не признать, что оно задумано было въ самую удачную минуту: народная жизнь сербовъ получила сильное возбужденіе вслѣдствіе святоандреевскаго переворота. Люди, требовавшіе движенія впередъ и опиравшіеся съ одной стороны на

---

*) Мы разумѣемъ книгу: «Къ сербамъ посланіе изъ Москвы. Србльима посланіе изъ Москве. Aux Serbes, épitre de Moscou» (Лейпцигъ, у Фр. Вагнера, 1860 г., стр. 100), на двухъ языкахъ: русскомъ и сербскомъ. Подъ этимъ посланіемъ выставлены слѣдующія имена: А. Хомяковъ, М. Погодинъ, А. Кошелевъ, И. Бѣляевъ, Н. Елагинъ, Ю. Самаринъ, П. Безсоновъ, К. Аксаковъ, П. Бартеневъ, Ѳ. Чижовъ, И. Аксаковъ. Изъ полемическихъ статей, появившихся въ сербскихъ періодическихъ изданіяхъ по поводу этой книги, укажемъ на статью П. Даничича, который напечаталъ въ журналѣ *Даница* за 1860 г. отрывокъ изъ своей лекціи объ исторіи литературы, печатанной въ бѣлградскомъ лицеѣ, на отвѣты ему г. Вукичевича, помѣщенный въ *Сербской Лѣтописи*, кн. 102, и І. Илича въ той же *Даницѣ*, на письмо Ст. Новаковича въ *Даницѣ* 1862 года и на возраженіе ему І. Илича тамъ же. Даничичъ и Вукичевичъ главнымъ образомъ препирались по вопросу объ исключительной важности закона въ народной и государственной жизни, на чемъ настаивалъ первый, и о значеніи народной совѣсти въ жизни государствъ, которое защищалъ второй. Кромѣ того всѣ писавшіе высказывались по вопросу о предѣлахъ заимствованія чужихъ словъ для сербскаго языка. Не лишнее будетъ замѣтить, что самая мысль о „Посланіи“ подана была И. С. Аксаковымъ, русскій текстъ его принадлежалъ А. С. Хомякову, а сербскій переводъ—А. Ѳ. Гильфердингу.

народныя начала въ жизни, а съ другой — на плоды европейской культуры, искали наибольшей свободы въ государственной и общественной жизни; ихъ противники, ссылавшіеся на тѣ же начала и тотъ же примѣръ, стремились возвратить политическую жизнь княжества въ ея старую колею, да въ добавокъ еще къ тому обвиняли своихъ соперниковъ въ излишней приверженности къ Россіи. Въ такую минуту публичное обращеніе отъ имени русскихъ къ сербамъ, конечно, могло обратить на себя вниманіе сербскихъ читателей. Но, съ другой стороны, подобное обращеніе, отчасти по инымъ обстоятельствамъ времени, отчасти по своему обсужденію, не получило того значенія, которое можно было предсказывать ему. Къ цѣлому народу, а если и къ части его, то все-таки представлявшей собою особый политическій организмъ, обращался кружокъ людей, имѣвшихъ значеніе только литературное. Далѣе въ «Посланіи» почти не упоминалось о тѣхъ животрепещущихъ вопросахъ, которые и въявь, и скрытно, но во всякомъ случаѣ глубоко, волновали тогдашнее сербское общество, не имѣвшее никакой возможности обойти ихъ, — такіе вопросы были чужды тогда всему русскому обществу. Не удивительно, что «Посланіе» ни словомъ не касалось той почвы, на которой совершалась борьба сербскихъ партій, а равно и средствъ, которыми пользовались эти партіи въ своей борьбѣ, ибо самый ходъ этой борьбы не былъ раскрытъ предъ современниками. Для сербскихъ партій, конечно, было бы важно услышать мнѣніе о собственномъ дѣлѣ, приговоръ надъ ихъ распрею со стороны русскихъ людей, даже отъ небольшаго кружка ихъ; но этотъ приговоръ неизбѣжно долженъ былъ клониться въ пользу которой-либо изъ партій, а для составителей «Посланія» важно было, чтобъ ихъ выслушали люди всѣхъ направленій и оттѣнковъ. При такихъ условіяхъ «Посланіе» московскихъ друзей славянства не могло подойти прямо къ самымъ наболѣвшимъ въ сербской жизни вопросамъ, затронуть именно такія изъ сторонъ сербской жизни, которыя въ ту минуту имѣли преобладающее значеніе въ ней, — и это обстоятельство значительно уменьшало впечатлѣніе, которое могло имѣть посланіе русскихъ людей, въ особенности москвичей, къ сербамъ. Какъ бы то ни было, «Посланіе» ограничилось указаніями на такіе вопросы, которые могли всегда имѣть одинаковую силу въ жизни Сербіи. Указавъ на прежнія испытанія, которыя сербы прошли съ успѣхомъ, оно говорило объ испытаніяхъ, предстоявшихъ въ будущемъ — «не менѣе опасныхъ, хотя повидимому и менѣе тяжелыхъ»: о народной гордости какъ духовною и умственною, такъ и внѣшнею славою, о внутреннемъ разъединеніи, объ искаженіи народныхъ обычаевъ чуждымъ вліяніемъ; давались также совѣты о вѣрности православію, о сохраненіи простоты въ нравахъ, о поддержаніи суда общиннаго; при этомъ указывались такія явленія въ исторіи Россіи и Польши, которыя привели къ невыгоднымъ для народнаго дѣла послѣдствіямъ. Все «Посланіе» имѣло форму братскаго обращенія, но тонъ его мѣстами впа-

далъ въ поученіе. Какъ бы то ни было, это «Посланіе» всего болѣе не понравилось въ Сербіи людямъ реакціоннаго направленія, а своими замѣчаніями о европейской культурѣ оно не понравилось нѣкоторымъ ученымъ и журналистамъ. Что до народно-либеральной партіи, принявшей его радушнѣе другихъ, то, по ея мнѣнію, въ немъ было много пройденныхъ молчаніемъ вопросовъ, что отнимало у «Посланія» характеръ непосредственнаго участія въ насущныхъ интересахъ тогдашней Сербіи и оставляло за нимъ лишь значеніе братскаго, хотя и не совсѣмъ ожиданнаго, совѣта.

Между тѣмъ у сербской литературы, какъ она ни была слаба въ то время, и у сербскихъ писателей, какъ ни мало было число ихъ, существовали свои интересы, накопившіеся вмѣстѣ съ жизнію и потому дорогіе для сербскихъ читателей. Въ этой литературѣ точно такъ же, какъ и въ политической жизни, замѣчались два теченія: одно, доживавшее свой вѣкъ и державшееся старыми, заимствованными отъ Австріи, пріемами и школьными преданіями, другое—новое, имѣвшее своимъ источникомъ свободную связь народныхъ началъ съ европейскою наукой. Извѣстно, что первые книжные люди и первые школьные учители въ Сербскомъ княжествѣ были сербы изъ австрійскихъ областей, воспитанники тѣхъ школъ, которыя дѣйствовали въ эпоху реакціи и іезуитизма, послѣдовавшую за Вѣнскимъ конгрессомъ, и которыя такъ удачно характеризованы Гервинусомъ въ его «Исторіи XIX вѣка». Эти наставники учили молодое поколѣніе латинскому и нѣмецкому языку, теоріи поэзіи и прозы, діалектикѣ, философіи и Аристотелевой логикѣ. Виргиліева «Энеида» и оды Горація служили идеаломъ совершенства, къ которому стремился и котораго желалъ достичь самый ученѣйшій сербъ, писавшій въ первыя времена политическаго возрожденія Сербіи. Въ изящной словесности безраздѣльно господствовали, плохо понимаемыя, три единства Аристотелева. Ничему родному не учили тогда въ сербскихъ школахъ, ибо преподававшаяся въ нихъ «славяно-сербская грамота» имѣла такое же значеніе для сербовъ девятнадцатаго вѣка, какое могли бы имѣть для ихъ русскихъ современниковъ учебники, употреблявшіеся въ славяно-греко-латинской академіи. Хотя Вукъ Караджичъ уже и совершилъ свою реформу въ письменномъ сербскомъ языкѣ, но она не принималась въ княжествѣ и даже преслѣдовалась его правительствомъ. Главнымъ гонителемъ литературныхъ пріемовъ Караджича былъ Яковъ Живановичъ, нѣкогда секретарь Милоша, а потомъ союзникъ уставобранителей, а помощникомъ ему въ этомъ дѣлѣ былъ Лазичъ. Существеннымъ отличіемъ того направленія, котораго держались сербскіе писатели временъ Карагеоргіевича, было нравоученіе: всѣ они старались искоренить въ литературѣ «говедарскій и свинярскій» языкъ народа и научить «дикихъ шумадинцевъ» благонравію. Большая часть такихъ писателей и школьныхъ наставниковъ были кончившіе курсъ любомудрія и правовѣдѣнія въ Пресбургскомъ (Пожунскомъ) лицеѣ и по-

томъ богословія въ Карловцахъ. Они являлись въ Сербію въ качествѣ цивилизаторовъ, но ихъ роль распространителей цивилизаціи болѣе всего заключалась въ томъ, что они ѣли мясное въ посты, пересыпали свои разговоры бранью и много пьянствовали. Бывали минуты въ сербской правительственной практикѣ, когда совершалось огульное очищеніе княжества отъ такихъ пришлецовъ. Особенную твердость въ этомъ дѣлѣ обнаруживалъ Ѳома Вучичъ: такъ, еще въ 1842 году онъ въ теченіе двухъ дней прогналъ изъ Сербіи 96 подобныхъ культуръ-трегеровъ. Но они снова набирались въ княжество, соединялись съ остававшимися въ немъ и находили себѣ вѣрное прибѣжище у митрополита Петра, въ полицейскомъ отдѣленіи министерства внутреннихъ дѣлъ и опять-таки въ школахъ. Въ то же время всѣ они пописывали безъименныя статейки моральнаго содержанія, которыя и печатались въ оффиціальныхъ газетахъ. Спеціальнымъ органомъ такого рода литературы была получавшая субсидію отъ правительства *Подунавка*, гдѣ воспѣвалось въ стихахъ или какое-нибудь придворное торжество, или отшествіе Карагеоргіевича изъ Бѣлграда въ другой городъ, или печатались оды въ честь уставобранителей, поздравленія по поводу ихъ тезоименитствъ, похвалы мнимымъ меценатамъ и т. под. упражненія риторическаго свойства. Занимались они и политическими памфлетами, въ которыхъ съ одной стороны подвергались всякаго рода оскорбленіямъ Обреновичи, а съ другой—воспѣвался «нашъ dominus directus въ Цареградѣ». Литература этого направленія открыта въ 1842 году книжкою: «Фактически придатак къ критически исполсованоме осветленю найновіи приключенія Србіе съ юридическо-публичне стране» (Бѣлградъ, 86 стр.), гдѣ напечатана была вся переписка уставобранителей, достаточно характеризовавшая ихъ мнимопатріотическія убѣжденія. Но этого было мало. Уставобранители склонили лучшаго между тогдашними сербскими поэтами, Симу Милутиновича Сарайлію, воспѣть ихъ дѣянія и онъ издалъ стихотвореніе: «Воскресеніе устава Сербіи и народной правды», ставшее болѣе извѣстнымъ въ разговорной рѣчи сербовъ подъ именемъ «Воскреснаго яичка». Но дѣло въ томъ, что Сима въ своемъ стихотвореніи хватилъ черезъ край и, какъ человѣкъ простосердечный, воспѣлъ своихъ меценатовъ такими, какими они были на самомъ дѣлѣ, т. е. рабами султана. Не глупые изъ уставобранителей замѣтили, что дѣло не ладно, и ихъ цензура стала запрещать съ тѣхъ поръ подобныя пѣснопѣнія. Но сербскіе эмигранты, проживавшіе въ Новомъ-Садѣ, подняли перчатку, брошенную Милутиновичемъ, и въ слѣдующемъ году появилась стихотворная пародія, въ которой воспѣтъ былъ въ весьма грязномъ видѣ союзъ уставобранителей съ турками (отъ имени Ивана Соколовича, въ двухъ выпускахъ, стр. 31 и 88). Симѣ волей-неволей пришлось написать «Отпѣвъ» (58 стр.), гдѣ уже подвиги уставобранителей выставлены были въ изукрашенномъ видѣ. Противникъ его назвалъ себя Кабларцемъ, что могло значить и бондарь, и житель горы Каблара.

Милутиновичъ отвѣчалъ ему на тему: «Чтò въ ведрѣ безъ овецъ, а въ овцахъ безъ травы? Чтò въ ведрѣ безъ молока, а въ травѣ безъ овецъ?» Но самымъ бойкимъ публицистомъ морализующихъ уставобранителей былъ Атанасій Николичъ, профессоръ лицея, «дипломатическій землемѣръ», какъ онъ титуловалъ себя самъ, «сербскій славуй» (соловей), какъ называли его нѣкоторые изъ поклонниковъ, перенося на автора заглавіе одной изъ книгъ его. Но и Николича скоро оставили позади другіе писатели, впослѣдствіи прославившіеся среди дукатовцевъ. Такъ, въ 1845 году появился «Великій Бѣлградскій Календарь», гдѣ Милошъ Поповичъ доказывалъ благодѣтельныя послѣдствія «избирательной системы» для Сербіи и увѣрялъ, что всѣ сербы счастливы, ибо «каждый можетъ надѣяться быть княземъ».

Всѣ умственныя силы тогдашнихъ представителей сербской литературы тратились на подобныя произведенія. Такъ было до 1848 года, когда въ Бѣлградскомъ лицеѣ появились болѣе образованные преподаватели и около нихъ составился литературный кружокъ изъ молодыхъ силъ. Наиболѣе видными въ немъ дѣятелями были: профессоръ филисофіи Димитрій Матичъ, впослѣдствіи бывшій неоднократно то министромъ народнаго просвѣщенія, то министромъ правосудія; профессоръ права Коста Цукичъ, въ то время сторонникъ крайняго либерализма, впослѣдствіи строгій бюрократъ и довольно извѣстный дипломатическій дѣятель; за ними молодые еще тогда чиновники—Андрія Стаменковичъ, Іованъ Иличъ и студенты лицея — Ефремъ Груичъ, Іованъ Ристичъ, Милованъ Янковичъ и другіе. Этотъ кружокъ издалъ сборникъ подъ названіемъ «Невен слоге» (цвѣтокъ согласія), напечатанный однакожь въ Землинѣ, а не въ Бѣлградѣ. Отъ этой книги вѣяло совершенно новымъ духомъ. Въ ней попадались такіе стихи: «Сверкай молнія! Гремите громы! Сербы уже болѣе не рабы!» Въ концѣ книжки была статейка Груича, въ которой доказывалось, что сербы не вполнѣ свободны извнѣ, ибо платятъ дань Портѣ,— несвободны и внутри, ибо народъ не имѣетъ свободы слова, участія въ законодательной власти и т. п. Эта книга произвела огромное впечатлѣніе на сербское общество и вызвала противодѣйствіе со стороны людей прежняго направленія. Многіе изъ членовъ молодаго кружка отпали отъ него и стали въ ряды консерваторовъ, и прежде всѣхъ Цукичъ. Другой ученый, докторъ Вѣнскаго университета, Никола Крстичъ, защищая главную опору старыхъ порядковъ, олигархическій «совѣтъ», доказывалъ въ органѣ тогдашняго Общества сербской словесности *Гласникъ*, что и по законамъ Душана право издавать законы и рѣшать вопросъ о мирѣ или войнѣ принадлежало собранію вельможъ. Матія Банъ написалъ не малую статью, въ которой доказывалъ, что султаны, по историческому праву, наслѣдники сербской короны, а редакторъ *Сербскихъ Новинъ*, Милошъ Поповичъ, вторилъ ему во время распри Карагеоргіевича съ совѣтниками. Пока всѣ эти историки, юристы, политики и моралисты бились все въ

одной и той же колеѣ,—идеи, противоположныя ихъ ученіямъ, распространялись и крѣпли въ обществѣ, хотя и не имѣли свободнаго доступа въ литературу. А въ послѣдній годъ правленія Карагеоргіевича министерство народнаго просвѣщенія вступило даже въ препирательства съ Обществомъ сербской словесности, запрещая ему замѣнять въ своихъ изданіяхъ такъ называемыя «славяно-сербскія» слова чисто сербскими и согласовать правописаніе съ правилами, предложенными еще Вукомъ Караджичемъ и разработанными его преемниками. Общество имѣло нѣсколько засѣданій для составленія возраженій министерству и была образована для этой цѣли особая коммисія, докладъ которой написанъ былъ Іованомъ Ристичемъ и одобр̂енъ обществомъ. Святоандреевская скупщина совершила поворотъ и въ этомъ отношеніи. Сначала однакожь партія каймакамовская, поддерживаемая дукатовскою лигой, господствовала въ *Сербскихъ Новинахъ*, обвиняя своихъ противниковъ чуть не въ республиканскихъ замыслахъ. Такая крайность въ нападеніяхъ помогла, какъ уже было сказано нами ранѣе, народно-либеральной партіи убѣдить Милоша къ передачѣ единственной въ Бѣлградѣ газеты въ другія руки. При новомъ редакторѣ, Владимірѣ Іовановичѣ, «дикіе шумадинцы», на этотъ разъ ставшіе либералами, захватили въ свои руки вліяніе въ мѣстной литературѣ. Самъ Владиміръ Іовановичъ писалъ противъ людей старой школы по вопросамъ экономическимъ и хозяйственнымъ; Груичъ и Янковичъ дѣйствовали какъ публицисты; Стоянъ Вельковичъ знакомилъ своихъ соотечественниковъ съ современнымъ состояніемъ права и судоустройства на Западѣ; Стоянъ Бошковичъ явился истолкователемъ народныхъ стремленій; Іованъ Иличъ издалъ брошюрку: «Взглядъ на нынѣшнее наше состояніе», въ которой требовалъ возможно большаго просвѣщенія народа. Къ этимъ писателямъ, учившимся отчасти дома, отчасти въ западной Европѣ, присоединились новые дѣятели изъ числа учившихся въ Россіи, преимущественно кончившихъ курсъ въ Кіевской духовной академіи. Митрополитъ Михаилъ издалъ книжку «объ обязанности церковныхъ пастырей и тяжкой ихъ службѣ»; Алимпій Васильевичъ только-что выступилъ тогда какъ образцовый критикъ, много содѣйствовавшій паденію прежнихъ преданій и пріемовъ въ сербской литературѣ; тогда же началась и дѣятельность историческаго писателя Панты Сретьковича. Много писано было за то время въ *Сербскихъ Новинахъ* о желаніяхъ сербскаго народа вообще, о законодательствѣ, о словесномъ судопроизводствѣ и реформахъ въ судоустройствѣ, о преобразованіи торговаго суда, объ улучшеніи и границахъ полицейской службы, объ усовершенствованіи военнаго управленія, о преобразованіи податной системы, о состояніи финансовъ, промысловъ и торговли, о положеніи школъ и народныхъ учителей, о судьбѣ сельчанъ и сельскихъ общинъ и т. п. Словомъ, это было время гласнаго обсужденія государственныхъ и общественныхъ вопросовъ, къ молчанію о которыхъ такъ долго пріучали Сербію уставобранители и каймакамовцы,

державшіе и самого Карагеоргіевича въ своихъ рукахъ. Даже когда за рѣзкую статью противъ Турціи редакція *Сербскихъ Новинъ* взята была отъ Владиміра Іовановича и передана Стояну Бошковичу, то литературное направленіе ея нисколько не измѣнилось, только тонъ сдѣлался нѣсколько мягче. За то Бошковичъ, можно сказать, впервые обратилъ особенное вниманіе сербовъ на славянскія земли и славянскія дѣла, открывъ въ газетѣ особый отдѣлъ для того. Въ его передовыхъ статьяхъ: «Взглядъ на прошедшій годъ», громко высказывалась мысль о необходимости духовнаго сближенія всѣхъ славянскихъ племенъ, о великомъ союзѣ славянъ подъ покровительствомъ Россіи, этого «мощнаго сѣвернаго колосса, этого величественнаго сѣвернаго сіянія для всѣхъ славянскихъ народовъ». Въ такихъ ясныхъ отзывахъ о Россіи, въ такихъ надеждахъ на нее, въ такомъ отношеніи къ славянскому дѣлу вообще, каймакамовская партія увидала только новыя доказательсва своихъ подозрѣній насчетъ политическихъ замысловѣ либераловъ, и по ея проискамъ редакція *Сербскихъ Новинъ* отдана была Милану Миличевичу, который, будучи сторонникомъ Обреновичей, не раздѣлялъ нисколько политическихъ убѣжденій святоандреевцевъ *). Лѣтомъ 1860 года, казалось, литературная борьба между партіями затихла и вниманіе всѣхъ обращено было на исходъ переговоровъ, которые вела сербская депутація въ Константинополѣ. Такимъ образомъ и «Посланіе изъ Москвы», задуманное въ удачную минуту, явилось нѣсколько поздно для того, чтобы сосредоточить вниманіе сербовъ на вопросахъ, о которыхъ говорилось въ немъ.

22 іюля (3 августа) 1860 г. великій визирь вручилъ сербской депутаціи письмо къ Милошу Обреновичу, въ которомъ, не отказывая въ удовлетвореніи его требованіямъ, глава турецкаго министерства обходилъ съ дипломатическимъ равнодушіемъ самое существенное въ нихъ. На томъ основаніи, что право избранія князя составляетъ важнѣйшее изъ политическихъ правъ сербскаго народа, Порта признавала Михаила, согласно народнымъ желаніямъ, наслѣдникомъ престола; но идти далѣе въ этомъ вопросѣ не соглашалась, считая такой шагъ нарушающимъ избирательный принципъ. Что касается мусульманскихъ жителей Бѣлграда, имѣвшаго крѣпость съ турецкимъ гарнизономъ, то Порта считала ихъ принадлежащими къ этому гарнизону и стало-быть не обязанными выселяться изъ Сербіи; относительно же прочихъ мусульманъ предлагала образовать смѣшанную коммиссію для пріисканія способа къ безобидному удаленію ихъ изъ княжества. Наконецъ, по вопросу объ уставѣ предлагала представить ей проектъ онаго. Такъ какъ нѣкоторые изъ европейскихъ посланниковъ въ Константинополѣ совѣтовали Милошу чрезъ его депутацію не отвер-

---

*) Ср. его „Письмо изъ Бѣлграда" въ *Русской Бесѣдѣ* за 1859 годъ, № 2, Смѣсь, стр. 140—145, и примѣчаніе редакціи къ нему, тамъ же, стр. 146—150, изъ коего видно, какъ сочувственно относились славянофилы къ святоандреевской скупщинѣ.

гать соглашенія, предлагаемаго Портою, то старый князь, зная еще до полученія отвѣта Порты его содержаніе, посылалъ въ половинѣ іюля къ Михаилу Обреновичу Филиппа Христича съ порученіемъ составить проектъ новаго устава. Но Михаилу извѣстны были также слова французскаго посланника Лавалета, который сказалъ сербскимъ депутатамъ: «Ваша будущность не зависитъ отъ того, чтобъ изгнать изъ земли нѣсколькихъ турокъ и вычеркнуть изъ устава одинъ параграфъ. Вмѣсто того, чтобы губить время, препираясь о неважныхъ вопросахъ, вамъ слѣдуетъ въ тайнѣ, но самымъ дѣятельнымъ образомъ, подготовлять благостояніе своей земли, и тогда Европа увидитъ, что страна ваша имѣетъ правительство, полное жизни, на которое можетъ положиться». Князь Михаилъ отвѣчалъ отцу, что главною задачей депутаціи было возвратить Сербіи самостоятельность въ дѣлахъ внутренняго управленія, а если согласиться на представленіе Портѣ проекта новаго устава, то этимъ не будетъ достигнута названная цѣль: признано будетъ за Портою право вмѣшиваться въ государственное устройство княжества и кромѣ того представится поводъ къ подобному вмѣшательству со стороны покровительствующихъ державъ. Кромѣ того и новый уставъ можетъ оказаться чрезъ нѣсколько лѣтъ неудовлетворительнымъ, а при новомъ пересмотрѣ его нельзя уже будетъ избѣжать критики со стороны иностранныхъ консуловъ. А потому Михаилъ высказывалъ мнѣніе, что необходимо настаивать на признаніи Портою за Сербіей права самостоятельно рѣшать вопросъ о своемъ уставѣ. Вслѣдствіе такого письма молодаго князя къ отцу, сербской депутаціи велѣно было изъ Бѣлграда представить Портѣ меморандумъ, протестующій противъ ея рѣшенія, что и было исполнено 10 (22) августа. Въ протестѣ прямо говорилось, что отвѣтъ Порты заключалъ въ себѣ рѣшительный отказъ на все, что сербскій народъ считаетъ своимъ драгоцѣннѣйшимъ и неизмѣннымъ правомъ. Въ виду такого отрицательнаго отвѣта сербскому князю не остается ничего болѣе, какъ отозвать свою депутацію и въ то же время объявить, что требованія, заявленныя ею, и князь, и народъ признаютъ неотъемлемымъ и неотмѣняемымъ правомъ Сербіи. Протестъ этотъ произвелъ сильное впечатлѣніе въ Константинополѣ: нѣкоторые думали, что разрывъ между Турціей и Сербіей былъ неизбѣженъ. Тогда англійскій посланникъ сталъ убѣждать депутатовъ къ продолженію переговоровъ; но такъ какъ они отказались отъ этого, то Порта придумала возобновить сношенія съ Милошемъ чрезъ зятя султана, стараго пріятеля Милошева, Мегмедъ-Али-пашу, который былъ тогда морскимъ министромъ и не разъ высказывался въ пользу требованій Милоша. Самъ султанъ предъ отъѣздомъ депутаціи изъ Константинополя оказалъ ей ласковый пріемъ.

26 августа депутація, возвратившись на родину, представила княжескому правительству отчетъ о послѣднихъ дняхъ своего пребыванія въ Цареградѣ. Донося, что послѣ подачи Портѣ рѣшительнаго протеста онъ

доставленъ былъ въ копіи посламъ великихъ державъ, депутація извѣщала, что князь Лобановъ выразилъ сожалѣніе о такомъ шагѣ сербскаго правительства, ибо считалъ изъясненія Порты по вопросу о выселеніи мусульманъ пустою фразеологіей, отъ которой она, при рѣшительныхъ дѣйствіяхъ смѣшанной коммиссіи, отказалась бы, да и въ самый уставъ можно бы внести всѣ перемѣны, какія Сербія считала нужными. Графъ Гольцъ, прочитавъ со вниманіемъ протестъ, замѣтилъ, что онъ предвидѣлъ такой исходъ переговоровъ, и, анализируя созданное имъ положеніе, прибавилъ: «теперь если останется status quo, тогда нельзя не пожалѣть, что рѣшеніе Порты не было принято, ибо по вопросу о выселеніи мусульманъ можно бы было достичь многаго; если же Сербія считаетъ заявленныя ею требованія неподлежащими отмѣнѣ и станетъ приводить ихъ сама въ исполненіе, то изъ этого можетъ возникнуть весьма сомнительное положеніе». Вообще же графъ Гольцъ порицалъ дѣйствія Порты предъ сербскими депутатами. Всѣхъ рѣшительнѣе высказался Лавалетъ: онъ называлъ сербскій протестъ объявленіемъ войны Турціи; говорилъ, что Милошъ взялъ на себя большую отвѣтственность, что опасаться было нéчего излишнихъ требованій Порты, ибо все дѣло поступило бы на разсмотрѣніе покровительствующихъ державъ, что въ вопросахъ о мусульманскихъ обывателяхъ и объ уставѣ Франція была бы на сторонѣ Сербіи и что вопросъ о престолонаслѣдіи неваженъ по бездѣтности Михаила. Въ заключеніе онъ обѣщалъ еще разъ подѣйствовать на Али-пашу. Бульверъ принялъ депутатовъ сухо и объявилъ имъ кратко: «Вы объявили себя независимыми отъ цѣлаго свѣта. Вашъ князь высказалъ свое рѣшеніе. Теперь дѣло переходитъ на разсмотрѣніе великихъ державъ. Но послѣдствія для васъ могутъ быть неблагопріятны». Представитель Австріи, Лудольфъ, ограничился выраженіемъ крайняго сожалѣнія своего о поступкѣ Милоша. Когда депутація имѣла прощальную аудіенцію у Али-паши, то онъ также выражалъ сожалѣніе, что сербскій князь истолковалъ рѣшеніе Порты въ столь крайнемъ смыслѣ, что переговоры могли бы быть продолжаемы и при той постановкѣ, какая была дана Портою спорнымъ вопросамъ, что сербскій князь самъ себѣ противорѣчитъ, объявляя права Сербіи какъ бы полученными: зачѣмъ же въ такомъ случаѣ присылалъ въ Константинополь свою депутацію? Въ заключеніе Али-паша просилъ принять энергическія мѣры въ Бѣлградѣ для предупрежденія столкновеній между христіанами и мусульманами. Прощаясь съ депутатами, Али-паша не подалъ имъ руки, что дѣлывалъ прежде. Итальянскій посланникъ высказался предъ депутатами такъ: «Вы своимъ поступкомъ дипломатически изолировали себя. Въ другое время онъ не имѣлъ бы такихъ рѣшительныхъ послѣдствій, но при нынѣшнемъ тяжеломъ положеніи Турціи на него можно смотрѣть какъ на попытку эксплуатировать затрудненія Порты, какъ на первый шагъ къ отторженію отъ нея, за которымъ бы послѣдовалъ отказъ отъ дани, затѣмъ нападеніе на турокъ и т. д.». Далѣе

Дурандо жалѣлъ, что Сербія не пользовалась вліяніемъ на общественное мнѣніе Европы посредствомъ большихъ газетъ, и совѣтовалъ впредь это дѣлать. Наконецъ онъ не совѣтовалъ сербамъ переходить за границы законныхъ отношеній къ Портѣ. «Если вы произведете небольшія административныя перемѣны,—говорилъ онъ,—которыя не нарушатъ устава, то на это никто не обратитъ и вниманія. Но если вы употребите силу противъ турокъ, живущихъ въ Сербіи, если вы станете подстрекать къ возстанію населеніе сосѣднихъ областей, если сами перейдете чрезъ границы, если коснетесь устройства своего государственнаго совѣта, то можете быть увѣрены, что Европа употребитъ противъ васъ принудительныя мѣры. Насиліемъ надъ турками вы вызвали бы противъ себя общественное мнѣніе. Теперь ведется крестоносная война въ Сиріи на защиту христіанъ отъ мусульманъ; тогда бы открылась необходимость защищать христіанъ отъ мусульманъ. Послѣдствія того были бы велики: они послужили бы на пользу турецкому правительству, которое теперь обвиняютъ въ безсиліи и въ неумѣньи усмирить варварство, обращенное противъ христіанъ, ибо при первомъ нападеніи на мусульманъ стали бы говорить, что въ фанатизмѣ виновны обѣ стороны. Такимъ образомъ вы противъ своей воли оправдали бы турокъ и ихъ политическое существованіе». Въ заключеніе депутація доносила, что Порта повидимому желаетъ возстановить, при содѣйствіи представителей великихъ державъ, свои отношенія къ Сербіи и готова, по всей вѣроятности, на новое соглашеніе.

Милошу уже не суждено было довести до конца свой споръ съ Турціей,—онъ впалъ въ предсмертную болѣзнь и не могъ даже принять депутатовъ. Въ болѣе спокойныя минуты онъ просилъ Бога подкрѣпить его силы, чтобы сѣсть на коня и вести сербовъ противъ извѣчнаго врага. Но 14 сентября сербы оплакивали своего освободителя, который, послѣ двадцатилѣтнихъ странствій внѣ отечества, имѣлъ счастіе положить свои старыя кости въ родной землѣ, за свободу которой онъ жертвовалъ собой во дни своей молодости.

Нилъ Поповъ.

Организація земскаго представительства.

III *).

Просматривая сдѣланное нами въ предшествовавшей главѣ этой статьи предложеніе относительно организаціи уѣзднаго земскаго собранія, мы остались недовольны терминомъ *«гласные отъ крестьянъ»*. Въ немъ слышится что-то сословное, что-то напоминающее дѣленіе на крестьянъ, дворянъ, купцовъ и проч., т. е. напоминающее именно то, что въ земствѣ, въ земскихъ дѣлахъ, не хотѣлось бы ни видѣть, ни вспоминать. Вотъ почему мы предложили бы гласныхъ отъ крестьянъ называть *гласными отъ общинниковъ*. Такой терминъ былъ бы болѣе опредѣлителенъ, ибо между крестьянами есть не мало личныхъ собственниковъ. Въ противоположность гласнымъ отъ общинниковъ, представители частной собственности могли бы именоваться *гласными отъ личныхъ собственниковъ*.

Сдѣлавъ эту оговорку, переходимъ къ дальнѣйшему изложенію нашихъ предложеній.

Признавая необходимость возможно-большей децентрализаціи земскихъ дѣлъ и устройства такихъ земскихъ органовъ, которые бы облегчали земской управѣ выполненіе дѣлъ въ различныхъ, часто весьма отъ нея отдаленныхъ мѣстностяхъ уѣзда, мы думаемъ, что достичь этого можно было бы такимъ устройствомъ:

1. Уѣздное земское собраніе подраздѣляется на столько отдѣловъ, сколько въ уѣздѣ избирательныхъ округовъ, причемъ въ каждый такой отдѣлъ должны войдти тѣ гласные отъ личныхъ собственниковъ, которые избраны въ одномъ и томъ же округѣ, и тѣ гласные отъ общинниковъ, которые принадлежатъ къ волостямъ входящимъ въ составъ того округа. Такой отдѣлъ уѣзднаго земскаго собранія именуется *окружнымъ земскимъ собраніемъ*.

2. Окружное собраніе избираетъ себѣ предсѣдателя изъ среды своихъ гласныхъ на все трехлѣтіе.

3. Предсѣдатель окружнаго собранія по должности своей пользуется правами и несетъ обязанности члена мѣстной уѣздной земской управы. Размѣръ его содержанія опредѣляется окружнымъ собраніемъ. На немъ

*) *Русская Мысль*, кн. VI.

лежитъ обязанность выполненія въ округѣ распоряженій уѣздной земской управы.

4. Окружное собраніе по отношенію къ дѣламъ округа пользуется тѣми же правами, кои предоставлены уѣзднымъ земскимъ собраніямъ въ отношеніи уѣздныхъ дѣлъ, съ ограниченіемъ права обложенія сборомъ на нужды округа maximum'омъ, опредѣляемымъ земскимъ собраніемъ.

5. Распоряженія окружнаго собранія приводятся въ исполненіе предсѣдателемъ онаго и тѣми гласными, на коихъ то собраніемъ возложено будетъ.

Затѣмъ обратимся къ группировкѣ уѣздныхъ земствъ.

Извѣстно, что есть много земскихъ дѣлъ, выходящихъ изъ границъ одного уѣзда, непосильныхъ одному уѣзду, требующихъ большихъ средствъ, большихъ затратъ. Такія дѣла, въ настоящее время, вѣдаются губернскими земскими учрежденіями. Мы полагали бы болѣе цѣлесообразнымъ замѣнить губернскія земскія учрежденія *областными* (провинціальными), при томъ условіи, чтобы въ составъ такой *земской области* входило возможно-большее число уѣздовъ разныхъ губерній, но сосѣднихъ между собой и однородныхъ по мѣстнымъ экономическимъ, этнографическимъ и географическимъ условіямъ.

Если мы представимъ себѣ Россію раздѣленную не на 4 или 5 десятковъ губернскихъ земствъ, а на 6, на 7, много на 10 или 12 земскихъ областей, то думаемъ, что сила, значеніе и матеріальное положеніе областныхъ земствъ будутъ имѣть громадное преимущество передъ сравнительно жалкими губернскими земствами, составленными въ большинствѣ случаевъ изъ уѣздовъ между собой, кромѣ губернскихъ присутственныхъ мѣстъ, ничего общаго не имѣющихъ.

Дабы яснѣе представить читателю суть нашего предложенія, откладываемъ на нѣкоторое время подробную мотивировку и переходимъ прямо къ формулированію его:

1. Областное земское собраніе составляется изъ гласныхъ, избираемыхъ уѣздными земскими собраніями по 6 (примѣрно) отъ каждаго уѣзда. Одна половина ихъ (3) избирается гласными отъ общинниковъ, другая—остальными гласными уѣзднаго собранія (отъ личныхъ собственниковъ, отъ церковныхъ приходовъ, города и казны).

2. Областные гласные избираются какъ изъ среды гласныхъ уѣзднаго собранія, такъ и изъ прочихъ членовъ уѣзднаго земства, имѣющихъ право быть уѣздными гласными, при непремѣнномъ условіи грамотности избираемаго лица.

3. Порядокъ и срокъ избранія предсѣдателя областнаго собранія—тѣ же, что и для уѣзднаго, причемъ не должны быть избираемы въ предсѣдатели областнаго собранія предсѣдатель и члены областной и уѣздныхъ земскихъ управъ.

Н. Б....тевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Эту часть статьи редакція находитъ нужнымъ сопроводить постановкой, на общее обсужденіе, слѣдующихъ вопросовъ:

1. Возможна ли и удобна ли децентрализація земскихъ дѣлъ посредствомъ образованія окружныхъ собраній изъ гласныхъ уѣзднаго земскаго собранія?

2. Въ случаѣ образованія такихъ окружныхъ собраній и надѣленія ихъ по отношенію къ дѣламъ округовъ правами и обязанностями равными уѣзднымъ собраніямъ, будетъ ли послѣдовательно и полезно ограниченіе ихъ права обложенія окружнымъ сборомъ maximum'омъ, опредѣляемымъ уѣзднымъ собраніемъ?

3. Возможно ли совмѣщеніе должности предсѣдателя окружнаго собранія, избираемаго симъ послѣднимъ, т. е. частью уѣзднаго собранія, съ должностью (по праву) члена уѣздной земской управы, избраніе на которую зависитъ отъ всего уѣзднаго собранія?

4. Возможна ли замѣна нынѣшнихъ губернскихъ земскихъ учрежденій болѣе обширными областными, и не лучше ли было бы, сохранивъ губернскія, учредить областныя, сгруппировавъ въ земскую область губерніи, а не уѣзды?

5. Представляютъ ли нынѣшнія уѣздныя границы возможность правильной географической и экономической группировки уѣздовъ?

6. Цѣлесообразно ли будетъ дѣленіе областныхъ гласныхъ—на гласныхъ отъ общинниковъ и гласныхъ отъ прочихъ категорій уѣзднаго земскаго представительства? Не удобнѣе ли было допустить избраніе областныхъ гласныхъ исключительно изъ уѣздныхъ гласныхъ?

7. Какимъ образомъ согласить дѣятельность областныхъ земскихъ учрежденій съ оставленіемъ губернской администраціи и вообще существованіе губерніи съ упраздненіемъ губернскихъ земскихъ учрежденій?

8. Требованіе отъ областнаго гласнаго образовательнаго ценза, заключающагося въ одной только грамотности, будетъ ли соотвѣтствовать обширности и сложности дѣлъ областнаго земства?

Постановка этихъ вопросовъ обусловлена слѣдующими основными, усвоенными редакціей, положеніями:

а) децентрализація уѣздныхъ земскихъ дѣлъ необходима;

б) губернія слишкомъ мала и не достаточно богата для крупныхъ земскихъ дѣлъ, которыя къ тому же охватываютъ цѣлыя обширныя, экономически-однородныя, мѣстности;

в) образовательный цензъ, ненужный для избранія въ уѣздные гласные, необходимъ для лицъ, которыя будутъ призваны вести обширныя дѣла областнаго земства. *Ред.*

Въ слѣдующихъ книгахъ журнала мы имѣемъ въ виду помѣстить отвѣты какъ на поставленные редакціей вопросы, такъ и на сдѣланныя намъ возраженія. Отвѣты эти и послужатъ мотивировкой нашихъ предложеній. **Авт.**

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

I. Вопросы дня.

Юбилей Н. И. Пирогова.—Педагогическія идеи знаменитаго ученаго.—Нужды нашего воспитанія и неразрывно связанныя съ нимъ экономическія нужды.—Отставка графа Д. А. Милютина.—Развитіе болѣзненности въ народѣ.—Голодъ и пожары.—Переселенія крестьянъ и положеніе крестьянскаго хозяйства.—Условія навигаціи на Вышневолоцкой, Тихвинской и Маріинской системахъ.

24 мая Москва и съ нею вся Россія отпраздновали юбилей ученой дѣятельности знаменитаго хирурга и педагога, Николая Ивановича Пирогова. Коварный Западъ привѣтствовалъ, въ лицѣ Парижскаго, Эдинбургскаго, Мюнхенскаго и другихъ университетовъ, а также различныхъ ученыхъ обществъ, величайшаго изъ нашихъ представителей медицины. Длинною вереницей проходили перед юбиляромъ депутаціи, выражая адресами и привѣтствіями глубокое уваженіе плодотворной дѣятельности Н. И. Пирогова, перечисляя рядъ великихъ заслугъ его въ области научнаго изслѣдованія. Шумныя рукоплесканія сопровождали чтеніе этихъ адресовъ. Мы приведемъ одинъ изъ нихъ, отъ студентовъ Московскаго университета, горячій, честный, исполненный благоговѣнія къ наукѣ адресъ:

«Достоуважаемый Николай Ивановичъ, великій учитель нашъ и наставникъ! На нашу долю выпала завидная честь и счастье быть слабыми истолкователями того восторга, который въ настоящій великій день воодушевляетъ нашихъ товарищей, студентовъ Московскаго университета вообще и медицинскаго факультета въ особенности. Послѣ всего того, что вы слышали и еще услышите отъ лицъ и учрежденій, имѣющихъ болѣе права обсуждать вашу научную и общественную дѣятельность, не намъ, вашимъ скромнымъ и усерднымъ ученикамъ, заявлять притязаніе на достойную оцѣнку вашихъ трудовъ. Да будетъ позволено намъ выразить предъ вами, нашимъ учителемъ, учителемъ нашихъ учителей, свой восторженный привѣтъ за ваше полувѣковое, честное, безкорыстное и мужественное служеніе наукѣ и отечеству,—за тотъ идеалъ нравственнаго

общенія и единенія между учащею и учащеюся корпораціями, который вы провозгласили 20 лѣтъ назадъ. Немногимъ изъ насъ, а можетъ-быть и никому, не суждено приблизиться къ созданному вами законченному нравственному идеальному типу неутомимаго труженика науки, борца за ея свободу, гуманнаго наставника и честнѣйшаго гражданина; но вѣрьте, достойнѣйшій юбиляръ, что въ насъ, младшихъ членахъ ученой корпораціи, не погасла способность цѣнить эти великія качества и по мѣрѣ слабыхъ силъ своихъ стремиться къ нимъ.

«Да здравствуетъ великій Пироговъ на славу медицинской науки, роднаго университета и дорогаго отечества.»

Молодежь наша хочетъ учиться, она жадно стремится къ истинѣ, нерѣдко сбиваясь съ прямой дороги, погибая даже въ темныхъ закоулкахъ, куда влечетъ ее это стремленіе послужить правдѣ и народному благу. И пока не измѣнится самымъ рѣшительнымъ образомъ наша воспитательная система, пока въ учебныхъ заведеніяхъ будетъ господствовать буквоѣдство и черствая канцелярская дисциплина, до тѣхъ поръ намъ не уберечься отъ многихъ невольныхъ и страшныхъ явленій. «Есть,—говорилъ слишкомъ двадцать лѣтъ тому назадъ Н. И. Пироговъ,—такіе періоды для человѣчества, въ которыхъ старое еще не достаточно состарѣлось, а новое, втекая цѣлымъ потокомъ, еще не успѣло ни созрѣть, ни амальгамироваться со старымъ. Эти періоды такъ же вредны для нравственности, какъ у насъ на сѣверѣ раннія оттепели для посѣва: сѣмена уносятся тающимъ снѣгомъ».

Знаменитый педагогъ думалъ тогда, что «чуть ли мы сами не живемъ въ одномъ изъ такихъ періодовъ». И великій изслѣдователь въ области физическихъ болѣзней угадалъ нашу общественную болѣзнь. Дѣйствительно, старое потеряло жизненную силу, не имѣетъ уже вѣры въ себя, но цѣпляется за свои прежнія подпоры, воздвигаетъ потерявшею гибкость и мѣткость рукою новыя препятствія молодому, съ часу на часъ растущему, движенію. Въ круговоротѣ этой борьбы гибнетъ не мало силъ, сбивается съ пути не мало честныхъ стремленій. А время не ждетъ, нравственная путаница усиливается—и передъ испуганнымъ взглядомъ современнаго наблюдателя встаетъ отвратительный образъ моральнаго разложенія общества... «Истина не старѣется,—говорилъ Н. И. Пироговъ,—и жизнь безъ сознательныхъ идеальныхъ стремленій печальна, безцвѣтна и безплодна». Конечно, такъ; но горе тому обществу, гдѣ идеальныя стремленія обречены оставаться въ душѣ человѣка, гдѣ нѣтъ законнаго простора для борьбы за ихъ осуществленіе въ жизни. Пироговыхъ не много, и сохранить до глубокой старости всѣ свѣтлыя упованія молодости, несмотря на гоненія власть имѣвшихъ, несмотря на длинный рядъ несправедливостей съ ихъ стороны, могутъ лишь избранные. Общественный строй долженъ имѣть въ виду не этихъ избранныхъ, а обыкновеннаго, средняго человѣка.

Николай Ивановичъ Пироговъ говорилъ намъ 24 мая 1881 года, что въ немъ мы видимъ предъ собою «человѣка прошлаго времени, стоящаго въ дверяхъ вѣчности, который смѣло васъ одушевляетъ надеждою и провозглашаетъ благоденствіе будущему, въ твердомъ упованіи, что Россія, предводимая своимъ Державнымъ Вождемъ, пойдетъ по тому великому пути, который открытъ для нея безсмертными дѣлами Царя-Освободителя».

Этотъ путь есть, конечно, путь реформъ въ учрежденіяхъ, т. е. расширеніе участія въ государственномъ управленіи представителей общества, и путь реформы въ воспитаніи, т. е. введеніе въ него дѣйствительно гуманныхъ основъ. «Воспитаніе молодежи въ наше прошлое время,— продолжалъ Н. И. Пироговъ,—не руководилось основными нравственными началами. Насъ, то-есть молодежь того времени, не учили останавливаться съ благоговѣйнымъ почтеніемъ предъ однимъ опредѣленнымъ общечеловѣческимъ нравственнымъ идеаломъ и не учили уважать человѣческое достоинство. Правда, насъ учили уваженію, но не тому глубокому и внутреннему, которое я здѣсь разумѣю, а болѣе внѣшнему; учили бояться, но это былъ не тотъ страхъ, о которомъ говорится въ Священномъ Писаніи, что онъ есть начало премудрости, а страхъ чисто внѣшній. И все это было въ то время, когда въ болѣе культурномъ западномъ обществѣ еще господствовало идеальное направленіе воспитанія. Впослѣдствіи, когда мнѣ были поручены два учебныхъ округа, я совѣстливо и съ увлеченіемъ старался пополнить эти важные пробѣлы въ нашемъ воспитаніи, но неблагопріятныя обстоятельства, краткость времени и уже перемѣнившееся направленіе на Западѣ препятствовали осуществленію моихъ цѣлей. Сторонники прошлаго и пессимисты отдаютъ ему предпочтеніе предъ настоящимъ, потому что потрясающія событія съ пагубными ихъ слѣдствіями преимущественно разразились въ нашемъ современномъ обществѣ. Но они упускаютъ изъ виду, что корни современнаго зла лежатъ глубоко въ нашемъ прошломъ. И это не даетъ намъ еще права отчаяваться. Въ жизни великихъ націй и великихъ государствъ, также какъ и въ жизни вселенной, бываютъ циклопы и ураганы; но ни тамъ, ни здѣсь они не могутъ измѣнить предвѣчныхъ законовъ жизни. Шекспиръ въ одномъ изъ высочайшихъ произведеній своего генія, въ «Бурѣ», изобразилъ намъ наглядно въ образахъ «Калибано» и «Просперо» грубую стихійную силу, гнѣздящуюся въ человѣческой натурѣ и подвластную только наукѣ и генію, но всегда готовую возмутиться, какъ скоро она выходитъ изъ-подъ вліянія этой власти. Мораль этого произведенія Шекспира можетъ быть выражена на нашемъ медицинскомъ языкѣ знаменитымъ изреченіемъ Гиппократа: Contraria contrariis sunt remedia и всѣ опытные врачи вѣрно согласятся со мною, что недуги и нравственные, и тѣлесные пользуются успѣшнѣе по принципу Гиппократа, чѣмъ по новому гомеопатическому правилу: Similia similibus curantur».

Золотыя слова! Противопоставить насилію—крѣпость убѣжденія, дикой расправѣ — несокрушимое сознаніе своей правоты — это многими, очень многими, считается непростительною наивностью. А христіанство этою наивностью побѣдило міръ, а философская мысль разгоралась яркимъ пламенемъ на кострѣ, на которомъ религіозная нетерпимость, ханжество и лицемѣріе сожгли Яна Гуса и Джіордано Бруно!

«Первое и главное условіе прогресса,—писалъ Н. И. Пироговъ,—есть твердая вѣра въ образовательную, творческую силу человѣческой личности». А нашу молодежь именно и обезличиваетъ школа, требуя отъ воспитанниковъ рабской покорности, механическаго подчиненія казарменнымъ правиламъ. Всякому извѣстно,—въ газетахъ повѣсть объ этомъ не прерывалась до послѣдняго времени,—какъ безсердечно, черство относятся наши педагоги къ дѣтямъ, порученнымъ ихъ заботамъ. Они до сихъ поръ не научились,—какъ того требовалъ Н. И. Пироговъ во время своего управленія Кіевскимъ учебнымъ округомъ,—*уважать въ ребенкѣ и юношѣ человѣческое достоинство, нравственную свободу человѣческаго духа и личность*. Семья въ глазахъ нашихъ самодовольныхъ, туземныхъ и пришлыхъ, педагоговъ является развращающимъ началомъ. Ее надо растоптать, уничтожить. «Не будетъ ли надежнѣе,—спрашивалъ Н. И. Пироговъ,—оставивъ эти притязанія школы предъ обществомъ на высшую нравственность, сосредоточить всѣ ея силы на распространеніе науки словомъ и дѣломъ?..... Лишь бы наставникъ съумѣлъ довести истину, какой бы наукѣ она ни принадлежала, до понятія ученика, — она не останется безъ дѣйствія, потому что во всякой истинѣ—и отвлеченной, и чувственной—есть своя доля образовательной и, слѣдовательно, воспитательной силы. Остальное докончитъ индивидуальность каждаго, кто воспринимаетъ истину». Развивать эту индивидуальность, будить въ ученикѣ пытливую мысль—вотъ чего требовалъ отъ школы нашъ знаменитый ученый. Всякое проявленіе самостоятельнаго труда учащихся должно быть,—говорилъ Н. И. Пироговъ,—дорого и знаменательно для наставниковъ.

Мысли Н. И. Пирогова о начальной, народной школѣ также поражаютъ своею здравостью и гуманностью. Въ элементарной школѣ должны проходиться: Законъ Божій, грамота, письменность, счетность и наглядное обученіе. Все слѣдуетъ направить *къ развитію мышленія, къ предварительному практическому знакомству съ міромъ внутреннимъ и внѣшнимъ*. Никакой регламентаціи не нужно. Вступленіе въ училище и число учебныхъ часовъ опредѣляется мѣстными потребностями, силами и возрастомъ учащихся. «Ученье продолжается въ воскресенья и праздники для всѣхъ желающихъ и всѣми желающими». Гдѣ можно, школы эти соединяются съ ремесленными.

Что касается до университета, то Н. И. Пироговъ, рѣшительно высказываясь за его самоуправленіе, ставитъ задачею университетскаго преподаванія развитіе таланта, самостоятельной дѣятельности ума и истин-

ной любви къ наукѣ. Осуществленіе этой великой задачи возможно, конечно, лишь при полной свободѣ университетскихъ чтеній.

Не могу, наконецъ, отказать себѣ въ удовольствіи привести слѣдующія мысли знаменитаго ученаго о женскомъ образованіи. Надобно замѣтить, что статья, въ которой будутъ приведены выдержки («Вопросы жизни») появилась въ 1856 году.

«Что если спокойная, безпечная въ кругу семьи жена будетъ смотрѣть съ безсмысленною улыбкою идіота на вашу завѣтную борьбу? Или какъ Марѳа, расточая всевозможныя заботы домашняго быта, будетъ проникнута одною лишь мыслію—угодить и улучшить матеріальное, земное ваше бытіе? Что, если, какъ Ксантипа, она будетъ поставлена судьбою для испытанія крѣпости и постоянства вашей воли? Что, если, стараясь нарушить ваши убѣжденья, купленныя полжизнію перевоспитанія, трудовъ, борьбы, она не осуществитъ еще и основной мысли при воспитаніи дѣтей?

«А знаете ли, что значитъ этотъ же вопросъ для жизни женщины, которая была такъ счастлива, что разрѣшила для себя, въ чемъ состоитъ ея призваніе,—которая, оставивъ дюжинное направленіе толпы, отчетливо и ясно постигаетъ, что въ будущемъ назначена ей жизни цѣль?

«Мужчина, обманутый надеждою на сочувствіе въ семейномъ быту, какъ бы ни былъ грустенъ и тяжелъ этотъ обманъ, еще можетъ себя утѣшить, что выраженія его идеи—дѣла—найдутъ участіе въ потомствѣ. А каково женщинѣ, въ которой потребность любить, участвовать и жертвовать развита несравненно болѣе и которой не достаетъ еще довольно опыта, чтобы хладнокровно перенести обманъ надежды? Скажите, каково должно быть ей на поприщѣ жизни, идя рука объ руку съ тѣмъ, въ которомъ она такъ жалко обманулась, который, поправъ ея утѣшительныя убѣжденія, смѣется надъ ея святыней, шутитъ ея вдохновеніями и влечетъ ее съ пути на грязное распутье?»

Поэтому-то, — говоритъ Пироговъ, — *раннее развитіе мышленія и воли для женщины столько же нужны, какъ и для мужчины.*

Къ счастію для русскаго общества, въ четверть вѣка женское образованіе сдѣлало у насъ значительныя, весьма значительныя завоеванія. Но наше воспитаніе вообще по-прежнему страдаетъ самыми существенными недостатками. Въ настоящую минуту мы присутствуемъ какъ будто при новомъ возрожденіи школы, но признаки подобнаго возрожденія не множатся—и старыя опасенія вновь закрадываются въ душу. Мы дѣйствительно находимся въ переходномъ состояніи, и намъ одинаково вредны и ранняя оттепель, и запоздалые морозы. Зима уже прошла,—это несомненно,—но нѣтъ ни весны, ни лѣта.

Связи съ нѣкоторыми изъ лучшихъ воспоминаній прошлаго при такихъ неблагопріятныхъ условіяхъ должны, конечно, порываться. Общество продолжаетъ непрерывно двигаться въ одномъ направленіи; но движеніе это сильно замедляется внѣшними препятствіями. А въ высшей

администраціи страны происходитъ быстрая смѣна лицъ, постоянное колебаніе направленій. Контуры новой правительственной системы обрисовываются довольно неясно, но это, быть-можетъ, и составляетъ одно изъ главныхъ достояній «новаго вѣянія».

Сошелъ со сцены военный министръ, такъ много и славно потрудившійся въ прошлое царствованіе. Одна изъ петербургскихъ газетъ такъ характеризовала управленіе военнымъ министерствомъ Д. А. Милютина:

«Управленіе Д. А. Милютина началось въ самую блестящую пору прошлаго царствованія. Россія начала только оправляться послѣ крымскаго погрома и входила въ рядъ преобразованій, имѣвшихъ цѣлью глубоко измѣнить ея соціальный и государственный строй. Сильнѣйшій ударъ, по крайней мѣрѣ съ внѣшней стороны, нанесенъ былъ Россіи именно со стороны военнаго могущества, которое такъ долго считалось неуязвимымъ, на которое затрачивалось столько помысловъ и силъ. Военному управленію предстояла нелегкая задача произвести глубокія преобразованія во всей организаціи русской арміи, возстановить не только ея пассивную силу, зависящую отъ личныхъ качествъ русскаго человѣка, умѣющаго храбро сражаться, переносить всякія трудности и геройски умирать, но поднять престижъ боеваго могущества Россіи, обратить ее въ активное орудіе государственной безопасности и политическаго могущества въ тѣхъ случаяхъ, когда обстоятельства и человѣческія заблужденія призываютъ народъ къ оружію. Каждый скажетъ, что въ этомъ отношеніи Россія отрѣшилась отъ воображаемаго военнаго могущества, разлетѣвшагося въ прахъ во время крымской войны, и пріобрѣла ту дѣйствительную, реальную силу, по скольку она зависитъ собственно отъ арміи, которая способствуетъ образованнѣйшимъ и сильнѣйшимъ народамъ охранять плоды ихъ труда.

«Въ чемъ заключается секретъ этого превращенія?—Болѣе ни въ чемъ, какъ въ признаніи, что армія составляетъ органическую часть страны, въ постановкѣ ея на народную почву, въ признаніи служебнаго, а не господствующаго ея значенія. До крымской войны вся страна служила арміи, теперь армія служитъ странѣ. Основныя преобразованія въ организаціи и управленіи арміею стали въ принципѣ, по крайней мѣрѣ, на ту почву, на которой должны стоять организація и управленіе всею страною. Въ основѣ ихъ лежитъ вѣра въ человѣка вообще и въ качества русскаго солдата въ частности, уваженіе къ наукѣ и пользѣ распространенія образованности, признаніе плодотворной силы за законностью, человѣчными и справедливыми отношеніями къ людямъ. Подъ этимъ вліяніемъ сокращены сроки службы, введена общая воинская повинность, внесенъ духъ просвѣщенія, гражданственности, справедливости и безкорыстія въ нашу армію. Армія не представляетъ въ настоящее время сбродъ наемниковъ, опозоренныхъ наказаніемъ людей, оторванныхъ навсегда отъ населенія, обезчещенныхъ и обезличенныхъ жестокими истя-

заніями. Не шпицрутены и не кулаки поддерживаютъ теперь въ дисциплинѣ армію.

«Мы знаемъ, какимъ путемъ достигнуты подобные результаты. Они обязаны всѣмъ образованію, гуманности, стойкости и искренности убѣжденій, безкорыстности и трудолюбію лица, такъ долго стоявшаго во главѣ военнаго министерства. Тутъ не было крупныхъ компромиссовъ, не было обмана и личныхъ интересовъ, не было лицемѣрнаго и льстиваго признанія преобразованій на словахъ и беззастѣнчиваго отрицанія ихъ на практикѣ. Здѣсь слово совпадало съ дѣломъ, насколько это зависитъ отъ искренности и умѣнья человѣка» *).

Графу Милютину приходилось «воевать» и съ реакціоннымъ теченіемъ, которое въ послѣднія четырнадцать лѣтъ принесло Россіи такъ много вреда, такъ исказило общественный смыслъ и совѣсть. Благодаря въ значительной степени Д. А. Милютину, реакціонныя поползновенія сдерживались въ извѣстныхъ границахъ, и люди, гонимые министерствомъ народнаго просвѣщенія, шли въ военно-учебныя заведенія, которыя при графѣ Милютинѣ освободились отъ многихъ недостатковъ кадетскихъ корпусовъ и другихъ военно-учебныхъ заведеній прежняго времени.

Тяжелымъ испытаніямъ подвергается вообще дѣло воспитанія нашихъ дѣтей. А вѣдь никто не рѣшается открыто оспоривать, что это дѣло святое, что въ школу не должно вносить политическихъ пристрастій, что въ ней должны царить наука и гуманность. По этому поводу опять вспоминаются слова Н. И. Пирогова, забракованнаго, за неблагонадежность, графомъ Толстымъ, когда послѣдній вступилъ въ управленіе министерствомъ народнаго просвѣщенія. «Школа,—говорилъ Пироговъ,—одолжена своимъ мощнымъ вліяніемъ наукѣ и—скажу прямо мое убѣжденіе—одной только наукѣ. Въ наукѣ кроется такой нравственно-воспитательный элементъ, который никогда не пропадаетъ, какіе бы ни были ея представители. Наука беретъ свое и, дѣйствуя на умъ, дѣйствуетъ и на нравы».

Но, конечно, чтобы дѣйствовать на умъ и на нравы, наука должна встрѣчать сколько-нибудь благопріятную почву. Если свѣтъ знанія, спускаясь съ высоты, встрѣчаетъ совсѣмъ обездоленныхъ людей, голодныхъ, истомленныхъ непрерывною и тяжкою работой, то свѣтъ этотъ не западетъ въ душу подобныхъ людей, не согрѣетъ ихъ. *Русская Мысль*, какъ и всѣ *либеральныя* повременныя изданія, какъ и всѣ добросовѣстныя газеты иного направленія, давно и настойчиво говоритъ о необходимости принятія самыхъ рѣшительныхъ мѣръ, чтобъ остановить глубокое паденіе народнаго благосостоянія. По мѣрѣ того, какъ мы знакомимся съ дѣйствительнымъ состояніемъ большинства населенія, нашего крестьянства, увеличивается и сознаніе великой опасности, грозящей государству. Народъ нищаетъ, тупѣетъ, вымираетъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ.

---

*) *Порядокъ*, № 141.

Новое Время въ одномъ изъ своихъ выпусковъ *) обратило вниманіе на отчетъ медицинскаго департамента о состояніи здоровья явившихся по призыву 1878 г. для отправленія воинской повинности.

«На этотъ призывъ явились рожденные въ 1857 году. И вотъ отчетъ наводитъ метрическія справки о числѣ родившихся въ тотъ годъ и сравниваетъ его съ числомъ дожившихъ до совершеннолѣтія. Оказывается, что въ 1857 году родилось болѣе полутора милліоновъ мальчиковъ, а теперь въ живыхъ осталось изъ нихъ менѣе половины и изъ этой половины 21 проц. растетъ съ недугами, исключающими возможность принятія ихъ въ военную службу.

«Разсматривая списокъ болѣзней, которыя по преимуществу переходятъ изъ поколѣнія къ поколѣнію, медицинскій отчетъ останавливается наиболѣе подробно на мозговыхъ недостаткахъ. Этотъ родъ болѣзни дѣйствительно самый важный и въ государственномъ, и въ національномъ отношеніи».

Отчетъ опирается на данныя, почерпнутыя изъ осмотра «въ 1876, 1877 и 1878 годахъ 754.000 новобранцевъ. Итоги удостовѣрили, что въ Европейской Россіи на каждую тысячу жителей приходится по четыре психически больныхъ. Въ частности недоразвитіе центральныхъ частей нервной системы распредѣляется весьма неравномѣрно по губерніямъ. На сѣверѣ эта болѣзнь развита гораздо сильнѣе, чѣмъ на югѣ Россіи,—таково вліяніе климата на жизнь и ростъ ребенка. Но экономическое положеніе населенія оказывается еще болѣе вліятельнымъ на судьбы молодыхъ мозговъ, чѣмъ солнце или морозъ. Такъ и на сѣверѣ, въ губерніяхъ Архангельской, Петербургской, Вятской, Нижегородской и Владимірской мозговыя болѣзни доходятъ до minimum'а, и, наоборотъ, на югѣ— въ губерніяхъ Пензенской, Саратовской, Могилевской и Таврической— мозговое недоразвитіе имѣетъ за собой наивысшій процентъ. Такимъ образомъ очевидно, что тяжелая жизнь земледѣльца, роды младенцевъ за косьбой и жатвой на лугахъ, усиленная работа женщинъ, женъ-пахарей— является обстановкой наиболѣе благопріятствующей къ развитію мозговыхъ недостатковъ. И наоборотъ, гдѣ существуютъ промыслы среди народа, гдѣ меньше бѣдности, шире возможность заработковъ, тамъ народъ знаетъ наименѣе мозговыхъ болѣзней, хотя бы такая жизнь шла въ климатѣ самомъ неблагопріятномъ для развитія человѣка».

Новое Время справедливо говоритъ, что «высокій процентъ умственно-ненормальныхъ наложитъ на насъ въ недалекомъ будущемъ новый нелегкій налогъ, такъ какъ немыслимо всегда оставаться при настоящемъ

*) *Новое Время*, № 1881.— Кстати. Эта газета не затруднилась бросить въ *Русскую Мысль*, по поводу нѣсколькихъ фразъ во внутреннемъ майскомъ обозрѣніи, обвиненіе въ отступничествѣ отъ первоначально-высказанныхъ взглядовъ. Не потрудится ли *Новое Время* доказать это легкомысленно брошенное обвиненіе?

игнорированіи большинства душевно-больныхъ. По самому скромному предположенію, въ Россіи должно быть около полсотни тысячъ такихъ психически больныхъ, которые абсолютно нуждаются въ помѣщеніи въ больницѣ. Между тѣмъ во всей Россіи въ настоящее время существуетъ лишь 12 спеціальныхъ заведеній для душевно-больныхъ съ 2.238 кроватями и 61 отдѣленіе для нихъ при обыкновенныхъ больницахъ съ 3.172 кроватями, т. е. есть помѣщеніе лишь для одной десятой, а девять десятыхъ, страдающихъ такими мозговыми болѣзнями, которые ради интересовъ и спокойствія общества должны быть изолированы — живутъ въ этомъ обществѣ. Оттого-то не только мы, частные люди, но и власти знаютъ, что на Руси есть не мало людей живущихъ «на цѣпи» и никто не въ силахъ пособить имъ. Самъ оффиціальный отчетъ удостовѣряетъ, что масса умопомѣшанныхъ остается мѣсяцами въ полицейскихъ арестантскихъ и отчасти въ тюрьмахъ за неимѣніемъ для нихъ мѣстъ въ больницахъ. Эта скудость медицинскихъ средствъ противъ мозговыхъ болѣзней также оказываетъ свое вредное вліяніе на ростъ русскаго народа: кому изъ жившихъ въ деревняхъ не случалось видѣть идіота женатаго и имѣющаго дѣтей?»

Новое Время говоритъ въ данномъ случаѣ горькую, очень горькую правду. Мы не раздѣляемъ только упованій этой газеты, что люди, *призванные на службу русскому народу*, обратятъ должное вниманіе на «скорбный листъ» этого народа и дадутъ ему достатокъ, какъ важнѣйшую гарантію здоровья. При возродившемся недовѣріи власти и общества эта великая задача не разрѣшима. Общество не можетъ, несмотря ни на какія мѣры, отказаться отъ того, что считаетъ безусловно необходимымъ для правильнаго развитія народа. Оно лишитъ администрацію своего нравственнаго содѣйствія, своего сочувствія, безъ котораго администрація ничего серьезнаго сдѣлать не въ состояніи. У администраціи, при такихъ условіяхъ, нѣтъ и не будетъ достаточной вѣры въ себя. Смутное сознаніе, что задача упроченія народнаго благосостоянія не по силамъ администраціи, мѣшаетъ ей приносить и ту относительную пользу, которую она дѣйствительно могла бы принести. Администрація откладываетъ неотложныя дѣла и вызываетъ экспертовъ для совѣщаній къ рѣшеннымъ вопросамъ.

А нужда продолжаетъ раскидываться по Русской землѣ. Изъ Мензелинскаго уѣзда, Уфимской губерніи, сообщили въ *Страну*, что въ деревнѣ Муслюмовѣ было нѣсколько случаевъ голодной смерти. Кромѣ этой деревни «отъ неурожая особенно пострадали деревни: Тошильдино, Мерлитамакъ, Шарипово, Варашъ-Катмышъ, Наратастъ, Тамьянъ, и друг. Трудно передать то тяжелое чувство, какое выносится при взглядѣ на житье-бытье этихъ полуживыхъ, полумертвыхъ существъ. Ни стоновъ, ни слезъ, ни даже сожалѣнія вы уже не замѣтите у нихъ. Все это можно встрѣтить только въ началѣ голодовки, а затѣмъ уже безнадежность и апатія. А какое раз-

дирающее впечатлѣніе производятъ, обреченныя на явную смерть, голодающія дѣти!... Входите вы, напримѣръ, въ какую-нибудь полуразрушившуюся каморку или землянку, приглядываетесь къ ея обстановкѣ и вдругъ замѣчаете: въ темномъ углу лежитъ какая-то куча, прикрытая лохмотьями. Вы раскрываете лохмотья, и вашимъ глазамъ представляются трое, четверо, пятеро дѣтей, прижавшихся плотно другъ къ дружкѣ и дико озирающихся на васъ. Между этими несчастными есть уже до такой степени худые и изможденные, что вотъ-вотъ, кажется, на вашихъ же глазахъ и помрутъ. Движимые человѣколюбіемъ, вы немедленно подаете имъ кусокъ хлѣба. Сначала они недоумѣваютъ, имъ ли еще это предназначается, и только жадно смотрятъ на кусокъ. Потомъ быстро хватаетъ кто-нибудь изъ нихъ и, въ то же время, злобно смотритъ на другихъ, какъ бы опасаясь, чтобы кто-нибудь не выхватилъ у него изъ рукъ это сокровище. Но, вотъ, тутъ одинъ хотя тоже жадно смотритъ на кусокъ, но почему-то не беретъ его, не хватается съ такимъ остервененіемъ, какъ другіе. Вы, однако, и ему кладете кусокъ въ руки. Судорожно сжимаетъ онъ кусокъ въ своихъ костлявыхъ рукахъ и вяло, какъ бы нехотя, подноситъ къ губамъ, но, подержавши его нѣсколько времени около рта, съ легкимъ стономъ отнимаетъ руку обратно. Удивленные, вы спрашиваете о причинѣ такого явленія — и къ ужасу своему узнаете, что онъ ѣсть уже не можетъ, разучился, какъ говорятъ родители. Значитъ, скуловыя мышцы его настолько ослабли, что не въ состояніи пережевывать твердую пищу. Чтобы возстановить эту способность, его нѣкоторое время надо кормить жидкой кашицей, а потомъ уже можно давать хлѣбъ. Слезы невольно душатъ васъ при видѣ этой раздирающей душу картины. Однако вы кое-какъ себя превозмогаете и, чтобы не выдать своей слабости, быстро уходите, направляясь къ другой хижинѣ. Но и тамъ вы встрѣтите ту же картину...»

И читателямъ хорошо извѣстно, что такія картины часто поражаютъ наблюдателя во многихъ другихъ мѣстностяхъ Россіи. Съ наступленіемъ лѣтняго времени начались обычные пожары. Горятъ на огромномъ пространствѣ уральскіе лѣса, сгорѣли Бобруйскъ, Валдай, истребляются другіе города, села и деревни...

Намъ говорятъ, что *правовый порядокъ* ведетъ къ торжеству буржуазіи, капиталъ—къ обѣдненію народныхъ массъ, насъ колятъ примѣромъ Италіи, Германіи. Въ Россіи, надо думать, *правовый порядокъ* покуда не вліялъ на народное благосостояніе, не содѣйствовалъ его упадку. Бездушнымъ защитникамъ современнаго канцелярскаго строя въ Россіи остается только издѣваться надъ народными бѣдствіями, т. е. отрицать ихъ, что *Московскія Вѣдомости* и дѣлаютъ.

Голосу (№ 151) пишутъ изъ Саратова, что въ нынѣшнемъ году особенно велико число крестьянъ, переселяющихся изъ внутреннихъ губерній въ далекую Сибирь. Крестьяне идутъ преимущественно изъ губерній: Воро-

нежской, Курской, Тамбовской, идутъ на *авось*, безъ яснаго плана и почти безъ всякихъ средствъ. «Гонитъ ихъ на новыя мѣста положительная и рѣшительная нужда, невозможность дальнѣйшаго существованія на родинѣ, малоземелье и безземелье. До сихъ поръ они перебивались еще кое-какъ, снимая землю у сосѣдей-землевладѣльцевъ. Но въ послѣдній годъ арендная плата достигла величины непомѣрной: землевладѣльцы требуютъ съ крестьянъ за десятину на одинъ посѣвъ отъ 35 до 40 рублей. Это ужь рѣшительно не по силамъ крестьянину. И вотъ онъ распродаетъ свои убогіе достатки и, нищій, съ семьею нищихъ, отправляется безъ покровительства, безъ помощи, безъ указаній и совѣтовъ, искать мѣста, гдѣ, «по слухамъ, живется хорошо». Дорожная обстановка этихъ переселенцевъ указываетъ, что они—ужь совершенная «голытьба»: плохая телѣжонка, плохая, отъ худобы и истомленія едва ноги передвигающая, лошаденка, около телѣги переселенца не видно ни коровы, ни козы, ни даже собаки».

Голосъ сообщаетъ, что нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ напечатана, въ огромномъ числѣ экземпляровъ, записка о мѣрахъ къ устраненію хозяйственнаго разстройства крестьянъ. Составители записки полагаютъ, что, «прежде чѣмъ говорить о какихъ-либо началахъ для *организаціи* переселеній, *необходимо признать* за крестьянскимъ населеніемъ основное право, *право свободы переселенія*. Хотя право это и не отрицается «Положеніемъ 1861 года», но выходъ изъ общества и переселеніе обставлены такими стѣснительными условіями, что оно сдѣлалось почти фиктивнымъ. Установленіе стѣснительныхъ правилъ для выхода изъ общества, по всей вѣроятности, было вызвано, при составленіи «Положенія 1861 г.», опасеніемъ, что освобожденные отъ крѣпостной зависимости крестьяне на первыхъ порахъ бросятъ свои земли. Въ настоящее время, по истеченіи 20 лѣтъ, опасаться этого не представляется уже никакихъ основаній.

«Облегчивъ крестьянамъ возможность пользоваться правомъ переселенія, правительство не можетъ однакожь оставаться равнодушнымъ къ тому, откуда и куда направятся переселенцы, изъ кого будетъ составляться главный контингентъ ихъ и насколько они будутъ обладать средствами для прочнаго водворенія на мѣстахъ. Представить все движеніе переселенія самому себѣ значило бы возвратиться къ старому безучастному отношенію къ экономическимъ условіямъ жизни страны.

«Въ этомъ смыслѣ на правительствѣ лежитъ обязанность позаботиться: 1) чтобы выселеніе направлялось преимущественно изъ губерній, гдѣ экономическое разстройство крестьянъ не можетъ быть улучшено другими мѣрами (пониженіемъ выкупныхъ платежей, содѣйствіемъ къ покупкѣ земель); 2) чтобы выселяющаяся, такимъ образомъ, часть населенія, вмѣстѣ съ тѣмъ, ставилась въ болѣе выгодныя условія; 3) чтобы самое переселеніе совершалось безъ того экономическаго разстройства, съ которымъ оно сопряжено въ настоящее время, и 4) чтобы выселеніе направлялось

въ такія именно мѣстности, заселеніе которыхъ не только обезпечивало бы бытъ переселенцевъ, но и соотвѣтствовало общимъ государственнымъ интересамъ. Мѣры, соотвѣтствующія этимъ четыремъ положеніямъ, разрѣшаютъ весь вопросъ объ *организаціи переселеній*».

Въ нашихъ рукахъ находится копія съ записки, представленной одному высокопоставленному лицу. Въ запискѣ этой указывается на то, что экономическій упадокъ крестьянства усиливается съ каждымъ годомъ, что причинами этого упадка являются малоземелье, тяжелыя, вовсе не соотвѣтствующія доходу подати и эксплуатація со стороны крупныхъ и мелкихъ кулаковъ. Авторъ записки экономическому разстройству приписываетъ сильно развившіеся семейные раздѣлы, которые, въ свою очередь, ведутъ къ дальнѣйшему паденію хозяйства. Систематическія данныя, приводимыя составителемъ записки (дѣло идетъ о Саратовской губерніи), подтверждаютъ основательность его утвержденія. Живыми примѣрами доказываетъ онъ губительное вліяніе сильной нужды на нравственность семьи. Земли недостаточно, а нанимать ее не подъ силу. «Двадцать лѣтъ тому назадъ частные владѣльцы отдавали свои земли крѣпкія по 20 руб., а мягкія по 10—12 рублей; теперь же первыя сдаются по 60 рублей, а послѣднія по 35—40 рублей за сошенникъ (4 десят. 400 кв. с.)». Составитель записки утверждаетъ, что «одно свободное выселеніе на свободныя казенныя земли только и можетъ вывести крестьянъ изъ теперешняго экономическаго упадка».

Такимъ образомъ со всѣхъ сторонъ — и путемъ печати, и путемъ записокъ — правительство получаетъ извѣстія о крайне опасномъ положеніи крестьянскаго хозяйства, о кризисѣ, который въ экономическомъ положеніи переживаетъ государство. Естественно, что новый заемъ въ 50.000.000 рублей положенія дѣлъ не улучшитъ. Возможно ли справиться съ великою задачей поднятія народнаго благосостоянія канцелярскимъ путемъ, усиліями одной администраціи? Мы полагаемъ, что невозможно. Вотъ одинъ изъ безчисленнаго количества примѣровъ образцовой неспособности нашей администраціи къ исполненію даже простыхъ сравнительно задачъ. Г. Молчановъ въ *Новомъ Времени* разсказываетъ слѣдующее:

«Въ 1868 году Импер. Вольно-Эконом. Общество пришло въ ужасъ отъ тѣхъ страшныхъ вещей, какія изъ году въ годъ творятся на Шекснѣ. Правительство услышало этотъ голосъ и была образована особая коммиссія для осмотра тѣхъ мѣстностей великаго воднаго пути, гдѣ родится, не прекращается и растетъ знаменитая сибирская язва. За мѣстною коммиссіей слѣдовала коммиссія изъ петербургскихъ чиновниковъ. Изготовили они два доклада и... дѣло заснуло. Заснуло и спитъ уже сряду тринадцать годовъ.

«Въ это время богатырскаго сна на бечевникахъ похоронены десятки тысячъ лошадей, въ окрестныхъ селахъ сданы землѣ тысячи изъ того рус-

скаго люда, которые исполняютъ и понынѣ обязанность вьючнаго животнаго—тянутъ своей грудью купеческіе грузы.

«И не разбудили богатырскій сонъ ни начальники С.-Петербургской и Олонецкой губерній, ни ходатайства вытегорскаго и олонецкаго земствъ.

«С.-Петербургскій губернаторъ въ декабрѣ прошлаго года сдѣлалъ представленіе о страшной силѣ эпизоотіи въ минувшую навигацію и просилъ принять мѣры противъ повторенія той же бѣды въ наступившемъ 1881 году.

«Въ минувшую навигацію на пространствѣ лишь двухъ каналовъ—Петра I и Александра II—съ 19 іюня по 1 сентября пало 803 тяговыхъ лошадей. И это лишь на двухъ стахъ шестидесяти верстахъ. На этихъ каналахъ и на концахъ Вышневолоцкой и Тихвинской системъ, находящихся въ С.-Петербургской губерніи, сходится болѣе 15 тысячъ лошадей и болѣе 50 тысячъ рабочихъ. А извѣстно, что сибирская язва не брезгуетъ и человѣческимъ мясомъ.

«Олонецкій губернаторъ еще подробнѣе описываетъ положеніе судоходства: 404 версты туэромъ, 122 лошадьми, 70 верстъ людской тягой и опять 73 версты лошадьми. И тутъ на разстояніи менѣе чѣмъ двухсотъ верстъ въ десять лѣтъ петербургскаго богатырскаго сна погребено до 6 тысячъ павшаго отъ сибирской язвы скота; а на 70 верстахъ людской тяги, говоря словами губернатора, «первобытный способъ тяжелаго труда людей, при самыхъ невыгодныхъ гигіеническихъ условіяхъ климата, одежды и пищи, подвергаютъ путиннаго бурлака болѣзнямъ—тифу, лихорадкѣ, кровавому поносу и зараженіямъ сифилисомъ». И такою работой ежегодно занимается до 10 тысячъ душъ.

«Вытегорское земство прислало въ Петербургъ и свою просьбу.

«Сибирская язва,—писало земство,—разносится тяговыми лошадьми съ болотистыхъ береговъ р. Шексны по Маріинской системѣ и тамъ съ особенною силой дѣйствуетъ въ мѣстностяхъ конной тяги, преимущественно по р. Ковжѣ, поражая всѣ окрестныя и вблизи системы лежащія селенія Вытегорскаго уѣзда, «нанося великій вредъ крестьянскому хозяйству». А тяга судовъ людьми,—говоритъ далѣе земство,—отвлекаетъ значительную часть крестьянъ отъ домашняго хозяйства и полеводства, «гибельно дѣйствуетъ на физическую и нравственную стороны крестьянина, способствуетъ распространенію эпидемическихъ болѣзней и унижаетъ человѣческое достоинство».

«Обратилось съ такимъ же ходатайствомъ и губернское олонецкое земство. Констатируя тѣ же факты, земство повторяетъ, что народъ перестаетъ заниматься земледѣліемъ, портится физически и нравственно на великомъ водномъ пути, заработывая въ лѣто не болѣе 40 рублей на пару рукъ и оставляя всѣ эти деньги той паутинѣ шинковъ, кабаковъ, трактировъ, пивныхъ и постоялыхъ дворовъ, которая раскинута широко и свободно повсюду, гдѣ есть усталая рабочая грудь и надорванная рабочая лошадь.

«Прочелъ ли кто эти скорбныя ходатайства и земствъ, и представителей высшей мѣстной администраціи, — кто знаетъ это? Но непробудный тринадцатилѣтній сонъ не прекратился.

«Стаялъ еще разъ снѣгъ; еще разъ наполнились смрадною водой, вы гнивающей на солнцѣ, неосушенныя болота по сторонамъ бечевниковъ; еще разъ оттаявающіе откосы каналовъ и рѣкъ выбросили наружу тысячи полузарытыхъ зараженныхъ труповъ; еще разъ поплыли по водамъ сотни вновь падающихъ отъ сибирской язвы лошадей; еще разъ стонетъ бурлацкая грудь подъ тяжестью бичевы, уподобляя себя скоту и по работѣ, и по воспріимчивости къ заразѣ сибирской язвой; еще разъ разоренное крестьянское хозяйство по сосѣдству съ воднымъ путемъ теряетъ послѣдній скотъ отъ эпизоотіи и свой заработокъ въ кабачной паутинѣ кабачныхъ кулаковъ.

«Когда же настанетъ конецъ непробудному сну петербургскихъ канцелярій и непосильнымъ жертвамъ населенія нашихъ торговыхъ водныхъ путей?»

Очевидно,—отвѣтимъ мы,—только тогда, когда не эти канцеляріи будутъ управлять Россіей, когда голосъ земли будетъ свободно и прямо доходить до высшей власти.

В. Г.

II.

Правительство и общественныя партіи.

Самый живой интересъ для общества въ настоящую минуту составляютъ слухи объ образованіи особой коммиссіи для организаціи чрезвычайныхъ мѣръ. Говорятъ, что задача коммиссіи состоитъ въ подготовительныхъ работахъ для выработки законоположенія, которое могло бы быть примѣняемо во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда явится необходимость, въ той или другой мѣстности, усилить власть и размѣры легальныхъ правъ администраціи. Кромѣ этихъ темныхъ, совершенно неопредѣленныхъ слуховъ, мы ничего не знаемъ ни о направленіи трудовъ коммиссіи, ни о принятыхъ ею рѣшеніяхъ. Въ этомъ отношеніи мы вполнѣ бродимъ въ потёмкахъ, не зная и не понимая, къ чему приведутъ труды коммиссіи, для какой опредѣленной надобности она организована и какого рода экстраординарныя мѣры могутъ быть выработаны ею. Тѣмъ не менѣе мы не успѣли еще забыть общій характеръ чрезвычайныхъ мѣропріятій, практиковавшихся въ недавнее время, да едва ли когда и забудемъ ихъ послѣ того, какъ имѣли возможность испытать на себѣ всю тяжесть ихъ. Горькія воспоминанія невольно возникаютъ въ головѣ при одномъ имени *чрезвычайныхъ мѣръ* и понятная тревога охватываетъ общество при мысли о возможности повторенія пережитыхъ нами тяжелыхъ дней. Вездѣ слышатся разговоры, догадки и предположенія относительно дѣятельности

вновь образованной коммиссіи. Конечно, рѣчи идутъ весьма разнообразныя, но тѣмъ не менѣе въ нихъ слышится одна и та же нота, это—опасеніе, не стѣснятъ ли въ чемъ-нибудь насъ чрезвычайныя мѣры, не приведутъ ли онѣ къ потерѣ фактически пріобрѣтенныхъ обществомъ правъ и льготъ? Общество хотя и остается, какъ было и прежде, юридически безправнымъ, но оно успѣло фактически добиться нѣкоторыхъ льготъ для себя, которыми каждый дорожитъ и поступиться которыми никто не согласенъ. Эти льготы до такой степени составляютъ насущную потребность общества и успѣли войти, такъ сказать, въ плоть и кровь его, что потеря ихъ способна нанести личный ущербъ каждому изъ насъ. Люди всевозможныхъ состояній и профессій ближайшимъ образомъ лично заинтересованы въ охранѣ пріобрѣтенныхъ обществомъ льготъ, такъ что даже самые консервативные классы общества—и тѣ понимаютъ, что всякое нарушеніе общественнаго спокойствія какими бы то ни было чрезвычайными мѣрами прежде всего бьетъ ихъ по карману. Извѣстно, какое громадное вліяніе на пониженіе нашего биржеваго курса имѣли разные слухи объ усиленіи консервативнаго направленія во внутренней политикѣ; всякій такой слухъ въ одинъ день наносилъ тысячные убытки нашимъ капиталистамъ. Мы для примѣра упомянули о самомъ консервативнѣйшемъ классѣ, всѣ интересы котораго ограничиваются заботами объ охраненіи только личнаго матеріальнаго благосостоянія. Что же послѣ этого сказать о другихъ классахъ интеллигентнаго общества, наприм. о людяхъ занимающихся свободными профессіями? Для такихъ классовъ и такихъ людей прежде всего необходима увѣренность въ томъ, что ихъ личная свобода и неприкосновенность вполнѣ гарантированы отъ всякихъ экстраординарныхъ мѣръ. Безъ этой увѣренности нельзя спокойно заниматься обычнымъ трудомъ, нельзя вполнѣ погрузиться въ частную жизнь. Люди, которые, ложась сегодня спать, не могутъ быть увѣрены въ томъ, что завтра не подвергнутся дѣйствію чрезвычайныхъ мѣръ, — такіе люди не могутъ жить спокойно, безъ сомнѣній и тревогъ предаваться обычнымъ занятіямъ. Поэтому понятно, какія опасенія возбуждаетъ всюду извѣстіе объ одной возможности чрезвычайныхъ мѣропріятій и какой ущербъ всѣмъ наноситъ это тревожное состояніе общества.

Тревога въ нашемъ обществѣ, по поводу проникшихъ въ него неопредѣленныхъ слуховъ, представляетъ для безпристрастнаго посторонняго наблюдателя очень странное и вмѣстѣ характерное явленіе. Съ одной стороны мы тревожимся, не имѣя яснаго понятія о томъ, какія могутъ быть выработаны чрезвычайныя мѣры, какое направленіе и характеръ будутъ имѣть онѣ, такъ что, собственно говоря, мы боимся призрака. Съ другой стороны нѣтъ сомнѣнія, что при учрежденіи коммиссіи для выработки чрезвычайныхъ мѣръ имѣлись въ виду интересы того самаго общества, которое теперь такъ напугано. Значитъ, чего же намъ бояться, какое основаніе имѣютъ страхъ и тревога? Да и не одно только

отношеніе общества къ предполагаемымъ мѣропріятіямъ представляется чрезвычайно страннымъ, но все общественное настроеніе въ настоящее время таково, что люди, не мало пожившіе на своемъ вѣку, ничего подобнаго не запомнятъ. Откуда и какъ могло зародится опасеніе чрезвычайныхъ мѣръ въ томъ самомъ обществѣ, которое такъ недавно еще относилось ко всему съ полнымъ равнодушіемъ и, мало того, даже рукоплескало людямъ, увѣрявшимъ, что всякаго рода чрезвычайныя мѣры составляютъ дѣло необходимости и вѣнецъ политической мудрости? Какимъ образомъ могъ произойдти такой громадный и рѣзкій переворотъ въ общественномъ настроеніи? Конечно, нельзя думать, что переворотъ этотъ совершился вдругъ, нечаянно, ни съ того, ни съ сего; къ нему нельзя относиться небрежно, какъ къ капризу избалованнаго ребенка. Мы очень хорошо знаемъ, что воспитатели и опекуны далеко не баловали русское общество, что оно прошло суровую школу и воспитано въ строгой дисциплинѣ. Въ странѣ, гдѣ издавна безъ всякой настоятельной надобности практиковались разныя чрезвычайныя мѣры и гдѣ онѣ, собственно говоря, составляютъ обычное явленіе,—тамъ общество не привыкло капризничать, потому что для укрощенія капризовъ выработаны практикой средства чрезвычайно суровыя. Въ особенности въ послѣдніе годы много разъ прибѣгали къ такимъ средствамъ, а капризное общество все-таки не унялось, не успокоилось и не только продолжаетъ волноваться, но возбужденное состояніе въ немъ все усиливается и распространяется. Значитъ тутъ виноватъ не одинъ капризъ со стороны общества, но должны существовать болѣе глубокія и серьезныя причины теперешняго, повидимому столь страннаго, настроенія общества, лежащія въ нашемъ прошломъ, безъ котораго невозможно понять настоящаго.

Если мы вспомнимъ старое время, обратимся за 25—30 лѣтъ тому назадъ, то увидимъ, что и прежде общество находилось въ состояніи нѣсколько похожемъ на теперешнее. Послѣ либеральнаго возбужденія, бывшаго въ сороковыхъ годахъ, наше общество успокоилось и мирно отдыхало, не зная ни заботъ, ни тревогъ, ни сомнѣній. Повидимому никто не тревожилъ себя «проклятыми вопросами», кромѣ ничтожной горсти людей, скрывавшихся за границею, или работавшихъ въ глубокой тишинѣ своихъ кабинетовъ. Съ нарядной, казовой стороны русское общество было совершенно спокойно, всѣ въ немъ были довольны и всѣ полагали, что страна благоденствуетъ. Увѣренность въ силѣ и благоденствіи народа была такъ крѣпка и сильна, что вся страна съ самыми радужными надеждами и съ глубокою, беззавѣтною вѣрою въ свою мощь и счастье ринулось въ отчаянное предпріятіе, вызвавъ на вооруженную борьбу самыя могущественныя государства Европы. Но крымская война, закончившаяся постыднымъ миромъ, разъубѣдила наше общество въ благоденствіи народа и силѣ государства. Какъ ни непріятно было разочарованіе, какъ ни грустно было разстаться съ сладкими иллюзіями, но необходимо было при-

мо взглянуть въ глаза суровой истинѣ. Общество увидѣло, что подъ маскою форменнаго благополучія скрывается масса зла, неправды и безобразій. Вѣра въ народное благоденствіе и государственную мощь поколебалась и, вмѣсто прежняго самодовольства, въ обществѣ быстро распространилось недовольство всѣмъ существующимъ строемъ русской жизни. Тогда взоры общества обратились къ тѣмъ людямъ, которые остались вѣрны традиціямъ сороковыхъ годовъ и не вошли въ сдѣлку съ общественнымъ настроеніемъ, получившимъ преобладаніе въ началѣ 50-хъ годовъ. Люди, отъ которыхъ общество первоначально отвернулось и которые не находили себѣ мѣста въ Россіи, покоившейся въ глубокомъ снѣ со сладкими грезами о несуществующемъ благоденствіи,—эти люди изъ далекаго изгнанія сдѣлались руководителями роднаго общества. Они стали выразителями охватившаго русское общество недовольства существующимъ строемъ, помогая осмыслить накопившіеся въ жизни, но ясно еще несознанные элементы недовольства; они уясняли новый общественный идеалъ, который болѣе или менѣе сознательно усвоивался обществомъ, пробудившимся отъ долгаго сна. Извѣстно, какою громадною распространенностью пользовались у насъ въ концѣ пятидесятыхъ годовъ заграничныя изданія русскихъ эмигрантовъ. Въ то время не было ни одного грамотнаго человѣка, который бы не читалъ ихъ; всякій старался подѣлиться съ знакомыми хотя бы самою пустою новинкою, привезенною изъ-за границы; запрещенныя изданія расходились по странѣ въ спискахъ цѣлыми тысячами и проникали въ самыя отдаленныя и глухія захолустья; разговоръ о запрещенныхъ новостяхъ сдѣлался въ обществѣ самымъ интереснымъ. Ясно, что изданія эмигрантовъ удовлетворяли пробудившимся въ обществѣ потребностямъ. Они дали новое направленіе общественной мысли и подъ ихъ вліяніемъ общественный идеалъ настолько выяснился, что вскорѣ общество получило возможность обходиться домашними средствами, безъ руководства издалека. Легальная русская литература, несмотря на строгую и стѣснительную цензуру, стала дѣйствовать въ томъ же самомъ направленіи, какъ и заграничныя изданія эмигрантовъ. Мало того, легальная литература съумѣла обойти всѣ стѣсненія и препятствія, во многомъ даже опередила заграничныхъ руководителей. Тутъ мы видимъ одно изъ самыхъ лучшихъ доказательствъ безсилія репрессивныхъ мѣръ, когда общество настроено въ направленіи совершенно противоположномъ тому, куда стремятся направить его при помощи этихъ мѣръ. Въ либеральномъ возбужденіи, которое охватило все тогдашнее общество, заключалась великая сила, служившая опорою для литературы, этой вѣрной и честной выразительницы стремленій и потребностей большинства. Какія мѣры ни принимались, чтобы противодѣйствовать новому направленію общественной мысли и положить конецъ новому либеральному теченію, всѣ усилія въ этомъ отношеніи не имѣли никакого успѣха. Общество отказало въ своемъ сочувствіи стремленію поддержать существующій порядокъ и всѣ

подобныя усилія вели только къ большему возбужденію общества, поднимали тревогу и помогали распространенію тѣхъ самыхъ идей и стремленій, противъ которыхъ они были направлены.

Послѣ непродолжительнаго колебанія правительство убѣдилось въ невозможности противодѣйствовать преобладавшему въ обществѣ направленію и рѣшилось вступить на путь либеральныхъ реформъ. При этомъ оно поступило очень осмотрительно, предоставивъ обществу возможность вполнѣ высказаться, и такимъ образомъ узнало мнѣнія и стремленія большинства, убѣдилось, на чьей сторонѣ находится сила, кому принадлежитъ будущность. Въ обществѣ не замедлили выдѣлиться двѣ противуположныя партіи, которыя вступили въ ожесточенную борьбу между собою. Съ одной стороны партія консервативная, или, какъ тогда она называлась, крѣпостническая, стояла за сохраненіе существовавшаго порядка. Она была сильна традиціями, вынесенными изъ многовѣковой исторіи; люди этой партіи обладали громадными матеріальными средствами и къ ихъ рядамъ принадлежали, въ большинствѣ случаевъ, представители правительственной власти. Словомъ, эта партія была очень сильна и могущественна, такъ что для борьбы съ нею требовались недюжинныя силы. Съ другой стороны враждебная крѣпостникамъ либеральная партія была сильна преимущественно талантами и тѣмъ, что на сторонѣ ея стояло громадное большинство интеллигентнаго общества и за нимъ вся народная масса, интересы которой дружно и горячо поддерживались тогдашними либералами. Правительство сначала оставалось въ сторонѣ отъ борьбы, происходившей между общественными партіями. Между тѣмъ и та и другая партія, для успѣха въ борьбѣ, нуждались въ помощи правительства; обѣ онѣ одинаково старались вовлечь правительственную власть въ происходившую между ними борьбу, потому что безъ этой власти не могли одолѣть другъ друга. Наконецъ, правительство, убѣдившись, что сила и будущность принадлежатъ либеральной партіи и оттого стремленія ея не могутъ остаться безъ удовлетворенія, рѣшилось окончательно склониться на сторону ея и приступить къ реформамъ, необходимость которыхъ вошла въ общественное сознаніе.

Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ шла преобразовательная работа, которая вполнѣ поглотила собою вниманіе общества, такъ что въ немъ, мало-по-малу, улеглось прежнее волненіе. По мѣрѣ того, какъ подвигалась впередъ эта работа, въ обществѣ совершался весьма важный переворотъ. Лица, прежде господствовавшія надъ умами и дававшія направленіе общественной мысли, мало-по-малу стали терять прежній авторитетъ въ глазахъ общества. Вліяніе эмигрантовъ годъ отъ году слабѣло, такъ что въ началѣ шестидесятыхъ годовъ старый кумиръ общества, Герценъ, былъ почти забытъ, его изданія уже никого болѣе не интересовали и даже правительственная власть болѣе не считала ихъ опасными. Словомъ, общество теперь отшатнулось отъ партіи эмигрантовъ и вполнѣ отдалось тому

живому дѣлу, во главѣ котораго стояло правительство, занятое осуществленіемъ либеральныхъ реформъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ и консервативная, крѣпостническая, партія потеряла всякую силу, какъ скоро осталась безъ поддержки со стороны правительства. Реформы расшатали и разрушили тотъ строй жизни, благодаря которому возможно было существованіе этой партіи и поддержаніе котораго составляло единственный интересъ для нея. Крѣпостники вскорѣ убѣдились, что возстановить разрушенное, оживить погибшее уже невозможно, и съ грустнымъ сознаніемъ своего пораженія сошли со сцены, такъ что въ настоящее время сохранилась только память о нихъ. Громадное большинство людей съ либеральными убѣжденіями отдалось всецѣло служенію реформамъ и вмѣстѣ съ тѣмъ вполнѣ перешло на сторону правительства. Такимъ образомъ въ шестидесятыхъ годахъ взаимное положеніе правительства и общественныхъ партій совершенно измѣнилось. Правительство, разорвавъ связь съ консервативною партіей, оставшеюся въ меньшинствѣ, вступило въ тѣсный союзъ съ либералами, на сторонѣ которыхъ стояло громадное большинство русскаго общества. Партіи эмигрантовъ и консерваторовъ скоро потеряли всякое значеніе и силу, а правительство въ союзѣ съ либералами пріобрѣло несокрушимую мощь, такъ какъ на сторонѣ его находились и большинство интеллигентнаго общества, и народная масса, удовлетворенная новыми либеральными реформами.

Какъ въ отдѣльныхъ лицахъ, такъ и въ цѣломъ обществѣ за возбужденіемъ обыкновенно слѣдуетъ упадокъ силъ, потребность успокоиться отъ волненій. Общество, удовлетворенное реформами, тотчасъ успокоилось и почувствовало нужду въ отдыхѣ, среди безмятежной тишины. Прежнее стремленіе къ преобразованіямъ и ломкѣ существующаго порядка замѣнилось потребностью отдаться мирной и спокойной жизни, устроенной въ обновленномъ видѣ. Большинство требовало либеральныхъ реформъ и, получивши ихъ, было вполнѣ довольно правительствомъ, которое осуществило желанія общества и удовлетворило нужды его. Съ другой стороны, возникшая въ обществѣ потребность успокоиться отъ треволненій, не разрывно связанныхъ съ ломкою существующаго порядка, могла быть удовлетворена не иначе, какъ при помощи правительства, назначеніе котораго состоитъ въ охраненіи спокойствія общества. Такимъ образомъ громадное, подавляющее своею численностью, большинство русскаго общества вступило въ тѣснѣйшее единеніе съ правительственною властью на почвѣ обоюдной солидарности интересовъ, клонившихся къ охраненію установленнаго порядка и общественнаго спокойствія отъ всякихъ потрясеній и волненій. Вмѣстѣ съ тѣмъ произошелъ расколъ въ либеральной партіи, до сего времени представлявшей одну тѣсно сплоченную массу. Большинство тогдашнихъ либераловъ, потративъ всю свою энергію на борьбу съ консервативною партіей, на ломку стараго порядка и преобразовательную дѣятельность, совершенно удовлетворилось проведенными въ жизнь рефор-

мами. Оно утомилось подъ бременемъ доставшагося на его долю труда, желало успокоенія и хотѣло отдать свои силы на поддержаніе и упроченіе дѣла рукъ своихъ, оставаясь въ неразрывномъ союзѣ съ правительствомъ. Но были и такія лица, составлявшія, впрочемъ, незначительное меньшинство, которыя не утратили энергіи въ стремленіи къ окончательной ломкѣ стараго, вѣками созданнаго порядка, къ дальнѣйшему совершенствованію и преобразованію общественнаго строя. Они не хотѣли успокоиться на томъ, что было сдѣлано, шли впередъ и желали новыхъ, дальнѣйшихъ реформъ. Теперь эта немногочисленная группа либераловъ уже не встрѣчала себѣ сочувствія и поддержки въ большинствѣ общества, которое относилось къ нимъ съ снисходительнымъ терпѣніемъ. Люди, неизмѣнившіе традиціямъ либеральной партіи конца пятидесятыхъ годовъ и оставшіеся въ сторонѣ отъ новаго теченія, которымъ было увлечено большинство русскаго общества, составили изъ себя нѣчто въ родѣ легальной оппозиціи направленію, все болѣе и болѣе опредѣлявшемуся и получавшему преобладаніе какъ въ правительственныхъ сферахъ, такъ равно и въ обществѣ. Въ то же время на развалинахъ старой либеральной партіи возникла ничтожная кучка людей съ направленіемъ чисто революціоннымъ. Стремленія общества, домогавшагося успокоенія отъ тревогъ, шли въ разрѣзъ съ безпокойными замыслами революціонеровъ, и потому понятно, что общество отнеслось къ послѣднимъ крайне враждебно, а вмѣстѣ съ тѣмъ мало-по-малу начало смотрѣть съ недовѣріемъ и на ту группу либераловъ, которая признавала необходимость дальнѣйшаго обновленія русской жизни путемъ либеральныхъ реформъ и представляла собою легальную оппозицію. Безъ сомнѣнія, никто еще не успѣлъ забыть того безпримѣрнаго общественнаго возбужденія, которое было вызвано покушеніемъ Каракозова. Гнѣвъ народа противъ лицъ тревожившихъ общественное спокойствіе былъ по-истинѣ ужасенъ, и подъ вліяніемъ этого ужаса множество людей, еще сохранявшихъ вѣру въ необходимость дальнѣйшихъ реформъ, отказались отъ своихъ убѣжденій и примкнули къ большинству, которое теперь стало относиться съ нѣкоторымъ недовѣріемъ даже къ тому, что уже было сдѣлано правительствомъ въ періодъ либеральныхъ реформъ. Чаще и чаще стали слышаться рѣчи о томъ, что не слишкомъ ли далеко мы шагнули по либеральному пути, что народъ еще недоросъ, недозрѣлъ до реформъ, что нужно податься назадъ, отступить въ дореформенную старину. Обществомъ овладѣлъ страхъ предъ реформами, и въ немъ-то именно теперь созрѣла мысль о необходимости искуственными мѣрами сдержать стремленіе къ дальнѣйшей ломкѣ существующаго порядка. Такимъ образомъ въ нѣдрахъ самого общества явились реакціонныя стремленія въ формѣ вполнѣ опредѣленной и законченной. Понятно, что правительство воспользовалось такимъ общественнымъ настроеніемъ и сдѣлало рѣшительный поворотъ своей внутренней политики въ реакціонномъ направленіи. Въ своихъ реакціонныхъ стремленіяхъ оно нашло теперь такую

же сильную опору для власти, какую прежде находило въ либеральныхъ реформахъ. Въ томъ и другомъ случаѣ правительство опиралось на общество, шло рука объ руку съ нимъ, въ тѣсномъ, неразрывномъ союзѣ съ большинствомъ, и было могущественно при помощи преданныхъ ему общественныхъ силъ. Реакція у насъ совершилась путемъ вполнѣ естественнымъ, такъ какъ она шла, главнымъ образомъ, изъ среды общества, утомленнаго тревогами либеральнаго періода и вполнѣ удовлетвореннаго реформами.

Наиболѣе выдающіеся и замѣтные дѣятели реакціи въ большинствѣ случаевъ вышли изъ рядовъ старой либеральный партіи. Въ пятидесятыхъ годахъ они были либералами и даже многіе изъ нихъ принадлежали къ крайнимъ группамъ этой партіи. Но съ теченіемъ времени они мало-помалу, почти незамѣтно для себя, отказались отъ своихъ прежнихъ убѣжденій и стремленій. Весьма многіе изъ бывшихъ либераловъ пришли къ совершенно искреннему убѣжденію, что необходимо отказаться отъ извѣстной части своихъ прежнихъ стремленій для того, чтобы сохранить хоть что-нибудь изъ тѣхъ реформъ, въ которыхъ они принимали живое и непосредственное участіе въ періодъ либеральнаго возбужденія. Другіе склонились на сторону реакціи подъ давленіемъ общественнаго настроенія. Вообще же всѣ чувствовали себя утомленными и употребляли всѣ усилія къ тому, чтобъ обезпечить, какъ лично для себя, такъ и для общества, спокойствіе отъ треволненій, связанныхъ съ дальнѣйшими реформами. Поэтому люди, склонившіеся на сторону реакціи, стали относиться, какъ къ своимъ личнымъ непріятелямъ и врагамъ общественнаго спокойствія, къ той группѣ либераловъ, которая признавала необходимость дальнѣйшихъ реформъ. Въ то же время и люди, прежде принадлежавшіе къ консервативной партіи, чувствуя полное пораженіе ея и желая обезопасить себя отъ дальнѣйшихъ ненавистныхъ имъ реформъ, стали входить въ безмолвное соглашеніе съ ренегатами изъ рядовъ либеральной партіи. Они понимали, что пѣсня стараго крѣпостника уже спѣта, что прежняго вернуть новозможно, такъ-какъ реформы безповоротно вошли въ русскую жизнь. Но въ то же время они ясно видѣли, что общество настроено весьма неблагопріятно для продолженія ломки общественнаго строя и при такомъ настроеніи легко возможно не только задержать дальнѣйшія, когда-то имѣвшіяся въ виду реформы, но постепенно можно передѣлать по-старому кое-что и изъ того, что вновь было проведено въ русскую жизнь. Такимъ образомъ они, признавая, какъ совершившійся фактъ, внесенныя въ жизнь реформы и чувствуя свое безсиліе предъ этимъ фактомъ, въ то же время стремились къ тому, чтобы сдерживать всякія попытки къ дальнѣйшей ломкѣ и преобразованію общественнаго строя и, на сколько возможно, противодѣйствовать тѣмъ новымъ началамъ, которыя были проведены въ жизнь въ предшествующій либеральный періодъ. Благодаря примиренію съ реформами, какъ съ совершившимся фактомъ, старые консер-

ваторы вскорѣ слились съ ренегатами изъ либеральной партіи, которые въ свою очередь точно также сдѣлали кое-какія уступки въ смыслѣ ограниченія и искаженія реформъ. Изъ этихъ двухъ элементовъ, изъ смѣси лицъ, вышедшихъ изъ рядовъ либеральной и старой консервативной партій, вскорѣ образовалась новая весьма многочисленная и сильная консервативная партія. Члены ея захватили въ свои руки всю—какъ правительственную, такъ и земскую—власть въ странѣ. Они пріобрѣли преобладающее значеніе въ обществѣ и стали давать руководящее направленіе общественному мнѣнію. Въ теченіе многихъ лѣтъ общество находилось подъ руководствомъ консервативной партіи, которая, желая сохранить и обезпечить за собою пріобрѣтенную власть, крайне враждебно относилось къ людямъ, не раздѣлявшимъ ихъ убѣжденій и стремившимся вывести общество изъ того глубокаго сна, въ какой оно было погружено въ періодъ реакціи.

Когда въ обществѣ совершился поворотъ отъ либеральнаго настроенія къ реакціи, незначительное меньшинство изъ старой либеральной партіи осталось вѣрно прежнимъ убѣжденіямъ и стремленіямъ и образовало изъ себя ядро для сформированія впослѣдствіи новой либеральной партіи. Это либеральное меньшинство, во время господства реакціи, находилось какъ бы въ неподвижномъ состояніи. По своему безсилію оно не могло сдѣлать ни одного шага впередъ въ стремленіяхъ къ обновленію общественнаго строя и поневолѣ должно было довольствоваться лишь тѣмъ, что было сдѣлано въ предшествующій періодъ либеральныхъ реформъ. Подъ давленіемъ силы консервативной партіи, съ которою приходилось на каждомъ шагу вести исключительно оборонительную борьбу, оно на время забыло прежніе порывы къ дальнѣйшему преобразованію строя русской жизни путемъ новыхъ либеральныхъ реформъ. Въ то время, какъ въ консервативной партіи господствовало стремленіе къ ограниченію и исправленію реформъ, догматомъ вѣры нашихъ либераловъ было сохраненіе совершенныхъ реформъ въ ихъ первоначальномъ видѣ. Далѣе простаго охраненія реформъ отъ искаженій, внесенныхъ въ нихъ въ періодъ реакціи, либералы не шли,—самыя завѣтныя стремленія ихъ сводились только къ отмѣнѣ этихъ искаженій, сдѣланныхъ благодаря упорнымъ стараніямъ консервативной партіи. Въ тяжелое время реакціи изъ среды либеральной партіи рѣдко раздавались голоса, требовавшіе новой ломки и дальнѣйшаго преобразованія общественнаго строя. Даже въ началѣ 1880 года одинъ изъ выдающихся членовъ либеральной партіи предложилъ для нея программу, требующую исключительно возстановленія реформъ въ первоначальномъ видѣ. Онъ прямо и откровенно сознавался, что между либералами и консерваторами почти нѣтъ никакой разницы, такъ какъ задачи либеральной партіи, будто бы, сводятся исключительно къ *охраненію* реформъ. Такимъ образомъ, въ періодъ реакціи, либеральная партія, находясь въ неподвижномъ состояніи, всѣ

свои силы употребляла на оборонительную войну съ консерваторами. Мало того, либералы семидесятыхъ годовъ иной разъ даже дѣлали уступки реакціи въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ. Случалось, что реакціонныя мѣры не только не вызывали должнаго порицанія со стороны либераловъ, но отчасти поддерживались ими въ печати. Ясно, что либеральная партія сама сознавала свое безсиліе; она видѣла, что общество стоитъ на сторонѣ консерваторовъ, вся сила которыхъ заключалась не въ чемъ иномъ, какъ въ прямомъ сочувствіи къ нимъ одной части общества и въ полнѣйшей апатіи другой части его. Русское общество въ это время спокойно отдавалось наслажденію благами жизни, не тревожа себя никакими общественными вопросами. Золотой телецъ сдѣлался кумиромъ общества, которое, ни предъ чѣмъ не останавливаясь, все приносило въ жертву новому идолу. Въ погонѣ за наживою общество дошло до послѣдней степени безнравственности. Самыя отвратительнѣйшія преступленія сдѣлались обыденнымъ явленіемъ и совершались съ изумительною легкостью и простотою. Не проходило дня, чтобы мы не получали новыхъ извѣстій о разныхъ мошенничествахъ и кражахъ общественныхъ суммъ, и всѣ эти безнравственныя дѣянія совершались не для чего иного, какъ для одного мимолетнаго и чудовищно-безумнаго прожиганія жизни. Лица стоявшія увласти также отдались страсти къ наживѣ, къ хищенію народнаго достоянія и помогали всякаго рода нечистымъ продѣлкамъ. Общественная деморализація наконецъ достигла такихъ размѣровъ, что уже стала вызывать все болѣе и болѣе внятные протесты, раздававшіеся изъ среды того же общества. Но эти протесты очень часто были заглушаемы. Дѣло въ томъ, что деморализаціи преимущественно подвергались тѣ части общества, которыя ближе стояли къ консеративнымъ кружкамъ, заправлявшимъ нашими судьбами и руководившимъ общественнымъ мнѣніемъ. Понятно, что свой своему по неволѣ братъ, и потому консервативная партія прикрывала множество гнусныхъ дѣяній, чтобы разоблаченіемъ ихъ не скомпрометировать себя въ глазахъ честныхъ людей.

Во время реакціи, когда консеративный элементъ чрезмѣрно усилился, а деморализація распространилась въ обществѣ, изъ среды послѣдняго стали выдѣляться люди, которые все болѣе и болѣе убѣждались въ ненормальности существовавшаго тогда порядка вещей. Видя повсемѣстно апатію къ наиболѣе живымъ и насущнымъ общественнымъ вопросамъ и чувствуя свое безсиліе противодѣйствовать замысламъ сильной консервативной партіи, эти люди не принимали активнаго участія въ общественныхъ дѣлахъ, скрывались въ глуши и предавались вынужденному бездѣйствію. Въ большинствѣ общества они не находили сочувствія къ себѣ, но тѣмъ не менѣе, не скрывая своего недовольства существующимъ порядкомъ, распространяли разными путями убѣжденія несогласныя съ господствовавшими въ обществѣ мнѣніями. На досугѣ они не только предавались критикѣ существовавшаго порядка, но отчасти вырабатыва-

ли и уясняли себѣ новый общественный идеалъ. Между тѣмъ подрастало молодое поколѣніе, въ которомъ мысль упорно работала надъ разрѣшеніемъ общественныхъ вопросовъ. Въ жизнь вступили новые люди, которые, увлекаясь въ сущности однимъ и тѣмъ же стремленіемъ къ измѣненію существующаго порядка, пошли къ этой цѣли различными путями. Одни изъ нихъ, разсматривавшіе «проклятые вопросы» русской жизни преимущественно съ политической точки зрѣнія, прямо примкнули къ либеральной партіи и думали въ союзѣ съ нею достигнуть своихъ завѣтныхъ цѣлей. Они очень хорошо понимали, что либералы стараго закала, преслѣдуя одно лишь сохраненіе реформъ въ первоначальномъ ихъ видѣ, поставили себѣ слишкомъ узкую задачу, что оборонительное положеніе, въ какомъ находилась партія, не соотвѣтствуетъ потребностямъ времени. Новые люди старались пробудить въ старыхъ бойцахъ память о прошломъ, о тѣхъ стремленіяхъ, какими они увлекались въ періодъ либеральнаго настроенія общества. Подъ ихъ вліяніемъ въ средѣ либеральной партіи мало-по-малу стало пробуждаться заглохшее, въ періодъ реакціи, сознаніе недостаточности реформъ, внесенныхъ въ русскую жизнь, и стремленіе къ дальнѣйшей ломкѣ и преобразованію общественнаго строя. Но въ то же время охранительное настроеніе среди либераловъ было такъ сильно, что почти никто еще не рѣшался высказать порицаніе реформамъ либеральнаго періода, никто не смѣлъ открыто выставить многочисленные недостатки ихъ. Реформы были въ то время неприкосновенною святынею для либераловъ стараго закала. Если кто рѣшался высказать горькую правду о недостаткахъ реформъ, того безъ всякихъ разговоровъ смѣшивали съ консерваторами, осмѣивали, или даже совсѣмъ не хотѣли слушать. Убѣжденія въ недостаткахъ реформъ либеральнаго періода выработались въ-тиши у людей новаго поколѣнія, примкнувшихъ къ уцѣлѣвшимъ остаткамъ старой либеральной партіи. Другая часть молодежи, поставивъ себѣ исключительною задачей улучшеніе экономическаго положенія рабочаго класса, горячо принялась за изученіе народнаго быта. Въ этой весьма многочисленной группѣ молодежи постепенно выясняются и опредѣляются направленія двоякаго рода. Одни, потерявъ вѣру въ возможность что-нибудь сдѣлать для народа легальнымъ путемъ, усвоиваютъ убѣжденія революціоннаго характера. Ничтожная въ началѣ реакціи горсть революціонеровъ теперь быстро возрастаетъ въ числѣ, усиливается и организуется въ особую партію, ряды которой наполняются изъ молодаго поколѣнія. Впрочемъ въ ряды революціонной партіи становятся далеко не всѣ люди новаго поколѣнія, стремившіеся путемъ изученія народнаго быта выяснить потребности народной массы и найдти средства для удовлетворенія насущныхъ нуждъ народа. Весьма многіе сохранили вѣру въ возможность улучшенія существующаго порядка безъ революціоннаго переворота. Этимъ людямъ ничего болѣе не оставалось, какъ примкнуть къ существующей уже либеральной партіи. Изученіе народнаго

быта, нуждъ и потребностей массы открыло совершенно новый обширный кругозоръ, ясно обнаруживъ недостаточность старой программы либеральной партіи. Новые люди внесли въ эту программу совершенно новое требованіе такихъ экономическихъ и соціальныхъ реформъ, которыя отчасти не были симпатичны старымъ либераламъ. Такимъ образомъ съ притокомъ разнообразныхъ новыхъ силъ въ либеральной партіи стали обнаруживаться особыя группы съ болѣе или менѣе радикальнымъ характеромъ, но въ то же время потребность соединенія силъ для успѣха въ борьбѣ съ реакціей до сихъ поръ сдерживаетъ всѣ группы либераловъ въ союзѣ между собою и служитъ главною помѣхою для выдѣленія новой радикальной партіи, зачатки которой день ото-дня становятся очевиднѣе и несомнѣннѣе.

Мы видѣли, что реакція шла изъ общества, что само общество безъ всякихъ постороннихъ воздѣйствій повернуло на реакціонный путь, потому что слишкомъ утомилось тревогами преобразовательной дѣятельности. Правительство также пошло по пути реакціи, но удержаться на немъ оно могло не иначе, какъ опираясь на силу общества. Даже еслибы правительство не пожелало слѣдовать за обществомъ и стало бы продолжать ломку и преобразованіе стараго порядка въ прежнемъ либеральномъ направленіи, то, мы увѣрены, оно не могло бы этого сдѣлать. Безъ воли общества и вопреки желанію его правительство не въ силахъ внести какія бы то ни было измѣненія въ общественный строй. Если правительство склонилось на сторону реакціи и такъ долго продолжало дѣйствовать въ этомъ направленіи, то могло поступать такъ потому, что находило въ самомъ обществѣ поддержку и опору для себя. Пока въ обществѣ преобладало реакціонное настроеніе, до тѣхъ поръ не только всѣ реакціонныя мѣры правительства были одобряемы громаднымъ большинствомъ общества, но и вообще не было никакихъ признаковъ недовольства. Общество, утомленное ломкою и преобразованіемъ стараго порядка, искавшее успокоенія отъ всякихъ тревогъ и заботъ, обнаруживало весьма малую склонность заниматься дѣлами, выходящими изъ рамокъ частной жизни. Поэтому правительство спокойно проводило реакціонныя мѣропріятія, которыя въ то время въ обществѣ не вызывали ни малѣйшаго неудовольствія. Между тѣмъ и общество, довольное существующимъ порядкомъ, мало-по-малу получило увѣренность въ благополучіи и громадной силѣ государства. Только незначительное либеральное меньшинство, представлявшее собою оппозицію господствовавшей реакціи, не вѣрило въ народное благополучіе. Но позднѣе недовольство въ средѣ общества реакціонными мѣрами стало усиливаться, по мѣрѣ того, какъ умножалась либеральная партія и росла ея сила. Правительству было очень трудно подмѣтить ростъ либеральной партіи и во-время увидѣть совершающійся въ обществѣ поворотъ къ либеральному настроенію. Реакція продолжалась такъ долго, что не легко было потерять вѣру въ силу и живучесть ея. При-

томъ же на поверхности общества по-прежнему оставались реакціонные дѣятели, которые своими криками заглушали голосъ общественнаго мнѣнія и застилали отъ взоровъ правительства картину дѣйствительнаго положенія общества, гдѣ все болѣе и болѣе распространялось недовольство существующимъ порядкомъ и усиливалось либеральное настроеніе. Оттого правительство и не могло во время остановить свои реакціонныя стремленія и вступить на новый путь, опираясь на общественныя силы, получившія теперь совсѣмъ обратное направленіе.

Либеральное направленіе получило преобладаніе въ обществѣ весьма быстро, малозамѣтно и совершенно неожиданно. Не только правительство, для котораго было въ высшей степени трудно узнать общественное настроеніе, но даже лица, вращавшіяся въ глубинѣ общества и непосредственно видѣвшія все совершавшееся въ средѣ его,—и тѣ долгое время не рѣшались вывести рѣшительное заключеніе о характерѣ общественнаго настроенія. Въ то время, когда совершался либеральный поворотъ въ общественномъ настроеніи, многимъ казалось, что, напротивъ, усиливается реакція,—до такой степени неопредѣленно и неясно было общественное движеніе въ началѣ его. Въ обществѣ происходила какая-то путаница, какое-то неясное движеніе не то въ одну, не то въ другую сторону. Ясно было только одно, что въ обществѣ началось возбужденіе, но характеръ этого возбужденія опредѣлить было трудно и въ этомъ отношеніи одинаково ошиблись какъ правительство, такъ и общественныя партіи. Возбужденіе началось по поводу событій, происходившихъ далеко отъ насъ, за границами страны. Въ горахъ Герцеговины появились отряды повстанцевъ, вступившихъ въ борьбу съ турецкимъ правительствомъ. Повидимому, какое намъ было дѣло до герцеговинскихъ повстанцевъ, и какое вліяніе на русское общество могли имѣть мелкія стычки между герцеговинцами и турками? Однако оказалось, что возстаніе, вспыхнувшее въ далекой Герцеговинѣ, отразилось и на нашей русской жизни. Интересъ къ событіямъ, происходившимъ въ Герцеговинѣ, пробудился у насъ довольно сильно, въ особенности благодаря тому, что и правительство въ значительной степени поддерживало его. Въ газетахъ то и дѣло стали появляться разсказы о страданіяхъ славянъ подъ турецкимъ игомъ; начались денежные сборы въ пользу герцеговинцевъ, отстаивавшихъ свою свободу; все общество принимало живое участіе въ судьбѣ храбрыхъ людей, которые съ самыми ничтожными средствами затѣяли войну съ большимъ государствомъ. Люди либеральнаго образа мыслей съ сочувствіемъ относились къ благородному стремленію повстанцевъ завоевать свободу родной страны. Съ другой стороны консерваторы, увѣренные въ могуществѣ и силѣ нашего государства, видѣли въ герцеговинскомъ возстаніи очень удобный случай вмѣшаться въ чужія дѣла и попытать счастія въ войнѣ съ традиціоннымъ врагомъ Россіи—съ Турціей, надѣясь извлечь изъ побѣды извѣстныя выгоды для себя. Такимъ образомъ всѣ безъ исключенія очень интересовались герце-

говинскимъ возстаніемъ и сочувствовали ему. Возбужденіе постепенно росло и, наконецъ, достигло небывало-громадныхъ размѣровъ, когда въ борьбу съ Турціей вступили черногорцы и сербы. Во время Турецко-Сербской войны наше правительство открыто стало оказывать помощь Сербіи и направлять общественное вниманіе на угнетенное положеніе славянъ на Балканскомъ полуостровѣ и армянъ въ Азіи. Общество, которое такъ долго держалось въ строгой дисциплинѣ и не допускалось до живаго, дѣятельнаго вмѣшательства въ свои внутреннія дѣла, — вдругъ получило разрѣшеніе свыше вступить въ войну съ сосѣднимъ государствомъ на свои общественныя средства и на свой страхъ, безъ участія правительства, которое хотѣло остаться въ сторонѣ. Повсемѣстно, не исключая самыхъ глухихъ и далекихъ окраинъ страны, начались денежные сборы на военныя надобности, вербовка добровольцевъ, формированіе изъ нихъ мелкихъ отрядовъ и торжественные, восторженные проводы ихъ въ Сербію. Вся страна приняла живѣйшее участіе въ войнѣ за предѣлами государства и представляла собою никогда не бывалую у насъ, странную, картину: то самое общество, которому ставились всевозможныя преграды въ стремленіи самостоятельно завѣдывать самыми мелкими, мѣстными, хозяйственными дѣлами, вдругъ съ полною, неограниченною свободою принимаетъ активное участіе въ такой войнѣ, которая имѣла характеръ народнаго возстанія противъ законнаго правительства. Допустивъ и отчасти вызвавъ общественное возбужденіе, правительство сдѣлало большую ошибку, что само тотчасъ же не начало войну. Конечно, были важныя причины, которыя не позволяли правительству немедленно начать задуманную войну, но для возбужденнаго народа эти причины были неизвѣстны и потому послѣ пораженія сербовъ турецкими войсками въ обществѣ, и притомъ преимущественно въ консервативной части его, зародилось недовольство медленностію правительства въ объявленіи войны. Консервативная партія желала и настоятельно требовала войны, надѣясь, что правительство послѣ счастливой войны пріобрѣтетъ полное обаяніе въ глазахъ народа и тогда возможно будетъ осуществить реакціонныя затѣи, бродившія въ головахъ у вожаковъ партіи. Это была громадная, непростительная ошибка нашихъ консерваторовъ, которые задумали совершенно невозможное дѣло—путемъ войны за свободу и возстановленіе попранныхъ чужеземнымъ правительствомъ народныхъ правъ побудить русское общество къ отказу отъ той небольшой доли свободы, какая еще осталась въ рукахъ его.

Послѣдствія Русско-Турецкой войны и общественнаго возбужденія, вызваннаго возстаніемъ угнетенныхъ славянскихъ народностей на Балканскомъ полуостровѣ, были такія, какихъ никто не ожидалъ. Прежде всего общественное возбужденіе, разъ начавшись, не улеглось и до сихъ поръ. Возникши первоначально въ формѣ строго благонамѣренной и патріотической, это возбужденіе вскорѣ перешло въ недовольство образомъ дѣй-

ствій правительства, имѣвшихъ ближайшее отношеніе къ Русско-Турецкой войнѣ, а потомъ было поддержано послѣдовавшими по окончаніи войны террористическими дѣйствіям революціонной партіи и суровыми реакціонными мѣрами правительства. Такимъ образомъ, постоянно видоизмѣняясь, общественное возбужденіе не прекратилось и ни мало не утратило своей силы до нашихъ дней. Другое весьма важное послѣдствіе Русско-Турецкой войны заключалось въ утратѣ обществомъ вѣры въ благоденствіе и силу государства. Правда, мы не потерпѣли пораженія, сдѣлали даже территоріальныя пріобрѣтенія, но война открыла предъ глазами народа массу издавна гнѣздившагося у насъ всевозможнаго зла. Въ то же время, вѣками воспитанное въ обществѣ, презрительное отношеніе къ разлагающемуся государственному организму Турціи смѣнилось весьма печальными думами о состояніи своей родной страны послѣ того, какъ общество съ изумленіемъ увидѣло, что тамъ, въ этой презрѣнной, варварской Турціи нашлись замѣчательные военные таланты, оказалось прекрасное вооруженіе, въ которомъ мы очень отстали, да и самая продовольственная часть была несравненно въ лучшемъ положеніи, чѣмъ у насъ. Люди прибывшіе въ Турцію съ искреннимъ намѣреніемъ спасать славянъ отъ тяжелаго варварскаго ига, когда увидѣли на мѣстѣ положеніе тамошняго населенія и сравнили съ положеніемъ народа въ Россіи, то вскорѣ убѣдились, что подъ турецкимъ игомъ народу живется много лучше, чѣмъ въ Россіи. Наши солдаты, наслышавшіеся преувеличенныхъ разсказовъ о страданіяхъ болгаръ, съ изумленіемъ увидѣли, что тѣ живутъ много лучше и богаче, чѣмъ русскіе крестьяне. Люди, мечтавшіе объ освобожденіи христіанъ отъ религіозныхъ преслѣдованій, увидѣли, что въ Турціи христіанская религія пользуется такою свободой, въ которой русское государство отказываетъ старообрядческимъ сектамъ. Словомъ, сравненіе оказалось далеко не въ пользу русскаго государства; вѣра въ силу этого государства и благоденствіе народа поколебалась и недовольство существующими у насъ порядками стало все болѣе и болѣе распространяться. Движеніе, первоначальный толчокъ которому былъ данъ возбужденіемъ въ обществѣ стремленія къ освобожденію угнетенныхъ родственныхъ народностей, не остановилось, но продолжалось съ новою силой, все шире и шире въ видоизмѣненной формѣ распространяясь по странѣ. Вмѣстѣ съ утратою вѣры въ силу и благоденствіе государства, вмѣстѣ съ недовольствомъ существующимъ порядкомъ вещей, въ русскомъ обществѣ пробудилось стремленіе къ свободѣ у себя дома. Общественная мысль, работая въ этомъ направленіи, скоро съ поразительною ясностью постигла всю ненормальность нашихъ родныхъ порядковъ, гдѣ личная свобода не гарантирована отъ произвола администраціи, гдѣ нѣтъ свободы вѣры, не существуетъ свободы печати, гдѣ административная власть безнаказанно производитъ тяжелое давленіе на общественныя учрежденія, гдѣ народъ лишенъ даже средствъ заявлять власти о самыхъ кровныхъ, всенародныхъ нуж-

дахъ своихъ. Такъ проснулось въ обществѣ стремленіе внести въ русскую жизнь начало политической свободы, обновить, укрѣпить и усилить этимъ новымъ началомъ нашъ обветшавшій государственный организмъ. Съ другой стороны, когда возбужденіе въ пользу освобожденія славянскихъ народностей коснулось темной народной массы въ Россіи, то въ ней оно быстро вылилось въ особую, совершенно своеобразную, форму. Простой народъ совсѣмъ не понималъ національной идеи, которою увлекалось интеллигентное общество. Онъ по-своему понималъ происходившія на Востокѣ событія, о которыхъ со жгучимъ интересомъ собиралъ отовсюду свѣдѣнія. Наше крестьянство знать не хотѣло, да и не знало никакихъ «братьевъ славянъ» и не питало къ нимъ сочувствія, основаннаго на національномъ родствѣ; оно видѣло въ нихъ не братьевъ по крови и вѣрѣ, но братьевъ по трудовой долѣ. Народъ толковалъ, что турки притѣсняютъ *крестьянъ* и что царь объявилъ Турціи войну съ тою цѣлью, чтобъ освободить тамошнихъ крестьянъ, какъ были освобождены крестьяне въ Россіи. Исходя отсюда, народная мысль обращалась къ бѣдственному положенію крестьянскаго населенія въ Россіи и совершенно естественно приходила къ тому заключенію, что не можетъ же царь, освобождая какихъ-то чужеземныхъ крестьянъ, не обратить вниманія на бѣдственную участь такихъ же крестьянъ въ родной странѣ. Отсюда, во время Русско-Турецкой войны, повсюду возникли въ народѣ толки о томъ, что какъ только окончится война, то начнутся въ Россіи экономическія реформы, изъ которыхъ главная будетъ состоять въ надѣлѣ крестьянъ землею. Убѣжденіе въ томъ, что, при помощи правительственной власти, крестьянство будетъ надѣлено землею въ количествѣ достаточномъ для безбѣднаго существованія, вполнѣ опредѣлилось во время послѣдней войны и съ того времени оно ни мало не поколебалось, но день ото дня распространяется и укрѣпляется въ народной массѣ, такъ что въ настоящее время пошли въ крестьянствѣ слухи даже о времени, когда будетъ обнародовано распоряжніе о новомъ надѣлѣ. Въ разныхъ мѣстахъ Россіи крестьяне съ увѣренностью говорятъ теперь—одни, что указъ о надѣлѣ землею послѣдуетъ въ августѣ нынѣшняго года, а другіе, что онъ будетъ объявленъ 19 февраля 1882 года. Эту увѣренность ничѣмъ невозможно поколебать; напротивъ, она такъ сильна, что то и дѣло въ самыхъ пустыхъ обстоятельствахъ получаетъ новое подкрѣпленіе въ глазахъ народа, который даже въ появившейся недавно кометѣ увидѣлъ новое радостное для себя знаменіе и громко заговорилъ, что комета явилась не спросту, что она показалась «къ землѣ».

Вооруженное вмѣшательство Россіи въ смуты, происходившія на Балканскомъ полуостровѣ, привело къ результатамъ, какихъ никто не ожидалъ. Русское общество, въ періодъ реакціи погруженное въ апатію, вдругъ встрепенулось и въ немъ снова пробудились на время заглохшія стремленія къ ломкѣ и преобразованію общественнаго строя, недостатки ко-

тораго во время войны обнаружились съ поразительною ясностью. Вопреки всѣмъ предположеніямъ и ожиданіямъ, война вызвала въ обществѣ либеральное настроеніе и привела къ паденію консервативной партіи, возлагавшей на нее такія смѣлыя и блестящія надежды. Конечно, этотъ поворотъ въ общественномъ настроеніи не могъ вдругъ обнаружиться съ полною ясностью, и потому правительство не скоро могло замѣтить его, тѣмъ болѣе, что, при существовавшихъ стѣсненіяхъ печати и при отсутствіи законныхъ органовъ для выраженія народнаго самосознанія, наше правительство лишено необходимыхъ средствъ для распознаванія какъ настроенія общества, такъ и силы общественныхъ партій. Кромѣ того, тотчасъ послѣ войны правительству пришлось вступить въ новую борьбу съ опаснымъ внутреннимъ врагомъ, съ революціонною партіей, которая въ это время смѣло подняла голову и проявила весьма энергичную и обширную дѣятельность. Тотчасъ по окончаніи войны обнаружилось никогда ранѣе не бывавшее въ Россіи явленіе, завелись у насъ дома правильно устроенныя тайныя типографіи и началось печатаніе и распространеніе въ народѣ революціонныхъ газетъ, брошюръ и воззваній къ разнымъ классамъ общества. Правительство открывало и уничтожало тайную типографію въ одномъ мѣстѣ, а черезъ нѣсколько дней другая типографія работала въ другомъ мѣстѣ; прекращалось одно революціонное изданіе—и вмѣсто его возникало другое. Въ странѣ, гдѣ существуетъ строгая цензура и гдѣ легальная печать находится подъ гнетомъ административнаго произвола,—въ такой-то странѣ появились и невѣдомымъ путемъ распространяются въ обществѣ изданія недоступныя ни для какой цензуры; одинъ уже этотъ фактъ, самъ по себѣ, независимо отъ того, какое впечатлѣніе на общество производятъ тайныя изданія, заслуживаетъ глубокаго вниманія и имѣетъ серьезное и важное значеніе. Но дѣятельность революціонной партіи не ограничилась однимъ литературнымъ воздѣйствіемъ на общество. Правительство увидѣло, что революціонная партія, при помощи правильной организаціи, стала заявлять притязаніе на власть, что образовался исполнительный комитетъ, издававшій распоряженія, объявлявшій смертные приговоры, обращавшійся прямо къ народу съ воззваніями. Вскорѣ начался цѣлый рядъ политическихъ убійствъ и, наконецъ, 2 апрѣля 1879 года совершено покушеніе на жизнь Государя; затѣмъ нѣсколько такихъ же неудачныхъ покушеній сдѣлано въ ноябрѣ и, наконецъ, 5 февраля 1880 года произведенъ взрывъ въ самомъ Зимнемъ дворцѣ. Всѣ эти ужасныя дѣянія революціонной партіи, конечно, не могли остаться безнаказанными со стороны правительства и не могли не вызвать мѣропріятій для преслѣдованія революціонеровъ. Но, къ несчастію, правительственныя мѣропріятія, направленныя противъ революціонной партіи, не столько вредили ей, сколько ложились страшною тяжестью на общество, совершенно непричастное никакимъ революціоннымъ замысламъ. Съ одной стороны наводящія ужасъ на всю страну дѣянія революціонной партіи, а съ

другой стороны вызванныя ими суровыя правительственныя мѣропріятія, проникнутыя реакціоннымъ характеромъ, волновали общество, поддерживали въ немъ не улегшееся послѣ войны возбужденіе и сообщали этому возбужденію новое направленіе. Общество, будучи терроризировано съ двухъ сторонъ, все болѣе и болѣе убѣждалось въ необходимости обезпечить свое спокойствіе; но въ то же время оно поняло, что ни реакція, ни революція не заключаютъ въ себѣ задатковъ, обѣщающихъ выгоды обществу, стремленія котораго клонились къ тому, чтобъ общественный миръ не могъ быть нарушаемъ ожесточенною борьбой между революціей и реакціей изъ-за власти надъ тѣмъ же самымъ обществомъ. Въ обществѣ стало быстро выясняться и распространяться сознаніе необходимости какъ можно скорѣе вступить на путь новыхъ либеральныхъ реформъ и съ помощію ихъ обозначить для себя мирное теченіе жизни. Мрачное время наибольшаго развитія реакціи—тяжелый 1879 г.—представляетъ собою разительное доказательство того, что никакими самыми суровыми репрессивными мѣрами невозможно задерживать ростъ общественной силы и измѣнить въ другую сторону направленіе, принятое ею.

Чего же въ сущности достигли люди реакціи? — Печать стѣсненная, приниженная, какъ еще никогда не бывало, въ этомъ тяжеломъ году все-таки успѣла намѣтить почти всѣ тѣ жгучіе вопросы, какіе въ настоящее время въ большей или меньшей степени уже выяснились въ общественномъ сознаніи и, какъ всѣмъ очевидно, близки къ окончательному разрѣшенію. Люди, открыто исповѣдовавшіе свою принадлежность къ либеральной партіи, подвергались открытымъ доносамъ и тяжелымъ преслѣдованіямъ; въ то же самое время ряды либеральной партіи никогда еще такъ быстро не росли и не умножались, какъ въ этомъ злосчастномъ 1879 году. Въ обществѣ либеральное настроеніе росло и усиливалось не по днямъ, а по часамъ. Чрезвычайныя мѣры оказались совершенно безсильными и недѣйствительными предъ силой общественной мысли,—этою великою силой, которая ни предъ какими чрезвычайными мѣрами не сгибается, а напротивъ сама служитъ единственною опорой для власти. Въ этой великой истинѣ наконецъ убѣдилось само правительство, въ средѣ котораго въ началѣ 1880 года совершился поворотъ въ либеральномъ направленіи.

Въ теченіе всего 1880 года общество пользовалось достаточною свободою для того, чтобы выяснились стремленія и идеалы его, чтобы можно было понять, какого рода настроеніе господствуетъ въ немъ, и чтобъ ясно увидѣть, какая изъ общественныхъ партій пользуется преобладающимъ вліяніемъ и сочувствіемъ общества. Какъ только были ослаблены прежнія строгости, тотчасъ же выяснилось, что въ обществѣ преобладаетъ стремленіе къ либеральнымъ реформамъ. Въ то же время люди консервативныхъ убѣжденій какъ будто исчезли невѣдомо куда, такъ что о нихъ почти не было слышно. Въ обществѣ, получившемъ возмож-

ность свободно заявить свои истинныя убѣжденія, консерваторы потеряли всякій кредитъ и, не находя себѣ болѣе мѣста, поспѣшили стушеваться. Иные изъ нихъ не рѣшались идти противъ общаго теченія и предпочитали молчать, а другіе прямо перешли на сторону убѣжденій, еще недавно враждебныхъ имъ, и стали открыто заявлять свое сочувствіе тому, къ чему накануне относились съ яростнымъ озлобленіемъ. Отчего могъ произойдти вдругъ такой переворотъ? Причина этого не могла заключаться въ поддержкѣ, оказанной со стороны правительства либеральнымъ идеямъ, потому что, собственно говоря, никакой подобной поддержки не было. Если правительство въ то время и приняло нѣкоторыя мѣры въ духѣ либеральной партіи, то онѣ касались такихъ предметовъ, о которыхъ общество уже высказало свое мнѣніе путемъ печати, и правительство дѣйствовало согласно съ общественнымъ мнѣніемъ; значитъ, тутъ со стороны правительства не было никакой искуственной поддержки либеральныхъ идей. Если эти идеи получили преобладающее господство въ обществѣ, то это потому, что само общество было расположено къ воспріятію ихъ. Напротивъ, со стороны правительства, въ теченіе разсматриваемаго періода, мы видимъ какую-то нерѣшительность, какъ будто оно еще сомнѣвалось въ дѣйствительномъ характерѣ общественнаго настроенія и не рѣшалось окончательно измѣнить прежнее направленіе внутренней политики. А между тѣмъ одна только возможность свободно высказывать дѣйствительныя нужды, стремленія и идеалы сразу весьма замѣтно успокоила общество и возстановило довѣріе между нимъ и правительствомъ. Это спокойствіе особенно замѣтно въ тонѣ тогдашней журналистики. Понятное дѣло, что въ ней господствовало сильное раздраженіе противъ дѣятелей консервативной партіи, какъ главныхъ виновниковъ и подстрекателей всѣхъ ненавистныхъ обществу реакціонныхъ мѣропріятій. Но вмѣстѣ съ тѣмъ существеннѣйшіе общественные вопросы обсуждались чрезвычайно спокойно, сдержанно и умѣренно. Общество видимо стало понемногу успокоиваться, пріобрѣтая увѣренность, что скоро оно будетъ призвано къ живому дѣлу, къ которому слѣдуетъ приступать не горячась, безъ страстнаго возбужденія. И дѣйствительно, эта увѣренность общества была совершенно основательна. Покойный Государь Императоръ окончательно изъявилъ свое согласіе на созывъ народныхъ депутатовъ для обсужденія важнѣйшихъ государственныхъ вопросовъ. Но, не успѣвъ привести въ исполненіе этого рѣшенія, онъ 1 марта палъ отъ руки убійцъ, выставленныхъ революціонною партіей, а со смертію его замедлилось и осуществленіе надеждъ и желаній общества.

Послѣдствіемъ событія 1 марта было обнаружившееся въ правительствѣ стремленіе вновь воспользоваться репрессивными мѣрами для воздѣйствія на общество. Тяжесть этихъ мѣръ, между прочимъ, съ особенною силой обрушилась на либеральную печать. При видѣ такого новаго направленія въ политикѣ правительства, замолкшая на время консерватив-

[illegible] до 1 мар-
[illegible] выиграла отъ
[illegible] консерватив-
[illegible] настоящее время,
[illegible] чрезвычайно мало раз-
[illegible] Мало того, въ об-
[illegible] петербургской городской думѣ,
[illegible] презрѣніе и негодованіе
[illegible] Въ этихъ рѣчахъ слышится
[illegible] прежде не бывало. Это [illegible]
[illegible] на сторонѣ либеральной партіи и
что [illegible] вредить консервативной партіи
не только [illegible] болѣе упалъ. Съ другой стороны, [illegible]
мая [illegible] дума представила разительное доказательство
того, что [illegible] сочувствуетъ такимъ чрезвычайнымъ мѣрамъ. [illegible]
[illegible] теченіе его обычной жизни. [illegible]
[illegible] совершенно ненужными и [illegible]
[illegible] мѣры. Вообще репрессивныя мѣры, [illegible]
[illegible] мало дѣйствительными и [illegible]
[illegible] не только не улеглось и не ослабло, [illegible]
[illegible] усилилось, такъ что въ настоящее [illegible]
[illegible] высказывается то, чего никогда не [illegible]
[illegible] если мы посмотримъ на [illegible]
[illegible] чуть не ежедневно, [illegible]
[illegible] замѣчаемъ полнѣйшую [illegible] репрессивныхъ
мѣръ. [illegible] сравнить нашу печать до 1 марта и послѣ 1 марта, то [illegible]
[illegible] что прежняя, фактически свободная, печать была много [illegible]
[illegible] чѣмъ нынѣшняя печать, связанная по рукамъ [illegible]
[illegible] возможно объяснить этотъ фактъ? — Конечно, [illegible]
[illegible] партія не затруднится объяснить [illegible]
[illegible] и заговоритъ о необходимости [illegible]
[illegible] сотенъ газетъ и журналовъ [illegible]
[illegible] послужить только [illegible]
[illegible]

была сильнѣе, чѣмъ теперь, хотя тогда она и не прибѣгала ни къ какимъ мѣрамъ, стѣсняющимъ свободу; теперь же принимаются репрессивныя мѣры для обузданія печати, а она все-таки осталась необузданною. Но положимъ даже, что будутъ приняты самыя суровыя мѣры противъ печати и погибнутъ не двѣсти, но четыреста либеральныхъ органовъ,—отъ этого настроеніе общества ни мало не измѣнится и либеральная партія понесетъ не большой ущербъ. Прислушайтесь къ тѣмъ разговорамъ, какіе ведутся теперь въ незримой глубинѣ общества, въ нашихъ семьяхъ, домашнихъ и дружескихъ кружкахъ, — подобныхъ разговоровъ до 1 марта мы не слыхали. Когда въ обществѣ существовала увѣренность, что его стремленія, желанія и надежды услышаны властью и не будутъ оставлены безъ вниманія, въ то время мы занимались спокойнымъ и сдержаннымъ обсужденіемъ дѣловыхъ вопросовъ; теперь же, наоборотъ, вмѣсто спокойныхъ дѣловыхъ разговоровъ идутъ страстныя, возбужденныя рѣчи, въ которыхъ слышится безповоротное желаніе достигнуть предположенныхъ цѣлей, осуществить общественный идеалъ, который послѣ 1 марта выяснился болѣе, чѣмъ когда-либо. При такомъ положеніи дѣлъ, когда либеральныя стремленія общества уже выяснились и опредѣлились, никакія стѣсненія печати ни къ чему не приведутъ, а будутъ только усиливать въ обществѣ недовольство и поддерживать страстное возбужденіе. Печать всегда служитъ выразительницей общественнаго настроенія и всегда опирается на сочувствіе общества. Поэтому если мы въ настоящее время видимъ, что, несмотря на правительственныя стѣсненія, либеральная печать все-таки говоритъ языкомъ болѣе смѣлымъ, чѣмъ говорила она въ то время, когда пользовалась полною свободой, то это значитъ, что либеральное настроеніе въ самомъ обществѣ усилилось.

Такимъ образомъ, въ настоящее время, либеральная партія является самою могущественною общественною силой въ Россіи. Этой партіи принадлежитъ громадное большинство органовъ печати. Къ ней же принадлежитъ весьма значительная часть дѣятелей мѣстнаго самоуправленія, несмотря на то, что большинство мѣстныхъ общественныхъ представителей было избираемо въ періодъ реакціи. Консервативная партія хотя и потеряла прежній кредитъ въ обществѣ, но она еще сильна тѣмъ, что къ ней принадлежитъ множество мѣстныхъ агентовъ правительственной власти, а также она считаетъ въ своихъ рядахъ много такихъ лицъ, которыя, благодаря своему богатству и сильнымъ связямъ, занимаютъ видное положеніе въ провинціяхъ, пользуются поддержкою мѣстной администраціи и въ періодъ реакціи оказывали сильное вліяніе на мѣстное общество, руководя общественнымъ мнѣніемъ. Впрочемъ послѣдняго рода лица потеряли значительную долю прежняго вліянія на общество, такъ что въ настоящее время они не только не руководятъ общественнымъ мнѣніемъ, но поставлены въ необходимость вести оборонительную войну противъ вторженія въ общество либеральныхъ элементовъ и часто дѣла-

ютъ вынужденныя уступки новому направленію, получившему въ обществѣ преобладаніе. При такомъ взаимномъ положеніи общественныхъ партій въ Россіи кажется страннымъ, откуда является въ либеральной части общества тревога, при извѣстіи о возможности новыхъ чрезвычайныхъ мѣропріятій. Если либеральная часть общества увѣрена въ неизбѣжномъ осуществленіи своихъ идеаловъ, то чего же бояться ему? Но въ томъ-то и дѣло, что страхъ предъ чрезвычайными мѣропріятіями показываетъ только, что общество не сочувствуетъ имъ. Съ другой стороны, этотъ страхъ имѣетъ основаніе чисто личное, потому что всякій боится лично за себя, каждому своя рубашка ближе къ тѣлу. Въ то же время не слѣдуетъ упускать изъ вида, что если кто боится личныхъ неудобствъ отъ чрезвычайныхъ мѣропріятій, то этимъ самымъ онъ допускаетъ возможность, что тяжесть мѣропріятій обрушится лично на него. Стоитъ только сойти съ опасной дороги—и тогда нечего бояться чрезвычайныхъ мѣръ; если же кто боится ихъ, тотъ этимъ самымъ показываетъ, что не намѣренъ оставить избранный путь. Вообще все совершающееся предъ нашими глазами внушаетъ глубокую увѣренность, что большинство общества не измѣнитъ принятому имъ либеральному направленію и что оно въ тѣсномъ союзѣ съ правительственною властью предприметъ и благополучно завершитъ реформы, долженствующія обновить строй русской жизни и дать русскому народу возможность вновь успокоиться послѣ стольких ужасовъ, тревогъ и тяжкихъ испытаній.

С. Пр.

была сильнѣе, чѣмъ теперь, хотя тогда она и не прибѣгала ни къ какимъ мѣрамъ, стѣсняющимъ свободу; теперь же принимаются репрессивныя мѣры для обузданія печати, а она все-таки осталась необузданною. Но положимъ даже, что будутъ приняты самыя суровыя мѣры противъ печати и погибнутъ не двѣсти, но четыреста либеральныхъ органовъ,—отъ этого настроеніе общества ни мало не измѣнится и либеральная партія понесетъ не большой ущербъ. Прислушайтесь къ тѣмъ разговорамъ, какіе ведутся теперь въ незримой глубинѣ общества, въ нашихъ семьяхъ, домашнихъ и дружескихъ кружкахъ, — подобныхъ разговоровъ до 1 марта мы не слыхали. Когда въ обществѣ существовала увѣренность, что его стремленія, желанія и надежды услышаны властью и не будутъ оставлены безъ вниманія, въ то время мы занимались спокойнымъ и сдержаннымъ обсужденіемъ дѣловыхъ вопросовъ; теперь же, наоборотъ, вмѣсто спокойныхъ дѣловыхъ разговоровъ идутъ страстныя, возбужденныя рѣчи, въ которыхъ слышится безповоротное желаніе достигнуть предположенныхъ цѣлей, осуществить общественный идеалъ, который послѣ 1 марта выяснился болѣе, чѣмъ когда-либо. При такомъ положеніи дѣлъ, когда либеральныя стремленія общества уже выяснились и опредѣлились, никакія стѣсненія печати ни къ чему не приведутъ, а будутъ только усиливать въ обществѣ недовольство и поддерживать страстное возбужденіе. Печать всегда служитъ выразительницей общественнаго настроенія и всегда опирается на сочувствіе общества. Поэтому если мы въ настоящее время видимъ, что, несмотря на правительственныя стѣсненія, либеральная печать все-таки говоритъ языкомъ болѣе смѣлымъ, чѣмъ говорила она въ то время, когда пользовалась полною свободой, то это значитъ, что либеральное настроеніе въ самомъ обществѣ усилилось.

Такимъ образомъ, въ настоящее время, либеральная партія является самою могущественною общественною силой въ Россіи. Этой партіи принадлежитъ громадное большинство органовъ печати. Къ ней же принадлежитъ весьма значительная часть дѣятелей мѣстнаго самоуправленія, несмотря на то, что большинство мѣстныхъ общественныхъ представителей было избираемо въ періодъ реакціи. Консервативная партія хотя и потеряла прежній кредитъ въ обществѣ, но она еще сильна тѣмъ, что къ ней принадлежитъ множество мѣстныхъ агентовъ правительственной власти, а также она считаетъ въ своихъ рядахъ много такихъ лицъ, которыя, благодаря своему богатству и сильнымъ связямъ, занимаютъ видное положеніе въ провинціяхъ, пользуются поддержкою мѣстной администраціи и въ періодъ реакціи оказывали сильное вліяніе на мѣстное общество, руководя общественнымъ мнѣніемъ. Впрочемъ послѣдняго рода лица потеряли значительную долю прежняго вліянія на общество, такъ что въ настоящее время они не только не руководятъ общественнымъ мнѣніемъ, но поставлены въ необходимость вести оборонительную войну противъ вторженія въ общество либеральныхъ элементовъ и часто дѣла-

ютъ вынужденныя уступки новому направленію, получившему въ обществѣ преобладаніе. При такомъ взаимномъ положеніи общественныхъ партій въ Россіи кажется страннымъ, откуда является въ либеральной части общества тревога, при извѣстіи о возможности новыхъ чрезвычайныхъ мѣропріятій. Если либеральная часть общества увѣрена въ неизбѣжномъ осуществленіи своихъ идеаловъ, то чего же бояться ему? Но въ томъ-то и дѣло, что страхъ предъ чрезвычайными мѣропріятіями показываетъ только, что общество не сочувствуетъ имъ. Съ другой стороны, этотъ страхъ имѣетъ основаніе чисто личное, потому что всякій боится лично за себя, каждому своя рубашка ближе къ тѣлу. Въ то же время не слѣдуетъ упускать изъ вида, что если кто боится личныхъ неудобствъ отъ чрезвычайныхъ мѣропріятій, то этимъ самымъ онъ допускаетъ возможность, что тяжесть мѣропріятій обрушится лично на него. Стоитъ только сойти съ опасной дороги—и тогда нечего бояться чрезвычайныхъ мѣръ; если же кто боится ихъ, тотъ этимъ самымъ показываетъ, что не намѣренъ оставить избранный путь. Вообще все совершающееся предъ нашими глазами внушаетъ глубокую увѣренность, что большинство общества не измѣнитъ принятому имъ либеральному направленію и что оно въ тѣсномъ союзѣ съ правительственною властью предприметъ и благополучно завершитъ реформы, долженствующія обновить строй русской жизни и дать русскому народу возможность вновь успокоиться послѣ стольких ужасовъ, тревогъ и тяжкихъ испытаній.

С. Пр.

была сильнѣе, чѣмъ теперь, хотя тогда она и не прибѣгала ни къ какимъ мѣрамъ, стѣсняющимъ свободу; теперь же принимаются репрессивныя мѣры для обузданія печати, а она все-таки осталась необузданною. Но положимъ даже, что будутъ приняты самыя суровыя мѣры противъ печати и погибнутъ не двѣсти, но четыреста либеральныхъ органовъ,—отъ этого настроеніе общества ни мало не измѣнится и либеральная партія понесетъ не большой ущербъ. Прислушайтесь къ тѣмъ разговорамъ, какіе ведутся теперь въ незримой глубинѣ общества, въ нашихъ семьяхъ, домашнихъ и дружескихъ кружкахъ, — подобныхъ разговоровъ до 1 марта мы не слыхали. Когда въ обществѣ существовала увѣренность, что его стремленія, желанія и надежды услышаны властью и не будутъ оставлены безъ вниманія, въ то время мы занимались спокойнымъ и сдержаннымъ обсужденіемъ дѣловыхъ вопросовъ; теперь же, наоборотъ, вмѣсто спокойныхъ дѣловыхъ разговоровъ идутъ страстныя, возбужденныя рѣчи, въ которыхъ слышится безповоротное желаніе достигнуть предположенныхъ цѣлей, осуществить общественный идеалъ, который послѣ 1 марта выяснился болѣе, чѣмъ когда-либо. При такомъ положеніи дѣлъ, когда либеральныя стремленія общества уже выяснились и опредѣлились, никакія стѣсненія печати ни къ чему не приведутъ, а будутъ только усиливать въ обществѣ недовольство и поддерживать страстное возбужденіе. Печать всегда служитъ выразительницей общественнаго настроенія и всегда опирается на сочувствіе общества. Поэтому если мы въ настоящее время видимъ, что, несмотря на правительственныя стѣсненія, либеральная печать все-таки говоритъ языкомъ болѣе смѣлымъ, чѣмъ говорила она въ то время, когда пользовалась полною свободой, то это значитъ, что либеральное настроеніе въ самомъ обществѣ усилилось.

Такимъ образомъ, въ настоящее время, либеральная партія является самою могущественною общественною силой въ Россіи. Этой партіи принадлежитъ громадное большинство органовъ печати. Къ ней же принадлежитъ весьма значительная часть дѣятелей мѣстнаго самоуправленія, несмотря на то, что большинство мѣстныхъ общественныхъ представителей было избираемо въ періодъ реакціи. Консервативная партія хотя и потеряла прежній кредитъ въ обществѣ, но она еще сильна тѣмъ, что къ ней принадлежитъ множество мѣстныхъ агентовъ правительственной власти, а также она считаетъ въ своихъ рядахъ много такихъ лицъ, которыя, благодаря своему богатству и сильнымъ связямъ, занимаютъ видное положеніе въ провинціяхъ, пользуются поддержкою мѣстной администраціи и въ періодъ реакціи оказывали сильное вліяніе на мѣстное общество, руководя общественнымъ мнѣніемъ. Впрочемъ послѣдняго рода лица потеряли значительную долю прежняго вліянія на общество, такъ что въ настоящее время они не только не руководятъ общественнымъ мнѣніемъ, но поставлены въ необходимость вести оборонительную войну противъ вторженія въ общество либеральныхъ элементовъ и часто дѣла-

ютъ вынужденныя уступки новому направленію, получившему въ обществѣ преобладаніе. При такомъ взаимномъ положеніи общественныхъ партій въ Россіи кажется страннымъ, откуда является въ либеральной части общества тревога, при извѣстіи о возможности новыхъ чрезвычайныхъ мѣропріятій. Если либеральная часть общества увѣрена въ неизбѣжномъ осуществленіи своихъ идеаловъ, то чего же бояться ему? Но въ томъ-то и дѣло, что страхъ предъ чрезвычайными мѣропріятіями показываетъ только, что общество не сочувствуетъ имъ. Съ другой стороны, этотъ страхъ имѣетъ основаніе чисто личное, потому что всякій боится лично за себя, каждому своя рубашка ближе къ тѣлу. Въ то же время не слѣдуетъ упускать изъ вида, что если кто боится личныхъ неудобствъ отъ чрезвычайныхъ мѣропріятій, то этимъ самымъ онъ допускаетъ возможность, что тяжесть мѣропріятій обрушится лично на него. Стоитъ только сойти съ опасной дороги—и тогда нечего бояться чрезвычайныхъ мѣръ; если же кто боится ихъ, тотъ этимъ самымъ показываетъ, что не намѣренъ оставить избранный путь. Вообще все совершающееся предъ нашими глазами внушаетъ глубокую увѣренность, что большинство общества не измѣнитъ принятому имъ либеральному направленію и что оно въ тѣсномъ союзѣ съ правительственною властью предприметъ и благополучно завершитъ реформы, долженствующія обновить строй русской жизни и дать русскому народу возможность вновь успокоиться послѣ стольkихъ ужасовъ, тревогъ и тяжкихъ испытаній.

С. Пр.

была сильнѣе, чѣмъ теперь, хотя тогда она и не прибѣгала ни къ какимъ мѣрамъ, стѣсняющимъ свободу; теперь же принимаются репрессивныя мѣры для обузданія печати, а она все-таки осталась необузданною. Но положимъ даже, что будутъ приняты самыя суровыя мѣры противъ печати и погибнутъ не двѣсти, но четыреста либеральныхъ органовъ,—отъ этого настроеніе общества ни мало не измѣнится и либеральная партія понесетъ не большой ущербъ. Прислушайтесь къ тѣмъ разговорамъ, какіе ведутся теперь въ незримой глубинѣ общества, въ нашихъ семьяхъ, домашнихъ и дружескихъ кружкахъ, — подобныхъ разговоровъ до 1 марта мы не слыхали. Когда въ обществѣ существовала увѣренность, что его стремленія, желанія и надежды услышаны властью и не будутъ оставлены безъ вниманія, въ то время мы занимались спокойнымъ и сдержаннымъ обсужденіемъ дѣловыхъ вопросовъ; теперь же, наоборотъ, вмѣсто спокойныхъ дѣловыхъ разговоровъ идутъ страстныя, возбужденныя рѣчи, въ которыхъ слышится безповоротное желаніе достигнуть предположенныхъ цѣлей, осуществить общественный идеалъ, который послѣ 1 марта выяснился болѣе, чѣмъ когда-либо. При такомъ положеніи дѣлъ, когда либеральныя стремленія общества уже выяснились и опредѣлились, никакія стѣсненія печати ни къ чему не приведутъ, а будутъ только усиливать въ обществѣ недовольство и поддерживать страстное возбужденіе. Печать всегда служитъ выразительницей общественнаго настроенія и всегда опирается на сочувствіе общества. Поэтому если мы въ настоящее время видимъ, что, несмотря на правительственныя стѣсненія, либеральная печать все-таки говоритъ языкомъ болѣе смѣлымъ, чѣмъ говорила она въ то время, когда пользовалась полною свободой, то это значитъ, что либеральное настроеніе въ самомъ обществѣ усилилось.

Такимъ образомъ, въ настоящее время, либеральная партія является самою могущественною общественною силой въ Россіи. Этой партіи принадлежитъ громадное большинство органовъ печати. Къ ней же принадлежитъ весьма значительная часть дѣятелей мѣстнаго самоуправленія, несмотря на то, что большинство мѣстныхъ общественныхъ представителей было избираемо въ періодъ реакціи. Консервативная партія хотя и потеряла прежній кредитъ въ обществѣ, но она еще сильна тѣмъ, что къ ней принадлежитъ множество мѣстныхъ агентовъ правительственной власти, а также она считаетъ въ своихъ рядахъ много такихъ лицъ, которыя, благодаря своему богатству и сильнымъ связямъ, занимаютъ видное положеніе въ провинціяхъ, пользуются поддержкою мѣстной администраціи и въ періодъ реакціи оказывали сильное вліяніе на мѣстное общество, руководя общественнымъ мнѣніемъ. Впрочемъ послѣдняго рода лица потеряли значительную долю прежняго вліянія на общество, такъ что въ настоящее время они не только не руководятъ общественнымъ мнѣніемъ, но поставлены въ необходимость вести оборонительную войну противъ вторженія въ общество либеральныхъ элементовъ и часто дѣла-

ютъ вынужденныя уступки новому направленію, получившему въ обществѣ преобладаніе. При такомъ взаимномъ положеніи общественныхъ партій въ Россіи кажется страннымъ, откуда является въ либеральной части общества тревога, при извѣстіи о возможности новыхъ чрезвычайныхъ мѣропріятій. Если либеральная часть общества увѣрена въ неизбѣжномъ осуществленіи своихъ идеаловъ, то чего же бояться ему? Но въ томъ-то и дѣло, что страхъ предъ чрезвычайными мѣропріятіями показываетъ только, что общество не сочувствуетъ имъ. Съ другой стороны, этотъ страхъ имѣетъ основаніе чисто личное, потому что всякій боится лично за себя, каждому своя рубашка ближе къ тѣлу. Въ то же время не слѣдуетъ упускать изъ вида, что если кто боится личныхъ неудобствъ отъ чрезвычайныхъ мѣропріятій, то этимъ самымъ онъ допускаетъ возможность, что тяжесть мѣропріятій обрушится лично на него. Стоитъ только сойти съ опасной дороги—и тогда нечего бояться чрезвычайныхъ мѣръ; если же кто боится ихъ, тотъ этимъ самымъ показываетъ, что не намѣренъ оставить избранный путь. Вообще все совершающееся предъ нашими глазами внушаетъ глубокую увѣренность, что большинство общества не измѣнитъ принятому имъ либеральному направленію и что оно въ тѣсномъ союзѣ съ правительственною властью предприметъ и благополучно завершитъ реформы, долженствующія обновить строй русской жизни и дать русскому народу возможность вновь успокоиться послѣ столькихъ ужасовъ, тревогъ и тяжкихъ испытаній.

С. Пр.

Хроника французской жизни.

IV *).

Участь избирательнаго закона. — Анти-клерикальный и рабочій конгрессы въ Парижѣ. — Новый законъ о ремесленныхъ синдикатахъ. — Иностранная политика Франціи. — Новая книга Тэна („La conquête Jacobine“). — Неизданная переписка Талейрана съ Людовикомъ XVIII. — Новое твореніе Виктора Гюго („Les quatre vents de l'esprit“). — Художественная выставка (le Salon). — Картина Мункаци. — Литтре и его ученіе.

Законъ о выборахъ по департаментскимъ спискамъ въ палатѣ депутатовъ, какъ извѣстно, еле прошелъ. Всѣ политическія фракціи палаты въ этомъ вопросѣ подѣлились пополамъ, и если палата рѣшилась возстановить прежнюю систему выборовъ, то только благодаря личному вліянію Гамбетты, который никогда не говорилъ такъ убѣдительно, какъ въ этомъ случаѣ. Отлично зная людей, съ которыми онъ имѣлъ дѣло, онъ выставлялъ такіе аргументы, которые болѣе всего должны были на нихъ подѣйствовать. Налегая главнымъ образомъ на демократическую традицію, онъ указывалъ, что преимущества этого способа выборовъ состоятъ въ томъ, что при немъ легче соблюдаются интересы политическихъ принциповъ, личные же отодвигаются на задній планъ.

Въ сенатѣ докладчикъ комиссіи говорилъ противъ измѣненія избирательнаго закона; но, принимая однако въ разсчетъ обаяніе Гамбетты, многимъ не вѣрилась неудача излюбленнаго имъ проекта. Сенатъ былъ непріятно пораженъ увеличеніемъ общаго числа депутатовъ новой палаты, такъ какъ черезъ то измѣнилось бы пропорціональное отношеніе двухъ отдѣловъ парламента, въ случаѣ еслибы имъ пришлось соединяться для обсужденія перемѣны какой-нибудь статьи конституціи. Притомъ сенатъ былъ оскорбленъ торжественнымъ путешествіемъ Гамбетты въ Кагоръ. Извѣстно, что, какъ только президентъ палаты одержалъ побѣду въ вопросѣ о выборахъ по спискамъ, онъ предпринялъ путешествіе въ свой родной городъ, который до тѣхъ поръ служилъ постоянною опорой его противниковъ. Все было

---

*) *Русская Мысль*, кн. VI.

приготовлено для тріумфальнаго шествія, по образцу тѣхъ, которыми Людовикъ-Наполеонъ подготовлялъ свое вступленіе на престолъ. Многочисленные депутаты сосѣднихъ департаментовъ, префекты, мэры, городскія, а также и военныя власти собрались воздать честь президенту палаты. Поводомъ къ путешествію послужилъ областной съѣздъ промышленниковъ. Гамбетта воспользовался имъ для произнесенія нѣсколькихъ рѣчей. Подобно тому, какъ въ 1852 году Людовикъ-Наполеонъ произнесъ въ Бордо извѣстныя слова: «Имперія—это миръ», президентъ палаты также старался успокоить насчетъ своей политики,—онъ такъ же желаетъ мира. Что бы тамъ ни говорили, а въ этомъ онъ, по всей вѣроятности, совершенно искрененъ, такъ какъ онъ несравненно болѣе заботится о себѣ и своей партіи, чѣмъ о Франціи, и гораздо живѣе чувствуетъ прелесть власти, чѣмъ сожалѣніе о потерѣ двухъ провинцій. Гамбетта нѣкогда назвалъ сенатъ «большимъ совѣтомъ всѣхъ общинъ Франціи». Онъ видѣлъ въ немъ будущее спасеніе страны и говорилъ о необходимости сохранить это учрежденіе. Онъ уже подумывалъ какъ бы оградить себя отъ тѣхъ же самыхъ народныхъ массъ, благодаря которымъ онъ возвысился и которыя въ настоящее время считаютъ себя принесенными въ жертву господствующимъ классамъ. Какъ нѣкогда интересовались тѣмъ, что́ думаетъ, желаетъ и дѣлаетъ Людовикъ-Наполеонъ, такъ недавно еще заботились о томъ, что́ думаетъ или предполагаетъ Гамбетта,—малѣйшія его рѣчи и самые незначительные поступки коментировались безъ конца. Но съ нѣкотораго времени сдѣлалось очевиднымъ, что въ народныхъ массахъ онъ все болѣе теряетъ свою популярность. И еслибъ онъ, взамѣнъ своего прежняго обаянія въ качествѣ бельвильскаго непримиримаго члена оппозиціи, пріобрѣлъ поддержку высшихъ классовъ, то этимъ выигралъ бы очень мало. Высшіе классы оказываютъ поддержку только условно, именно въ такой степени, какой требуютъ ихъ интересы, и Гамбетта, несмотря на все это, могъ бы такъ же мало разсчитывать на завтрашній день, какъ нѣкогда Ламартинъ и Арманъ-Мара (Marrast), которые пали и потеряли всякое значеніе послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ шумныхъ овацій господствовавшаго класса, видѣвшаго въ нихъ своихъ спасителей, или какъ впослѣдствіи Тьеръ, покинутый тѣми самыми людьми, которымъ онъ доставилъ побѣду надъ народомъ.

Главная сила Гамбетты состоитъ въ томъ, что онъ подходитъ къ нравственному уровню нынѣшняго общества, желающаго казаться патріотичнымъ, не принося для этого никакой жертвы, выказать свою ненависть къ духовенству, не дѣлая ему настолько зла, чтобъ окончательно съ нимъ разсориться и сохранить привилегіи, не лишая притомъ народныхъ массъ надежды на лучшее будущее. Слабость же его—въ томъ, что у него нѣтъ ни генія, какъ у Наполеона I, ни руководства, какое было у Наполеона III въ «Mémorial de st. Hélène», или у Робеспьера въ «Contrat social» Руссо. Все его политическое значеніе состоитъ въ опортюни-

стическомъ умѣньи пользоваться случаемъ. Но опортюнизмъ бываетъ двоякаго рода: опортюнизмъ объективный и опортюнизмъ субъективный, и насколько иногда бываетъ необходимо считаться съ первымъ, совѣтующимъ срывать только созрѣвшіе плоды, настолько безнравственно слѣдовать внушеніямъ втораго, побуждающаго все подчинять личному интересу.

Есть люди, которымъ кажется, что небесныя свѣтила должны остановиться въ своемъ движеніи въ то время, когда президентъ палаты предается послѣобѣденному отдыху, подобно тому, какъ еще недавно они думали, что будетъ недостаткомъ уваженія къ императору и почти грѣхомъ передъ Богомъ, если они будутъ находиться въ движеніи въ то время, какъ его величество отдыхаетъ въ своемъ дворцѣ... Увы, во Франціи наступила эра цезарей. Со смертью Людовика XVI на тронѣ въ сущности не было болѣе государей, а были только болѣе или менѣе сильные и счастливые предводители партій: Наполеонъ I — глава плебеевъ, Людовикъ XVIII—дворянъ и умѣренныхъ партій, Карлъ X—ультра-консерваторовъ, Людовикъ-Филиппъ — буржуазіи, Наполеонъ III—старавшійся идти по стопамъ своего дяди во внѣшней и во внутренней политикѣ и, подобно ему, кончившій принесеніемъ общихъ интересовъ въ жертву своей династіи, и, наконецъ, Тьеръ, Греви, Гамбетта—слѣдовавшіе другъ за другомъ въ качествѣ предводителей 3-хъ буржуазій: высшей, средней и низшей—и представлявшіе интересы орлеанистовъ, безъ династическихъ соображеній, но съ тѣмъ же самымъ поклоненіемъ матеріальнымъ интересамъ и стараніемъ сохранить миръ при какихъ бы то ни было условіяхъ, и среди нихъ маршалъ Макъ-Магонъ недолгое время бывшій представителемъ безсильныхъ желаній монархистовъ и клерикаловъ. Какъ общество Рима девятнадцать столѣтій тому назадъ, такъ теперь французское общество любитъ цезарей и если оказывается недостатокъ въ династическихъ вожакахъ, то оно ихъ беретъ извнѣ. Вотъ почему цезарь Гамбетта можетъ искать власти тамъ, гдѣ цезарь Наполеонидъ не имѣетъ успѣха... По странному стеченію обстоятельствъ, принцъ Наполеонъ и Леонъ Гамбетта имѣютъ тѣ же самыя качества и недостатки: то же властолюбіе и та же сердечная холодность, та же храбрость: одинъ убѣжалъ въ Санъ-Себастіанъ въ 1871 г., а другой поспѣшилъ вернуться изъ Крыма въ 1854 году,—то же умѣнье понимать и оцѣнивать людей и та же легкость нравовъ. Продолжая сравненіе, окажется, что принцъ Наполеонъ болѣе образованъ и болѣе краснорѣчивъ, но менѣе положителенъ и послѣдователенъ. Оба они итальянскаго происхожденія: одинъ—генуэзецъ, а другой—корсиканецъ, но болѣе хитрымъ оказывается генуэзецъ. Намъ показалось довольно оригинальнымъ, когда сынъ генуэзскаго лавочника изъ Кагора отозвался о корсиканскомъ побѣдителѣ при Аустерлицѣ—какъ объ искателѣ приключеній....

Голосованіе въ сенатѣ совершенно перемѣнило положеніе Гамбетты. Пренія не были особенно оживлены и кабинетъ даже вовсе не принималъ

въ нихъ участія; но большинство 34 голосовъ отвергло предложеніе о выборахъ по спискамъ и насмѣшки сыпятся на вчерашняго кумира. *Фигаро* говоритъ, что Гамбетта, по возвращеніи изъ Кагора, находитъ свое девятое термидора вслѣдъ за торжествомъ въ честь высшаго существа, точно такъ, какъ Робеспьеръ, его предшественникъ по диктатурѣ; а Рошфоръ, намекая на любовь Гамбетты къ роскоши, говоритъ: «Онъ ухватится за кранъ своей серебряной ванны. Вотъ, еслибъ она была мѣдная, онъ сейчасъ бы изъ нея выскочилъ. Но, — о, горе! — она серебряная». Вечеромъ, въ тотъ день, когда происходило голосованіе въ сенатѣ, у Гамбетты былъ нервный припадокъ, который напугалъ его друзей. Не всякій въ силахъ повторить слова Горація: «impavidum ferient ruinae». Вслѣдствіе своей неудачи въ сенатѣ, Гамбеттѣ, вѣроятно, придется вернуться къ радикальнымъ пріемамъ, совершенно имъ покинутымъ. Его политическая виртуозность въ данномъ случаѣ подвергнется сильному испытанію. Органъ его «République Française» уже повѣствуетъ, что рѣшеніе сената было слѣдствіемъ тайной интриги и что этотъ случай возвращаетъ ему, Гамбеттѣ, полную свободу. Греви побѣдилъ, не показываясь даже. Повидимому, Гамбетта остался тѣмъ же, чѣмъ былъ до сихъ поръ, но въ дѣйствительности этотъ оптимистъ, которому до сихъ поръ постоянно везло, покинутъ счастьемъ. По поводу каменной болѣзни Кромвеля философы часто выражали удивленіе, что судьба цѣлыхъ государствъ иногда зависитъ отъ песчинки... Песчинка Гамбетты также найдена. Выздоровѣетъ ли онъ? Какъ бы то ни было, человѣкъ, котораго имя находилось бы разомъ на 20 или 30 спискахъ, принужденъ искать себѣ какое-нибудь глухое мѣстечко, которое бы выбрало его, такъ какъ онъ состоитъ депутатомъ отъ Белльвиля, а въ будущіе выборы Белльвиль не захочетъ знать его. Онъ, который надѣялся, что ему не придется выходить изъ олимпійскаго спокойствія, долженъ будетъ выйти на арену въ то время, какъ онъ уже отяжелѣлъ и физически, и нравственно. Поклонникъ конституціи, онъ будетъ принужденъ желать ея пересмотра. Духовный отецъ сената, онъ уже теперь въ своемъ органѣ утверждаетъ, что странѣ нельзя будетъ иначе утвердить свою волю, какъ «сломавъ коечто». Вчера еще что-то вродѣ Бонапарта на пути къ консульству, онъ сегодня похожъ на Кавеньяка, возвращающагося къ частной жизни.

Нѣсколько дней тому назадъ у насъ въ Парижѣ собирался антиклерикальный конгрессъ, организованный «демократическимъ союзомъ антиклерикальной пропаганды». Общество это, учрежденное въ прошломъ году, имѣетъ почетными президентами Виктора Гюго, Гарибальди и Луи-Блана. Делегатовъ какъ изъ Парижа, такъ и изъ провинцій пріѣхало много. Засѣданія были публичныя и продолжались 4 дня. Въ первомъ засѣданіи предсѣдательствовалъ сенаторъ Шельхеръ, одинъ изъ самыхъ уважаемыхъ и самыхъ достойныхъ уваженія людей. Человѣкъ очень богатый, онъ съ молодыхъ лѣтъ посвятилъ себя на защиту угнетенныхъ. Въ 1848

году онъ былъ самымъ ревностнымъ поборникомъ освобожденія негровъ; послѣ государственнаго переворота онъ былъ изгнанъ; теперь онъ — одинъ изъ столповъ республики. Это—человѣкъ необыкновенно стойкій, не отклонившійся ни разу отъ избраннаго имъ пути во всѣ пятьдесятъ лѣтъ своей политической жизни. Шельхеръ, открывая конгрессъ, выяснилъ его цѣль, состоящую въ борьбѣ «съ клерикализмомъ, т. е. съ тою фракціей католицизма, ультрамонтанской, враждующей и наступательной, знаменемъ которой служитъ силлабусъ—это наглое осужденіе всего современнаго міра, отрицаніе прогресса человѣческаго ума. Ораторъ настаивалъ на необходимости «усердно работать надъ распространеніемъ дароваго обученія — увеличеніемъ числа свѣтскихъ школъ — и надъ всѣмъ тѣмъ, что способствуетъ устраненію невѣжества».

Послѣ того Армандъ Леви въ качествѣ докладчика первой коммиссіи и отъ имени ея говорилъ о неприкосновенности свободы совѣсти: Всякій, по его словамъ, долженъ имѣть право вѣрить или не вѣрить, исповѣдывать ту религію, какую онъ хочетъ, мѣнять ее, если ему заблагоразсудится, и даже не принадлежать ни къ какому вѣроисповѣданію, и ни одна общественная власть не должна присвоивать себѣ право требовать у него отчета въ его вѣрованіяхъ или спрашивать, къ какому вѣроисповѣданію онъ принадлежитъ. Отсюда логически вытекаетъ отдѣленіе церкви отъ государства и упраздненіе бюджета культовъ, ибо государству не зачѣмъ вмѣшиваться въ дѣла какого бы то ни было культа, а также и не зачѣмъ содержать одинъ или нѣсколько изъ нихъ, разъ оно должно игнорировать ихъ. Далѣе докладчикъ указывалъ, что какъ только государственная религія перестала существовать, на членовъ причта нельзя болѣе смотрѣть какъ на людей несущихъ общественную службу и поэтому освобожденныхъ отъ воинской повинности. Съ другой стороны, онъ ставитъ на видъ противорѣчіе, заключающееся въ препятствіи, которое встрѣчаютъ священники, желающіе вступить въ бракъ: имъ отказываютъ въ гражданскомъ бракѣ, хотя законъ и не признаетъ обѣтовъ, данныхъ на всю жизнь, вслѣдствіе чего ни одно общественное учрежденіе не должно имѣть право принуждать кого бы то ни было оставаться противъ воли въ духовномъ званіи и отнимать у него возможность возвратиться къ частной жизни. Если вслѣдствіе этихъ мѣръ было бы затруднительно найти достаточное число людей, желающихъ принять духовный санъ, то все-таки государство не должно бы оказывать покровительства которой-нибудь изъ религій. Далѣе Леви доказывалъ, что конкордатъ сдѣлался анахронизмомъ и что слѣдуетъ сейчасъ же упразднить посольство при Ватиканѣ, потерявшее всякій смыслъ, такъ какъ папа пересталъ быть свѣтскимъ государемъ, а во Франціи государственная религія не была возстановлена. Также мало основанія имѣть своего представителя въ Ватиканѣ, у главы католической, апостольской, римской церкви, какъ, наприм., въ протестантской или еврейской консисторіи или у исполнительной власти высшихъ

союзныхъ совѣтовъ всемірнаго масонства. Подъ конецъ докладчикъ представилъ собранію на утвержденіе слѣдующіе пункты: «Отдѣленіе церкви отъ государства со всѣмъ тѣмъ, что оно влечетъ за собой, т. е. уничтоженіе конкордата, отмѣна бюджета культовъ, свобода всѣхъ культовъ безъ преимущества для котораго-нибудь изъ нихъ и распространеніе общаго права на всѣхъ». Послѣ обсужденія предложеніе это было единогласно принято.

Одинъ изъ депутатовъ крайней лѣвой, состоящій членомъ той же самой 1-й комиссіи, сдѣлалъ было предложеніе такого рода, чтобы парламентъ, назначая бюджетъ для культовъ, распредѣлялъ бы суммы пропорціонально между всѣми общинами, которыя уже сами употребляли бы ихъ на религіозныя или другія потребности; но это предложеніе получило только 3 или 4 голоса. Ему возразили, что и община, подобно государству, не имѣетъ права вмѣшиваться въ вопросы религіи, которые слѣдуетъ предоставлять доброй волѣ каждаго отдѣльнаго лица. Одинъ делегатъ изъ провинціи прибавилъ, что крестьянинъ — вовсе не клерикалъ, какъ увѣряютъ. Если онъ иногда и заискиваетъ въ священникахъ, то дѣлаетъ это онъ не изъ боязни ада, но скорѣе изъ опасенія потерпѣть въ своихъ матеріальныхъ интересахъ. Государство же обязано освободить его изъ-подъ опеки духовенства, такъ какъ онъ самъ не въ силахъ освободиться.

Въ слѣдующихъ засѣданіяхъ обсуждался вопросъ объ ассоціаціяхъ, по поводу которыхъ членъ муниципальнаго совѣта Жюль Рошъ сказалъ прочувствованную рѣчь. Большинство голосовъ было за полнѣйшую свободу ассоціацій, изъ которыхъ однако слѣдуетъ изъять конгрегаціи, основанныя на нарушеніи общаго права.

Редакція этого постановленія, наскоро составленная, не отличалась ясностью и дала поводъ противникамъ конгресса утверждать, что такимъ образомъ одна рука отнимаетъ то, что даетъ другая. Что касается вопроса о возстановленіи развода, въ пользу котораго произнесъ рѣчь депутатъ Накэ, то здѣсь было полное единодушіе. Далѣе были рѣшены въ утвердительномъ смыслѣ еще слѣдующіе вопросы: о повсемѣстномъ растространеніи свѣтскихъ школъ, т. е. такихъ, въ которыхъ всѣ дѣти одной и той же страны, къ какой бы вѣрѣ они ни принадлежали и каковы бы ни были вѣрованія и мнѣнія ихъ родителей, могли бы пріобрѣтать познанія, которыя должны быть общи для всѣхъ,—о необходимости распространенія обученія также и на дѣвочекъ, чтобы положить предѣлъ слишкомъ большой разницы въ духовномъ развитіи обоихъ половъ, — и вопросъ о равноправности женщинъ. Рѣшили, что слѣдуетъ эту равноправность понимать не только въ смыслѣ общественномъ, но и въ политическомъ, не обращая вниманія на мнѣнія извѣстнаго числа женщинъ, находящихся подъ вліяніемъ духовенства и приверженныхъ его интересамъ, какъ нѣкогда не обращали вниманія на мнѣнія крестьянъ, когда былъ рѣшенъ великій вопросъ о всеобщей подачѣ голосовъ. И дѣйстви-

тельно, разъ признавая либеральные принципы, можно ли отказать женщинѣ въ равноправности гражданской, когда церковь уже давно признала за ней равноправность религіозную?

Три обыкновенныя засѣданія происходили въ большой залѣ масоновъ, достаточно обширной, чтобы тамъ могло собраться нѣсколько сотъ человѣкъ; послѣднее же засѣданіе, происходившее передъ публикой въ нѣсколько тысячъ человѣкъ, было въ циркѣ Фернандо, гдѣ Луи Бланъ произнесъ прекрасную рѣчь. Этотъ ораторъ до нѣкоторой степени придерживается академическихъ традицій какъ по формѣ, такъ и по стилю; но мысли у него всегда возвышеныя и красиво выражены. Онъ выбралъ темой для своей рѣчи зло, причиненное Франціи имперіей тѣмъ, что она интересы страны принесла въ жертву клерикализму и лишила ее поддержки Италіи, помѣшавъ этой молодой націи, которой мы же помогли подняться, избрать своею столицей Римъ, и всячески тормозя ея объединеніе, и все это изъ боязни Наполеона III сдѣлать непріятное духовенству. Онъ напомнилъ извѣстное признаніе принца Наполеона, что мы въ 1870 году взамѣнъ Рима могли бы получить помощь Италіи, но что императоръ лишилъ ея насъ. Луи Бланъ кончилъ классическимъ восклицаніемъ, обращаясь къ духовенству и передѣлывая извѣстныя слова Августа: «Варъ, возврати мнѣ мои легіоны»,—онъ воскликнулъ: «Возврати намъ Эльзасъ-Лотарингію». Какъ и слѣдовало ожидать, рѣчь оратора часто прерывалась громкими рукоплесканіями. Онъ не только говоритъ хорошо, но еще пользуется нравственнымъ авторитетомъ честнаго человѣка и общественнаго дѣятеля, у котораго постоянно слово согласовалось съ дѣломъ. Многіе подумали про себя, что то, что Луи Бланъ говорилъ о легкомысліи, съ которымъ императорское правительство, по династическимъ соображеніямъ, поссорилось съ Италіей, превосходно можетъ быть примѣнено къ нынѣшнему опортюнистскому правительству, въ тунисскомъ вопросѣ по отношенію къ Италіи повторившему ту же ошибку изъ-за интересовъ партіи. Вечеромъ около двухъ сотъ членовъ антиклерикальнаго конгресса собрались ужинать въ Сенъ-Мандэ, на дорогѣ въ Венсенъ. Главною распорядительницею на ужинѣ была г-жа Марія Дерэмъ (Deraismes), вице-президентша конгресса. Г-жа Дерэмъ, особа богатая и уже не молодая, пріобрѣла среди либеральной партіи извѣстность какъ своими публичными чтеніями, такъ и тою щедростью, съ какой она приходитъ на помощь свѣтскимъ учебнымъ заведеніямъ. Было, конечно, произнесено нѣсколько тостовъ. Послѣдній изъ нихъ былъ посвященъ памяти великаго мученика за свободу мысли, Джордана Бруно, которому въ настоящее время молодежь Римскаго университета собирается воздвигнуть въ Campo di Flora—на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ онъ былъ сожженъ—памятникъ, состоящій изъ бронзоваго костра на глыбѣ гранита и мраморной статуи мученика, стоящаго на кострѣ. Предложеніе открыть во Франціи подписку, чтобы дополнить сумму уже собранную въ Италіи и Англіи, было принято съ живѣйшимъ сочувствіемъ. Такъ кончилось антиклерикальное празднество.

Рабочій конгрессъ, такъ называемый «центральный», собирался въ Парижѣ на высотахъ Мениль-Монтана и продолжался цѣлую недѣлю. Многія синдикальныя камеры и общества соціальныхъ наукъ прислали своихъ делегатовъ. Обсуждавшіеся вопросы были такого свойства, что надъ рѣшеніемъ ихъ поломали бы себѣ головы величайшіе мыслители и философы. Нѣкоторая скромность и побольше практическаго смысла должны были бы побудить ограничиться вопросами о предметахъ хорошо извѣстныхъ рабочимъ, напр. о томъ, что происходитъ въ различныхъ ремесленныхъ корпораціяхъ, каковы ихъ недостатки и чего онѣ желаютъ. Но тамъ, какъ и вездѣ, не обходится безъ вожаковъ, желающихъ составить себѣ имя и сдѣлаться необходимыми. Они-то и выдвигаютъ вопросы, которыхъ рабочіе обсуждать не могутъ и обсужденіе которыхъ предоставляется самимъ зачинщикамъ. Они говорятъ, что для счастья народныхъ массъ нужно все перевернуть вверхъ дномъ, требуя для этого только диктатуры, хотя бы въ случаѣ нужды они помирились бы и на избраніи ихъ въ депутаты. Вслѣдствіе неудачнаго состава, а также страннаго выбора обсуждавшихся вопросовъ, центральный рабочій конгресъ не имѣлъ того значенія, какое ему заранѣе приписывали. Онъ какъ бы послужилъ выраженіемъ болѣе или менѣе хаотическихъ мнѣній рабочихъ. Нужно однако замѣтить, что отрицаніе личной собственности, несмотря на настояніе коллективистской партіи, встрѣтило сильную оппозицію, такъ что, выбаллотировавъ первое положеніе, отрицающее личную собственность въ смыслѣ коллективистскаго ученія, пришлось отмѣнить его, какъ получившее сомнительное большинство всего двухъ-трехъ голосовъ. Ограничились тѣмъ, что, по предложенію коммиссіи, въ которую та резолюція была отослана, постановили, что желаемая цѣль заключается въ томъ, чтобъ общественныя богатства принадлежали производителямъ.

Въ то время, какъ рабочіе толковали о фундаментальномъ перерожденіи общества, въ палатѣ былъ вотированъ законъ, признающій ремесленные синдикаты. Имъ дается право считаться юридическими лицами, если они того пожелаютъ, и предоставляется полная свобода сходокъ, подъ тѣмъ единственнымъ условіемъ, чтобъ ихъ статуты сохранялись въ Парижѣ въ сенской префектурѣ, а въ провинціи—въ мэріяхъ. Изъ поборниковъ этого закона одни, какъ, напр., нѣкоторые члены крайней лѣвой, на самомъ дѣлѣ полагали, что дѣйствуютъ въ пользу рабочихъ; другіе, болѣе озабоченные интересами буржуазіи и хозяевъ ремесленныхъ заведеній, имѣли въ виду создать этимъ закономъ, внутри ремесленныхъ корпорацій, рабочіе кружки, интересы которыхъ шли бы врозь съ интересами массы,—вслѣдствіе чего силою вещей лучшіе изъ рабочихъ станутъ на сторонѣ своихъ хозяевъ, противъ своихъ прежнихъ товарищей. Эта же самая мысль руководила тѣми, которые поощряли систему, стремящуюся образовать ассоціаціи лучшихъ рабочихъ какой-нибудь ремесленной корпораціи. Такія ассоціаціи, основанныя на взносѣ членами небольшаго ка-

питала, однимъ ударомъ ослабили бы остальную часть корпорацiи и образовали бы маленькiя, артельныя, ремесленныя заведенiя, которымъ пришлось бы искать опоры у большихъ заведенiй.

Францiя завоевала Тунисъ втихомолку и даже дѣлая видъ, что она занята совсѣмъ другимъ. Этимъ завоеванiемъ мы заслужили нерасположенiе Италiи. Но наши государственные люди думаютъ, что Италiя помирится съ захватомъ Туниса, какъ нѣкогда Англiя — съ завоеванiемъ Алжира; а опортюнизмъ склоненъ вѣрить, что его побѣда на выборахъ, заранѣе озаренная свѣтомъ побѣды надъ Тунисомъ, можетъ считаться достаточнымъ вознагражденiемъ, чтобы перестать на время думать о всемъ другомъ.

Вообще во Францiи замѣчается отсутствiе программы внѣшней политики и, что еще хуже, у Гамбетты, который, какъ говорилось въ царствованiе Наполеона III, управляетъ нашими судьбами, ея также нѣтъ. Приближенные его сами сознаются въ этомъ. Онъ пробуетъ: разъ ему кажется, что слѣдуетъ направить свой компасъ на Петербургъ, на другой день онъ направляетъ его на Лондонъ; короче сказать, его политика стоитъ на variable. Что однако чувствуется всѣми, это—глубокая вражда къ нѣмцамъ вмѣстѣ съ яснымъ сознанiемъ ихъ силы, откуда вытекаетъ сильное желанiе избѣгать всего, что могло бы обидѣть ихъ и снова вызвать съ ихъ стороны непрiязненныя дѣйствiя. По той же причинѣ замѣтно также стремленiе найти сильную, такъ сказать покровительствующую, союзницу и одинъ изъ нашихъ государственныхъ людей высказалъ себя сторонникомъ союза съ Россiей; но хотя французская нацiя имѣетъ свойство сочувственно относиться ко всѣмъ человѣческимъ расамъ и желать добра всѣмъ народамъ, однако для этого союза существуютъ такiя затрудненiя, которыя нельзя не принимать во вниманiе. Такъ, даже тѣ французы, которые болѣе всего склонны къ тѣсному сближенiю съ Россiей, желали бы, чтобъ этому сближенiю способствовали либеральныя реформы въ Россiи, и жалѣютъ объ анти-еврейскомъ движенiи, которое выказалось тамъ какъ бы въ подражанiе Германiи.

Францiя съ каждымъ десяткомъ лѣтъ мѣняетъ взгляды на свою революцiю. Люди принимавшiе участiе въ этой великой драмѣ наводнили страну оправдательными мемуарами. Во время реставрацiи люди либеральнаго направленiя защищали революцiю, какъ создательницу 3-го сословiя, и только упрекали ее въ томъ, что она не умѣла остановиться во время. Минье, Тьеръ и Ламартинъ — сторонники жирондистовъ. Позднѣе Мишле видѣлъ во французской революцiи новую эру и покланялся ей, какъ обновительницѣ человѣчества. Еще позже Луи Бланъ, сторонникъ неизбѣжныхъ разрушенiй, доходитъ даже до апологiи Робеспьера. Но во всѣхъ этихъ различныхъ мнѣнiяхъ существуетъ извѣстное единство. За исключенiемъ людей отсталыхъ, но все еще льстящихъ себя надеждою возвращенiя къ прошлому, всѣ остальные французы смотрятъ на революцiю какъ на источникъ современныхъ либеральныхъ учрежденiй. Такъ

по крайней мѣрѣ было до появленія новой исторической школы, свѣточъ которой—Тэнъ.

Для Тэна и его школы великая революція — не болѣе какъ горячечный припадокъ французскаго народа. Изъ чего слѣдуетъ, что для оцѣнки событій того времени было бы достаточно справиться съ лѣчебникомъ и опредѣлить ихъ такимъ образомъ: 1789 г.—легкая лихорадка, 1792 г.—лихорадка злокачественная, а 1793 г. — горячечный бредъ, за которымъ слѣдуетъ упадокъ силъ 9-го термидора, періодъ выздоравливанія во время директоріи и имперіи и полное возвращеніе здоровья во время Бурбоновъ и Орлеанистовъ. Держась такого взгляда, слѣдуетъ признать, что славные дѣятели того времени—также не болѣе какъ больные въ различныхъ фазисахъ болѣзни, а ихъ вредныя или благодѣтельныя дѣйствія—лишь проявленіе умственнаго разстройства. И такъ какъ Франція безвозвратно отреклась отъ старыхъ дореволюціонныхъ порядковъ, то стоитъ только разрушить обаяніе революціи и имперіи, чтобъ орлеанизмъ оказался убѣжищемъ, внѣ котораго нѣтъ спасенія. Орлеанизмъ во Франціи—это идеалъ приверженцевъ соціальнаго statu quo. Тэнъ, одинъ изъ его провозвѣстниковъ, старается показать буржуазіи на примѣрахъ, взятыхъ изъ французской революціи, что ее ждетъ участь дворянства, если она духовнымъ преемникамъ конвента позволитъ вывести крайнія заключенія изъ посылокъ, установленныхъ этимъ знаменитымъ собраніемъ. Подобно тому, какъ Бёлэ, въ то время, какъ онъ писалъ исторію цезарей, имѣлъ всегда передъ глазами Наполеона III, какъ Ланфрей бичевалъ первую имперію изъ ненависти ко второй,—такъ и Тэнъ, нападая на первую революцію, не теряетъ изъ виду коммуну 1871 г. и старается предостеречь своихъ современниковъ отъ коммуны въ будущемъ. Своему новому сочиненію онъ далъ названіе «Побѣда якобинцевъ»,—онъ боится, какъ бы буржуазія не была завоевана якобинцами. По его словамъ, французская революція—не что иное, какъ коммуна распространенная на всю Франнію; онъ нападаетъ на нее съ такою же страстностью, какъ Максимъ дю-Канъ (du Camp) на коммуну Делеклюза и Феликса Піа въ своемъ сочиненіи «Convulsions de Paris». Дантонъ, Бриссо и Робеспьеръ кажутся ему такими же вульгарными пройдохами, какъ какой-нибудь Вермешъ (Vermesch), Эдъ (Eudes) и Франсуа (Fransois),—величайшая ошибка, состоящая въ томъ, что оригиналъ 1792 года смѣшивается съ каррикатурой 1871 года. Несмотря на ошибочность главной мысли, сочиненіе Тэна замѣчательно по большому количеству изслѣдованій и разнообразныхъ подробностей, хотя эти послѣднія иногда и почерпнуты изъ пристрастныхъ источниковъ вродѣ компиляціи Бюшэ. Впрочемъ сама обширность предмета придаетъ сочиненію Тэна «О происхожденіи современной Франціи» обще-европейскій интересъ. Французская революція усѣяла свой путь какъ добромъ, такъ и зломъ. Спрашивается, какимъ образомъ, пользуясь однимъ, избѣгать другаго? Для людей постороннихъ, смотрящихъ со стороны на величайшій соціальный опытъ новѣйшей исторіи, любопытно

знать, можетъ ли свобода проникнуть въ общество безъ разгрома династій и нѣкоторыхъ классовъ, можетъ ли конституція мирно замѣстить неограниченную власть, возможна ли наконецъ революція безъ пролитія крови, или это неизбѣжно? Можетъ ли власть измѣнить условія существованія государства, не накликая на него революціи? Можетъ ли революція быть остановлена, разъ она началась? Осуждены ли націи, подобно женщинамъ, производить на свѣтъ среди страданій и слезъ? Тэнъ своихъ заключеній еще не высказываетъ. Въ первомъ томѣ своихъ сочиненій онъ доказываетъ, что старые дореволюціонные порядки износились и стали непоправимы; во-второмъ онъ показалъ, какъ гнилость этихъ порядковъ привела къ анархіи; въ третьемъ онъ излагаетъ, какимъ образомъ французское общество, находившееся въ полной анархіи, было завоевано якобинцами; наконецъ въ послѣднемъ мы увидимъ паденіе якобинцевъ и услышимъ заключительныя слова автора.

Тэнъ философъ имѣетъ ту же манію, какъ и Зола литераторъ: онъ нанизываетъ факты, которые въ его же глазахъ всѣ случайны. Между тѣмъ ни жизнь, ни исторія не зависятъ отъ простыхъ случайностей, и большинство случаевъ служатъ только послѣднимъ видимымъ выраженіемъ долгой невидимой работы. Человѣкъ умеръ оттого, что поднялъ тяжесть; но еслибы тайное горе не подточило его силъ, онѣ не надорвались бы при первомъ случаѣ. Народъ вышелъ изъ себя,—повидимому, правительство сдѣлало что-нибудь изъ ряда вонъ выходящее; но власть давно уже издѣвалась надъ народомъ и послѣдняя капля только переполнила чашу.

Тэнъ знаетъ политику изъ книгъ. Работая постоянно въ четырехъ стѣнахъ, онъ никогда не вмѣшивался непосредственно въ борьбу партій своей страны, иначе онъ лучше бы понялъ тѣхъ, надъ которыми смѣется. Люди воздерживающіеся отъ борьбы—всегда плохіе судьи тѣхъ, кому приходилось бороться. Тэнъ начинаетъ съ того, что сознается въ отсутствіи политическихъ принциповъ. Онъ начиналъ писать свое сочиненіе,—говоритъ онъ,—съ цѣлью найти таковые, и то, что онъ нашелъ, можетъ резюмироваться въ слѣдующемъ: современное общество представляетъ собою нѣчто очень обширное и сложное; образованный умъ болѣе способенъ имъ управлять, чѣмъ необразованный, и спеціалистъ болѣе, чѣмъ не спеціалистъ.

Афоризмъ этотъ съ перваго раза увлекаетъ читателя своею кажущеюся очевидностью, однако онъ невѣренъ при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ. Орлеанская дѣва, невѣжественная крестьянка, оказалась одна способной спасти страну, въ которой не было недостатка въ образованныхъ людяхъ. Она заставила англичанъ снять осаду съ Орлеана, который спеціалистами въ военномъ дѣлѣ былъ бы оставленъ имъ въ добычу. Во время битвы при Жемаппѣ простой слуга Батистъ Ренаръ, видя, что цѣлая бригада отступаетъ, повелъ ее опять въ огонь и конвентъ далъ ему чинъ офицера. Нѣкоторые изъ знаменитѣйшихъ генераловъ и маршаловъ

Наполеона I едва умѣли писать свое имя, между тѣмъ какъ генералъ Трошю, подписавшій въ 1871 г. капитуляцію Парижа, обладалъ необыкновенными спеціальными познаніями. Тэнъ отрицаетъ геній, не признаетъ вдохновенія, не допускаетъ, что въ извѣстные моменты люди съ горячимъ сердцемъ способны увлекать массы. Въ тѣ историческіе моменты, когда одни изъ нашихъ народныхъ трибуновъ вталкиваются въ Курціеву пропасть, другіе же сами въ нее кидаются съ чисто-римскимъ героизмомъ,—въ эти моменты Франція въ глазахъ Тэна не болѣе какъ «народъ-султанъ, по своему капризу умерщвляющій великихъ визирей». Это—не понимать бѣшенаго порыва націи, проходившей по тѣламъ тѣхъ изъ своихъ вождей, которые останавливались на пути, подобно тому, какъ полкъ на приступѣ давитъ всадника, лошадь котораго споткнулась. Одинъ изъ террористовъ, привлеченный впослѣдствіи въ свою очередь къ отвѣту передъ революціоннымъ судомъ, сказалъ: «я былъ сѣкирой народа. Наказываютъ ли сѣкиру?»—Тэнъ, который своимъ перомъ слегка только зацѣпляетъ верхушки исторіи, удивляется тому, что создатели «деспотизма достойнаго Дагомеи никогда не переставали вѣрить въ свое право, въ свою гуманность, въ свою добродѣтель, и падая считали себя мучениками». Это и есть доказательство искренности и безкорыстія людей, страстно искавшихъ опасности, снѣдаемыхъ сомнѣніемъ, но дѣйствующихъ въ силу озлобленія, а не каприза. Если, по словамъ Тэна, «якобинцы считали совершенныя ими убійства за святое дѣло и убивали изъ человѣколюбія», тѣмъ не менѣе нельзя не признать, что къ заблужденіямъ XVIII столѣтія примѣшивалось христіанское чувство любви къ человѣчеству, благодаря которому новые общественные порядки лучше старыхъ, несмотря на то, что они сложились среди всѣхъ ужасовъ расходившихся страстей. Тэнъ, лучше охватывающій отрицательную сторону рисуемыхъ имъ сценъ, чѣмъ положительную, чрезвычайно рельефно выставляетъ всѣ смѣшныя черты того класса, которому внезапно пришлось управлять тѣми самыми людьми, коими онъ еще наканунѣ былъ управляемъ. Такъ, напримѣръ, Петіонъ, которому была неизвѣстна придворная утонченная вѣжливость, возвращаясь изъ Вареннъ въ королевской коляскѣ, имѣлъ глупость принять предупредительную любезность сестры короля, принцессы Елизаветы, за кокетливое заигриванье съ нимъ. Титаническое высокомѣріе тогдашнихъ вожаковъ выражается въ фразахъ подобныхъ той, гдѣ Мара не краснѣя говоритъ, что онъ «исчерпалъ всевозможныя комбинаціи человѣческаго ума въ нравственномъ, философскомъ и политическомъ отношеніяхъ». Карье съ неменьшею самонадѣянностью восклицалъ: «мы обратимъ Францію въ кладбище, или передѣлаемъ ее по-своему». Тэнъ сильно ошибается, говоря что въ то время «честные люди желали только прекращенія административнаго произвола и системы раздачи мѣстъ по протекціи». Очень можетъ быть, что нѣкоторое меньшинство ограничивало этимъ свое честолюбіе, но большая часть націи желала совершенно иного. Часъ пробилъ, когда уже не было ни въ

чьей власти посадить на цѣпь «15 милліоновъ бѣлыхъ негровъ, которыхъ кормили хуже и которые были несчастнѣе негровъ на Санъ-Доминго». Могучій слой, который, какъ самъ Тэнъ признаетъ, до того времени одинъ несъ всю тяжесть стараго зданія, самъ потрясъ его основы, рѣшивъ заранѣе, что отъ него не должно остаться камня на камнѣ. Рисуя ужасныя злоупотребленія прежняго правительства и невыносимыя страданія ими порожденныя, Тэнъ обвиняетъ разрушителей его въ интригахъ и безуміи. Говоря о развѣтвленіяхъ партіи якобинцевъ, онъ говоритъ, что это было не болѣе какъ горсть темныхъ плутовъ, завладѣвшихъ при помощи обмана всею Франціей, основавшихъ конфедерацію изъ 1.200 олигархій, которыя управляли своими кліентами-пролетаріями по приказаніямъ, получаемымъ изъ Парижа». Но почему же Франція переносила это иго? — А потому, что она въ этихъ людяхъ видѣла энергію, способную спасти ея существованіе... Тэнъ признаетъ за якобинцами только одинъ принципъ — «инсубординацію возведенную въ законъ». Между тѣмъ якобинцы хотя, правда, начали мятежомъ, но ихъ правиломъ было «послушаніе или смерть» и страшныя, такъ-называемыя адскія, колонны конвента не смѣли защищать своихъ любимѣйшихъ генераловъ отъ народныхъ представителей, во время исполненія послѣдними своихъ служебныхъ обязанностей. Фраза, что «послѣ 10 августа илъ, поднявшись со дна, образовалъ поверхность»,— ничего не объясняетъ. Можно бы, напротивъ, съ большею справедливостью сказать, что поднявшійся илъ смѣшался съ пѣной и увлекъ ее на дно, послѣ чего вода стала чище. Утверждать, что въ то смутное время Франція спаслась помимо своихъ правителей, было бы парадоксомъ. Правда, они совершали преступленія и поступали часто безтактно, но на ихъ долю выпало также множество славныхъ и смѣлыхъ дѣлъ. «Французская революція,—говорилъ въ 1847 г. знаменитый славянскій мыслитель,—начала любовью и смиреніемъ. Прежде, чѣмъ дойти до взрыва, она долго пыталась склонить правительство на преобразованія. Женщины, устремившіяся на Версаль, умоляли короля и королеву объясниться откровенно съ народомъ. Только тогда, когда люди честныхъ правилъ и съ чистыми намѣреніями устали отъ борьбы и, потерявъ силу и энергію, покинули арену, а люди менѣе нравственные, но болѣе энергичные и ожесточенные, стали во главѣ движенія, тогда только революція пошла по кровавому пути». Было бы несправедливо позабыть, что усталость честныхъ людей и въ извѣстной степени ожесточеніе людей менѣе нравственныхъ были послѣдствіемъ малодушія друзей тогдашняго правительства, которые, радуясь непріятностямъ, дѣлаемымъ Бальи и Лафаету, не замѣчали, что расчищаютъ дорогу людямъ, подобнымъ Дантону и Сенъ-Жюсту.

Талейранъ оставилъ послѣ себя славу человѣка чрезвычайно остроумнаго. Одинъ изъ его біографовъ, сэръ Генри Литтонъ Бульверъ, разсказываетъ, что Талейранъ первымъ мѣстомъ былъ обязанъ одной остротѣ. Г-жа Дюбари, видя, что молодой аббатъ постоянно задумчивъ, спросила

его о причинѣ и онъ отвѣтилъ ей, что онъ съ грустью думаетъ о томъ, что въ Парижѣ гораздо легче овладѣть женщиной, чѣмъ аббатствомъ. Это понравилось королю. Талейранъ сдѣланъ епископомъ въ январѣ 1789 г. Въ скоромъ времени выйдутъ мемуары Талейрана, для появленія которыхъ онъ изъ разсчетливой осторожности назначилъ такое время, когда никого изъ свидѣтелей описываемыхъ имъ событій не останется болѣе въ живыхъ. Палланъ (Pallain), обнародовавшій *не изданную* переписку Талейрана съ Людовикомъ XVIII во время Вѣнскаго конгресса, говоритъ, что «великій политикъ, который поступалъ такъ дипломатично съ своими современниками, не избѣгъ искушенія примѣнить свое искусство также и къ потомству». Замѣчательный знатокъ людей, Талейранъ заботился только объ одномъ: отгадывать мысли властелина даннаго момента и одобрять ихъ, несмотря на то, хороши онѣ или нѣтъ. Когда революція была въ разгарѣ, Талейранъ служилъ ея интересамъ; когда же онъ увидалъ, что она ослабѣла, онъ отстранился, чтобы не пострадать вмѣстѣ съ людьми сходившими со сцены; позже онъ покланялся Наполеону и не осуждалъ даже казни герцога Энгенскаго и несправедливой войны съ Испаніей. Когда этотъ исполинъ пошатнулся, Талейранъ перешелъ на сторону Бурбоновъ старшей линіи, но ничуть не огорчился ихъ паденіемъ и сдѣлался однимъ изъ первыхъ сподвижниковъ Людовика-Филиппа. Умирая, онъ какъ можно долѣе откладывалъ свое возвращеніе въ лоно церкви. Онъ желалъ отречься отъ своихъ понятій только въ послѣднюю минуту, но, по его мнѣнію, свѣтскія приличія требовали, чтобы вокругъ его гроба раздавалось церковное пѣніе. Сенъ-Бёвъ, описывая кончину этого атеиста, обращаетъ вниманіе на то, что аббатъ Дюпанлу (Dupanloup), бывшій посредникомъ примиренія Талейрана съ небомъ, не посмѣлъ внушить ему пожертвовать церкви хотя часть своихъ громадныхъ и незаконно пріобрѣтенныхъ богатствъ. Талейрану, которому приходилось защищать такое множество противорѣчивыхъ принциповъ, было поручено отстаивать на Вѣнскомъ конгрессѣ легитимистскій принципъ, въ который онъ такъ же мало вѣрилъ, какъ и въ другіе, и который онъ считалъ только выходомъ изъ затруднительнаго положенія. Палланъ, которому позволено было снять въ архивахъ копіи съ писемъ Талейрана, сознается, что представитель Людовика XVIII не вполнѣ проникся новымъ ученіемъ и защищалъ его предъ коронованными лицами только съ утилитарной точки зрѣнія.

Въ письмахъ Талейрана замѣчается болѣе тонкій умъ и болѣе изящества, чѣмъ въ письмахъ князя Меттерниха. Онъ обладалъ разсчитанною дерзостью вельможи, никогда не теряющаго присутствія духа. На первой конференціи Вѣнскаго конгресса, гдѣ должны были участвовать одни статсъ-секретари, Талейранъ замѣтилъ Гумбольдта, который не имѣлъ этого чина, и спросилъ причину его присутствія. Меттернихъ объяснилъ, что Гумбольдтъ замѣняетъ Гарденберга, по случаю глухоты послѣдняго. Талейранъ, будучи хромъ, съ живостью отвѣтилъ: «Если ужь дѣло идетъ о недугахъ,

то у всякаго могутъ быть свои и всякій въ правѣ извлекать изъ нихъ пользу».

Вообще переписка Талейрана съ Людовикомъ XVIII читается съ удовольствіемъ, но нисколько не измѣняетъ къ лучшему рѣзкаго сужденія о Талейранѣ маршала Ланна, который сказалъ о немъ, что «это — комъ грязи въ шелковомъ чулкѣ»; да, но въ чулкѣ изъ шелка стариннаго и вязанья столь рѣдкостнаго и искуснаго, что имъ перестаешь любоваться только тогда, когда вспомнишь о томъ, чему онъ служитъ оболочкой.

Въ литературномъ мірѣ появленіе новыхъ сочиненій Виктора Гюго всегда бываетъ событіемъ. «Les quatres vents de l'esprit», послѣднее произведеніе поэта, стоитъ не ниже предыдущихъ. Несправедливо думать, что есть свои климатерическіе годы, послѣ которыхъ геній или ничего болѣе не производитъ, или производитъ неудачно. Относительно Виктора Гюго вопросъ теперь только въ томъ, подтвердитъ ли потомство восхищеніе его современниковъ.

Сынъ извѣстнаго критика, котораго литература лишилась очень рано, собралъ подъ названіемъ «Poëtes et poésies» замѣтки, приготовленныя Полемъ Альбертомъ для своихъ публичныхъ чтеній въ College de France. Поль Альбертъ отзывается въ нихъ о Викторѣ Гюго съ рѣдкою проницательностью и безпристрастіемъ. «Викторъ Гюго,—говоритъ онъ,—ежеминутно принималъ участіе въ жизни нашего вѣка, полной тревоги и сомнѣній; онъ погрузился, потонулъ въ ней». Да, Викторъ Гюго—дитя своего вѣка, и это—его достоинство; онъ это знаетъ. Онъ былъ вандейцемъ, бонапартистовъ, отчасти орлеанистомъ, умѣреннымъ республиканцемъ, потомъ республиканцемъ почти радикальнымъ, и все это потому, что онъ увлекался жгучими вопросами дня. Поль Альбертъ послѣднее мѣсто отводитъ драматическимъ произведеніямъ Гюго, находя, что имъ недостаетъ именно драматизма. «Есть въ нихъ,—говоритъ онъ,—внѣшность драмы, пріемы и подробности великолѣпны; но человѣку этого недостаточно,—онъ требуетъ истины внутренней. Викторъ Гюго не создалъ ни одного характера, не передалъ ни одной страсти». Послѣднія произведенія Гюго повидимому опечалили критика. «Въ сущности,—говоритъ онъ,—поэзія состоитъ изъ четырехъ элементовъ: идеи, чувства, красокъ и звуковъ. Долгое время, до 1840 г., Гюго обладалъ всѣмъ вмѣстѣ, а въ своихъ «Châtiments» онъ ихъ опять соединилъ; теперь же у него остались только краски, накладываемыя имъ большими слоями, да мощные звуки». Нельзя не признать, что на нѣкоторыхъ страницахъ «Quatre vents de l'esprit» читателя дѣйствительно поражаютъ лишь краски и звуки, но въ общемъ есть нѣчто большее. Поль Альбертъ отдаетъ справедливость Виктору Гюго, говоря, что онъ—великій покровитель угнетенныхъ: «у него во всякую минуту слышится человѣческое чувство всепрощенія къ падшимъ и негодованія къ притѣснителямъ». У Ламартина этого не было; Альфредъ де-Виньи плачетъ о себѣ, но не о другихъ; Альфредъ де-Мюссэ никакъ не можетъ освободиться отъ

любовнаго отчаянія. У Виктора Гюго всѣ помыслы направлены къ обиженнымъ и несчастнымъ; онъ постоянно лелѣетъ надежду на лучшую для человѣчества будущность и, затрогивая тѣмъ одну изъ самыхъ чувствительныхъ струнъ нашего времени, перестаетъ быть исключительно французомъ, ибо Европа вся болѣзненно, напряженно ждетъ предсказываемаго имъ часа.

Онъ говоритъ: «ничто сходное съ ненавистью не можетъ служить развязкой и заря счастья несомнѣнна. Что бы не творилось, но къ счастію приведутъ усилія человѣка, этого мрачнаго, но улыбающагося мученика. Радостно-свѣтлая жизнь всегда исходитъ изъ гроба и полетомъ голубки кончается всякій потопъ».

«Народы,—говоритъ Гюго,—завтрашній день не есть чудовище, подстерегающее насъ». Онъ покоенъ, ибо «для Бога нѣтъ ни одного голоса, котораго онъ не слышитъ: заступъ рудокопа, стихъ поэта трудятся надъ одной и той же загадкой, ищутъ одного и того же отвѣта. Не все ли равно, какою дорогой идетъ въ этой жизни человѣкъ, то измоченный дождемъ, то пылью покрытый? Всѣ люди станутъ братьями и на это исцѣленіе Богъ обратитъ все — разсчетъ и разумъ, просвѣщеніе и науку».

Первый томъ содержитъ сатиры и драмы; послѣднія болѣе всего возбуждали любопытство публики. Гюго въ теченіе многихъ лѣтъ не принимался за этотъ родъ поэзіи. Его комедія «Маргарита»—не болѣе какъ рядъ сценъ, въ которыхъ ни одинъ характеръ не выясняется. Дѣйствующія лица не болѣе какъ носители извѣстныхъ излюбленныхъ поэтомъ тезисовъ. Всѣ лица выражаются одинаково велерѣчиво. Одно и то же лицо, Галлусъ, является героемъ комедіи, а потомъ драмы. Драма оканчивается самоубійствомъ маркизы Забетъ, крестьянки, предавшейся распутной жизни и ищущей смерти, такъ какъ она не можетъ перенести сердечной пустоты. «Пить чашу смерти,—говоритъ она,—не составляетъ ничего для того, кто испилъ чашу позора; никто меня не любитъ и я умираю».

Дѣйствующія лица, которымъ въ комедіи не достаетъ реальности, говорятъ намъ очень умныя вещи, но авторъ могъ бы высказать ихъ, не прибѣгая къ разнымъ Галлусамъ, Гуникамъ и Неллямъ, совершенно лишнимъ и представляющимся намъ какими-то поэтизирующими машинами. Сатиры Виктора Гюго страдаютъ слишкомъ большой эрудиціей. Мы убѣждены, что свѣтскія женщины, читая ихъ, должны всегда имѣть подъ рукой словарь, такъ какъ многія изъ нихъ, вѣроятно, не знаютъ, что такое Альдебаранъ, и т. п. Извѣстно также, что Викторъ Гюго, когда онъ громитъ своихъ враговъ, злоупотребляетъ бранными выраженіями, по эрудиціи своей доходящими до смѣшнаго. Можно ли, напр., серьезно сказать о комъ-нибудь, что это «Мельхиседекъ, осложненный всѣми качествами Аттилы»? Несмотря на то, благородство замысла и прямота души въ концѣ концовъ заставляютъ забывать обиліе и странность эпитетовъ. Гюго — ярый противникъ смертной казни: онъ клянетъ ее въ стихотвореніи, оканчивающемся слѣ-

дующими прекрасными словами: «Еслибъ ожесточенный Iисусъ сошелъ съ Голгоѳы и въ свою очередь распялъ сатану, я бы сказалъ ему: «Ты не Богъ,—уйди отъ меня!» Во второмъ томѣ помѣщены лирическія стихотворенія и произведенія эпическія. Но въ сущности эпоса нѣтъ ни одного, такъ какъ поэма «Революція» таковымъ считаться не можетъ.

Начинается эта поэма прогулкой статуй. Генрихъ IV сходитъ съ своего пьедестала и, подойдя къ Людовику XIII, говоритъ ему: «пойди и посмотри, на своемъ ли мѣстѣ твой сынъ». Бронзовый Людовикъ XIII даетъ то же приказаніе Людовику XIV.

Гюго впадаетъ въ ту же ошибку, какъ и Вольтеръ въ своей «Генріадѣ». Эти статуи, блуждающія по Парижу и между собой бесѣдующія, не могутъ возбуждать особеннаго интереса,—это слишкомъ придумано. Далѣе Гюго грѣшитъ противъ исторической справедливости, низводя Генриха IV, Людовика XIII и Людовика XIV уже на черезчуръ низкую степень. Генрихъ IV представляется у него чѣмъ-то въ родѣ Сарданапала. Нельзя отрицать, что Генрихъ IV слишкомъ любилъ женщинъ, однако это былъ послѣдній государь, желавшій счастія не только своего народа, но и всѣхъ европейскихъ націй,—и Европа была права, оплакивая жертву Равальяка. Людовикъ XIII и Людовикъ XIV также не лишены значенія и вовсе не логично восхвалять конвентъ за то, что онъ снесъ послѣдніе остатки феодализма, и бранить людей, нанесшихъ феодаламъ самые сильные удары.

Между лирическими стихотвореніями мы находимъ такіе же перлы, какими авторъ сыпалъ встарину. Изъ нихъ двѣ прелестныя пѣсни были написаны еще во время изгнанія. Одна изъ нихъ имѣетъ повторяющимся стихомъ: «май вдали отъ Франціи не май».

Другое начинается такъ:

«Еслибъ, о родина, я могъ видѣть твои сирени и миндальныя деревья и чувствовать подъ ногами твои цвѣтущіе луга,—увы! еслибъ я могъ.

О себѣ Викторъ Гюго говоритъ такъ:

«Я—странная ласточка, перелетающая туда, гдѣ зима. Я всегда буду побѣжденнымъ, ибо всегда беру сторону угнетенныхъ. Когда побѣжденные становятся побѣдителями, я говорю народу, знамени и самому Богу: довольно!»

Легко замѣтить недомолвки и преувеличенія Виктора Гюго, однако ни одинъ поэтъ въ настоящее время не можетъ сравниться съ нимъ не только во Франціи, но и во всей Европѣ. Не будемъ же умалять его только потому, что у насъ въ прошедшемъ были лучшіе поэты и что мы въ будущемъ надѣемся имѣть болѣе великихъ.

Послѣ нѣкоторыхъ колебаній правительство рѣшилось корпорацію художниковъ признать самостоятельною и всецѣло предоставить ей заботу по устройству выставокъ. Тѣ изъ художниковъ, чьи произведенія были на одной изъ прежнихъ годичныхъ выставокъ, были допущены къ голосованію и избранные ими уполномоченные образовали общество, которое

теперь занято устройствомъ «салона». Если и теперь будутъ пререканія, то художникамъ придется жаловаться на самихъ себя, и помощникъ статсъ-секретаря министерства изящныхъ искусствъ, стоящій теперь въ сторонѣ отъ жалобъ, сыпавшихся на него въ прежніе годы, потираетъ себѣ руки отъ удовольствія. Совѣтъ художниковъ, свободный отъ малѣйшаго оффиціальнаго давленія, оказался однако столь же слабымъ, какъ и прежніе распорядители выставокъ, и нынѣшняя по-прежнему отличается отсутствіемъ идеи.

Нигдѣ совершенство техническихъ пріемовъ не распространено между живописцами въ такой степени, какъ въ Парижѣ. Они рисуютъ мастерски, но затрудняются въ выборѣ сюжета. Одинъ рисуетъ котлы, другой — нагую женщину, — первый встрѣчный котелъ и первую встрѣчную натурщицу. Въ эпохи восторженныхъ влеченій искусство помогало людямъ выполнять задачи вѣка. Во время распространенія христіанства картины религіознаго содержанія такъ же сильно дѣйствовали на сердца людей, какъ лучшія проповѣди. Въ эпоху возрожденія, когда программа среднихъ вѣковъ была уже выполнена и общество познакомилось съ классическою древностью съ тѣмъ радостнымъ удивленіемъ, съ которымъ оно впослѣдствіи привѣтствовало раскопку Помпеи, искусство способствовало пониманію великихъ твореній римской и греческой древности. Вдохновляясь красотой найденныхъ среди развалинъ изваяній и стиховъ языческихъ поэтовъ, художники воскресили весь Олимпъ. Во время первой революціи Луи Давидъ написалъ свою извѣстную картину «le Serment du Jeu de Paume», позднѣе, «Смерть Марата», дышащую ужасающею реальностью, а еще позднѣе въ громадныхъ размѣрахъ сраженія временъ первой имперіи. Кисть его передаетъ все, что переживалъ народъ. Во время реставраціи французское общество горячо сочувствовало геройскимъ подвигамъ Греціи и Delacroix изобразилъ на полотнѣ избіеніе грековъ на островѣ Хіосѣ. Затѣмъ искусство все болѣе и болѣе отрѣшается отъ прозаической дѣйствительности и слѣдуетъ за полетомъ фантазіи поэтовъ, а въ царствованіе Людовика-Филиппа переходитъ отъ Франчески Римини Данта къ Маргаритѣ Гёте. Съ тѣхъ поръ оно постепенно съуживается и художники стремятся ограничить свою задачу точнымъ воспроизведеніемъ природы. Большая или меньшая важность сюжета не имѣетъ для нихъ никакого значенія. Въ наши дни артистическая добросовѣстность требуетъ не подражанія знаменитымъ учителямъ, а самой природѣ. Что̀ бы художникъ ни рисовалъ—кучу ли грязи, букетъ ли цвѣтовъ, человѣка или лошадь — это все равно, лишь бы природа была вѣрно схвачена. Художникъ едва ли самъ знаетъ, почему онъ рисуетъ такой предметъ, а не другой. Начиная писать картину, онъ выбираетъ самый избитый сюжетъ, какъ-то: «Неронъ испытывающій яды надъ рабами», «Сцену инквизиціи» и т. п.; если ему удастся найти хорошихъ натурщиковъ, хорошо передающихъ напряженіе мускуловъ, то и онъ, и

продавцы картинъ, и покупатели—довольны. По нашему мнѣнію, настоящее время можетъ считаться временемъ застоя въ искусствѣ. Художники, сами себѣ не отдавая отчета, ждутъ какого-нибудь великаго событія, способнаго расшевелить ихъ братію. Во времена такихъ событій тѣ, которые не могутъ дѣйствовать ни оружіемъ, ни словомъ, берутся за рѣзецъ или за кисть. Передъ картиной Рафаэля чувствуешь вліяніе чего-то святаго, а при видѣ статуи Микеля Анджело лучше понимаешь героизмъ. Да и не въ правѣ ли мы требовать отъ произведенія искусства, чтобъ оно переносило насъ въ болѣе возвышенныя сферы, а не ограничивалось бы возбужденіемъ въ насъ удивленія по поводу побѣжденныхъ трудностей, или передачей зрѣлищъ, которыя всякій можетъ себѣ доставить, выглянувъ въ окно или выйдя въ садъ?

Изъ различныхъ родовъ живописи въ солонѣ 1881 г. религіозная живопись занимаетъ послѣднее мѣсто, и это естественно,—религіозное чувство падаетъ, а безъ него въ этомъ родѣ живописи невозможно ожидать ничего хорошаго. Портреты недурны, но, будучи разсчитаны на эффектъ, они грѣшатъ тѣмъ, что въ нихъ обращено слишкомъ большое вниманіе на аксесуары, которые иногда нарисованы съ такимъ искусствомъ, что заставляютъ забывать самое лицо или затемняютъ его. Такъ, напр., Ренаръ нарисовалъ какую-то графиню съ дѣтьми. Графиня вышла аффектированная, дѣти блѣдныя, но у нихъ подъ ногами коверъ, который такъ нарисованъ, что такъ и хочется лечь на него, а прикащикъ магазина сейчасъ бы опредѣлилъ, сколько было за него заплачено. Историческая живопись перешла въ анекдотическую. Художникъ не старается увѣковѣчить событіе, отъ котораго сильнѣе бьется его собственное сердце, а беретъ одинъ изъ тѣхъ сюжетовъ, какими академіи надѣляютъ молодыхъ художниковъ на конкурсахъ. Такъ Риксенъ (Rixens) избралъ моментъ, когда Агриппина говоритъ центуріону: «feri ventrum» Въ ней недостаетъ величавости царицы, способной дать такого рода приказаніе, а центуріонъ похожъ на театральнаго фигуранта. Ничего нѣтъ любопытнѣе сужденій нашихъ добрыхъ буржуа при видѣ этихъ картинъ. Я былъ свидѣтелемъ того, какъ одна лавочница, стоя предъ Агриппиной, сказала своему мужу: «какъ это прискорбно,—вѣдь эта женщина такъ много старалась, чтобъ ея сынъ взошелъ на престолъ». Самая странная картина на выставкѣ—это «Фризъ Пантеона» живописца Блана. Пантеонъ—теперь церковь и Бланъ, которому было поручено написать «Побѣду Клодвига», захотѣлъ увѣковѣчить современныхъ святыхъ, и вотъ передъ нами проходятъ на золотомъ фонѣ, одѣтые въ римскія тоги, Гамбетта, Мадье де-Монжанъ, Бартелеми Сентъ-Илеръ, Поль Бертъ, Клемансо и даже актеръ Кокленъ. Художникъ вовсе не хотѣлъ иронизировать,—на его небѣ нѣтъ иныхъ святыхъ. Древніе итальянскіе и фламандскіе живописцы часто рисовали на религіозныхъ картинахъ своихъ современниковъ, но современники ихъ были люди вѣрующіе, тогда какъ въ этомъ случаѣ въ церкви бу-

дутъ красоваться лики атеистовъ. Публикѣ особенно нравится картина Шенка «Гуси». Говорятъ, будто бы эта картина—намекъ на судъ художниковъ. Во всякомъ случаѣ для сюжета она слишкомъ велика. Гейль написалъ «Самоубійство отъ любви», но мы никакъ не можемъ проникнуться сожалѣніемъ къ молодой дѣвушкѣ, положившей голову на рельсы, такъ какъ мы видимъ, что локомотивъ, находящійся невдалекѣ, только пускаетъ дымъ, но не двигается. «Раздача знаменъ» де-Таля вообще не нравится, такъ какъ она похожа на лубочную картину необыкновенно большихъ размѣровъ. Президенты республики и палаты какъ-то неловко стоятъ на эстрадѣ. Генералы похожи на деревянныхъ куколъ, а лошади на чучелъ, и даже газонъ—какого-то непріятнаго цвѣта. Бонна слишкомъ однообразенъ, но онъ замѣчательный колористъ. Его портретъ живописца Конье великолѣпенъ. Портрету графини Потоцкой не достаетъ граціи, но мастерство цвѣтовыхъ эффектовъ поразительно. «Прославленіе правосудія» Бодри—хорошая картина въ декоративномъ смыслѣ, но не достаточно серьезна. Это—Ѳемида, привыкшая возсѣдать не въ судилищѣ, а на диванѣ какой-нибудь гостиной. Она была бы скорѣе у мѣста въ числѣ тѣхъ улыбающихся богинь, которыми Бодри изукрасилъ фойе новой оперы. Толпа сочувственно относится къ картинѣ Бертрана «Отечество», представляющей раненнаго, котораго поддерживаютъ на лошади и который къ груди прижимаетъ знамя. На полѣ битвы первою заботой его товарищей было бы освободить его отъ этой ноши, такъ что сцена неправдоподобна, но публикѣ нравятся картины съ патріотическою тенденціей. И это понятно послѣ нашихъ военныхъ неудачъ. Всѣ наши батальные живописцы ограничиваются эпизодами. Они рисуютъ какую-нибудь стычку, но что-нибудь болѣе значительное имъ не по силамъ. Невиль на этотъ разъ выставилъ кладбище Сенъ-Прива, гдѣ 18 августа 1870 г. погибъ отрядъ, прикрывавшій отступленіе маршала Канробера. «Разнощикъ депешъ», его же, представляетъ унтеръ-офицера, переодѣтаго въ крестьянское платье, котораго обыскиваютъ прусскіе солдаты съ цѣлью найти бумаги. Какъ намъ далеко до Гро и Жерико. Война титановъ произвела титановъ артистовъ, послѣдняя же война дала намъ пигмеевъ. Но есть родъ живописи, гдѣ художникамъ удается вдохновиться, это — сцены горя и бѣдствій. Такъ Израэльсъ, съ простотой не лишенной величія, изобразилъ отчаяніе бѣдняка передъ трупомъ жены, товарища его счастливыхъ и тяжелыхъ дней. Нѣкоторые художники придерживаются какой-нибудь одной спеціальности,—удалось имъ наткнуться на драгоцѣнную жилу, они только ее и разрабатываютъ. Такъ, у Шельмуски украинская запряжка на полномъ скаку. Геннеръ всегда освѣщаетъ нагихъ женщинъ свѣтомъ, какъ бы заимствованнымъ у древнихъ итальянскихъ живописцевъ. На этотъ разъ онъ однако выставилъ «Св. Іеронима»—мастерски написанный этюдъ. Съ чисто фламандскимъ терпѣніемъ Дантанъ вводитъ насъ въ чистенькую мастерскую, гдѣ натурщица съ большимъ аппетитомъ уничтожаетъ свой завтракъ. Брозикъ —

второй Деларошъ: его «Христофоръ Колумбъ при дворѣ Фердинанда» и «Представленіе ко двору Петрарки и Лауры»—историческія картины, прекрасно написанныя. Можно однако упрекнуть художника въ слишкомъ старательной отдѣлкѣ, въ отсутствіи движенія и порывовъ, въ искусномъ, но холодномъ выполненіи замысла. Хорошихъ пейзажей пропасть, что и понятно: лѣсъ, прудъ, степь—куда легче религіи, исторіи и политики. Нельзя, конечно, отрицать, что хорошо нарисованный быкъ лучше плохо понятаго святаго или смѣшнаго героя; но намъ кажется, что вѣрно передать выраженіе лица великаго человѣка или важный моментъ изъ его жизни лучше, чѣмъ тупой взглядъ жвачнаго животнаго, а это-то и отрицаютъ наши учителя эстетики. Манэ выставилъ портретъ Рошфора. Если иные живописцы идеализируютъ свои модели, то этотъ художникъ, напротивъ, представляетъ ихъ въ болѣе некрасивомъ видѣ. Есть еще и другая картина его, «Охота на льва», въ которой тоны такого фіолетоваго оттѣнка, какого въ природѣ никогда не бываетъ. У него есть талантъ, но онъ его плохо примѣняетъ, довольствуясь тѣмъ, что приводитъ публику въ изумленіе своей смѣлостью. Самой лучшей картины нынѣшняго года на выставкѣ нѣтъ. Мункаци, опоздавшій двумя днями, предлагалъ 50 тысячъ франковъ въ пользу бѣдныхъ, съ тѣмъ чтобы приняли его картину послѣ открытія выставки. Совѣтъ отказалъ ему, основываясь на уваженіи къ существующимъ правиламъ, а можетъ-быть не желая присудить большую премію иностранцу. И вотъ публикѣ приходится любоваться на картину въ домѣ частнаго лица, гдѣ этотъ художникъ выставилъ своего «Христа передъ Пилатомъ». Это картина громадныхъ размѣровъ и въ ней болѣе 40 фигуръ. Пилатъ на своемъ судейскомъ креслѣ окруженъ евреями, типы которыхъ переданы превосходно; римскій солдатъ удерживаетъ толпу обвинителей. Въ глубинѣ судилища въ открытое окно виднѣется уголокъ прекраснаго неба Палестины. По естественности позъ, правдивости выполненія, живости и драматизму эту картину можно ставить рядомъ съ прекраснѣйшими произведеніями Рембрандта, да и недостатки въ ней тѣ же, что и у Рембрандта. Христосъ похожъ на цыгана, не высокаго роста, безстрашнаго, со сдвинутыми бровями; ему недостаетъ величія, святости, просвѣтлѣнія. Между тѣмъ художникъ, желающій изобразить на полотнѣ ликъ Христа, долженъ представить Его такъ, чтобы мы видѣли въ Немъ не земное, превыше-человѣческое, источникъ всеозаряющей любви. Передъ «Преображеніемъ» Рафаэля дѣлается понятнымъ восемнадцати-вѣковое, все болѣе распространяющееся поклоненіе Христу. Іисусъ Мункаци могъ бы съ успѣхомъ изобразить какого-нибудь подсудимаго. Но, несмотря на этотъ важный, существенный недостатокъ, картина эта стоитъ неизмѣримо выше всего того, что въ настоящее время собрано въ зданіи промышленнаго музея. Въ томъ же отелѣ, но въ другой залѣ, выставлены наброски этой картины. Мункаци представилъ голову Христа въ нѣсколькихъ различныхъ видахъ, но всѣ съ тѣми же недостатками, какъ та, на которой онъ остановился.

Литтре, боровшійся со смертью нѣсколько мѣсяцевъ, недавно скончался на восемьдесятъ первомъ году жизни. Онъ былъ ученымъ, съ которымъ рѣдко кто могъ соперничать, и его словарь французскаго языка навѣрное переживетъ его философскую систему, которую можно назвать измѣненнымъ контизмомъ. Извѣстнѣйшимъ сотрудникомъ Литтре былъ русскій, г. Вырубовъ. Между приверженцами ученія его находится, между прочимъ, вліятельнѣйшій человѣкъ во Франціи въ настоящее время, Гамбетта, который однажды въ публичной рѣчи заявилъ, что только общимъ распространеніемъ позитивистскаго ученія западная цивилизація достигнетъ той ступени, которая ей принадлежитъ.

Во Франціи позитивизмъ привлекъ на свою сторону цѣлую политическую фракцію, благодаря отрицанію всего абсолютнаго. Всякій абсолютный принципъ требуетъ жертвъ, принципы же условные, относительные отъ нихъ освобождаютъ. Сенъ-симонисты проповѣдывали законность физическихъ потребностей человѣка и ратовали въ пользу промышленности. Послѣдователи Конта также возвѣщали о пришествіи мирнаго царствованія «промышленности и банковъ», но они его ожидали въ силу философскихъ распредѣленій, придуманныхъ ихъ учителемъ, желавшимъ спасти человѣчество философскою классификаціей. Подъ конецъ его жизни религія, которую онъ исключилъ изъ своего ученія, безпокоила его своими загадками. Послѣ смерти Конта, Литтре отвергалъ послѣдній фазисъ жизни своего учителя, назвавъ этотъ фазисъ сумасброднымъ субъективизмомъ. Литтре основалъ журналъ и былъ сенаторомъ. Какъ въ своемъ журналѣ, такъ и въ сенатѣ онъ старался найти своимъ теоріямъ практическое примѣненіе. Но этотъ человѣкъ, теоріи котораго кажутся такими смѣлыми, какъ только дѣло доходило до осуществленія ихъ, былъ нерѣшителенъ до глупости. Не признавая ни начальныхъ причинъ, ни конечныхъ цѣлей, онъ всегда склонялся на сторону тѣхъ, кто совѣтовалъ ничего не дѣлать. Не имѣя самъ никакого духовнаго направленія, онъ не могъ дать его другимъ. Позитивизмъ—это убѣжище людей, не удовлетворяющихся схоластическимъ ученіемъ церкви и предпочитающихъ ничтожество ученію возвышенному, но не сохранившему первоначальной чистоты. Я говорю «ничтожество», такъ какъ разъ человѣкъ признаетъ только то, что онъ осязаетъ и понимаетъ, онъ пренебрегаетъ нравственными красотами, которыя всѣ невидимы, и отвергаетъ истины, которыя чувствуются людьми, но не могутъ быть объяснены. Литтре былъ похожъ на путешественника, находящагося на трансъатлантическомъ кораблѣ и отрицающаго существованіе американскаго материка до тѣхъ поръ, пока ему его не покажутъ. Философія часто предавалась смѣлымъ теоріямъ и рискованнымъ гипотезамъ. Въ наше время она какъ бы положила оружіе. «Мы перестали,—говорилъ Литтре,—доискиваться происхожденія и цѣли вселенной и узнавать внутреннія причины явленій». Не странно ли, что такъ много людей гордятся такого рода отреченіемъ! Отвѣтъ на это мы

можетъ-быть найдемъ въ томъ, что, отказываясь отъ дальнѣйшихъ изслѣдованій, они этимъ самымъ пріобрѣтаютъ большее нравственное и умственное спокойствіе. Въ самомъ дѣлѣ, если никогда не задумываешься о томъ, откуда и куда идешь, то остается только удобнѣе устроиться съ тѣмъ, что есть. И разъ неба богослововъ, т. е. надежды на радости внѣ этой земли, сообразныя съ нашими заслугами въ этой жизни, болѣе не существуетъ, то остается только то земное счастіе, которое, благодаря новѣйшимъ открытіямъ, окружаетъ нашу жизнь большимъ или меньшимъ комфортомъ. Кинэ опредѣлилъ безсмертіе души: «изліяніе души въ безконечность». Но есть люди, которые находятъ нашу землю для нея достаточно обширной и не допускаютъ, чтобы душа наша когда-нибудь перешла за горизонтъ. «Со всѣхъ сторонъ,—писалъ Литтре,—мы достигаемъ предѣла нашихъ изслѣдованій. Около этого океана мы ходимъ по берегу вокругъ него, мы его касаемся почти рукой, но, чтобы плыть по его волнамъ, у насъ нѣтъ ни лодки, ни веселъ, ни паруса». Литтре не допускалъ, чтобъ у другихъ было то весло, котораго ему недоставало,— не хотѣлъ допустить, чтобы другіе плыли по тому океану, который онъ считалъ недоступнымъ. Въ физическомъ отношеніи это былъ человѣкъ худой, высокаго роста, съ лицомъ костлявымъ, прямыми волосами и толстыми губами. Частная его жизнь была примѣрна по неутомимой дѣятельности и честному отношенію къ людямъ. Если Литтре и заблуждался, то это ему можно простить, такъ какъ онъ былъ искрененъ и никогда не думалъ о своихъ личныхъ выгодахъ, несмотря на то, что проповѣдывалъ такіе печальные софизмы. Это былъ лжепророкъ, «томившійся жаждой совершенства и не знавшій покоя отъ заботы о счастіи человѣчества, но, невиннымъ образомъ, жаждущему міру подававшій отраву, такъ какъ самъ не нашелъ источника, у котораго могъ бы освѣжиться».

W***.

Парижъ,
10 іюня 1880 г.

Редакторъ С. Юрьевъ.
Редакторъ-издатель В. Лавровъ.

ОПЕЧАТКИ ВЪ КН. VI.

Въ статьѣ «Бальзакъ»:

Стран.	*Стр.*	*Напечатано.*	*Должно быть.*
89	эпигр.	l'orbre	l'arbre

Въ «Замѣткѣ по польскому вопросу».

Стран.	*Стр.*	*Напечатано.*	*Должно быть.*
31	4 снизу	въ энергію	въ энергіи
32	1 сверху	что возбудившее, и проч.	что выраженіе, возбудившее, и проч.

„РУССКАЯ МЫСЛЬ"

НАУЧНЫЙ, ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ,

выходящій ежемѣсячно безъ предварительной цензуры, книгами отъ 28 до 35 лист.

Условія подписки:

	Годъ:	6 мѣсяцевъ:	3 мѣсяца:	1 мѣсяцъ:
Безъ доставки	15 р.	8 р. — к.	4 р. — к.	2 р. — к.
Съ доставкою въ Москвѣ	16 р.	8 р. 50 к.	4 р. 50 к.	2 р. 50 к.
Съ пересылкою въ другіе города . .	17 р.	9 р. — к.	5 р. — к.	2 р. 50 к.
За границу	19 р.	10 р. — к.	7 р. — к.	3 р. — к.

Годовымъ подписчикамъ, подписывающимся въ конторѣ журнала, допускается слѣдующая разсрочка: при подпискѣ вносится 7, 6 или 5 руб., соотвѣтственно цѣнѣ съ пересылкой, доставкой или безъ доставки, 5 р. къ 1 апрѣля и 5 р. къ 1 іюля.

КНИЖНЫЕ МАГАЗИНЫ ПОЛЬЗУЮТСЯ ОБЫЧНОЮ УСТУПКОЙ.

Подписка принимается: въ конторѣ журнала—**въ Москвѣ, на Долгоруковской улицѣ, д. Дреземейеръ**, и въ отдѣленіи конторы—**на Петровкѣ, въ домѣ Петровскихъ торговыхъ линій, кв. 61.**

Гг. иногородныхъ просятъ деньги высылать исключительно въ *контору*.

ЗА ПОДПИСКУ ВЪ ДРУГИХЪ МѢСТАХЪ РЕДАКЦІЯ НЕ ОТВѢЧАЕТЪ.

Контора открыта ежедневно отъ 11 часовъ утра до 4 часовъ дня.

Оставшіеся экземпляры изданія прошлаго 1880 года продаются по 8 рублей, а съ пересылкой—по 10 рублей за годъ.

О перемѣнѣ адреса сообщается редакціи своевременно, не позже 20 числа каждаго мѣсяца, причемъ слѣдуетъ обозначить напечатанный на старомъ адресѣ нумеръ.

При переходѣ городскихъ подписчиковъ въ иногородные доплачивается 1 р. 50 к., изъ иногородныхъ въ городскіе—50 к., изъ городскихъ или иногородныхъ въ заграничные—недостающее до цѣны, назначенной для иностранныхъ подписчиковъ.

Жалоба на неполученіе какой-либо книги журнала препровождается въ редакцію съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ нумера и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книга журнала дѣйствительно не была получена конторой. По распоряженію почтоваго вѣдомства, жалобы должны быть сообщаемы редакціи не позже полученія слѣдующей книги.

Редакція открыта ежедневно отъ *часа до трехъ* пополудни, кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней. Лицъ, представляющихъ рукописи, редакція проситъ сдавать ихъ **исключительно** секретарю редакціи, который выдаетъ въ принятіи оныхъ установленныя квитанціи; въ противномъ случаѣ редакція за сохранность рукописей не отвѣтствуетъ. Доставляемыя рукописи должны быть четко написаны, подписаны авторомъ и снабжены его адресомъ, а также указаніемъ размѣра желаемаго гонорара. При невыполненіи послѣдняго условія разсчетъ производится редакціей по ея усмотрѣнію.

На прочтеніе редакціей поступившихъ къ ней рукописей полагается срокъ отъ *двухъ недѣль* до *трехъ мѣсяцевъ*, по истеченіи котораго рукописи, къ помѣщенію въ журналъ не принятыя, сохраняются редакціей въ продолженіи года, за исключеніемъ тѣхъ, размѣръ коихъ менѣе шести листовъ писчей бумаги; послѣдвія храненію и возвращенію не подлежатъ.

Отсылка рукописей по почтѣ производится не иначе, какъ по предварительной уплатѣ редакціи почтоваго расхода деньгами или марками, причемъ отправку простыми письмами редакція на себя не принимаетъ.

На всякаго рода запросы редакція отвѣчаетъ только въ томъ случаѣ, если для этого приложена почтовая марка.

Принимаемыя для помѣщенія въ журналѣ произведенія и статьи подлежатъ, въ случаѣ надобности, сокращенію и исправленію.

Редакторъ **С. А. Юрьевъ.**

Редакторъ-издатель **В. М. Лавровъ.**

5